

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

США

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Annotation

Соединенные Штаты Америки появились на политической карте мира сравнительно недавно, однако за два с половиной столетия своего существования эта страна сделалась основным игроком на мировой шахматной доске, потеснив многих «колоссов прошлого». О том, как осваивали Американский континент, как имперские колонии сражались за независимость и воевали за права человека, как создавалось и приумножалось национальное богатство и как появилась на свет нынешняя Америка – обо всем этом и о многом другом рассказывается в этой книге.

- [Дэниел Макинерни](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Земля](#)
 - [Коренное население](#)
 -
 - [Культура коренного населения](#)
 - [История открытия Америки европейцами](#)
 -
 - [Испанские исследовательские экспедиции и колонизация Америки](#)
 - [Французские и Голландские притязания](#)
 - [Английское вторжение и колонизация](#)
 - [Особенности общественно-экономической жизни в английских колониях](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Колониальное общество в XVIII столетии](#)
 - [Колониальная политика в XVIII веке](#)

- [Колониальная экономика в XVIII веке](#)
- [Вопрос Кревекера](#)
- [Напряжение назревает](#)
- [Причины колониальной реорганизации](#)
- [Обновленная Британская империя, 1763–1772 годы](#)
- [От сопротивления к открытому восстанию, 1773–1775 годы](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Начало освободительной войны](#)
 - [Конфликт в Новой Англии, 1775–1776 годы](#)
 - [Конфликт в среднеатлантических колониях, 1776–1778 годы](#)
 - [Конфликт на Юге, 1778–1781 годы](#)
 - [Парижский мир, 1783 год](#)
 - [Формирование системы управления](#)
 - [Статьи Конфедерации](#)
 - [Конституция США](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Предпосылки политического равновесия](#)
 - [Причины политического разделения](#)
 - [Зарождение политических партий](#)
 - [Политические бури 1790-х годов](#)
 - [Последняя попытка федералистов](#)
 - [Джефферсоновская политическая «революция»](#)
 - [Коммерция, колонизация и внешняя политика](#)
 - [Война 1812 года](#)
 -
 - [Последствия войны 1812 года](#)
 - [Республиканское наследие](#)
 - [Новое лицо американской политики](#)
 -

- [Вторичное изобретение политических партий](#)
- [«Демократия» по Джексону](#)
- [Джексонская политика](#)
- [Глава 5](#)
 - [Новый экономический порядок](#)
 - [Дикий Запад и его колонизация](#)
 - [Усовершенствование транспортной системы](#)
 - [Развитие мануфактур](#)
 - [Иммиграция](#)
 - [Урбанизация](#)
 - [Последствия становления новой экономики](#)
 - [Тяга к реформам на Севере](#)
 - [Движение трезвенников](#)
 - [Общественные институты](#)
 - [Движение за отмену рабства](#)
 - [Права женщин](#)
 - [Утопические сообщества](#)
 - [Рабовладельческий Юг](#)
 - [Земля хлопка](#)
 - [Развитие института рабства](#)
 - [Рабство и жизнь на юге](#)
 - [Мир рабов](#)
- [Глава 6](#)
 - [Культурная колония](#)
 - [Формирование новых стандартов в культуре](#)
 - [Литература](#)
 - [Живопись](#)
 - [Религия](#)
- [Глава 7](#)
 - [Мексиканская война](#)
 - [Компромисс 1850 года](#)

- - Хижина дяди Тома
 - Мечты об экспансии
 - Гражданская война в Канзасе
 - Дело Дреда Скотта
 - Рейд Джона Брауна
 - Выборы 1860 года
 - Разъединение штатов
 - Гражданская война: сецессия Южных штатов
 - Форт Самтер
- Глава 8
 - - Причины гражданской войны
 - Сильные и слабые стороны противников
 - Пересмотр стратегии
 - Течение войны
 - 1861 год
 - 1862 год
 - Освобождение
 - 1863 год
 - 1864 год
 - Солдатская жизнь
 - 1865 год: завершение войны
 - Проблемы реконструкции
 - - Федеральное правительство и реконструкция
 - Освобожденные рабы и реконструкция
 - Конец реконструкции
 - Глава 9
 - - Партийный баланс
 - Правительственные ограничения
 - - Ограничения деятельности правительства

- [Подъем крупного бизнеса](#)
- [Урбанизация](#)
- [Иммиграция](#)
- [Последствия](#)
- [Фермеры и рабочие](#)
- [Прогрессизм](#)
 - [Содержание реформы прогрессистов](#)
 - [Суфражистское движение](#)
 - [Реформа прогрессистов и афроамериканцы](#)
 - [Национальный прогрессизм Теодора Рузвельта](#)
 - [Национальный прогрессизм Вудро Вильсона](#)
- [Глава 10](#)
 - [У себя дома: изменения в индейской политике](#)
 - [Американские интересы за рубежом](#)
 - [Американцы за границей, 1890-1914 годы](#)
 - [Накануне Первой мировой войны, 1914-1917 годы](#)
 - [Участие Соединенных Штатов в войне, 1917-1918 годы](#)
 - [Домашний фронт](#)
 - [Битва за мир](#)
- [Глава 11](#)
 - [Политическое отступление от прогрессизма в 1920-х годах](#)
 - [Культурные противоречия 1920-х годов](#)
 - [Экономический подъем](#)
 - [Экономический спад](#)
 - [Масштабы депрессии](#)

- [Реакция президента Гувера](#)
 - [Реакция президента Рузвельта](#)
 - [Первый «новый курс», 1933-1935 годы](#)
 - [Второй «новый курс», 1935-1939 годы](#)
- [Глава 12](#)
 - [Взгляды на иностранную политику в 1930-х годах](#)
 - [Отношение к вопросу об участии в войне](#)
 - [Вступление США в войну](#)
 - [Объединенные усилия](#)
 - [Война в Европе](#)
 - [Война на Тихом океане](#)
 - [Война у себя дома](#)
 - [Экономика](#)
 - [Общество](#)
 - [Истоки холодной войны](#)
 - [Горячие точки планеты, 1945-1953 годы](#)
 - [Политика сдерживания президента Эйзенхауэра, 1953-1961 годы](#)
- [Глава 13](#)
 - [Послевоенный бум](#)
 - [Причины экономического бума](#)
 - [Результаты демобилизации](#)
 - [Последствия военной реорганизации](#)
 - [Последствия политики сдерживания](#)
 - [«Красная истерия»](#)
 - [Проведение в жизнь военной доктрины: годы Кеннеди](#)
 - [Продолжение Вьетнамской войны, 1964-1968 годы](#)
 - [«Соглашения» вьетнамской войны, 1968-1975 годы](#)
 - [Америка после Вьетнамской войны](#)

- [Государство всеобщего благосостояния: вопросы внутренней политики](#)
- [«Справедливый курс» президента Трумэна](#)
- [Эйзенхауэр и правительственные «обязанности»](#)
- [Кеннеди и «новые рубежи»](#)
- [«Великое общество» Джонсона](#)
- [«Новый федерализм» Никсона](#)
- [Форд, Картер и ослабление института президентства](#)
- [Голоса Америки: афроамериканцы](#)
- [Латиноамериканцы и индейское население](#)
- [Возрождение женских движений](#)
- [Молодежная культура](#)
- [Глава 14](#)
 -
 - [Консерватизм конца XX века](#)
 - [«Утро в Америке»: рейгановская политика](#)
 - [Результаты рейгановской внутренней политики](#)
 - [Последствия рейгановской внешней политики](#)
 - [Президент Буш и новый мировой порядок](#)
 - [Слабость внутривластного положения](#)
 - [Триумф центра: президентство Клинтона](#)
 - [Внешняя политика в 1990-х годах](#)
- [Заключение](#)
- [Приложения](#)
 - [Список использованных источников](#)
 - [Президенты Соединенных Штатов](#)
 - [Рост населения по десятилетиям](#)
 - [Хронология основных событий](#)
 - [Дополнительная литература](#)
 - [Источники сети Интернет](#)
 -
 - [Общеисторические ссылки](#)

- [Общие ссылки для путешественников](#)
 - [Служба национальных парков:
www.nps.gov/index.html](#)
 - [Национальный реестр исторических мест](#)
 - [Объекты Всемирного наследия в США](#)
 - [Природная среда](#)
 - [Живая история](#)
 - [Историко-географический справочник](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Дэниел Макинерни США: История страны

Ре, с любовью

Глава 1

Исконная земля, коренное население и пришлые народы

Автор данной книги решительно отходит от устоявшегося видения раздробленной Америки, которую долгие годы трактовали как пеструю смесь изолированных народов, живущих бок о бок на обширной, богатой ресурсами территории. Вместо того он предлагает образ единой многоликой страны, объединяющей в своих границах разнообразные культуры, обитающие на огромной и изобильной земле.

Земля

Государство под названием Соединенные Штаты Америки раскинулось на гигантской территории в 3,5 млн кв. миль, что составляет 6 % от всей площади земной поверхности. Эта территория, отличающаяся чрезвычайным разнообразием географических диапазонов, соизмерима с площадью всей Европы. Виргиния и Северная Каролина – всего два из первоначально объединившихся тринадцати американских штатов – по своим размерам перекрывают Соединенное Королевство; все японские острова можно втиснуть в границы Калифорнии; а государство Ирландия по площади соответствует Южной Каролине (которая по величине занимает всего лишь сороковое место среди пятидесяти штатов Америки). Достаточно сказать, что крупнейший округ в 48 «нижних»^[1] штатах, Калифорнийский Сан-Бернардино, почти вдвое больше Бельгии.

Континентальная часть Соединенных Штатов протянулась на 3 тыс. миль – от Тихого до Атлантического океанов. Река Миссисипи с притоками занимает по своей протяженности третье место в мире – после Нила и Амазонки. Американские Великие озера представляют собой крупнейший на Земле резервуар пресной воды; озеро Верхнее, которым США владеют совместно с Канадой, является вторым по величине (после Каспийского моря) замкнутым водоемом. Водопады Йосемитского национального парка в Калифорнии входят в десятку высочайших на планете.

На всей этой великолепной территории проживают 270 млн человек. И хотя это менее 5 % от общего населения Земли, все же США занимают третье место по численности населения – после Китая и Индии.

Правда, распределено население далеко не равномерно: американцы тяготеют к скученности – почти треть всего населения проживает в десяти крупных городских конгломератах. По сути, 80 % жителей США – горожане. В результате огромные пространства остаются незаселенными. Средняя плотность населения по стране составляет 74 человека на квадратную милю. Это больше, чем в Австралии или Бразилии, но почти вдвое меньше, чем, скажем, в Мексике. По данному показателю Франция в 4 раза опережает США, Китай – в 5 раз, а Соединенное Королевство – и вовсе в 8 раз.

Удивителен разброс достопримечательностей, расположенных на территории Соединенных Штатов. Так, в Калифорнии находится национальный парк «Секвойя», где произрастают гигантские деревья, возраст которых исчисляется в 3 тыс. лет. В то же время в состав страны входят Гавайские острова – сравнительно молодое геологическое образование, возникшее в результате вулканической деятельности примерно 50 млн лет назад. Мыс Барроу на Аляске (самую северную точку государства) отделяет 6 тыс. миль от Ка Лае на Гавайях – соответственно, самой южной точки Соединенных Штатов. Чтобы попасть из самой восточной точки страны, находящейся в Мэне, в самую западную, также расположенную на Гавайях, придется пересечь 7 часовых поясов и преодолеть 5400 миль, что составляет более одной пятой окружности земного шара. На территории государства располагаются и самая высокая, и самая низкая точки Северной Америки: это гора Мак-Кинли (она же Денали) на Аляске, возвышающаяся на 20 320 футов над уровнем моря, и Долина Смерти в Калифорнии, лежащая на 282 фута ниже уровня моря. Именно в Долине Смерти в 1913 году была зафиксирована вторая в мире по высоте температура, составлявшая 134° по

Фаренгейту (57° по Цельсию). А в 1971 году в Проспект-Крик на Аляске отмечена температура -80° по Фаренгейту (-62° по Цельсию) – пятое место в зафиксированной мировой практике. Соединенным Штатам принадлежит также рекорд по количеству дождевых осадков в минуту и по количеству снега, выпавшего за месяц.

Подобные крайности неувидительны для страны с таким разнообразием климата и ландшафта. На бескрайних просторах США можно найти и полярную тундру, и тропические джунгли, а также практически все, что находится между этими экстремальными природными зонами: морской климат (на Западном побережье), средиземноморский, горный и умеренный. В Америке есть засушливые и полузасушливые регионы, прибрежные равнины, луга, леса, пустыни и заболоченные территории.

Если встать на уровне моря под Техасом и посмотреть на континентальную часть Соединенных Штатов в профиль, то просматривается некое подобие каната, соединяющего две одинаковые башни подвесного моста. Начинаясь с уровня моря на Тихоокеанском побережье, линия круто взбирается вдоль западного горного хребта, затем резко идет на спад в области обширной центральной равнины, вновь резво взбегаёт на восточные горы и, наконец, вновь спускается до уровня моря на равнинной части Атлантического побережья.

Западное побережье быстро вздымается от уровня океана к горным пикам. Изрезанная береговая линия образует всего лишь несколько удобных гаваней – таких как Сиэтл, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и Сан-Диего. Каскадные горы и горы Сьерра-Невада – вместе с Береговым хребтом – начинаются от самого побережья и углубляются внутрь материка на 200 миль, достигая высоты 14 тыс. футов. Горные хребты перемежаются

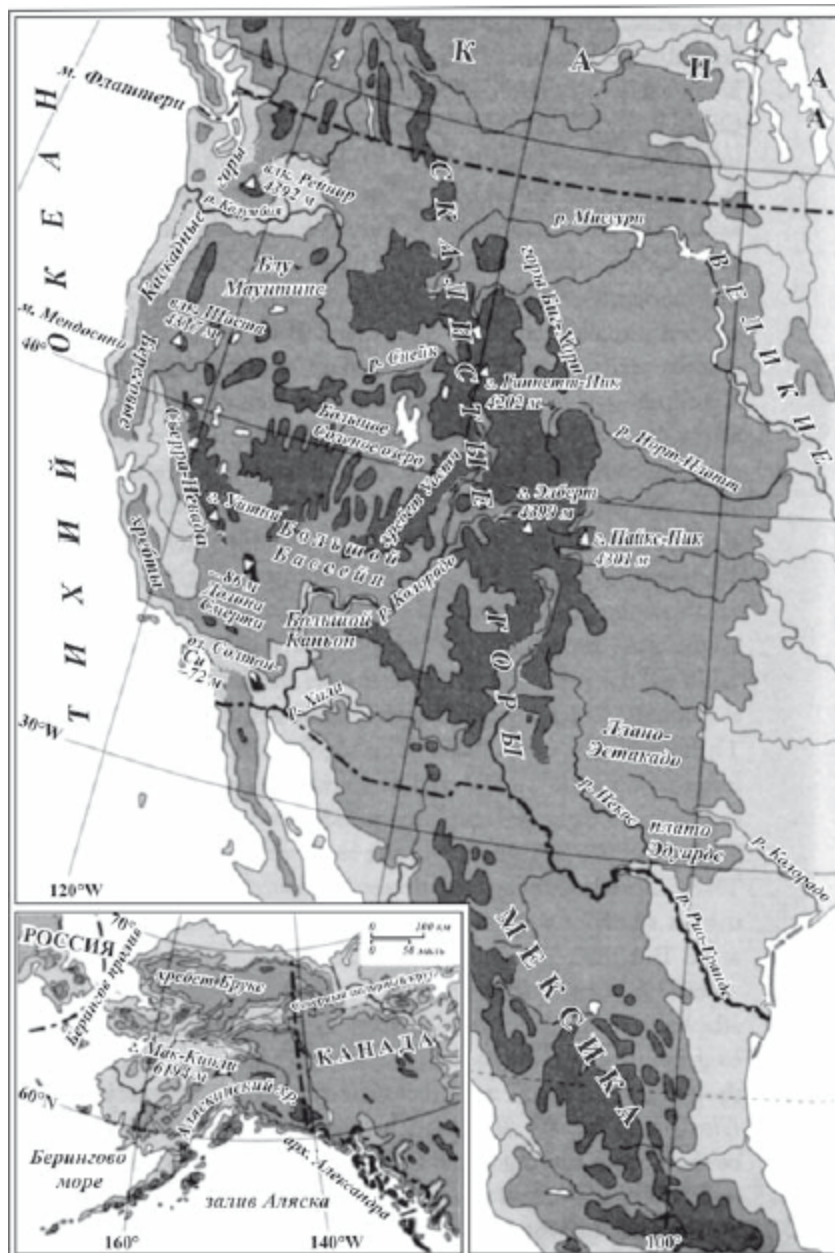
долинами. Три главные долины – Вилламетт в Орегоне, долина Империял в Южной Калифорнии и Центральная долина, пролегающая посередине Калифорнии. Климат Западного побережья удивительно разнообразен – от влажного и умеренного (в северо-западной части Тихоокеанского побережья) до сухого и теплого (в Калифорнийском «Средиземноморье»). В Южной Калифорнии количество атмосферных осадков заметно уменьшается, образуя полузасушливую зону, которая превращается и вовсе в знойную пустыню по мере продвижения в глубь материка. В восточной части штатов Вашингтон и Орегон, в подветренной части Каскадных гор также преобладает полузасушливый климат. А стоит удалиться на 50-150 миль от береговой линии, как вы попадаете в длинную полосу горного климата.

К востоку от Каскадных гор и Сьерра-Невады, к западу от Скалистых гор и к югу от Колумбийского плато раскинулась местность, именуемая Большим Бассейном. На самом деле правильнее говорить о трех бассейнах, разделенных тянущимися с севера на юг горными кряжами. Самый восточный из этих бассейнов (покрывающий большую часть штата Юта) находится там, где в доисторические времена плескалось огромное озеро Бонневиль. Оно относилось к числу «терминальных», т. е. не имевших стока в море. Все, что осталось сегодня от древнего гиганта, – это Большое Соленое озеро, занимающее примерно одну десятую часть былой площади. Территория Большого Бассейна приподнята в среднем на высоту 3-4 тыс. футов над уровнем моря. Засушливые, обезображенные эрозией земли отличаются к тому же неприятным климатом: летом в дневные часы здесь царит удушающий зной, но к ночи, как правило, резко холодает. Пустынный, однообразный ландшафт придает местности суровый и даже драматический характер. Расположенные к югу от

Бассейна плато Колорадо и пустыни Аризоны и Нью-Мексико тоже не могут похвастаться благоприятным климатом. Но это компенсируется великолепными, головокружительными пейзажами. Плоская пустыня превращается в феерическое зрелище, когда расцветается всеми цветами радуги благодаря местной флоре, успешно приспособившейся к засушливым условиям существования. Для многих поколений кинозрителей скалы-останцы Долины Монументов стали символом американского Дикого Запада – особенно для тех, кто помнит фильмы Джона Форда «Дилижанс», «Искатели», «Моя дорогая Клементина». Незабываемы окрестности Большого Каньона, прорезанного течением неистовой Колорадо. Живописное ущелье глубиной в милю и шириной в 4-18 миль тянется на 200 миль.

С востока Бассейн обрамлен Скалистыми горами, где царит субарктический и высокогорный альпийский климат. Являясь частью горной системы Кордильер, протянувшейся от Аляски до самой Южной Америки, Скалистые горы скрывают в своих недрах такие полезные ископаемые, как медь и свинец. Однако главное богатство здешних мест – это уникальные национальные парки, такие как Глейшер и Йеллоустон. Высочайшая точка Скалистых гор (в пределах 48 «нижних» штатов) – гора Элберт в штате Колорадо, имеющая высоту 14 400 футов. Негостеприимные на вид горные склоны таят тем не менее горные проходы и тропы, которые ведут на Западное побережье. Именно этими путями двигались первые переселенцы на своих крытых повозках. Со временем тропы сменили железнодорожные пути и автостреды для любителей путешествовать по всем штатам. По гребню Скалистых гор через штаты Монтана, Вайоминг, Колорадо и Нью-Мексико проходит Континентальный водораздел. Он отделяет реки, несущие свои воды в Тихий океан, от

тех, что впадают в Атлантический и Северный Ледовитый океаны.

Реки, текущие на восток, попадают на огромную V-образную центральную равнину или низменность, расположенную между двумя главными горными цепями Америки. Реки Миссури, Платт, Арканзас и Ред-Ривер бегут с отрогов Скалистых гор; Огайо спускается с Аппалачей. Все эти пять рек последовательно впадают в самую могучую водную магистраль – Миссисипи, которая по всей своей длине – до Нового Орлеана – используется для транспортировки полезных

ископаемых, зерна, хлопка и тонн ила. Между Миссури и Огайо располагаются плоские плодородные земли. Северо-западную часть этой территории некогда покрывали густые леса. Пространство на запад от Индианы и на юг до Северного Техаса занимали покрытые густой травой безлесные степи – так называемые прерии. На западе от Миссури тянутся Великие Равнины – травянистые земли с полузасушливым климатом, которые постепенно повышаются в западном направлении. Если говорить о центральной части страны, то ее западные регионы отличаются неустойчивым количеством осадков и резким перепадом зимних и летних температур. На севере и на востоке количество выпавших осадков более стабильно, но климат здесь более влажный, летом царит зной, а зимой морозы. Южные районы защищены от проникновения холодных арктических масс, но за мягкие зимы приходится платить жарким и влажным летом.

Аппалачские горы пересекают страну по диагонали с северо-востока на юго-запад, вдоль границы центральной равнины. Эти горы более старые, чем Скалистые, а потому они и вполтину не такие высокие, крутые и обрывистые, как западные хребты. Аппалачи славятся не только своими живописными пейзажами и народными преданиями, они также богаты залежами каменного угля, который в девятнадцатом столетии начал активно использоваться как на производстве, так и в домашнем хозяйстве. Подножие гор, или «Пидмонт», представляет собой окаймляющее плато, которое тянется от Нью-Джерси до Алабамы и является средоточием богатых и плодородных почв. К северу от Нью-Джерси земля становится более каменистой, слой плодородной почвы истончается, и фермерское дело требует немалых усилий от местных жителей. Пострадавший от ледников Нью-Йорк, по крайней мере,

имеет реку Гудзон с расположенным в устье островом Манхэттен; Новая Англия вознаграждена наличием удобных портов вроде Бостона. Таким образом, жители северо-востока компенсировали свои неудачи в сельском хозяйстве успехами в морской торговле.

Атлантическое побережье обладает природными возможностями, о которых жители Тихоокеанского побережья, увы, могут только мечтать: от Нью-Джерси до Техаса простирается прибрежная равнина с плодородной почвой, обеспечивающей богатые урожаи фермерам и плантаторам. А водные магистрали, тянущиеся от Аппалачских гор до самой Атлантики, позволяют перевозить необходимые товары. Река Делавэр и Чесапикский залив решают транспортную проблему в верхних регионах, на юге эту роль играют реки Джеймс, Йорк, Купер, Эшли, Саванна и Алабама. Такие города, как Филадельфия, Балтимор, Норфолк, Чарлстон, Саванна и Мобил, выросли именно на берегу залива и в устьях этих рек. Помимо того прибрежная равнина обладает еще одним преимуществом, которое по достоинству сумели оценить лишь в двадцатом столетии. Речь идет о замечательных пляжах, которые привлекают на Атлантическое побережье множество туристов и отдыхающих. Близость океана не только обеспечивает живописный ландшафт местности, но и позволяет горожанам спастись от душного и жаркого лета. Зимы в данном регионе сырые и промозглые. Довольно холодные на севере прибрежной равнины, они смягчаются по мере продвижения на юг. Особенно приятен в этом отношении штат Флорида. В полном соответствии с посулами рекламы он предстает поистине райским уголком, позволяющим переждать неприятную зиму в условиях тропического климата.

Окинем взором бескрайние просторы Соединенных Штатов. Равнинное побережье Атлантики, далее за зеленеющими хребтами Аппалачей раскинулась

центральная житница страны. Преодолев крутые Скалистые горы и суровую местность Бассейна, мы попадаем на изрезанный берег Тихого океана – целая вереница различных ландшафтов. Разнообразие природных зон США вполне соответствует социальному многообразию населения страны. Это государство, составленное из множества различных земель; нация, произрастающая из целого сонма различных культур.

Коренное население

История Америки – это, по сути, история иммиграции. Статистика подтверждает, что на начало нового, двадцать первого столетия 10 % всех американцев родились за пределами страны. Большая часть этих людей приехала в Штаты из Западного полушария. Второй по численности поток переселенцев – из Азии, откуда, вполне вероятно, появились первые американские иммигранты.

В конце 1990-х годов возникла дискуссия о происхождении и путях проникновения в Америку первых переселенцев. На основе раскопок, проводившихся в Чили и на востоке США, некоторые ученые заключили, что первые мигранты (из Азии и, возможно, Европы) пришли морским путем, двигаясь вдоль западного или восточного побережья Америки примерно 16 тыс. лет назад. В противовес этой точке зрения существует основополагающая теория о заселении Америки охотниками из Восточной Сибири, которые пришли по заснеженной равнине, якобы существовавшей на месте Берингова пролива 12 тыс. лет назад и соединявшей Азию с Северной Америкой. В ходе последующего таяния ледников остался сухопутный коридор, который вел из Северной Аляски через северо-запад Канады в область современных Дако.^[2] Группы пришельцев перемещались по территории Северной Америки и к 8 тыс. до н. э. продвинулись до самой оконечности Южной Америки. К тому времени севернее Рио-Гранде уже проживали 4-12 млн человек, а совместное население Северной и Южной Америк составляло 40-110 млн человек.

Кочевые охотничьи племена «палеоиндейцев» бродили в поисках добычи по всему полушарию с 10-9

тыс. до н. э. Их потомки, «архаичные индейцы», в период 8–1,5 тыс. до н. э. уже представляли собой охотников-собирателей, занимавшихся примитивным земледелием. Их питание отличалось большим разнообразием, и население быстро росло. Большинство этих архаичных племен мигрировало, но некоторые группы создавали крупные оседлые поселения. Сельскохозяйственные традиции, зародившиеся 7 тыс. лет назад в Западном полушарии, к 3,5 тыс. до н. э. достигли и Северной Америки. Считается, что к XV веку до н. э. они распространились на северо-западе нынешних Соединенных Штатов, а ко II веку н. э. достигли юго-восточных регионов. Древние земледельцы выращивали маис (кукурузу), картофель, бобы, тыкву и томаты. Со временем урожаи стали устойчивыми, появилась возможность прогнозировать обеспечение племени продуктами питания. В результате поселения приобрели постоянный характер, численность проживающих выросла, а культура заметно усложнилась. Вместе с тем расширялся торговый обмен между отдельными племенами. Еще одним следствием развития сельского хозяйства стало изменение статуса женщин в жизни племени. Зачастую именно они обрабатывали поля, в некоторых группах женщины являлись собственниками земельных участков и орудий труда. С течением времени во многих общественных структурах установился порядок наследования по женской линии, женщины играли важную роль в принятии политических решений.

После 1500 года до н. э. развились достаточно сложные и зрелые культуры, особенно в Центральной и Южной Америке. К таковым следует отнести ольмеков на южном побережье Мексиканского залива, майя на полуострове Юкатан, ацтеков (или мешиков) в центральной и южной части Мексики, а также инков в Перу. Эти племена имели собственную письменность,

были знакомы с математикой и астрономией, строили крупные города, в которых проводили сложные религиозные ритуалы. В столице ацтеков, городе Теночтитлан, располагавшемся на месте современного Мехико, проживали 100-200 тыс. человек, что делало его одним из крупнейших городов мира.

Большой Змеиный курган

Индейские племена, проживавшие на территории сегодняшних Соединенных Штатов – а именно, в долинах рек Иллинойс, Огайо и Миссисипи, – также создали ряд крупных, масштабных сообществ. Они получили название «строителей курганов», поскольку возводили земляные конструкции высотой 20-70 футов и площадью в несколько квадратных миль. Эти постройки – естественных и сложных геометрических форм – служили разнообразным религиозным целям. Примерно 3,5 тыс. лет тому назад одна из таких культур процветала в местечке, ныне известном под названием Поверти-Пойнт на северо-востоке Луизианы. Ее представители возвели ряд сложных курганов – полукруглой, конической формы и в виде птиц – в окружении земляных насыпей. Все эти постройки были

сконцентрированы в древнем городище, являвшемся центром торговли кварцем, медью и горным хрусталем. Им наследовала более поздняя культура Адена-Хоупвелл, распространившаяся на обширной территории в долинах рек Иллинойс и Огайо в период V век до н. э. – IV век н. э. На плато южного Огайо в 60 милях от Цинциннати прекрасно сохранился образец творчества Адена – «Змеиный курган» длиной в четверть мили.

Представители миссисипской культуры создали город Кахокия в Иллинойсе (к востоку от современного Сент-Луиса), который на пике своего развития в XII веке представлял собой крупный торговый и культурный центр площадью 6 кв. миль и населением 20-40 тыс. человек.

Приблизительно в то же время представители культуры анасази воздвигли на юго-западе целый ряд городов – торговых, общественных и религиозных центров. Эта культура возникла в I веке н. э. в районе «четырех углов» – месте, где сейчас сходятся 4 современных штата: Юта, Аризона, Нью-Мексико и Колорадо. В период с 900-х по 1200-е годы анасази создали свои самые замечательные творения, остатки которых можно наблюдать и по сей день. К таковым строениям относится Меса Верде на юго-западе Колорадо. С 500-х по 1200-е годы древние индейцы обитали в довольно примитивных условиях – в пещерах и простейших строениях. Но в XII-XIII веке анасази возвели в Меса Верде крупные, расположенные в несколько этажей и разделенные на отдельные «квартиры» жилые комплексы, получившие название *пуэбло*. Располагались они на склонах и уступах каньона. Крупнейшее из этих строений, Клифф Плейс, содержало свыше 150 комнат и более 20 кив,^[3] использовавшихся в ритуальных целях. В 1100-1200-х

годах анасази создали еще один потрясающий комплекс подобных жилищ в Каньоне де Челли на северо-востоке Аризоны, где индейцы проживали с IV века. В каньоне Чако на северо-западе Нью-Мексико обнаружен культовый центр анасази, включающий дюжины каменных конструкций с десятками комнат. Самым крупным строением считается 4-этажный Пуэбло-Бонито, в котором имелось 600 комнат. Сложная система великолепно отстроенных дорог связывает Чако с 75 другими аналогичными комплексами, расположенными в том же регионе.

Некоторые из них удалены более чем на 60 миль. По невыясненным причинам – возможно, из-за засухи или войны – к концу XIII столетия анасази покинули свои разветвленные каменные города.

В отличие от «строителей курганов» и анасази – авторов сложных инженерных проектов, – большинство племен, обитавших на территории современных Соединенных Штатов, стояли на более низком уровне развития. Это были небольшие кочевые группы, которые перемещались с места на место в поисках пищи. В основе их организации лежало кровное родство, между собой племена поддерживали обменно-торговые отношения. И повсюду на континенте образ жизни и циклы активности людей в значительной степени определялись теми условиями, в которых им приходилось существовать. Вопреки распространенному мифу, индейцы отнюдь не являлись «поклонниками природы», существовавшими в пассивной гармонии с окружающим их ландшафтом. Они (подобно любым человеческим сообществам) активно воздействовали на природную среду, развивали, а временами и варварски истощали ее ресурсы.

Клифф Плейс, Национальный парк Меса Верде

К моменту встречи с европейцами племена Вудленда^[4] занимали обширную область на северо-востоке и юго-востоке континента. Они говорили на различных языках (на северо-востоке использовался алгонкинский и ирокезский, на юго-востоке мускогский). Источником пропитания для них служила окружающая среда, а именно: леса, поля, реки и океан. Как правило, племена расселялись в деревнях вдоль водных магистралей региона. Основным видом деятельности являлись охота, рыбная ловля, земледелие и собирательство. Многие из северо-восточных племен совершали сезонные миграции. На юго-востоке преобладал более оседлый образ жизни, поселения здесь были крупнее, с более сложной общественной и политической системой.

Великие Равнины предоставляли большой простор для расселения кочевых племен. Источником пропитания шайенов, команчей, тетон сиу и других индейских племен являлась охота на крупную дичь, в основном на бизонов. От охотников требовалась большая выносливость, поскольку в погоне за добычей им приходилось совершать длительные пешие переходы. Лишь в ходе испанской колонизации

индейцы познакомились с таким животным, как лошадь. Некоторые из равнинных племен, например манданы и павни, предпочитали селиться в долинах рек и заниматься земледелием.

Племена Большого Бассейна охотились на мелкую и среднюю дичь. Дополнительным источником питания для них являлись орехи и семена. Шесть или семь столетий назад на этой негостеприимной, засушливой земле объявились юты, пайюты и шошоны. Они вынуждены были перенять образ жизни местных коренных народов: объединялись в маленькие подвижные группы и занимались охотой и собирательством.

Засушливый юго-запад также стал домом для ряда индейских племен. Хопи и зуны являлись потомками анасази; племена пима и папаго вели свое происхождение от культуры Хохокам, развивавшейся в Южной Аризоне в III веке до н. э. Земледельческие общины научились контролировать столь необходимые для сельского хозяйства водные ресурсы: они рыли каналы, строили дамбы и целые ирригационные системы. В 1200-х годах сюда вторглись с севера воинственные племена атапасков (или атабасков), которые занятию земледелием предпочитали охоту и собирательство. Их потомки ныне известны как племена апачей и навахо.

Все Тихоокеанское побережье – от северо-запада до Калифорнии – было заселено племенами, которые находились в гораздо более благоприятных условиях по сравнению со своими континентальными соседями, например с племенами Большого Бассейна. Щедрый океан, а также множество рек, ручьев и лесов предоставляли богатые и стабильные источники пропитания. Поэтому неудивительно, что плотность населения здесь была значительно выше. На побережье обнаружено множество более или менее

долговременных поселений. Поскольку земля и океан обеспечивали большинство потребностей местных жителей, у них не возникало стимула к развитию земледелия. Прибрежные жители предпочитали по-прежнему вести жизнь охотников-собирателей.

Племена инуитов (эскимосов) и алеутов, проживавшие в полярных и предполярных областях, охотились на морских млекопитающих, таких как тюлени и киты. Племена инуитов и кри, жившие дальше на юг и восток (то есть в северных районах нынешней Канады), кормились охотой на карибу и американского лося. Гавайи оставались незаселенными до 300-х годов, пока сюда не добрались путешественники с Маркизовых островов.

Культура коренного населения

Трудно дать обобщенную характеристику весьма богатой и разнообразной культуры индейских племен, с которыми столкнулись прибывшие в Америку европейцы. Однако хочется выделить два важных факта, общих для всех «аборигенов», которые до 1492 года проживали на территории современных Соединенных Штатов.

Один из основополагающих принципов индейской культуры заключался в том, что община занимала исключительно важное место в жизни каждого ее члена. Формируя представление о своей личности, каждый индеец основывался не столько на понятии собственного эго, сколько на образе всего племени. Расширенные узы семейного и кланового родства определяли место каждого человека как в прошлом, так и в настоящем. Они же служили базисом для общественной и политической организации племени. Характерный паттерн «взаимности», присущий

большинству индейских культур, укрепляет чувство связанности и взаимозависимости внутри каждого сообщества. Методы воспитания, основанные на принципе «стыда», также укрепляют ответственность отдельного индивида перед группой. Идеалы порядка и равновесия ориентированы на то, чтобы сохранять баланс между элементами сообщества. А концепция общинного владения землей укрепляет веру в то, что природные ресурсы должны служить всему народу, а не отдельным его представителям.

Следующий важный принцип индейской культуры связан с повышенной ролью религии. Индейцы верили, что их окружает одушевленный мир. Духовная энергия была отчасти сосредоточена во внешнем мире, концентрируясь в созидательных, руководящих силах предков, которые охраняли племя. Но частично она заключалась и в самом сообществе, развиваясь благодаря размышлениям и видениям отдельных его членов и усиливаясь за счет равновесия с окружающим миром. Подобные силы были «совместными», поскольку являлись результатом коллективной духовности племени. Поскольку все вокруг было пропитано духом, то мельчайшие оттенки переживания могли приобретать экстраординарное значение. Индейцы часто придавали большое значение определенным деталям окружающего ландшафта. Так, например, форма замкнутого круга обычно приобретала особое духовное звучание. Представители племени хопи связывали основные жизнеутверждающие принципы с желтым цветом зерна кукурузы.

Религия индейцев не была монотеистической: их вселенную населяло множество богов. Каждое племя поклонялось своим божествам и было связано с ними особыми, только им присущими связями. В результате ни одна из религий (какого-либо отдельного племени) не претендовала на универсальность – так сказать, на

все времена, на все случаи жизни. Каждая религия апеллировала к одному народу, к одному времени и месту.

Индейцы, проживавшие к северу от Рио-Гранде, не имели собственной письменности. Естественно, они не изучали «священного писания», не озвучивали священных текстов. Все свои традиции они передавали при помощи устного творчества. Не письменное, а устное слово служило для сохранения сути верований племени. Ничего удивительного, что в таких условиях старейшины общины пользовались исключительным уважением и почитанием, когда дело касалось религиозных традиций. Ведь их возраст, опыт и память помогали сохранить традиции и верования племени.

Религиозная жизнь предполагала большое количество ритуалов. Этапы жизни, смена времен года, циклы экономической активности – все служило подходящим поводом для проведения соответствующих духовных церемоний. Обычно они проходили под управлением шаманов, носителей духовности племени. Благодаря этим празднествам и ритуалам можно было воззвать к богам, попросить о помощи, выразить благодарность, умиротворить божество, получить совет, устранить причину бедствия, наладить отношения и восстановить заведенный порядок. Элементами ритуалов являлись молитвы, песни, пляски, рассказанные вслух истории и костюмы установленного образца. Все эти формы религиозной жизни носили характер строго регламентированных представлений (одни члены племени участвовали в них, другие наблюдали) и являлись частью повседневной жизни.

Индейская духовность – богатая, выразительная, апеллирующая к памяти поколений – виделась прибывшим европейцам какой угодно, но только не «религиозной». Анимистический характер верований, политеизм – все это в глазах христианских

колонизаторов ставило индейцев на одну ступень с язычниками. Отсутствие письменного Божьего слова, по мнению европейцев, свидетельствовало об отсталости индейской религии. Однако теологические расхождения были далеко не единственной областью конфронтации коренной культуры и культуры пришлых европейцев.

История открытия Америки европейцами

Долгое время европейцы не подозревали о существовании Северной и Южной Америк вместе с населявшими ее народами. Примерно в 1000 году н. э. группа скандинавских викингов под предводительством Лейва Эрикссона достигла берегов современного Ньюфаундленда и заложила поселение под названием Винланд. Однако просуществовало оно недолго, и революционное по своей сути открытие стало известно лишь небольшой группе соплеменников Эрикссона. А остальные жители Европы еще целых пять столетий продолжали строить догадки о том, что же лежит за морями на далеком западе.

После 1450 года наступила эпоха исследований и географических открытий. Европейцы – кто в погоне за наживой, кто движимый христианским благочестием – приступили к колонизации нового для них мира. Лихорадочный подъем, охвативший торговые рынки Западной Европы, заставлял искать новые пути в Азию, быстрые и по возможности безопасные. С другой стороны, дух миссионерства, царивший в католической церкви, толкал ее служителей на поиски новой паствы – во славу истинной веры – в пределах Западного полушария. После 1517 года в эту борьбу за новые души включились (и весьма успешно конкурировали с католиками) представители различных протестантских церквей. Отметим и некоторые другие тенденции того периода. Они касались уже мирской жизни и суетных устремлений людей, возвышения отдельных национальных государств, которые имели преимущества в виде централизованной власти, военной мощи и капитала. Столетие спустя после

ужасов «черной смерти» население оздоровленной Европы росло, а сами государства упорно добивались власти и богатства (аккумулируя эти блага для себя за счет других). Присутствовали и другие, более гуманные цели: желание приобщиться к достижениям науки, в том числе к последним навигационным технологиям.

Итак, торговцы жаждали найти новые пути в Азию, чтобы обеспечить бесперебойную поставку столь полюбившихся европейской публике шелков, драгоценных камней и специй. В то время торговля восточными товарами была рискованным и дорогостоящим бизнесом. Все эти предметы роскоши доставлялись в Европу в основном сухопутным путем. Купеческие караваны вынуждены были проделывать длительные, тяжелые и далеко не безопасные путешествия, ведь большинство торговых маршрутов контролировали арабы-мусульмане. А в 1453 году Османская империя захватила и Константинополь – ключевой пункт торговли с Востоком. В XV веке перед европейскими купцами стояла проблема, над которой бьются и нынешние торговцы: снижение цены на товар посредством устранения лишних посредников.

Португальцы нашли оригинальный выход из положения. И предложил его принц Генрих (Энрике), прозванный в народе Мореплавателем. Вместо того чтобы проделывать традиционное сухопутное путешествие, идти через пустыню на восток, он предложил двигаться морским путем – сначала на юг и лишь потом на восток. К тому времени у португальцев уже были налажены деловые связи в Западной Африке: они вывозили оттуда природные ископаемые и рабов. Теперь им предстояло продолжить плавание на юг вдоль африканского побережья. В конце 1480-х годов португальский мореплаватель Бартоломео Диас достиг южной оконечности Африки. А в начале следующего столетия Васко да Гама совершил свое знаменитое

путешествие – провел караван торговых судов в Индию в обход Африки. Позже португальцы основали торговые миссии в Индонезии, Японии и Китае.

Испанские исследовательские экспедиции и колонизация Америки

Испанцы, в свою очередь, тоже поглядывали на запад и решили воспользоваться шансом, который предоставили им теории моряка из Генуи, Христофора Колумба. По его мнению, достаточно было проделать 4200 миль на запад от Испании, чтобы оказаться в «Индиях». Получив поддержку испанского двора – короля Фердинанда и королевы Изабеллы, – Колумб снарядил маленький флот из трех парусных судов, которые вышли в плавание в августе 1492 года. Через два месяца он высадился на одном из Багамских островов, получившем с его легкой руки название Сан-Сальвадор. Будучи уверенным, что достиг берегов Индии, Колумб назвал обитателей острова «индейцами». Он исследовал и другие острова Карибского бассейна, обнаружил на них изделия из золота и поспешил вернуться в Испанию, чтобы доложить о своей находке. В дальнейшем он трижды возвращался в эти места, по-прежнему принимая далекие острова за восточные берега Азии. В подобном заблуждении Колумб пребывал до самой смерти, лишив себя славы открывателя Америки. Не меньшую ошибку совершил некий немецкий географ, решая, кто именно из европейцев первым ступил на землю Западного полушария. В 1507 году он выпустил книгу, в которой честь открытия присвоил другому итальянскому исследователю – Америго Веспуччи, чьим именем и назвал новый континент. Так в мировой географии появилась «Америка».

Это не помешало испанским монархам правильно сориентироваться в сложившейся ситуации. Открытие Колумбом островов Карибского бассейна проложило для Испании путь в Западное полушарие, где до самого начала XVII столетия она была практически единоличной хозяйкой, если не считать португальских владений в Бразилии. Испанцы успешно осваивали земли Центральной и Южной Америки, позже стали проявлять интерес и к Северной Америке. Они принесли с собой вооруженную мощь армии, духовную силу миссионеров и бюрократическую власть государства. В начале 1520-х годов войска под началом Эрнандо Кортеса покорили ацтеков; затем, продвигаясь на юго-восток, разгромили и майя. Через десять лет, в 1530-х годах, Франсиско Писсаро осуществил вооруженное вторжение в Южную Америку и поработил народ инков. Правда, использование индейцев в качестве рабочей силы оказалось малоэффективным (индейцы попросту погибали в рабстве), поэтому испанцы и португальцы начали ввозить рабов из Африки. К концу столетия количество чернокожих рабов в колониях Нового Света составило 100 тыс. человек.

Однако победы испанцев в Америке проистекали не только (и не столько) из военного преимущества. Спорить не приходится: и оружие, которым владели колонизаторы, и непривычные для индейцев лошади, и воинская дисциплина регулярных войск – все сыграло свою роль. Но самым разрушительным фактором стали болезни, которые европейцы принесли с собой на Американский континент. Краснуха, грипп и оспа буквально выкашивали местное население, которое не обладало иммунитетом против иноземных инфекций. Историки приводят различные цифры, но большинство сходятся на том, что от 50 до 90 % индейцев, имевших контакт с больными европейцами, оказались беззащитными перед болезнью и попросту погибли. По

самым грубым подсчетам в 1519 году, накануне вторжения Кортеса, в Центральной Америке проживали 20 млн индейцев; к 1650 году в живых остались едва ли 2-3 млн. Получается, таким образом, что европейцы обладали смертельным оружием, о котором даже не подозревали.

В основном интересы испанцев были сфокусированы на землях, лежавших к югу от реки Рио-Гранде. В те времена территория нынешних Соединенных Штатов выглядела малопривлекательной. Однако некоторые смельчаки, подогреваемые рассказами о несметных сокровищах и легендарных источниках бессмертия, которые якобы скрывались на севере, отваживались совершать вылазки в Северную Америку. Так, Понсе де Леон в 1515-1521 годах организовывал многочисленные экспедиции на полуостров Флорида в поисках так называемого источника молодости. А его соотечественник Эрнандо де Сото пошел еще дальше: в 1539-1542 годах он тщательно «прочесал» значительную площадь, от залива Тампа до границ Арканзаса и Северной Каролины, в надежде обнаружить еще одну империю ацтеков. В 1565 году был основан военный форпост Сант-Августин, который стал первым постоянным поселением будущего государства США. Однако испанцев по-прежнему больше интересовала западная часть континента. В начале 1540-х годов Франсиско Васкес де Коронадо в погоне за прекрасной мечтой о легендарном Эльдорадо исследовал Аризону, Нью-Мексико, Колорадо и добрался до самых Великих Равнин. В 1598 году испанские миссионеры под предводительством Хуана де Онате присоединились к очередной военной экспедиции в Нью-Мексико – святые отцы также жаждали обрести золото, серебро и новые души. В 1610 году город Санта-Фе получил статус центра королевской провинции. Последние два десятилетия XVII века ознаменовались

борьбой народа пуэбло против испанского владычества; лишь в 1696 году колониальным властям удалось окончательно подавить индейское сопротивление. В последней трети XVIII столетия испанцы распространили свою военную и религиозную власть на Тихоокеанское побережье Калифорнии. Для ее защиты служила целая серия военизированных аванпостов, первым из которых стало сторожевое укрепление в Сан-Диего. По инициативе францисканского монаха Хуниперо Серры была основана 21 христианская миссия в таких городах, как Сан-Габриэль, Санта-Барбара, Санта-Крус и Сан-Франциско. Самым крупным поселением этого региона стал основанный в 1781 году городок под названием Лос-Анжелес (будущий Лос-Анджелес): к 1800 году он мог похвастать населением в несколько сот человек.

В трюме рабовладельческого судна

Природные богатства американской земли, которые испанские колонизаторы извлекали на свет благодаря труду исконных жителей Центральной и Южной Америки, в XVI веке превратили Испанию в самую богатую европейскую страну, стоявшую во главе крупнейшей со времен Древнего Рима империи. Однако видимое везение в конечном счете обернулось невезением. Приток драгоценных металлов в Европу повлек за собой инфляционную «революцию цен». Это создало препятствия на пути дальнейшего роста

испанской экономики, а политическое и военное превосходство вылилось в серию дорогостоящих религиозных войн в Северной Европе. Борьба с протестантской ересью поглощала большую часть доходов империи. В начале XVII столетия предельно обострилась конкурентная борьба за колонии в Северной Америке.

Французские и Голландские притязания

Французы тоже пытались обнаружить тот самый мифический «короткий путь» в Азию. С этой целью в 1524 году была предпринята исследовательская экспедиция под руководством Джованни да Веррацано, флорентийского мореплавателя, состоявшего на службе у французского двора. Путь экспедиции пролегал вдоль Атлантического побережья – от территории обеих Каролин (Северной и Южной) до штата Мэн. Жак Картье продвинулся еще дальше на север: путешествия в 1530-х и 1540-х годах привели его к заливу Св. Лаврентия. Оттуда Картье по реке Св. Лаврентия добрался до Монреаля. Однако вплоть до начала XVII столетия Франции не удавалось закрепиться на североамериканской земле. Лишь в 1608 году Самюэль де Шамплен основал город Квебек – первое постоянное французское поселение. Прошло еще 65 лет, прежде чем совместными усилиями монаха-иезуита Жака Маркетта и торговца пушниной Луи Жолье была организована экспедиция, которая в 1673 году, выйдя из Квебека, двинулась на запад и спустилась вниз по реке Миссисипи. В 1682 году в устье реки прибыл Робер Кавелье де Сале и объявил регион с названием «Луизиана» собственностью Франции. В 1718 году его соотечественники основали город Новый Орлеан.

Основные экономические интересы французов были сконцентрированы вокруг торговли пушниной, поэтому им не имело смысла закрепляться на побережье, французские торговцы и трапперы устремлялись в глубь Северной Америки. Но пока число французских пионеров оставалось ограниченным, а государственная поддержка – незначительной, в их интересах было поддерживать добрососедские отношения с местным индейским населением. Тот факт, что французы не претендовали на американскую землю (они ведь не намеревались заниматься сельским хозяйством), лишь облегчал задачу. Французов прежде всего интересовала пушнина, а индейцы могли оказать помощь в ее добыче. Оставался еще религиозный вопрос, однако, в отличие от испанских францисканцев, французские священники-иезуиты относились к индейской духовности с куда большим уважением и честно пытались отыскать общие корни между нею и католической доктриной.

В отличие от французской, голландская колонизация была не обременена никакими теологическими разногласиями. Голландцев интересовала лишь торговля мехами. В поисках пресловутого пути в Азию служащий голландской Ост-Индской компании Генри Гудзон (Хадсон) в 1609 году совершил плавание по реке, которая теперь носит его имя. Голландцы умудрились заложить несколько торговых поселений в устье реки – там, где теперь располагается современный Нью-Йорк. К 1624 году эти поселения слились в единый город. Еще два года спустя Петер Минуит выкупил у местных индейцев остров Манхэттен и окрестил свои владения «Новым Амстердамом». Сюда стягивались люди различных верований и национальностей. Удача способствовала им: новые поселенцы быстро богатели; эта тенденция

сохранилась и после 1664 года, когда англичане захватили поселение и переименовали в Нью-Йорк.

Английское вторжение и колонизация

Король Генрих VII также верил, что кратчайший путь к вожделенным рынкам Дальнего Востока следует искать на западе. Для реализации этой задачи он последовал примеру испанских монархов и обратился за помощью к генуэзскому мореплавателю Джованни Кабото (или Джону Кэботу, как его называли в Англии). Тот в 1497 году совершил плавание к острову Ньюфаундленд и побережью Нова Скотии. Разделяя заблуждение Колумба, он считал, что побывал на восточных рубежах Азии, то есть буквально в двух шагах от конечной цели своего путешествия. Однако на этом сходство с Колумбом, увы, и исчерпывалось. В дальнейшем удача отвернулась от несчастного Кэбота: следующая экспедиция на запад закончилась его смертью и крахом всего предприятия. Англия, в отличие от своих испанских соперников, не потрудила закрепиться уже достигнутые успехи в исследовании Нового Света и законодательно оформить свои территориальные притязания.

Внутренние политические и религиозные проблемы англичан более чем на восемьдесят лет отсрочили вступление страны в исследовательскую гонку в Новом Свете. В конце концов королева Елизавета осознала, что Американский континент – обширные неосвоенные земли – сулит несметные сокровища Британской державе. Ведь это и новые рынки, позволяющие реализовывать английские товары, и огромное жизненное пространство, куда можно перенести столь актуальную для протестантской Англии борьбу с католической церковью. После 1565 года англичане уже

имели ценный опыт ирландской «колонизации», который очень пригодился при освоении новых земель. Схема достаточно проста: первым делом необходимо подчинить себе местных «дикарей», а затем уже можно безнаказанно присваивать их земли. При этом следовало надежно оградить английские поселения от исконного индейского населения и безжалостно подавлять малейшие попытки сопротивления с его стороны. Ветераны ирландской кампании заняли первое место в рядах изыскательской экспедиции сэра Уолтера Рэли, которая в 1585 году стартовала с побережья Каролины и направилась на остров Роанок. Англичане намеревались основать там поселок и заняться разработкой полезных ископаемых. Однако их постигла неудача. Этому способствовали и трения, возникшие с местным индейским населением, и сложности горного дела. В результате в 1586 году переселенцы вынуждены были покинуть остров. В следующем, 1587 году Рэли предпринял еще одну попытку. Высадив добровольцев на Роаноке, он отправился в метрополию за провиантом. Так случилось, что корабль с припасами смог вернуться лишь три года спустя, в 1590 году. Когда команда высадилась на острове, то обнаружилось, что поселок опустел. Все его население – более ста колонистов – исчезло. Тайна острова Роанок остается неразгаданной до сих пор.

После серии неудач, преследовавших британцев в последней четверти XVI века, им наконец-то удалось в начале XVII века закрепиться в Северной Америке. Причем благодарить за это следовало не государство с его военной мощью и централизованным управлением: первое постоянное поселение англичан в Новом Свете возникло благодаря краеугольному камню американской демократии, который и по сей день свято чтится в американской традиции, – частному предпринимательству. Таким предприятием стала

акционерная компания, основанная группой бизнесменов, которые финансировали создание первой английской колонии. Они организовали продажу земельных участков, и инвесторы охотно вкладывали деньги в надежде получить богатые прибыли за счет развития американского рынка. В 1606 году король Яков I даровал хартию Виргинской компании. Предполагалось, что ее плимутское отделение будет управлять поселениями, которые располагаются в северной части Североамериканского континента; соответственно, южные территории вместе со всеми колониями отойдут в ведение лондонского отделения компании.

Увы, плимутские агенты не слишком преуспели в заселении далеких американских земель. Зато лондонская группа добилась видимых успехов, организовав колонию на южном побережье Чесапикского залива. В 1607 году на берегу реки Джеймс вырос городок с названием Джеймстаун. На первых порах казалось, что затея обречена на провал: прибывшие из Англии колонисты не обнаружили ни залежей драгоценных металлов, ни вожделенного северо-западного прохода в Индию. Сидевшие в метрополии инвесторы испытывали вполне понятное разочарование, поскольку не видели никаких источников быстрого обогащения. Самим колонистам тоже приходилось несладко: перебои в продовольственном снабжении, враждебное окружение индейских племен, повторяющиеся вспышки малярии – все это естественным образом снижало боевой дух поселенцев. Но в 1610-1620 годах дела начали налаживаться: колонисты обнаружили для себя перспективную сельскохозяйственную культуру – табак, и с энтузиазмом принялись ее возделывать; они отстаивали свои права на землю в многолетней борьбе с аборигенами и добились самоуправления посредством

представительной ассамблеи (палаты представителей). В условиях относительного экономического подъема в сельском хозяйстве остро ощущался недостаток в рабочей силе. Колонистам приходилось привлекать к работе наемных работников (их называли сервентами) и даже использовать в небольших масштабах рабский труд. Что касается промышленности, Виргинская компания на протяжении 15 лет пыталась организовать добычу и переработку меди, но так и не смогла добиться удовлетворительных результатов. Предприятие пришлось свернуть, и в 1624 году «корпоративная» колония превратилась в «королевскую».

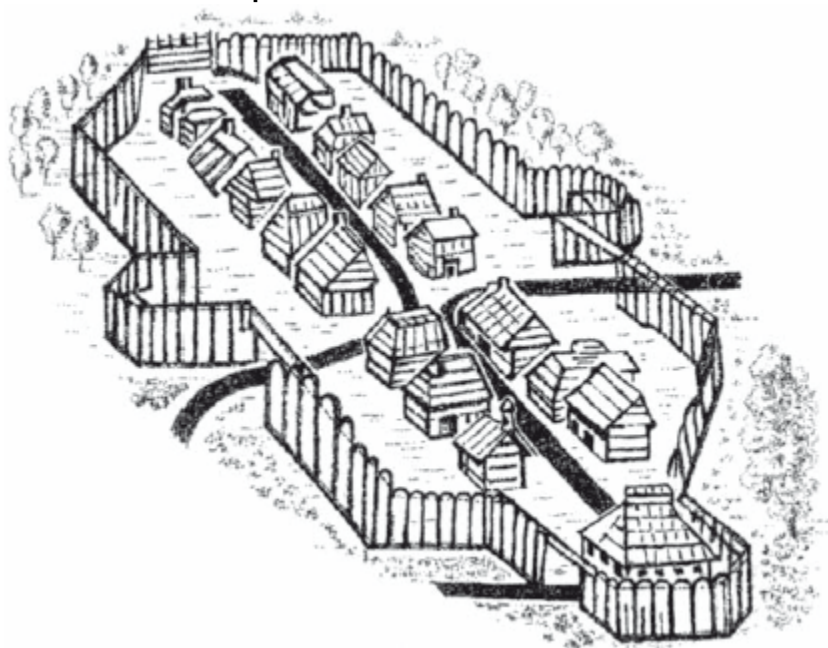
А на западе решением британской короны в 1632 году была сформирована «частная» (или «собственническая») колония. Король Карл I даровал хартию первому лорду Балтимору, сэру Джорджу Калверту, на владение территорией «Мэриленд» в качестве личной собственности. В колонии, где нашли себе убежище католики, единоверцы Калверта, воспроизводилась средневековая модель манориального общества, в котором вся жизнь концентрировалась вокруг помещичьего поместья и обеспечивалась трудом фермеров-арендаторов. Однако здесь, как и в Виргинии, все пошло вкривь и вкось. Протестантская доля населения неуклонно росла, и в какой-то момент католики, как и у себя на родине, вновь оказались в меньшинстве. Да и вообще выяснилось, что в мире, где земли в избытке, а рабочих рук не хватает, манориальная система себя не оправдывает. Постепенно, вопреки первоначальным намерениям основателей, Мэриленд из тихой, надежной гавани превратился в оживленный деловой центр на Чесапикском побережье. Жестокая конкуренция (как в экономической, так и политической сфере) не могла помешать притоку рабочей силы, которую как магнитом

притягивало в Мэриленд: сначала это были тысячи сервентов, а затем и чернокожие рабы.

В 1620 году в Америку прибыла еще одна группа англичан, представителей религиозных меньшинств. На сей раз речь шла не о католиках, а о протестантах – так называемой секте «пилигримов». Эти люди предпочли покинуть лоно англиканской церкви, будучи недовольными ее религиозной иерархией, догмами и ритуалами, которые, на их взгляд, чересчур напоминали католические. Изначально они планировали основать свою колонию в северной части Виргинии, но их корабль под названием «Мэйфлауэр» сбил с курса и причалил к берегу в 200 милях от намеченного пункта – в местечке Плимут на берегу Массачусетского залива. Очутившись вне зоны влияния Виргинской компании, пилигримы вынуждены были выработать собственный кодекс правил жизни в Новом Свете.

Еще находясь на палубе «Мэйфлауэра», все совершеннолетние мужчины, члены будущей колонии, подписали документ, известный в истории как «Соглашение на "Мэйфлауэре"». В нем они договорились «объединиться в гражданский политический организм для поддержания лучшего порядка и безопасности» и поклялись «следовать и подчиняться сформированным законам, ордонасам, актам, установлениям и учреждениям... служащим всеобщему благу колонии». Как пояснил политический лидер колонистов Уильям Брэдфорд, важность поддержания порядка усугублялась «ужасной и пустынной дикостью, полной страшных зверей и нецивилизованных людей», в которой предстояло жить его подопечным. Существовала еще одна причина для объединения этих людей. Дело в том, что они рассматривали себя как часть некоего божественного плана, направленного на очищение религии (причем, без ложной скромности, конечной целью было

объявлено полное совершенство, на меньшее новоявленные пилигримы не соглашались).

Селение пилигримов, 1627 год

Довольно скоро к массачусетской колонии присоединилась новая группа церковных реформистов – еще более амбициозная, с собственным проектом жизни в новых краях. Называя себя «пуританами», они, по сути, являлись конгрегационалистами, которые не порвали окончательно с англиканской церковью и с надеждой очистить ее изнутри – пусть и на расстоянии в 3 тыс. миль. Проявив большую предусмотрительность, чем пилигримы, они озаботились организовать в 1629 году Компанию Массачусетского залива, и со следующего года началось массовое переселение пуритан в Америку. Их корпоративная хартия постепенно преобразовалась в правительственную структуру, утверждавшую важность экономической калькуляции даже в религиозно-духовных начинаниях. Моральный кодекс пуритан отнюдь не отвергал материального благосостояния. В конце концов быть пуританином вовсе не обязательно означало вести тяжелое и полуничтожное существование фермера; ты мог

быть и преуспевающим финансистом. Для каждого человека важно следовать своему призванию, то есть занимать место, которое в этом мире определил ему Господь. Помимо того жители колонии Массачусетского залива ощущали себя «связанными договором» с Богом, носителями особой миссии, предполагавшей изменение хода истории – не только земной, но и искупительной. Что касается конкретных задач, то пуритане видели их в том, чтобы построить гармоничное христианское общество, всячески сопротивляться проискам Сатаны и восстановить «первоначальную» чистоту церкви. Таким образом, их община представляла собой не обычную колонию, а своеобразное «святое общество всеобщего благоденствия». Руководители колонии, естественно, не собирались отменять такие понятия, как индивидуальные различия поселенцев, систему социальных рангов, частную собственность и местную автономию, но вместе с тем они постоянно напоминали своей пастве о совместном существовании, обязательствах перед обществом и коллективных интересах. Ничто так не радует Бога, декларировали они, как единство. Он желает, чтобы его дети жили дружно, как одна семья, избегали раздоров и противились разделению. Говоря о своей колонии, губернатор Джон Уинтроп объявил: «Будем мы подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас». Итак, колонисты Массачусетского залива стали первыми американцами, осознавшими свою особую миссию и позиционировавшими себя как часть спасительной нации, которая призвана стать образцом для всего мира.

Подобная модель не допускала инакомыслия. Пуритане не отвергали идею религиозной свободы, но признавали ее только для самих себя – чтобы жить и поступать в соответствии с велениями собственного Бога. Они знали, что в мире полным-полно ошибочных,

абсурдных учений. И если лжепророки проникнут в твердыню на Массачусетском заливе, то их святое дело – возможно, самое значимое со времен зарождения Реформации – обречено на провал. В 1635 году правление колонии объявило вне закона и изгнало Роджера Уильямса, который настаивал на полном отделении церкви от государства (дабы оградить чистоту конгрегации от грязи и греховности политики). Еще через два года, в 1637 году состоялось судилище над Анной Хатчинсон. Официально ей вменялось в вину заявление о том, что она якобы напрямую общается со Святым Духом; на самом деле это была борьба против женщины, которая посмела бросить вызов церковным властям, традиционно представленным мужчинами. Данное событие дало импульс небывалой истерии, в 1680 – начале 1690-х годов охватившей все пуританские общины. Началась печально знаменитая «охота на ведьм», которая достигла своего пика в Сейлемском процессе. В этом маленьком массачусетском городке перед судом предстали свыше 100 человек (большой частью пожилых женщин), 20 из которых были казнены.

С берегов Массачусетского залива пуритане расселялись по всем уголкам региона под названием «Новая Англия». Одни переезжали в Коннектикут, другие оседали в Нью-Хэмпшире и Мэне. Усилиями изгнанного Уильямса возник Род-Айленд – единственная на тот момент колония, где гарантировалась веротерпимость приверженцам всех религиозных учений. Квакеры – самая радикальная из всех сект, боровшихся за чистоту веры – бежали из Англии, чтобы найти себе пристанище в одной из «частных» колоний среднеатлантического региона. В 1681 году король Карл II своей хартией подарил свыше 45 тыс. кв. миль Уильяму Пенну, руководителю английских квакеров. Тем самым он убил сразу двух зайцев: помог отцу Пенна погасить долг и освободил свое королевство от

досаждавшей секты. Ведь вызов, который квакеры бросали иерархической власти и общественному порядку – наряду с их непонятными разговорами о «внутреннем свете» истинно верующих и духовном равенстве женщин, – представлял собой зримую угрозу покою и стабильности в Англии. Пусть себе плывут за океан, рассудил король Карл. На предоставленной ему земле Пенн затеял «Священный эксперимент» по внедрению принципов квакеров в повседневную жизнь. Он создал собственный мир, в котором жители были защищены от произвола автократии, получали возможность удовлетворить свои неотложные нужды и даже могли попытаться жить в мире с индейским окружением. Опыт колонии Пенсильвания можно считать успешным, хотя этот успех следует отнести, скорее, к области экономики, чем теологии. Сюда хлынул поток самой разношерстной публики. К 1701 году пенсильванцы создали такую форму правления, которая поставила под сомнение даже власть самого семейства Пеннов.

Щедрость Карла II распространилась и на Каролину. Получив в 1663 году землю в дар, ее владельцы в 1669 году выработали многообещающий проект новой колонии. С помощью своего талантливой помощника Джона Локка Энтони Эшли Купер, лорд-протектор колонии, подготовил «Фундаментальную конституцию Каролины». В ней закреплялись пожелания собственников колонии, а они стремились воссоздать в Новом Свете модель, которую мы видели в Мэриленде. По сути, это была традиционная британская модель, сохранявшая помещичьи поместья, титулованную знать и строго иерархическое общество. Однако, как и в Мэриленде, эксперимент по насаждению феодализма на американской почве провалился. Старая схема не прижилась в мире ожесточенной коммерческой

конкуренции. К 1729 году Каролина распалась на две части.

В 1664 году Карл II пожаловал колониальные владения своему брату Джеймсу, герцогу Йоркскому. В самый разгар Голландской войны небольшой английский флот захватил Новые Нидерланды и превратил эту голландскую колонию в часть королевских владений, получивших название Нью-Йорк. Новые хозяева сделали все для того, чтобы голландские поселенцы не покидали насиженных мест; одновременно они финансировали усиленную эмиграцию из Англии. В конце XVII века герцог вознаградил своих политических сторонников в Нью-Йорке огромными земельными участками, тем самым заложив основу для еще одного манориального общества. Не остановившись на достигнутом,

Джеймс еще больше урезал собственные владения: в 1664 году он подарил Нью-Джерси Джорджу Картерету и Джону Беркли, а в 1682 году большую территорию к западу от реки Делавэр передал Уильяму Пенну.

В 1733 году на Атлантическом побережье выросла Джорджия, еще одна колония с довольно необычной историей. В отличие от других английских поселений – где движущим мотивом служили политические проекты британской короны, личные амбиции знати, финансовые расчеты инвесторов или духовные устремления религиозных диссентеров, – Джорджия изначально имела целью удовлетворение экономических нужд английской бедноты. Заручившись хартией короля Георга II, генерал Джеймс Оглторп и другие попечители намерены были создать здесь убежище для несостоятельных должников. Согласно плану Оглторпа, вновь прибывшие получали небольшие земельные участки, которые обрабатывали собственноручно и при помощи законтрактованных сервентов. Предполагалось

создать в поселении совершенно уникальную атмосферу: дух воздержания и здравомыслия обеспечивался благодаря ограничениям на алкоголь; трудолюбие поощрялось запретом на использование рабов; чтобы избежать раздоров и конфликтов, из числа поселенцев исключались католики и чернокожие. Помимо своей основной функции, Джорджия должна была играть роль военного форпоста против испанцев во Флориде. С сожалением приходится признать, что социальный эксперимент, столь заманчиво выглядевший в проекте, провалился. Беглые должники не слишком стремились в колонию. Те же, кто все-таки переселялся, проявляли открытое недовольство ограничениями на размеры земельных участков и привычное потребление рома. Еще большее возмущение вызывал запрет на рабовладение. В результате в середине XVIII века территория Джорджии вернулась в собственность британской короны.

Особенности общественно-экономической жизни в английских колониях

Население английских колоний на американской земле медленно, но верно росло: если в 1625 году оно составляло 2 тыс. человек, то в 1650 году выросло до 50 тыс., а к 1700 году уже составляло четверть миллиона. Виргиния и Массачусетс являлись крупнейшими английскими поселениями, к началу XVIII века в них проживала почти половина всех колонистов. Еще треть совокупного населения приходилась на Мэриленд, Коннектикут, Нью-Йорк и Пенсильванию. В Новой Англии люди предпочитали селиться в городах с плотной застройкой; на юге преобладали малонаселенные, разбросанные графства; среднеатлантические колонии сочетали оба типа поселения.

Нетрудно представить себе условия, в которых оказались переселенцы, прибывшие в Новый Свет. Земли было много, и она почти ничего не стоила. Зато рабочих рук решительно не хватало – так же, как, впрочем, и свободного капитала. Подобные условия – необъятные просторы пригодной для обработки земли и острый дефицит работников и денег для покрытия неизбежных расходов – порождали ряд проблем. Жителям Новой Англии приходилось иметь дело с относительно тонким слоем каменистой почвы, чье плодородие быстро истощалось из-за незначительного подхода к ее обработке. В этом регионе не существовало условий для широкомасштабного земледелия, посему нормой стали небольшие семейные фермы, на которых трудились все члены

многочисленного семейства, традиционного для здешних краев. Однако экономика Новой Англии все же не была узкоспециализированной. Средства к существованию обеспечивались также за счет судоходства и судостроения, мукомольного производства, разнообразных ремесел и торговли. Причем местные купцы наладили торговые связи не только (и не столько) с далекой метрополией, но и с английскими коллегами на Карибских «сахарных» островах.

На первых порах Мэриленд, Виргиния, Каролина и Джорджия представляли собой весьма нездоровые (а порой и откровенно опасные) для европейцев места. Нелегкий труд, суровые условия жизни, неизбежно укорачивающие ее длительность, – все это привело к тому, что население на Юге, во-первых, было немногочисленным, а во-вторых, преимущественно мужским. Климат и сам характер почвы способствовали возникновению больших плантаций, на которых возделывались преимущественно рис и табак. Рассматриваемые в совокупности экономические и природные предпосылки создавали условия, которые в перспективе воздействовали как на развитие самих южных колоний, так и всей нации в целом.

Не имея в достаточном количестве свободной рабочей силы, первые колонисты Чесапикского залива очень скоро оказались в полной зависимости от рабского труда. Изначально источником рабочих рук являлась Англия, которая поставляла в регион законтрактованных сервентов. В рамках этой системы молодые мужчины (и в меньшей степени женщины) в возрасте 15–25 лет, не сумевшие реализовать себя на родине, соглашались переехать в Америку, покрыв все дорожные издержки трудом на новом месте в течение 4–7 лет. Все это время их контракт оставался на руках у хозяина, на которого они работали, получая взамен

кров и пищу. По окончании срока контракта им нередко выдавали небольшой клочок земли, инструменты, домашнюю скотину или другие «атрибуты свободы». Служба на чужбине была нелегким делом, но многие молодые люди шли на это, желая в конечном счете изменить к лучшему условия своей жизни. Это был их выбор в борьбе с незавидной судьбой. Большая часть новоприбывших – от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ – приехала на берег Чесапикского залива в качестве наемных рабочих. Если же говорить об американских колониях в целом, то половина всех европейских иммигрантов разделила их участь.

Однако в последней четверти XVII столетия наметились тенденции, изменившие не только лицо колонии Чесапикского залива, но и навсегда переориентировавшие американское общество. Во-первых, владельцы земельной собственности в Южных колониях ускоренными темпами объединяли свои участки, формируя крупномасштабные хозяйства, для которых, соответственно, требовалось значительно больше рабочей силы. Во-вторых, цены на табак, главную сельскохозяйственную культуру Юга, в 1660-х годах упали и оставались на низком уровне, вынуждая всех плантаторов продавать дешевле. В-третьих, по мере того как прирост населения в Англии снижался и одновременно улучшались условия жизни, число людей, желавших уехать в Америку в качестве законтрактованных рабочих, уменьшалось – таким образом, количество сервентов также сократилось. В-четвертых, законы Виргинии и других колоний были направлены на ухудшение положения чернокожих работников и в конечном счете привели к узакониванию системы рабского труда. Хотя теоретически чернокожие рабочие являлись свободными людьми, на деле им приходилось мириться с ущемлением своих

гражданских, юридических и имущественных прав. Теперь белые хозяева получили возможность продлевать срок службы негров и активно этим пользовались. В результате продленная служба очень скоро превратилась в бессрочную. Более того, потомство чернокожих рабынь автоматически наследовало статус своих матерей, то есть тоже превращалось в рабов. В-пятых, в 1697 году Королевская африканская компания утратила монополию на работорговлю, что развязало руки ее конкурентам и привело к расширению торговли невольниками. И, наконец, в-шестых, среди американских колонистов получил распространение расистский миф о неполноценности чернокожих, ставший моральным основанием (многие белые американцы с готовностью им воспользовались) для узаконивания института рабства.

С чисто экономической точки зрения плантаторам также было выгоднее использовать чернокожих рабов, чем сервентов, ведь это надолго решало проблемы с рабочей силой. Тем более что с расширением рабовладельческого рынка цены на живой товар, поначалу довольно высокие, стремительно падали. С улучшением условий жизни в южных колониях увеличился и срок жизни рабов, другими словами, их дольше можно было использовать в качестве бесплатных работников. В таких условиях надобность в сервентах попросту отпадала: какой смысл заключать контракты с временными работниками, когда под рукой бесплатные пожизненные рабочие? К тому же рабы были абсолютно бесправны и беспрекословно подчинялись белым хозяевам. Их можно было заставлять работать от зари до зари, продавать, наказывать и даже убивать. А поскольку дети рабов также поступали в собственность хозяина, то

рабовладелец получал идеальный самовоспроизводящийся источник рабочей силы.

Изначально торговлю рабами в Новом Свете осуществляли испанцы и португальцы. Позже к ним присоединились голландцы, англичане и французы. В этой отвратительной торговле живым товаром принимали участие и сами чернокожие: одни африканцы продавали других в обмен на европейские товары. Жертвами, как правило, становились жители западного побережья Африки – от Анголы до Сенегамбии.^[5] В этом регионе проживало множество народностей, каждая со своей религией, культурой, языком и типом семейных связей.

Закованных в кандалы невольников грузили в трюм, и рабовладельческое судно пускалось в путь длиной в 5 тыс. миль – вдоль «срединного перехода»^[6] из Африки в Америку. Жадные до прибыли капитаны запикивали в крошечные, душные помещения по 100, 200 и больше человек. Примерно пятая часть рабов погибала по пути к покупателям в Новом Свете. Подсчитано, что с начала XVI века до середины XIX века европейские работорговцы насильно вывезли из Африки 10–12 млн человек. Ситуация была такова, что к концу XVIII века из всех иноземцев, прибывших в Северную и Южную Америку, большую часть составляли вовсе не европейцы, а выходцы с Африканского континента.

Восемьдесят процентов невольников, прибывших в западное полушарие, оседали в Вест-Индии и Бразилии. И лишь небольшая часть (4–5% от общего числа) отправлялась в будущие Соединенные Штаты. Значительную часть этих рабов приобретали плантаторы Южных колоний, занимавшиеся выращиванием риса и табака. Надо сказать, что в конце XVII века условия жизни на табачных плантациях Чесапикского залива были более здоровыми, а труд

менее мучительным, чем на рисовых полях. Помимо работоспособных мужчин, хозяева часто покупали женщин-рабынь. Таким образом они восстанавливали половое равновесие в популяции рабов и давали возможность хотя бы попытаться воссоздать некое подобие семейной жизни, от которой те были насильно оторваны. Хотя какое-то утешение! Однако плантаторами двигало отнюдь не человеколюбие: дело в том, что все потомство чернокожих рабынь (независимо от цвета кожи отца) становилось «собственностью» рабовладельца. На рисовых полях Каролины окружающая среда была куда более враждебна человеческому организму, соответственно, условия труда суровее, а вероятная продолжительность жизни короче. Да и женщин-рабынь здесь было гораздо меньше. Таким образом, чем дальше на Юг, тем тяжелее складывалась жизнь рабов.

В 1680 году общее количество рабов в американских колониях составляло примерно 7 тыс. человек (из них в одной только Виргинии жили 3 тыс.). К 1700 году это число более чем утроилось и достигло 25 тыс. человек, что составляло 20 % всего населения Юга. Однако приведенные цифры маскировали непомерно большую концентрацию рабов в отдельных областях. Например, в 1720 году число чернокожих рабов насчитывало 70 % от общего числа проживавших в Южной Каролине. Негры также доминировали практически во всех прибрежных поселениях Виргинии – именно там, где 100 лет назад обосновались первые европейцы.

Рабство существовало во всех английских колониях, но в различной степени. Самая высокая потребность в рабском труде была на Юге, самая низкая – в Новой Англии. В среднеатлантических колониях с их характерным составом почв, способствовавшим широкомасштабному возделыванию зерновых культур, число рабов (точно так же, как прежде число

законтрактованных сервентов) вдвое превышало таковое в Новой Англии. Это и понятно, ведь Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси и Делавэр обладали более разнообразной экономикой, чем южные колонии: в качестве альтернативы широкомасштабному земледелию здесь имелась развитая торговля и небольшие частные мануфактуры, не требовавшие применения рабского труда. Поэтому количество рабов в этих колониях было значительно ниже, чем на Юге – от Мэриленда до Джорджии.

Среднеатлантический регион имел еще одну отличительную особенность: именно здесь возникли такие процветающие города, как Филадельфия и Нью-Йорк, – к концу XVIII века они затмили Бостон и превратились в крупнейшие центры деловой жизни Америки. Характерной чертой этих колоний стал чрезвычайно пестрый этнический состав населения: здесь оседали прибывшие из Европы англичане, ирландцы, шотландцы, валлийцы, немцы, голландцы, швейцарцы, французы, норвежцы, шведы и финны. Следует отметить одну из центральных колоний – Пенсильванию – за ее совершенно необычное для того времени отношение к коренному населению Америки: Уильям Пенн открыто признавал за индейцами право собственности на землю.

Пока он руководил колонией, пенсильванцы жили в мире с коренным населением. Некоторые индейцы, как, например, тускарора и шоуни, даже прибегали к помощи Пенсильвании, чтобы уладить конфликты с другими, более воинственно настроенными колониями. Пенн считал, что белые поселенцы должны выплачивать индейцам компенсацию за их исконные земли. Его правительство регулировало и прочие отношения с индейскими племенами, в том числе торговые. К сожалению, когда Пенн оставил свой пост, в колонию хлынул поток европейских иммигрантов,

которые практиковали насильственные меры в отношении коренных обитателей.

Это неизбежно привело Пенсильванию к военным конфликтам, подобным тем, что ранее случались в других колониях. Самые жестокие столкновения между белыми и индейцами имели место в 1675 и 1676 годах. Так, в середине 1675 года индейцы племени вампаноаги под предводительством своего вождя Метакорма (европейцы называли его «королем Филипом») напали на колонистов Новой Англии, которые самовольно захватили общинные индейские земли. В ходе «войны короля Филипа» более половины пуританских поселений подверглись нападению. Четыре тысячи человек погибли в ожесточенных схватках, которые закончились лишь со смертью Метакорма (он умер на исходе лета 1676 года).

В то же самое время в Виргинии разразилось «восстание Натаниэля Бэкона»: возглавляемые Бэконом жители приграничных территорий развязали военные действия против индейских племен с целью захвата их земель. Губернатор колонии Уильям Беркли всячески пытался погасить конфликт – особенно с теми племенами, с которыми правительство в свое время заключило договоры. Однако его старания не дали результата: сторонники Бэкона отказывались подчиниться колониальным властям, обвиняя их в полном безразличии к проблемам колонистов-пионеров. В результате столкновения с индейцами продолжались, восстание набирало силу. Дело дошло до того, что мятежные отряды атаковали Джеймстаун. Лишь смерть Бэкона осенью 1676 года положила конец этому кровавому эпизоду американской истории.

Сорок лет спустя в Каролине вновь возник вооруженный конфликт, на сей раз касавшийся торговли с индейцами. Племена ямаси, кри и чоктавов, доведенные до крайности бесчестными и жестокими

методами белых торговцев, напали на расположенные в глубине континента поселения колонистов и вынудили тех бежать на Атлантическое побережье. «Война ямасы» принимала угрожающие размеры, и чтобы покончить с ней, англичане заключили союз с индейцами чероки, давними противниками кри. Только таким образом – играя на разногласиях между различными индейскими племенами – белым поселенцам удалось выйти победителями в этой борьбе с коренным населением.

К концу XVII века англичане наконец оценили по достоинству свои колониальные владения на Карибах: спрос на сахар неуклонно повышался (выяснилось вдруг, что вся Европа населена сладкоежками), островные плантации сахарного тростника обещали легкий и надежный путь к обогащению. На фоне сказочных перспектив, открывавшихся в Вест-Индии, Атлантическое побережье Североамериканского континента явно проигрывало. Охочие до быстрой прибыли инвесторы предпочитали вкладывать средства в безопасную «сахарную торговлю». Прошло немало времени, прежде чем у лондонских политиков вновь открылись глаза на истинную ценность материковых владений Британской империи.

Пока же колонии мало радовали английскую корону. Во всяком случае по сравнению с тем, что досталось ее более удачливым соперникам – Испании и Португалии. Надежды на богатую прибыль от добычи полезных ископаемых не оправдались, зато проблем хватало. Начать хотя бы с населения колоний! Если на испанских территориях белое население представляло собой компактную (и удобную для управления) группу купцов и конкистадоров, то в английские колонии валом валил самый разнообразный народ. Эти люди приезжали в Новый Свет, чтобы остаться там навсегда. Решив заняться сельским хозяйством, они постоянно

испытывали потребность в земле, которую приходилось отвоевывать у индейцев. Это приводило к бесконечным вооруженным конфликтам с коренным населением. Те из колонистов, кто успел обзавестись семьей или просто белой подружкой, не желали даже смотреть в сторону индейских женщин. Сексуальные и дружеские контакты с местными жителями не поощрялись в среде английских поселенцев. Индейцы рассматривались как грубые дикари, с которыми дозволено не чиниться. Их считали досадной помехой на пути «цивилизованных» европейцев, и эту помеху надлежало устранить как можно скорее.

С географической точки зрения, освоение нового континента шло медленно и неохотно: большинство переселенцев не желали двигаться в глубь материка, а оседали на побережье. С религией все обстояло еще тревожнее: колонисты не только сохраняли разрыв с официальной англиканской церковью, но и проявляли к ней открытую враждебность. В вопросах политики лондонское правительство предпочитало не вмешиваться в дела колоний – по крайней мере, до тех пор, пока те представляли собой отдельные разрозненные поселения и не объединились в государство с жесткой координированной властью. Аналогичную позицию метрополия занимала и в отношении экономики – Лондон практически не ограничивал свободу колонистов, большая часть которых прибыла в Новый Свет по трудовым контрактам.

Некоторые колониальные проекты, например в Мэриленде и Каролине, изначально задумывались как попытка возродить на американской почве нравы и порядки Старого Света. Другие – как Род-Айленд, Пенсильвания и Джорджия – пытались установить новые, утопические по своей сути порядки. Следует отметить, что и в том и в другом случае

первоначальные замыслы потерпели крах, и заокеанские колонии в развитии приобрели уникальные и совершенно неожиданные формы. Многие американские переселенцы гордились своей мифической, возможно, даже эпической историей. Они верили, что их жизни с переездом в Америку получили новое, совершенно необычное продолжение и их героический опыт станет важным и значимым для всего человечества.

Глава 2

Колониальная Америка, 1700-1775 годы

На протяжении семидесяти пяти лет – большей части XVIII столетия – колонисты проявляли себя как лояльные верноподданные английской короны и парламента, хотя и не могли похвастаться внимательным отношением со стороны Лондона. Они вносили значительный вклад в процветание Британской империи и никогда не пренебрегали своими финансовыми обязательствами. Прибыв в Новый Свет, колонисты привезли с собой национальные традиции, то есть можно считать, что эти традиции в значительной степени были заложены на их номинальной родине. Но, оказавшись на чужбине, люди вынуждены были приспосабливаться к непривычным условиям, формировать новые привычки и устои, в конечном счете вырабатывая новый образ жизни, который определялся уже фактической родиной. В результате складывалась любопытная ситуация: с одной стороны, колониальные поселения, безусловно, являлись «британскими» – в полном соответствии с чаяниями и планами лондонского руководства; но с другой – они с каждым годом становились все более «американскими», неизбежно расходясь с намеченными путями и программами, формировавшимися в далекой метрополии, за 3 тыс. миль от Америки.

Колониальная жизнь в период 1700-1775 годов имела ярко выраженный двойственный характер. Буквально во всем – в политике, в общественной жизни, в рыночной экономике – происходило смешение британских принципов и американской практики. В

результате на свет появилась комбинация – весьма тонкая, порой почти неуловимая, а часто и непредсказуемая, ибо она следовала случайным поворотам текущей жизни. Едва ли можно было ожидать столь экстремальных последствий, как драматический разрыв с Британской империей. Когда он все-таки наступил в 1775 году, то стал следствием резких изменений в имперской политике. Тех самых изменений, которые британцам казались логически оправданными и неизбежными, а американцами воспринимались как нечто нестерпимое – недопустимое покушение на их свободу. Любопытно, что до этого критического момента колонии выглядели вполне успешным и эффективным начинанием, поставлявшим Британии необходимые «опоры» существования – имперскую власть и богатство.

Колониальное общество в XVIII столетии

Разрабатывая проект заокеанских колоний, официальные власти рассчитывали создать общество, развивающееся (и расширяющееся) по британскому образцу. Если их надежды и оправдались, то лишь наполовину. Число колонистов действительно быстро увеличивалось, но американское общество развивалось по собственным законам.

Возможно, главной отличительной чертой американской жизни в XVIII веке стал именно бурный рост населения колоний. Если в 1700 году оно составляло всего 250 тыс. человек, то к 1775 году уже достигло впечатляющей цифры в 2,5 млн. В абсолютных величинах это все равно было меньше 7 миллионов, проживавших в Англии, но по такому показателю, как прирост населения, американские колонии намного обогнали метрополию: на протяжении каждого поколения число американцев практически удваивалось. Сразу несколько факторов сыграли роль в этом процессе: и высокий естественный прирост, и не прекращавшаяся иммиграция, и устойчиво низкий уровень смертности в колониях. По прошествии определенного времени условия окружающей среды стали намного здоровее для обитателей – по крайней мере, для белых. В среде чернокожих переселенцев, как рабов, так и свободных, смертность по-прежнему оставалась высокой. Для индейцев, которых ускоренными темпами лишали их исконных земель, ситуация только ухудшалась – как в территориальном, так и в эпидемиологическом смысле. Если до контакта с европейцами их число составляло приблизительно

12 млн человек, то к концу XVIII века оно едва ли достигало 1 млн.

Среди колоний, сосредоточенных в основном на Атлантическом побережье, преобладали поселения сельского типа, настоящих городов было совсем немного. Если говорить о возрастном и этническом составе, то большая часть населения была поразительно молодой и имела английские корни, но такое положение вещей сохранялось лишь на начальном этапе. Действительно, в начале века основную массу колонистов составляли выходцы из Англии. Но уже к середине столетия количество англичан заметно снизилось, они едва сохраняли свое численное превосходство. Большинство из тех, кто приехал в Америку между 1700 и 1775 годами, были уже африканского, немецкого, ирландского, шотландского и смешанного ирландско-шотландского происхождения. Внешний облик американцев заметно изменился: колонии обрели новое лицо, которое сохранило совсем немного исконно английских черт. К концу столетия лишь каждый второй из американцев мог похвастаться предками-англичанами, зато каждый пятый имел африканские черты. Колонии в Новом Свете стали домом для многоэтнического, многорасового общества, сильно отличавшегося от того, которое существовало в Англии.

Немалые изменения претерпел и кодекс законов, регулирующий общественную жизнь колоний. Такие традиционно британские понятия, как знатность происхождения, слепое почитание и безусловное повиновение, плохо приживались на американской почве. Сегодняшние американцы, пожалуй, с возмущением отвергнут саму мысль о подобных порядках в родной стране. Однако их предкам в XVIII веке – привыкшим к кабальной службе, к рабству, к беспрекословному подчинению хозяину и вышестоящим

чинам – все это не казалось таким уж абсурдом. По мере развития колониальных городов в них все острее ощущалась разница в доходах между бедными и богатыми, но это не привело к формированию жесткой системы титулованных классов, традиционной для метрополии. Здесь тоже существовали очень богатые и очень бедные люди, но все же не до такой степени, как в Англии. Большинство американцев занимали место где-то посередине между этими двумя полюсами. Три четверти всех колонистов принадлежали к так называемому «среднему классу» – против одной трети среди англичан. В Америке доход на душу населения неуклонно повышался даже в условиях быстрого роста численности населения. Земли по-прежнему хватало на всех, и она была относительно дешева, так что колонисты имели возможность наслаждаться более высоким уровнем жизни, чем их современники в Европе. Мы приводим все эти данные, чтобы у читателя не осталось сомнений: в американских колониях на тот момент существовал целый ряд факторов, препятствовавших установлению иерархии европейского типа. По многочисленным свидетельствам зарубежных наблюдателей, в Америке XVIII века их удивляла не жесткая система социальных различий, а, напротив, всеобщее равенство, царившее в колониальном обществе.

Конечно, речь идет о весьма относительном равенстве. По сравнению с Европой Америка выглядела ровным полем, но если рассмотреть ее саму по себе, то вся эта символическая равнина оказывалась на поверку грубой, неровной, изрытой ямами и колдобинами. Начать с того, что каждый пятый обитатель колоний являлся рабом. Половина всех иммигрантов, решивших попытать счастья в Америке, была связана кабальными трудовыми контрактами. В результате не менее половины населения вынуждено было довольствоваться

подчиненным положением, предусматривавшим ограничение в политических, юридических и имущественных правах. К началу XVIII века в Новой Англии уже появилась значительная группа безземельных переселенцев, и размеры этой группы постоянно росли. В то же время в Южных колониях сформировалась прослойка доморощенной аристократии, взявшей себе за образец «роялистскую» традицию. И хотя эта плантаторская элита максимально приблизилась к традиционным социальным схемам, следует все же отметить: ее власть и престиж опирались на контроль чужого труда, а не на собственно землевладение. Спекуляция недвижимостью оставалась разновидностью «спорта», и положение аристократических семей было весьма ненадежно: высокопоставленный статус легко приобретался, но столь же легко и утрачивался.

Колониальная политика в XVIII веке

Мы наблюдали, как колонии сначала позаимствовали у Британии основополагающие нормы общественного устройства, а затем от них отказались. Аналогичный процесс имел место и в политике. Со стороны могло показаться, что колониальная политическая система является зеркальным отражением британской, однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что на практике колониальная политика имела массу отличий.

Вид на форт Джордж с перспективой Нью-Йорка (по гравюре Карвитана, ок. 1730 г.)

Британские власти полагали, что колонии попросту воспроизведут привычную политическую систему, только в меньшем масштабе. Это означало, что в Америке будет действовать «смешанная» или «сбалансированная» модель правительства. То есть колонистам предстояло сформировать политическую систему, которая включала бы все традиционные элементы общественного строя и сочетала различные формы правления. Как и в Британии, они должны были предварительно создать уменьшенные копии

монархической, аристократической и демократической власти. Возможно, современному читателю это покажется странным, но вот что произошло на деле. Действительно были созданы колониальные правительства, большинство из которых включало в себя три основных элемента. Прежде всего, это губернатор (обычно назначаемый свыше) – теоретически он возглавлял пирамиду власти и исполнял функции «как бы короля». На следующей ступеньке располагалась верхняя палата или консультативный совет (тоже назначаемый сверху) – этот орган являлся американским эквивалентом британской палаты лордов. И, наконец, в самом низу располагалась нижняя палата или законодательное собрание представителей (выбирались народом) – такая местная версия демократической палаты общин, в его функции входила разработка законов и контроль сбора налогов.

Естественно, в глазах британцев все это выглядело грубой, приближенной аналогией британской схемы. Колонисты и сами должны были понимать, что их правительственная система не идет ни в какое сравнение с английским парламентом. Они просто скопировали (а не разделили) властные структуры, базирующиеся в Лондоне. Место верховной власти – в величественном дворце Вестминстера, а не в рядовом здании какого-нибудь заштатного Бостона или Филадельфии. Именно такой позиции придерживались британские чиновники, когда самонадеянно закрывали глаза на попытки американцев обзавестись собственными органами управления. Более того, они не вмешивались в принятие повседневных решений, предоставив те самые американцам. У короля и парламента были более важные дела, чем мелкие проблемы далеких и не слишком важных (по крайней мере, с точки зрения британцев) колоний. Таким

образом, большую часть XVIII столетия метрополия легкомысленно закрывала глаза на «самоуправление» американских переселенцев. Казалось, такое положение вещей устраивало всех: колонии наслаждались дарованной им свободой, Лондон минимально вмешивался в их дела, а империя в целом пожинала урожай в виде экономических дивидендов, поступавших из стабильно развивавшихся заокеанских владений.

Колонисты ценили подобную мягкость со стороны лондонских властей. Они бережно лелеяли британское политическое наследие, охраняли свои традиционные права и искренне восхищались успехами смешанного управления. Американцы чрезвычайно гордились тем, что являются частью империи, которая на тот момент, несомненно, являлась самой могущественной в западном мире. Они на собственном опыте убедились, насколько важно иметь столь серьезного союзника: именно поддержка Британии помогала держать в страхе испанцев и французов – извечных противников английских колонистов. А посему они во весь голос декларировали свою лояльность королю, радостно поднимали тосты за его здоровье и старались всячески защищать интересы короны.

К несчастью, теоретические модели плохо приживаются в реальной жизни – и это надо помнить всем, кто избрал своей профессией политическое поприще. Хотя колониальные правительства и выглядели тщательно сработанной миниатюрой лондонских структур (вроде бы те же король и парламент), но, как выяснилось, на практике они действовали совершенно иначе. В обществе, где отсутствовала жестко структурированная иерархия, они с трудом справлялись со своими функциями. Что толку в должности губернатора, если в твоём распоряжении нет ни солидного денежного фонда, ни права

распоряжаться общественными должностями? Губернаторы представляли собой слабые политические фигуры, которые, как правило, не пользовались народной поддержкой. Не имея возможности приобретать надежных сторонников, они вынуждены были бороться в одиночку с провинциальными законодательными органами. Со своей стороны, собрания представителей обладали куда большей полнотой власти и неустанно трудились над ее расширением. Они с большим энтузиазмом участвовали в законотворчестве, при каждой возможности вмешивались в работу исполнительных и юридических органов и вообще вели себя так, будто действительно на законных основаниях являются соправителями империи. Государство, во главе которого стояли эти люди, очень мало напоминало их далекую метрополию. В Англии лишь четвертая часть населения имела возможность голосовать на выборах. В колониях таким правом обладали от половины до трех четвертей всех белых мужчин, и многие из них не относились к числу англичан. К тому же большое число избирателей по происхождению принадлежали к той или иной группе диссентеров, которые с традиционным подозрением относились к власти придерживающим структурам. При таком обширном и разнообразном электорате колониальная политика была более нестабильной и подверженной конкуренции, чем ее английский прототип.

Американскую политику трудно назвать демократической в истинном смысле этого слова. Хотя абсолютное число избирателей превышало таковое в любой другой стране, все же большая часть населения была лишена права голоса. Сюда относились чернокожие колонисты и почти все женщины. К тому же для кандидатов на государственные посты – даже для белых мужчин – был установлен высокий

имущественный ценз, что также ограничивало доступ к браздам правления. Как результат, в стране складывалась система, при которой власть концентрировалась в руках небольшой группы избранных лиц. Потребовалось совсем немного времени, чтобы рядовые американцы осознали сей факт, однако это был не единственный урок, который преподнесла им жизнь. Сложившуюся систему самоуправления со всеми ее пороками они воспринимали как данность, но тем не менее доверяли ей больше, чем находившейся за 3 тыс. миль централизованной власти. Колонисты вынуждены были жить в мире, британском по форме, но функционировавшем на американский лад.

Колониальная экономика в XVIII веке

Британия могла себе позволить минимально вмешиваться в политическую жизнь колоний, ведь она имела иной, более действенный механизм для регулирования процесса. Коммерция служила тем хитрым составом, который метрополия – в обход политики – использовала для цементирования своей империи. Британия была уверена, что колонистам вполне по силам разрешать повседневные политические проблемы: они сделают это честно и профессионально. А империя пока сконцентрируется на более достойной цели – будет накапливать мощь и богатство.

Следуя примеру своих соперников, Британия выстроила «меркантильную» систему, в рамках которой правительству отводилась важная роль – создание и укрепление рынка, обеспечивающего мощь и богатство государства. В данной системе колониям отводилась роль жизненно важного элемента, призванного служить специфическим интересам метрополии. В частности, они поставляли необходимое сырье, которое иначе бы пришлось закупать у других государств. Также они обеспечивали рынок сбыта для британских товаров, тем самым поддерживая уровень рабочей занятости (и политический мир) в самой Англии. Регулируя спрос и предложение в колониях, Британия формировала благоприятный торговый баланс. Пока экспорт превышал импорт, метрополия благополучно накапливала капитал. Чем больше капитала – тем больше власти. А увеличение власти автоматически приводило к расширению и укреплению империи. Чтобы эта схема действовала, в 1650–1750 годы был

выработан целый комплекс правил и ограничений. Он регулировал деятельность коммерческого флота Британии, ориентируя его на перевозку ценного сырья из колоний и, напротив, британских товаров обратно в колонии. Английские же чиновники следили за налогообложением всех торговых операций. Все это было сложно и хлопотно, но в конечном счете окупалось с лихвой, так как позволяло удерживать большую часть торговли (а следовательно, и прибылей) в империи, подальше от рук иностранных конкурентов.

Можно сказать, что до определенного момента заокеанские колонии вполне оправдывали ожидания Лондона. Вся американская торговля была ориентирована на Британию: туда, на родину, колонисты отсылали большую часть своих товаров, умудрившись за 70-летний срок (1700–1770 гг.) практически удвоить экспорт. Что касается обратного потока, то и здесь основная масса готовой продукции, необходимой для жизнедеятельности колоний, поступала из Англии. Объем импорта за тот же период вырос в 4 раза. Большинство колонистов были самостоятельными фермерами и снабжали метрополию сельскохозяйственной продукцией, которая не могла выращиваться на Британских островах. Южане торговали табаком, рисом, индиго и шкиперским имуществом. Новая Англия и среднеатлантические колонии продавали Британии пиломатериалы, рыбу, пушнину, выполняли кораблестроительные заказы. Кроме того, они поставляли зерно и домашний скот в южные колонии и Вест-Индию. «Меркантильная» экономическая политика обеспечивала колонистам важные преимущества, открывая дорогу к доходным рынкам. Она гарантировала покупателям необходимые товары, причем, что важно, в необходимых количествах. И она же поддерживала и защищала корабли военного флота Великобритании в международных водах.

Возможно, самым главным преимуществом было то, что Британия не слишком строго ужесточала законы мореходства. Основным объектом ее административного внимания являлись «сахарные» острова Карибского бассейна – и немудрено, ибо этот регион обеспечивал империи максимальные прибыли. По сравнению с ним южные и тем более северные колонии играли куда меньшую роль в системе «меркантильной» экономики.

Увы, как показала практика, эта система была далека от совершенства. Продукция сельскохозяйственного Севера не отличалась уникальностью: ее перечень чаще дублировал, чем дополнял британский ассортимент. Вдобавок даже эти продукты – плохо продававшиеся в метрополии – становилось все труднее производить из-за истощения и без того небогатых почв. В результате колонисты Новой Англии перешли от фермерства к мелкооптовому промышленному производству, организуя различного рода мануфактуры. Подобная перемена не могла обрадовать английских промышленников, которые обрели неожиданных конкурентов в заморских колониях. Парламент отреагировал введением всевозможных ограничений на производство и экспорт таких американских товаров, как железо, шерстяные изделия и головные уборы. В южных колониях тоже не все шло гладко. Владельцы табачных плантаций на Чесапикском побережье испытали немало переживаний – куда там «русским горкам»! – вследствие колебаний цен на их товар. Ситуация осложнялась и тем, что рынок сбыта табака и табачных изделий практически полностью контролировался европейцами. Плантаторам, чтобы хоть как-то выжить, приходилось спешно расширять плантации, закупать новых рабов, производить все большие объемы табака. И каждая из

перечисленных мер еще больше дестабилизировала цены на их товар.

Таким образом, меркантилизм поставил американских колонистов – причем как северян, так и южан – перед лицом серьезной, можно сказать, неразрешимой проблемы: являясь слабым звеном системы, они вынуждены были собственными силами расхлебывать кашу, которую заварили в Лондоне.

Метрополия выкачивала деньги из колоний, которые экспортировали главным образом сырье, а ввозили в страну товары промышленного производства. В то время как Британия пожинала плоды положительного торгового баланса, несчастным колонистам едва удавалось сводить концы с концами. Золото и серебро уплывали в Британию, Америке решительно не хватало денег, а долги колонистов неуклонно росли. Чтобы как-то облегчить свое положение, американцы предпринимали отчаянные шаги: они бойкотировали даже самые мягкие из «меркантильных» законов; вопреки сложившейся традиции, начали торговать с другими странами; закупали запрещенные товары; уклонялись от уплаты налогов и пошлин. Таким образом, сегодня можно смело сказать: меркантилизм вряд ли облагородил американскую экономику. Напротив, он содействовал формированию таких негативных традиций, как перманентная задолженность и контрабанда.

Вопрос Кревекера

Мы уже установили моменты соответствия и расхождения между британской и американской действительностью в политической и экономической сферах. Но их точно так же можно было наблюдать и в прочих областях жизни, в том числе и в культуре. Связь с далекой родиной не прерывалась, она пропитывала всю жизнь провинций – касалось ли дело таких возвышенных материй, как литература, архитектура и юриспруденция, или же повседневных реалий в виде языка колонистов, топографических названий или предпочтительных товаров потребления. Можно сказать, что Британия задавала тон, формируя вкусы как простонародья, так и высокопоставленных кругов населения. И все же, сохраняя ностальгическую привязанность к родной стороне, колонисты уже начали исследовать иные пути – пусть медленно и неуверенно, но формируя собственный, американский стиль жизни.

Взять, к примеру, религиозные устремления колонистов. Если оставить в стороне небольшую группу католиков и евреев, большая часть американцев имела общие духовные корни с британцами. И те и другие отрицали принцип филиокве^[7] и полагали, что Святой Дух исходит от Бога-отца; страшились осуждения на вечные муки и веровали в милосердие Господне, ведущее к спасению. Оба народа разделяли протестантскую традицию жесткой церковной иерархии и принимали сформулированный Лютером принцип о непосредственной связи любого верующего с Богом. Оба следовали указаниям Библии короля Якова, признавая ее за достоверную запись Божьего слова. И оба во второй четверти XVIII века стали свидетелями подъема религиозного учения «возрожденцев».

Однако наряду с общими чертами существовал и ряд отличий американской религиозной жизни от британской. И отличия эти касались в первую очередь положения самой англиканской церкви. Хотя официально англиканство считалось основным вероисповеданием во всех южных и отдельных северных колониях, на деле оно охватывало совсем небольшую часть верующего населения. Позиции англиканской церкви в значительной степени подрывались пассивностью ее британского руководства, которое, по сути, не оказывало никакой административной поддержки своему отделению в колониях. Если какие церкви и преуспевали в Америке, то это отколовшиеся от англиканства пресвитериане, конгрегационалисты, баптисты и квакеры, объединявшие в своих рядах куда большее число колонистов. Их «догмой» являлось инакомыслие или, во всяком случае, диссидентские традиции, которые предполагали протест и требование очищения вместо покорного следования догматам англиканской церкви. Даже великий пожар «возрожденческого» движения разгорелся не без помощи религиозного огня в Америке (пусть это пламя имело несколько другой оттенок). Инспирированная выступлениями такой церковной знаменитости, как английский проповедник Джордж Уитфилд, в 1730-1740-х годах сначала в Новой Англии, а затем и в других колониях возникло учение о «Великом Пробуждении». Оно стало той основополагающей идеей, которая звала колонистов к сплочению и укреплению во имя истины и чистоты. По мнению некоторых историков, горячая полемика, сопровождавшая феномен «Пробуждения», сыграла свою роль в приобщении американцев к традиции конфронтации, причем не только в религиозных вопросах. Ибо, начав противоречить, очень легко переключиться с религии, например, на политику.

Таким образом, столь любимая колонистами «свобода», получила широкое распространение как в церковной, так и в мирской областях.

Преподобный Джордж Уитфилд (1769 г.)

И что в результате? Следует признать: существовало в Америке нечто такое – и это касалось как высоких сфер духа, так и повседневной действительности, – что отдаляло (и отвращало) ее обитателей, вчерашних англичан, от их бывшей родины. Нашелся человек, который попытался дать определение этому неуловимому «нечто», уникальным чертам характера американцев. Им стал переселенец из Франции по имени Мишель-Гийом-Жан де Кревекер. В 1770-х годах он написал серию статей, в которых исследовал природу американской жизни. В одной из своих работ, опубликованной в 1782 году и озаглавленной «Письма американского фермера», он поставил весьма непростой вопрос: «Так что же собой представляет американец, каков этот новый человек?» И вот как Кревекер отвечал:

Он либо европеец, либо потомок европейцев, и отсюда столь необычное смешение разных кровей, какого вы не найдете ни в одной другой стране... Он американец – тот, кто, расставшись со всеми прежними привычками и предрассудками, приобретает новые, продиктованные новым укладом жизни, которая его окружает. Американцы – западные пилигримы, принесшие с собой огромный багаж искусств, наук, законов и индустрии, задолго до того зародившихся на востоке; и они завершат этот большой круг.

Действительно, американцы сначала усвоили и взяли на вооружение трафареты европейской жизни, а затем вынужденно от них отступили. Но, не сумев вписаться в схему старого мира и не найдя себя в новых условиях, колонисты вынуждены были смешивать привычки и ценности обоих миров. Кревекер наблюдал вокруг себя колонистов в удивительной связи с их родиной.

Напряжение назревает

В середине XVIII века в колониях складывалась настолько запутанная ситуация, что сейчас уже трудно установить, каковы же были главные проблемы и неприятности, с которыми столкнулись белые американские поселенцы. Так или иначе, но в 70-х годах XVIII века они оказались на грани восстания. Что же такого должно было случиться, чтобы столь разительно изменить положение дел в стране – от исключительно благоприятного до нестерпимо раздражающего? Как это возможно: иметь благоденствие и спокойствие, а получить в результате революцию?

Ответ (если не вдаваться в подробности) звучит следующим образом: дело в том, что в колониях настали новые времена. Британия поменяла правила игры, да так круто, что американцы не смогли принять эти изменения. После десятилетий достаточно вольготного администрирования они ощутили резкое ужесточение колониальной политики. Вместо того чтобы консолидировать колонии при помощи коммерческого механизма, британские власти сделали ставку на политический деспотизм. И вместо того чтобы честно расплатиться по счетам за колониальные операции, англичане решили, что настало время платить самим американцам (уж больно хорошо живут в своих колониях!).

Для чиновников, ведавших колониальными делами, изменения казались вполне честными, разумными и необходимыми. Объекту управления те же самые перемены виделись непродуманными, злокозненными и тираническими. Британцы отказывались признавать себя суровыми деспотами, а напротив, претендовали на

роль рачительных хозяев, которые решили наконец-то навести порядок в колониальном хаосе. Американцы, в свою очередь, видели себя не бездумными бунтовщиками, а подлинными консерваторами, охраняющими традиционные права англичан от посягательства недобросовестного правительства. И обе стороны отказывались понимать позицию противника. Бросались безосновательные оскорбления. После десяти лет бессмысленных пререканий терпению обоих оппонентов пришел конец, и былой союз рухнул. Попытка Британии реорганизовать империю натолкнулась на скрытое сопротивление американцев, которое затем переросло в вооруженное восстание.

Причины колониальной реорганизации

Британия изменила правила колониальной игры по причинам, которые ей казались вполне разумными и логичными: дело в том, что мир, которым наслаждалась империя, был нарушен самым неожиданным, непривычным и непрогнозируемым образом. За семьдесят с лишним лет – с 1689 по 1754 год – Британии пришлось участвовать в четырех крупных войнах против традиционных имперских соперников – Франции и Испании. Вот чем обернулась ожесточенная конкуренция за мировые рынки. Последние потрясения – война с французами и Индейская война – растянулись на девять лет и охватили четыре континента. Вначале все складывалось довольно неудачно для Британии: 4 июля 1754 года малоопытный командир виргинского ополчения Джордж Вашингтон вынужден был сдаться французским войскам, которые вторглись в долину Огайо. Тем не менее война закончилась в 1763 году подписанием мирного договора, трагического для французской империи: Франция сумела сохранить за собой лишь несколько островов в Карибском бассейне и у побережья Канады.

Казалось бы, Британия должна была ликовать по поводу безусловного триумфа в Северной Америке. Но радость победы омрачалась тяжким бременем, которое англичане взвалили на свои плечи с приобретением огромной территории: новые земли надо было как-то осваивать, их населением (которое, кстати, не владело английским языком) как-то управлять, и еще оставалась куча долгов, требующих своевременной уплаты. Теперь в состав Британской империи входили Канада и территория к западу от Аппалачей. Обитавшее на этой

земле французское и индейское население было непривычно к британскому типу администрирования (и не выказывало желания к нему привыкать). Чтобы управлять внезапно расширившейся империей, англичанам приходилось платить высокую цену: постоянное присутствие в регионе 10-тысячной армии обходилось в 400 тыс. фунтов ежегодно. К несчастью, Англия на тот момент испытывала острую нехватку в денежных средствах. И немудрено: ведь за годы войны государственный долг империи удвоился и к 1763 году уже достиг 130 млн фунтов стерлингов. Только на выплату процентов уходило 4,5 млн, что составляло почти половину годового бюджета страны в мирное время. Жители Британских островов – и без того сверх меры обремененные налогами – всеми силами противились попыткам государства залезть в их худые карманы. Увы, довольно скоро лондонские власти осознали: в нагрузку к победе в Северной Америке прилагается тяжелый груз политических и финансовых проблем.

Так кто же, как не колонисты, должен был расплачиваться по счетам и решать возникшие проблемы? В конце концов эта дорогостоящая война велась в значительной степени для защиты их жизней и собственности. Изгнание французов с континента обеспечивало в первую очередь безопасность английских колонистов. А сохранение усиленного военного контингента имело целью обеспечивать их интересы в будущем. Было бы только справедливо, рассуждали британцы, если бы колонисты взяли на себя часть издержек империи – особенно в свете их не вполне благовидного поведения в военное время. Офицеры британской армии постоянно жаловались на низкую квалификацию и неуправляемость американских солдат. Правительства колоний крайне неохотно участвовали в финансировании боевых

операций, а американские торговцы и вовсе проявили себя предателями, продолжая торговать с вражеской стороной во время военных действий. Мягкость и безалаберность колониальной политики ставили под угрозу интересы империи. Для Британии настало время потуже натянуть поводья.

Колонистам, конечно же, ситуация виделась совершенно в ином свете. Самих себя они рассматривали как законопослушных подданных империи, которым пришлось принести немалые жертвы на алтарь колониальной войны. Они сражались плечом к плечу с англичанами, помогая сокрушать общего врага. И американцам казалось, что они заслужили уважение и благодарность империи – вместо той критики, какую обрушили на них вчерашние соратники. С 1760 года Америка переживала эпоху экономического спада, и, очутившись в подобных условиях, колонисты, как минимум, рассчитывали на сочувствие и понимание со стороны метрополии. Тот факт, что на территории их страны располагалась огромная регулярная армия (которую, между прочим, требовалось кормить и одевать), вызывал непонимание и раздражение в рядах американских поселенцев. Если французская армия ушла, то о какой угрозе империи речь? В свете великой победы, одержанной Британией и ее союзниками, оборонительная политика Лондона выглядела, по меньшей мере, странно.

И как назло – вдобавок ко всем расхождениям между американцами и англичанами – во второй половине XVIII века возник еще один фактор, сильно осложнивший ситуацию в колониях: в 1760 году к власти пришел король Георг III. В отличие от своих предшественников, двадцатидвухлетний король был настроен очень решительно: он намеревался – ни много ни мало – вытащить британскую политику из трясины коррупции и фракционности. С этой целью он, вместо

того чтобы предоставить принятие решений компетентным политикам, сам активно вмешивался в процесс. В результате роль короны в формировании имперской политики, конечно, возросла, но одновременно это привело к усилению нестабильности в управлении: министры теперь, что ни день, менялись на своих постах – достаточно было чем-либо (личными или профессиональными качествами) не угодить Георгу III. Как и следовало ожидать, это больно ударило по колониям: в период реорганизации им приходилось постоянно сталкиваться с изменением курса колониальной политики.

Но кого интересует мнение каких-то колонистов? Имперская реформа – худо ли, бедно – все же продвигалась. Министры принимали все более жесткие законы в сферах колониальной торговли, налогообложения и юрисдикции. И с каждым таким законом недовольство американцев, а с ним и раздражение британцев только возрастали.

Обновленная Британская империя, 1763-1772 годы

Прежде всего Британия занялась колониальным земельным уложением. И тому были веские причины. Американские колонисты с вождением поглядывали в сторону бывших французских территорий, освободившихся после мирного договора 1763 года. Но такая внезапная и массовая миграция могла повлечь за собой многочисленные конфликты с индейскими племенами, жившими к западу от Аппалачей. В прошлом коренные жители Америки использовали борьбу между европейскими конкурентами, дабы защитить собственные интересы. С уходом французов индейцам пришлось иметь дело с одной сильной и сплоченной белой нацией, с британцами. Но британцы и сами были заинтересованы в сохранении мира и спокойствия в Северной Америке. С этой целью им пришлось принять Королевскую прокламацию 1763 года, которая временно запрещала английским колонистам продвигаться за границу, проходившую по Аппалачским горам. Такой неожиданный поворот в колониальной политике вызвал резкое недовольство жителей приграничных территорий, земельных спекулянтов и восточных фермеров-переселенцев.

Так или иначе, наведя порядок в расселении колонистов, британские власти обратили все внимание на экономическую сферу. В 1764 году Джордж Гренвилль, премьер-министр и канцлер Британского казначейства, провел два закона, регулирующих колониальную торговлю. Первым стал закон о сахаре, облагавший таможенными пошлинами ввозимые в Америку сахар, кофе, вино и зарубежный текстиль. Формально закон был направлен на борьбу с

контрабандой и коррупцией в торговле и стал первым шагом в ужесточении навигационных законов. Тем не менее колонисты негативно отреагировали на этот закон, поскольку понимали истинные мотивы подобного законотворчества. Гренвилля беспокоило не упорядочение торговли, а отчисление дополнительных средств в британскую казну. Другими словами, он маскировал новые налоги под таможенные пошлины. Принятый в том же году закон о валюте вызвал еще больше беспокойства, поскольку запрещал колониальным правительствам выпуск бумажных денег как законного платежного средства. Привыкшие к относительно свободной экономике, где можно было по выбору либо подчиняться законам, либо их игнорировать, американцы внезапно почувствовали себя связанными по рукам и ногам.

Чтобы обеспечить содержание североамериканских вооруженных сил, Гренвиллю пришлось в 1765 году ввести в колониях дополнительный налог на печатные материалы. В отличие от закона на сахар, новый закон о гербовом сборе^[8] затронул не только жителей Новой Англии, но и большую часть американских колонистов. К тому же на сей раз деньги выкачивались в виде прямых налогов, что нарушало все прежние традиции колониальной жизни. Эта мера, возможно, выглядела вполне осмысленной в глазах лондонской бюрократии,

но в Америке она вызвала бурную вспышку негодования. Протестующие «патриоты» доказывали, что новый закон грозит не только очередным финансовым обременением колонистов, но и подрывает сами конституционные основы общества. Таким образом, вопрос о налогах приобрел политическое значение. Толпы рядовых американцев, подстрекаемые членами радикальной организации «Сыны свободы», преследовали агентов по распространению гербовых марок; развернулась широкая кампания по бойкоту английских товаров. Женщины отказывались от шелковых платьев и лент, колонисты стали носить одежду из грубых самодельных тканей, пить чай, настоянный на малиновых листьях. В том же году в Нью-Йорке собрался конгресс по поводу закона о гербовом сборе, и девять колоний прислали на него своих представителей.

Конгресс обратился к парламенту с петицией, в которой требовал отменить несправедливый закон. Делегаты заявляли о своей лояльности по отношению к королю, они признавали за парламентом право составлять законы для колоний (в том числе и регулирующие торговлю), но закон о гербовых сборах, настаивали они, – особый случай. Апеллируя к традиционным правам английского народа, конгресс настаивал, что не может быть «налогообложения без представительства». Людей нельзя заставлять платить без их согласия, а согласие возможно выразить только через представительную ассамблею. Британцы утверждали, что американцы и так «заочно» представлены в парламенте – органе, который теоретически защищает интересы всех членов империи. Американцы же возражали, что единственной заслуживающей доверия и законной является система «действительного» представительства, при которой члены законодательного собрания избираются

народным голосованием. Будущие законодатели должны непременно проживать в том округе, который они представляют, хорошо знать надежды и чаяния своих земляков и учитывать их при составлении законов.

Таким образом, позиция колонистов была вполне ясна: они ставили под сомнение абсолютную власть парламента. Они желали сохранить местную автономию и требовали реального представительства. Британия отклонила оба требования. В конце концов много ли людей в империи и даже в самой Англии имели привилегию «действительного» представительства? А заявления американцев по поводу «суверенитета» и вовсе выглядели нелепицей! Парламентская власть в империи не подлежит ограничению или тем паче разделению. У парламента либо неограниченная власть, либо никакой. Он либо создает законы по своему усмотрению, либо вообще этим не занимается. Короче, парламент либо правит, либо нет!

Тем не менее, несмотря на все свое упрямство, британские власти вынуждены были признать: закон о гербовых сборах провалился. Денег из колоний поступало все меньше, экспорт в Америку неуклонно падал, зато беспорядки изо дня в день возрастали. В Лондоне было сформировано новое правительство под руководством маркиза Роккингема, которое подвело итог британским издержкам и в марте 1766 года приняло решение об отмене злополучного закона о гербовых сборах. В то же время парламент издал специальный декларационный акт, в котором вновь подтверждал свое право творить колониальные законы – «во всех случаях без ограничения». Британцы были убеждены, что, невзирая на недавнюю неудачу, они смогли отстоять авторитет и сохранить лицо. Американцы, в свою очередь, верили, что выиграли спор, намереваясь в будущем попросту игнорировать

декларационный акт. Таким образом, кризисную ситуацию удалось на какое-то время смягчить. Смягчить, но не разрешить принципиально.

Уже на следующий год с приходом к власти нового правительства (соответственно, с новой колониальной программой) обстановка вновь накалилась. Чарльз Тауншенд, министр финансов Британии, решил: раз колонисты признали за парламентом право регулировать коммерческую деятельность и вводить торговые сборы, то империи грех не воспользоваться этим законным источником доходов. В 1767 году кабинет принял закон о доходах, существенно повышавший налоги на такие промышленные товары, как краски, бумага, стекло, свинец и чай. Из собранных денег предполагалось формировать фонд заработной платы английских чиновников в Америке. Чтобы вся система работала гладко, Тауншенд позаботился обеспечить законодательную базу для ужесточения коммерческого права. Предвидя недовольство колоний, он убедил парламент приостановить работу Нью-Йоркской ассамблеи. В качестве предлога был использован тот факт, что колония не сумела обеспечить средства для размещения британских войск.

В результате положение колонистов еще более ухудшилось. Ненавистные налоги вернулись под новой личиной, королевские чиновники обрели финансовую независимость от местных властей, а вице-адмиральские суды получили право наказывать нарушителей торгового законодательства. В довершение всего Лондон мог в любую минуту распустить любую колониальную ассамблею. Америка ответила на это беззаконие новым взрывом протестов, петиций, бойкотов и гражданских беспорядков. Торговля находилась в упадке, а социальное и политическое напряжение нарастало. Такое положение дел сохранялось почти два года, затем 5 марта 1770

года необъявленная война вышла на новый уровень. В тот день в Бостоне разгорелся конфликт между горожанами и британскими войсками, расквартированными в городе. Началось с того, что мальчишки забросали снежками стоявших на посту солдат, собралась толпа, полетели насмешки. В ответ англичане открыли огонь, убив пятерых и ранив шестерых горожан. Вести об этом инциденте, получившем название «Бостонской бойни», быстро разлетелись по всей Америке и вызвали новый всплеск ненависти к англичанам.

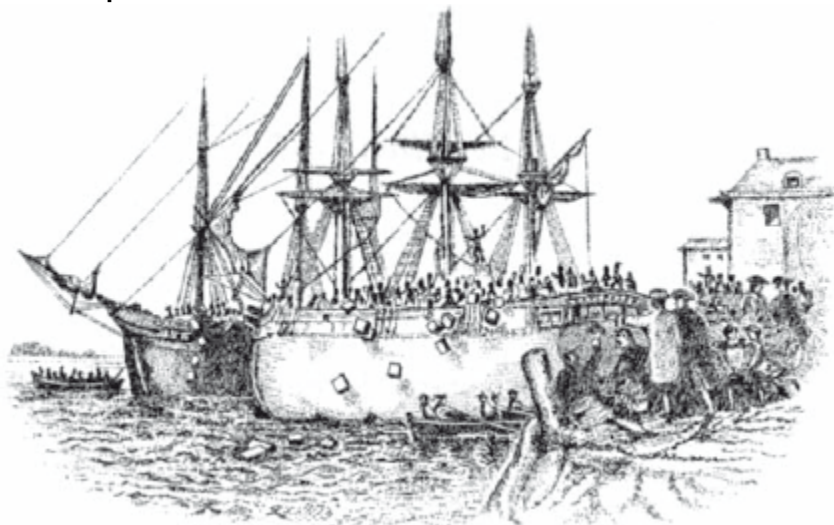
В тот же самый день британский парламент, заседавший за 3 тыс. миль от Бостона, предпринял действия, направленные на погашение затянувшегося конфликта. Новый премьер-министр, лорд Норт, удрученный 40-процентным спадом в английском экспорте и непрекращающимися протестами колонистов, потребовал от парламентариев отмены закона Тауншенда. Те согласились, однако оставили повышенный налог на сахар, как символ законной власти парламента над колониями. И вновь британцы уверовали, что им удалось с честью выйти из положения, – в то самое время, как в Америке праздновали победу над метрополией. Столь разная трактовка ситуации, конечно же, свидетельствует о взаимном непонимании оппонентов. Но она позволила восстановить спокойствие (а с ним и торговлю) и еще на два года оттянуть назревавший военный конфликт.

От сопротивления к открытому восстанию, 1773-1775 годы

Действительно, два ближайших года – с 1770 по 1772 год – в жизни колоний царил относительный покой, однако это была только видимость, скрывавшая ряд застарелых проблем. Несмотря на отмену двух законов, большинство имперских реформ оставались в силе: несправедливые «налоги» подрывали конституционные принципы; вице-адмиральские суды ставили под сомнение основные юридические права населения; произвол королевских чиновников мешал самоуправлению; запрет на выпуск бумажных денег сильно осложнял экономическую жизнь колоний, а неоправданное присутствие регулярной армии несло угрозу основным гражданским свободам. В среде колонистов зрело недовольство. Осенью 1772 года в Бостоне был сформирован Корреспондентский комитет, в чьи функции входило распространение новостей, патриотических выступлений и предостережений по всей стране. Невзирая на запрет, комитет осуществлял связь между колониями и проводил антибританскую агитацию среди народа. Пройдет совсем немного времени, и «корреспонденты» комитета начнут передавать в свои отделения куда более важные новости.

Чтобы поддержать пришедшую в упадок Ост-Индскую компанию, парламент принял в 1773 году закон о чае, который заочно передавал компании монополию на чайную торговлю в Америке. Используя махинации на таможне, чиновники компании искусственно занижали цены на популярный среди колонистов голландский чай, поступавший по контрабандным каналам. Пока цены на этот напиток

оставались низкими, таможенные пошлины Тауншенда сохранялись. Откровенно протекционистский характер закона о чае вывел из себя американских колонистов, которые от пассивного порицания перешли к активным действиям: горожане организовывали специальные отряды, что блокировали порты и запрещали разгружаться торговым судам. В Бостоне пошли еще дальше: 16 декабря 1773 года горожане утопили в прибрежных водах прибывшую партию чая стоимостью 10 тыс. фунтов стерлингов («Бостонское чаепитие»). В ответ Лондон принял ряд карательных мер: прежде всего, британцы закрыли Бостонский порт; вслед за тем последовала реорганизация правительства Массачусетса и назначение военного губернатора; судопроизводство по делам нарушителей королевских законов было перенесено в Лондон, зато подразделения регулярной армии максимально приблизили к населению – теперь солдат размещали прямо в частных домах. Если Британия рассчитывала этими репрессивными законами – в Америке их окрестили «невыносимыми» – запугать колонистов, то она сильно просчиталась. Вместо того правительственная акция, как никогда, сплотила американцев и усилила их ненависть к британским властям.

«Бостонское чаепитие»

Теперь уже подавляющее большинство колонистов не сомневалось: в Лондоне готовят генеральное наступление на их оставшиеся свободы. А принятые парламентом законы подтверждали самые дальновидные догадки, которые оправдывали протесты колонистов. На протяжении последних десяти лет американские патриоты не просто наблюдали и осуждали имперские реформы, они также пытались их осмыслить. Основательно изучив труды древнегреческих и древнеримских философов, опираясь на идеи эпохи Просвещения и взгляды английских оппозиционеров Джона Тренчарда и Томаса Гордона, местные патриоты пришли к неутешительным выводам: все злоупотребления лондонских властей проистекают не от неумения управлять, а являются намеренной попыткой разрушить американскую свободу. Весь ход колониальной истории подтверждал тезис о небезопасности политической власти для ее носителей – власть, как известно, развращает. Причем, как выяснилось, процесс этот носит расширяющийся и неконтролируемый характер: чем шире возможности власть предержащих, тем необратимее последствия. Растущая власть требует в жертву свободу. Человеческие права вообще нечто хрупкое, и защитить их можно лишь через постоянный и бдительный надзор. Американцы не собирались сдаваться. Оказывать сопротивление тирании в любых формах, окорачивать руки недобросовестному правительству, которое противопоставляет личные интересы государственным – в этом они видели свое исконное право. А в том, что такое сопротивление необходимо, колонисты теперь не сомневались. Доказательством тому служила цепь несправедливостей, чинимых королевской властью.

Не требовалось особо богатого воображения, чтобы просчитать, по какой зловещей схеме будут развиваться события в ближайшем будущем. Британские власти, несомненно, шли по пути накопления власти, процесс этот сопровождался усилением коррупции и беззакония. Свободы колонистов постоянно попирались, полномочия местных правительств бесовестно подрывались, а серия злоупотреблений в имперских законах, принятых с 1763 года, носила явно преднамеренный характер. Все указывало на то, что в Британии существует заговор против американской свободы.

Однако сложить вместе кусочки имперской головоломки было только половиной дела. Перед колонистами стояли и другие, не менее важные проблемы. Например, если власть и вправду такое опасное и развращающее явление, возникал вопрос: каким образом самим американцам избежать этой опасности? Местные патриоты были убеждены, что ответ следует искать в особенностях национального характера и правительственного уложения. Народ – чтобы, вопреки всем препонам, сохранить свободу – должен претворять в жизнь традиционный набор «гражданских добродетелей». При этом отдельные индивиды должны жертвовать личными интересами во имя общего блага. Патриоты-колонисты считали: кампания неповиновения Британии продемонстрировала такие исконные черты американского характера, как самодисциплина, скромность и трудолюбие. Таким образом, этот характер вполне соответствует сложным политическим задачам, которые в ближайшем будущем предстояло решать колонистам. А опыт самоуправления поможет им исключить формы правления, которые порождают коррупцию и тиранию. Американцы выбрали собственный способ государственного устройства: без

короля, без наследной власти, без централизованного правления. Они создали простые политические институты – достаточно репрезентативные и ответственные. По своим обычаям, стереотипам поведения и формам правления американцы представляют собой народ, особо приверженный демократии и стойкий к искушению властью.

Именно с позиций демократической идеологии колонисты оценивали непростое международное положение и строили планы на будущее. Теми же принципами руководствовался и Континентальный конгресс, в сентябре 1774 года собравшийся в Филадельфии с целью обсудить обострившуюся угрозу со стороны империи. На конгресс прибыли 55 делегатов, представлявших все колонии, за исключением Джорджии. Итогом работы стали решения, регламентировавшие дальнейшее поведение американских колоний. Прежде всего, конгресс подтвердил непримиримую позицию по поводу «Невыносимых законов» и призвал всех честных американцев их бойкотировать. Отдельные рекомендации были выработаны для Массачусетса. Поскольку жители этой колонии волей-неволей очутились на переднем фронте борьбы с метрополией, им надлежало заняться обороной в предвидении возможного нападения со стороны британцев. Далее, делегаты конгресса утвердили самоуправление как форму государственного уложения. Они допускали ограниченные полномочия парламента в коммерческой сфере, но решительно настаивали на человеческих правах (каковые полагались им как британским подданным) и на исключительном праве колониальных ассамблей творить законы и устанавливать налоги. И наконец, в качестве ответной меры на несправедливые законы англичан, конгресс заявил о запрете на торговлю с Британией и учредил Континентальную

ассоциацию, призванную следить за осуществлением этого решения.

В течение короткого времени функции Континентальной ассоциации и ее местных комитетов значительно расширились. Ассоциация не только обеспечивала экономический бойкот, но и осуществляла надзор за работой судов, участвовала в формировании ассамблей и отрядов народного ополчения. В 1774–1775 годы повседневные функции управления постепенно переходили из рук королевских чиновников в руки различных патриотических организаций, которые фактически играли роль колониальных правительств. В своей деятельности они опирались на отряды ополчения, готовые в любой момент дать отпор вмешательству империи.

И вот такой момент настал. Первое столкновение отрядов ополчения с британскими войсками произошло 19 апреля 1775 года. Бостонское подразделение «красных камзолов» (английских солдат) получило приказ следовать в Конкорд, в 20 милях от Бостона, и там захватить принадлежавший ополченцам склад оружия и боеприпасов. По дороге к пункту назначения, неподалеку от деревни Лексингтон на англичан напали «минитмены».^[9] Завязалась перестрелка, после чего британский отряд продолжил путь к Конкорду; спустя какое-то время он подвергся вторичному нападению. На обратном пути англичанам практически все время приходилось отстреливаться от американских ополченцев. В общей сложности за этот рейд британцы потеряли 273 человека, в то время как потери противной стороны составили только 95 человек. Два месяца спустя военные действия разгорелись возле Брид-Хилла и Банкер-Хилла, небольших поселений к северу от Бостона. Они носили еще более ожесточенный характер: британцы потеряли тысячу

человек, а американцы примерно 400 убитыми и ранеными. Этот теплый июньский денек дорого обошелся империи, он стал самым кровопролитным за всю историю борьбы с колонистами.

Второй Континентальный конгресс собрался в мае 1775 года, а в июне он принял решение о создании Континентальной армии с Джорджем Вашингтоном в роли главнокомандующего. Это был довольно серьезный шаг, и все же колонии еще не созрели для окончательного разрыва с метрополией. Они отослали Георгу III «Петицию оливковой ветви», в которой заявляли о своей лояльности к монарху и нижайше просили его найти управу на недобросовестных чиновников. Делегаты подчеркнули, что не собираются отделяться от империи, хотя и ведут борьбу с тиранией. А борьба тем временем набирала обороты: начав с разрозненных протестов, колонисты перешли к спланированным акциям гражданского неповиновения. Не за горами был тот день, когда организованное сопротивление перерастет в вооруженный конфликт, чреватый множеством жертв. Однако пройдет еще целый год, прежде чем Америка объявит о своей независимости.

Важную роль в процессе отделения колоний сыграло произведение под названием «Здравый смысл», принадлежащее перу вчерашнего иммигранта из Англии Томаса Пейна. В своем памфлете, написанном живо, хлестко, простым и доступным языком, Пейн делал упор на двух принципиальных тезисах. Во-первых, он призывал читателей осознать, что они не англичане, а отдельный народ с четко выраженными чертами. Этот народ вырос в результате слияния множества людей из разных уголков земного шара, но всех этих людей объединяет чистый, неиспорченный характер, в котором нет места европейской развращенности. А во-вторых, утверждал Пейн,

добродетельные и независимые люди должны создать собственный новый порядок – взамен старого, подразумевающего монархию, наследную власть и неравноправие. Американцам требуется такой строй, в котором будут процветать свобода, равенство и широкая политическая активность масс. Подобный порядок предполагает и особую форму управления: возможно, это будет конституционная республика, но уж точно – власть простая и без излишеств. На том Пейн не останавливался, он убеждал американцев, что им по силам создать не только новый порядок, но и новую эру в истории. «В нашей власти, – писал он в своем памфлете, – начать строить мир заново. Рождение нового мира в наших руках».

Время компромиссов и петиций закончилось той же весной. До этого народ был настроен более воинственно, чем конгрессмены. Седьмого июня 1776 года Второй Континентальный конгресс наконец ликвидировал свое отставание и перешел к решительным действиям: делегаты начали работать над официальным заявлением о независимости колоний. Второго июля члены конгресса вынесли резолюцию, а 4 июля одобрили текст Декларации независимости, подготовленный в основном Томасом Джефферсоном. В принятой декларации Америка узаконивала (и объявляла о том всему миру) свое отделение от Британии.

Двигаясь от общего к частному, Декларация излагала принципы, на которых базировалось американское общество. Первое (и основополагающее) положение утверждало равенство всех людей перед Богом; далее говорилось о человеческих правах, заложенных в самой натуре человека, и о власти, которую правительство получает в результате согласия народа, то есть объекта управления. Народ же сохраняет за собой право «изменять или упразднить»

политический порядок, если тот идет вразрез с его интересами. Немалая часть документа была отведена специфическому вопросу: каким образом английский монарх утратил доверие своего народа (к которому колонисты до того себя относили). Игнорируя роль парламента (чья власть отныне полностью отвергалась), Декларация выставляла королю обвинительный список из 18 пунктов: Георг III объявлялся ответственным за целый ряд «оскорблений и злоупотреблений». Все эти случаи характеризовали его как тирана, недостойного власти. Вынося приговор королю, Америка таким образом рвала все связи с Британией.

Любопытно, что конфликт между Британской империей и американскими колониями возник на богатой и процветающей земле, а вовсе не в краю нищеты и бедствий. Его исходной точкой послужила победа, а не хаос поражения. Конфликт нарастал и развивался вследствие серии незначительных изменений в земельной, торговой и налоговой политике – а не в результате какого-то внезапного и вопиющего насилия. И целью его была борьба за сохранение традиционных конституционных принципов – а не против чего-то, как обычно бывает. Другими словами, мы хотим подвести читателя к выводу: американская революция отнюдь не была явлением очевидным, предсказуемым и неминуемым. Несмотря на свои спорные предпосылки, эта борьба в значительной мере сформировала политические взгляды нации. Прошло уже больше двух столетий, а американцы и поныне сохраняют инстинктивное недоверие к любой правящей власти и повышенную подозрительность в отношении всяческих заговоров. Превыше всего на свете они ценят личную свободу, а государство, в котором живут, почитают за идеальную модель общества. И эти

взгляды и убеждения американского народа –
своеобразное наследие той далекой революции.

Глава 3

Американская революция и создание нового правительства, 1775-1789 годы

Следующие пятнадцать лет американцам пришлось вести долгую изнурительную войну на два фронта. Прежде всего, продолжал набирать обороты военный конфликт с Британией, но не менее важной была борьба за создание собственной политической системы. Обе задачи требовали от колонистов крайнего напряжения сил, тем более что решать их приходилось одновременно. Два объективных фактора осложняли и без того нелегкое положение американцев: во-первых, подавляющее военное превосходство противника – всемогущей Британской империи; а во-вторых, значительное расхождение в политических взглядах, царившее в рядах самих американцев. Тем не менее они продолжали бороться, и итоги борьбы оказались несколько неожиданными. Мы помним, что, взявшись за оружие в 1775 году, колонисты всего лишь хотели исправить те перегибы и злоупотребления в управлении, которые допускала метрополия. Однако постепенно война американцев за свои права переросла в Войну за независимость. Аналогичная метаморфоза случилась и с органами местного самоуправления. Борьба за политическую самостоятельность, начатая в 1776 году, имела целью освобождение от чересчур жесткого централизованного управления. Результатом

же стало создание сильного и многогранного аппарата власти – национального правительства.

Если верить легенде, то в 1781 году после капитуляции в Йорктауне британские войска лорда Чарльза Корнуоллиса маршировали под звуки оркестра, игравшего весьма символическую песенку «Весь мир перевернулся вверх тормашками». Воистину, лучшего гимна не придумать – и для того знаменательного момента в ходе войны, и для политической эпохи, в которой все опрокинулось вверх ногами.

Начало освободительной войны

В 1765 году участники радикальной организации «Сыны свободы», к которым присоединились и «Дочери свободы», развернули широкомасштабную кампанию, целью которой являлась борьба с произволом британского правления. На тот момент они еще не подозревали, что их действия в конечном счете приведут к отделению колоний от империи. Точно так же отряды народного ополчения в апреле 1775 года не догадывались, что их вооруженные стычки с британцами при Конкорде и Лексингтоне знаменуют начало революции. Да и делегаты конгресса, принявшие Декларацию независимости, еще не решались на такой шаг, как объявление войны.

Сколь бы запутанной ни выглядела военная обстановка весной 1775 года, одно было совершенно ясно: Британия имела несомненное превосходство по всем статьям. Она более чем вчетверо превосходила свои колонии по численности населения; ее экономика была более разносторонней; многочисленная армия состояла из опытных профессионалов, а флот являлся сильнейшим в мире. Всему этому могуществу американцы не могли противопоставить ни многочисленной армии, ни солидного материального обеспечения. Их вооруженные силы состояли из Континентальной армии (безнадежно уступавшей противнику во всех отношениях) и разношерстных отрядов народного ополчения (в которых боевая солидарность и товарищеский дух значительно уступали дисциплине). Положение колонистов усугублялось отсутствием авторитетного централизованного правительства, способного координировать военные усилия и объединять вокруг

себя население. Фактически каждый пятый американец принадлежал к партии «лоялистов», по-прежнему преданных королю и метрополии. Все эти люди с неодобрением относились к идее создания независимого государства и испытывали страх перед решительными выступлениями мятежников.

И все же положение американских патриотов было не столь безнадежным, как могло показаться с первого взгляда. Что ни говори, а Британии приходилось воевать на чужой территории, за 3 тыс. миль от родного дома. Боевые действия разворачивались в колониях, разбросанных на протяжении 1,5 тыс. миль вдоль Атлантического побережья, в основном в сельской местности, где крупные города редкость. Традиционные британские методики не всегда срабатывали против армии, которая, по сути, представляла собой сборище партизанских отрядов, не объединенных единым мозговым центром и не следующих единой военной стратегии. Вдобавок, положение англичан осложнялось политическим разбродом, который царил у них дома, и непредсказуемым поведением их противников на международной арене. Американцы, со своей стороны, проявляли все большую враждебность по отношению к Британии: идея независимого государства приобретала все больше сторонников в рядах колонистов. Они сражались в привычных условиях, объединенные необходимостью защищать свои дома и семьи. И, что немаловажно, боролись за общее дело, цели которого хорошо осознавали, а не против какого-то расплывчатого «врага». Опять же, что касается международного окружения, западные державы – конкуренты Британской империи – скорее поддерживали колонистов, чем вставляли им палки в колеса. Национальная американская армия, хоть и собранная из беднейших слоев населения, что

называется, из социальных низов, тем не менее проявила себя вполне боеспособной и даже в чем-то превосходящей противника. Ее характеризовали такие черты, как настойчивость, маневренность и склонность к неожиданным военным решениям. В освободительной войне – растянувшейся на 7 лет (1775–1781 гг.) и охватившей 3 театра боевых действий – американцы выиграли именно благодаря своему упорству и умению поставить противника в тупик.

Конфликт в Новой Англии, 1775-1776 годы

Начиная с весны 1775-го и вплоть до весны 1776 года, внимание Лондона было приковано к Новой Англии, конкретно к Бостону, являвшемуся центром антибританской агитации. Стремясь сломить патриотическое движение, империя делала ставку не на переговоры и мирное урегулирование, а на грубую военную силу. Она стремилась как можно скорее уничтожить очаг сопротивления, чтобы его влияние не проникло в другие колонии. Британцы считали, что, избавившись от мятежников, с легкостью восстановят мирное и стабильное правление в своих владениях.

Следует отметить, что надежды выглядели вполне осмысленными, поскольку наиболее воинственные настроения царили именно в Бостоне, а большая часть населения некоторое время оставалась нейтральной. Однако ряд фактов указывал на возможное (и весьма близкое) изменение ситуации к худшему. Так, во время «ограниченных действий по наведению порядка» в Бостоне британские войска понесли тяжелые потери. Конгресс, хоть и выражал верноподданнические чувства короне, тем не менее в июне 1775 года принял решение о формировании Континентальной армии. В период 1775-1776 годов ее подразделения совершили несколько энергичных (хотя и не принесших особых успехов) попыток вторжения в Канаду. Собственно говоря, колониальное общественное мнение было настолько неустойчивым, что любые обстоятельства могли подтолкнуть его в сторону мятежа. И без того уже власть в ряде колоний перешла из рук британских чиновников в руки местных патриотов. В общем, как выяснилось, ситуация была куда более нестабильной,

чем изначально виделось британским властям. Когда бостонские бунтовщики захватили артиллерийский склад в форте Тинкодерега и начали обстреливать английские войска, стало ясно, что официальную позицию Лондона пора пересматривать. В марте 1776 года новый командующий колониальными войсками сэр Уильям Хоу отдал приказ о выводе подразделений из Бостона и размещении их в Галифаксе. Борьба с североамериканскими колониями переходила в новую фазу.

Конфликт в среднеатлантических колониях, 1776-1778 годы

В конце весны 1776 года британцы решили использовать другой подход к решению колониальной проблемы. Вместо того чтобы бороться с кучкой повстанцев, засевших в Бостоне, они намеревались развернуть более широкую военную кампанию. Действительно, с какой стати концентрировать все внимание на нестабильности в одной Новой Англии, когда можно превентивно захватить другие крупные американские города. Тактика «кавалерийского наскока» себя не оправдала – уж слишком ожесточенное сопротивление оказывали мятежники; так не лучше ли пройти Новую Англию насквозь, отрезать ее от других колоний и таким образом взять врага в кольцо? И еще одно новшество: если раньше война велась исключительно силами регулярной армии, то теперь имперские военачальники решили сделать ставку на поддержку лоялистов, заинтересованных в восстановлении былого мира и стабильности.

Военная мобилизация (гравюра на дереве, 1779 г.)

Второго июля 1776 года, после того как Континентальный конгресс проголосовал за независимость Америки, британские войска высадились неподалеку от Нью-Йорка, имея на руках план по наведению порядка во взбунтовавшихся колониях. Генерал Уильям Хоу и его брат Ричард, адмирал лорд Хоу, привели в общей сложности 32 тыс. человек, чтобы дать решительный бой Континентальной армии, которая на тот момент насчитывала всего 19 тыс. солдат. С помощью местных лоялистов британцы рассчитывали захватить Нью-Йорк, разделаться с армией генерала Вашингтона и восстановить законную власть в колониях. В конце лета – начале осени они одержали ряд побед в Бруклине, Манхэттене и Уайт-Плейнс, оттеснив Континентальную армию на север, в Верхний Нью-Йорк. Патриоты бежали на юг, в Нью-Джерси, но задержались там ненадолго. Им снова пришлось отступить, пересечь реку Делавэр и скрыться на территории Пенсильвании. Большие надежды, которые американцы питали в июле, рассеялись, как утренний туман. Даже обычно преисполненный энтузиазма Том Пейн вынужден был с горечью признать, что настали времена, когда «испытываются души людей». Вашингтон, однако, не спешил переводить своих солдат на зимние квартиры и поддерживал осажденную армию в состоянии боевой готовности. И, как выяснилось, не зря: вскоре его войскам удалось захватить вражеские позиции в Трентоне, Принстоне и вытеснить «красные камзолы» из Нью-Джерси. Эти, пусть незначительные победы поднимали дух американских патриотов и, напротив, лишали мужества местных лоялистов.

Данные эпизоды позволили также обнаружить серьезные просчеты в стратегии Хоу. Британский командующий – вместо того чтобы окончательно

расправиться с армией Вашингтона – решил использовать более осторожный и дипломатичный подход. Если говорить о военной стороне дела, то Хоу надеялся избежать лишних потерь в живой силе, сэкономить ресурсы и в конечном счете обыграть противника за счет более искусных тактических маневров. В политической сфере Хоу надеялся убедить американцев в превосходстве Британии, утихомирить население в оккупированных районах и, опираясь на его поддержку, диктовать свои условия мирного договора бунтовщикам. Этот сложный план выглядел вполне разумным, даже по-своему тактичным, но его очевидный недостаток состоял в том, что он оставлял Континентальной армии возможность отступления и перегруппировки в любое удобное для нее время. Судя по конечным результатам, стратегия Хоу затянула ход войны, и это оказалось серьезной ошибкой. Ибо, как доказали события 1777 года, время работало на американских патриотов.

Серьезные военные проблемы Британии стали очевидны как раз в тот момент, когда она одержала внешне впечатляющую победу. Хоу по-прежнему базировался в Нью-Йорке, но все чаще поглядывал в сторону Филадельфии. Он планировал втянуть армию Вашингтона в еще одно крупное сражение и, выиграв его, захватить город, где заседал Второй Континентальный конгресс. Итак, Хоу вывел свои войска из Нью-Йорка и двинул их сначала вдоль Атлантического побережья, а затем вверх по Чесапикскому заливу. Вашингтон поджидал неприятеля, сосредоточив свои войска возле городков Брендивайн и Джермантаун. Увы, оба сражения он проиграл и стал свидетелем безотрадной картины: в сентябре 1777 года англичане вошли в Филадельфию.

С точки зрения военного искусства Хоу добился потрясающего успеха. Но, принимая во внимание

реалии американской жизни, этот успех принес ему мало пользы. Потеря номинальной «столицы» мало что значила для патриотов, которые привыкли обходиться без централизованного правительства. В условиях, когда власть рассеяна по всем колониям, мятежникам ничего не стоило собрать новый конгресс в любом другом городе и возобновить работу правительства. Выходило, что британский командующий просчитался и напрасно потратил столь ценное время (часть весны и лето) на бесполезный сбор флотилии и вывод войск из Нью-Йорка. Более того, марш на Филадельфию отвлек Хоу от более важной встречи в Центральном Нью-Йорке.

Дело в том, что согласно генеральному плану на 1777 год, британцы намеревались провести крупномасштабное наступление одновременно по трем направлениям. Предполагалось, что армия генерала Джона Бергойна выступит из Квебека. Вторая армия под командованием подполковника Барри Сент-Леджера должна была, двигаясь на восток, пересечь Верхний Нью-Йорк. И, наконец, третьей армии – под командованием самого Хоу – предстояло выйти из Манхэттена на север. Планировалось, что британские войска, продвигаясь в указанных направлениях, по дороге будут наносить поражения отрядам Континентальной армии и в конце концов разделят колонии надвое, а главных зачинщиков мятежа запрут в Новой Англии. На деле же все вышло иначе. Август оказался несчастливой для Сент-Леджера: патриоты остановили его силы возле форта Стэнвикс и заставили ретироваться. Хоу тоже запаздывал: операция по захвату Филадельфии заняла весь конец лета и начало осени. Что же касается Бергойна, то генерал Континентальной армии Горацио Гейтс в пух и прах разбил его войска под Саратогой – случилось это 17 октября 1777 года. Таким образом, всего через три недели после своего триумфа в Филадельфии британцы

вынуждены были пережить позорное поражение Бергойна.

Это событие дало американским патриотам законный повод для гордости, а французам – серьезную пищу для размышлений. Будучи монархическим государством, да еще с колониальными владениями, Франция с известной долей настороженности наблюдала за развитием республиканской революции. Подобный всплеск демократического движения в непосредственной близости от ее владений не мог не тревожить французскую корону, но, с другой стороны, все это ослабляло ее традиционного противника – Британскую империю и подогревало надежды на скорое возвращение в Северную Америку. Поэтому Франция вместе с Испанией на протяжении двух лет помогала Континентальному конгрессу: они предоставляли Америке займы для покрытия военных издержек. Более того, американская делегация во главе с Бенджамином Франклином вела переговоры в Париже, настоятельно склоняя Францию к подписанию официального договора о сотрудничестве. В принципе, французы не отказывались от этого предложения, но предпочитали выждать, пока колонисты не дадут им убедительных доказательств успешности своего дела. Победа под Саратогой как раз и стала таким доказательством. А смягчение позиции Лондона в переговорах с американскими мятежниками заставило Францию поторопиться с решением. В феврале 1778 года французские и американские дипломаты заключили долгожданный договор о союзе, а уже в июне Франция и Британия официально находились в состоянии войны. На следующий год к Франции присоединилась Испания, одновременно и голландцы ужесточили отношения с Британией. Таким образом, три союзные державы обеспечивали американских революционеров деньгами и припасами; французские и испанские корабли

сражались с британским флотом; помимо того, Франция посылала своих добровольцев для участия в военных действиях на территории Северной Америки. Лондонские политики внезапно обнаружили, что оказались в полной изоляции. То, что начиналось для них как «ограниченные действия по наведению порядка» в Новой Англии, переросло в широкомасштабный вооруженный конфликт в Америке и в конечном счете в мировую войну.

Конфликт на Юге, 1778-1781 годы

Нельзя сказать, что победа под Саратогой (при всей ее значимости) мгновенно изменила ход войны в пользу американцев. Армия Вашингтона пережила мучительно холодную зиму 1777/78 года в Вэлли-Фордж, испытывая недостаток в деньгах, еде, одежде и боеприпасах. Результатом стала смерть 2,5 тыс. солдат – это почти столько же, сколько до того погибло в сражениях. Немудрено, что в рядах Континентальной армии усиливались пессимистические настроения и разногласия. Потребовалось вмешательство иностранного добровольца, прусского барона Фридриха фон Штубена (вся весна 1778 года прошла в бесконечной муштре и тренировках), чтобы искоренить беспорядки и вернуть американской армии дисциплину, столь необходимую в военное время. В мае того же года новый британский главнокомандующий сэр Генри Клинтон вывел свои войска из Филадельфии с тем, чтобы вернуться на прежние позиции в Нью-Йорке. Обновленная и воодушевленная армия Вашингтона шла по пятам «красных камзолов», преследуя их до самого Уайт-Плейнс. Вашингтон пока просто присматривал за неприятелем, не предпринимая решительных действий. Он с нетерпением ждал сигнала от французских союзников, когда те будут готовы к проведению совместных военных акций. В таком напряженном ожидании прошли 1778 и 1779 годы. Война на Севере фактически затихла – установилось томительное патовое состояние.

Однако эта затянувшаяся пауза, хоть и тяжело далась генералу Вашингтону, имела положительным результатом перемену в мышлении британских военачальников. В июне 1778 года, по мере того как в

войну вовлекались все новые страны, империя вернулась к прежнему генплану и решила сосредоточить внимание на наиболее важных и ценных объектах в колониях. В Северной Америке таковыми являлись «сахарные» острова Вест-Индии, богатые хлопковые плантации Юга и стратегически важные порты. Причем Лондон и впредь собирался делать ставку не на переговоры с целью умиротворения взбунтовавшихся колоний, а на грубую военную силу. В его планы входило, заручившись помощью лоялистов (предполагалось, что недостатка в них не будет), изолировать и подавить патриотов. Очистив таким образом Юг, англичане намеревались затем постепенно отвоевывать северные территории.

На первых порах казалось, что все именно так и выйдет. Британцы одержали ряд побед: в частности, в декабре 1778 года они завоевали город Саванну, штат Джорджия, в мае 1780 года – Чарлстон, а в августе 1780-го – Кэмден в Южной Каролине. Однако и здесь успехам сопутствовали просчеты и неожиданности. Энергичный натиск чужеземцев вызвал противодействие со стороны местных жителей – сплотил южан и привел их в лагерь патриотов. Лоялисты же, напротив, не оправдали надежд британцев ни числом, ни стойкостью. По сути, в 1780–1782 годы в южных колониях разгорелась самая настоящая гражданская война – безобразная в своей жестокости – между отрядами патриотов и лоялистским народным ополчением. Войска Чарльза Корнуоллиса преследовали Континентальную армию с Натаниэлем Грином во главе по просторам Каролины – это была бессмысленная и дорогостоящая охота, которая не принесла ощутимых результатов. Весной 1781 года британский главнокомандующий принял решение отвести войска на Атлантическое побережье и двинуться в сторону Чесапикского залива. Корнуоллис

планировал провести военную операцию на территории Виргинии: спешно выбить оттуда местных патриотов и продолжить путь на север. Что ж, план, пожалуй, был неплох. И, возможно, его удалось бы реализовать, если бы не одно маленькое «но». Дело в том, что после двухлетней задержки американцам и французам удалось наконец договориться о проведении совместной военной операции против Корнуоллиса. Французский флот во главе с адмиралом де Грассом должен был блокировать британскую помощь с моря. Часть Континентальной армии под предводительством фон Штубена и маркиза Лафайета продвигалась по Виргинии; а другая часть армии, которой командовал сам Джордж Вашингтон вместе с графом де Рошамбо, тем временем шла на юг от Нью-Йорка. Они должны были сойтись возле Йорктауна, расположенного на полуострове между реками Джеймс и Йорк. В указанном регионе базировались войска Корнуоллиса, которые и предполагалось изолировать. Именно так все и произошло: в конце лета 1781 года франко-американские силы численностью 17 тыс. человек встретились лицом к лицу с 8-тысячной британской армией, укрывшейся в Йорктауне. После непродолжительной осады Корнуоллис был вынужден сдаться – это произошло 19 октября 1781 года. Когда лорду Норту донесли об этой потере, он в отчаянии воскликнул: «О Боже, это конец!» Надо отдать ему должное: на сей раз британский премьер абсолютно верно оценил положение в колониях. И хотя нерегулярные военные действия еще продолжались на протяжении нескольких месяцев, по сути, разгром в Йорктауне означал полное поражение Британии и признание независимости Америки.

Парижский мир, 1783 год

В начале марта 1782 года парламент принял решение о прекращении войны в колониях. В июне начались переговоры с американской делегацией, включавшей в себя Бенджамина Франклина, Джона Джея и Джона Адамса. Они имели четкие указания от конгресса в выработке условий мирного договора кооперироваться с Францией. Проблема заключалась в том, что вчерашние союзники колонистов – французы и испанцы – преследовали собственные цели: они искали пути урегулирования былых разногласий с Британией; и перспектива возникновения в Северной Америке мощного республиканского государства с антимонархической и антиколониальной направленностью их отнюдь не радовала. Американские делегаты прекрасно это сознавали и справедливо опасались, что их интересами попросту пожертвуют в ходе беззастенчивых махинаций европейских дипломатов. Чтобы исключить подобную возможность, они решились на сепаратные переговоры с Британией.

Команда переговорщиков умело маневрировала в завязавшейся дискуссии. В попытке добиться справедливого мира они использовали те же самые разногласия между противниками, которые раньше помогали им в ходе войны.

Независимость провозглашена

Американцы отдавали себе отчет, что при определенных обстоятельствах их заигрывание с бывшей метрополией может привести к ухудшению отношений с Францией, которая уже проявляла признаки раздражения. Поэтому американские делегаты предупредили, что спор между двумя нациями легко может привести молодую республику в объятия Британии. В результате им удалось заключить мир на достаточно выгодных для Америки условиях. Британия официально признала независимость Соединенных Штатов и определила пределы нового государства: на севере оно простиралось до канадской границы, на юге – до Флориды, западная граница проходила по Миссисипи. Более или менее четко были прописаны вопросы, касающиеся рыболовных прав, компенсации лоялистам, выплаты государственных долгов и эвакуации британских войск с американской территории, хотя в грядущие десятилетия все эти пункты оставались камнем преткновения между двумя нациями. Невзирая на груз нерешенных проблем, американцы верили, что одержали большую победу –

сначала на полях сражений, а затем за столом переговоров.

Действительно, Соединенные Штаты выиграли войну, добились почетного для себя мира, но им оставалось еще решить не менее важную и сложную задачу – а именно, создать достойную систему самоуправления.

Формирование системы управления

Когда Второй Континентальный конгресс в мае 1776 года поднял вопрос о создании новых органов управления, его призыв встретил живой отклик среди американцев. Этот проект привлек внимание самых блестящих политических деятелей Америки, поскольку они – подобно многим своим согражданам – планировали карьеру и искали себе поле деятельности, скорее, в масштабах своего штата, чем всего континента. Такова уж традиция: для большинства американцев их родной штат воплощает в себе всю нацию, все государство. Даже такой известный космополит, как Томас Джефферсон, говаривал: «Моя страна, сэр, – это Виргиния».

Хотя каждый штат устроен по-своему, существует нечто общее в их государственном устройстве. Так, все штаты имеют собственную конституцию, которая устанавливает демократическую форму правления с политическими структурами, призванными выражать народную волю. Все эти конституции возникли в 1776–1777 годах и являлись писаным законом, определяющим власть (и ее пределы) для должностных лиц. Штаты рассматривали себя как суверенные и независимые республики. В этом нашло отражение широко распространенное мнение, будто республиканская форма правления лучше подходит для небольших, компактных территорий, чем для необъятных просторов. Большинство конституций жестко контролировали исполнительную ветвь власти (тем самым ограничивая власть губернатора штата), зато расширяли власть законодательных органов, рассматривая их членов как честных и ответственных представителей народа. Точно так же большинство

конституций снижало имущественный ценз для голосования и занятия ответственного поста. И практически все конституции обеспечивали защиту прав американцев благодаря специальному «Биллю о правах», представлявшему собой перечень священных прав граждан, на которые государство посягать не вправе.

И еще одно обстоятельство связывало все штаты: их внутренние политические конфликты обострялись с такой скоростью, что уже к началу 1780-х годов большая часть принятых конституций требовала пересмотра. Казалось бы, американцы хорошо усвоили уроки революции и честно попытались применить их на практике. Но, к сожалению, республиканская модель общества, которую они воссоздавали в штатах, стала развиваться совсем не в том направлении, как ожидалось. Законодательные органы оказались не в меру амбициозными и повсеместно пытались к правовой деятельности присовокупить еще и исполнительную. Чаяния народа очень часто оказывались противоречивыми и непредсказуемыми, порождая угрозу «народных волнений», с одной стороны, и преобладания местнических интересов, с другой. Слабость исполнительной власти нередко влекла за собой неэффективное управление штатами. В исправленных документах 1780-х годов намечались пути разрешения накопившихся проблем. Во-первых, штаты пытались «сбалансировать» свои правительства за счет усиления исполнительной и судебной ветвей власти. Во-вторых, они лишали свои легислатуры права решающего голоса при разработке конституций. Новая процедура, опробованная вначале в Массачусетсе, заключалась в следующем: «основной закон» штата принимался путем голосования в так называемых конституционных собраниях, которые специально

собирались, чтобы принять или отвергнуть предложенную конституцию.

Эти политические нормы, обязательные для всех штатов, стали своеобразным пробным камнем, на котором «тренировалось» революционное мышление американцев. Те, кто их принимал, становились членами единой политической команды, которой и предстояло в конце концов создать национальную конституцию.

Статьи Конфедерации

Так уж сложилось, что с началом революции функции правительства фактически перешли к Континентальному конгрессу. Однако все сходились на том, что наспех созванное собрание никак не может служить полноценной заменой законному и обладающему официальным статусом государственному органу. Поэтому в 1776 году Конгресс создал комитет по выработке плана будущего правительства. В недрах этого комитета как раз и родился проект первой американской конституции, получившей название «Статьи Конфедерации и Вечного союза». Целый год ушел у конгресса на обсуждение проекта, и наконец в ноябре 1777 года всем штатам был разослан на рассмотрение скорректированный план политического обустройства государства. Потянулись месяцы и годы в ожидании ответа, и лишь в марте 1781 года «Статьи Конфедерации» с единодушного одобрения всех штатов были ратифицированы и официально вступили в действие.

Этот документ незаслуженно забыт нашими современниками. А напрасно, ведь для тех дней он являлся весьма важным (хоть и недолговечным) достижением. Его авторам хватило дерзости исходить из той предпосылки, что люди должны получить именно такое правительство, за какое они сражались. Революционеры мечтали покончить с тиранией, которую воплощала исполнительная ветвь власти. Отлично: согласно «Статьям», данная ветвь вообще отсутствовала в национальном правительстве. Действительно, можно ли придумать лучшее решение проблемы, нежели ее устранение? Единственная инстанция, которой патриоты доверяли, – это их

представители-законодатели. Вот, пожалуйста: «Статьи» предусматривали национальное правительство, состоявшее только из законодательной власти – этакий однопалатный конгресс. Ни судов, ни президента, никаких политических органов, ветвей власти или других организаций! Революционеры стремились лимитировать полномочия правительства независимо от того, кто именно стоит у кормила власти. «Статьи» предлагали вариант, в котором функции конгресса были ограничены и четко очерчены. Такое правительство могло решать индейскую проблему, заниматься иностранными делами, осуществлять стандартизацию валюты, мер и весов, курировать работу почтового ведомства, быть посредником в спорах между различными штатами. А все остальное уже требовало внесения поправок к «Статьям», причем опять же принятых единогласным решением всех штатов (что делало их принятие практически нереальным). Колонии затеяли революцию, чтобы избежать централизации власти в одних руках, с целью оградить свой собственный суверенитет, а также как демонстрацию компактной республики в качестве идеальной модели государства. «Статьи» в самом своем названии предлагали именно «конфедерацию» – не единый политический организм, а объединение штатов, каждый из которых сохранял максимальную независимость. Результатом должна была стать «Лига американских республик», собравшихся вместе «ради совместной защиты своих прав и свобод, военной безопасности и экономического процветания».

Возможно, подобная схема сегодня выглядит несколько странно, но тогда, весной 1776 года она оказалась вполне отвечающей моменту. «Статьи» исключали возможность тирании со стороны исполнительной власти, защищали местную автономию и устраняли угрозу концентрации власти в одних руках

– все это свидетельствовало в пользу «Статей», даже с учетом некоторых разногласий в идеологической сфере. Правительство, созданное в соответствии со «Статьями», успешно выиграло войну против Британской империи, добилось успеха за столом переговоров и провело долгую и хлопотную кампанию по объединению американских территорий в качестве равноправных штатов.

Большая печать Соединенных Штатов, утвержденная конгрессом 1782 г.

Однако, к несчастью, это все же было слабое и неэффективное правительство – именно таким его и подразумевали «Статьи». Конгресс не обладал возможностью контролировать торговлю. Он заключал договоры с иностранными державами, но не мог заставить штаты их исполнять. Конгресс не имел права призывать граждан на воинскую службу. Он даже собственных источников дохода не имел. Чтобы покрыть текущие расходы, ему приходилось реквизировать некоторые средства у штатов; а те – ревностно относясь к собственной власти – весьма неохотно шли на расширение полномочий конгресса. Что еще важнее, согласно «Статьям», конгресс вообще не имел рычагов воздействия на штаты и их граждан. Он мог только просить, но никак не заставлять. Так

сказать, действовать силой убеждения, а не принуждения. Старая пословица призывает хорошенько подумать, прежде чем чего-нибудь пожелать, и данная ситуация полностью ее подтверждает. Американские революционеры получили тот самый тип правления, о котором мечтали. Увы, это было правительство, которое едва ли могло править.

В 1780-х годах проблема национального правительства лишь обострилась. Британия и Испания отказывались подчиняться условиям мирного договора, и американские поселенцы опасались, что интриги европейских конкурентов сильно осложнят их отношения с индейскими племенами на северо-западных и юго-западных территориях. В 1784 году страна оказалась в состоянии упадка, а малоэффективная валютная политика только усугубляла экономические проблемы. Это послужило причиной «Восстания Шейса», разразившегося на западе Массачусетса в 1786 году. Главной его движущей силой были фермеры, сверх всякой меры обремененные долгами и надеявшиеся добиться послаблений по части налогов и правил выкупа заложенного имущества. Таким образом, в 1786 году, всего через пять лет после создания Конфедерации, возникла насущная необходимость в созыве конференции – с тем, чтобы сформировать наконец правительство, «способное удовлетворить потребности Союза».

Конституция США

Одобренная конгрессом конференция (Конституционный Конвент) была созвана в 1787 году в Филадельфии – в том самом Индепенденс-Холле, где одиннадцать лет назад патриоты объявили о независимости Америки. Некоторые штаты не захотели в ней участвовать: так, например, Род-Айленд отказался прислать своих делегатов. Бдительный революционер Патрик Генри не замедлил объявить, что «чуёт измену». Тем не менее собралось 55 представителей штатов, и Томас Джефферсон, отдавая должное их гражданской смелости и ответственности, охарактеризовал это событие как «собрание полубогов». Несмотря на присутствие таких прославленных героев, как Джордж Вашингтон и Бенджамин Франклин, основную инициативу захватили в свои руки более мелкие «полубоги» – Джеймс Мэдисон, Джордж Мэйсон, Джеймс Уилсон и Гавернир Моррис.

На первом этапе переговоров доминировали федералисты. Вместо частичной реформы они предлагали полностью отменить существующие «Статьи» и сформировать новое федеральное правительство, состоящее из трех ветвей власти с широким кругом полномочий. Такое правительство получало возможность диктовать свою волю отдельным гражданам и целым штатам (вплоть до применения военной силы). Что еще более важно, правительство имело право контролировать торговлю и систему налогообложения. «План Виргиния» (по названию штата, который представляли делегаты, авторы конституционной модели) даже признавал за конгрессом право накладывать вето на законы отдельных штатов. Нельзя сказать, чтобы план этот

получил единодушное одобрение. Делегаты от меньших штатов высказывали опасения, что подобное консолидированное правительство не будет учитывать их интересы. Альтернативный «План Нью-Джерси» как раз и отражал интересы мелких штатов. Он предлагал внести некоторые изменения в «Статьи Конфедерации», не изменяя сути документа. Этот план настаивал на сохранении прежнего однопалатного конгресса со значительным расширением его прав. Результатом месячной работы Конвента, изначально созванного с единственной целью – пересмотреть «Статьи Конфедерации», стало создание совершенно нового правительства. Такому неожиданному повороту событий способствовало несколько факторов. Прежде всего, конституционные изменения, проводившиеся ранее в отдельных штатах, обеспечили необходимый прецедент. Кроме того, как выяснилось, среди делегатов господствовало стремление к усилению федеральной власти. Небольшая группа оппонентов вместо того, чтобы вести неравный бой, предпочла покинуть конференцию. Немалую роль сыграл и тот факт, что заседания проводились в закрытом режиме: вдали от ушей широкой публики делегаты не боялись свободно высказывать мнения.

Итак, договорившись начать все с чистого листа, участники Конвента приступили к обсуждению деталей новой политической системы. Одним из наиболее спорных моментов стал вопрос о представительстве в двухпалатной легислатуре. Фракция федералистов предлагала придерживаться пропорционального принципа – чем крупнее штат, тем большее число представителей он имеет в нижней палате легислатуры; верхняя палата избирается членами нижней палаты из кандидатов, представленных всеми штатами. Их оппоненты доказывали, что подобная система чревата ущемлением прав мелких штатов:

слишком мало мест будет у них в нижней палате, а в верхнюю, возможно, и вовсе никто не пробьется. В качестве альтернативы они настаивали на равном представительстве. В конце концов был установлен так называемый «Великий компромисс», согласно которому палата представителей (нижняя) формировалась по пропорциональному принципу, то есть в зависимости от численности населения штатов; а в сенате (верхней палате) штаты были представлены на равной основе – по два сенатора от каждого штата.

Ожесточенные споры вызвал вопрос, что именно следует понимать под термином «население штата». В связи с этим на Конвенте впервые заговорили о проблеме рабства в стране – причем, не в морально-этическом, а в политическом и экономическом аспектах. Делегаты – хоть и были в массе своей горячими приверженцами революционно-демократических принципов – твердо и неукоснительно настаивали на сохранении института рабовладения. Они отказывались даже обсуждать возможность отмены рабства в штатах. Аргументация сводилась к следующему: они, почтенные граждане, собрались здесь, чтобы обсудить насущные проблемы свободы и власти в государстве, а проблемы эти, как известно, имеют отношение лишь к белому населению (если уж быть точными, к белому мужскому населению). Другими словами, в своих дебатах они готовы были затронуть американскую систему рабовладения, но лишь в той мере, в какой та касалась свободных белых граждан, а отнюдь не чернокожих рабов. Представители южных штатов настаивали на включении рабов в общее население страны, поскольку это было им выгодно – чем больше рабов, тем больше политической власти получал регион в федеральном правительстве (хотя, естественно, рабы не принимали никакого участия в решении политических вопросов и, по сути, являлись не более чем марионетками).

Северяне, в свою очередь, соглашались учитывать негров, но на правах «имущества» южан, имея в виду вопрос налогообложения. Здесь работала своя схема: чем больше рабов, тем богаче считался плантатор, а следовательно, тем большим налогом он облагался. И в конечном счете тем большие суммы отчисляли южные штаты в казну федерального правительства. После долгих обсуждений решили воспользоваться формулой конгресса Конфедерации, согласно которой лишь три пятых от общего числа рабов включалось в состав населения штата – равно с целью представительства и налогообложения. А поскольку в прошедшие семьдесят лет государство не удосужилось установить прямые федеральные налоги, можно считать, что южане вышли победителями в этой сделке.

Кроме того, Конвент принял два закона, имевших прямое отношение к проблеме рабовладения. Раздел 9 статьи I разрешал ввоз рабов на территорию США – в ближайшие 20 лет (до 1808 г.) конгресс не намеревался вмешиваться в иностранную работорговлю. Зато в вопросе о беглых рабах конгрессмены не стали сдерживаться. Специальным постановлением (раздел 2 статьи IV) конгресс запретил способствовать побегу рабов и устанавливал обязанность их возврата хозяину. Примечательно, что, решая вопросы рабовладения, авторы конституции намеренно избегали пользоваться словами «раб» или «рабство» – вместо того чернокожих невольников именовали «людьми, по долгу работы или службы привязанными к штату», или же просто «другими людьми». Ай да виртуозы! Создатели американской конституции умудрились разрешить проблему рабства, не называя вещи своими именами. Однако какими бы литературными метафорами они ни пользовались, следует со всей определенностью признать: принятая Конвентом конституция утверждала и защищала интересы рабовладельцев.

Установив в завуалированном виде пределы американской свободе – по расовому и гендерному признаку, делегаты перешли к менее щекотливому вопросу, где решения можно было принимать прямо и открыто, а именно – к определению полномочий нового правительства. Тут обсуждение прошло не в пример более гладко. В сентябре проект конституции был готов для ратификации. Специальным конвентам в каждом штате вменялось в обязанность либо принять документ, либо его отклонить. Отдельная статья самой конституции предусматривала, что для ее утверждения необходимо согласие всего девяти штатов. Благодаря этому ратификация становилась более вероятным, хоть и не стопроцентным событием.

Читатель легко себе может представить реакцию вчерашних революционеров, приверженцев республиканских взглядов на новую политическую модель государства. Ничего хорошего рядовым американцам она не сулила. Конституция предполагала создание мощного централизованного правительства, которое сосредоточивало в своих руках небывалую власть. У него хватало рычагов, чтобы навязать гражданам свою волю. Правительство имело право облагать подданных налогами, контролировать коммерцию, собирать армию и использовать ее для подавления мятежей и в иных целях. Что еще непривычнее для тогдашнего американского менталитета, исполнительная власть концентрировалась в руках одного человека, который обладал беспрецедентным правом накладывать вето на решения легислатуры. Конституция предусматривала широчайший круг полномочий для правительства, но почему-то забывала противопоставить ему список гарантированных прав рядовых граждан. Возникал закономерный вопрос: а чем подобная форма правления отличается от вынужденной тирании времен

революции? Представьте себе также многообразие ветвей власти подобного гипотетического правительства – все эти политические институты, всевозможные посты и должности (каждый со своими нюансами), малопонятную процедуру выборов и проч., и проч. Бедному обывателю немудрено было запутаться. Похоже, создатели новой конституции напрочь забыли призывы Томаса Пейна к простоте и воспроизвели в своем детище поистине византийские каноны политической кухни – нарочито усложненные и запутанные. Все те же приемчики, которые правящие режимы Старого Света использовали, чтобы сподручнее было и власть захватить, и свои интриги от глаз людских спрятать. И, наконец, представьте себе, что весь этот сомнительный прожект вырос на месте величайшей славы американского народа! Что людям – во имя свободы проливавшим кровь на полях сражений, терпевшим голод и холод, сумевшим победить в неравной схватке – вместо заслуженной награды предлагают вот такой макет расширенной республики! Проект заведомо абсурдный, ибо базируется на ложной предпосылке, будто одно-единственное правительство способно управлять огромной страной, населенной разными народами, и при этом сохранять верность республиканским принципам. Да ведь любому человеку, мало-мальски знакомому с историей и теорией республиканского движения, ясно: данная форма правления оправдывает себя лишь в условиях небольшого государства с однородным в этническом смысле населением. Да что там они себе думают, эти парни из Филадельфии? Почему ведут такую рискованную игру, игнорируя уроки истории? Да ведь это откровенное предательство самого духа революции!

Вовсе нет, ответствовали парни из Филадельфии, ни о каком предательстве речи не идет. Напротив, то, что

они предлагают, служит спасению дела республиканской революции. Создатели конституции доказывали, что их политическая модель является логическим продолжением и развитием модели 1776 года. Опытные политики, умеющие держать нос по ветру, они поспешили назваться «федералистами», хотя имя это больше подходило как раз их оппонентам – сторонникам децентрализованной государственной власти. Увы, эта группа истинных федералистов проявила меньшую расторопность и неожиданно для себя обнаружила, что на них наклеен опасный ярлык «антифедералистов» – со всеми вытекающими отсюда малоприятными последствиями.

Осуществив эту хитроумную политическую рокировку (и обеспечив себе общественное признание), новоявленные федералисты озаботились проведением широкой разъяснительной работы в массах. Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон и Джон Джей подготовили к печати серию из 85 анонимных политических эссе под общим (весьма красноречивым!) названием «Федералист». В этих эссе авторы анализировали причины, которые привели к краху Конфедерацию, разъясняли преимущества собственной политической системы, формулировали истинные ценности и цели республиканской формы правления. Их изыскания могут служить наилучшим введением в конституцию.

Пытаясь разобраться в причинах неудач своих предшественников, Мэдисон, Гамильтон и Джей восстанавливали историю возникновения «Статей Конфедерации». По их мнению, сам процесс создания Конфедерации породил целый ряд проблем. Припомните, как все было, призывали они. Второй Континентальный конгресс поручил специальному комитету подготовить проект «Статей Конфедерации» и принял этот проект на ура; так же бездумно

легислатуры штатов его ратифицировали. Другими словами, Конфедерацию придумали и одобрили тогдашние правительства. Это что же получается, господа хорошие? Одно правительство создает другое? Как можно при таком положении дел гарантировать соблюдение прав отдельного гражданина? Далее, в условиях Конфедерации органы власти размещались и работали непосредственно на территории штатов. Верховная же власть в таких условиях попросту бездействовала. А это верный путь для подрыва самой идеи свободы и независимости. И, наконец, вопреки принципу разделения власти, «Статьи» предусматривали сосредоточение всех полномочий фактически в одних руках – а именно, у конгресса Конфедерации. Поступать так – значит полностью игнорировать уроки революции. Разве не понятно, что сконцентрированная таким образом власть неминуемо ведет к тирании, даже если ее носителем является законодательный орган?

Федералисты доказывали, что подобное правительство (со всеми его изначальными огрехами) окажется не только неработоспособным, но и враждебным демократии. А попытки частичного реформирования лишь ухудшают ситуацию, особенно же это относится к предложению антифедералистов расширить полномочия конгресса, и без того являвшегося единственным носителем власти. Сторонники Конфедерации, похоже, забыли уроки недавней истории, а они заключаются в следующем: законодатели, на которых возлагались большие надежды, проявили себя не только неумелыми, но и насквозь коррумпированными правителями. А небольшие размеры республики (или штата) лишь усугубляют проблему. Учитывая общность политических интересов жителей штата, не составит труда сформировать устойчивое большинство, позволяющее

выиграть любые выборы. Таким образом, это большинство получает беспрепятственный доступ к власти – вопреки пожеланиям оставшегося за бортом меньшинства. Конечным же результатом является такой общественный строй, при котором означенное большинство станет невозбранно править в свое удовольствие, а политические права остальных граждан будут безнаказанно попираются. На общегосударственном уровне дела обстоят ничуть не лучше: каждый штат живет по своим собственным законам и преследует собственные выгоды, полностью пренебрегая интересами всего государства.

Так, пункт за пунктом, авторы «Федералиста» излагали проблемы Конфедерации и объясняли, каким образом новая конституция может их решить. Во-первых, существующее правительство не принимало участие в создании конституции – этим занимались специально собранные делегаты, которые по завершении своей миссии снова разъехались по домам. Точно так же – специально и на короткий срок – в штатах были выбраны конвенты для ратификации предложенного проекта. Иными словами, конституцию создавали не правящие на тот момент структуры, а временно облеченные полномочиями представители народа. Непроста первые три слова, определяющие авторов документа, звучат как «Мы, народ Соединенных Штатов...», а не «Мы, Соединенные Штаты...»

Во-вторых, создатели конституции признавали, что правительство – хоть федеральное, хоть штата – не является носителем наивысшей власти. Власть эта сосредоточена за пределами правительства – в руках народа; а принятая народом конституция, собственно, и является «высшей и конечной инстанцией власти».

В-третьих, федералисты настаивали, что предлагаемая ими модель власти предусматривает надежную защиту от самой власти – благодаря тому,

что ее авторы неукоснительно следовали революционным принципам и учитывали опыт недавних событий. Они признавали, что любая власть склонна к коррумпированности, и не важно, кому она принадлежит – федеральному правительству или правительству штата, законодательным или исполнительным органам, судебной инстанции или даже самому народу – власть портит всех. А значит, во избежание нежелательных последствий ее следует минимизировать. Предыдущее правительство пыталось это сделать, но потерпело неудачу – возможностей не хватило. Отсюда вывод: правительство нуждается в «силе».

Предлагаемая модель конституции предусматривала лучшее решение: она дает великую власть, но никому не доверяет. «Если бы люди были ангелами, – говорится в 51 выпуске «Федералиста», – то никакого правительства им бы вообще не понадобилось. С другой стороны, если бы людьми правили ангелы, то такое правительство не нуждалось бы в контроле, ни внешнем, ни внутреннем». Однако, увы, во всех – и в тех, кто правит, и в тех, кем правят, – присутствует не только ангельское, но и дьявольское начало. И правящие инстанции обязаны учитывать сей фактор и относиться к нему со всей серьезностью; необоснованный оптимизм по поводу человеческой натуры в данном случае граничит с преступной глупостью.

Что можно предпринять конкретно? Прежде всего, необходимо обеспечить разделение власти внутри предполагаемого правительства. Вместо прежнего однопалатного конгресса, контролировавшего все сферы общественной жизни, следует сформировать три ветви власти, каждая из которых тем или иным образом представляла бы народ и имела бы собственные четко очерченные функции: создавать законы, исполнять

законы и, наконец, интерпретировать законы. Однако заниматься собственными делами не означает заниматься ими беспрепятственно, замкнувшись в собственном мирке. Отсюда следующее необходимое условие: каждая из этих инстанций должна обладать возможностью контролировать и уравнивать власть другой, то есть функции контроля тоже следует распределить между означенными тремя ветвями. К примеру, конгресс прописывает законы, но президент имеет право наложить вето на любой из них. Со своей стороны, конгресс может отменить президентское вето, если за то выскажутся две трети конгрессменов. Следующая рекомендация касается того, когда и каким образом официальные лица занимают свои посты, то есть приобщаются к власти. Федералисты отвергали идею проведения единых всеобщих выборов, подразумевающих полную и единовременную смену власти во всех инстанциях. Вместо того они предлагали разнести эту процедуру (как по срокам, так и по способам проведения). Так, члены палаты представителей избираются народным голосованием; сенаторов выбирают легислатуры штатов (во всяком случае так было вначале^[10]); президент занимает свой пост по решению так называемой «коллегии выборщиков» (члены которой набираются по определенной схеме от штатов); кандидатов в члены Верховного суда, высшей судебной инстанции США, предлагает президент, а сенаторы принимают или отклоняют предложенные кандидатуры. Чтобы избежать одномоментной смены правительства, конституция вводит различные сроки пребывания на посту: для членов палаты представителей этот срок составляет 2 года, в то же время для сенаторов – 6 лет; президент занимает свой пост 4 года, а судьи пожизненно. Таким образом, при определенном

стечении обстоятельств появляется возможность одновременно сменить президента, всю палату представителей и треть сенаторов – это максимальный (в смысле перемены) результат, который можно получить в ходе одних выборов. Следующая (уже четвертая по счету) рекомендация федералистов заключалась в разделении сфер применения власти. Вместо единого всевластного и вездесущего правительства (на котором настаивал А. Гамильтон) возобладала все-таки «федеральная система», оставлявшая за правительствами штатов так называемые «резервированные полномочия». В их число входили обеспечение безопасности жителей штатов и сохранность их имущества путем содержания полиции, пожарных и национальной гвардии, регулирование бизнеса (предприятий, находящихся на территории штатов), образования, транспорта и проч.

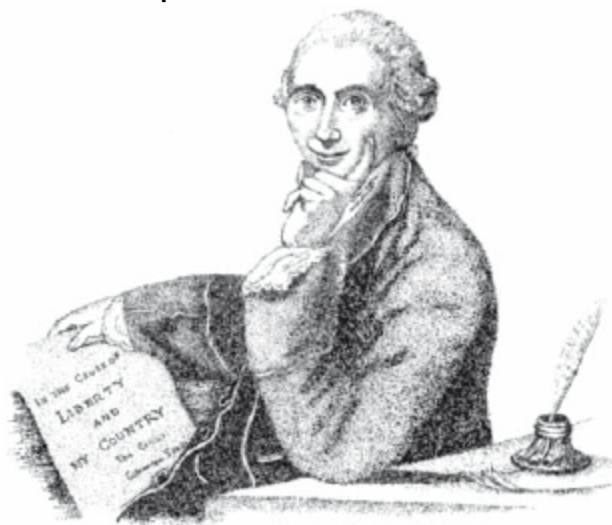
Пятый довод федералистов касался оптимальных размеров государства и был также направлен на борьбу с тиранией. В опровержение бытовавшего тогда постулата, что республиканскую форму правления (со всеми ее свободами) возможно воспроизвести лишь на небольших территориях, федералисты ратовали за обширную республику. Они доказывали, что в компактных государственных образованиях легче нарушаются права меньшинства, а следовательно, создается угроза миру и согласию. Таким образом, провинциализм сам по себе составляет проблему, а отнюдь не решение проблемы. Практика показывает, что узкие интересы отдельных личностей в небольших сообществах как раз идут вразрез с интересами всего государства и, как правило, препятствуют его процветанию. Но тут уж ничего не поделаешь: эти эгоистические местечковые устремления всегда существовали и будут существовать. Глупо игнорировать сей неприятный фактор, куда правильнее

принять его к сведению и попытаться использовать на благо всей нации. Здоровая конкуренция между отдельными человеческими сообществами (будь то штат, экономический регион или профессиональное объединение) помешает чрезмерному возвышению одного из них во вред другим. «Увеличьте число партий и интересов, – писал Мэдисон в 10 выпуске «Федералиста», – и вы снизите вероятность того, что из этого многообразия сколотится некое большинство, способное совместить свои интересы и реально угрожать правам остальных». Скорее уж из этой подвижной, политически заряженной массы возвысится группа здравомыслящих и свободных от национальных предрассудков лидеров, которые положат конец напыщенной болтовне и начнут трудиться на благо всего общества, демонстрируя преимущества мышления на «континентальном» уровне. Таким образом, доказывали федералисты, географическое расширение ведет к большей безопасности. Чем больше, тем лучше, ибо, как известно, разнообразие придает вкус республиканской жизни.

И наконец последнее, о чем следует сказать применительно к контролю над властью: способы устранить неполадки в государственной машине, если таковые возникнут. Неразумно полагать, что процесс, требующий единогласного одобрения всех штатов, пройдет без сучка, без задоринки. Поэтому конституция предлагала ряд процедур – жестких, но эффективных – для разработки и ратификации поправок. Сама возможность внесения поправок вовсе не подрывает авторитет конституции. Это вполне укладывается в рамки конституционной системы, ведь авторы документа не ангелы, а простые люди, и им свойственно ошибаться.

Ознакомление с пространными и довольно запутанными доводами федералистов позволяет

сделать несомненный вывод: защищать свободу ох как непросто! Оставим на совести Пейна заявление, будто идеальное правительство должно быть простым и без излишеств, и отметим, что созданное по этому принципу правительство 1776 года не оправдало возложенных надежд. Жизнь учит – и доказательством тому недавние события, – что примитивная модель правительства лишь упрощает задачу рвущимся к власти тиранам. Новые времена требуют нетривиальных решений, настаивали федералисты. Сколь бы странными ни казались их слова об усилении верховной власти, об энергичных исполнительных органах, контроле над легислатурами и расширении политической структуры, федералисты верили, что их конституция предлагает республиканские ответы на республиканские вопросы.

Томас Пейн, английский радикал

Тем не менее было неясно, получит ли их проект одобрение. Оставалось ждать. Конвенты пяти штатов ратифицировали документ в декабре 1787-го и январе 1788 года. В феврале антифедеральное большинство штата Массачусетс смягчилось и приняло проект 187

голосами против 168. Весной присоединились и другие конвенты. Однако лишь к июню 1788 года их стало девять – достаточное число для окончательной ратификации конституции. Таким образом, процесс рождения новой республики растянулся на девять месяцев. Но это было лишь на бумаге. Практически же новый политический порядок имел мало шансов выжить без поддержки штатов Нью-Йорк и Виргиния. Блестящие аналитические статьи в «Федералисте» немало сделали для завоевания общественного мнения штатов, но решающую роль сыграл механизм внесения поправок, предусмотренный в самой конституции. Главные федералисты пообещали разработать дополнительный документ – «Билль о правах». По сути дела, он представлял собой перечень неотъемлемых прав рядового гражданина республики, на которые новое государство не могло покушаться. В июне конституцию приняла Виргиния – 89 голосами против 79; Нью-Йорк выразил свое согласие месяцем позже – здесь документ прошел благодаря совсем небольшому перевесу голосов (30 против 27). Два штата – Северная Каролина и Род-Айленд – все еще колебались: они заявили, что воздержатся, пока не увидят новое федеральное правительство в действии. Через полгода Северная Каролина сдалась, а Род-Айленд молчал до мая 1790 года (да и тогда документ едва-едва прошел ратификацию – 34 против 32 голосов).

На протяжении 14 лет американцы вели войну за независимость, формировали правительства штатов и реорганизовывали их. Какое-то время они жили с временным федеральным «правительством», затем попробовали новое; разочаровавшись, отказались от него и принялись за строительство третьего по счету правительства. По прогнозам Джорджа Вашингтона, новой конституции требовалось два десятилетия, чтобы распутать клубок существующих проблем. Принимая во

внимание непростую обстановку того времени, Вашингтона можно, скорее, обвинить в неоправданном оптимизме, чем в пессимизме.

Глава 4

Политические «революции» в ранней республике, 1789-1840 годы

За плечами у американцев осталась почти четверть века непрерывной политической борьбы. Казалось бы, наступило долгожданное перемирие. Вот сейчас благородные республиканцы сложат словесное оружие и хоть немного отдохнут от ожесточенных дискуссий по поводу свободы и власти. Но не тут-то было. Тот факт, что в 1790-х годах прежние споры – о предпочтительной форме правления, о путях развития общества, об угрозе национальной свободе и проч., и проч. – вспыхнули с новой силой, демонстрирует, сколь глубоко политизированной оказалась вся американская культура. Спору нет, в первые годы существования молодой республики имели место и жесты доброй воли, и единый порыв, и сотрудничество. Однако это было только начало. А далее разыгрались такие политические бури и штормы, что их последствия и поныне сотрясают и раскачивают государственный корабль США.

Так или иначе, к началу нового столетия энтузиазма заметно поубавилось, и стали раздаваться голоса в пользу новой перестройки государства. То ли эксперимент пошел не так, то ли экспериментаторам не хватило времени, но приходилось с горечью констатировать: политическая модель федералистов – новая и непривычная для американцев – не оправдала ожиданий. По счастью, нашлись люди (и немало), имевшие собственные рецепты обновления республики.

Томас Джефферсон мог по праву гордиться революционными преобразованиями в американской политике, которые он инициировал в ходе выборов 1800 года. Ему на смену пришел Эндрю Джексон, в 1820-х годах он подхватил эстафету и продолжил трудиться над политическим возрождением страны. Это было судьбоносное время: в ходе последовательных преобразований старая политическая модель мира умерла, и ее место заняла новая.

Предпосылки политического равновесия

Подводя итоги конца 80-х годов XVIII века, следует отметить, что политическая ситуация в стране отнюдь не выглядела безнадежной. Годы президентства Джорджа Вашингтона заложили мощную базу для объединения нации. Этот человек пользовался заслуженной славой национального героя, поэтому неудивительно, что коллегия выборщиков своим единодушным решением избрала бывшего главнокомандующего на пост президента. В апреле 1789 года в Нью-Йорке (временной столице государства) прошла торжественная церемония – Вашингтон был приведен к присяге и встал во главе молодой республики. Как показала жизнь, американцы не ошиблись с выбором: их избранник сумел снискать новому правительству авторитет и доверие народа. Человек трезвомыслящий и осторожный, Вашингтон хорошо знал о традиционном недоверии, которое американцы питают к любого рода власти. Однако ему хватало гибкости и проницательности, чтобы вовремя гасить опасные настроения в народной среде. Точно так же Вашингтон был осведомлен о политической разобщенности, царившей в обществе, и делал все возможное, дабы примирить конкурирующие интересы отдельных группировок.

Надо признать, что положение Джорджа Вашингтона изначально было очень непростым – как и у любого человека, рискнувшего занять президентский пост. Многие американцы с большой подозрительностью относились к институту президентской власти, имевшей явственный привкус монархической: уж слишком широким кругом

полномочий облечен президент и слишком много у него возможностей для злоупотребления властью. Вашингтон отдавал себе отчет в этой опасности и на протяжении всей своей президентской карьеры стремился идентифицировать себя с Цинциннатом, героем древнеримской республики: он, де, тоже откликнулся на призыв своей страны и послужил ей в нелегкую годину, но не видит оснований трансформировать воинскую славу в политическую власть. Вашингтон с возмущением отверг нелепое, с его точки зрения, предложение Джона Адамса о том, чтобы по отношению к главе исполнительной власти использовали обращение «ваше высочество». С большой неохотой согласился Вашингтон остаться на второй президентский срок и по его окончании сразу же покинул коридоры власти. Причем, оставив свой пост, он не захотел занимать никакой другой деятельностью – распрощался с государственной службой и вернулся в виргинское имение в Маунт-Верноне, где и проживал до самой смерти.

Но даже находясь при исполнении обязанностей, Вашингтон не желал брать себе слишком широкие полномочия. Он сознательно ограничивал свою деятельность двумя основными направлениями: в качестве главы исполнительной власти – проводить в жизнь законы; и в качестве главнокомандующего – курировать федеральную армию и то, что сейчас мы бы назвали министерством иностранных дел. Все прочие дела он предоставил своим коллегам из правительства. Вашингтон мало вмешивался в деятельность Конгресса и лишь дважды прибег к праву вето. Принимая решения, он часто советовался с помощниками – госсекретарями, министрами и главным прокурором. Среди членов его кабинета присутствовали и южане, и северяне; все эти люди представляли широкий диапазон политических мнений, с которыми президент

всегда был рад познакомиться. Вашингтон, как правило, вел себя корректно и осторожно: он приветствовал открытые политические дискуссии, но сам старался не выступать ни на чьей стороне.

Да, Вашингтон действительно был высокого мнения о себе и внес немалую лепту в создание мифов вокруг собственного имени. Но вместе с тем он являлся искренним патриотом: со всей серьезностью воспринимал предостережения относительно пределов власти и избегал неоправданной демонстрации силы. Он с пониманием относился к подозрительности сельского электората по отношению к новому порядку и своим поведением старался развеять его тревоги. Никто не смог бы обвинить Вашингтона в пренебрежении служебными обязанностями; он всегда рассматривал свое президентство прежде всего как свидетельство народного доверия, а только потом уже как прерогативу власти. Его спокойствие, осторожность и склонность к обдуманному решению как нельзя лучше соответствовали текущему моменту. С какой стороны ни посмотри, следует признать: Вашингтон оказался нужным человеком, который своевременно появился на политическом небосклоне Америки.

Успешное президентство Вашингтона стало важным фактором, позволившим обеспечить политический мир и гармонию в американской республике. Вторым (и не менее важным) условием являлась система контроля за работой федерального правительства. Еще в процессе ратификационного обсуждения конституции противники документа подняли вопрос о необходимости внесения ряда поправок. Назначение этих поправок – защищать гражданские права населения от посягательств со стороны облеченного небывалой властью правительства. На первых порах Джеймс Мэдисон, один из главных творцов конституции, оспаривал необходимость подобного

дополнения к своему детищу. По его словам, главная угроза демократическим свободам исходит не от федерального правительства, а от правительств штатов. Однако позже, уже работая в палате представителей, Мэдисон осознал, насколько велик в народе страх перед новой конституцией и предлагаемым ею правительством. Это предубеждение грозило перерасти в открытое недовольство и поставить под угрозу весь проект.

Джордж Вашингтон, рисунок на бумаге мелом, ок. 1800 г.

Поэтому Мэдисон самолично возглавил процесс подготовки поправок к конституции. Работа началась в июне 1789 года, и его сразу же завалили предложениями. Из более чем 200 предложений Мэдисон выделил 17, с его точки зрения достойных войти в окончательный документ. В этом списке лишь одна поправка касалась гарантий власти правительств штатов. Все остальные были направлены на защиту личных прав человека от ущемления со стороны федерального правительства. Итак, конституция США гарантировала гражданам следующие демократические свободы: свободу слова и печати, свободу вероисповедания, свободу собраний и петиций, право

на хранение и ношение оружия, право на неприкосновенность личности и жилища от необоснованных обысков и арестов, право на справедливое отправление правосудия. Таким образом, мы видим, что подавляющее большинство поправок имело отношение к гражданским правам отдельной личности, а не штатов. Это не вполне соответствовало первоначальным намерениям авторов документа, но так уж сложилось, и в таком виде нация получила документ под названием «Билль о правах».

После его обсуждения Конгресс разослал список из 12 предложений во все штаты для ратификации. В итоге обсуждения на местах 10 поправок были приняты и вошли в «Билль о правах», который в декабре 1791 года стал частью конституции. На проверку выяснилось, что данный документ не затрагивает главных полномочий Конгресса. Он мог и дальше функционировать, но с одним существенным условием – государству запрещалось вторгаться в мысли, взгляды и убеждения своих граждан. И это глубоко показательно и символично: одним из первых актов нового правительства стало ограничение собственной власти.

Подобный жест доброй воли не мог не найти отклика у народа. Ратификация «Билля о правах» положила конец десятилетнему периоду яростных споров по поводу того, каким должно быть федеральное правительство Соединенных Штатов. Вкупе с разумным правлением Джорджа Вашингтона этот шаг обеспечил новому правительству именно то, к чему оно давно и безрезультатно стремилось – легитимность в глазах населения. Таким образом, можно сказать, что смелый и беспрецедентный эксперимент с республиканским правлением снискал одобрение у подавляющего большинства американцев.

Причины политического разделения

Несмотря на факторы, способствовавшие сплочению, главные вопросы оставались нерешенными, и касались они целей нового правительства и границ его власти. Любимый герой нации Вашингтон вряд ли являлся подходящей фигурой для проведения активной политики. «Билль о правах», при всей его важности, сосредоточивался на том, чего правительство не может делать. А что произойдет, если правительство все же примет какое-нибудь решение и постарается последовательно проводить его в жизнь? Как выяснилось, ничего хорошего: при первой же серьезной попытке разразился настоящий политический ад.

Поводом послужила серия экономических докладов Александра Гамильтона, занимавшего должность министра финансов в кабинете Вашингтона. Многие коллеги недолюбливали этого человека, считая его амбициозным негодяем. Многие, но только не Вашингтон! Совместная деятельность в годы Войны за независимость помогла Гамильтону завоевать любовь и уважение президента и получить солидные дивиденды в виде высокого министерского поста. Беда в том, что Гамильтон рассматривал свою должность как некий эквивалент кресла премьер-министра и самонадеянно полагал, что его дружба с президентом позволяет вмешиваться в работу других ведомств. Действительно, Вашингтон настолько доверял своему секретарю, что практически перепоручил ему формирование внутренней политики государства. Результатом и стала экономическая программа, которую Гамильтон разработал в 1790–1791 годах и представил вниманию Конгресса в виде упомянутых докладов. В программе рассматривались такие злободневные вопросы, как

государственный кредит, основание единого национального банка и развитие отечественного производства. Казалось бы, обычная тематика министерства финансов, скучная рутина. Однако выступление Гамильтона вызвало бурю ожесточенных споров, так как, по сути, он поднимал все те же извечные вопросы: для чего существует федеральное правительство и что оно может?

Прежде всего следовало решить, каким именно образом молодая республика должна распорядиться принадлежащими ей деньгами. Неизбежным следствием недавней войны были многомиллионные долги отечественным и зарубежным кредиторам. Гамильтон предлагал рассматривать их не как тяжкое бремя, от которого любое правительство стремится поскорее избавиться, а как счастливую возможность укрепить финансовый и политический базис страны. Не стоит спешить в данном вопросе, доказывал министр, ведь «национальный долг (если он, конечно, не чрезмерно велик) может стать для нас национальным благословением». Надо только все правильно устроить. Гамильтон предлагал всех держателей долговых расписок связать с федеральным правительством – чтобы они были кровно заинтересованы в его успехах. Если это правительство потерпит крах, то кредиторы потеряют свои средства. Таким образом, возникнут основания для поддержки правительства, особенно в среде наиболее обеспеченных граждан республики.

Если говорить конкретно о механизме «связывания» кредиторов, то Гамильтон считал целесообразным провести операцию консолидирования, отменив старые формы долговых расписок и введя вместо них государственные обязательства в виде процентных облигаций. Также он призывал федеральное правительство принять на себя долги штатов, чтобы всем вместе заняться их погашением. Изюминка плана

заклучалась в том, что все кредиторы получали деньги из одного источника; а имея общий интерес, они неминуемо должны были объединиться в поддержке финансово-кредитной программы правительства.

Возможно, Гамильтон и был гением политэкономии, но вот реакции общественного мнения он не учел. Многие с возмущением восприняли предложение о консолидировании, считая, что эта схема сыграет на руку спекулянтам ценными бумагами в ущерб честным и патриотически настроенным гражданам. План перевода долгов штатов на федеральный уровень тоже не встретил понимания, особенно у тех штатов, которые уже успели погасить большую часть своих финансовых обязательств. С их точки зрения, предложение Гамильтона выгодно тем штатам, которые бессовестно пренебрегали своими обязанностями, а добросовестные штаты будут наказаны вторичной выплатой по старым долгам.

Так или иначе, Конгресс одобрил операцию консолидирования, а план по передаче долгов был временно забаллотирован. Главные его противники – представитель штата Виргиния Мэдисон и госсекретарь Джефферсон – соглашались изменить свою негативную позицию лишь при условии некой политической сделки, которой предстояло на многие годы вперед изменить жизнь американских политиков (а заодно и многочисленных туристов). Джефферсон и Мэдисон обещали поддержать предложение Гамильтона, если он, в свою очередь, поддержит их собственный план по переносу федеральной столицы дальше на юг. Они предполагали построить город в самом центре Чесапикского региона – так сказать, на задворках Виргинии и Мэриленда. Чтобы протолкнуть свой проект, Гамильтон согласился разместить особый «округ Колумбия» на болотистых землях вдоль реки Потомак –

там, где федеральное правительство США и поныне борется с бесконечными национальными долгами.

Прочие экономические доклады Гамильтона не имели столь заметных политических последствий, но по части яростных политических дебатов никак не уступали первому. В одном из своих выступлений министр предложил конгрессменам учредить национальный банк, имевший целью стабилизацию экономики страны посредством накопления и выпуска денежной массы, кредитования организаций и частных лиц и контроля за деятельностью банков штатов. Самому Гамильтону эта идея виделась вполне разумной и своевременной, в то время как оппоненты расценивали его предложение как опасное безрассудство. Они доказывали, что проект Гамильтона вдвойне порочен: во-первых, он копирует Банк Англии, давно дискредитировавший себя в глазах американцев; а во-вторых, создание банковской структуры вообще является противоправным деянием, поскольку это не входит в функции Конгресса. Бесспорно, нынешнему правительству – в том виде, в каком оно задумано конституцией, – под силу множество разумных и славных деяний, но все же его власть не распространяется на всё и вся. Иначе придется признать правоту скептиков, которые в конце 1780-х годов высказывали опасения по поводу чрезмерных полномочий Конгресса и всего федерального правительства.

Джефферсон, Мэдисон и другие указывали, что в конституции четко сказано: Конгресс может только использовать определенные, уже существующие рычаги власти. То, что не «перечислено», не входит в число законных средств. «Достаточно сделать лишь шаг в сторону, – предупреждал Джефферсон, – ...и это будет расценено как попытка захвата беспредельной власти... власти, не поддающейся никакому определению». Узкая

интерпретация документа представляет собой лучший путь к ограничению власти правительства и защите демократических свобод населения.

Гамильтон в ответ указывал на ту часть конституции, где были обстоятельно прописаны права Конгресса. Восьмой раздел I статьи (конкретно последнее предложение) гласит, что Конгресс «может издавать любые законы, которые он сочтет необходимыми и надлежащими» для осуществления полномочий, предоставленных ему конституцией. В частности, за Конгрессом оговорено право собирать налоги и регулировать торговлю; а банк является тем самым механизмом – «необходимым и надлежащим», – который требуется для выполнения этих задач. То есть учреждение банка является актом вполне конституционным. Есть и другие положения конституции – пусть менее четко сформулированные, но подразумевается, что они имеют отношение к федеральным полномочиям; полномочия эти «следует интерпретировать либерально во имя общего благоденствия». Именно такое прочтение конституции обеспечивает гражданам ответственное правительство, которое гибко откликается на постоянно изменяющиеся государственные нужды.

В конце концов Конгресс при почти равном делении голосов принял предложение Гамильтона и выдал лицензию на 20 лет первому национальному банку Соединенных Штатов. По истечении этого срока встал вопрос о возобновлении лицензии, и снова между политическими лидерами разгорелся горячий спор о целесообразности существования подобного банка. Страсти бушевали вовсю. И вновь «строгие истолкователи» под знаменами Томаса Джефферсона объявили войну гамильтоновскому лагерю «свободных истолкователей». Надо сказать, что даже в наши дни не

стихают споры между американцами по поводу прочтения конституции.

Еще одной темой для обсуждения (ставшей едва ли не национальной навязчивой идеей) был подходящий экономический курс; и вновь Александру Гамильтону удалось внести свежую ноту в дискуссию. В 1791 году он представил Конгрессу «Доклад о мануфактурах», в котором наметил собственный путь к процветанию страны. Вопреки американской традиции, предполагавшей предпочтительное развитие сельского хозяйства, Гамильтон делал основную ставку на развитие торгово-промышленной деятельности. Он доказывал, что при всех успехах американских фермеров (достаточно скромных, по правде сказать) государство в целом продолжает занимать подчиненное положение по отношению к европейским странам, обладающим куда более многоликой и развитой экономикой. Они-то могут себе позволить производить дорогостоящие промышленные товары, которые и поставляют молодой американской республике наряду с коммерческими услугами. Вот и получается, что, несмотря на политическую независимость, в экономическом отношении Соединенные Штаты сохраняют колониальный статус.

Гамильтон настаивал на том, что нация должна расширять свои экономические горизонты путем строительства промышленных предприятий, причем не менее продуктивных, чем поля и плантации. Но подобная метаморфоза произойдет лишь в том случае, если правительство проявит активность и пробудит граждан от их заурядных сельскохозяйственных грез. Настало время распрощаться с позицией невмешательства и обратиться к новому меркантилизму. То, что предлагал Гамильтон, являлось, по сути, рыночной революцией. Он разработал целую систему мер: протекционистские тарифы были

призваны инициировать развитие отечественной промышленности, акцизные сборы – обеспечить повышение доходов государства, поощрительные государственные премии должны были поддерживать прибыльные отрасли сельского хозяйства, рыболовов и китобоев тоже ожидали государственные субсидии. Кроме того, Гамильтон разработал ряд мер, направленных на развитие транспортной системы, необходимой для развития внутреннего и внешнего рынка. Он искренне верил, что правительство может (и должно) играть активную роль в экономике страны, способствуя ее расцвету и обогащению.

Однако у Гамильтона нашлось немало противников. Например, государственный секретарь Томас Джефферсон считал, что занятие сельским хозяйством больше всего подходит для Америки и американцев. Он доказывал, с экономической и политической точек зрения, что право на землю обеспечивает человеку богатство, положение в обществе, избирательный голос и страховку на случай рыночных пертурбаций. Именно земля «взрастила» идеи свободы и независимости. С моральной точки зрения Джефферсон рассматривал фермеров как «божьих избранников». В 1785 году он писал: «Те, кто обрабатывают землю, являются народом, избранным Богом, если таковой когда-либо существовал. Он сделал их души своеобразным хранилищем неподдельной и прочной добродетели». Фермерство, по мнению Джефферсона, не только стоящая работа для отдельных индивидов, но и полезное занятие для всех республиканцев, заинтересованных в стабильности сообщества. Мануфактуры же, напротив, отрывают людей от земли, скучивают их в грязных городах, делают рабами непредсказуемой воли хозяев и стихийного рынка. Тотальная индустриализация общества вместо свободы и добродетели порождает зависимость и порок. Разве

станет разумное республиканское правительство преследовать подобную цель? Правда, Джефферсон признавал, что мелкомасштабное, децентрализованное производство может отвечать нуждам нации при условии, что оно базируется на республиканском хозяйстве.

Таким образом, экономическая программа Гамильтона натолкнулась на серьезное сопротивление оппозиции. В качестве уступки Конгресс согласился незначительно повысить тарифы на импорт и ввести небольшие акцизные сборы на некоторые виды продукции, в том числе на виски. Но и этого хватило, чтобы вызвать недовольство у населения. Фермеры юго-западной Пенсильвании больше всего возмущались именно акцизами на виски, которые подрывали их привычный уклад жизни. Испокон веков в американской сельской глубинке, безнадежно удаленной от рынков и железных дорог, выращивали пшеницу. Но тяжелые мешки с зерном неудобно (и накладно!) транспортировать за тридевять земель; куда проще перегнать пшеницу на спирт и уже компактные бутылки виски доставлять к местам продаж. Надо ли говорить, что введенные государством акцизы больно ударили по кошельку местных жителей, для которых торговля спиртным являлась чуть ли не единственным источником доходов. К 1794 году обстановка в штате накалилась до предела. Фермеры бойкотировали ненавистное постановление, угрожали федеральным чиновникам и мстили своим более покладистым землякам. Разъяренный Гамильтон настаивал на применении силы, и Вашингтон отправил на запад 13-тысячную армию, чтобы в корне задавить «Бунт виски». Однако к тому времени, как войска добрались до Пенсильвании, беспорядки стихли. Как водится, арестовали небольшую группу заводил, двоих из них приговорили к смертной казни, но позже помиловали.

Казалось, инцидент был исчерпан, но стычки между таможенными инспекторами и непокорными самогонщиками продолжались еще на протяжении ряда лет и прочно вошли в народный фольклор в качестве темы для многочисленных анекдотов. Хотя, если разобраться, ничего веселого в «Бунте виски» не было. Напротив, то, как в данной ситуации повело себя федеральное правительство – а именно, пренебрегло интересами граждан, – наводило на тревожные выводы: отныне и впредь оно будет навязывать населению свои законы с позиции силы.

Собственно, именно к этому и стремился министр финансов Гамильтон, и победа в Пенсильвании стала значительным (хоть и не окончательным) шагом на пути к всевластию правительства. Свободолюбивым и независимым американцам предстояло на собственном опыте выяснить, каково жить под властью сильного централизованного правительства. Многие выражали недовольство, но, увы, обратного пути уже не было. Точно так же одержала победу и экономическая модель Гамильтона – общество, построенное на рыночных отношениях. Правда, по злой иронии судьбы, произошло это во время президентства его политического оппонента Томаса Джефферсона. Самому же Гамильтону не суждено было насладиться триумфом. В 1804 году он был убит на дуэли своим злейшим врагом – беспринципным политиком Аароном Бэрром, занимавшим должность вице-президента при Джефферсоне.

Заслуги Александра Гамильтона перед Америкой велики: именно его разработки в экономической и политической областях подарили стране сильное и активное правительство, а также развитую, многоликую экономику. Несомненно, такой человек заслужил памяти потомков как национальный герой. И он ее получил. Напрасно вы будете искать портрет

Гамильтона на портале какого-нибудь общественного храма или на замысловатой печати, зато каждый день миллионы американцев видят его лицо на 10-долларовой купюре; тут же, на обратной стороне бумажки, изображено здание государственного казначейства США. Согласитесь, достойный памятник для министра финансов. Прах Гамильтона покоится не на тихом сельском кладбище, а неподалеку от Уолл-стрит, в церкви Святой Троицы. Великий экономический реформатор похоронен в приятной компании биржевых маклеров и спекулянтов.

Зарождение политических партий

Экономические программы Гамильтона, вызвавшие столько споров у конгрессменов, имели еще один побочный эффект: они способствовали образованию двух политических лагерей различной направленности. Что интересно, члены и одного и другого почитали себя патриотами, поддерживали существующее правительство и проповедовали конституционные принципы. Имелись у них и другие общие черты: во-первых, обе группировки отказывались рассматривать себя как постоянно действующую партию, а во-вторых, обвиняли противников в отступлении от революционных идей. На том сходство кончалось, и начинались различия, каковых насчитывалось немало. Так, представители обоих направлений не опровергали тезиса об опасности, которую несет с собой власть, но вот месторасположение власти рисовалось им по-разному. Точно так же и те и другие признавали конституцию, но трактовали ее статьи по-разному. Все желали видеть свою страну великой и могучей, но пути к этому величию видели различные.

Камнем преткновения, как всегда, являлся вопрос о власти. Одна из групп, во главе которой стояли Гамильтон, Джон Адамс и Томас Пинкни, делала ставку на сильное и энергичное федеральное правительство, потому их и называли «федералистами». Они полагали, что идеальное правительство должно проявлять максимальную активность в своем служении общественному благу. Их оппоненты – «демократы-республиканцы» из лагеря Джефферсона, Мэдисона и Джорджа Клинтона, напротив, настаивали на ограничении полномочий централизованного правительства и усилении позиций местных институтов.

С их точки зрения, чем меньше федеральное правительство будет вмешиваться в жизнь страны, тем лучше.

Обе соперничающие группы, окончательно оформившиеся к 1794 году, испытывали тревогу за будущее молодой республики, и обе предлагали собственные рецепты преодоления трудностей. Таким образом, ожесточенные политические дискуссии, которыми было отмечено последнее десятилетие XVIII века, не стихли и на рубеже нового столетия. Каковы пределы власти национального правительства и что считать превышением таковых? Как надежнее обеспечить защиту прав населения? И что, собственно, важнее для укрепления республики – единство или свобода граждан?

Как выяснилось, оба лагеря очень далеко разошлись в своих политических взглядах, а виной тому стали различные представления о человеческой натуре и наилучшем способе устройства человеческого общества. Глава одной из групп, Александр Гамильтон полагал, что американцам приходится иметь дело с весьма заманчивой, но совершенно не апробированной политической системой. И главная проблема связана не с самим правительством, а с объектом его управления. Он рассматривал фермеров (которые на тот момент составляли большую часть населения страны) как неустойчивую массу с ограниченными политическими устремлениями, скованную мелочным провинциализмом и подверженную взрывам необузданных страстей. Этих людей мало интересует необъятная страна с ее соблазнами и проблемами, круг их забот замыкается сельской околицей. Они с недоверием относятся к правительству, которое заседает в далеких городах, и ни за что не согласились бы покинуть свои родные поля – даже будь у них подобная возможность. Разве может такое «болото» вершить политику? Лучше всего,

полагал Гамильтон, если небольшая группа талантливых и свободных от национальных предрассудков политиков возглавит энергичное правительство, которое и поведет народ к грядущему процветанию.

В том, что касается «соблазнительной, но непроверенной модели государства», Джефферсон вполне разделял мнение своего политического оппонента. Но вот опасности республиканской формы правления он видел совсем в другом: не в тех, кем управляют, а в самих правителях. По-настоящему опасны хитрые, амбициозные лидеры, приносящие национальные интересы в жертву собственному властолюбию. Великая удача, рассуждал Джефферсон, что большинство граждан все-таки хранят верность революционным принципам. Они понимают, как должен работать новый конституционный порядок, и готовы «защищать свободу, которую завоевали годами упорных трудов и тяжких лишений». Именно осмотрительность и мудрость местных правительств (а также просвещенных граждан) спасает от беззакония и позволяет удерживать федеральную власть в отведенных ей пределах.

Вот из таких различных (порой прямо противоположных позиций) и выросли первые в Америке политические партии. Причем следует отметить, что никто из их вождей не стремился к такому результату – все боялись возможного раскола в республике. И тем не менее политические лидеры не могли не видеть, как спонтанные объединения единомышленников неожиданно для всех перерастают в стабильные организации. И хотя их возникновение не было предусмотрено конституцией и не приветствовалось республиканской традицией, со временем политические партии стали играть заметную роль в американской политике. На протяжении двух

столетий их борьба разворачивалась вокруг вопроса, поставленного еще в 1790-х годах: каким должно быть федеральное правительство – всемогущим или с ограниченной властью?

Политические бури 1790-х годов

Как мы видели, гамильтоновская программа развития страны стала причиной горячих дебатов в стане американских политиков. Однако эти дебаты не шли ни в какое сравнение с той реакцией, которую вызвала международная обстановка, сложившаяся в 1790-х годах – тут уж разгорелась настоящая бескомпромиссная война, охватившая все слои населения Соединенных Штатов. И немудрено: под угрозой оказался сам дух американской революции, равно как и ее достижения. Если экономический доклад министра финансов поставил перед американцами задачу соответствующим образом реагировать на действия собственного правительства, то Французская революция и разразившаяся в Европе война противопоставили американский народ власти чужих правительств. Со всей непреложностью встал вопрос: как выжить и сохранить в неприкосновенности революционное наследие перед лицом внешней угрозы?

Военно-политический конфликт в Европе обострил противостояние политических партий в Америке. С одной стороны находился Томас Джефферсон со своими единомышленниками, симпатизировавшими революционной Франции. Их позиция выглядела вполне обоснованной. Во-первых, Франция оказала неоценимую поддержку Соединенным Штатам в Войне за независимость. И как же теперь они будут выглядеть в глазах всего света, если нарушат договор о дружбе и взаимопомощи, заключенный с Францией в 1778 году? А во-вторых, верность революционным принципам не позволяла Америке бросить в беде братскую республику, которая сражалась в попытке сбросить иго ненавистной монархии. Соединенные Штаты и Франция

должны выступить единым фронтом против погрязшей в коррупции и абсурдной иерархии Британской империи. Партии Джефферсона противостояли гамильтоновцы, стоявшие на стороне Британии как гаранта стабильности и порядка в мире. Они доказывали, что бывшая метрополия является их главным экономическим партнером, обеспечивающим процветание молодой республики, а после признания независимости Америки также и важным политическим партнером, помогающим поддерживать существующий порядок. Британия и США должны вместе противостоять Франции с ее анархической лжереспубликанской революцией.

Обе партии приводили весомые доводы, спорили, не жалея сил, но при этом предпочитали помалкивать о скрытых мотивах. А таковые, несомненно, имелись у каждой из сторон. Профранцузская политика Джефферсона имела немало сторонников среди жителей приграничных штатов, которые давно уже с воодушевлением поглядывали в сторону неосвоенных западных территорий. Они рассчитывали, что французская военная авантюра существенно облегчит им задачу. Англия и Испания будут вынуждены сконцентрировать внимание на Европе, ослабив позиции на Североамериканском континенте и волею-неволей открыв путь на Запад для тысяч и тысяч американских переселенцев. В свою очередь, судовладельцы и торговцы поддерживали пробританскую политику Гамильтона, поскольку она идеально соответствовала их нуждам. Британия по-прежнему оставалась главным торговым партнером Соединенных Штатов. Она безотказно (и практически в любых масштабах) потребляла все, что Америка могла предложить на продажу, а взамен поставляла готовую продукцию всевозможных мануфактур, в которой так нуждались американцы. Таким образом, хорошие

отношения с Британской империей сулили постоянную занятость и немалые прибыли всем, кто был связан с торговлей и транспортировкой грузов.

Каждая из заинтересованных сторон пыталась приукрасить европейских союзников, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение. Демократы-республиканцы пытались всячески замаскировать и приуменьшить кровавые деяния Французской революции. Они предпочитали не говорить о радикальном перевороте якобинцев, о пленении и последующей казни королевской четы. Совсем уж несподручно было поминать террор 1792-1794 годов и войны, которые Франция вела с Великобританией, Испанией, Австрией и Пруссией. Ситуация еще больше осложнилась в 1793 году, когда в Штаты пожаловал с визитом французский дипломат Эдмонд Жене. Он без всякого стеснения напомнил американцам об их обязательствах согласно договору 1778 года и призвал к участию в военной кампании против Британии и Испании. И снова – в который уже раз – американское общество оказалось расколотым надвое реакцией на это воззвание. Члены демократических обществ, которые с самого начала радостно приветствовали Французскую революцию, поддержали Жене, в то время как со стороны федералистов посыпались насмешки и издевательства. Нимало не смутясь, ретивый французский посланник продолжал агитацию даже после того, как президент Вашингтон официально объявил, что Соединенные Штаты будут придерживаться «мирного и беспристрастного курса». В конце концов гражданин Жене пустился во все тяжкие: занялся подготовкой американских каперов для нападения на английские суда; попытался снарядить военную экспедицию с территории США, но потерпел неудачу; и окончательно дискредитировал своих покровителей (в первую очередь Джефферсона)

«неприличными» нападками на правящую администрацию.

Тем временем федералисты тоже чувствовали себя в высшей степени неуютно в связи с неразумным (чтобы не сказать вызывающим) поведением своих британских протеев. Казалось, те делали все, чтобы разжечь антибританские настроения в Соединенных Штатах. Англичане силой удерживали за собой форты на северо-западных территориях, провоцировали столкновения между индейцами и белыми поселенцами, запретили Американской республике торговать с Вест-Индией, захватывали американские суда и проводили насильственную вербовку их матросов в британский флот. В такой ситуации президент Вашингтон решил повести наступление на дипломатическом поприще, спасти путем переговоров то, что невозможно было отстоять силой.

Эта разумная тактика принесла свои плоды в 1795 году, когда в Лондоне был подписан договор о дружбе, торговле и мореплавании, получивший название Договора Джея. Помимо туманных заявлений о «нейтралитете», британцам пришлось согласиться на вывод своих войск из западных фортов и возвращение захваченных на море грузов. Зато американцам запрещался самостоятельный ввоз хлопка, сахара, кофе, какао и некоторых других товаров. Кроме того, американцам разрешалась торговля с Британской Вест-Индией лишь на судах водоизмещением менее 70 тонн. Подобные ограничения дали партии Джефферсона повод для возмущения. Они во всеуслышание объявили, что подобный договор равнозначен двойному поражению – это урон американским интересам и принципам свободы во всем мире.

Тем не менее федералистское большинство в сенате обеспечило ратифицирование договора. И действительно, это было лучшее, на что молодая

американская республика могла надеяться в сложившихся обстоятельствах. Договор Джея создал условия для серьезного расширения американской торговли в последние годы XVIII века. Помимо него в 1795 году было заключено еще два соглашения, значительно укрепивших позиции Соединенных Штатов на границе. Речь о договоре Гренвилла, вынуждавшем индейские племена уступить ряд земель на северо-западных территориях, и договоре Сан-Лоренцо, по которому Испания предоставила американским судам право плавать по реке Миссисипи. Если учесть сложные условия, в которых приходилось работать администрации Вашингтона (с одной стороны, война в Европе, а с другой – политические разногласия дома), то следует признать: ей удалось добиться почти невозможного – совместить успехи на дипломатическом поприще с укреплением американского суверенитета на Западе.

Однако за эти успехи пришлось заплатить немалую политическую цену. Члены демократических обществ не уставали поносить правительство за его внутреннюю и внешнюю политику. Федералисты обвиняли своих противников в радикализме, демагогии и прочих смертных грехах. Уставший от этих гонений госсекретарь Томас Джефферсон подал в отставку в 1793 году. Самому Вашингтону довелось немало вынести, особенно в последние годы пребывания на президентском посту. Ему приходилось постоянно участвовать в провокационных дискуссиях по поводу внешней политики кабинета, заключенных договоров, введенных (или отмененных) налогов, виски и всего прочего. Дошло до того, что Том Пейн обозвал президента беспринципным лицемером.

Изнуренный бесконечной борьбой Вашингтон отказался баллотироваться на третий срок. Он удалился в свое имение в Маунт-Верноне, предварительно

опубликовав «Прощальное послание», в подготовке которого участвовали Мэдисон и Гамильтон. В этой речи Вашингтон предостерегал соотечественников против фракционизма, «губительного воздействия партийного духа» и опасностей, связанных с запутанной ситуацией в Европе. Сложившийся союз – оплот свободы – является весьма хрупким и уязвимым явлением, и спорные региональные связи, за которыми тянется целый шлейф давних раздоров и претензий, легко могут его разрушить. Местнические эгоистические интересы и дьявольские ловушки, проистекающие из «нерушимых альянсов», также угрожают интересам республики. Уходя в отставку, Вашингтон оставил наставления нации как относительно внутривнутриполитических дел, так и в отношении международной политики. Внутри страны он советовал крепить единство, позабыв мелкие распри. С другими государствами Вашингтон рекомендовал расширять коммерческие связи, но по возможности не впутываться в политические коалиции. Казалось, прощальная речь президента нашла отклик у большинства американцев, однако прошло совсем немного времени – и страна снова погрузилась в пучину разногласий, как внутренних, так и внешних.

Последняя попытка федералистов

В отсутствие Вашингтона выборы 1796 года превратились в беспрецедентную по своему размаху и накалу битву за президентский пост. Поскольку на американском политическом небосклоне не было безусловного лидера, сплотившего вокруг себя всю нацию, то обе фракции – федералисты и республиканцы (как теперь стали именоваться демократы-республиканцы) – выставили каждая своего кандидата, отвечавшего интересам партии. Знамя федералистов нес Джон Адамс, занимавший пост вице-президента при Джордже Вашингтоне. Лагерь республиканцев представлял Томас Джефферсон. После долгих споров коллегия выборщиков (с незначительным перевесом в 3 голоса) отдала пальму первенства Адамсу. Так начался его 4-летний срок президентства, отмеченный многочисленными конфликтами и политическими сварам.

С самого начала дела у президента Адамса пошли вкривь и вкось. Он не находил поддержки даже у своих прямых сторонников. Многие члены его кабинета примкнули к Гамильтону, который покровительствовал федералисту Томасу Пинкни, предпочтя его Адамсу. В непосредственные помощники президенту досталась еще более спорная фигура. Согласно тогдашним положениям конституции, на пост вице-президента назначался кандидат, по количеству набранных голосов занявший второе место в предвыборной гонке. Соответственно в 1796 году таким человеком стал лидер республиканцев Томас Джефферсон!

Не лучше обстояли дела и на международном поприще. Заключение Договора Джея, позволившего Соединенным Штатам уладить конфликт с

Великобританией, повлекло за собой резкое ухудшение франко-американских отношений. Это выразилось в участившихся нападениях французских кораблей на американский флот, сопровождавшихся конфискацией грузов и, как следствие, немалыми убытками для США. Пришлось посылать в Париж переговорщиков. В 1797 году состоялась встреча американских дипломатов с французскими посредниками, именовавшимися в зашифрованных донесениях как мсье «X», «Y» и «Z». Эта предприимчивая троица взялась устроить переговоры американцев с министром иностранных дел Директории Талейраном, но выставила условия, вызвавшие возмущение у американской стороны. Помимо крупного государственного займа (до 10 млн долларов), посредники требовали взятку в виде кругленькой суммы в 250 тыс. долларов самому Талейрану. Непривычные к подобному методу ведения дел американцы отказались, история «аферы XYZ» попала в прессу и вызвала в Америке волну народного негодования. Под небывалым давлением общественности президенту Адамсу пришлось срочно заняться укреплением обороны страны; попутно Америка объявила о намерении в одностороннем порядке расторгнуть договор с Францией от 1778 года. Решением Конгресса был сформирован военно-морской департамент, Джордж Вашингтон принял командование над национальной армией, и к 1798 году Америка оказалась втянутой в необъявленную войну (ее называли «квази-войной») с Францией.

Как выяснилось, эти события послужили к пользе Адамса. Играя на воинственных настроениях нации, федералисты на выборах 1798 года сумели набрать большее количество мест в законодательном собрании. Но затем партия продемонстрировала всей стране, как легко победа может обернуться поражением. Облеченные властью, федералисты вознамерились

разделаться со своими оппонентами. В 1798 году они провели ряд законов, направленных против инакомыслия в государстве и имевших истинной целью уменьшить авторитет республиканцев. Убедив Конгресс в том, что в Соединенные Штаты могли просочиться подрывные элементы иностранного происхождения, они добились принятия «Закона против иностранцев», который позволял президенту арестовывать и депортировать зарубежных подданных, представлявших опасность для государства. Убежденные в том, что иммигранты пополняют ряды республиканцев, они провели «Закон о натурализации», устанавливавший более строгие правила получения гражданства. А под предлогом борьбы с политической критикой, подрывающей интересы нации, они приняли «Закон о подстрекательстве», запрещающий «клеветнические, скандальные и злобные» выступления и публикации против правительства и лично президента.

Теперь у федералистов имелись законные основания заткнуть рот политическим оппонентам. Опираясь на принятые акты, они арестовали 25 человек – большей частью республиканцев, – пятнадцати из которых были предъявлены обвинения, а десять осуждены по решению суда. В качестве ответной меры Джефферсон и Мэдисон подготовили документ под названием «Резолюции штатов Виргиния и Кентукки». Его содержание сводилось к двум главным доводам: во-первых, федеральное правительство появилось в результате договора, или контракта, между штатами и должно служить конкретным, строго оговоренным целям; а во-вторых, когда оное правительство пренебрегает своими обязанностями, штат может «вмешаться» и отменить спорный закон на своей территории.

Другие legislatures на сей раз предпочли не вмешиваться в борьбу за «права штатов», хотя в дальнейшем подобная коллизия снова всплыла в истории Соединенных Штатов. Противники федералистов по-прежнему высказывали опасения за свободу слова и печати; их тревога только возросла после того, как в 1799 году федеральные войска снова вторглись на территорию Пенсильвании с целью подавления бунта. «Восстание Фриза» было направлено против повышения налогов, каковым федералисты пытались компенсировать возросшие военные расходы. Все как обычно. И точно так же, как и в 1794 году, восстание выдохлось еще до того, как прибыли первые кавалерийские отряды.

Президент получил донесения, в которых сообщалось, что среди пенсильванских фермеров немецкого происхождения преобладают вполне миролюбивые настроения. Одновременно со стороны французского правительства последовал дипломатический запрос на предмет заключения мирного договора. Все вместе убедило Адамса, что военные действия пора оканчивать, и он – вопреки остальным федералистам, внезапно обнаружившим омолаживающий (в политическом плане) эффект войны, – решился на переговоры с первым консулом Наполеоном Бонапартом. В 1801 году Соединенным Штатам удалось наконец расторгнуть опостылевший договор с Францией от 1778 года.

Итак, Адамсу удалось завершить войну, развернувшуюся на морских просторах, освободить страну от кабального договора и подавить мятеж внутри страны. С таким политическим багажом он рискнул выставить свою кандидатуру на второй президентский срок, при том, что его собственная партия, раздробленная, погрязшая в мелочных дразгах, находилась в бедственном положении. В то же самое

время находившиеся в оппозиции республиканцы были как никогда сильны и сплочены; они выдвинули сразу две ключевые фигуры: Томас Джефферсон, кандидат от штата Виргиния, претендовал на пост президента, а Аарон Бэрр (от штата Нью-Йорк) – на пост вице-президента.

И снова, как и в 1796 году, итоги выборов поставили в тупик всю страну. Джефферсон и Бэрр финишировали с одинаковыми результатами (73 голоса). Это было больше, чем набрали кандидаты от федералистов, но, увы, не обеспечивало ни одному из них решающего перевеса голосов. Теперь выбирать между двумя претендентами предстояло палате представителей, в которой на тот момент главенствовали федералисты. Посовещавшись, они все же решили, что невыносимый Джефферсон лучше, чем отталкивающий Бэрр, – так знаменитый виргинец стал президентом. В 1804 году была принята поправка к конституции, позволяющая избежать подобных казусов: теперь президент и вице-президент избирались отдельным голосованием.

Итак, федералисты лишились президентства и никогда больше не смогли вернуть себе эту прерогативу. Точно так же они потеряли большинство в палате представителей и сенате – и тоже безвозвратно. Однако прежде чем покинуть главенствующие позиции, федералисты успели создать прецедентное право, согласно которому «хромая утка» Адамс заполнил суды своими партийными назначенцами. Таким образом, третья ветвь правительственной структуры на долгие годы закрепилась за федералистами. Несмотря на все закулисные интриги, данные выборы явились в некотором роде победой демократии: они продемонстрировали всей Америке, что власть может перейти от одной политической партии к другой вполне цивилизованным, спокойным и мирным путем.

Джефферсоновская политическая «революция»

Много лет спустя, после того как Джефферсон уже покинул президентский пост, он характеризовал свою победу на выборах как «революцию 1800 года... настоящую революцию в принципах, на которых зиждется наше правительство; тогда как в 1776 году мы имели революцию формы». Изначально Джефферсон придерживался доктрины централизованного правительства с ограниченными полномочиями, которое регулировало бы отношения штатов между собой и с другими государствами, а во всех прочих вопросах полагалось на их решения. Однако с течением времени партия Джефферсона все больше становилась похожей на оппонентов из лагеря федералистов. Теперь республиканцы более терпимо относились к расширению полномочий федерального правительства и многое сделали для создания современной рыночной экономики.

Однако президент Джефферсон оставался верен своим принципам. Благодаря планомерно проводимой политике ему удавалось сдерживать власть национального правительства. Внутри страны республиканцы уменьшили государственный долг, урезали военные расходы, отменили внутренние налоги (оставив лишь таможенные пошлины) и благополучно отправили в небытие национальный банк, равно как и законы об иностранцах и подстрекательстве к мятежу. В качестве сфер деятельности федеральному правительству остались почта, управление общественными землями и взаимоотношения с индейскими племенами. На внешнеполитической ниве сторонники Джефферсона намеревались поддерживать

свободу, противостоять деспотизму и строить изначально мирное республиканское общество, основанное не на силе, а на методах «мирного сдерживания».

Вскоре Джефферсону представился случай извлечь выгоду из чужих несчастий. В 1803 году император Наполеон, оказавшись в стесненных обстоятельствах, решил продать Луизианскую территорию – солидный земельный участок, который Испания в 1800 году перевела в распоряжение французов. Означенные земли простирались от долины Миссисипи до Скалистых гор и от северных равнин до Нового Орлеана на юге. Джефферсон ухватился за столь заманчивое предложение и, не раздумывая, выложил пятнадцать миллионов долларов. За эту сумму он фактически удвоил территорию республики, заложив основы «империи свободы» для грядущих поколений американцев. Правда, сторонники строгого соблюдения

конституции могли усмотреть во всем этом маленькую неувязку: дело в том, что президент не обладал конституционным правом проводить подобную сделку. Не беда: умелое манипулирование статьями договора позволило администрации сделать покупку вполне законной. Президента Джефферсона одолевали некоторые сомнения: а не создаст ли он в будущем печальный прецедент? Как ни крути, это было серьезное превышение полномочий исполнительной власти. Но президент свято верил, что «здравый смысл нашей страны исправит все зло от подобного свободного толкования, буде таковое возникнет».

Монтичелло

Описанная ситуация была не единственной, когда сторонники Джефферсона удивительным образом напоминали своих противников-федералистов. Тарифы, федеральные новации транспортной системы, государственный долг, национальный банк Соединенных Штатов, гамильтоновская схема консолидирования долгов и перевода их на государство – все эти элементы прежней экономической системы оставались в силе и продолжали действовать при новой власти. Какую-то их часть можно было даже использовать как средство давления. И когда страна

угодила в самую гущу континентальной войны, Джефферсон предпринял отчаянный шаг – прекратил торговлю с заморскими партнерами. Это «энергичное» вмешательство в свободный рынок повергло в шок большинство федералистов.

Коммерция, колонизация и внешняя политика

Крайние меры, предпринятые Джефферсоном в сфере торговли, были вызваны угрозой со стороны ведущих войну европейских держав. Американцы осознавали всю серьезность своего положения и считали, что их ждет «вторая Война за независимость» – ни больше, ни меньше. Вооруженный конфликт между Англией и Францией вспыхнул с новой силой в 1803 году. И хотя Америка принципиально воздерживалась от участия в военных действиях, в коммерции она оказалась в самой гуще событий. Пока европейские соперники мерялись силой на полях сражений, американская морская торговля заметно активизировалась. Несмотря на статус нейтральной державы, Соединенные Штаты не собирались упускать возможность получить нечаянную прибыль. Беда состояла в том, что Британии и Франции сильно не нравилось такое положение дел. Они не без оснований полагали, что расчетливые американцы наживаются на их конфликте, предлагая помощь и поддержку (в том числе материальную) обоим воюющим государствам. Поэтому в 1805-1807 годах они постарались максимально ужесточить условия судоходства для Соединенных Штатов. Они останавливали и захватывали американские корабли вместе с грузами. Более того, Британия – под предлогом борьбы с дезертирством из своего военно-морского флота – подвергала насильственной вербовке членов команд с американских судов. Джефферсон во всеуслышание заявил, что его страна терпит незаконные притеснения со стороны Англии и Франции – государств, одно из которых дозволительно сравнить «с гнездом пиратов, а

другое – с воровским притоном». Соединенные Штаты не могли оставить подобные враждебные акции без внимания. Однако, памятуя об объявленном нейтралитете, президент предпочел использовать не вооруженное сопротивление, а методы так называемого «мирного сдерживания». В 1807 году Конгресс принял «Акт об эмбарго», запрещавший американским кораблям заходить в иностранные порты и фактически парализовавший всю морскую торговлю.

Введенное эмбарго действовало год и три месяца и за это время нанесло серьезный урон интересам мореходов, торговцев и фермеров – увы, не английских и французских, а своих, американских. Неудивительно, что федералисты, только и дожидавшиеся повода, забили тревогу на всю страну. Да и сам президент осознал, сколь высокую цену – и с экономической, и с политической точек зрения – пришлось заплатить, и пошел на попятный и одним из последних своих законов отменил злополучное эмбарго. Его преемник Джеймс Мэдисон в 1810 году восстановил торговлю с европейскими государствами, правда исключив из их числа Британию и Францию. Некоторое время спустя Франция вновь оказалась в числе торговых партнеров, поскольку пообещала больше не преследовать американские суда (впрочем, Наполеон очень скоро позабыл о своем обещании).

Итак, главным врагом Соединенных Штатов снова стала Британия. Причем если восточные штаты в основном страдали на море, то на Западе англичане серьезно осложняли жизнь жителям американского приграничья. Местные поселенцы вкупе с политическими союзниками жаловались, что британцы намеренно вносят разлад в их отношения с индейскими племенами, дабы помешать американской колонизации западных земель. Особенно много хлопот доставило восстание индейцев из племени шайенов. Во главе его

встали вождь по имени Текумсе и его сводный брат Тенскватава. Мало того, что имели дерзость защищать свои исконные земли, они еще и предприняли попытку объединить остальные племена в борьбе за сохранение индейской культуры и привычного уклада жизни. Осенью 1811 года восстание захлебнулось и пошло на спад после решающей схватки близ ручья Типпеканоэ. Тем не менее радикально настроенные представители «военных ястребов» в Конгрессе – такие как Генри Клэй из Кентукки и Джон К. Кэлхаун из Южной Каролины – настаивали на военных действиях против Британии. Только так, по их мнению, можно было захватить новые земли в Канаде и Флориде и отстоять честь Американской республики.

Война 1812 года

Под действием воинственных настроений, охвативших все штаты, 1 июня 1812 года президент Мэдисон сделал заявление, в котором обвинял Британскую империю во враждебных нападениях на суше и на море. И хотя 16 июня того же года Британия отменила коммерческие санкции, произошло это слишком поздно. Восемнадцатого июня Конгресс успел объявить войну. Что характерно, спор по поводу прав нейтральной стороны – который, собственно, и спровоцировал ужесточение ситуации – уладился буквально накануне военного конфликта. В этом заключалась одна из многочисленных насмешек войны 1812 года.

Второй парадокс состоял в том, что администрация, столь воинственно настроенная, оказалась на удивление плохо подготовленной к войне. Не желая содержать большую регулярную армию, республиканцы сократили ее численность до 7 тыс. солдат и всего 20 военных судов – этими крохами предстояло обороняться от превосходящего по силе противника. А напуганная разговорами о концентрации денежных средств партия допустила не менее серьезную ошибку: закрыла национальный банк США и оставила государство без центрального финансового учреждения. Сторонники Джефферсона пошли на поводу у своих оппонентов, обвинявших правительство в чрезмерных доходах, и в результате оказались неспособными финансировать начатую войну. Как известно, у страны на тот момент не осталось никаких внутренних налогов; Конгресс препятствовал повышению налогов, которое могло бы покрыть военные расходы, а таможенные поступления упали, поскольку война внесла свои коррективы в

объемы торговли. Приходилось воевать в кредит, в результате партия, столь яростно отрицавшая концепцию государственного долга, оказалась по уши в долгах – и все для того, чтобы оплатить вторую войну за республиканскую независимость.

Третий неожиданный поворот был связан со стратегией разворачивавшихся военных действий: хотя начало войны спровоцировали притеснения американцев на море, тем не менее началась она на суше. Определенная логика в этом имелаась. Поскольку военный флот Соединенных Штатов сильно уступал британскому, то решение заманить противника на сушу выглядело вполне разумным, тем более что таким образом возникала возможность удовлетворить территориальные притязания «военных ястребов». Вот так и получилось, что военная кампания началась в Канаде. Лидеры янки планировали нанести удары по трем направлениям. Два удара провалились, а до третьего и вовсе дело не дошло. Против всех ожиданий свою самую крупную победу (по крайней мере, в начальной фазе войны) американцы одержали именно в морском сражении, состоявшемся в 1813 году на озере Эри. Эта битва не только принесла лавры победителя капитану Оливеру Перри, но и продемонстрировала всему миру достоинства «Старушки Железные Бока» – фрегата «Конститьюшн», которым он командовал.

Четвертый парадокс заключался в том, что военный конфликт, имевший целью отстоять независимость Америки, стал единственной в истории республики войной, в ходе которой серьезно пострадала национальная столица. Вторая фаза войны началась в 1814 году с британского наступления по трем направлениям. Первое наступление на Нью-Йорк окончилось неудачей. Зато второе, состоявшееся в августе 1814 года в Чесапикском заливе, окончилось трагически для американской столицы: британские

войска захватили Вашингтон, сожгли Капитолий, Белый дом и другие общественные здания. Затем англичане двинулись на север, в сторону Балтимора. Артиллерийский обстрел города вдохновил Фрэнсиса Скотта Ки на создание вдохновенно-патриотических стихов под названием «Звездно-полосатый флаг», позднее ставших национальным гимном республики.

И, наконец, последний удар британцев был направлен против Нового Орлеана. Во время этой военной кампании произошло событие, которое следует расценивать как своеобразную насмешку судьбы. Именно об этом мы хотели бы поведать в-пятых, рассуждая о странностях данной войны. Так уж случилось, что самую выдающуюся военную победу американцы одержали уже после окончания войны. Восьмого января 1815 года американская армия под командованием Эндрю Джексона встретила на улицах Нового Орлеана с британскими войсками сэра Эдварда Пэкингема. Встретилась и одержала убедительную победу; причем считается, что американцы потеряли всего 60 человек убитыми и ранеными, в то время как потери англичан составили 2 тыс. человек. Джексон наслаждался своим триумфом и не знал, что незадолго до того произошло куда более важное событие. Проходившие в городе Гент переговоры завершились подписанием мирного договора, положившего конец англо-американской войне. И случилось это в самый канун Рождества 1814 года – за две недели до победы в Новом Орлеане.

Сам по себе Гентский договор можно отнести к очередному, шестому по счету, парадоксу этой войны. Дело в том, что названный договор ничего не улаживал. Он просто восстанавливал довоенное положение, обойдя стороной все разногласия, касавшиеся территориальных притязаний, насильственной мобилизации американских моряков и компенсации

ущерба. Тем не менее сам факт подписания договора в купе с победой Джексона много значил для американского общественного мнения. Оба события стали доказательством силы республики, сумевшей остановить наступление монархизма.

Последствия войны 1812 года

Если с военной точки зрения завершение войны и не выглядело стопроцентной победой над внешним врагом, то на внутривнутриполитической арене оно, безусловно, означало триумф республиканцев и, соответственно, поражение их противников. Война, образно выражаясь, сломала хребет федералистам, которые страдали вдвойне – от убытков, связанных с приостановкой торговли, и от сыпавшихся на них обвинений в «нелояльности» (некоторые прямо называли их предателями). В декабре 1814 года федералисты собрались на конвент в Хартфорде, где подвергли резкой критике военную политику президента Мэдисона. Апеллируя к прежним высказываниям республиканцев по поводу «прав штатов», они открыто выражали недовольство действиями федерального правительства и требовали дополнительных поправок к конституции – с целью защитить интересы Новой Англии, традиционно профедералистской области. К несчастью для участников конференции, они явно неудачно выбрали момент для своей встречи. Их антивоенные выступления потеряли всякую актуальность, как только распространилась весть об американской «победе». Федералистам так и не удалось отмыться от обвинений в предательстве, их авторитет резко упал. Дошло до того, что в 1820 году они даже не смогли выставить своего кандидата на президентских выборах. В 1817–

1820 годы горячим всенародным спорам пришел конец; трезвый наблюдатель, наверное, охарактеризовал бы это время как «период однопартийного руководства». Но одна из бостонских газет нашла более оптимистичное определение, она назвала эти годы «эрой дружелюбия». Именно под таким названием период 1817-1820 годов и вошел в историю.

Война 1812 года внесла существенные изменения в положение коренного населения Америки. На протяжении двухсот лет индейцы, чтобы выжить, использовали тактику сталкивания лбами одних белых с другими. Заключая недолговечные союзы с европейскими державами, они умудрялись довольно долго сдерживать американскую экспансию на Запад. Основная идея заключалась в том, чтобы застращать потенциальных противников: европейцев местью со стороны американцев, американцев, соответственно, со стороны европейцев. Индейцы рассчитывали, что так им удастся расшатать равновесие на континенте и помешать белым переселенцам в освоении западных земель. Однако к 1815 году французы и испанцы фактически утратили влияние в Северной Америке; а с завершением войны 1812 года значительно ослабло напряжение в американо-британских отношениях. Индейцам становилось все труднее заключать оборонительные союзы и сохранять свои земли.

Освободившись от контроля со стороны политических оппонентов, республиканцы позволяли себе принимать неожиданные, порой удивительные решения. Преемники Джефферсона извлекли своеобразные уроки из военного времени: оказывается, превышение власти не столько таит угрозу, сколько приносит выгоду. Умудренные жизнью республиканцы предприняли ряд неожиданных шагов. Они восстановили лицензию национального банка Соединенных Штатов (дабы обеспечить себе надежную

финансовую поддержку в ведении войны с Британией); уже в мирное время утроили численность регулярной армии (чтобы сохранять постоянную боеготовность страны); впервые за всю историю республики установили протекционистские тарифы (для поддержки развивающейся промышленности в нелегкие годы войны и торгового эмбарго); предприняли ряд мер по усовершенствованию транспортной системы (чтобы облегчить переброску войск, да и просто перевозку грузов и населения). Столь решительные экономические меры были неоднозначно восприняты в стране. По словам одного критика, республиканцы «переплюнули в федерализме самих федералистов».

Наряду с расширением политической власти, республиканское правительство пеклось и о раздвигании границ самого государства. В 1818 году генерал Эндрю Джексон вторгся в пределы западной Флориды с целью усмирения индейского племени семинолов. В 1819 году удалось заключить

Трансконтинентальный договор с Испанией, по которому вся Флорида переходила во владение Соединенных Штатов, а также решался вопрос западной границы, оспариваемой со времен приобретения Луизианы. Не менее радостным было сообщение о том, что Испания отказалась от территориальных притязаний на Орегон. Если же принять в расчет расположенные выше 42-й параллели северо-западные территории – согласно договору от 1818 года, эта область находилась в совместном владении американцев и британцев, – можно смело сказать, что молодая американская республика, раскинувшись от моря и до моря, превратилась в трансконтинентальную державу.

Отстояв в ходе войны политическую независимость, американцы были не прочь заявить и о своем дипломатическом суверенитете. Президент Джеймс Монро от лица Соединенных Штатов выразил озабоченность судьбами тех стран Западного полушария, которые в результате череды освободительных войн после 1811 года вышли из колониальной зависимости. Можно ли допустить, чтобы реакционные силы Европы вновь утвердили свое влияние в этих государствах? Президент и госсекретарь Джон Куинси Адамс отклонили предложение Великобритании вмешаться и сообща воспрепятствовать такому повороту событий. Монро и Адамс выработали собственный свод правил международного лидерства, получивший название «доктрины Монро». В конце 1823 года текст документа был зачитан на заседании Конгресса. Соединенные Штаты, говорилось в доктрине, не имеют желания вмешиваться в европейские дела, равно как и в дела уже существующих европейских колоний. Но при этом они не желают и дальше наблюдать европейскую колонизацию в Западном полушарии. Отныне и впредь

любая попытка европейцев вмешаться в жизнь независимых государств Северной и Южной Америки будет расценена как недружественный акт по отношению к Соединенным Штатам. Американцы восторженно приняли обнародованный документ. В их глазах это была дерзкая и гордая декларация суверенной республики, направленная на защиту своих законных территорий. Что касается европейских стран, то большая их часть сначала попросту проигнорировала доктрину Монро. И тот факт, что ее принципы все же утвердились в мире, объясняется отнюдь не влиянием США на мировое сообщество. Скорее, решающую роль сыграла поддержка со стороны Великобритании и, что немаловажно, готовность при случае использовать британский ВМФ для утверждения доктрины Монро.

Республиканское наследие

На протяжении первых двадцати пяти лет XIX столетия сторонники Джефферсона, безусловно, главенствовали в национальном правительстве. По мнению некоторых историков, они произвели подлинную революцию в американской теории управления. Якобы основным постулатом республиканцев (на котором, собственно, и строилась вся их деятельность) являлась вера в простой народ. Они доверяли его здравому смыслу, его способности безошибочно ориентироваться в политических реалиях и эффективно осуществлять самоуправление. Отсюда вывод: в своей деятельности национальное правительство должно руководствоваться волей народа. Подчиняться той самой воле, а не подминать ее под себя, как это делалось раньше. И ничего больше от правительства не требовалось, все остальное штаты и их граждане сделают сами. Таким образом, выходило, что республиканская концепция государства изначально предполагала слабое правительство.

Однако существует и другая точка зрения. Ее сторонники доказывают, что сторонники Джефферсона лишь на словах ратовали за ограничение прав федерального правительства (то есть самих себя), а на деле пытались выжать максимум полномочий, предусмотренных конституцией. Действительно, самому Джефферсону не раз доводилось превышать пределы исполнительной власти. Он и вел себя как влиятельный партийный лидер, экономический манипулятор и рачительный хозяин, который неустанно печется о расширении своих владений. Его последователи преподали нации суровый урок, наглядно продемонстрировав, чем может обернуться

излишняя расслабленность в экономическом и военном плане. После этого никто особенно не возражал против кое-каких изменений в конституции – надо же исправлять ошибки. Вообще республиканцы начала 1820-х годов все больше и больше походили на федералистов образца 1790-х. А сами федералисты все чаще ворчали и жаловались, как это делали их политические оппоненты на заре республики. И то сказать, что же еще им оставалось? Обе стороны, таким образом, вносили свою лепту в формирование замечательной традиции идеологических кульбитов, столь характерной для американской политики.

Они же вместе помогли создать (а после и разрушить) первую партийную систему. Так получилось, что федералистов – при всей их ловкости и проницательности – сгубило пренебрежение к общественному мнению: слишком уж заносчиво они себя вели в пору политического лидерства, да и с антивоенными протестами выступили решительно не вовремя. Но если федералисты дерзко и самоуверенно – на глазах у всей страны – промаршировали по выбранному пути саморазрушения, то республиканцы удивили еще больше: сам их успех привел к падению. В начале 1820-х годов республиканцев в Америке было очень много. И что же из этого вышло? После десятилетий горячих споров установилась «эра дружелюбия», которая весьма скоро завершилась полным крахом. Если в прежние времена традиционный жупел федерализма оказывал на республиканцев мобилизующее и спланирующее воздействие, то в 1820 году, когда федералисты исчезли с политической арены, а пришедшие к власти республиканцы стали подозрительно смахивать на федералистов, в их рядах воцарились разброд и шатание. Президентские выборы 1820 года стали самой яркой (но, увы, последней) демонстрацией единства республиканского лагеря.

Эпоха подходила к концу. В начале 1820-х годов первая политическая группа, способная возглавить республику, ушла в небытие: конституционный порядок (в котором вовсе не предусматривалось никаких партий) вынужден был иметь дело сначала с двумя, а затем с одной партией. В середине 1820-х старое революционное поколение утратило лидирующие позиции. Четвертого июля 1826 года, как раз в пятнадцатую годовщину Декларации независимости, умерли два великих вождя, стоявших у истоков американской революции, Томас Джефферсон и Джон Адамс. К концу этого десятилетия установился новый политический порядок. И хотя джефферсоновский принцип ограничения правительственных полномочий остался в силе, новый «демократический» порядок использовал собственный набор правил и политических стратегий.

Новое лицо американской политики

В конце 1820-х годов в мире американской политики наметились решительные перемены. Во-первых, увеличилось количество штатов в составе страны: вместо 16 их стало 24.

Это означало, что больше стало конгрессменов, увеличилось число избирателей, они представляли большее число различных регионов – и каждый из них претендовал на удовлетворение своих специфических потребностей. Во-вторых, само избирательное право изменилось в сторону расширения. Вновь присоединившиеся штаты понизили имущественный ценз для голосующих; некоторые из старых штатов и вовсе его отменили. К 1840 году правом голоса уже обладали девять из десяти совершеннолетних белых американцев. При этом законодатели северных штатов еще сильнее урезали избирательные права свободных чернокожих мужчин и закрыли доступ к голосованию для женщин (в Нью-Джерси в 1807 году был принят специальный закон, отменяющий избирательное право для женщин, существовавшее ранее). В-третьих, изменилась процедура голосования. Увеличилось количество государственных постов, судьба которых решалась путем прямого народного голосования. Теперь к их числу относились должности губернаторов штатов, судей и даже президента страны. Соответственно, у людей, владевших избирательным правом, появилось больше причин осуществлять это право. Результатом стала высокая избирательная активность населения, что можно отметить как четвертую отличительную черту рассматриваемого периода. Если в 1824 году в президентских выборах

участвовало всего 27 % установленных законом избирателей, то в 1840 году это число выросло до 40 %.

Действуя в совокупности, все указанные факторы коренным образом изменили политическое лицо государства. Быстро растущее общество включало в себя расширенный контингент избирателей – более разнообразный (поскольку предполагал новые комбинации групповых интересов), менее организованный (вследствие аморфного состояния республиканской партии), зато более активный (ибо открывалось больше перспектив занять теплое местечко). Некоторым казалось, что политический мир Америки не сегодня завтра погрузится в полный хаос. Создавалось впечатление, будто миллионы американцев в едином порыве выплеснули заряд политической энергии, но не позаботились направить ее к какой-либо осмысленной цели.

Джон Куинси Адамс в 1824 г. одержал победу на выборах в палату представителей при том, что Эндрю Джексон сумел набрать больше голосов избирателей

В 1820 году состоялись выборы, на которых Джеймс Монро в отсутствие всяких конкурентов легко завоевал президентский пост. Уже четыре года спустя на очередных выборах различные региональные группы выставили собственных кандидатов, из которых в конце концов выделилась четверка основных претендентов. В нее входили Уильям Кроуфорд, Джон Куинси Адамс, Генри Клэй и Эндрю Джексон, и все они претендовали

на самый высокий пост в стране. Выборы 1824 года проходили в атмосфере ожесточенной борьбы и глубокой раздробленности. На первом этапе голосования (в коллегии выборщиков) Джексон набрал больше голосов, чем остальные кандидаты, но набранного количества не хватало, чтобы обеспечить ему подавляющее большинство, необходимое для победы. По закону следующий этап выборов должен был происходить в палате представителей. Генри Клэй как кандидат, набравший меньше всего голосов, выбывал из состязания, однако именно он промостил Адамсу дорожку к президентскому креслу. Адамс действительно выиграл выборы и впоследствии назначил Клэя на должность государственного секретаря. Сторонники Джексона пылали вполне понятным праведным гневом: их кандидат – по сути, законный народный избранник – лишился поста вследствие «грязной сделки». Эти упреки Адамс вынужден был выслушивать четыре года – на протяжении всего его злополучного президентства. Сторонники Джексона во всеуслышание заявляли, что широко распахнутый мир американской политики оказался запертым для народного волеизъявления.

Вторичное изобретение политических партий

Цели, которые преследовал нью-йоркский политик по имени Мартин Ван Бюрен, являлись весьма актуальными для Америки 20-х годов XIX века. Он одним из первых сделал попытку осмыслить изменившуюся расстановку сил в мире американской политики и положить конец сотрясавшим этот мир непримиримым спорам (хотя бы самым губительным из них). Ван Бюрен предложил новый подход к самому понятию политической партии: в его представлении это

была структура, в основе которой лежала не столько общность идеологии, сколько организационное единство. В противовес предшественникам, которые всегда начинали с выработки партийной программы (то есть определенного набора политических принципов), Ван Бюрен пошел иным путем. Приступив к процессу формирования партии, он прежде всего озаботился тем, как связать воедино большое количество различных (подчас конфликтующих между собой) групп избирателей. Таким образом, Ван Бюрен рассматривал политическую партию не как философскую категорию, а как некую связующую силу, способную объединить под общими знаменами в корне различные элементы и составить из них надежно скооперированную группу поддержки намеченного кандидата. От членов партии требовалось только одно – безусловное подчинение партийным решениям. Ван Бюрен верил, что подобная организация сумеет обеспечить народу и ответственное правительство (в котором будет править большинство), и национальное единство. Партия, организованная по такому принципу, должна послужить своеобразным цементом, который объединит многонациональное государство вопреки этническим, религиозным, классовым и прочим различиям. Организация такого типа сумеет осуществить политические реформы и воссоздать из царящего хаоса новый порядок.

Политический опыт Ван Бюрена в сочетании с джексоновским напором позволили в середине 1820-х годов сформировать новую партию, получившую название «демократически-республиканской». А президентские выборы 1828 года стали проверкой боеспособности и организованности демократов (именно так они себя сами именовали). Надо отдать им должное: предвыборную кампанию демократы провели на невиданном доселе уровне. Для агитации избирателей они использовали специально

разработанный набор методов и приемов: в ход пошли пресса, собрания, парады, поездки, всяческие плакаты, вымпелы и значки. Что характерно, политическая платформа партии была обрисована весьма скупо. По сути, кандидат демократов вообще не предложил никакой программы. Пообещал только «справедливые» пошлины, расширение экспансии на Запад и сохранение властных ограничений для федерального правительства. Зато очень много говорилось о личности самого кандидата Эндрю Джексона. Демократы воспевали его как человека, который сумел пробиться на вершины политического олимпа из самых низов. Гимны, речи, слухи – все работало на победу Джексона. Американцам рассказывали о простом мальчишке из приграничья, который в четырнадцать лет остался без родителей: как он сам прокладывал себе дорогу в жизни, как превратился в преданного борца за дело революции и сражался за независимость республики, как, повзрослев, целеустремленно трудился и достиг небывалых высот в военном деле, фермерстве, юриспруденции и политике.

Его противником в президентской гонке являлся уже известный Джон Куинси Адамс, человек высокого происхождения, в чьем багаже были богатство, образование и рафинированная культура; человек, обладавший властью, которой он не заслуживал. Гордый и заносчивый аристократ, Адамс встал во главе людей, к которым сам не принадлежал. И, что хуже всего, народ помнил его махинации на выборах 1824 года, когда он хитрым путем, при помощи бюрократических уловок, завладел президентским постом. Демократы решили, что настало наконец-то время лишить этого человека народного мандата, который он присвоил четыре года назад благодаря своему привилегированному положению.

И Джексон действительно победил, набрав 56 % голосов на всенародном голосовании и почти 70 % голосов выборщиков. Его кандидатуру поддержали все американские регионы, за исключением северо-востока – это была та самая всеобъемлющая коалиция, о которой мечтал Ван Бюрен. В резиденции исполнительной власти состоялось шумное, можно даже сказать, разнузданное празднество: неуправляемая народная толпа ворвалась внутрь, разгромила мебель и покинула здание лишь после того, как ее выманили наружу огромной бочкой с алкоголем. Так или иначе, праздник окончился, и новая администрация приступила к работе.

«Демократия» по Джексону

Многочисленные отклонения и неточности, которые допускал президент в ходе разворачивавшейся кампании, наводили на мысль, что он изменил своим принципам. Тем не менее биограф Роберт В. Ремини настаивает: «демократия» Джексона была не пустым звуком, в ее основе лежала верховная власть народа, а правительственные чиновники служили лишь проводниками этой власти. Основным принцип оставался неизменным – править должно большинство; именно этому и служили политические реформы Джексона. Во-первых, народ теперь напрямую формировал национальное правительство, то есть выбирали не членов палаты представителей, как раньше, а непосредственно президента, сенаторов и даже федеральных судей. Во-вторых, народ имел возможность контролировать деятельность должностных лиц, диктуя им свою волю не только в период выборов, но и в течение всего срока исполнения обязанностей. В-третьих, происходила постоянная

ротация правительства, которая поддерживала чиновников в должном тоне. Они прекрасно осознавали, что занимаемые ими должности являются выражением народного доверия, а не их личного интереса, и поэтому каждый чиновник (дабы сохранить свой пост) стремился быть компетентным специалистом, а не просто частичкой бюрократического аппарата. В-четвертых, как уже указывалось ранее, правительство имело серьезные ограничения по части полномочий – оно было ответственно перед широкими слоями населения и в своей деятельности руководствовалось не частными, а общенародными интересами.

И наконец, в национальном правительстве предусматривалась инстанция, в чьи функции входило осуществлять особую связь с народом. Джексон настаивал, что лишь одна фигура в федеральном правительстве получает свой пост посредством общенародных выборов; именно она служила выразителем народной воли; только одна должность была истинно «демократической» по своей сути – и этой фигурой являлся не кто иной, как президент. Глава исполнительной власти являлся главным представителем нации: он трансформировал народные настроения в политику, он же контролировал действия всех остальных ветвей власти. В этой роли, доказывал Джексон, президент должен стремиться защищать народные интересы, даже если для того ему приходится действовать через голову легислатур и судей и обращаться со спорными вопросами непосредственно к гражданам страны. Итак, Джексон создал собственную модель демократического строя, в рамках которой ему отводилось место во главе исполнительной власти. И, занимая это место, он искренне верил, что является «человеком из народа».

Джексоновская политика

Сегодня мы вряд ли назвали бы политику Джексона демократической. С современной точки зрения, многие из его президентских решений шли вразрез с народными интересами и были направлены на укрепление собственной власти. Тот смысл, который Джексон вкладывал в формулировку «демократический», являлся отражением специфических, свойственных лишь той эпохе понятий.

Достаточно вспомнить его позицию в отношении коренного населения Америки. В первые восемьдесят лет существования республики федеральное правительство официально признавало за индейскими племенами статус суверенных народностей, однако все это относилось к области дипломатического декораума. На практике правительство ловко обходило суверенитет, отдавая предпочтение неофициальным подходам. Большинство белых американцев считали коренных жителей неполноценными людьми, изображая их то благородными дикарями, то просто дикарями, а чаще всего неразумными детьми. Индейцы не могли претендовать на равное с другими народами положение, ибо изначально, по самой своей природе неравны белым людям.

«Градуалисты» (или сторонники постепенных реформ), представителем которых являлся Джефферсон, рассматривали индейцев как неких подопечных государства, полагая их неспособными управлять собственными делами. В 1831 году Верховный суд определил коренное население как «внутренне зависимую нацию». Однако ситуация вовсе не выглядела безнадежной. Учителя и миссионеры могли бы «цивилизовать» индейцев, чтобы те постепенно отказались от своего традиционного образа

жизни и смогли войти в белое общество. С белой экспансией тоже никаких проблем не предвиделось, поскольку индейцы занимали свои земли по праву изначальной занятости, никак не оформленной юридически. Их территориальные притязания носили не постоянный, а эпизодический, так сказать, прикидочный характер. В любом случае индейцы могли найти себе другое «место», если бы перестали сопротивляться и ассимилировали с белой расой. Система «агентств», монополизировавших всю торговлю с коренным населением, тоже ориентировала их в этом направлении. А навязанные договоры (или случайные стычки) были призваны «убедить» тех, кто упорствовал и не желал расставаться со своим дикарским состоянием.

«Сепаратисты», к коим принадлежал Джексон, предлагали иной путь решения индейской проблемы. Они планировали отгородиться от коренного населения, насильственным образом создав дистанцию между белыми американцами и индейцами. Они тоже считали, что рано или поздно индейцы, конечно, расстанутся с примитивным укладом жизни, однако процесс трансформации может растянуться на долгие годы. И недопустимо, чтобы все это время индейцы стояли на пути белого прогресса. Общество вправе устранить подобные препятствия, не вступая с ними в долгие переговоры. Джексон верил, что жесткие меры в данном случае вполне естественны: просто такое время, когда «одна раса исчезает, дабы освободить жизненное пространство для другой». Свои методы он считал не только естественными, но и «демократичными», ибо полагал, что поступает так в интересах американского народа. А что прикажете делать, если кучка упрямых дикарей, не способных разумно распорядиться природными богатствами, мешает потенциальному процветанию более

цивилизированной нации? Специфические интересы меньшинства не должны ограничивать экономические возможности большинства. «Истинная благотворительность, – заявил Джексон в 1830 году, – примиряет разум с подобными превратностями судьбы».

Он опробовал свою демократическую благотворительность применительно к пятерке «цивилизированных» племен, в число которых входили чероки, чоктавы, чикасавы, кри и семинолы. Эти племена проживали на юго-восточных землях и многому научились от своих белых соседей. На тот момент в их сообществах установилась (правда, в различной степени) экономическая, политическая и юридическая система по образу и подобию белого общества. Увы, индейцы почерпнули у американцев еще одну, весьма неприятную привычку: они были привязаны к своей собственности и энергично защищали ее от посягательств со стороны. Они никак не хотели уступать плодородные земли белым переселенцам, которые с жадностью взирали на индейскую вотчину. Вот тут в дело вмешался президент Джексон – президент, который любил свой народ и всеми правдами и неправдами стремился помочь ему в осуществлении американской мечты. Джексон вывел с указанной территории войска, в обязанности которых входила защита местного населения, и в 1830 году провел через Конгресс Акт о перемещении индейцев, согласно которому южные племена должны были мигрировать на западное побережье Миссисипи. Он поддержал Джорджию, когда та потребовала установить контроль федерального правительства над внутренними делами индейцев. Когда же Верховный суд воспротивился этому решению, Джексон якобы произнес следующую широко цитируемую фразу:

«Джон Маршалл^[11] принял свое решение, пусть теперь попробует провести его в жизнь».

Под давлением белых властей вожди чоктавов, чикасавов и кри вынуждены были вступить в переговоры и в конечном счете отказаться от своих исконных земель в обмен на новые – на территории нынешней Оклахомы. Семинолы избрали путь партизанской войны. Чероки в 1840-х годах пытались опротестовать несправедливый договор через американский суд. Однако дело кончилось тем, что в 1838 году федеральные власти погнали 15 тыс. недовольных индейцев, как скот, на запад, на так называемую индейскую территорию. Во время долгого и тяжелого путешествия по «Тропе слез» (как окрестили его сами индейцы) примерно четверть из всех перемещенных умерла. К 1840 году практически все восточные племена оказались изгнанными с их законной территории. Индейцев заставили освободить свыше 100 млн акров к востоку от Миссисипи и переселиться на западный берег, где им предоставили около 32 млн акров засушливой и негостеприимной земли.

Теми же «демократическими» принципами руководствовался Джексон и во взаимоотношениях федерального государства и штатов. Президент, бдительно следивший за тем, чтобы централизованное правительство не ущемляло права и возможности обычного (естественно, белого) человека, на права штатов свою заботу не распространял. Он не уставал повторять, что верховную власть в государстве представляет народ, а не штаты. У последних имеются некоторые узаконенные права, но отнюдь не право последнего слова. Штаты не смеют покушаться на единство Союза или полномочия федерального правительства. Следует признать: у Джексона были

основания для опасений – «Резолюция штатов Виргиния и Кентукки» (1798 г.) и Хартфордская конвенция от 1814 года уже пытались бросить вызов национальному правительству. Следующее серьезное испытание имело прямое касательство к тарифам. Причем в данном случае угроза исходила не от вечно недовольной оппозиции, а изнутри самого правящего кабинета – от джексоновского вице-президента Джона К. Кэлхауна.

Он снова поднял вопрос о полномочиях федеральной власти и правительств штатов, а поводом для этого послужили многочисленные бедствия, обрушившиеся в конце 1820-х годов на южные штаты и, по мнению Кэлхауна, почти доведшие их до гибели. Действительно, регион жестоко пострадал в результате отсроченных эффектов рыночной паники 1819 года. Сюда добавилось резкое снижение цен на хлопок, ставшее причиной разорения многих плантаторов, и вредоносные протекционистские пошлины 1824 и 1828 годов. Кэлхаун с беспокойством писал об угрожающем положении, сложившемся в его родной Южной Каролине: плодородные почвы истощались, местные фермеры бросали свои хозяйства и переезжали на запад, дошло до того, что белых жителей осталось в штате меньше, чем чернокожих. А затем произошло событие, серьезно напугавшее белое население: в 1822 году властями Чарлстона был раскрыт заговор, целью которого являлось восстание черных рабов под предводительством свободного чернокожего плотника Денмарка Веси. В качестве основной причины всех несчастий Кэлхаун называл все те же «проклятые пошлины», и нетрудно понять почему. Таким образом он рассчитывал направить гнев южнокаролинцев (да и вообще всех южан) против федеральных властей. Отведя удар от правительств штатов, он рассчитывал сфокусировать внимание общественности на другом

горячем вопросе – о рабовладении, где принцип местного контроля играл еще большую роль.

В 1828 году Кэлхаун анонимно издал памфлет «Изложение причин и протест Южной Каролины», в котором заявил, что любой штат – в силу собственной суверенности – имеет право отменить на своей территории действие федеральных законов, если те наносят ущерб штату. Он напомнил, что конституция, а вместе с ней и сам Союз штатов появились на свет благодаря ратификационным конвентам штатов. Если штаты наделили конституцию силой закона, то теперь они вправе решать, насколько конституционны те или иные действия Конгресса. Особый конвент штата может отменить федеральные законы как не имеющие законной силы (т. е. нуллифицировать их). Далее у федерального правительства два пути: либо примириться с нуллификацией спорного закона, либо попытаться его протащить через соответствующие поправки к конституции. В последней ситуации, пригрозил Кэлхаун, штат может беспрепятственно выйти из Союза, к которому когда-то присоединился по доброй воле. После того как Конгресс в 1832 году своим решением ввел еще один обременительный тариф (на сей раз 50-процентную пошлину), родной штат Кэлхауна сделал попытку применить эти теоретические выкладки на практике: специальный конвент Южной Каролины нуллифицировал принятый акт, а заодно отменил и тариф 1828 года.

Джексону пришлось пойти на уступки. Президент смирился со снижением пошлины (до 20 %), но не с позицией Кэлхауна. Последнее понятно – иначе штаты получили бы возможность отменять любой закон. В конце концов конституция – «верховный закон страны», созданный именем и властью народа для того, чтобы сформировать «правительство, а не конфедерацию». На самом деле штаты не являются суверенными

государствами, а если они попробуют вести себя как таковые, то президент обязан поддержать законы Соединенных Штатов. С этой целью Джексон усилил федеральные форты в Южной Каролине, запросил у Конгресса военную поддержку для сбора новых пошлин, а в душе мечтал добраться до дерзкого Кэлхауна и повесить его за измену.

Однако в конце концов противоречие удалось уладить без помощи веревки. Прочие южные штаты заняли выжидательную позицию, избегая активных действий. Кэлхаун подал в отставку, распростившись с постом вице-президента. Правда, он быстро утешился, получив место в сенате, и тут же развил активную деятельность совместно с Генри Клэем – они разрабатывали программу снижения тарифа 1833 года. В Южной Каролине собрался еще один конвент, который отменил прежнюю нуллификацию. Итак, на сей раз Союз удалось сохранить. Джексон был убежден, что, поддержав народный договор и оказав сопротивление «революционным» действиям «небольшой группы избирателей в одном-единственном штате», он совершил великое дело – защитил «демократические» идеалы.

Он на практике убедился, какую угрозу демократическим принципам могут представлять особые интересы отдельного штата. Но, как выяснилось, не меньшую угрозу несут в себе особые привилегии отдельного государственного института. Банк Соединенных Штатов, дьявольское порождение Александра Гамильтона, накопил чрезвычайно опасную мощь со времени своего второго рождения в 1816 году. Руководители банка (относившиеся к антиджексоновской группировке) затребовали новую лицензию, не дожидаясь, когда закончится старая в 1832 году. Они были уверены, что президент, заинтересованный в успешных результатах выборов и

финансовом процветании, проявит уступчивость. Конгресс без всяких колебаний провел акт о выдаче лицензии; президент, воспользовавшись своим правом вето, столь же уверенно вернул его обратно.

В глазах Джексона банк олицетворял собой неправомерную и разрушительную по своей природе монополию, которая позволяла наживаться кучке денежных мешков и иностранцев, в то время как «простые члены нашего общества пребывают в несправедливой зависимости от денег и кредитов». Заставив Конгресс считаться со своим мнением, президент предпринял решительное наступление в «банковской войне». В 1833 году он исключил поступление федеральных налогов в банк Соединенных Штатов и перераспределил их между банками штатов. То же самое он проделал в 1836 году с дополнительными федеральными доходами. Более того, Джексон взял курс на преимущественное использование монеты с тем, чтобы воспрепятствовать банку в выпуске бумажных денег. Он рассчитывал установить контроль над экономическими интересами меньшинства, обеспечить честность и открытость в банковской системе и таким образом не только расширить возможности большинства, но и приблизиться к своей конечной цели, а именно – создать свободный, конкурентоспособный, поистине «демократический» рынок.

Однако на практике экономическое развитие страны пошло далеко не столь прекрасным и упорядоченным путем, как мечталось президенту. Отчасти в этом была виновата политика самого Джексона, но более всего делу навредила международная обстановка. В 1833 году банк Соединенных Штатов сократил кредитование, и разразился экономический кризис. Банки штатов, напротив, расширили займы – результатом стал небывалый бум. В 1837 году Банк Англии ужесточил

условия кредитования, и США увязли в семилетнем кризисе – самом страшном из всех пережитых. Вину за эту экономическую неразбериху пытались возложить на многие инстанции, но следует признать со всей определенностью: Джексон своей «банковской войной» лишил нацию стабилизирующего института, способного смягчить удар. Его кампания по защите экономических интересов простых людей не увенчалась успехом. Напротив, она ввергла страну в плачевное состояние экономического упадка и нищеты.

Первый банк Соединенных Штатов (Филадельфия)

Пребывание Джексона на президентском посту способствовало также формированию новой оппозиционной партии. В 1834 году Генри Клэй, Дэниел Уэбстер, Джон Куинси Адамс и другие политические деятели объединились в так называемую партию «вигов», которые – пользуясь революционной терминологией – определяли себя как противники централизованной, тиранической и недемократической по своей сути власти «короля Эндрю». Виги отрицали джексоновскую (да и джефферсоновскую) доктрину о необходимости ограничения полномочий федерального правительства, их политическая программа включала

такие пункты, как национализм, правительственный интервенционизм и социальные реформы. Позаимствовав предвыборные технологии джексоновской клики, они сумели выиграть президентские выборы 1840 года. Причем, как ни парадоксально, их кандидатом стал Уильям Генри Гаррисон – военный герой, не обремененный серьезной политической платформой, зато пользовавшийся поддержкой сильной организации, которая, взяв на вооружение обширный багаж ярких символов и запоминающихся лозунгов, старательно лепила образ простого парня, представителя народных масс. Наступил новый период «двухпартийной системы» – на бурной основе. Однако, судя по привычным дебатам по поводу правительственных полномочий, защиты свободы и республиканского наследия «основателей», американская политика оставалась, несомненно, «революционной».

Глава 5

Экономические и социальные перемены в ранней республике, 1789-1860 годы

Путешествуя по Америке в 1831-1832 годах, Алексис де Токвиль стал свидетелем «странного беспокойства» в стране. Свои наблюдения он привел в известной книге «О демократии в Америке»:

Человек в Соединенных Штатах строит дом, чтобы провести в нем остаток своей жизни, но продает его прежде, чем успеет покрыть крышей; он разводит сад и бросает его, как раз когда деревья начинают плодоносить; он превращает дикую землю в плодородную пашню, но предоставляет другим людям собирать урожай; он избирает себе профессию и тут же бросает ее; он селится в каком-либо месте, которое вскорости покидает, чтобы нести свои переменчивые желания куда-то еще.

Тот неустанный – головокружительный и яростный – круговорот, который описывал Токвиль, все еще является одной из характерных черт американской жизни. «Держи шаг, не отставай, вырвись вперед; построй, снеси до основания, начни с нуля; ни минуты свободного времени, совсем выдохся, передохнуть бы». Даже в повседневной речи отражается бешеный ритм каждодневного существования в Соединенных Штатах. Можно найти множество оправданий этой привычной сутолоке, однако история предлагает любопытные

факты. Оказывается, лихорадочная гонка повседневной жизни, которая царит в Америке, вовсе не является изобретением нашей эпохи. Если верить Токвилю, те же самые проблемы возникали у американцев в XIX веке. И тенденция эта уже тогда не радовала: были те, кто страшился непрерывных изменений, но были и такие, кто дерзко бросал вызов всем обстоятельствам. Их протесты и альтернативные взгляды на общество также имеют долгую историю.

Новый экономический порядок

«Лихорадочный пыл», описанный Токвилем, в значительной мере объясняется теми коренными преобразованиями, которые происходили в начале XIX столетия в экономике Америки. Эти изменения сказались на традиционном укладе жизни американцев (правда, северные штаты они затронули гораздо сильнее, чем южные) и в конечном счете привели к краху основных национальных ценностей. Речь идет о возникновении «рыночной экономики» – таком режиме хозяйственной жизни, когда, во-первых, американцы начали производить товаров гораздо больше, чем диктовали потребности их семей; во-вторых, результаты труда стали зависеть не только от затраченных усилий (то есть собственно количества труда), но и от производственных механизмов; в-третьих, бартерные отношения сменились товарно-денежными, в результате чего американцы оказались больше привязанными к деньгам как средству обмена; в-четвертых, они начали торговать на отдаленных рынках (тогда как раньше продукция реализовывалась внутри своего сообщества); и, наконец, произошла переориентация торговли – с далеких и чуждых иностранцев на соотечественников.

Впрочем, не исключено, что исследователи преувеличивают значение этого экономического явления. В 1789 году большую часть американцев составляли фермеры; они проживали в сельской местности и по роду своей деятельности были заняты в доиндустриальной сфере экономики. В 1860 году положение вещей в основном сохранялось, но уже наметились новые тенденции: труд стал более разнообразным по своему характеру, общество – более

урбанизированным, а экономика становилась все более индустриальной (особенно это касалось промышленного Севера). Тенденции сами по себе интересные, но больше всего впечатляла скорость, с которой осуществлялись изменения, – подчас она попросту сбивала с толку.

Помимо феномена «рыночной экономики», в жизни американцев происходили и другие перемены: расширение освоенной территории, усовершенствование транспортной системы, расцвет мануфактур, волны иммиграции и вспышка урбанизации; все они случились примерно в одно время и внесли свою лепту в создание нового порядка.

Дикий Запад и его колонизация

Одна из причин преобразования государства связана с величайшим мифом Америки, а именно мифом об освоении Запада. Если в 1800 году к западу от Аппалачей проживало менее 10 % всех американцев, то к 1860 году за горной грядой уже обитало больше половины населения. Согласно традиции, это было героическое движение сильных и смелых людей, отправившихся на Запад в поисках свободы и независимости. Необъятные просторы влекли людей, и они приручили эту дикую землю, опираясь на собственную храбрость и силу духа. Такова официальная легенда, и она во многом соответствует истине: действительно, требовалась немалая смелость, чтобы покинуть обжитые поселения на уютном побережье и отправиться в опасное путешествие, не имея практически никаких гарантий. Людей манили неисчислимы природные богатства плодородных почв и изобильных рек – заповедные западные земли ждали своих покорителей. Все так... Но существуют некоторые факты, которые игнорируются или намеренно искажаются легендами. Например, следует напомнить, что большинство пионеров устремилось не за Скалистыми горами или на Тихоокеанское побережье. В начале XIX столетия самая обитаемая «западная» территория располагалась между Аппалачским хребтом и Миссисипи. Далее, ошибочно предполагать, что переселенцы выходили в путь в одиночку, так сказать, на свой страх и риск. Нет, как правило, они путешествовали целыми семьями и нередко оседали в областях, уже освоенных их земляками. И уж совсем неверно считать, что отважные пионеры бежали от общественной жизни, напротив, они воссоздавали ее на

новых землях. Причем строили они быстро, сноровисто и не только маленькие деревушки, но и крупные города, такие как Цинциннати, Сент-Луис и Чикаго.

Переселенцы двигались на Запад не с целью бегства от современного мира, а, напротив, для того, чтобы надежнее закрепиться в нем. Не стоит думать, что пионеры мечтали отыскать тихий уголок и жить там, довольствуясь самым малым. В их планы наверняка входило производить как можно больше продукции – так, чтобы и на других хватило. И это были не пустые мечты. Земля на западе стоила дешево (в десять раз дешевле, чем на востоке) и к тому же была вдвое плодороднее. Обычно новоявленные фермеры селились по берегам рек, что облегчало транспортировку грузов на рынок. Все устраивалось как нельзя лучше: здешние почвы обеспечивали богатые урожаи, можно было много трудиться и много получать. Западные фермеры ориентировались на рынок, а не на изоляцию. И своей целью ставили успешную торговлю, а не уединение. Американские пионеры были предприимчивыми смельчаками, а не жалкими беглецами.

Надо сказать, «открытие» Запада никак не являлось спонтанным событием, подарком судьбы. Правильнее определить его как закономерный результат обдуманной правительственной политики. В доказательство приведем четыре соображения. Во-первых, федеральным правительством была разработана стандартная процедура исследования, продажи и дальнейшего администрирования западных территорий. Их застройка велась в строгом соответствии с планом. В 1780-х годах был принят ряд специальных указов, регламентирующих строительство населенных пунктов. Оговаривались размеры поселения – шесть на шесть миль. Вся указанная площадь разбивалась на 36 кварталов (каждый по квадратной миле), и каждый из них впоследствии делился на

половины, четвертинки и восьмушки – получались стандартные блоки будущего города. Доходы от продажи одного из кварталов шли на нужды народного образования. Как только население достигало 60 тыс. человек, данная территория могла претендовать на статус штата. Предписанная указами прямоугольность, простые пропорции и точные формулы – все это с математической точностью и предсказуемостью обеспечивало свободу и доступность в пределах региона. Те давнишние указы сегодня создают интересный эстетический эффект, заметный при путешествии по воздуху: достаточно пересечь Миссисипи, как неправильность и изломанность под крылом самолета уступают место аккуратным, однообразным квадратам – словно чья-то невидимая рука наложила на миллионы акров прямоугольную координатную сетку. Очертания рельефа не соответствуют законам природы: законодательство обеспечило торжество геометрии над топографией. Правительственные указы открыли фантастический воображаемый Запад посредством рациональной и упорядоченной системы управления.

Во-вторых, федеральное правительство осознанно расширяло национальные владения – через соглашения со штатами, переговоры с европейскими империями и насильственное присвоение индейских территорий. Белые американцы получили во владение миллионы акров плодородной и, главное, надежно охраняемой земли благодаря активной деятельности федерального правительства. Здесь следует назвать и земельную сделку с первым консулом Бонапартом, сопровождавшуюся войной за восстановление национальной независимости; и договоры с ослабевшими колониальными державами; и скоординированные усилия по захвату новых сельскохозяйственных площадей. Однако то, что было

хорошо для белых американцев, стало настоящим злом для коренных жителей Америки. Они оказались завязанными с белыми пришельцами жестокими отношениями обратной пропорции: чем сплоченнее и сильнее становились незваные гости, тем безнадежнее выглядело положение индейцев: лишенные корней, порабощенные, на грани физического истребления, они вынуждены были отступать все дальше на запад.

В-третьих, федеральное правительство сделало общественные земли более доступными. В 1796-1820 годы цена за акр упала на 37 %; а минимальная площадь, возможная к приобретению, снизилась на целых 87 %. В 30-х годах XIX столетия типовая ферма стоила всего 100 долларов. При таких ценах недостатка в покупателях не было: земельные участки расхватывали, как горячие пирожки. В 1800 году федеральное правительство распродало 68 тыс. акров общественной земли, в 1815 году – 1,3 млн акров, в 1818 году – 3,5 млн, в 1836-м – 20 млн акров. В том и заключалась осознанная политика правительства – сделать землевладение доступным для широкого круга граждан, заселить огромные пространства, распространить коммерческое фермерство на Западе и таким образом стимулировать развитие национальной экономики. К незапланированным, так сказать, побочным эффектам продаж земли относятся безумные капиталовложения в эту операцию, которые были под силу лишь земельным спекулянтам. В результате именно им и досталась большая часть реализуемой земли. Рядовые же фермеры, приобретавшие участки через государственные агентства, влезали в огромные долги.

В-четвертых, федеральное правительство вложило большие средства, чтобы помочь фермерам с переездом на приобретенные участки. В 1807 году Конгресс одобрил строительство Национальной дороги,

связывавшей реки Потомак и Огайо. Строительство началось в 1811 году в Камберленде и Мэриленде и завершилось в Иллинойсе. Сооружение благоустроенной государственной дороги открыло новую эру в развитии Соединенных Штатов, но далее федеральное правительство не сочло возможным вкладываться в дорожное строительство. Перед ним стояли более насущные задачи: предстояло сначала решить проблему консолидирования национального долга и лишь потом обращаться к местным проектам. Прошло целое столетие, прежде чем на американской карте появились такие крупные магистрали, как «US 40» и «Interstate 70» (обе проложены примерно параллельно старой Национальной дороге). Бетонные полосы, которые многие автолюбители почитают за первые из дальних шоссе, на самом деле появились уже в окончательной фазе кампании по сооружению государственных дорог.

Дорожное строительство, 1838 г.

Мы видим, что во всем, что касается освоения западных земель – будь то приведение в порядок новых территорий, расширение контроля, продажа земельной собственности или усовершенствование транспортной системы – решающая роль принадлежала национальному правительству. Например, фермерские

поселения оказались разбросанными вдоль всей границы (хотя связь между ними поддерживалась) не только из-за превратностей личной судьбы, но и вследствие планомерного вмешательства федерального правительства. И все же – невзирая на объективные факты, зафиксированные в исторических хрониках, – в народе закрепилось стойкое критическое отношение к правительству и его попыткам вмешиваться в дела пионеров. Куда приятнее считать, что покорение Дикого Запада состоялось благодаря смелости и энтузиазму самих покорителей или, возможно, счастливой судьбе, но уж никак не правительственной политике.

Усовершенствование транспортной системы

Необъятные просторы, открывшиеся на Западе и сулившие государству море экономических выгод, порождали также и главную проблему Соединенных Штатов. Как выяснилось, крайне затруднительно транспортировать по суше людей и необходимые товары на такие огромные расстояния. И почти невозможно делать это быстро, надежно и дешево. Посему основная часть экономического взаимодействия осуществлялась морским путем – преобладали торговые взаимоотношения между приморскими городами, а также между Соединенными Штатами и европейскими партнерами. Парадоксально, но жителям Филадельфии легче было добраться до Нью-Йорка, Бостона или даже Лондона, чем до какого-нибудь Питтсбурга. Для того чтобы коренным образом изменить ситуацию и послужить к вящей славе Америки, от внутренних поселений требовалось нечто большее, чем просто расширение географической карты страны.

К сожалению, транспортные проблемы Соединенных Штатов невозможно было решить с наскока, благодаря одному-единственному удачному предприятию. Требовалось реализовать целый комплекс мер, призванных в ближайшие пятьдесят лет выгодно сказаться на характере торговых взаимоотношений. Начать решили с улучшения наземной транспортной системы (сооружения все тех же высокоскоростных магистралей). Однако очень скоро выяснилось, что проект требует солидных капиталовложений – вследствие специфики рельефа (холмы, горы, леса), равно как и высокой стоимости дорожных работ. В результате сооружение крупных транспортных

магистралей (за исключением, пожалуй, Национальной дороги) осталось в ведении правительств штатов и частных предпринимателей. Увы, и те и другие не слишком преуспели на данном поприще: построенные дороги не выдерживали критики как по протяженности и сроку службы, так и в финансовом отношении.

Неудивительно, что вплоть до 1840-х годов американцы делали основную ставку на водные пути сообщения. В их распоряжении были многочисленные реки в восточной части континента, но тут возникала сугубо техническая проблема: дело в том, что путешествие против течения требовало вдесятеро больших затрат, чем по течению. Решение предложил Роберт Фултон: в 1807 году он продемонстрировал широкой публике свой пароход «Клермон» и его возможности по дешевой транспортировке грузов в обоих направлениях.

В 1820-х годах пароходы улучшенной конструкции – легче, больше и рентабельнее – прочно обосновались на всех восточных реках (системы Миссисипи и Огайо) и на Великих озерах.

Теперь предстояло связать между собой эти три водные магистрали. В 1817 году штат Нью-Йорк начал работы по прокладке канала Эри, соединявшего реку Гудзон с озером Эри, а через него со всей системой Великих озер. Строительство завершилось в 1825 году, результатом стал 364-мильный канал, побивший рекорды аналогичных рукотворных сооружений в Америке. Экономический эффект превзошел все ожидания: появилась возможность транспортировать пассажиров и грузы прямо с острова Манхэттен вверх по реке Гудзон до самого Олбани, далее по каналу до Буффало, а оттуда уже – через Эри и другие Великие озера – практически до любой точки северо-западных территорий. Фермеры и промышленники далекого Запада могли переправлять свои товары на восточные

рынки по тому же маршруту. Стоимость подобной перевозки была в десять раз ниже наземной транспортировки в традиционных фургонах. Нью-Йорк, игравший роль начальной и конечной точки торгового маршрута, очень скоро превратился в крупнейший порт, торговую и финансовую столицу Америки. Прочие штаты сделали попытку повторить успех канала Эри, но никому это не удалось в той же мере. Некоторые каналы функционировали достаточно эффективно, но недолго. Очень скоро их затмило очередное изобретение в транспортной системе, которое буквально потрясло всю страну.

Железные дороги стали важнейшим звеном транспортной системы Соединенных Штатов. Уже в начале 1820-х появились первые паровозы, а в 40-х годах система железнодорожного сообщения получила дальнейшее развитие. К 1850-м возникла сеть дорог длиной 30 тыс. миль, она стала более унифицированной благодаря проведенной стандартизации компонентов. Американские и европейские компании охотно вкладывали средства в развитие железных дорог, а после того как федеральное правительство и правительства штатов безвозмездно пожертвовали огромные земельные участки под прокладку новых дорог (площадью, соизмеримой со штатом Техас), железнодорожное сообщение стало главным транспортным изобретением эпохи. Оно было тем самым необходимым усовершенствованием, которое позволяло производить наземные перевозки – быстро, надежно, круглый год и в любую необходимую точку страны. Успех железной дороги стимулировал также создание сложной системы шоссе. Именно на базе железнодорожных предприятий возникла первая в Америке корпорация с уставным капиталом в миллиард долларов. Она успешно продемонстрировала всей стране экономическую целесообразность подобных

структур. Развитие железнодорожного сообщения способствовало расширению сети мануфактурных предприятий, поскольку всем производителям гарантировалась быстрая и надежная доставка товаров на рынки. По мере того как сеть железных дорог распространялась на севере страны, укреплялись экономические и политические связи между северо-востоком и северо-западом страны.

Некоторое время заморская торговля оставалась по-прежнему актуальной, но постепенно ее доля в экономике начала снижаться. Усовершенствование системы пассажирского и грузового транспорта внутри страны привело к небывалому расцвету внутригосударственной торговли. Американцы все чаще рассматривали друг друга как главных партнеров по коммерции.

Развитие мануфактур

Как выяснилось, логика расширенного производства вполне применима не только к сельскому хозяйству, но и к другим отраслям национальной экономики. Действительно, если имело смысл производить все больше кукурузы, пшеницы и прочих сельскохозяйственных продуктов, то почему бы не предположить, что покупатели будут столь же исправно потреблять излишки промышленных товаров – ткани, гвозди и прочее. Казалось бы, простая мысль, однако потребовалось немало времени, чтобы она укрепилась в умах людей. Этим и объясняется тот факт, что промышленная революция случилась в Америке на полвека позже, чем в европейских странах. К тому же развитие американской промышленности сильно затруднялось конкуренцией со стороны британских и французских предприятий, которые предлагали продукцию расширенного ассортимента и по более низким ценам. Большим подспорьем в решении этой проблемы оказались протекционистские тарифы на ввоз дешевого импорта, но, к сожалению, государство ввело их лишь в 1824 году, а уже в 1833 году под давлением оппозиции начало снова уменьшать таможенные пошлины. Нехватка рабочих рук и капиталовложений, транспортные проблемы, ограниченный доступ к британским технологиям – все это тормозило развитие промышленности в стране.

В начале 1800-х годов большинство американских «промышленных» товаров производилось на дому – в мелких мануфактурах и крохотных мастерских. В качестве производителей выступали отдельные индивиды или малые коллективы, которые использовали свои профессиональные навыки и ручные

орудия труда. Произведенные товары, как правило, продавались на ближайших местных рынках. В Соединенных Штатах до 1790-х годов не существовало такого понятия, как «фабрика» – место, где под одной крышей собрано множество рабочих; где процесс производства разбит на ряд стадий, и на каждом этапе работники (с низкой квалификацией или вообще неквалифицированные) выполняют одну или несколько простейших операций; где используются механизированные средства производства; где конечная продукция отличается большим разнообразием и предназначена для реализации как на ближних, так и на дальних рынках.

Первые фабрики возникли в 1790 году в Новой Англии, что выглядит совершенно закономерным. Прежде всего, в указанном регионе не было проблем с энергоснабжением – местные реки обеспечивали энергией в достаточном количестве. Исторически сложившиеся крупные города подразумевали наличие образованных и предприимчивых людей, способных справиться с подобным начинанием. Не было недостатка и в рабочей силе: дело в том, что здешние каменистые и не слишком плодородные почвы мало способствовали занятию земледелием. Как следствие, большинство фермерских хозяйств оказывались не очень успешными (по сравнению с таковыми на Западе), и их владельцы пополняли армию потенциальных фабричных рабочих. Наконец немаловажным фактором являлось наличие в Новой Англии портов с их неиссякаемым притоком иммигрантов из Европы. Среди этих иммигрантов попадались весьма интересные личности, например некий Сэмюел Слейтер, который в результате ряда интриг – весьма изобретательных, но не вполне честных – сумел выкрасть секрет европейских станков и воспроизвести их в Америке.

Вообще плагиат в области технологий был весьма характерен для развития американских мануфактур. Другой отличительной чертой являлся постоянный стимул к усовершенствованию техники. Это понятно: в условиях стабильного дефицита рабочей силы владельцы промышленных предприятий стремились использовать станки, которые минимизировали бы число задействованных работников. Они достигли определенных успехов на этом пути: к середине XIX века на американских текстильных фабриках стояло более эффективное оборудование, чем на сходных предприятиях Британии. Следующий шаг на пути прогресса был сделан американским изобретателем Элаем Уитни, разработавшим технологию производства изделий с взаимозаменяемыми деталями, что фактически знаменовало начало «американской системы» производства.

Пресловутая американская изобретательность в полной мере проявилась в третьей отличительной черте американских мануфактур, а именно в реорганизации фабрик. В 1813 году Бостонская промышленная компания создала прецедент, объединив на подчиненной ей Уолтэмской текстильной фабрике два технологических процесса – прядение и ткачество. На другой своей фабрике в Лоуэлле компания организовала эксперимент с трудовым персоналом. С целью удешевления производства руководство фабрики решило – в духе гендерной традиции Америки – сделать ставку на использование труда молодых незамужних женщин. Эти женщины проживали в специально отведенных домах и работали на фабрике, причем их часто перебрасывали с одного рабочего места на другое.

Четвертую особенность американской промышленности исследователи связывают с качеством выпускаемой продукции. Фабрики и заводы были

ориентированы на поточное производство больших партий недорогих унифицированных товаров, получивших название «доступных» и рассчитанных на самый широкий круг потребителей. Дешевизна и доступность – вот два кита, на которых строилось американское производство. Естественно, что о высоком качестве говорить не приходилось. Впрочем, это тоже соответствовало республиканской традиции: живи проще, а рафинированную роскошь оставь испорченным европейцам.

В 1820-1830-х годах количество фабрик быстро росло, и, что еще важнее, повышался уровень производства. Между 1840 и 1860 годом общий объем промышленной продукции вырос вдвое. К концу этого срока стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции уже сравнялись. Большинство промышленных предприятий было сосредоточено на Севере. Количество рабочих, занятых в промышленности, быстро увеличивалось: с 3 % в 1820 году до 25 % в 1870-м; число сельскохозяйственных рабочих за тот же период снизилось на треть. Тем не менее, несмотря на удачный эксперимент в Лоуэлле, в стране ощущалась острая нехватка рабочих рук. Фабрики и заводы все больше зависели от притока иммигрантов, которые по прибытии в Америку пополняли собой армию промышленных рабочих.

Иммиграция

Феноменальный уровень рождаемости, который в начале XIX века отмечался в Соединенных Штатах (в 1800 году на одну женщину в среднем приходилось семеро детей), после 1815 года начал медленно снижаться, хотя общая численность населения продолжала расти. Достаточно сказать, что в 1820-1850 годах за каждые десять лет данный показатель увеличивался более чем на 30 % по сравнению с предыдущим десятилетием. И происходило это в основном за счет европейской иммиграции. Приток иммигрантов положительно воздействовал на развитие рыночной экономики, но вызывал справедливые нарекания со стороны «местных» американцев.

Феномен европейской иммиграции в Америку в 1820-1860 годах можно считать во многих отношениях беспрецедентным. Прежде всего, удивлял масштаб. В 1820-е годы число иммигрантов из Европы составляло 106 тыс. человек в год, в 1850-е годы оно достигало уже 2,5 млн. На протяжении 1820-х и 1830-х годов Соединенные Штаты принимали в среднем по 37,5 тыс. человек ежегодно, что составляло 1,54,5 % от общего числа населения. В течение 1840-х и 1850-х годов это количество увеличилось до 200 тыс. ежегодно (т. е. уже 10 % от общего количества). К 1860 году – при населении в 31 млн человек – каждый восьмой американец родился за пределами страны.

Вторая особенность касалась происхождения иммигрантов. Эти люди в подавляющем большинстве не имели отношения к англичанам. Почти половина из них являлась ирландцами (основная масса иммигрантов покинула Ирландию во время знаменитого «картофельного голода» 1845–1849 годов). Вторую по

величине группу составляли немцы. Различия в языке и стиле жизни, в манере одеваться и питаться, разное политическое прошлое – все это, конечно, разъединяло вновь прибывших американских граждан. Однако наиболее важные противоречия – по крайней мере, для ирландцев (почти всех) и доброй половины немцев – были связаны с различным вероисповеданием. Для большинства американских протестантов экспортированный католицизм представлял собой не просто диковинку, а настоящий камень преткновения. Многие протестанты полагали, что римско-католическая церковь стремится извратить Священное Писание, погубить христианство и поработить души истинно верующих. Со своей стороны, католики, воспитанные в духе безусловного подчинения папскому престолу, обнаруживали печальный недостаток навыков, необходимых для жизни в республиканском обществе. И все же, несмотря на все неудобства, католиков приезжало в Америку так много, что к 1860 году их вероисповедание стало крупнейшим в стране по числу приверженцев.

Иммигранты, прибывшие после 1820 года, резко отличались и в экономическом плане от остального населения: никогда еще в Америке не видели таких нищих и обездоленных людей. В особенности это относилось к ирландцам. Готовые за мизерную плату выполнять черную работу по дому, в мастерских, на фабриках и заводах, они в значительной степени способствовали разрешению проблемы дефицита рабочей силы. Однако то, что послужило к пользе нанимателей, вызывало острое раздражение у остальных рабочих.

Интересна также география расселения иммигрантов последней волны. Девять из десяти вновь прибывших предпочитали оседать на Севере, поскольку справедливо считали, что здесь у них больше шансов

пробиться, чем на рабовладельческом Юге. К 1860 году каждый пятый житель юго-восточных штатов не являлся урожденным американцем. Взять, к примеру, тех же ирландских иммигрантов: прибывая в Америку практически без средств, они, естественно, не могли приобрести себе участок на Западе и стать свободными фермерами. Чаще всего у них даже не было денег, чтобы переехать в соседний штат. Поэтому почти все приезжие ирландцы оставались жить там, где впервые ступали на американскую землю, то есть в портовых городах Восточного побережья. В результате, скажем, в Бостоне или Нью-Йорке более половины всех жителей были ирландского происхождения.

Итак, можно смело утверждать: европейская иммиграция в Америку в первой половине XIX века по всем параметрам – и в количественном, и, так сказать, в качественном отношении (имеется в виду происхождение иммигрантов, их экономический статус и зона расселения) – являлась уникальным явлением. Эти многочисленные переселенцы из Европы вкупе с индейцами, испанцами, китайцами и чернокожими навсегда изменили лицо американского общества, создав то, что Уолт Уитмен называл «нацией наций».

Урбанизация

Говоря о формировании рыночной экономики, необходимо отметить еще один фактор, сыгравший не последнюю роль в данном процессе. Мы имеем в виду, конечно же, урбанизацию. Скорость, с которой на карте Америки в 1820–1860 годах возникали новые города, была выше, чем в любой другой 40-летний период американской истории. Если в 1820 году меньше 7 % американцев обитали в «крупных городах» (к таковым относились населенные пункты с населением свыше 2,5 тыс. человек), то в 1860 году эта цифра составляла уже 20 %. Конечно, большая часть американцев по-прежнему проживала в сельских общинах, но тем не менее столь стремительный рост городов поражает.

Одновременно шел процесс укрупнения городов. Так, население Филадельфии и Балтимора более чем удвоилось между 1830 и 1850 годами; население Нью-Йорка увеличилось в 2,5 раза за тот же период, а население Цинциннати – и вовсе в 5 раз. Столь же бурно росли города на побережье Великих озер – Кливленд, Детройт и Чикаго.

Надо отметить, что урбанизация, как и прочие приметы экономического курса – иммиграция, развитие транспортной сети и мануфактур – была больше развита на севере страны. В 1860 году лишь 10 % южан проживали в городах – против 25 % на Севере. В то же время на северо-востоке горожане составляли свыше одной трети, а в Массачусетсе – свыше половины всего населения. Города превратились в центры скопления капитала и рабочей силы. Именно в городах в первую очередь развивалась транспортная инфраструктура, здесь же концентрировались и основные потребители промышленных и сельскохозяйственных товаров. В

таковом качестве города играли исключительно важную роль в процессе диверсификации экономики и развития рынков.

Последствия становления новой экономики

Развитие рыночной экономики в 1820–1860 годах привело к обогащению нации со всеми вытекающими последствиями. Уровень жизни американцев заметно повысился, достаточно сказать, что доход на душу населения вырос вдвое. Земля стала более доступной, а следовательно, увеличилось число землевладельцев (т. е. более или менее обеспеченных людей). Транспорт и связь стали работать быстрее и эффективнее. И в промышленности, и в сельском хозяйстве повысилась продуктивность, теперь государство могло само себя обеспечивать необходимыми товарами и продуктами. Расширялся торгово-экономический обмен внутри страны.

Однако, наряду со всеми преимуществами, новый экономический курс имел и негативные последствия. К ним прежде всего относилась неустойчивость национальной экономики. Соединенные Штаты неоднократно переживали спады и депрессии (или «паники», как называли их американцы) – в 1819–1825-х, затем в 1837–1843 годах и наконец в 1857–1858 годах. Депрессии сопровождались безработицей: всякий раз до трети трудящегося населения лишалось рабочих мест, а следовательно, и средств к существованию. Цены на землю (а вместе с ними и объемы продаж) стремительно падали, зато долги неуклонно росли. В такие периоды резко повышался уровень банкротств отдельных лиц и предприятий. Короче, рыночная экономика открывала большие перспективы для роста, но делала их весьма опасными и непредсказуемыми.

В качестве второго негативного следствия следует назвать усиление экономического неравенства. В этот период американской истории, который часто называли «эпохой всеобщего равенства», большая часть материальных ценностей фактически принадлежала десятку-другому самых влиятельных семейств. Если в 1800 году десятипроцентная прослойка населения концентрировала в своих руках примерно половину богатства страны, то в 1860 году 20 % контролировали уже две трети национального достояния, а в крупных городах эта цифра достигала 85–90 %. Причем лишь немногие из этих богачей поднялись на верхушку общественной лестницы из низов. Увы, пресловутые «люди, сделавшие себя сами», являлись, скорее, исключением из правила.

Еще одной проблемой, проистекавшей из нового курса, стала экономическая зависимость трудящихся. Неквалифицированные и финансово незащищенные рабочие не могли рассчитывать на значительное повышение своего общественного статуса. Особенно трудно приходилось безземельным фабричным рабочим в периоды депрессий. Процесс производства переместился из стен родного дома в безликие производственные помещения, в результате людские судьбы все больше зависели от таких непонятных и пугающих сил, как рыночные цены, капиталовложения, кредиты. Надежды на демократическую власть, социальную мобильность и безграничные возможности все еще будоражили воображение многих, однако на практике получалось, что от человека почти ничего не зависело. Кем ты родился, тем тебе и суждено помереть. Границы между классами становились все более непроницаемыми, и клеймо нищеты сохранялось на протяжении всей жизни.

Четвертым важным фактором стало то, что рыночная экономика диктовала новые условия труда. В

этом отношении Америка повторяла путь Западной Европы: развитие промышленности неизбежно меняло привычки и ритм жизни. Конечно, в аграрном секторе тоже приходилось тяжело трудиться, но там – в силу сезонного характера труда, неизбежного его смешения с дружеским, добрососедским общением – работа носила нерегулярный характер. Промышленное производство предполагало ужесточение дисциплины – труд носил более устойчивый, регулярный и пунктуальный характер. В фабричных цехах от рабочего требовалось меньше творчества и личного мастерства, но гораздо больше напряженной, однообразной работы. Историк Уильям Л. Барни подсчитал, что в XIX веке среднестатистический американский фермер трудился примерно 2 тыс. часов в год, в то время как трудовые затраты для фабричного рабочего составляли ежегодно 3 тыс. часов.

И наконец, хотя рыночная экономика способствовала укреплению коммерческих и финансовых связей внутри нации, в региональном плане страна все же оставалась разделенной. Благодаря широкому распространению хлопковой культуры можно было говорить об экономическом росте южных штатов (плантаторы получали неплохие прибыли), однако они явно отставали от северо-восточных и северозападных штатов – здесь наблюдался не только количественный рост, но и качественное развитие. Помимо того, что производство на Севере расширялось, оно становилось более разнообразным. И очень скоро северные штаты уже превзошли южных соседей по всем экономическим параметрам. Здесь производилось свыше 90 % всего текстиля, угля, железа и огнестрельного оружия, здесь же была сконцентрирована основная масса (90 %) фабрично-заводских рабочих. Свыше 75 % всего

национального богатства Америки производилось на севере страны.

Однако, как известно, все имеет свою цену. Северянам тоже пришлось расплачиваться за лидирующие позиции в развитии промышленности и транспорта, а также в урбанизации и иммиграции. И если одни рассматривали быстрые изменения в составе общества и географии расселения, в условиях работы и способах передвижения приметы прогресса, то другие видели в этом путаницу и беспорядок. По мере того как северяне формировали новый экономический порядок в стране, стали раздаваться голоса протеста, призывающие к сохранению общественных, культурных и духовных ценностей.

Тяга к реформам на Севере

Возможно, сторонники рыночной экономики были правы, когда утверждали, что она стала началом великой эры «экспансии», «модернизации», «прогресса» (можно перечислить множество красивых слов, которые во все времена ласкают слух). Но многим простым американцам все виделось совсем в ином, куда более мрачном свете. Им казалось, что эти новшества представляют собой ряд общественных потрясений, в результате которых их привычный, налаженный уклад полетел вверх тормашками. Конечно, Америка не была в этом отношении уникальна; многие страны проходили через подобные испытания, сопряженные с ростом и изменением. Но, как справедливо заметил историк Дэвид Брион Дэвис, там процессы роста, индустриализации и общественного расслоения протекали «в человеческих сообществах с уходящей в глубь веков историей, с богатыми традициями и обычаями, со сложившимися классовыми интересами – все это вместе, с одной стороны, препятствовало чересчур резким изменениям, а с другой – служило стабилизирующим фактором для общества». В Америке же с ее слишком короткой историей подобные общественные амортизаторы практически отсутствовали. Слишком мало было общественных или институционных инстанций, которые могли бы взять на себя смягчение негативных последствий, вызванных стремительными изменениями повседневной жизни. Неудивительно, что сотни тысяч американцев болезненно отреагировали на кардинальные перемены в жизни. Все эти люди объединились в небывалой вспышке реформаторской деятельности, которая развилась в Америке в 1810–1860 годах.

Реформаторские группы возникали в стране и прежде, но не в таком количестве, и действовали они не с таким размахом и энтузиазмом. Если раньше их возглавляли высокопоставленные политики – так сказать, элита общества, то теперь инициатива перешла к представителям среднего класса. Как правило, реформисты ставили своей целью не частные, а тотальные перемены в обществе; требовали покончить с каким-либо социальным злом не путем постепенных перемен, а немедленно. Они нередко связывали свои кампании с аналогичными выступлениями по другим вопросам, но почти все выступления носили не общенациональный, а региональный характер, и территориально привязывались к Северу.

Хотя реформаторские группы делали упор на многие вопросы – пьянство, рабовладение, война, неравенство, рыночная конкуренция и безбожие, – тем не менее прослеживалась некая тема, которая присутствовала во всех выступлениях. Обычно сторонники реформ не рассматривали свою деятельность как стремление к чему-то новому и не приветствовали перемены. Напротив, большинство реформ было направлено на то, чтобы препятствовать тенденции к изменениям, создать более управляемое общество, остановить хаос и вернуть обществу приемлемую форму, смысл и цель. Реформисты обращались к миру, утратившему порядок, и пытались его в буквальном смысле реформировать.

Наверное, именно поэтому реформаторство не получило широкого распространения на Юге: этот регион был значительно меньше подвержен разрушительным переменам, чем Север. И экономические реформы, и урбанизация, и европейская иммиграция – все практически обошло стороной южные штаты с их рабовладельческим аграрным типом

хозяйства. Южане, которые испокон веков были независимыми и самодостаточными, осуществляли экономическое взаимодействие либо с ближайшими соседями-штатами, либо с зарубежными партнерами, не стремились включаться во внутригосударственный торговый обмен. Установившийся на Юге общественный порядок – незыблемый, вполне устраивавший самих южан, – сводил к минимуму необходимость в реформах.

Вообще тяга к реформам проистекала не только из-за негативных перемен в жизни людей, но и из их уверенности в том, что эти реформы осуществимы. Отчасти подобная уверенность базировалась на светских принципах Просвещения, которые утверждали, будто человеку вполне по силам изменить окружающий мир – надо только осмыслить действительность и выявить причины общественных зол. То же внушали и религиозные постулаты Второго Великого Пробуждения: все люди, и мужчины, и женщины, наделены духовной способностью к совершенствованию самих себя и окружающего мира. Тем, кто, заглянув внутрь себя, не находил следов греховности, следовало обратить взор наружу и приложить старания, дабы искоренить беспорядок в обществе и подготовить его к новому пришествию Спасителя. Итак, и светская, и религиозная доктрины утверждали одно и то же: внешний мир податлив, человечество может, а следовательно, обязано его изменить.

Сторонники «возрожденческого» движения создали широкую коалицию реформаторских групп различной религиозной принадлежности, получившую название «Империя доброй воли». Всех членов коалиции объединяло принципиальное осознание того факта, что в американском обществе наблюдается кризис власти и расстройство общественного порядка. Их деятельность сводилась к распространению экземпляров Библии и

научно-просветительских трактатов, организации воскресных школ и миссионерской работе. «Империя» вела упорную борьбу с пьянством и проституцией. В организационном плане американские активисты (как и их британские единомышленники) образовывали большие связанные между собой группы, опиравшиеся на широкую кампанию по сбору денежных средств и заявлявшие о себе через те же многочисленные трактаты, памфлеты и газеты. В 1820-х и 1830-х годах «Империя доброй воли» оказала большую поддержку реформаторскому движению, щедро делясь своими организаторскими навыками и наработанным опытом по руководству массами.

Движение трезвенников

Наиболее значительным «отпочкованием» реформистской коалиции явилось движение за трезвый образ жизни. Хотя сторонники движения не пользовались популярностью в народе – их частенько изображали в виде этаких «сухарей» с вечно кислой физиономией, – следует признать, что они героически сражались с одной из серьезнейших проблем американской жизни. Потребление дистиллированного спирта в Америке начала XIX века достигало угрожающих размеров (в 3 раза выше, чем в конце XX века, на душу населения) и влекло за собой такие беды, как алкоголизм, нищету, преступность, домашнее насилие и социальную нестабильность. Для многих алкоголь стал символом беспорядка, который царил в американской жизни.

К середине 1830-х годов движение трезвенников объединяло свыше миллиона американцев (что составляло около 8 % всего населения), причем в равной степени и южан, и северян. Их усилия принесли видимые результаты: потребление алкоголя упало с 7 галлонов на душу населения в 1830-х годах до менее 2 галлонов в 1844 году. Некоторые реформаторы выступали за ограничение потребления, другие – за полный запрет алкоголя; одни полагались на моральное убеждение, другие – на политические акции. Несмотря на эти различия в подходах и методах, в 1850-х годах производство и продажа алкоголя были запрещены уже в двенадцати штатах.

Подобно многим довоенным реформам, движение трезвенников объединяло в себе «консервативный» и «либеральный» посылы. С одной стороны, реформаторы пытались контролировать поведение общества,

насаждая в нем строгие моральные нормы. Они верили, что призывы к самодисциплине принесут плоды в виде экономических выгод, поскольку увеличат число здоровых и работоспособных тружеников. А с другой стороны, они объявили войну серьезной проблеме, которая имела тяжелые социальные последствия. Особую тревогу у них вызывало положение женщин, страдавших от пьянства мужей и не имевших возможности (по крайней мере, узаконенной) себя защитить. В конце концов реформаторы выработали совместную программу, носившую как сочувствующий, так и принудительный характер: одновременно строгая и заботливая, она перекликалась с понятием «суровой любви», столь популярным в XIX веке.

Общественные институты

Все ту же смесь гуманизма и строгого контроля мы видим в первых попытках создания новых институтов для зависимых членов общества и тех, кто представлял собой «отклонение от нормы». В воспитании и образовании молодежи, наказании преступников и уходе за психически больными людьми американцы традиционно придерживались жестких, но несистематических методов. Школы, пользующиеся поддержкой государства, являлись своеобразным исключением в стране, где образование, как правило, являлось прерогативой семьи и церкви. Американские тюрьмы представляли собой суровое и негостеприимное место, имевшее целью скорее наказание, чем исправление. Очень часто в одной камере оказывались и закоренелые преступники, и впервые оступившиеся, и вовсе невинные жертвы. Психически ненормальные люди обычно содержались в приютах (фактически тюрьмах), где их специфическим потребностям уделялось мало внимания. Условия содержания во всех этих заведениях – и для детей, и для преступников, и для душевнобольных – были произвольными, деспотичными и плохо организованными, как и состояние нации в целом на тот момент. Подобное положение не устраивало реформаторов. Решение проблемы напрашивалось само собой: требовалось устранить беспорядок, придать ему форму через изменение условий содержания, режима, то есть собственно среды обитания подопечных. А изменившееся окружение, рассуждали реформисты, повлияет на человеческое поведение. Несмотря на различные потребности и жизненные обстоятельства, весь человеческий материал – дети, преступники и

больные люди – нуждался в строго структурированных условиях жизни с использованием систематических методик.

В школах активисты делали упор на «официальное» образование с государственным финансированием; требовалась стандартная программа обучения, жесткое расписание, обязательное посещение, устойчивая оценочная система, позволяющая регулировать прогресс учащихся, опытные преподаватели и ориентация на запоминание большого учебного материала. В пенитенциарной системе предлагалось создать такие государственные институты, которые бы надежно исключали правонарушителей (и все то зло, которое они могут причинить) из общественной жизни. Основная идея заключалась в том, чтобы лишить преступников свободы. Дополнительно предлагались такие меры как ношение стандартной униформы, строгая дисциплина и регулярный труд. В психлечебницах реформаторы стремились насадить строго регламентированный режим и повторяющиеся изо дня в день мероприятия. Предполагалось, что подобная жизнь будет благотворно влиять на расстроенную психику. Во всех трех случаях ставка делалась на то, чтобы исключить элементы нестабильности и непредсказуемости из повседневной жизни подопечных, которые рассматривались как «группы риска». Требовалось сделать их жизнь стандартной, структурированной и поднадзорной. Это позволит, считали сторонники реформ, исправить и упорядочить поведение недисциплинированных человеческих индивидов, а может быть, и преподать окружающему миру полезные уроки по наведению порядка в обществе.

Движение за отмену рабства

Инициаторы перестройки важнейших общественных институтов (школ, тюрем и лечебниц) связывали бедственное положение в республике с отсутствием системы социального обеспечения населения. Однако в массовом движении за реформы существовало еще два направления, сторонники которых видели корень зла в величайшей социальной несправедливости. Речь идет о глубокой, разлагающей, опасной несправедливости, которую на протяжении десятилетий чинили в отношении двух больших групп американцев – женщин и чернокожих рабов.

На рубеже веков противников рабства больше всего волновало то губительное воздействие, которое система рабовладения оказывает на белых членов общества. В качестве решения проблемы Американское общество колонизации предлагало поэтапное освобождение рабов с выплатой компенсации их владельцам и дальнейшим выселением освобожденных за границы Соединенных Штатов. Однако свободные чернокожие американцы отвергали подобный путь, настаивая на немедленном освобождении рабов и предоставлении им равных прав в пределах американского государства. В начале 1830-х годов аболиционистские призывы афроамериканцев были подхвачены белыми реформистами. Особую активность проявлял Уильям Ллойд Гаррисон, который в 1831 году для борьбы с рабовладением начал выпускать газету «Либереитор» («Освободитель»). Двумя годами позже он основал Американское антирабовладельческое общество.

Гаррисон, Лидия Мария Чайлд, Фредерик Дуглас, Анджелина Гримке и другие призывали

соотечественников проявить сочувствие к «чернокожим братьям», покончить с абсолютным всевластием рабовладельцев и искоренить это страшное зло американской жизни. Соединенные Штаты должны наконец превратиться в государство всеобщего равенства и свободы. Это единственно верный путь, логически вытекающий из борьбы американцев за свою независимость. Проявить слабость и свернуть с намеченного пути равносильно предательству демократических принципов. Это означало бы, что нация потерпела поражение в войне с тиранией, коррупцией и бесчеловечностью. Аболиционисты особо подчеркивали связь своей борьбы с революционными идеалами прошлого, зародившимися еще в эпоху основания американского государства.

Шапка газеты «Либере́йтор» и издатель У. Гаррисон
Движение за отмену рабства объединило в своих рядах почти четверть миллиона жителей северных штатов. Для пропаганды своих идей они использовали различные методы: распространение многочисленных памфлетов и трактатов, публичные выступления, экономические бойкоты и обращения в Конгресс.

Однако далеко не все северяне разделяли взгляды аболиционистов. Их упорная борьба столкнулась с не менее упорным сопротивлением в тех же северных штатах. Им противостояли разъяренные толпы антиаболиционистов, во главе которых нередко стояли «высокопоставленные, состоятельные джентльмены». Южане же попросту запретили у себя распространение аболиционистской литературы по почте и другим каналам. В 1836 году палата представителей одобрила политику затыкания ртов: прения по данному вопросу были запрещены, а все петиции борцов с рабством спрятаны под сукно.

Со временем в лагере аболиционистов наметились внутренние противоречия, сильно затруднявшие их деятельность. Чернокожие активисты обвиняли белых единомышленников в расизме; женщины крайне неохотно допускались к участию в движении. Сторонники Гаррисона порицали конституцию, трактуя ее как соглашательский договор с рабовладельцами. Аболиционистам нередко приходилось выслушивать обвинения в пацифизме, пассивном непротивлении и попытке разрушить единство американской республики. К тому же они никак не могли прийти к единому мнению относительно методов: кто-то ратовал за политические акции, другие уповали на моральное убеждение. В конце концов в движении борцов за права американских негров наметилось два отдельных лагеря: аболиционисты призывали к немедленному запрету рабства в масштабах всей страны, сторонники более умеренного направления ставили целью не полную отмену, а скорее, ограничение рабства на Юге и ориентацию новых западных земель на использование свободного труда белых фермеров.

Права женщин

Наибольшие споры среди противников рабства вызывал вопрос о так называемом женском статусе. Допустимо ли, чтобы женщины влились в движение на правах полноправных участников, а возможно, даже и лидеров? Правы ли те аболиционисты, которые призывают покончить со всяким неравенством – как по расовому, так и по половому признаку? Дебаты по этим животрепещущим вопросам привели к окончательному расколу организации в 1840 году. Но это было только начало. Дискуссия, зародившаяся в рамках аболиционистского движения, распространилась на всю страну. На протяжении десятилетий довоенная Америка спорила по поводу роли, прав и ответственности женщин в американском обществе.

Со временем выявилось несколько четко очерченных позиций. Сторонники одной из них утверждали, что женская деятельность допустима в пределах ограниченной сферы, а именно дома и семьи. Именно здесь природное моральное превосходство женщин будет служить очищению и совершенствованию человеческой натуры. В своем «Трактате по домашнему хозяйству» (1842) Кэтрин Бичер писала, что «успех демократических институтов, зависит от интеллектуального и морального уровня народных масс». Наивысшее социальное предназначение женщины заключается в том, чтобы распространить свое «благословенное влияние» на «деградировавшего мужчину» и повсюду насаждать прекрасное – «облечь все уголки земли красотой». Пропагандисты «культа домоводства» настаивали, что женщине отводится самая важная из всех возможных ролей в процессе реформирования общества.

Представители другой точки зрения с возмущением отрицали разглагольствования об «ограниченных сферах». Они утверждали, что женщинам предназначено решать важнейшие общественные задачи. Но если уж установлено моральное и духовное превосходство женщин над мужчинами, то они просто обязаны приложить свои способности к исправлению испорченного, хаотического мира, который их окружает. Именно на таких предпосылках базировалась организация под названием Американское женское общество реформы морали, которая пыталась привнести порядок и моральное очищение в жизнь фабричных работниц, прислуги, проституток и других женщин, вынужденных самостоятельно пробиваться в жизни. Не удовлетворяясь простым «очищением дома», о котором писала Кэтрин Бичер, члены общества придали своей деятельности гораздо больший социальный масштаб.

Третья группа реформистов благополучно исключала из своего лексикона такие понятия, как всяческие «сферы» и «моральное превосходство», они апеллировали – ни много, ни мало – к «природным правам». Вместо того чтобы претендовать на особые женские качества, писала в 1837 году Сара Гримке, надо помнить, что «мужчины и женщины созданы равными». А раз и тем и другим в равной степени дарованы ум, способности и обязанности, отсюда следует: «то, что хорошо и правильно для мужчины, точно так же хорошо и правильно для женщины».

Достаточно установить сей простой факт, писала сестра Сары Анджелина, и становится очевидным, что «нынешние установления общества... не что иное, как насилие над правами женщин, типичная узурпация власти, жестокий захват и конфискация того, что является священной и неотчуждаемой собственностью женщины». Таким образом, признание прав женщин не

требует ни специальных условий, ни новых открытий – только восстановления того, что от природы им принадлежит.

Слева: Элизабет Кэйд Стэнтон (1815–1902); справа: Лукреция Мотт (1793–1880)

Десять лет спустя после того, как сестры Гримке выступили в защиту прав женщины, их доводы повторили Лукреция Мотт и Элизабет Кэйд Стэнтон. Сделали они это на первой американской конференции по правам женщин, которая состоялась в июле 1848 года в поселке Сенека-Фоллс, неподалеку от Нью-Йорка. Пользуясь языком революционных постулатов и Декларации независимости, женский конвент утвердил свою платформу. Программным документом стала «Декларация чувств». Его авторы объявляли «самоочевидной» истину о равенстве мужчин и женщин и осуждали «долгую вереницу злоупотреблений и неправомерных присвоений прав», которые принижали женщин и «заставляли их подчиняться». Участницы конференции потребовали, чтобы женщинам предоставили «немедленный доступ ко всем правам и привилегиям, которые принадлежат им как гражданам Соединенных Штатов». Прошли десятилетия, прежде чем их требования были услышаны: лишь в 1920 году Девятнадцатая поправка к конституции гарантировала женщинам равные избирательные права с мужчинами. Однако это не умаляет смелости тех, кто собрался в

Сенека-Фоллс, дабы заявить о своих правах. Именно они сделали первые шаги на долгом пути преобразований и реформ – пути, который в конце концов видоизменил республиканский порядок, устранил несправедливость, даровал свободу и независимость доброй половине населения Америки.

Утопические сообщества

Самые грандиозные социальные эксперименты были предложены мыслителями-утопистами. Не довольствуясь частными реформами – там подлатать прорехи в морали, здесь подправить поведенческие отклонения, – они пытались заново воссоздать общественный строй целиком, глобально изменив человеческое существование. На протяжении XIX столетия в Америке возникло свыше 100 утопических сообществ, к которым на пике движения (1840–1860 гг.) присоединилось свыше 100 тыс. мужчин и женщин. Идеологи утопических экспериментов отрицали традиционную культуру собственнического индивидуализма и рыночной конкуренции, которые вели к неизбежному разъединению членов общества; предупреждали об опасности деградации в условиях тяжелого труда, низводящего человека до положения рабочего скота. Они мечтали возродить в своих общинах равенство и чувство товарищества, вернуть радость от созидательного труда и восстановить социальную общность. В результате люди – и мужчины, и женщины – должны были обрести свое истинное, самой природой и Богом предназначенное место.

Множество коммун было создано на религиозной основе. Наиболее удачным можно считать эксперимент братьев-шейкеров из числа наиболее энергичных и преданных квакеров, которые под воздействием откровения своей основательницы, «Матери» Энн Ли, в 1774 году прибыли в Америку. Они заложили около двадцати поселений на северо-востоке и на северо-западных территориях, где обосновалось свыше 6 тыс. членов этой секты. Тщательно расписанная жизнь шейкерских колоний была подчинена религиозным

догматам их веры. Любопытно, что бог шейкеров объединял в себе как мужские, так и женские качества, что неизбежно отразилось на жизненных стереотипах сектантов: им удалось в известной степени нивелировать положение членов общины, независимо от полового признака. Женщины у шейкеров были облечены гораздо большей властью, чем во всей остальной Америке. Поставив во главу духовное богатство, члены секты отказывались от накопления материальных благ, вели простую и скудную жизнь аскетов. Их культ простоты отразился и на архитектуре построек – тщательно сбалансированных, чистых и аскетических по стилю. Свидетельством тому служат отреставрированные в наши дни шейкерские поселки, например Плезант-Хилл в штате Кентукки.

Поскольку в основе их веры лежали принципы любви и братства, шейкеры проповедовали пацифизм и культ семьи, который распространяли на всю коммуну. Они служили Создателю через труд, а посему очень бережно относились ко всем продуктам, которые выращивали на полях, как и к ремесленным изделиям, которые производили собственными руками. Будучи глубоко религиозными людьми, в повседневной жизни шейкеры практиковали целибат. Отказ от сексуальной жизни служил средством очищения души и путем к единению с Богом.

Помимо религиозных коммун, существовало и большое количество мирских объединений, которые основывались не на вере, а на здравом смысле и общих представлениях о жизни. Один из подобных экспериментов связан с именем шотландского фабриканта Роберта Оуэна. Начав с реорганизации своих хлопчатобумажных фабрик в Нью-Ланарке (Шотландия), он вплотную подошел к идее перестройки общества. Оуэн верил, что правильная окружающая среда способна благотворно влиять на жизнь человека.

Исходя из этого убеждения, он организовал коммуны под названием «Новая гармония», ориентированную на равенство, кооперацию, образование и экономическое разнообразие. Ее открытие произошло в 1824 году в штате Индиана – при большом стечении народа, под фанфары и ликование толпы. Увы, триумф длился недолго – всего несколько лет, а затем социальная гармония сгинула в котле внутренних склок и противоречий.

Раунд-Стоун-Барн, шейкерская деревня в Хэнкоке, штат Массачусетс, 1826 г.

Прочие светские утопии разделили печальную судьбу «Новой гармонии». В Америке существовало несколько десятков коммун, базировавшихся на учении французского философа Шарля Фурье, популяризацией идей которого в Штатах занимался Альберт Брисбейн. Он призывал жителей коммун преодолеть «недоверие, изоляцию, разъединение, конфликты и антагонизмы», которые на тот момент царили в обществе. Сделать это Брисбейн рассчитывал, изъяв людей из большого, чуждого, погрязшего в непонимании мира и поместив их в небольшие, хорошо организованные (в социальном и экономическом плане) общины – «фаланстеры», по определению Фурье. Оптимальный размер и конфигурация общин вычислялись математически – чтобы обеспечить их членам «привлекательную

деятельность» в соответствии с пожеланиями и наклонностями. Фурье, как и Оуэн, надеялся, что подобные условия сумеют восстановить внутренний и внешний баланс, безнадежно разрушенный в современном мире.

Другие коммуны демонстрировали в той или иной мере смешение религиозных и светских принципов. В общине с названием «Ферма Брука», основанной в 1814 году священником-унитарием Джорджем Рипли неподалеку от Бостона, практиковались религиозные размышления в сочетании с активным физическим трудом. Рипли стремился к максимальному развитию всего диапазона человеческих способностей. С этой целью он собрал различных людей и поместил их в обстановку, где необходимо было работать и руками, и головой, и сердцем. К несчастью, попытка построить прочные общественные связи внутри коммуны потерпела неудачу. Против ожидания, лишь незначительное количество рабочих, ремесленников и фермеров изъявили желание принять участие в эксперименте. Зато он привлек множество представителей творческой интеллигенции. В их числе оказались такие литературные знаменитости, как Ральф Уолдо Эмерсон, Маргарет Фуллер, Бронсон Олкотт и Натаниэль Готорн. Эмерсон, правда, высказывал сомнения по поводу целесообразности вступления в коммуну. Он боялся, что в результате просто-напросто сменит «нынешнюю тюрьму на иную, меньшего размера». Готорн скоро разочаровался в коммуне и подверг ее резкой критике в своем романе «Блайтдейл». К 1846 году стало ясно, что, несмотря на все старания участников, эксперимент провалился.

Хочется упомянуть еще одну известную (причем не с лучшей стороны) коммуну, в основе которой лежала странная смесь перфекционизма, социализма и некоторых скандальных сексуальных теорий. Джон

Хамфри Нойес и его единомышленники основали коммуну «Онейда» в 1848 году неподалеку от города Сиракьюз, штат Нью-Йорк. Веря, что тысячелетнее царство Божье уже не за горами, Нойес призывал своих последователей очиститься от греха, а заодно и от развращающей власти светского правительства и эгоистических привилегированных институтов «собственности», имея в виду не только частную собственность, но и моногамный брак. Последний пункт вызывал особенные сомнения у пуританского американского общества. В отличие от милых и добродетельных шейкеров, практиковавших коллективный отказ от сексуальной жизни, Нойес, напротив, призывал всемерно активизировать эту жизнь. Он пропагандировал теорию «коллективного брака»: все члены коммуны являются между собой супругами. Подобные крайности выглядели особо подозрительными – какими-то уж слишком европейскими – в глазах сторонних наблюдателей. Для американских обывателей они ассоциировались с пьяным разгулом и свальным грехом. Местные власти также выражали неудовольствие, но не могли изыскать официальных поводов для закрытия коммуны. На самом же деле члены «Онейды» не столько высвободили сексуальность, сколько ее систематизировали: в рамках коммуны от мужчин требовалось воздержание, все коммунары подвергались тщательному отбору на предмет составления родительских пар, и лишь немногие выдержавшие испытания допускались к процессу воспроизводства потомства. Но даже такая система оказалась неприемлемой для окружения. В 1879 году Нойесу пришлось покинуть коммуну и уехать в Канаду. Его последователи забросили брачные эксперименты и переключились на производство: они изготавливали изделия из серебра и охотничьи капканы.

Напоследок отметим, что все утопические сообщества, независимо от срока их существования и степени успешности, исповедовали принципы кооперации и совместной жизни. Они не только сами им следовали, но и пытались привнести эти принципы в окружающее общество, на тот момент погрязшее в индивидуализме, конкуренции и эгоистических амбициях. Коммунары, подобно другим северянам-реформаторам, испытывали тревогу по поводу социального и экономического разлада в своем регионе. Ирония заключалась в том, что подобную точку зрения разделяли и критики из южных штатов.

Рабовладельческий Юг

Об американском Юге написано множество книг, и все они – и исторические романы, и дешевые сентиментальные драмы – сходились в одном: в основе повседневной жизни «Старого Юга» лежал институт рабства. Именно он определял судьбы большинства чернокожих американцев, формировал экономику всего региона, а также расовые взаимоотношения и поведенческие нормы южан. Достаточно лишь упомянуть южные штаты, какими те были до Гражданской войны, и в памяти сразу же всплывают картинки, так или иначе связанные с системой рабского труда.

Однако в конце XVIII века ситуация на Юге выглядела несколько иначе. Многим институт рабства тогда не казался ни особенно прочным, ни жизнестойким. Томас Джефферсон, к примеру, признавал ущерб, который наносят южным почвам табачные плантации. Он также осознавал, что возделывание риса и длинноволокнистого хлопка имеет существенные ограничения географического порядка. Он прозревал начальные ростки аболиционистского движения в северных штатах, размышлял над загадкой существования рабства в «стране свободы» и предвидел, что в грядущие десятилетия в Виргинии – да и во всей Америке – установится иной порядок. Будущее Американской республики он связывал не с миром южных плантаторов, а с классом независимых фермеров средней руки. Джефферсон считал, что именно их энергия – через труд, свободу и изначальную добродетель – поможет окончательно сформировать Соединенные Штаты. Свои идеи президент воплотил в ордонансе 1784 года, посвященном территории к

северу от реки Огайо: по мнению президента, на этих землях не должно быть рабства. С первой попытки предложение не прошло, но три года спустя запрет на рабство стал частью Северо-западного ордонанса 1787 года. Джефферсон был не одинок в своих убеждениях. Такие процветающие рабовладельцы, как Джордж Вашингтон, Патрик Генри и Джеймс Мэдисон, разделяли его озабоченность по поводу юридической незыблемости и живучести рабовладельческой системы в Америке. Однако все их усилия приносили весьма скромные результаты. Южные штаты не спешили расстаться с привычной и удобной системой рабского труда. Они доказывали, что отмена рабовладения, по сути, является покушением на «свободу» и имущественные права белых плантаторов. Не меньше их страшила возможность проникновения в белое общество «неполноценной низшей расы» – чернокожих. Тем не менее под давлением правительства все южные штаты, за исключением Северной Каролины, упростили законы, регулирующие процедуру освобождения рабов хозяевами – теперь «отпустить на волю» чернокожего стало легче. Одновременно южане изъявили готовность (хотя бы теоретически) пересмотреть курс развития. Со своей стороны, Джефферсон и его сторонники тоже пошли на уступки: они решили на какое-то время сохранить институт рабства – «как неизбежное зло» и как оплот расового «порядка». Однако они верили, что у рабовладения нет будущего. В ближайшие же десятилетия Югу предстояло коренным образом измениться.

Земля хлопка

А рабство тем временем и не думало сдавать позиции. Напротив, оно только ширилось и укреплялось. Остается удивляться, каким образом насквозь нестабильная система – в экономическом, моральном и политическом плане – могла благополучно существовать и развиваться. Благодаря чему столь проблематичный общественный институт сохранял свою силу? Ответ звучит неожиданно: благодаря несложному механическому приспособлению. Именно оно в значительной степени помогло преобразовать скромное, непритязательное растение в короля экономики.

Если говорить о потенциально выгодных сельскохозяйственных культурах, пригодных для выращивания в условия американского Юга, то одним из самых перспективных является коротковолокнистый хлопчатник. В целом этот вид хлопка – в отличие от элитного длиноволокнистого – идеально соответствовал климатическим условиям и типу почв, распространенных в южных штатах. Его можно было выращивать практически круглогодично и в любых количествах. Казалось бы, чего лучше? Увы, коротковолокнистый хлопок имел одно неприятное свойство: дело в том, что процесс очистки волокнистой массы от семян чрезвычайно длителен и кропотлив. За день один человек с трудом очищал всего фунт хлопка – с такими количествами рассчитывать на большие прибыли не приходилось.

И вот в 1793 году небезызвестный нам северянин Элай Уитни, в качестве учителя приехавший в Южную Каролину, нежданно-негаданно преподавал южанам грандиозный экономический урок. Заручившись

поддержкой Катерины Грин (вдовы знаменитого героя революции Натаниэля Грина), он изобрел принципиально новое приспособление для очистки линта (волокна хлопчатника) от семян. Его хлопкоочистительная машинка (или «джинн», как ее окрестили) позволяла тому же самому рабочему за день обработать более 50 фунтов коротковолокнистого хлопка. Можно представить, насколько возросла эффективность выращивания культуры! При несомненной выгоде изобретения и относительной простоте конструкции (посмотри да и скопируй у себя на плантации!) хлопковые «джинны» мгновенно распространились по всему Югу. Коротковолокнистый хлопчатник превратился в главную сельскохозяйственную культуру и стал залогом процветания южных штатов.

Конечно, изобретение Уитни было не единственной причиной, по которой все южные плантаторы кинулись выращивать хлопок. Немалую роль сыграл резко возросший мировой спрос на этот материал. Текстильное производство в Британии нуждалось в огромных количествах хлопка-сырца. Американские плантаторы получали отличную цену за свой товар, к тому же выращивание этой культуры как нельзя лучше вписывалось в систему рабского труда. Хозяева покупали рабов, чтобы те трудились – тяжело и беспрестанно. А хлопок создавал для этого возможности. Здесь надо было работать круглый год: готовить поле, сеять, ухаживать, пропалывать, прореживать, собирать урожай, очищать собранное и потом везти товар на рынок. Поскольку занятость работников варьировалась в течение года, хозяин мог использовать освободившихся рабов по своему усмотрению – на производстве продуктов питания, на стройке и проч. Таким образом, плантация превращалась в достаточно (хоть и не стопроцентно)

эффективное, экономически самостоятельное предприятие.

Разведение коротковолокнистого хлопчатника быстро распространилось с юго-восточного побережья в другие штаты – Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Арканзас и Техас. За 1790–1820 годы производство хлопка (измеренное в стандартных тюках) выросло в 18 раз. В 1820–1840 годы оно увеличилось еще в 18 раз, достигнув в 1840 году 1,3 млн тюков. А к 1860 году эта цифра почти утроилась, составив 3,8 млн тюков.

Однако важнее численных показателей то место, которое занимал хлопок в национальной экономике: он превратился в главный товар, который Америка вывозила за море. До 1810 года хлопок составлял менее 10 % всего американского экспорта; к 1820 году этот показатель поднялся до 33 %; к 1860 году составлял уже почти 60 %. Один товар, производимый в одном регионе, формировал экспортный сектор целой державы и, соответственно, определял ее торговый баланс, доступные кредиты и выплаты по импорту. В таких условиях трудно переоценить значение хлопка и рабского труда, который обеспечивал поступление продукта, столь важного для всей нации. Джеймс Х. Хаммонд, сенатор от Южной Каролины, вполне осознавал важность хлопка для экономики и политики Соединенных Штатов. В 1858 году он заявлял: «Если на нас пойдут войной, мы сможем поставить весь мир на колени, причем не сделав ни одного выстрела, не обнажив меча. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет в мире такой силы, которая рискнула бы восстать против Его Величества Хлопка».

Развитие института рабства

Возможно, хлопок и правил на американских полях, подобно истинному королю, но в конечном счете его власть и процветание зависели от труда чернокожих невольников. Небывалый подъем в производстве хлопка совпадал по времени с ростом популяции рабов в южных штатах. В 1790 году в Соединенных Штатах проживали 700 тыс. рабов. К 1820 году это число более чем удвоилось и достигло 1,5 млн человек. К 1840 году уже 2,5 млн невольников трудились на американских плантациях, а к 1860 году их стало без малого 4 млн. Часть рабов попадала в страну благодаря трансатлантической системе торговли: со времен революции и до 1808 года плантаторы приобрели таким образом 250 тыс. африканских невольников; затем импорт живой рабочей силы был официально запрещен. Оставшиеся рабы появились уже в результате естественного воспроизводства, и южане широко рекламировали сей факт как доказательство гуманного и благожелательного обращения с рабами. Конечно, рабовладельцы были заинтересованы в свободном перемещении своего «товара» к стихийно возникавшим рынкам. Так начала складываться внутренняя торговля невольниками. С момента рождения американской республики и до конца гражданской войны до одного миллиона рабов было «отправлено вниз по реке» для продажи новым хозяевам на Глубоком Юге.

Три четверти всех чернокожих невольников занимались полевыми работами, в основном на хлопковых плантациях. Они были обречены на тяжелый, изнурительный труд, которым не желали заниматься белые американцы. На выращивание хлопка затрачивалось вдвое больше труда, чем на тот же

объем кукурузы, и в четыре раза больше по сравнению с пшеницей. Надо учитывать, что именно американские негры своим непосильным трудом обеспечивали поступление хлопка – главного экспортного товара, а следовательно, закладывали основу процветания южных штатов и нации в целом.

В 1830-х годах южане решительно не желали разделять позицию Джефферсона, который рассматривал рабство как временно существующее «неизбежное зло». Вместо того они изыскивали всевозможные доводы в защиту американского института рабства. Они ссылались на Библию: якобы на страницах Ветхого Завета сплошь и рядом приводятся доказательства того, что богоизбранный народ держал рабов; апостол Павел призывал слуг повиноваться их хозяевам, да и сам Иисус нигде не высказывался против рабства. Вторую группу доводов можно расценить как псевдонаучную, ибо она апеллирует к так называемому изначальному, природному неравенству чернокожих перед лицом представителей белой расы. Третий аргумент относился к числу исторических: защитники рабства указывали на существование подобного института в почтенных сообществах Древней Греции и Древнего Рима. И, наконец, последнее соображение носило общегуманитарный характер и сводилось к тому, что, поработив негров, белая раса оказала им неоценимую услугу: в противном случае те так и прозябали бы в дикости – без полезных навыков, без цивилизованных манер и, главное, без христианской веры. Рабовладельцы позиционировали себя как патриархальных благодетелей, которые вывели чернокожих из мрака дикости и невежества. А раз все так замечательно, какой же смысл ставить под сомнение существование полезного института рабства? Это – несомненное благо для общества.

Рабство и жизнь на юге

Несмотря на широкое распространение системы рабства на довоенном Юге, сказать то же самое о рабовладении никак нельзя. В 1860 году в южных штатах проживали 12,25 млн человек, из них 8 млн белых, 250 тыс. свободных чернокожих и 4 млн рабов. Число рабовладельцев составляло примерно 400 тыс. человек, то есть всего лишь 5 % белого населения. Если попытаться исчислить «уровень» рабовладения не в индивидуальных, а, так сказать, в семейных категориях, то получается, что 25 % южных семейств содержали чернокожих невольников. При любом раскладе выходит, что совсем небольшая группа белых южан владела рабами и совсем уж маленькая часть этого меньшинства владела ими в особо крупных размерах. Вот точные цифры: лишь 12 % всех рабовладельцев могли похвастаться имуществом в 20 и более рабов, и они составляли всего 0,5 % белого населения Юга.

А как жили остальные 75 % южан, не относившиеся к числу рабовладельцев? Большая часть из них являлась свободными фермерами. Собственными силами (и силами своей семьи) они обрабатывали скромные земельные участки, на которых выращивали кукурузу и картофель, разводили кур и свиней. Денег было мало, но, в общем-то, с голоду не умирали. Эти фермеры и не мечтали о далеких национальных рынках, вся их деятельность протекала в пределах скромной сельской общины. А посему их гораздо больше интересовало состояние местных дорог и в каком настроении сегодня проснулся начальник местной легислатуры, чем международное положение и прения в Конгрессе. К удаленной централизованной власти они испытывали традиционное недоверие. Если судить по

фактам их жизни и цифрам официальной статистики, то создается впечатление, что рабовладельческая система не имела никакого отношения к данной прослойке населения. Однако цифры говорят одно, а исторический опыт – совсем другое.

Хотя, как мы выяснили, лишь меньшая часть южан составляла класс рабовладельцев, но сама система рабства являлась определяющим фактором в жизни южных штатов. Ведь речь не о способе инвестирования личных средств, не о системе труда или форме производства; рабство определяло сам стиль жизни американского Юга. Причем это в равной степени относилось и к чернокожим невольникам, и к белым рабовладельцам, и к тем, кто не обладал таким статусом.

Система рабовладения диктовала условия капитальных вложений в регионе. В 1860 году 4 млн рабов стоили 34 млрд долларов, и они приносили неплохие прибыли. Хозяин-рабовладелец мог рассчитывать на 10-процентную прибыль от своих рабов – больше, чем получали капиталисты-северяне со своих предприятий. К 1850 году цены на рабов выросли, что еще больше повысило рентабельность капиталовложений. Рабовладельцы получали прибыль в виде новых земель и дополнительных негров; к чему же менять столь выгодную форму вложений? На Юге рабовладение являлось источником богатства. Подсчитано, что средний рабовладелец был примерно в 10 раз богаче своего соседа-нерабовладельца. В 1860 году 25 % южных семей, составлявших класс рабовладельцев, контролировали 90 % всех активов Юга, его сельскохозяйственного богатства. В этом регионе, который не мог похвастаться таким экономическим разнообразием, как Север, существовало не слишком много путей разбогатеть, и рабовладение являлось одним из самых надежных.

Рабство определяло также тип общественных отношений в южных штатах. Традиционно здесь сложилось кастовое общество, в котором высший класс на протяжении столетий господствовал над низшим. Цвет кожи определял социальный ранг южанина, а существующая система рабовладения являлась гарантией незыблемости этого ранга. Ни один чернокожий (будь он рабом или свободным) не мог подняться выше отведенного ему места. Точно так же никакой белый – бедный или богатый, глупый или умный, добродетельный или злодей – не мог опуститься до уровня, отведенного чернокожим. Все белые южане существовали выше черты бедности, а тяжелый, непрестижный труд оставался уделом низов. Сенатор Хаммонд как-то заметил, что «в любом обществе должен существовать класс людей, выполняющих черную, самую неблагоприятную работу и лакейские обязанности... это своеобразный человеческий отстойник... и великое счастье для южан, что сама природа создала для них расу, великолепно подходящую для подобной цели». На Юге все белые, относились они к классу рабовладельцев или нет, получали выгоду от существования системы рабского труда.

Если расширение системы кому и навредило, то свободным неграм и их поработенным братьям. Накануне 1810 года свободные чернокожие американцы составляли наиболее быстро растущую прослойку населения южных штатов. Некоторым из них удалось выкупить свободу за деньги, другие получили ее в признание военных заслуг. Были и такие, кто получил вольную от хозяев. После 1810 года, с развитием хлопкового земледелия и, соответственно, системы рабского труда, положение вещей коренным образом поменялось. Белые южане все более косо посматривали в сторону свободных черных, видя в них угрозу

подстрекательства для послушных «домашних» негров. Получившие свободу цветные самым фактом своего существования размывали необходимую границу между «высшим» классом независимых белых хозяев и «низшим» классом чернокожих рабов. Чтобы приостановить этот пугающий процесс, южные штаты максимально усложнили процедуру освобождения (или «отпуска на волю») рабов. Одновременно местные legislatures провели ужесточенный «Черный кодекс» – свод законов, регулирующий жизнь (в основном ограничивавший гражданские права) свободных афроамериканцев. В конце 1850-х годов Арканзас даже предпринял попытку законодательным путем очистить территорию штата от этих «нежелательных граждан».

В социальном плане плантаторская элита – со всем ее богатством, престижем и политической властью – являлась ненадежным и шатким классом. В 1860 году на Юге насчитывалось примерно 10 тыс. семейств, чье имущество включало 50 и более рабов. Эти люди находились в привилегированном положении по отношению к остальному населению и не стеснялись демонстрировать этот факт. Они жили на широкую ногу: строили великолепные особняки, устраивали роскошные приемы и вообще вели себя как хозяева жизни. Плантаторы ощущали себя законодателями мод и вкусов как в политике, так и в экономике. Архитектурными свидетельствами их амбициозных устремлений являются южные городки, подобные Натчезу в штате Миссисипи, где до сих пор сохранились прекрасные дворцы довоенной поры, свидетельствующие о том, что в 1850 году это был богатейший округ Америки. Не ограничиваясь внешними проявлениями своего превосходства, плантаторы стремились создать идеальный образ плантаторской аристократии, сочетающий такие черты, как величие, изящество и хорошие манеры. Южным

джентльменам были не чужды патриархальные понятия долга и ответственности за младших, зависимых от них членов общины.

Рабовладельцы, диктующие свои требования в обществе и на рынке, в значительной степени влияли на политику региона. Им принадлежало от 50 до 85 % мест в легислатурах южных штатов, а также они имели солидное представительство в Конгрессе. У них были все возможности формировать местную политику в собственных интересах, всемерно защищая и укрепляя институт рабства.

Именно из института рабства вытекало то, что историк Уильям Дж. Купер определил как «особую политику» Юга. Как ни парадоксально, но в основе ее лежала концепция «свободы», напрямую связанная с рабовладением. Белые южане прекрасно знали, чем грозит человеку лишение свободы: перед глазами у них были многочисленные примеры несправедливости и тирании по отношению к чернокожим рабам. Подобный опыт делал южан исключительно щепетильными и бдительными во всем, что касалось их собственной свободы и независимости. А своим основным правом – так сказать, краеугольным камнем их свободы – плантаторы почитали право на порабощение черных. Если белые американцы оказывались лишенными права держать в рабстве чернокожих, если их лишали свободы выбора в этом «местном» вопросе, тогда получалось, что они и не свободны вовсе. Порабощение негров служило символом свободы белых.

Институт рабства в значительной мере формировал и культуру Юга. В доказательство вспомним словосочетание, которым именовали его сами южане – «особый институт». Для современного слуха это определение звучит несколько непонятно, ведь словом «особый» мы обычно обозначаем нечто странное, чужеродное. Южане же вкладывали в него совершенно

иное значение: таким образом они характеризовали рабство как отличительную особенность своей жизни. И действительно, система рабского труда – то, что отличало южные штаты от остальной нации. В XIX веке регион оставался сельским и совершенно неиндустриальным, аграрным и некоммерческим; основными чертами плантаторского общества являлись незыблемость уклада и почтение к традиционным, чисто южным ценностям. Политики, священники, журналисты и литераторы воспевали редкостную уравновешенность и уникальное своеобразие Юга.

Система рабского труда сформировала особый мир не только для самих рабовладельцев, но и для всех белых членов общества. Институт рабства являлся источником богатства Юга, определял его роль в стране, формировал общественные отношения и политические предпочтения. Считалось, что представления о людях, естественных ресурсах и производственных процессах отражают мир и гармонию, царящие в природе. Каждая группа населения занимала свое, строго определенное место, каждая из них вносила свой вклад в процесс приумножения богатства, обеспечение безопасности и стабильности общества в целом. При таком идеальном раскладе просто не возникало надобности в каких-либо переменах и улучшениях. Южане верили, что создали лучший из возможных миров.

Конечно, чтобы прийти к такому заключению, требовалось закрывать глаза на целый ряд проблем. Если рассматривать моральный аспект, следует отметить нараставшую изоляцию Юга именно благодаря его особому образу жизни: каждый третий из здешних жителей являлся рабом. В экономическом отношении следует признать: рабство, приносившее несомненную выгоду отдельным индивидам, самым пагубным образом сказывалось на долговременном

развитии региона. Беспрестанное возделывание хлопчатника истощало южные почвы, а получаемые прибыли подталкивали плантаторов к расширению засеянных площадей и покупке все новых рабов. В то же время во всем, что касалось развития мануфактур, транспорта и урбанизации, южные штаты намного отставали от продвинутого Севера. Все, чем могли торговать южане, относилось к категории «сырье». Британия и северные штаты с радостью скупали урожай практически целиком и производили у себя на фабриках готовые промышленные товары, которые продавали южанам. Другими словами, очень скоро Юг оказался в фактической колониальной зависимости от более развитых регионов.

В политике южане добивались территориальной экспансии с целью компенсировать истощение почв, распространить на другие территории свою традиционную систему труда и обрести большую власть (путем создания новых рабовладельческих штатов) в палате представителей, сенате и коллегии выборщиков. Здесь, однако, южане столкнулись с мощной оппозицией. Политики-северяне терпели институт рабства в уже существующих южных штатах и даже защищали его при помощи различных конституционных средств. Но когда дело коснулось западных территорий, они заняли совершенно непоколебимую позицию: новые необжитые земли предназначались только для свободных (понимай, белых) тружеников. Другими словами, Север боролся против рабства там, где оно могло существовать, но не там, где оно уже устоялось. Таким образом, антагонистические интересы двух регионов – Севера и Юга – неминуемо должны были столкнуться самым решительным и трагичным образом. Покуда южане тешили себя надеждой, что им удалось построить самый лучший из миров, на деле они создавали основу для ужасающего конфликта,

которому предстояло до основания разрушить их идеализированные представления.

Мир рабов

Согласно законодательным уложениям всех без исключения южных штатов, рабы представляли собой не что иное, как движимое имущество, и на этом основании полностью подчинялись воле своего хозяина. Рабы воспринимались как вещи. А раз так, за ними не признавали ни прав, ни желаний, ни, собственно, человеческой сущности. Если выражаться в сугубо юридических терминах, то рабы являлись созданиями, лишенными всяческой индивидуальности – попросту собственностью своего хозяина. Однако, что бы ни утверждала юридическая фикция, все рабовладельцы (кроме, может, совсем уж закоренелых злодеев) сознавали, что имеют дело с человеческими существами. Несмотря на существенные различия между миром «хозяев» и миром «рабов», следует признать: во-первых, эти рабы обладали изрядным здравым смыслом и способностью выбирать; во-вторых, невзирая на целенаправленные и согласованные запреты рабовладельцев, рабы умудрялись создавать собственные сообщества. Черные невольники, которых белые теоретики изображали как абсолютно пассивный элемент, на самом деле играли активную роль в жизни региона.

Семья была, пожалуй, наиболее важным социальным институтом, созданным рабами. И это при том, что по официальному законодательству браки между рабами признавались недействительными. Зато сами чернокожие супруги относились к ним очень серьезно, создавая прочные моногамные семьи. Как правило, рабовладельцы поощряли подобные союзы,

ибо, с одной стороны, они способствовали миру и порядку в хозяйствах, а с другой – обещали неплохой доход в виде потомства, то есть приумножение богатства плантатора. В отличие от своих хозяев, подходивших к подобным бракам с экономической точки зрения, сами рабы находили в институте семьи совершенно иное: семья дарила им осознание собственной личности, чувство единения с другими такими же несчастными и возможность сохранять общее культурное наследие.

«Разве я не женщина и не сестра?» Скованная женщина-рабыня. Гравюра Патрика Ризона, чернокожего художника (1835 г.)

«Семьи» рабов представляли собой нечто большее, чем просто проживавших вместе мужчин, женщин и их детей. Под семьей обычно понималась куда более широкая группа людей, включавшая многочисленных «родственников», не связанных между собой кровными узами. Традиция обращаться к старикам как к «дядюшкам» и «тетушкам», именовать равных себе «сестрой» или «братом» лишний раз доказывает: рабы расширяли понятие семьи, упрочивая чувство единения и долга перед всей негритянской общиной. Такие

расширенные семейные связи помогали им справиться с нестабильностью рабской жизни, когда бездушные хозяева в любой момент могли тебя продать, купить, перебросить с одной плантации на другую. Обширные негритянские «семьи» – пусть и фиктивные, но такие драгоценные – служили рабам прибежищем в окружающем их враждебном мире.

Не менее важным источником утешения и самоуважения для рабов стали религиозные общины. В конце 1790-х годов белые хозяева, вдохновленные евангельским учением, вдруг вознамерились приобщить чернокожих невольников к христианству. Но и здесь благие намерения оказались с двойным дном: плантаторы рассчитывали не только спасти заблудшие души рабов, но и при помощи христианской морали укрепить дисциплину в рядах работников. Посему хозяева взяли за правило приводить рабов в церковь на воскресные службы, где белые священники втолковывали «неразумным дикарям» евангельские истины. Конечно, даже здесь, в Божьем доме, речь не шла о том, чтобы рабы сидели бок о бок с хозяевами. Им отводилось специально отгороженное пространство в церкви, откуда они могли слушать проповеди. Рабы по-прежнему оставались людьми второго сорта. Но после этих священных церемоний, возвратясь домой, рабы собирались на собственные службы, куда белые вовсе не допускались. Как правило, они устраивались по ночам и за пределами плантации, где-нибудь в лесу или на болоте. Здесь, в стороне от хозяйского глаза, рабы могли позволить себе озвучить свои духовные устремления. Догматы этого «невидимого института» (как окрестил его Альберт Работо) весьма существенно отличались от того, чему учили белые хозяева. Это была причудливая смесь африканской и христианской традиций: рабы плясали, беседовали, распевали гимны своему Богу, который учил любить, а не ненавидеть.

Они молились Спасителю, другу всех нищих и угнетенных, и верили, что грядет день торжества, когда они, подобно древним израильтянам, будут избавлены от фараонова плена. Религия чернокожих рабов хоть и не спасала от повседневных страданий, но дарила чувство персональной значимости и коллективной стойкости, которую рабы противопоставляли злым умыслам хозяев.

Немаловажным условием выживания американских негров являлся их талант манипулировать белыми, а также умение находить лазейки в жестокой рабочей дисциплине на ферме или плантации. В представлении хозяев все обстояло просто: они командовали, а послушные, исполнительные слуги повиновались. Увы, на деле процесс выглядел несколько иначе. Плантаторы заставляли рабов трудиться от восхода до заката – по 14 часов летом и по 10 в зимнее время. Тех, кто не подчинялся, секли кнутом или подвергали другим наказаниям. Казалось, у рабов, трудившихся под недремлющим оком хозяина или надсмотрщика, не было возможности влиять на потогонную систему. И все-таки различными хитрыми путями они умудрялись хоть в какой-то степени регулировать темп и интенсивность труда. То инструмент сломается, то приключится внезапная болезнь; бывало, что рабочий скот исчезал, а машины выходили из строя; порой и здания горели, а то – вот чудо! – удавалось настроить надсмотрщика против хозяина. При помощи таких уловок рабам удавалось снижать рабочие нагрузки до приемлемых и как-то обходить хозяйские требования.

Что негры могли противопоставить тяжелым условиям жизни и самому факту порабощения? Только круговую поруку, намеренное укрывательство, хитрость и обман за фальшивыми (но такими подобострастными) улыбками. Бывший раб Фредерик Дуглас комментирует эту вынужденную борьбу в автобиографической книге,

которая называется «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского раба». Он сетует на то, что честные, бесхитростные рабы скорее нарывались на наказание, чем получали награду. «Жизнь столь часто преподавала подобные уроки, что среди рабов прижилась поговорка: "Тихий язык – мудрая голова". Уж лучше замолчать правду, чем затем расхлебывать последствия». Рабство извращало нормальный ход вещей и превращало лживость в необходимую добродетель.

Еще одной формой сопротивления хозяевам стали побеги. Обычно беглецами становились молодые здоровые негры, которые на свой страх и риск пускались в подобную авантюру. Что толкало их на это? Возможно, боязнь наказания или стремление воссоединиться со своей любовью. или просто отчаянное желание испытать, каково быть свободным. Как правило, беглых рабов ловили и возвращали хозяину. Только тысяча попыток (или около того) в год завершалась успешно. И это на весь Юг! Уж больно далеким выглядел путь к свободе из южной глубинки. На пути у беглецов вставали белые патрули, уйти от них было бы невозможно, если б не поддержка со стороны. Неоценимую помощь беглым рабам в южных городах оказывали свободные чернокожие и активисты-аболиционисты, создавшие целую сеть укрытий, получившую название «подземной железной дороги». Беглецов прятали на «станциях» – законспирированных квартирах, а затем с помощью проводников-«кондукторов» переправляли в северные штаты или Канаду. Жительница Мэриленда Гарриет Табман, сама в прошлом рабыня, 19 раз выезжала на Юг в качестве «кондуктора», триста человек обрели с ее помощью свободу.

Как ни странно, но из всех форм противостояния системе рабского труда реже всего американские

негры прибегали к открытому восстанию. Нет, слухи о негритянских мятежах постоянно циркулировали в среде белых плантаторов, но они, как правило, оказывались сильно преувеличенными. В первой половине XIX века случилось лишь три серьезных выступления чернокожих рабов. В 1800 году в Ричмонде (штат Виргиния) был раскрыт заговор Габриэля Проссера, в котором участвовало до тысячи негров с окрестных плантаций. Предполагалось, что они стянутся со всех сторон в город, захватят арсенал и, перебив белых хозяев, освободят рабов. В 1822 году в Южной Каролине произошло восстание под предводительством свободного чернокожего Денмарка Веси. Он намеревался объединить рабов и повести их на Чарлстон. В планах Веси было все то же: захват оружия, а затем и города, и месть белым хозяевам. После этого он собирался воспользоваться захваченными кораблями, чтобы вывезти свою армию за пределы Соединенных Штатов. В обоих случаях выступления рабов были подавлены, что называется, на корню: среди заговорщиков нашлись предатели, которые оповестили хозяев. Восставших чернокожих окружили, схватили и бросили в тюрьму; кого-то казнили, кого-то выслали из страны. Зато в 1831 году в округе Саутгемптон, штат Виргиния разгорелось настоящее кровавое восстание. Во главе его встал раб по имени Нат Тернер, у которого случались мистические видения. Таинственные голоса призывали его наказывать белых за все те страдания и притеснения, которые они причиняли чернокожим. В августе того же года Тернер сколотил группу единомышленников и начал совершать набеги на различные плантации. Результатом стала смерть 55 белых южан. Банду Тернера в конце концов разгромили, сто человек казнили.

Тот факт, что мятежи чернокожих возникали нечасто, белые южане трактовали как доказательство

вполне приемлемого качества жизни рабов: раз не бунтуют, значит, всем довольны. Однако на самом деле нежелание негров участвовать в мятежах объяснялось, скорее, простым здравым смыслом, чем природной пассивностью. Как тут побунтуешь, когда со всех сторон тебя окружают превосходящие по числу враги? Оружия у рабов не имелось, необходимых политических и географических знаний тоже. Рабы вообще в массе своей были неграмотными, поскольку законы южных штатов запрещали обучать их грамоте. И даже если бы удалось бежать с плантации, куда двигаться дальше? На всех дорогах полиция и белые патрули. Не только местные власти, но и федеральное правительство обязано было – согласно букве конституции – подавлять мятежи чернокожих. В таких условиях шансы на успех у рабов были, прямо скажем, призрачными, и они это понимали.

В то время как условия рабовладения были четко установлены, сказать то же самое о поведении самих рабов никак нельзя. Формально закон отрицал человеческую сущность рабов, но на практике чернокожие исподволь, но весьма настойчиво утверждали свою самооценку и значимость. Их повседневная тактика сочетала уклончивость, приспособленчество, тихий, неприметный вызов и неявный саботаж. Рабы постепенно присваивали себе некую меру контроля над условиями собственного существования. Они приобретали частичную власть над ходом событий – власть, тем более выгодную, чем менее заметно было их присутствие.

«Главенство» рабовладельцев никак не являлось абсолютным, скорее его следовало характеризовать как несовершенное. Одновременно и «подчиненность» рабов присутствовала лишь отчасти, в значительной мере она включала в себя элемент гуманности, не предусмотренный системой рабского труда.

«Особость», на которой так настаивали южане, носила ограниченный характер: по своему языку, религии, культурному наследию и революционным традициям они являлись сильными партнерами американской нации. И все же с течением времени стало заметно, что южные штаты неуклонно отдаляются от остальной страны. Они выработали собственный набор ценностей. Стиль их жизни все больше отличался от такового у северян. На протяжении десятилетий два региона сохраняли (и усугубляли) свою непохожесть и в конце концов дошли до той степени различия, когда столкновение конкурирующих интересов сделалось неизбежным.

Глава 6

Американская революция в культуре, 1800–1860 годы

По мере того как в Соединенных Штатах происходили политические, экономические и социальные перемены, возникла необходимость и в новом, революционном подходе к республиканскому государству. Первые попытки не замедлили появиться, причем они имели отношение не столько к типу правления, сколько к формам выражения этого нового отношения. От нации, которая взяла на себя великую освободительную миссию и тем самым совершила коренной переворот в мире, ожидали столь же кардинальных перемен в искусстве, литературе и религии. Свобода, которую обрели американцы, уничтожила старые формы правления – почему бы не сделать того же самого с продуктами человеческого воображения?

Культурная колония

Как ни печально, приходилось признать: во всем, что касалось искусства и творчества, великая революция явно запаздывала. Народ, порвавший с европейскими традициями в государственном устройстве и организации социума, по-прежнему (как и сто лет назад) занимал вторичное, подчиненное положение в культурном отношении. Американцы все так же следовали художественным эталонам Старого Света, воспроизводили европейские образцы вкуса и изящества, жили в соответствии с эстетическими нормами старушки Европы и, похоже, не собирались оспаривать ее созидательный приоритет. Обретя политическую свободу, Америка оставалась культурной колонией Европы. Увы, grossesбухи американского искусства непреложно свидетельствовали: могущественная республика занимала незавидное положение нетто-импортера Истины и Совершенства.

Европейцы также отмечали этот дисбаланс в культурном обмене. В 1770 году аббат Рейналь констатировал, что «Америка пока не произвела ни одного стоящего поэта, ни одного способного математика, по сути, ни одного гения в какой-либо области науки или искусства». Ему вторил Сидни Смит, насмешливо вопрошавший в «Эдинбург ревью» в 1820 году: «.Да кто читает американские книги? Или смотрит американские пьесы? Или любитя американскими картинами и статуями?» Народ Америки, признавал еще один критик, «не имеет национальной литературы».

И сами американцы удивлялись: неужели же их нация, столь многое сделавшая для развития политики, не может внести свой вклад в копилку человеческого творчества? Деятель в области просвещения Ной

Уэбстер в 1783 году писал, что во всех американцах живет непоколебимая вера, будто «английский король, английская конституция, а также коммерция, законы, моды, книги и даже самые человеческие чувства, безусловно, наиучшие во всем мире». В 1836 году Генри Дэвид Торо жаловался, что «американцам удалось разрушить лишь политические связи с Великобританией; хоть мы и отвергаем британский чай, но по-прежнему потребляем ту пищу для умов, которую она нам поставляет». Десять лет спустя Маргарет Фуллер подметила, что Англия играет роль доминирующего культурного родителя, который оказывает «чрезмерное влияние» на свое американское дитя: «Мы пользуемся ее языком и вместе с потоком слов воспринимаем ее способ мышления; хотя, если разобраться, он является чуждым и губительным для нашей конституции». Действительно, трудно было отрицать засилье иноземной мысли: до конца 1830-х годов большая часть книг, печатавшихся в Америке, не принадлежала перу американских авторов. Однако в ближайшие двадцать лет ситуации предстояло коренным образом поменяться и вывести на ведущие позиции отечественных писателей.

Формирование новых стандартов в культуре

Этот переворот в значительной степени связан с творчеством такого литературного деятеля, как Ральф Уолдо Эмерсон. В 1837 году в своем обращении к гарвардскому обществу «Фи-Бета-Каппа» он объявил, что эпохе художественного уничтожения Америки пришел конец. «Мы слишком долго прислушивались к изящным речам европейских муз», – сетовал Эмерсон. «Дремлющий интеллект» Америки наконец-то воспрянет и «вознаградит долговременные ожидания всего мира чем-то большим, нежели демонстрация механических чудес». Он уверял, что «время нашей зависимости, нашего затянувшегося ученичества на чужеземных образцах близится к концу».

Речь Эмерсона под названием «Американский ученый» стала своеобразной декларацией культурной независимости. В ней он провозгласил готовность американской нации освободиться от творческого и художественного засилья Европы и установить новый культурный порядок – в духе того политического эксперимента, который полным ходом шел в стране. Прозвучал призыв изобрести то, что историк Ларзер Зифф назвал «особым методом изображения действительности». Американским мыслителям и мечтателям предстояло создать уникальную, демократическую перспективу человеческого видения, которая бы соответствовала исконно американскому способу правления. По словам историка Джозефа Дж. Эллиса, Эмерсон и другие ожидали, что «Америка станет не только политической, но и культурной столицей мира».

Это был грандиозный проект. Национальный художественный пантеон еще ждал своих героев; республика по-прежнему оставалась во власти европейских вкусов. Похоже, Соединенным Штатам попросту не хватало собственного художественного материала, чтобы конкурировать с богатейшим европейским наследием. И то сказать, Америка была юна и наивна, в ее арсенале еще отсутствовали памятники и легенды, мифы и тайны. Как заметил в 1828 году Джеймс Фенимор Купер, «у нас нет ни хроник для историков; ни глупостей (за исключением совсем уж заурядных и избитых) для сатириков; ни сложившихся нравов для драматурга; ни туманных вымыслов для романистов; ни грубых и тяжелых проступков против приличий для моралистов; ни даже богатого поэтического языка». Америка была слишком неопытной, слишком простой, слишком очевидной и безыскусной, чтобы конкурировать с Европой в традиционных стандартах культурных достижений – если, конечно, сами эти стандарты не являются полной чепухой. Ведь с некоторых пор европейские политические нормы ничего не значили по эту сторону Атлантики, с какой же стати ожидать особого смысла от культурных норм? Действительно, раз уж американцы перевернули с ног на голову всю традиционную систему политического мышления, почему бы не проделать то же самое с системой культурных ценностей?

Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882)

Активисты культурной революции видели несколько причин для того, чтобы отбросить почтенные нормы прошлых времен и вплотную заняться реализацией республиканских идеалов. Во-первых, доказывали они, фактор обретенной свободы меняет все правила в культурном уравнении. Созидательная экспрессия в республиканской Америке коренным образом отличается от той, что присуща аристократическим, монархическим, деспотическим нациям, о которых поэт Уильям Каллен Брайант писал, что там «законы сковывают людей с ног до головы», «сужают и ограничивают интеллектуальные способности». Здесь же – благодаря освобождению политического поведения наряду с творческим потенциалом – разум остается открытым для новых веяний. Поскольку человеческая способность к обучению и самоусовершенствованию не имеет границ, американцам под силу создать такое, что и не снилось остальному человечеству. Искусство опирается на все общество, а не только на привилегированную элиту. То есть культура отражает всеобъемлющую, наполненную гражданским долгом энергию народных масс, а не развращенные, эгоистические страсти небольшой прослойки. Драматург Уильям Данлэп в середине 1790-х годов доказывал, что свободное государство для всех открывает дорогу к знаниям и дает возможность для самовыражения; это обеспечивает процветание культуры. Даже великий скептик Герман Мелвилл признавал в 1850 году, что американцы «обязаны нести республиканскую прогрессивность не только в жизнь, но и в литературу».

Вторая причина заключалась в осознании непреложности того факта, что Соединенным Штатам якобы суждено проявить художественное величие. Это было связано с небезызвестной теорией XVIII века,

утверждавшей, что «культура» как таковая не является застывшей, привязанной к определенным географическим координатам. Напротив, она мобильна и имеет тенденцию перемещаться в западном направлении. Культурный расцвет Древней Греции перешел в Римскую империю; следующая остановка была в Западной Европе; теперь настало время, когда культурное превосходство по наследству перейдет к Америке. Перемещение культуры повторяет движение солнца на небосклоне. Америка долго пребывала в культурных потемках, однако в ближайшем будущем свет созидательного разума воссияет на ее берегах. Поэт Филип (Морин) Френо предсказывал в 1785 году:

Под лозунгом свободы
Сплотятся все народы
Когда-нибудь!..
Сей пламень благородный
Проложит путь.

Пересечет он берег
Двух молодых Америк,
Зажжет сердца!..[\[12\]](#)

А пятьдесят лет спустя с таким же самоуверенным прогнозом выступил Эмерсон: «Кто же усомнится в том, что поэзия воскреснет и поведет нас в новую эпоху, подобно звезде в созвездии Лиры. что в один прекрасный день она воссияет путеводной звездой на тысячелетие?»

Третья причина, оправдывающая вызов культурным ценностям Старого Света, касалась творческих возможностей Америки. Соединенным Штатам как молодому государству не доставало памятников древности, высокой культуры, роскоши и

рафинированности – словом, всего того, что составляет суть традиционного культурного наследия. Зато здесь в изобилии присутствовал грубый, свежий, самобытный материал. Эта особенность делала Америку идеальной средой для культивации обновленного разума и духа. Перед вами расстилался открытый мир в своем безмерном, первозданном виде. Художник жил полнокровной, естественной жизнью, набираясь собственных впечатлений, познавая окружающий мир напрямую, а не через фильтры чужих взглядов и предрассудков. Культура, обретя новый дом в Американской республике, неминуемо обратится к новым темам и предметам, которые здесь (в отличие от Европы) сыщутся в изобилии. Американскому художнику предстоит работать с неисследованным материалом, который он найдет в природных (а не в цивилизованных), в новых (а не в древних), в обычных (а не в исключительных), в первичных (а не в производных) материях. Американская реальность может стать прекрасным тонизирующим средством для художественного таланта. Повседневная жизнь будет тем фундаментом, на котором вырастет новая культура.

Эмерсон стремился «не к великому, отдаленному, романтическому, которое можно найти в Италии или Аравии». Он писал: «Я приемлю обыденное, я исследую и стою у подножия приземленного и обычного». Для художника новой нации «то, что близко, не менее прекрасно и удивительно, чем то, что вдали». Со времен принятия конституции и до самой гражданской войны десятки писателей и художников декларировали «ценность простых вещей» и, опираясь на исконные, естественные источники, пытались выработать собственный, истинно американский способ творческого самовыражения.

Литература

Однако разные авторы демонстрировали различный подход к этому местному, обыденному материалу. Группа из девяти писателей, выпускников Йельского университета, назвавшихся «Хартфордскими» или «Коннектикутскими острословами», воспевали красоту и величие повседневности и политические достижения республиканской жизни. К примеру, Джоэл Барлоу сочинил ироикомическую поэму «Скорый пудинг», в которой превозносил достоинства этого народного блюда из кукурузы. По мнению автора, «простота в диете» относится к числу наиглавнейших достоинств. Он полагал, что американцы одержали великую победу над пороком и разложением и сделали это благодаря тому, что искоренили бесконечные споры реакционных оппозиционеров и отринули барские замашки в еде. Уж кто-кто, а патриоты республики знают: вы представляете собой то, что вы едите.

В своей комедии «Противоположности» (1787) драматург Ройал Тайлер также обращался к отечественной тематике. Как истый патриот он отвергал всякую «иностранину»: «С какой нам стати думать о чужом / Когда прекраснее всего наш отчий дом?» Сюжет пьесы строится вокруг романтической борьбы за руку и сердце прекрасной барышни. Противниками являются напыщенный, претенциозный британец Димпл и добродетельный американец полковник Мэнли, которому помогает простоватый, но энергичный и преданный слуга Джонатан. Разворачивая перед зрителем череду глупых поступков Димпла, автор утверждал превосходство американской простоты перед европейской помпезностью. Как и следовало ожидать, любовь делает свой выбор в пользу

отечественного претендента, и это должно было символизировать победу здорового американского начала над оставшейся во вчерашнем дне Европой.

Драматург Уильям Данлэп обращался к эпизоду революционной поры, чтобы выстроить конфликт более сложного порядка. В своей пьесе «Андре», написанной в 1798 году, он воссоздавал историю британского офицера майора Джона Андре, который во время Войны за независимость был признан иностранным шпионом и приговорен к смертной казни. Автор не пошел по привычному пути противопоставления «благородного янки» и «развращенного монархиста». Вместо того Данлэп нарисовал образ благородного героя, преданного своей родине и пошедшего ради нее на ужасное преступление. В пьесе поднимается немаловажная проблема, актуальная для всех времен: автор пытается разобраться, как соотносятся высокие революционные принципы с неизбежными зверствами военной поры.

В отличие от своих коллег по перу Ной Уэбстер больше интересовался культурологическим аспектом революции: это великое событие он использовал как способ исправить не только политические, но и лингвистические ошибки Британии. Народ, который избавился от политической власти короля, не должен пользоваться языком короля. И то и другое устарело и прогнило до корней, а потому является неприемлемым для американцев. Если уж они отвергли юридический и политический кодекс привилегированной заморской элиты, то с какой стати сохранять правила правописания и пунктуации, созданные все тем же избранным меньшинством? В языке, как и в политике, должен доминировать глас народа. И Уэбстер установил новые стандарты произношения и написания, основанные на речи американской нации. Они представлены в двух фундаментальных трудах

Уэбстера – «Американском справочнике по правописанию» и «Американском словаре английского языка».

По иронии судьбы первые американцы, избравшие карьеру профессиональных литераторов, питали смешанные чувства в отношении независимой американской литературы. Так, Вашингтон Ирвинг чувствовал, что прелестные пейзажи не могут служить полноценной заменой «призрачному величию прошлого». Его знаменитая «Книга эскизов», написанная в 1819–1820 годы, в значительной степени основывается на европейских мотивах. Два рассказа, вошедшие в этот сборник – «Рип Ван Винкль» и «Легенда Сонной Лощины» в одночасье принесли автору всемирную известность. Хотя в основе их лежит немецкая легенда, все же оба произведения, безусловно, отражают американскую действительность: тут мы находим и узнаваемые окрестности гор Кэтскилл, и тему быстрых изменений в Соединенных Штатах.

Джеймс Фенимор Купер также рассматривал Европу как многоопытного проводника в мир литературного величия, но при этом предпочитал обеими ногами стоять на родной американской почве. Вполне оправданная позиция: результатом ее стала серия из пяти романов под общим названием «Романы о Кожаном Чулке», которая по праву считается величайшим литературным достижением того периода. Все эти романы – «Пионер», «Последний из могикан», «Зверобой, или Первая тропа войны» и другие – посвящены жизни американского фронта, теме, на долгие годы ставшей мифом американской культуры. Главный персонаж романов, Натти (Натаниэль) Бампо – загадочная рельефная фигура, которая всплывает как бы из ниоткуда. Он появляется в новых краях без семьи, без связей в обществе. Это герой-одиночка, всему

выучившийся сам и во всем полагающийся на самого себя. Основной темой романов Купера является конфликт между природой и человеческой культурой. Бампо живет на границе этих двух сред. Как колонист он принимает деятельное участие в создании новых поселений, но не желает становиться их принадлежностью. Его история – это извечная история борьбы цивилизованного общества (с его установлениями и порядками) с анархической свободой первозданной дикости природы.

Той же темой, но в более широком, философском смысле, заинтересовались некоторые авторы-эссеисты из Новой Англии, известные под общим названием «трансценденталистов». Пик их деятельности пришелся на 1833-1850-е годы, но даже и тогда они представляли собой небольшую, слабо организованную группу. Трансценденталисты призывали своих читателей заглянуть за установленные границы существования, встав на позиции «расширенного взгляда» на человеческие возможности. Фактически их послание соотечественникам вполне укладывалось в рамки проекта культурной реформы: следует отказаться от ошибочной по своей сути системы традиционных взглядов и искусственных ограничений, восстановить «истинную связь с вселенной» и довериться природной способности человека постигать истину и смысл бытия.

Эмерсон, один из идеологов этого движения, осуждал тех, кто живет чужим умом, подчиняясь больше правилам и стереотипам, нежели собственным принципам. Он верил, что истина постигается благодаря «присущей разуму интуиции, а не внешним установлениям». Подлинная жизнь открывается «новым землям, новым людям, новым мыслям» и включает в себя «наш труд, законы и религию». Только те индивиды, которые осознали свою истинную сущность и гармоничный ход развития природы, способны

наилучшим образом воспринять наивысшие истины и сообразно им избрать путь в жизни.

Генри Дэвид Торо вполне разделял ненависть Эмерсона к тем оковам, которые пресловутые традиции налагают на человека, порождая «жизнь тихого отчаяния». Однако он считал, что для формирования «нового взгляда» на мир одних только абстрактных размышлений мало. Гораздо больше пользы человеку дают те сенсорные перегрузки, которые возникают при погружении в экстремальные условия «примитивной» жизни в условиях дикой природы. Чудак Торо и сам не гнушался поверить на практике свои теории. Неоднократно его заставляли то сидящим где-нибудь на болоте (прислушиваясь к крику гагары, он пожирал мясо лесного сурка), то карабкающимся на крутую гору. В книге «Уолден» Торо подробно описал свой самый знаменитый эксперимент – «жизнь в лесах», как он сам его определил. Этот проект начался 4 июля 1845 года в окрестностях города Конкорд, штат Массачусетс, и стал важным этапом в жизни Торо. По его словам, исследуя «истинные потребности своего организма и наилучшие пути их удовлетворения», он пытался «жить обдуманно и осторожно. вступать в противоборство лишь в особенных, крайних обстоятельствах, да к тому же и стараться, по возможности, извлекать из этих обстоятельств полезные уроки». Его стремление, так сказать, вернуться к корням выросло из убеждения, что «никогда не поздно отринуть бывшие предубеждения. Никакой образ мыслей или действий – сколь бы древним и уважаемым он ни казался – не должен приниматься на веру бездоказательно».

Руководствуясь этим призывом Торо, одна из дам-трансценденталисток решила бросить вызов старейшему предрассудку, касающемуся положения женщин в американском обществе. В своей работе «Женщина в XIX столетии» (1845) Маргарет Фуллер

сделала попытку приложить принцип целостности и саморазвития личности к животрепещущему вопросу пола. Она доказывала, что «рабство привычки» мешает женщине проявиться как личности во всей полноте, ограничивая рамки ее существования такой малозначащей (с общественной точки зрения) областью как домашнее хозяйство и воспитание детей. А ведь подобная дискриминация, утверждала Фуллер, не предусмотрена природой. Изначально мужчина и женщина созданы равными – это две равноценные половинки единого целого. Когда эти две силы придут в равновесие, когда «искусственно воздвигнутые (перед женщиной) барьеры» рухнут – вот тогда «божественная энергия изольется в окружающий мир и напитает его до невиданной прежде степени». Несмотря на высоко одухотворенную позицию в этом споре, Фуллер сумела твердо сформулировать, по крайней мере, одно немаловажное требование: женщины должны обрести свободу в качестве их «признанного *права*, а не подачки от сильного пола».

Среди родоначальников американской поэзии особое внимание привлекают четверо – все яркие личности, весьма различные по своим жизненным обстоятельствам и творческим устремлениям. Одна из них – Филлис Уитли родилась в Африке в 1753 году, в семилетнем возрасте стала рабыней и в таковом качестве попала в Америку. Ее приобрела зажиточная семья бостонского негоданта, которая на протяжении двух десятилетий воспитывала чернокожую рабыню вместе со своей дочерью, дала ей христианское воспитание и образование. В 1773 году в Англии вышел в печать первый поэтический сборник Уитли под названием «Стихотворения на религиозные и моральные темы». Эта книга стала первым опубликованным трудом американцев африканского происхождения. Стихи Уитли, написанные под влиянием

Дж. Мильтона и Александра Поупа, имеют по большей части религиозное содержание. Однако чернокожая поэтесса не могла обойти вниманием бедственное положение своих собратьев в Соединенных Штатах. В стихотворении «О моем переезде из Африки в Америку» Уитли с горечью сетует, что «многие американцы пренебрежительно относятся к черной расе», и завершает стих такими словами:

Те, кто на нас с презрением глядят,
Мол, породил их, чернокожих, ад,
Пусть помнят: самый черный человек
Христом быть может убелен, как снег.

По мнению Уитли, «Господь Бог в каждое человеческое существо вложил чувство, которое мы называем любовью к свободе; оно несовместимо с угнетением и страстно взыщет избавления».

В отличие от христианской и социальной тематики Уитли стихи Уильяма Каллена Брайанта в основном посвящены природным красотам Америки. Он призывал поэтов-соотечественников отказаться от «болезненной и пагубной имитации» английской поэзии и открыть для себя «богатое и обширное поле» литературных источников, которое расстилается непосредственно перед ними. В их родной стране имеются «элементы красоты и величия», способные стать для художника источником художественных образов (ничуть не хуже европейских) и глубоких духовных озарений (какие не сыщутся и в ученых трактатах). Именно этот «дикий облик» Америки обуславливает ее особый вклад в мировую культуру.

Эмили Дикинсон в возрасте 17 лет

Совсем иная поэтическая манера Эмили Дикинсон – спокойная, изящная, немногословная – выработалась в результате ее долгих одиноких размышлений в стенах родного дома. «Я вижу все по-новоанглийски», – писала она о своих стихах, и мы действительно находим в них изображение окрестностей маленького городка Амхерст (штат Массачусетс), где Эмили провела всю жизнь, и отголоски тех событий и переживаний, которые разворачивались в этих непритязательных декорациях. Именно здесь, в маленьком провинциальном мирке, Дикинсон формировала и оттачивала «скромный взгляд» на жизнь, который затем излился в лаконичных, эллиптических строках. «Сказать всю правду, но не прямо, – писала Дикинсон. – Успех в окружности лежит». За скупыми, отточенными словами, подчас исполненными подлинной боли, скрывается внимательный, сосредоточенный взгляд поэтессы, направленный не на бескрайние просторы окружающего мира, а в укромные уголки души, исполненные тайн и неосуществленных желаний.

Не видим мы ее границ —
Лишь крышку из стекла.
Ты хочешь в Бездну заглянуть?

Здесь – рядом – залегла.^[13]

Прямой противоположностью тихому самоуглубленному творчеству Дикинсон являются яростные, неистовые стихи Уолта Уитмена. Вот уж кто не был склонен к созданию небольших произведений камерного содержания. Для самовыражения он использовал тот опыт, который приобрел во внешнем мире, и именно этими переживаниями заполнены страницы его произведений. Буквально все в его стихах – и содержание, и стиль, и техника письма – пропитано фанатичной любовью к республике и желанием выразить «страстное и ревностное ощущение американских норм жизни», ее особенности по сравнению с европейскими традициями. Произведения Уитмена перенасыщены образами родной страны, они едва ли не трещат по швам от деталей повседневной жизни. Такое впечатление, будто он не стихи пишет, а составляет каталоги американской культуры и ее элементов. В своем стремлении ухватить характерные местные ритмы и звучания поэт увлеченно экспериментирует с языком. Перечтите его «Песнь о самом себе», и вы буквально утонете в изобилии фактов и подробностей, которые автор наблюдает вокруг и пересказывает читателю. Этакое море разношерстной, практически не связанной между собой информации. Однако в стихотворениях «На Бруклинском пароме» и «Путешествие в Индию» Уитмен высказывал предположение, что существует некий всеобъемлющий, связующий воедино порядок, которому подчиняется «многолюдная нация наций».

Впрочем, в числе американской пишущей братии находились и авторы, не разделявшие восторженного подхода таких энтузиастов республики, как Эмерсон, Уитмен и другие. В своих произведениях они отражали

жизнь куда более осторожно, неоднозначно и даже с долей осуждения. Их очень тревожила существовавшая тенденция видеть все в розовых очках и закрывать глаза на существующие болезни общества – это свидетельствовало в лучшем случае об иллюзорности восприятия, а в худшем – о полной безответственности. Одним из таких писателей был Натаниэль Готорн, который, по словам Генри Джеймса, нес «тяжелое моральное бремя» новоанглийского пуританства в американскую литературу XIX века. Две важные темы так или иначе присутствуют во всех его произведениях: во-первых, тема неизбежного зла, которое гнездится в глубине человеческой души; а во-вторых, необходимость сочувствия и понимания между людьми, вынужденными жить в тяжелых условиях. В таких романах, как «Алая буква», Готорн исследует проблемы тех, кто становится жертвой кипящих в обществе страстей – эгоизма, идеализма, самодовольства, подозрительности и чувства вины.

«Великая правда о Натаниэле Готорне», писал Герман Мелвилл, заключается в том, что этот человек не боится «сказать НЕТ! в то время, когда гремит гром». Мелвилл и сам был из той же породы: не боясь ни грома, ни молнии, он говорил, писал, буквально исторгал всеми порами своей души громкое «НЕТ»! В своих произведениях, насыщенных приключениями, множеством символов и метафизическими размышлениями, он спорил с теми, кто благодушно закрывал глаза на темные стороны жизни, кто наивно упивался личной свободой и самонадеянно полагал, что достиг желанного единения с миром и вселенной. Нет, конечно, в чем-то эти люди правы, считал Мелвилл, но «существует некий фактор, который лишает их правоту всякого смысла, а именно: людям свойственно возводить в абсолют свои кратковременные чувства и мнения». Куда разумнее, полагал Мелвилл – и

высказывал устами таких героев, как Измаил в «Моби Дике», – постоянно помнить о тех рамках, которыми судьба ограничивает нашу свободу.

А Эдгара Аллана По больше занимал другой вопрос – о границах человеческого разума, затерянного в многочисленных слоях реальности. Обычно люди, указывал По, приобретают знания через обращение к внешнему миру с его общественными законами и традициями. Беда в том, что американцам как раз этого и не хватает – обычаев и традиций. Поэтому они вынуждены искать ответы на вопросы не вовне, а внутри себя, исследуя самые темные уголки человеческой души. Произведения По в некотором смысле являются психологическим эквивалентом американского Дикого Запада. Они уводят читателя в «дикие уголки, где еще не ступала нога человеческая», где центральное место, по словам одного из его персонажей, занимают «дикие идеи о стране грез». Эдгара Аллана По можно по праву назвать исследователем «девственной» территории человеческой психики.

Живопись

В своем творчестве американские живописцы также отдавали предпочтение сугубо национальным темам и предметам изображения. Одни из них черпали вдохновение в сценах республиканской жизни, других воодушевляли американские пейзажи.

Несмотря на увлечение отечественной тематикой, и портретисты, и авторы исторических полотен в равной степени признавали авторитет европейской школы живописи. Один из выдающихся американских мастеров, Бенджамин Уэст, в 1760-х годах покинул родную Филадельфию и отправился в Европу совершенствовать мастерство – домой он так и не вернулся. Другие художники, такие как Джон Синглтон Копли, Гилберт Стюарт и Чарльз Уилсон Пил, тоже посещали Британию – так сказать,плыли на Восток, чтобы познать Запад. Активно эксплуатируя тему «янки», они составили первую официально признанную группу американских художников, известных под названием «Лондонской школы».

Их работы характеризовали такие черты, как торжественность, достоинство и монументальность. Неоклассические полотна Уэста «Смерть генерала Вольфа» (1770) и «Договор Уильяма Пенна с индейцами» (1771) воссоздают историю колониального периода. Кисти Копли принадлежит целая серия великолепных портретов и пейзажей: от углубленного в созерцание «Мальчика с белкой» (1765) до величественного, горделивого «Сэмюела Адамса» (1772) и яростного «Брука Уотсона и акулы» (1778). Джон Трамбалл посвятил ряд работ Войне за независимость, среди них следует отметить «Сражение при Банкерс-Хилл» (1786). Позже по поручению

Конгресса он украсил стены ротонды Капитолия в Вашингтоне (округ Колумбия) четырьмя фресками на революционные сюжеты. И хотя эти работы широко известны в Соединенных Штатах, они все же уступают другой гордости Капитолия – многочисленным портретам Джорджа Вашингтона кисти Гилберта Стюарта. Наибольшую известность получил «Портрет Джорджа Вашингтона в Атенеуме» (1796). Этот портрет, хоть и незаконченный, стал моделью для изображения Вашингтона на долларовой купюре, которую миллионы американцев ежедневно держат в руках.

Чарльз Уилсон Пил проходил стажировку в лондонской студии Уэста, однако верность высоким идеалам заставила его вернуться домой, чтобы талантом служить родной стране. Вера в возвышающую силу искусства сочеталась у Пила с деловой жилкой, недаром Джозеф Дж. Эллис охарактеризовал его как «художника-предпринимателя». Пил приветствовал революцию и верно служил ей, используя свои картины в качестве политического оружия в борьбе за свободу. Все сложилось как нельзя удачнее для художника: Война за независимость фактически предопределила его творчество, она наполнила содержанием его работы и к тому же обеспечила устойчивый спрос на них. Все эти факторы объединились в понятии «публичного искусства», которое, по мнению Пила, являлось наиболее подходящей формой культурного выражения в условиях республиканского строя.

Среди американских художников были и те, которые величественным героическим сюжетам предпочитали сценки из повседневной жизни, пусть не столь монументальные, но близкие и понятные. Следуя призыву Эмерсона ценить и воспевать «повседневность», такие живописцы, как Уильям Сидни Маунт, Ричард Катон Вудвилл и Джордж Калед Бинэм,

избрали своей темой жанровые картины из жизни различных народностей и социальных групп Америки. Ряд работ Маунта – например, «Покупка лошади» (1836) и «Ловля угрей в Сетаукете» (1845) – посвящен трудовым будням жителей Род-Айленда. В своем полотне «Политика в Ойстер-баре» (1848) Вудвилл изобразил оживленные политические дебаты, которыми в то время жила вся Америка. На картине мы видим разносчика газет, выступающего перед занятыми обедом мужчинами – по сравнению с энергичным оратором они выглядят усталыми и угнетенными. Бинэм сделал своей темой жизнь американского приграничья: можно вспомнить спокойное и чистое по своей палитре полотно «Торговцы пушниной на Миссури» (1844), «Веселых лодочников» (1846) и картину «Вердикт народа» (1855), изображающую кипение страстей в день выборов.

В своем творчестве Маунт, Вудвилл и Бинэм взяли за образец голландскую жанровую живопись. Вместо того чтобы восславлять героические деяния эпохи с ее беспокойными страстями и могущественными символами, они сосредоточились на изображении повседневной жизни, уделяя большое внимание таким элементам, как линия, цвет, свет и тщательно прописанные детали композиции. Этим художникам принадлежит ряд симпатичных пасторальных полотен с неизменным включением народных персонажей, где вся атмосфера дышит миром и дружелюбием. Они создали, скорее, обобщенный портрет американского народа, а не отдельных его представителей. Их работы передают взаимоотношения внутри республиканского сообщества в рамках коллективного, а не индивидуального существования.

Пока одни художники в попытке передать самую суть, так сказать, квинтэссенцию Америки изображали славные деяния прошлого или рядовые события

настоящего, нашлись и те, кто обратил внимание непосредственно на землю, где разворачивались все эти события. И вправду, можно ли сыскать более характерный, более американский объект для изображения, нежели сама американская земля? Богатство, разнообразие и одухотворенность родной природы выглядели идеальным материалом для республиканских художников.

Вне зависимости от того, что именно изображали пейзажисты – погруженную в раздумья лесную чащу, мирные речные берега или ухоженные сельские уголья, – природа в их работах всегда служила не просто привычным фоном, а активной созидательной силой, животворным источником республиканской жизни и одновременно характернейшим выражением ее творческого начала. В то время как Европа, по словам художника Томаса Коула, успела лишиться «элементарных деталей любого пейзажа», природа в Америке все еще доминировала. Новые, нетронутые – и в экономическом, и в культурном плане – земли открывали широкий простор для творческой фантазии художников. Однако, предупреждал Коул, надо спешить, чтобы ухватить (и запечатлеть) этот драгоценный момент, покуда природа не утратила своей девственной чистоты.

Коул – родившийся в Британии, но выросший уже в Новом Свете – являлся, пожалуй, самым знаменитым американским пейзажистом. Какое-то время он жил в приграничной зоне Огайо, но затем познакомился с горными районами Кэтскилл и Адирондака и навсегда влюбился в них. Именно крутые вершины и тенистые долины этой местности изображены на картинах художников из «школы реки Гудзон», которая возникла в 1820-х годах при активном участии Томаса Коула. Себя самого Коул рассматривал как пионера в области культуры. Он стал первопроходцем, отправившимся на

исследование лесных просторов северо-востока. Это предприятие художник окрестил «рискованным и трудным путешествием», во время которого он открыл для себя «величие непокоренной дикой природы». Коула можно считать первооткрывателем не только в географическом, но и в творческом отношении, ибо он одним из первых совершил эстетический прорыв и на примере собственных пейзажей доказал, что американская природа таит в себе множество достойных тем для художника. Он наблюдал «чистые, девственные воды, которых никогда еще не касался взгляд рисовальщика, а также суровые горные пики, которые и не снились Клоду или Сальвадору». Как писал Коул в 1835 году, «американская природа нова для искусства, она не избита и не измусолена кистями художников.». В картине «Вид с горы Холиоук» (1836) – другое ее название «Заводь» – художник визуализирует контраст между дикой природой и цивилизацией. Плоскость картины как бы делится надвое; ее «западная» половина изображает суровый утес, заросший непролазной чащей и окутанный грозowymi облаками, в то время как в «восточной» части картины нашим глазам предстает залитый солнцем мирный сельский пейзаж. Себя самого живописец помещает на переднем плане: притаившись с мольбертом меж деревьев, он смотрит на желтеющие вдали поля. Томас Коул стал своеобразным Натти Бампо в мире изобразительного искусства – пионером, наблюдающим фронт, до которого еще не добралась цивилизация.

С точки зрения Эшера Дюрана, пейзаж вообще чрезвычайно полезен. С одной стороны, он является замечательным объектом для состоявшихся художников, а с другой – обеспечивает великолепную тренировку для начинающих. Искусство старых мастеров, на изучении которого настаивают в консервативных академиях, мало поможет в

приобретении художественной сноровки, считал Дюран. «Отправляйтесь сначала к Природе и поучитесь писать пейзажи, – советовал он. – Только после того, как научитесь подражать ей, вы можете обращаться к работам великих мастеров с пользой для себя». В своей картине «Родственные души» (1848) Дюран воздал должное своим учителям и кумирам: мы видим Томаса Коула и Уильяма Каллена Брайанта на каменистом утесе в долине реки Гудзон. Они любуются великолепными видами, которые открыли всему миру в своих картинах и рисунках.

Пейзажи Дюрана – мягкие и спокойные – представляют одно направление американской ландшафтной живописи. Другие художники предпочитали яркие и величественные картины, демонстрирующие гигантские масштабы пространства и порождающие благоговение перед первобытной красотой и мощью неисследованной земли. «Школа Скалистых гор» привнесла в американское искусство необъятность Дикого Запада, подарив ряд огромных полотен, насыщенных деталями дикой природы и драматическими перспективами. Монументальная картина Альберта Бирштадта «Скалистые горы» (1863) – ее размеры 6 x 10 футов – изображает величественную родину американских индейцев; а полотно «Через прерии» (1867) размерами 5 x 9 футов показывает наступление белых переселенцев на исконные индейские земли. Очень сильное впечатление производит полотно Томаса Морана «Гранд-Каньон Йеллоустона» (1893–1901) размерами 8 x 14 футов. Картина представляет собой гимн первобытной физической энергии, заключенной в дикой природе. Горизонтально вытянутое полотно Фредерика Эдвина Черча под названием «Ниагарский водопад» (1857), вдвое меньшего размера, чем работы Морана, тем не менее передает драматизм этого водного чуда. Его же

картина «Сердце Анд» (1859) знакомит зрителя с экзотикой дикой природы Южной Америки.

По контрасту с возвышенными и глубокими пейзажами этих авторов работы «луминистов» уделяют основное внимание филигранной игре света на естественных деталях пейзажа. Примером могут служить такие полотна, как «Корабли, застрявшие во льдах возле Десятифунтового острова, Глостер» (1850-1860) Фицхью Лейна, «Парадайз Рок, Ньюпорт» (1865) Джона Фредерика Кенсетта и «Приближение шторма» (1859) Мартина Дж. Хида: все они изображают обычные сцены, но используют при этом необычное, драматическое освещение – свет восходящего или заходящего солнца, свет при шторме. Характерной особенностью всех работ является точность линий, чистота атмосферы и дремотная, зловещая неподвижность. Луминисты – несмотря на их особый взгляд на американскую природу – были не единственными, кто считал, будто на Америку изливается необычный свет.

Религия

Разнообразные религиозные движения, возникшие в XIX веке, свидетельствовали об успехах Америки не только в области творческой фантазии, но и на ниве духовного возрождения. Нация, которая перевернула ход мировой истории, претендовала на особую роль в деле спасения души. Соединенные Штаты были не просто республиканским государством, но и нацией избавителей.

В послереволюционный период американцы стали более «религиозными», по крайней мере если судить по количеству паствы различных церквей. Само поколение революционеров больше заботилось о соблюдении политических принципов, чем о преданности какой-либо религии. В 1776 году только 17 % населения принадлежали к определенному вероисповеданию. К 1850 году эта цифра удвоилась, достигнув 34 %, и продолжала устойчиво расти в течение последующих десятилетий. Наибольший прирост наблюдался в рядах баптистской и методистской церквей, которые в 1830 году стали самыми многочисленными конфессиями.

И все это происходило, несмотря на постепенный, но неуклонный процесс отделения всех церквей от государства. Хотя Первая поправка к конституции и запрещала отдавать предпочтение какой-либо религии и устанавливать ее в качестве государственной, но сам запрет был прописан лишь для федеральной легислатуры, а к законодателям штатов не относился. Еще до 1776 года девять из тринадцати штатов воспользовались этой лазейкой и «установили» у себя церкви, которые пользовались государственной поддержкой и общественными фондами. В дальнейшем штаты начали медленно отходить от подобной

практики: они лишали религиозные организации поддержки и вносили изменения в конституции, облегчающие функционирование многих церквей в пределах одного штата. Все это свидетельствовало о более терпимом отношении к различным группам населения. Труднее всего данный процесс проходил в Новой Англии. Известно, что общественные организации Массачусетса до 1833 года продолжали оказывать церкви денежную помощь.

Однако, даже лишившись законодательной и финансовой поддержки штатов, церкви продолжали процветать в десятилетия, последовавшие за революцией. В основе республиканского религиозного обновления, получившего название «Второе Великое Пробуждение», лежал сдвиг в теологическом мышлении. Идея возрождения, уже успевшая утвердиться в Европе, в 1790-х годах добралась и до Американской республики. Евангелическая лихорадка охватила все слои населения. К 1850 году, по словам историка Джорджа М. Марсдена, «буквально все Соединенные Штаты оказались внутри библейского пояса».

Основное послание, которое несли в мир евангелические протестанты, выглядело очень просто: спасение доступно каждому. А посему позабудьте ортодоксальный тезис о греховности человека и ожидающих вечных муках. Отвернитесь от старых церквей с их отжившими обрядами, оторванными от народа священниками и богословскими ошибками. У евангелистов для вас хорошая новость: грех вовсе не является обязательным уделом человека, оказывается, это дело вашего выбора. Любой может выбирать между злом и Божьей благодатью. Люди могут достичь совершенства и стать «посвященными» уже в этой жизни. «Заново родившиеся» не только обретут счастье для себя, но и понесут его другим, способствуя

единству, прогрессу и духовному подъему – как в своей душе, так и в окружающем обществе. Сердца адептов новой веры наполнились надеждой: они верили, что долгожданное тысячелетнее царство добра и счастья может наступить в любой момент, и готовились ко второму пришествию Спасителя.

Проповедники-евангелисты призывали народ пересмотреть веру, впредь полагаться не на слова ханжей-священников, а на собственные сердца. Пусть каждый мобилизует свои духовные ресурсы и самолично несет слово Божие в мир. Таким образом, Второе Великое Пробуждение означало не только возрождение, но и демократизацию христианства. В результате христианство в Америке приобрело своеобразную окраску, которая, по словам историка Натана О. Хатча, «отличала Соединенные Штаты от всех прочих индустриальных демократий». Эта перемена в религиозных верованиях американцев стала удачным дополнением к революционному перевороту, ранее совершенному в политике.

Большую часть апологетов новой евангелической веры составляли женщины. Они вносили экстатически радостное настроение в многочисленные религиозные собрания, которые нередко проходили под открытым небом. Вообще женщины играли важную роль в этом процессе утверждения евангелизма, они нередко занимали церковные посты и пользовались большим авторитетом. По всей стране они организовывали благотворительные общества и реформистские группы. Женщины, можно сказать, впервые обрели право голоса и стали претендовать на важные социальные роли. Труд вне домашнего очага обогатил женщин осознанием общей цели, что, несомненно, помогло им в борьбе за собственные права.

Американцы африканского происхождения также не остались в стороне от Пробуждения. К тому моменту в

среде чернокожих северян уже назревал протест против систематических унижений, с которыми им приходилось сталкиваться. Ведь по-прежнему религиозные организации принадлежали белым, и заправляли в них священники, поддерживавшие рабовладельцев. Американское общество строилось по принципу сегрегации: чернокожие не могли воспользоваться общественными службами для белых, в церкви им приходилось сидеть на специально отведенных местах; их дети посещали отдельные воскресные школы. В качестве ответной меры, наиболее продвинутые афроамериканцы – такие как Ричард Аллан, Авессалом Джонс и члены Свободного Африканского общества, – создавали независимые церкви для афроамериканцев и прочие общественные организации, игравшие руководящую и организующую роль в жизни черной общины. Второе Великое Пробуждение в значительной степени изменило жизнь чернокожих рабов в южных штатах. Впервые в американской истории сложилась такая ситуация, когда огромное число рабов обратилось к христианству. Как ни странно, в этой религии они разглядели призыв к неповиновению белым хозяевам с последующим освобождением и уравниванием общественного статуса.

*Ричард Аллен, основатель и первый епископ
Африканской методистской епископальной церкви*

Помимо Африканской методистской епископальной церкви Второе Великое Пробуждение способствовало возникновению и других религиозных движений – таких как адвентисты, мормоны, «Христианская наука» и многочисленные объединения «фундаменталистов», «примитивистов» и «спиритуалистов». Нация становилась все более разнообразной в религиозном отношении по мере того, как пожар возрождения охватывал всю Америку.

И все эти религии, возникшие в послереволюционную эпоху – наряду с прочими формами культурного выражения, – придерживались убеждения, что Америке предстоит изменить человеческое сообщество. Проповедники постоянно рассуждали об особой роли, которую Бог уготовил американской нации ради духовного спасения мира. Недаром же само открытие Американского континента совпало по времени с протестантской Реформацией: по мере того как европейские церкви очищались от скверны, они получали возможность нести свое спасительное послание в новые земли. Там, вдали от прогнивших церковных традиций, в обществе, где религиозные убеждения не навязываются государством, а являются вопросом личного выбора каждого, – в этом обществе идея спасения человечества получит свое наиболее полное выражение и развитие. Она пришла на запад с востока, естественным образом сопровождая культурный и художественный расцвет, который (как было доказано) имеет тенденцию перемещаться в западном направлении. Америка облечена особой духовной миссией: ей назначено подарить всему человечеству не только свободу, но и спасение.

Выражением американского религиозного национализма стала церковь Святых последнего дня (или мормонская, как называли ее в народе), основанная Джозефом Смитом в 1830 году. По утверждению мормонов, в 1820-х годах молодого Смита посещали видения, в ходе которых ему было явлено откровение. Свои знания он изложил в так называемой «Книге Мормона», которая будто бы является переводом давно утраченной части Священного Писания, записанной на золотых пластинах. Америка на страницах «Книги» предстает совершенно особой страной, где некогда располагались райские кущи. Якобы в древности одно из колен израильтян приплыло в Америку и основало здесь свою колонию. Именно к ним явился Иисус Христос после своего воскрешения. Он передал сокровенные знания пророку Мормону, который и высек их на золотых скрижалях. «Книга Мормона» не только разоблачала «лживые» учения, но и претендовала на восстановление единственно верной церкви Христа. Последователи Смита верили: истинная вера восторжествует в этой «избранной земле» и приведет к установлению царства Божьего. Таким образом, мормонство стало не просто одной из американских религий, это было учение о самой Америке.

Подобная вера в правильность и непреложность «американского пути», в священную миссию Новой Республики вполне сочеталась с атмосферой триумфа и самоуверенности, которая царила в послереволюционной Америке. Писатели, художники, проповедники и просто верующие нисколько не сомневались, что обретенная независимость станет источником культурного и духовного возрождения для всего человечества. Их нации суждено изменить мир. Захочет ли остальной мир присоединиться к нарастающей волне американизма – вопрос уже

второстепенный. Но то, что сработало в Америке, просто обязано было сработать повсюду.

Правда, оставалось неясным, сумеют ли сами Соединенные Штаты справиться с поставленной задачей. Все-таки республиканская форма правления существовала на правах эксперимента. И иногда казалось, что все в этой лаборатории идет вкривь и вкось. Наряду с процессом объединения и национализации действовал ряд факторов, разъединявших и противопоставлявших различные группы населения. Именно эти факторы стали причиной трагических событий, развернувшихся в Америке XIX столетия.

Глава 7

Приближение бури, 1845-1861 годы

В 1805 году Джефферсон впервые заговорил об «империи свободы» с обширными землями, предназначенными для добродетельных фермеров-республиканцев. А в 1845 году журналист Джон О'Салливан написал «Манифест predetermined судьбы», в котором оправдывал захват новых территорий в интересах американского народа. Позже в 1840-х годах возникло движение «Молодая Америка»; его участники рассматривали Соединенные Штаты как модель нового мира, реформированного в соответствии с республиканскими идеями. И все эти горячие, честолюбивые планы основывались на тезисе о превосходстве Америки – культурном, социальном, политическом и расовом – и на осознанной (и predetermined свыше) необходимости национального роста.

Увы, бывает порой так, что мечты сбываются, но результаты больше смахивают на ночной кошмар. Во второй половине 1840-х годов территория республики и вправду стремительно расширялась, но вот сказать с определенностью, в чьих интересах (и к чьей пользе) это происходило, было весьма затруднительно. На протяжении пятнадцати лет нация пережила целый ряд кризисов (они следовали один за другим и год от года становились все более опасными), расколовших население страны на два враждебных лагеря и полностью парализовавших работу правительства. Причиной тому послужила проблема, которая вначале не вызывала особых опасений, но на поверку оказалась

практически неразрешимой. Формулировалась же она достаточно просто: усиление рабства в быстро растущей нации. Со временем светлые мечты о расширении государства обернулись катастрофическими потерями.

Спорный курс, который избрали Соединенные Штаты, в самом начале был отмечен безусловным триумфом на юго-западе. Но прошло совсем немного времени, и радостное приобретение – новая звездочка на государственном флаге – принесло новые, весьма болезненные шрамы на теле нации.

Мексиканская война

С 1824 года Мексика широко использовала американских иммигрантов в процессе освоения техасских земель. Молодая республика с готовностью участвовала в этом широкомасштабном проекте. В 1835 году в Техасе уже проживали 30 тыс. американцев (и их рабов), числом намного превосходя мексиканское население. Освоившись, американцы решили добиваться автономии. В 1836 году переселенцы объявили о независимости, и это стало началом войны с Мексикой. Вооруженный конфликт начался для мятежников неудачно: в марте 1836 года они потерпели сокрушительное поражение близ форта Аламо на реке Сан-Антонио. Но уже в апреле американские войска под командованием Сэма Хьюстона взяли реванш, разбив мексиканцев под Сан-Хасинто. Вскоре после того был заключен мирный договор (хотя мексиканское правительство и отказалось официально его ратифицировать), который даровал желанную независимость американским переселенцам. Техасцы стремились узаконить свое положение и войти в Соединенные Штаты в качестве одного из штатов. Но антирабовладельческая фракция Конгресса опасалась, что появление еще одного рабовладельческого штата нарушит внутригосударственный баланс в пользу Юга. Поэтому вопрос о присоединении Техаса откладывался почти на протяжении десяти лет. Лишь в 1845 году – после ряда маневров, предпринятых правящей демократической партией – Техас вошел наконец в состав США на правах рабовладельческого штата. Президент Джеймс К. Полк, ярый сторонник экспансионистской политики, был не прочь присоединить и другие территории. С этой целью он

направил своего эmissара в Мехико – узаконить свершившуюся аннексию и, возможно, договориться о покупке новых земель. Однако мексиканское правительство отказалось от предложения президента.

Потерпев неудачу в переговорах, Полк решил прибегнуть к силовому давлению. Генерал Закари Тейлор получил приказ пересечь реку Нуэсес, вторгнуться на спорную территорию и спровоцировать вооруженное столкновение с мексиканскими войсками, что и было исполнено незамедлительно. Полк обвинил соседей в нарушении государственной границы США, и в мае 1846 года Конгресс официально объявил войну Мексике. Далее события развивались с устрашающей быстротой. Войска генерала Тейлора форсировали реку Рио-Гранде и захватили город Матаморос. Вслед за этим они напали на Монтеррей и, продвинувшись на юг, разбили мексиканские силы под Буэна Вистой. В то же время полковник Стивен У. Кирни выступил со своим отрядом из Канзаса в направлении Санта-Фе и захватил часть территории Нью-Мексико. Затем войска Кирни проследовали до побережья, где объединились с Тихоокеанской эскадрой США и группой повстанцев под предводительством Джона Ч. Фремонта. К январю 1847 года им удалось захватить контроль над всей Калифорнией. В марте того же года войска генерала Уинфилда Скотта захватили Веракрус и направились на запад, в сторону Мехико. В сентябре 1847 года мексиканцы вынуждены были сдать свою столицу и подписать договор Гваделупа – Идальго. В начале 1848 года война завершилась.

В результате Соединенные Штаты получили доступ к огромным новым территориям. Заключенный договор подтвердил их притязания на тexasские земли и передал под американский контроль северные провинции Мексики (сюда целиком входили современные штаты Калифорния, Невада, Юта и

частично – Вайоминг, Аризона, Нью-Мексико, Колорадо, Оклахома и Канзас). Таким образом, «Мексиканская уступка» совокупно с присоединенным Техасом увеличила площадь США почти на миллион квадратных миль. Орегонская территория, полученная двумя годами ранее в результате договора с Британией, подарила еще 285 тыс. кв. миль. За три года – с 1845-го по 1848 год – Соединенные Штаты приобрели больше земель, чем за предыдущие 50 лет. Весьма впечатляющий результат, затмивший сделку с покупкой Луизианы. Присоединенные территории превышали первоначальную площадь тринадцати объединившихся штатов. Подобное приобретение означало «возникновение новой американской державы».

Многие американцы радостно приветствовали бурный рост государства, однако раздавались и недовольные голоса. К примеру, Эмерсон предсказывал победу Соединенных Штатов над Мексикой, но предупреждал, что американскому народу придется заплатить дорогую цену за эту победу. «...Как если бы человек проглотил дозу мышьяка, погибельную для его организма. Мексика отравит нас». В погоне за вожаемыми землями американцы уподобились средневековому алхимику, который вместо долгожданного «философского камня» изобрел смертоносный яд. По словам современного историка Уильяма Уисека, Соединенные Штаты стремились достичь внутреннего мира, решая спорный вопрос рабства через «секционные сделки» с четко очерченными границами. Первую такую попытку Конгресс сделал в 1820 году, приняв так называемый «Миссурийский компромисс». Этот документ запрещал рабство на всех территориях, образовавшихся в результате приобретения Луизианы к северу от воображаемой линии $36^{\circ} 30'$. Беда в том, что таким образом – просто проведя воображаемую линию в

пространстве – проблему рабства удавалось разрешить лишь в теории, поскольку само пространство оставалось прежним (по крайней мере, еще на протяжении четверти века). Если задаться вопросом, что помешало сработать старым испытанным рецептам и едва не разрушило национальный дом, ответ прозвучит несколько неожиданно: именно внезапный и стремительный рост государства. Как объясняет все тот же Уисек, «гражданская война почти наверняка не разразилась бы – уж во всяком случае этого не случилось бы в 1860 году, – обсуждайся вопрос о рабстве в условиях стабильной, сохраняющей прежние границы нации».

Так или иначе, в 1848 году республика, занимавшая практически целый континент и все еще помышлявшая о дальнейшем росте, вынуждена была задуматься: что же ей делать с этими новыми землями? Некоторые полагали достаточным запретить рабство на территории, приобретенной в результате «мексиканской уступки». Другие ратовали за «свободную землю» на всей площади Соединенных Штатов. Были и те, кто предлагал продлить «границу свободы», проходившую вдоль 36-й параллели, дальше на запад, до самого океана. Большинство южан настаивали на том, что граждане имеют право перевозить свою собственность (включая «живую собственность», т. е. рабов) в любую точку государства. Сторонники «народного суверенитета» считали, что вопрос рабства должен решаться не на федеральном уровне, а непосредственно в legislatures штатов. Существовала также небольшая группа радикальных аболиционистов, требовавших немедленной отмены рабства на всей территории Соединенных Штатов. В последующее десятилетие споры по этому животрепещущему вопросу становились все более ожесточенными. Парадокс заключался в том, что по

мере того как площади плодородных земель расширялись, почва для компромисса безнадежно сужалась.

Компромисс 1850 года

Начнем с того, что необъятные просторы, свалившиеся на голову американцев, сами по себе представляли серьезную проблему. К тому же ситуация осложнялась массовыми перемещениями больших групп людей на эту территорию. В июле 1847 года группа из 150 мормонов под предводительством Браэма Янга двинулась вдоль северо-восточной границы Большого Бассейна. Достигнув берегов Большого Соленого озера, Янг объявил, что «это то самое место», где подвергавшиеся гонениям члены церкви обретут наконец мир и покой. Тысячи пионеров-мормонов со всей страны потянулись в «землю обетованную». Американцы с тревогой наблюдали, как территория Юты на Западе быстро заполняется религиозными радикалами, которых на Востоке посчитали чересчур уж опасными.

А на Тихоокеанском побережье разнообразные общины росли, как грибы, и привлекала их мечта скорее о земных благах, чем о загробной награде. В январе 1848 года в предгорьях Сьерра-Невады обнаружили золото, и сюда хлынул поток искателей счастья. За два года «золотой лихорадки» население Калифорнии увеличилось с 14 тыс. до 100 тыс. человек. За каких-нибудь 8 лет маленький заштатный Сан-Франциско, где проживали всего 200 человек, вырос в полноценный город с 50-тысячным населением. Налицо были все признаки экономического расцвета. В социальном плане регион тоже изменился: здесь появилось множество европейцев, мексиканцев, китайцев и представителей коренного населения. Но важнее всего оказались политические последствия быстрого развития Калифорнии: очень скоро население выросло настолько,

что у региона появились реальные надежды на включение в состав США на правах самостоятельного штата.

Республиканская верхушка весьма благосклонно отнеслась к подобному намерению. Дело в том, что в Калифорнии никогда не существовало рабства. Таким образом, с ее вхождением в состав республики устанавливалось исключительно удобное соотношение: 15 свободных штатов на 15 рабовладельческих. Вслед за тем к Соединенным Штатам присоединились территории Орегона, Юты и Нью-Мексико, что обещало новые изменения во внутригосударственном балансе. В конце концов сенаторы Генри Клэй (Кентукки) и Стивен Э. Дуглас (Иллинойс) разработали целый пакет предложений по наболевшему вопросу о рабстве и в июле 1850 года представили их на рассмотрение Конгресса. Хотя целиком законопроект был отклонен, но пять важнейших статей конгрессмены рассматривали отдельно и в сентябре 1850 года одобрили. Во-первых, решено было принять Калифорнию в состав США на правах свободного штата. Во-вторых, на территории Юты и Нью-Мексико устанавливался принцип народного суверенитета, при котором население штатов получало право самостоятельно решить их судьбу (обе новые территории сделали выбор в пользу рабовладения). В-третьих, законопроект определил границы штата Техас. В-четвертых, конгрессмены своим решением запретили работорговлю (но не рабовладение) в округе Колумбия. И в-пятых, Конгресс гарантировал защиту имущества рабовладельцев со стороны федеральных властей.

Последняя мера обеспечивалась принятием закона о беглых рабах, вызвавшего горячие споры у американцев. По словам Филипа С. Фонера, данное постановление превратило федеральное правительство в активного охотника на чернокожих беглецов.

Федеральные уполномоченные рассматривали претензии рабовладельцев, они же назначали маршалов, в чьи функции входило задержание беглых рабов. По ходу дела маршалы могли обратиться за помощью к любому гражданину; тех, кто отказывал им в содействии, ожидали денежные штрафы или тюрьма. Для того чтобы организовать погоню за беглецом, от владельца требовалось лишь устное или письменное подтверждение владения этим рабом. Далее уполномоченный решал дело самостоятельно, без привлечения судебных властей. Причем практика показывала, что жалование уполномоченных напрямую зависело от характера решений, которые они принимали. В том случае, если раба возвращали хозяину, оно практически удваивалось. Арестованные беглецы никак не могли свидетельствовать в свою пользу или защищаться каким-либо другим способом. Вот как выглядел принятый республиканцами «Компромисс 1850 года».

Хотя закон о беглых рабах был выдвинут сторонниками ограниченной власти правительства, он оказался одним из самых авторитарных федеральных законов за всю историю Соединенных Штатов. Такое злоупотребление властью вызвало бурю негодования у американцев. В 1850–1856 годах федеральные чиновники задержали 200 человек, подозреваемых в побеге. Причем, как скоро выяснилось, закон был направлен в первую очередь против свободных штатов. Северные реформаторы обличали творившееся безобразие как узаконенное похищение. Они организовывали комитеты по спасению чернокожих, которые препятствовали арестам и несправедливым разборам дел. Некоторые северные легислатуры приняли «акты о личной свободе», блокирующие действие закона. Некоторые чернокожие американцы вынуждены были эмигрировать из страны, опасаясь за

свою безопасность. А среди женщин-северянок нашлась одна, которая не осталась безразличной в условиях нового национального кризиса и решила бороться с творящейся несправедливостью при помощи пера.

Хижина дяди Тома

Гарриет Бичер-Стоу была дочерью конгрегационалистского пастора Лаймана Бичера. Выросшая в семье, где большое значение придавалось общественному долгу, девушка горячо переживала социальную и моральную несправедливость, проистекающую из института рабства. Ее отец являлся президентом Лейновского теологического семинара в городе Цинциннати, где собирались на диспуты сторонники аболиционизма. От рабовладельческого штата Кентукки их отделяла лишь река Огайо, и не раз Гарриет оказывалась свидетельницей драматических обстоятельств погони за чернокожими беглецами. Эти душераздирающие картины вкупе с изучением трактатов таких известных реформаторов, как Лидия Мария Чайлд и Фредерик Дуглас, сформировали мировоззрение будущей писательницы.

Сама Стоу рассказывала, что однажды во время церковной службы на нее вдруг снизошло озарение: ей привиделся образ доброго, набожного раба, от которого она уже не могла избавиться. Она начала делать наброски, которые в конце концов вылились в книгу под названием «Хижина дяди Тома». В центре романа – немолодой уже негр, стоявший во главе черной общины до тех пор, пока его не разлучили с семьей и не отправили «вниз по реке» к новому злобному хозяину. Пройдя через множество испытаний, Том обретает наконец избавление – но, увы, не через освобождение, а через смерть. На страницах книги мы встречаемся и с

другими персонажами. Среди них молодая женщина, которая бежит с плантации в поисках свободы; страстный мужчина, грезящий о черной республике; озорная девчонка, пренебрегающая правилами приличия и шокирующая окружающее общество. И все они вынуждены жить в мире, принадлежащем белым людям. Они очень разные, эти белые: некоторые из них оправдывают рабство, другие осуждают, есть и те, кто не определился с собственным отношением к проблеме.

Гарриет Бичер-Стоу (1811-1896)

Именно разнообразие и непохожесть характеров придают роману Стоу размах. Говоря о достоинствах книги, необходимо также отметить сложную, неоднозначную идеологическую позицию автора. Она не удовлетворяется простым противопоставлением добродетельных северян аморальным южанам: так, например, самый неприятный герой в книге – низкий и злобный хозяин Саймон Легри, выходец из Новой Англии. Гарриет Бичер-Стоу настойчиво пыталась довести до читателей две непреложные, с ее точки зрения, истины: во-первых, что рабство есть несомненный грех, который требует немедленного покаяния; и во-вторых, что грех этот лежит на совести

всего народа. Она неоднократно указывала на сопричастность северян к тому злу, что творится на Юге. Так и кажется, будто писательница вознамерилась высечь всю нацию целиком, и перед ее гневом никто не может себя чувствовать безвинным праведником. Стоу решительно заявляла: только совместным трудом, объединившись в едином порыве, граждане Америки – независимо от того, где они проживают, на Севере или на Юге, – смогут наконец покончить с этим ужасным социальным злом. Причем исходный импульс этого движения будет исходить не с рыночных площадей и не из присутственных собраний, где всем заправляют мужчины. Нет, спасение придет из тесного домашнего круга, где благодаря женскому влиянию царит атмосфера любви и веры. Женская власть, полагала писательница, не должна ограничиваться пределами женского очага и воспитания потомства. Ее предназначение – распространиться на весь мир и переделать его к лучшему.

Роман Бичер-Стоу был издан в 1852 году и сразу же завоевал небывалую популярность. В первый год после его выхода в свет было продано свыше 300 тыс. экземпляров. Он стал первым американским романом, который преодолел рыночную планку в миллион экземпляров. По мотивам романа был поставлен спектакль, с успехом прошедший во всех северных штатах. Мысль о той угрозе, которую институт рабства несет республиканским и христианским идеалам, не оставила американцев равнодушными – книга Стоу вызывала в сердцах читателей боль, страх и ярость. Один из чикагских обозревателей выразил надежду, что роман «окажет благотворное влияние на борьбу за человеческие права и поможет покончить с угнетением миллионов наших сограждан».

Стоит ли говорить, что жителей южных штатов роман поверг в шок. И книгу, и саму писательницу

подвергли осуждению и осмеянию. Говорили, что Стоу – оголтелая экстремистка, которая лжет без зазрения совести, пытаясь опорочить весь Юг, его народ и вековой уклад жизни. Южане были страшно озабочены тем, что столь бессовестная ложь пользуется такой популярностью в северных штатах. Они считали недопустимым, чтобы хрупкое равновесие, с таким трудом установленное в государстве, оказалось под угрозой. Тем более обидно, что причиной послужил не важный правительственный акт, а какая-то вздорная книжонка. Возмутительно! В 1863 году президент Авраам Линкольн встретился с Гарриет Бичер-Стоу и обратился к ней с такими словами: «Так, значит, вы и есть та маленькая хрупкая женщина, чья книга стала причиной большой войны?»

Мечты об экспансии

В XIX веке американский экспансионизм нашел свое выражение в расширении торговых отношений с Азией. Американо-китайские соглашения, заключенные в 1844–1858 годах, обеспечили молодой республике доступ в дюжину китайских портов. А договор с Японией 1858 года еще более расширил тихоокеанский рынок, присовокупив к списку 5 японских портов.

Экспансионистская политика США пересекалась с дальнейшим развитием транспортной системы в стране. Избранный от демократической партии президент Франклин Пирс в 1853 году направил в Мексику своего представителя – жителя Южной Каролины Джеймса Гадсдена. Тот должен был прозондировать почву относительно приобретения северомексиканской территории в 250 тыс. кв. миль – с тем, чтобы использовать их для прокладки трансконтинентальной железнодорожной линии, соединяющей Новый Орлеан и Сан-Диего. Однако мексиканские власти негативно отнеслись к предложению Гадсдена. Северные политики также весьма подозрительно смотрели на проекты южан, которые неминуемо должны были привести к новым спорам в сенате. В конце концов «Покупка Гадсдена» состоялась, хоть и не в том виде, как планировалась. За 10 млн долларов ему удалось приобрести менее 30 тыс. кв. миль на юге территории Нью-Мексико, что послужило еще одним камнем преткновения между южанами и северянами.

Имперские амбиции, являвшиеся неотъемлемой частью экспансионистской политики США, проявились в секретных планах, разработанных в 1854 году в отношении Карибских островов. Еще со времен президента Полка администрация Соединенных Штатов

с вождением поглядывала в сторону Кубы. Американцы давно мечтали о приобретении этого острова. Его стратегически важное расположение, экономическая ценность и политические дивиденды, которые сулило присоединение еще одной рабовладельческой провинции, делали Кубу исключительно ценным приобретением. Однако все попытки Полка «перекупить» остров ни к чему не привели (хотя США предлагали сумму в 100 млн долларов). Точно так же провалились и попытки спровоцировать кубинцев на восстание против испанского правления. Когда президент Пирс снова выступил с предложением о покупке острова (увеличив сумму до 130 млн), он получил резкий отпор со стороны испанского правительства. Представители европейских держав, в особенности Франция, Британия и Испания, обеспокоенные настойчивостью США, в октябре 1854 года встретились в бельгийском городе Остенде с американскими дипломатами. Они предложили американцам подписать конвенцию о взаимной гарантии сохранения испанского суверенитета над Кубой. Проект этой конвенции известен под названием «Остендский манифест». Подписывать документ американские дипломаты отказались, сославшись на доктрину Монро. Взамен они выработали собственную программу действий, которую и изложили в секретном меморандуме. Его содержание наглядно демонстрирует, сколь далеко готовы были зайти в своих экспансионистских устремлениях американские власти.

В меморандуме говорилось, что «для Североамериканской республики Куба не менее важна, чем ее нынешние члены. она естественным образом входит в великую семью штатов, о которой Союзу предназначено заботиться». Там же подчеркивалось, что «Союз не может чувствовать себя в безопасности, наслаждаться миром и спокойствием, пока Куба не

войдет в его пределы». Было рекомендовано вновь попытаться аннексировать вожделенный остров (но не дороже, чем за 130 млн долларов). Если же эти попытки потерпят неудачу и испанские владения и впредь будут угрожать «внутреннему миру и самому существованию нашего дорогого Союза», то Соединенные Штаты «по всем законам, как человеческим, так и божеским» имеют право отнять Кубу у Испании. Америка не может пассивно устраниваться и «позволить африканизировать остров, сделав из него второй Санто-Доминго – со всеми сопутствующими ужасами для белого населения». Чтобы в каких-нибудь 90 милях от берегов США существовало свободное государство чернокожих? Это просто немыслимо! Америке самим Провидением предназначено сохранять рабов в рабстве, а следовательно, она должна любыми возможными средствами заполучить Кубу.

К несчастью для американского правительства, содержание меморандума просочилось в прессу, что вызвало бурю негодования в обществе. Президент Пирс был вынужден дезавуировать намеченную стратегию. Однако там, где правительство отступило, на помощь пришла частная инициатива. В 1850-х годах различные герои-одиночки снаряжали бесчисленные «флибустьерские» экспедиции в Центральную Америку и на Карибские острова. Некоторые отряды довольствовались простым грабежом, другие пытались придать делу идейную окраску: якобы, захватывая новые земли, они «освобождали» их жителей, создавали новую нацию, а заодно приумножали рабовладельческие территории в составе Соединенных Штатов. Одним из таких энтузиастов был выходец из Теннесси Уильям Уокер, который неоднократно совершал вылазки в Мексику и Центральную Америку. Ему даже удалось добиться заметного успеха в одном из походов: захватив часть Никарагуа, он объявил себя

ее президентом. Однако в последнем набеге удача отвернулась от Уокера. Воинственные гондурасцы захватили его в плен и казнили. Эти флибустьерские кампании, пользовавшиеся поддержкой южан (а также влиятельных лиц в администрации Пирса), способствовали усугублению секционный антагонизма. В глазах северян подобные мероприятия компрометировали Америку и извращали тезис о ее исторической миссии.

Гражданская война в Канзасе

Однако заграничные эскапады американских экспансионистов были не единственным поводом для разногласий внутри нации. Не менее бурную реакцию вызвали события, разгоревшиеся в самом центре страны. В 1854 году Конгресс принял закон о Канзасе и Небраске, проект которого подготовил Стивен Дуглас, сенатор от Иллинойса. Этот билль поделил бывшую индейскую территорию на две части – Канзас и Небраску. Конгрессмены надеялись, что вхождение новых территорий в Союз не слишком ухудшит секционный баланс. Закон был составлен таким образом, что оставлял возможность установления рабства в новообразованных землях, несмотря на то, что они лежали к северу от линии $36^{\circ} 30'$. Принятый в окончательной редакции закон фактически отменял «Миссурийский компромисс» 1820 года. Не сумев прийти к единому мнению в отношении рабовладения на вновь образованных территориях, федеральное правительство остановилось на варианте «народного суверенитета», то есть переложило решение вопроса на плечи местных legislatures. Дуглас стремился как можно скорее заселить новые земли, что позволило бы приступить к прокладке трансконтинентальной железной дороги на Тихоокеанское побережье. Восточный же терминал в одном из вариантов планировалось расположить в Чикаго, в родном штате самого сенатора Дугласа.

И действительно, освоение новых земель происходило довольно энергично, но далеко не так мирно и упорядоченно, как мечталось Дугласу. С самого начала процесс заселения Канзаса спонсировался рядом организаций – как аболиционистских, так и

защищавших рабство. В обстановке горячих споров прошла серия выборов, в результате которых образовалось *два* территориальных правительства – одно из них было за рабство, другое категорически против. Две группы лидеров, два набора законов, два различных проекта местной конституции: разделение зашло настолько глубоко, что весной 1858 года вылилось в вооруженные столкновения между представителями антагонистических лагерей. Разразилась настоящая гражданская война, вошедшая в историю под названием «Кровавый Канзас». В мае случился печально знаменитый инцидент, когда аболиционист Джон Браун провел карательный рейд против рабовладельческого поселения Поттаватомы, убив пять человек. Эта история, известная в народе как «Резня в Поттаватомы», еще больше обострила конфликтную ситуацию и повлекла за собой многомесячную партизанскую войну среди канзасцев. Печальный итог идейного противостояния – 200 человек убитыми и убытки на 2 млн долларов вследствие поджогов и разрушений, неизбежных в военное время.

Насилие проложило себе дорогу и в коридоры Конгресса. 20 мая сенатор от Массачусетса Чарльз Самнер выступил на заседании с резкой критикой своих коллег – защитников рабства. В числе прочих нападкам подвергся сенатор от Южной Каролины Эндрю Батлер. Два дня спустя племянник Батлера по имени Престон Брук, являвшийся членом палаты представителей, затеял ссору с Самнером по поводу оскорбительных замечаний, которые тот себе позволил. Словесная перепалка переросла в рукоприкладство, в ходе которого Брук сломал трость о голову своего оппонента. Смертельно обиженный Самнер покинул свой пост в сенате и два с половиной года не соглашался возвращаться. Палата представителей осудила поведение вспыльчивого Брука, лишила его

поста и отослала обратно в Южную Каролину. Зато дома он сразу же превратился в героя: восторженные южане подарили ему новую трость и на ближайших же выборах снова избрали своим представителем в Конгресс.

В атмосфере всеобщего противостояния, царившей в Канзасе, президент Франклин Пирс и его преемник Джеймс Бьюкенен открыто встали на сторону защитников рабства. Однако выборы, прошедшие в Канзасе в 1858 году, продемонстрировали, сколь решительно основная масса переселенцев отвергает идею рабства. В связи с тяжелой ситуацией, сложившейся в Канзасе, конгрессмены не спешили принимать эту территорию в состав Союза. Лишь в 1861 году, когда разразилась гражданская война, Канзас вошел в состав США на правах свободного штата.

События, происходившие на этой территории, раскололи нацию на два враждебных лагеря. «Народный суверенитет» не пользовался доверием, ибо было ясно, что это не более чем удобный инструмент в руках президентов и южных лидеров, во что бы то ни стало желавших насадить рабство в Канзасе, пусть даже вопреки воле большинства. Этот спор нанес серьезный урон партии вигов, и без того ослабленной ренегатством некоторых своих членов, вставших на антирабовладельческую позицию. Полемика расколола демократическую партию и ослабила ее позиции в обществе. Все больше северян рассматривали демократов как прислужников южной «рабовладельческой власти», которая, судя по всему, плела нити заговора с целью завладеть новыми землями и насадить там систему рабства. Воспользовавшись затруднениями политических оппонентов, республиканская партия быстро набирала силу. Она поддерживала правительственную программу по развитию экономики. Республиканские лидеры с

жаром защищали «свободный труд», пропагандируя усердную работу, открывающиеся экономические перспективы и социальную мобильность. Республиканцы ратовали за «свободные штаты», требовали запретить распространение рабства на новых территориях. Впервые в истории Америки сложилась такая ситуация, когда основная политическая партия открыто выступала против системы рабовладения.

Для южан подобный политический курс не сулил ничего хорошего. А если учесть то безразличие, с которым республиканцы относились к своему потенциальному электорату на Юге, то положение и вовсе выглядело угрожающим. Похоже, республиканцы сделали ставку на Север, а что творилось на Юге, их совершенно не волновало. Подобное отношение сильно задевало южан и приводило в конечном счете к еще большей разьединенности. С точки зрения южной аристократии, северяне вообще вели невозможную жизнь – в неустойчивом обществе без какого-либо объединяющего начала, стараниями экстремистских реформаторов оторванном от корней; в мире, где царят алчность, индивидуализм и жестокая конкуренция; в мире, нацеленном на решение проблем путем концентрации власти. Радикально настроенные аболиционисты усугубляли царивший на Севере беспорядок своими бесконечными разглагольствованиями, темы которых не менялись – страшное зло рабовладения, равенство черных и белых и коварство презренных южан. Вспышка насилия, инициированная аболиционистами в Канзасе, стала первым предвестником широкомасштабного расового противостояния на Юге. Если северяне боялись «рабовладельческой власти», то южане не меньше боялись «черного республиканизма». Эти

тревожные настроения, царившие на обеих сторонах, не оставляли надежды на компромисс.

Дело Дреда Скотта

В самый разгар беспорядков в Канзасе судебная власть попыталась внести свою лепту в решение вопроса о рабстве. До середины 1850-х годов Верховному суду не приходилось рассматривать вопросы, связанные с рабством на новых территориях.

Впервые такая возможность возникла, когда в Верховный суд было передано дело, до того рассматривавшееся в Миссурийском суде, по иску некоего раба Дреда Скотта.

Хозяин Скотта вывез его из Миссури в Иллинойс. Некоторое время они проживали там, затем переехали на висконсинскую территорию и в конце концов снова вернулись в Миссури. Скотт при поддержке белых реформаторов потребовал признать себя свободным человеком – на том основании, что проживание в свободном штате и на свободной территории дает ему такое право. В низшей инстанции решение было вынесено в пользу Дреда, но затем высший суд Миссури отменил его. В 1856 году дело поступило на рассмотрение в Верховный суд США, и в марте 1857 года суд вынес свое постановление.

Провозглашалось, что ни один чернокожий – будь он рабом или свободным – не может являться гражданином Соединенных Штатов. Главный судья Роджер Б. Тэни доказывал, что черные «представляют собой существа низшей расы, (которые) не могут претендовать на почтенные права белых». Судья Питер У. Дэниел пошел дальше, он заявил, что черные – особая группа людей, исключенная из «семьи наций», и бессмысленно даже вести речь об их американском гражданстве. Развивая свою мысль логически, судья объявил рабов собственностью белых хозяев. В силу

Пятой поправки Конгресс не может нарушать имущественные права собственников (в данном случае белого рабовладельца) без соответствующего решения суда. Принятый в 1820 году «Миссурийский компромисс» уже и так лишил граждан их собственности на указанных территориях. В свете принятого закона о Канзасе и Небраске Конгресс признает «Миссурийский компромисс» устаревшим и властью Верховного суда впредь аннулирует его действие.

Дред Скотт

Так что же, федеральная легислатура не имеет права исключить рабство на означенных территориях? Может, такой властью обладают легислатуры самих территорий? Судья Тэни отвечал на этот вопрос отрицательно. Все дело в том, что ни федеральное правительство, ни местные легислатуры не могут покушаться на имущественные права рабовладельцев. Концепция «народного суверенитета» носила весьма спорный характер: жители конкретных территорий могут обсуждать рабовладение, но не отменять рабство.

Оставался невыясненным еще один вопрос – о полномочиях правительств штатов. Имеют ли право они отменить рабство в пределах своих штатов? Известно, например, что легислатуры Нью-Йорка и Массачусетса запретили рабовладение на своей территории. Выходит, они превысили свои полномочия и нарушили Пятую поправку? Следовало ли аннулировать их антирабовладельческие законы? Правосудие на сей счет молчало, но простая логика, похоже, подсказывала, что никакая легислатура не имеет права вступать в противоречие с Пятой поправкой. Таким образом, выходило, что рабство обладало надежной защитой государства, в то время как позиции свободы оставались весьма шаткими.

Жители южных штатов радостно приветствовали решение по делу Дреда Скотта, вынесенное членами Верховного суда (кстати сказать, большинство судей и сами были южанами). Северяне, в свою очередь, сомневались в «продуманности» решений суда, касавшихся американского гражданства, имущественных прав и полномочий легислатур. Наблюдатели предсказывали, что в ближайшем будущем Верховному суду придется неоднократно рассматривать дела, связанные с рабами и рабством как таковым. И, возможно, в следующий раз суд выскажется более определенно по поводу полномочий легислатур штатов. Южные штаты рассчитывали на незыблемость как состава Верховного суда, так и его позиций. Северяне же, напротив, надеялись на изменения. Их партии следовало усилить свое положение и, заручившись поддержкой населения, провести новые успешные выборы. Если у кормила власти будут стоять президент-республиканец и республиканский сенат, они сумеют сформировать новый состав суда, который впредь будет принимать справедливые решения.

Рейд Джона Брауна

Правительства штатов высказали свое мнение по вопросу о рабовладении. То же самое сделали Конгресс, президент и Верховный суд страны. С точки зрения одного человека по имени Джон Браун, официальные власти сделали все, чтобы рабство и дальше спокойно процветало, в то время как ростки свободы всячески подавлялись и выпалывались. Судя по всему, бесполезно было ждать благоприятного решения, поскольку официальные лица сами себя поставили вне закона бесчестной сделкой с «рабовладельческой властью». В таких условиях, посчитал Браун, будет справедливо опереться на собственные силы. Он намеревался, ни много ни мало, искоренить грех рабства и восстановить свободу в Америке.

После того как вооруженные стычки в Канзасе затихли, Браун вернулся на Восток и приступил к планированию дальнейших действий. Он задумал нанести удар в самое сердце ненавистного врага, организовав военную вылазку в глубь Юга. Финансировали операцию северо-восточные аболиционисты – члены подпольной организации «Тайная шестерка». Собрав группу из 20 единомышленников, как и он, преданных идеалам свободы, Джон Браун планировал организовать вооруженные выступления рабов (фактически восстание) во всех южных штатах. Главную базу он намеревался устроить на берегу реки Потомак, на границе штатов Виргиния и Мэриленд. Брауну и его группе предстояло овладеть военным арсеналом Соединенных Штатов в Харперс-Ферри с тем, чтобы захваченным оружием вооружить восставших рабов. После успешного завершения восстания Браун

предполагал возвратиться на свою базу и готовиться к новому наступлению на ненавистную систему рабовладения.

Джон Браун

Операция началась 16 октября 1859 года. Как и планировалось, группа Брауна захватила арсенал и с оружием на руках стала дожидаться подхода рабов с окрестных плантаций. Тем временем местные жители тоже не дремали. Они окружили арсенал и стали обстреливать засевших там мятежников. Вскоре подтянулась морская пехота под командованием полковника Роберта Э. Ли. Опытные пехотинцы быстро справились с заговорщиками: кого-то убили, остальных, в том числе и самого Брауна, захватили в плен. Власти предъявили Джону Брауну обвинение в измене против штата Виргиния и заговоре с целью поднять восстание рабов. В начале ноября состоялся суд, который приговорил его к смертной казни через повешение. В ожидании смертного часа Браун писал из тюремной камеры: «Я, Джон Браун, и посейчас совершенно убежден в виновности этой преступной земли, и вину эту можно смыть только кровью». Приговор был приведен в исполнение 2 декабря 1859 года.

В северных штатах это событие вызвало небывалый всплеск сочувствия и скорби. Казнь Брауна ознаменовалась прошедшими в различных городах митингами, горестными речами и тихими церемониями. Их участники признавали, что, возможно, методы Брауна чересчур жестоки, зато цели достойны всяческого подражания. Этот человек, заявляли одни, не просто исповедовал высочайшие гуманные принципы, но и попытался воплотить их в жизнь. Для других Джон Браун был прежде всего борцом с рабовладельческой властью. Остальные считали, что он мужественно пожертвовал жизнью во имя освобождения четырех миллионов рабов.

В то время как Север предавался скорби, Юг содрогался. Как возможно, недоумевали южане, чтобы толпы народа превозносили столь явного безумца? Ведь Браун был убийцей и мятежником, представлявшим угрозу для безопасности всей страны! И тем не менее жители Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии восторженно восславляли его жизненные принципы и бунтарские поступки. Их нелепый гротескный траур лишний раз подчеркивал, насколько враждебную позицию занимали северяне по отношению к Югу: любые проблемы и неурядицы южан вызывали у них злорадное ликование. Можно ли после этого сомневаться, что страна фактически поделена на две нации, не имеющие ничего общего между собой? И какие еще нужны доказательства тому, что все северяне – и ярые аболиционисты, и «умеренные» республиканцы, да и простые обыватели – во имя собственных интересов плетут нити заговора с целью разрушить саму основу жизни американского Юга? В таких условиях южанам не пристало проявлять слабость и нерешительность. Настало время сомкнуть ряды, чтобы всем миром противостоять северной угрозе. Как декларировала статья в выходившей в

Атланте газете «Конфедерация»: «Каждый человек из нашей среды, который не разделяет убеждения (и смело не заявляет о том), что рабство является общественным, моральным и политическим благодеянием, будет почитаться нашим врагом».

Выборы 1860 года

В такой сложной и взрывоопасной обстановке американцам предстояло избирать главу исполнительной власти. Неудивительно, что президентские выборы 1860 года поделили всю страну на два враждебных лагеря. На сей раз в соревновании участвовали не два, а целых четыре претендента. И северяне, и южане выставили по два кандидата. Лишь один из четырех официальных соискателей проводил предвыборную кампанию в обоих регионах. Другими словами, национальное решение принималось секционным путем.

Ряды демократической партии были безнадежно разобщены все тем же вопросом о рабстве на западных территориях. Сенатор Джефферсон Дэвис из Миссисипи призывал членов партии встать на защиту рабовладения. В то же время сенатор Стивен Дуглас настаивал на варианте «народного суверенитета». Загнанные в тупик и окончательно запутавшиеся демократы в конце концов разбились на два лагеря – каждый со своей программой и со своим кандидатом в президенты. Южные демократы выставили в качестве своего избранника Джона К. Брекенриджа. Ставленником северных демократов стал Стивен Дуглас, который тем не менее рискнул провести кампанию и в южных штатах. Третий кандидат – Джон Белл из Теннесси – представлял умеренных южан из пограничных штатов и ратовал за компромиссное решение вопроса о рабстве.

Республиканцы также делали ставку на умеренность и сдержанность. В этом отношении наиболее подходящим кандидатом казался Авраам Линкольн, который впервые заявил о себе (впрочем,

неудачно) два года назад на сенаторских выборах в Иллинойсе. Линкольн был человеком весьма скромного происхождения, что сближало его с многотысячной армией простых рабочих и фермеров. Он родился и вырос на Среднем Западе, что позволяло ему представлять два важнейших штата – Иллинойс и Индиану. В злободневном вопросе о рабовладении Линкольн занимал весьма осторожную позицию, препятствуя распространению рабства на западные территории, но признавая его право на существование в южных штатах. И наконец Линкольн был относительным новичком на политической арене страны, не отягощенным никаким компрометирующим багажом.

Платформа республиканцев, по сути, совпадала с позицией Линкольна по вопросу о рабстве. Желая откреститься от воинствующих радикалов, партия осудила эскападу Джона Брауна как «тяжелейшее из преступлений». Для оживления экономики после депрессии 1857 года республиканцы планировали энергичное вмешательство на федеральном уровне, включавшее в себя введение протекционистских тарифов, закон о гомстедах (бесплатных земельных участках) и усовершенствование транспортной системы. Партия надеялась, что подобный комплекс мер обеспечит успешный выход из кризиса, по крайней мере, на востоке и северо-востоке страны.

Результаты выборов оказались благоприятными для республиканцев, но весьма тревожными для нации в целом. Линкольн получил почти 60 % голосов коллегии выборщиков и чуть менее 40 % голосов всех избирателей. Безусловное поражение он потерпел в коллегии выборщиков от южных штатов, что неудивительно, учитывая, что в десяти южных штатах его фамилия вовсе не была внесена в список кандидатов. Таким образом, Линкольн стал

президентом меньшинства (если говорить о народном голосовании) и секционным президентом (по результатам голосов, поданных в коллегии выборщиков). В целом можно констатировать: электорат Линкольна обеспечил победу на выборах, но оказался недостаточным, чтобы считать его всенародным избранником.

Для южан результаты выборов 1860 года стали подтверждением самых худших опасений. Север еще раз доказал свое безусловное политическое превосходство. Проклятым северянам повсюду сопутствовала удача: они выигрывали все подряд, а следовательно, могли формировать национальную политику, не оглядываясь на южан. С таким же успехом рабовладельческие штаты могли и вовсе не участвовать в выборах! Южане чувствовали себя незаслуженно обиженными и отодвинутыми в сторону. Но пуще того они боялись. И вправду, что теперь помешает всесильным республиканцам с Севера растоптать идеалы Юга, а заодно и лишить его жителей основы благоденствия? Они могут сделать все, что пожелают, и ни перед кем не станут держать ответ. О какой же безопасности, о каких гарантиях для южан может идти речь при подобном политическом режиме?

Разъединение штатов

Узнав о победе Линкольна, лидеры южан собрались, чтобы обсудить угрозу, нависшую над их регионом. Новый президент и его партия пришли к власти независимо от южных штатов. Они ничем не были обязаны южанам, а посему и рассчитывать на их благодарность не приходилось. Избранный (но еще не вступивший в должность) президент Линкольн недвусмысленно выразил свое отношение к рабству: он не допустит его распространения на новые, западные земли. Для института рабовладения это было равносильно приговору: ограниченное пределами южных штатов рабство обречено на медленное угасание и в конечном счете – на исчезновение. Сдерживание в данном случае равносильно искоренению. У южан не оставалось сомнений, что их извечный, самый страшный кошмар воплотился в явь – федеральная власть перешла в руки врагов-аболиционистов. Став президентом, Линкольн первым делом посадит своих единомышленников в Верховном суде. И какое же решение примут новые судьи, когда в следующий раз возникнет ситуация, подобная делу Дреда Скотта? В качестве главы исполнительной власти Линкольну предстоит контролировать исполнение государственных законов. Станет ли он ревностно блюсти закон о беглых рабах? А ведь он теперь займет пост главнокомандующего вооруженными силами США. И стоит ли рассчитывать на его оперативное вмешательство, если вдруг объявится новый Джон Браун? Более того, Линкольн как партийный лидер будет осуществлять все назначения на должности. Скажите на милость, станут ли новые почтмейстеры-республиканцы бороться с потоком подстрекательской

литературы, пересылаемой по почте? С какой стороны ни посмотри, отовсюду южанам грозила опасность.

На протяжении десятилетий южные экстремисты видели только один метод борьбы с надвигающейся секционной катастрофой – отделение от Союза. И 20 декабря 1860 года Южная Каролина приняла решение осуществить угрозу. Она аннулировала ратификацию конституции и объявила о разрыве с остальными штатами. К февралю 1861 года к Южной Каролине присоединилось еще шесть штатов Нижнего Юга. Эта семерка образовала новый союз под названием Конфедеративные Штаты Америки. Они приняли собственную временную конституцию и выбрали временного президента – Джефферсона Дэвиса.

Члены Конфедерации доказывали, что с избранием Авраама Линкольна положение серьезно осложнилось, и они вынуждены действовать, пока не стало слишком поздно. Республиканцы, несомненно, лишат институт рабовладения федеральной защиты и поддержки. А как только национальное правительство самоустранится, по всему Югу прокатится восстание рабов. Представители мятежных штатов также доказывали, что их отделение является абсолютно оправданным и легитимным. Будучи суверенными субъектами, южные штаты добровольно в 1780-х годах присоединились к Союзу, поставив свои подписи под конституцией США. Теперь же они просто восстанавливают свой суверенитет, отказываясь от Союза с его федеративным правительством. Лидеры южан были убеждены, что Север не станет предпринимать каких-либо серьезных шагов, дабы им помешать. Северяне чересчур зависимы от них в экономическом плане и чересчур беспомощны в военном смысле, чтобы решиться на силовое давление.

Гражданская война: сецессия Южных штатов

И в конце концов, если даже северяне развяжут военные действия, южане смогут рассчитывать (во всяком случае они свято в это верили) на поддержку своих верных торговых партнеров и предполагаемых политических союзников в Британии и Франции.

Итак, к началу 1861 года сложилась следующая ситуация: семь рабовладельческих штатов объявили о своем выходе из Союза, а восемь остальных оставались в составе. Верхний Юг надеялся добиться от северян уступки по вопросу рабства, что создало бы условия для возврата семи мятежных штатов. Однако их ожидания не оправдались. Конгресс не сумел найти компромиссного решения: все выдвинутые предложения были направлены на поддержку отделившихся штатов и против победоносных республиканцев. Не успевший еще покинуть пост президент Бьюкенен объявил отделение незаконным, однако от каких-либо решительных шагов в отношении Конфедерации воздерживался. Готовившийся к инаугурации президент Линкольн вообще отказывался публично обсуждать сложившееся противостояние. Он также считал отделение семи штатов незаконным, но полагал бессмысленным вступать с ними в переговоры. Все само образуется, считал Линкольн. На Юге тоже есть здравомыслящие политики, осознающие важность Союза, и вскорости они возобладают над экстремистским меньшинством.

Такое неопределенное положение сохранялось в течение месяца. Четвертого мая 1861 года Линкольн принес присягу и вступил в должность президента. В своей инаугурационной речи он выразил твердость и стремление к примирению. Прежде всего он подтвердил незаконность отделения южных штатов, затем поклялся защищать Союз и охранять федеральную собственность на Глубоком Юге. Президент еще раз заявил, что не допустит распространения рабовладения на западных территориях, но в то же время не станет покушаться на институт рабства в южных штатах, где тот уже существует. Линкольн выразил уверенность, что отъединившиеся штаты одумаются и вернутся в Союз. Ведь, как он выразился, «узы искренней дружбы» связывают американцев даже в периоды самых напряженных конфликтов. Замечательная речь. Однако

не прошло и месяца, как эти узы, о которых говорил Линкольн, окончательно разорвались.

Форт Самтер

Форт Самтер являлся тем самым объектом федеральной собственности, которые президент поклялся защищать. Он располагался на крохотном островке в гавани Чарлстона, Южная Каролина, и символизировал власть Союза в самом сердце сепаратистского Юга. Командующий фортом майор Роберт Андерсон сигнализировал властям, что гарнизон испытывает острую нехватку в съестных припасах, и просил поторопиться с поставкой. Шестого апреля Линкольн информировал губернатора Южной Каролины, что в направлении форта вышел вспомогательный транспорт с продовольствием. Специально подчеркивалось, что на борту корабля нет ни оружия, ни амуниции, ни пополнения личного состава. Президент Джефферсон Дэвис, убежденный, что любая конфронтация подтолкнет колеблющийся Верхний Юг в объятия Конфедерации, отдал приказ генералу П. Борегару потребовать сдачи форта, а в случае отказа взять его силой. Когда 12 апреля транспортные корабли приблизились к Самтеру, артиллерия Конфедерации открыла огонь по форту. Четырнадцатого апреля майор Андерсон вынужден был сдать крепость. Солдаты спустили звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов, а вместо него подняли «звезды и перекладины» – знамя Конфедерации. В качестве ответной меры 15 апреля Линкольн призвал 75 тыс. ополченцев на федеральную службу сроком на 3 месяца. В их боевую задачу входило подавление мятежа.

Ситуация обострилась, и штатам Верхнего Юга пришлось определяться, к какому лагерю примкнуть. К маю 1861 года Виргиния, Арканзас, Теннесси и

Северная Каролина сделали свой выбор в пользу Конфедерации. С остальными четырьмя рабовладельческими штатами дело обстояло иначе. Делавэр, где чернокожие рабы составляли всего 2 % населения, практически сразу решил связать свою судьбу с Союзом. В Мэриленде был предпринят ряд мер: арест наиболее активных сторонников Конфедерации, введение военного положения в Балтиморе и временная приостановка выдачи распоряжений о представлении арестованных в суд. Они позволили, несмотря ни на что, сохранить штат в составе Союза (правда, во имя национальной безопасности пришлось пожертвовать некоторыми гражданскими правами). В Кентукки войска Конфедерации проявили излишнюю активность: с целью заставить штат объявить о своем нейтралитете они оккупировали несколько городов. Подобная горячность напугала правительство штата и заставила искать защиты у Союза. В Миссури завязалась вооруженная борьба между сторонниками Союза и Конфедерации. Партизанская война растянулась на годы, но в конце концов победа осталась за Союзом.

Итак, в конце весны 1861 года сложилось противостояние одиннадцати штатов Конфедерации и сил Союза. Следует отметить, что обе стороны надеялись на быстрое разрешение конфликта. Никто не мог предположить (и, уж конечно, не желал) того драматического развития событий, которые поэт Уолт Уитмен весьма образно назвал «красной кровью гражданской войны».

Глава 8

Гражданская война и реорганизация Юга, 1861-1877 годы

Южане называли эту войну «войной между штатами», северяне – «войной против мятежников». Даже здесь, в названиях, обе стороны расходились. Однако это расхождение выглядело сущей ерундой по сравнению с той пропастью, которая всякий раз разверзалась меж американцами, коль скоро разговор заходил о свободе и статусе нации. Это позволило Натаниэлю Готорну сделать следующий печальный вывод: «Мы никогда не являлись единым народом, и на самом деле у нас не было государства со времен создания конституции». Гражданская война стала героической и трагической историей нового открытия Америки, только теперь предметом исследования являлась не земля, а принципы населявших ее людей. Война наглядно продемонстрировала американцам важность единства и позволила пересмотреть саму идею свободы, но за эти полезные уроки пришлось заплатить невероятно высокую цену.

Противостояние, растянувшееся на долгие четыре года, миллионы загубленных жизней, опустошение огромного, некогда плодородного края – таков печальный итог войны, приведшей к гибели не только Конфедерации, но и института рабства как такового. Война оставила множество нерешенных вопросов. В частности, оставалось неясно, как вновь объединить республику. И что делать бывшим рабам с вновь обретенной свободой? Как выяснилось, процесс

послевоенной реконструкции нации породил не меньше противоречий и конфликтов, чем события, приведшие к войне. Этот период принес ожесточенные споры тех, кто предположительно победил; обновленную силу тем, кто, по-видимому, проиграл; и проблеск надежды тем, кто обрел свободу.

Причины гражданской войны

Непосредственной причиной, толкнувшей администрацию Линкольна к войне, стала настоятельная необходимость сохранить и защитить Союз. Разбойное нападение на федеральную собственность в форте Самтер означало мятеж против законного правительства Соединенных Штатов. Линкольн проявлял умеренность в вопросе о рабовладении: он твердо заявил, что не допустит распространения рабства на западе, но в то же время не собирался мешать «особому институту» Юга. Линкольн придерживался умеренных – в лучшем случае – взглядов по расовому вопросу: он полагал, что черные обладают элементарными правами, которые нуждаются в защите, но одновременно разделял распространенный взгляд на негров как на низшую расу. Однако там, где возникала угроза Союзу, Линкольн становился непреклонен. Конституционные принципы, соблюдение законности и само будущее величие Америки – все это, по мнению Линкольна, было возможно лишь в условиях вечного и нерушимого Союза. В вопросах рабства и расы он вполне допускал и даже приветствовал компромиссы. Однако идея Союза была для него святой, и все компромиссы отвергались президентом с ходу. Подавление восстания против Союза стало непосредственным поводом к гражданской войне.

Само по себе рабовладение не привело бы страну в состояние войны. «Особый институт» южан являлся неотъемлемой частью республики с самого момента ее возникновения. Но вот перспектива распространения рабства за пределы Старого Юга, безобразная картина – белые хозяева, которые тащат своих рабов на девственно чистые земли запада, а также возможность

ущемления прав белых свободных работников, – тут возникали серьезные политические проблемы. Южане настаивали на праве перевозить своих рабов (в качестве движимого имущества) на новые территории, совсем недавно вошедшие в Союз. Но республиканцы столь же непреклонно полагали, что расширение системы рабского труда недопустимо. Один за другим они отклоняли предлагаемые по этому поводу компромиссы; годы миновали, а политики не могли прийти к соглашению в данном вопросе. Именно стремление к экспансии рабства привело к развалу Союза.

Как ни странно, но народ, сумевший создать вполне разумную и просвещенную политическую систему, так и не сумел выработать единого понимания целей и смысла собственного правительства. Американцам никогда не удавалось прийти к консенсусу в вопросе о политической природе союза. Они сражались за свою независимость; они создали письменный текст конституции с целью прояснить назначение власти и защитить свободу; они стремительно развивались и расширялись под знаменем конституции и выработали национальное самосознание. Однако при всем при том они так и не смогли договориться, является ли их республика единым, унитарным обществом с централизованным управлением или же это политическое объединение отдельных суверенных образований.

Как указывает историк Дэвид М. Поттер, «возможно, Соединенные Штаты – единственное государство в истории, которое на протяжении семидесяти лет в политическом и культурном смысле функционировало как единая нация, последовательно укрепляя свою государственность, и в то же время не могло определенно ответить на простой вопрос: а является ли оно на самом деле государством?» Даже в

политической грамматике американцы расходились во мнениях: они так и не смогли решить, в каком числе следует употреблять само название «Соединенные Штаты Америки» – в единственном или во множественном? «Таким образом, – подытоживает Поттер, – фразу "E pluribus unum"^[14] следует трактовать не только как девиз, но и как величайшую загадку». И лишь гражданская война помогла разрешить эту загадку. Свыше 600 тыс. человек отдали свои жизни, чтобы остановить бесконечные споры по поводу статуса государства. Демократии понадобилось пройти через такое испытание, как массовые убийства, дабы понять, что она собой представляет.

Сильные и слабые стороны противников

Итак, разобщенность и недоверие, царившие между Севером и Югом, вылились в полновесную гражданскую войну. В идеологическом, культурном и социальном плане силы соперников были практически равны. Но вот в материальном обеспечении наблюдался явный перекос: богатому, урбанизированному Союзу с его необъятными просторами и людскими ресурсами противостояла более мелкая и более слабая в экономическом отношении сельскохозяйственная Конфедерация. Сегодня, задним числом остается лишь удивляться, как южане вообще рискнули выступить против такого могущественного противника.

Безусловно, северные штаты располагали куда более богатыми ресурсами, чем южане. По численности населения Север в два с половиной раза превосходил Конфедерацию. На северных заводах и фабриках производилось 92 % всех промышленных товаров. Две трети железнодорожных путей пролегло на Севере, по объемам банковских депозитов Союз вчетверо опережал Конфедерацию, кроме того, ему принадлежала большая часть судоходных и торговых фирм. Неужели южане не осознавали территориального и экономического превосходства противника? Не могли они не понимать, что их шансы ничтожно малы. Их безрассудное выступление с самого начала было обречено на провал, и они наверняка это знали.

Однако, как выясняется, сторонники Конфедерации совсем иначе оценивали ситуацию: они нисколько не сомневались в успехе своего начинания. Их оптимизм опирался на представление о предполагаемой длительности противостояния. Конечно, Север обладал

серьезной экономической мощью, но ему требовалось значительное время на мобилизацию ресурсов и эффективное, упорядоченное их использование в военных целях. Если бы война не затянулась, то Конфедерация вполне могла добиться успеха еще до того, как Север успеет сконцентрировать свою потенциальную силу. И Юг непременно одержит победу, утверждали лидеры Конфедерации, поскольку у них имеются определенные преимущества перед Севером, актуальные как раз в условиях быстрой войны.

Прежде всего, южане имели изначальный военный перевес благодаря квалифицированному и опытному офицерскому составу, вполне соответствующему предстоящей миссии. Так уж сложилось, что наиболее талантливые военачальники связали свою судьбу именно с Конфедерацией. Да и вообще все офицеры-конфедераты имели лучшую боевую подготовку, нежели их коллеги-северяне. Немаловажным соображением являлось также и то, что перед армией Конфедерации стояла более простая и ограниченная задача, чем перед их противником. В то время как «победа» Союза предполагала вторжение на территорию мятежного Юга и его покорение, конфедератам для «победы» достаточно было только оборонять свою землю от захватчиков. Завести военные действия в тупик означало бы полный триумф южан.

С географической точки зрения преимущества также были на стороне Конфедерации. Ее территория покрывала свыше полумиллиона квадратных миль – огромная площадь, которую северянам предстояло завоевать и удержать. Естественный барьер в виде Аппалачских гор, сложный лесистый рельеф и слабое железнодорожное обеспечение Юга – все это должно было создать дополнительные препятствия на пути продвижения армии Союза.

Далее, дипломатические соображения тоже работали, с точки зрения конфедератов, в их пользу. Монополия в производстве хлопка должна была подтолкнуть индустриальные европейские державы к союзу с Конфедерацией. Кроме того, лидеры южан верили, что их стремление к стабильности и порядку в рамках строгой иерархической системы полностью соответствует политическим и социальным устремлениям европейских режимов. Не говоря уж о том, что участие в войне на стороне Конфедерации предоставило бы Франции и Британии дополнительную возможность ослабить позиции их потенциального соперника – правительства Союза. В подобных условиях Федеративные штаты Америки (а именно так звучало официальное название Конфедерации) вполне могли рассчитывать не только на дипломатическое признание со стороны Европы, но и на полновесную материальную поддержку.

И наконец Юг имел неоспоримое превосходство над своими противниками в руководстве исполнительной власти. За плечами Джефферсона Дэвиса, президента Конфедерации, была образцово-показательная военная и дипломатическая карьера. Ветеран Войны за независимость, член палаты представителей, сенатор и министр обороны – этот блестящий послужной список, несомненно, должен был снискать Дэвису признание и уважение как в родной державе, так и за границей. Его соперник – президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн – даже в глазах соратников по партии выглядел некомпетентным новичком, способным внести разлад в ряды северян и поставить под угрозу всю военную кампанию. Чем мог похвастаться президент Линкольн? Увы, всего лишь куцом военным опытом на фоне множества политических неудач. Неспроста ведь в самый разгар гражданской войны, когда в 1862 году проводились выборы в Конгресс, избиратели выразили

свое неодобрение политике Линкольна. Кто-то из республиканцев даже пожаловался, что президент порой выглядит «более безумным, чем постояльцы сумасшедшего дома»! Сторонники Конфедерации пребывали в уверенности, что более разумный, уверенный и опытный кормчий без потерь проведет их государственный корабль через бурные воды гражданской войны.

Что касается Соединенных Штатов, то их материальные ресурсы намного превосходили таковые у южан. Беда в том, что мгновенно ввести их в действие не представлялось возможным. В противоположность Союзу, Конфедерация обладала преимуществами, которые срабатывали практически мгновенно. Большинство историков сходится на том, что если бы война продлилась всего несколько месяцев, то победа почти наверняка досталась бы южанам. На деле, однако, все вышло иначе: некоторые из наиболее очевидных недостатков Союза – в силу сложившихся обстоятельств – так и «не сыграли», остальные же северяне по ходу дела преодолели и исправили.

Если говорить о чисто военном аспекте, то здесь Линкольна поджидали серьезные проблемы. Прежде всего, ему необходимо было найти достойного генерала, который согласился бы нести знамя этой кровавой и жестокой войны. С другой стороны, северяне имели безусловное преимущество в человеческих ресурсах: из трех миллионов солдат, принявших участие в гражданской войне, почти три четверти сражались на стороне Союза. Это означало существенное превосходство северян в пехоте, от которой, как известно, в те времена зависел исход войны. Развитая промышленность Севера бесперебойно поставляла армии Линкольна артиллерийское вооружение, что тоже служило немалым преимуществом. К тому же, благодаря своей

многолетней судоходной практике, северяне могли выставить против врагов превосходный военно-морской флот. Что могли противопоставить всему этому южане? Единственной их сильной стороной была опытная кавалерия, но в XIX веке военное значение данного рода войск неуклонно снижалось.

С географической точки зрения ситуация тоже складывалась вполне удачно для северян. К их услугам были созданные самой природой преимущества в виде целой системы рек, обеспечивавших идеальный путь для вторжения на Юг. Реки Теннесси и Камберленд открывали доступ на территорию штатов Кентукки, Теннесси, северной части Миссисипи, Алабамы и на запад Виргинии. А контроль над Миссисипи позволял отсечь западные регионы Конфедерации от восточных. В результате весь Юг превращался в огромное поле боя. Именно землям Конфедерации, а не Союза предстояло страдать от разорения и запустения – неизбежных спутников военного времени. И по мере того как шли годы, урон, нанесенный южным плантациям, фермам и деревням, только усиливался и в конце концов достиг невероятных размеров.

В дипломатии Союзу удалось счастливо избежать тех проблем, которые пророчили ему южане. Соединенные Штаты установили надежные связи с Европой. Администрации Линкольна удалось занять главенствующие позиции в государственном департаменте и заручиться «пониманием» послов Великобритании и Франции. Еще важнее были решения, которые приняли для себя европейцы. На самом деле война, разразившаяся между двумя регионами далекой Америки, мало затрагивала интересы Франции и Британии. Поэтому они с легким сердцем объявили о своем нейтралитете. Конфедерация получила некоторую незначительную помощь благодаря статусу «воюющей стороны». Союз, в свою очередь, завяз в

бесконечном споре с Британией по поводу морского права и законов нейтралитета. Это не помешало ему, однако, организовать морскую блокаду Юга и исключить европейскую интервенцию в Соединенные Штаты, на которую так рассчитывало руководство Конфедерации.

С политической точки зрения лидеры северян проявили гораздо больше сноровки в искусстве трансформации внутренних конфликтов в военное русло, чем их южные коллеги. Следует отметить, что Линкольн, в отличие от Дэвиса, имел целый штат помощников в лице талантливых и испытанных членов кабинета. Вместо того чтобы осаждать не в меру горячих советников, Линкольн – в своей характерной скромной, несколько отчужденной, но настойчивой манере – сумел с пользой для дела использовать их амбиции. Учитывая тот факт, что оппозиционная партия имела достаточный вес в северных штатах, республиканцы, заинтересованные в сохранении единого фронта, хоть и неохотно, оказывали поддержку президенту. В противоположность южным демократам, относившимся с демонстративным недоверием к федеральному правительству, северные республиканцы понимали важность сильной централизованной власти в военное время и всячески старались ей помогать. Данный фактор сыграл не последнюю роль в победе над децентрализованным, погрязшим в местных интересах Югом.

В ходе неожиданно затянувшейся войны превосходящие активы Союза – и природные, и промышленные, и человеческие – приобретали все большее значение. Север получил возможность оказывать непрерывное массированное давление на своего противника, и в конце концов эта огромная и безжалостная силища переломила отчаянную решимость Конфедерации.

Пересмотр стратегии

С самого начала боевых действий обе воюющие стороны избрали различные стратегии. Традиционная военная наука гласила, что любой вооруженный конфликт должен носить ограниченный характер; что наступательная операция определяет исход сражения; что конечная победа обеспечивается правильно выбранной стратегией, а не рвением и жестокостью, проявленными на поле боя. В Америке особо уважаемым классиком военной науки считался Генрих (Анри) Жомини. В своих работах он доказывал, что первейшая задача армии – вторгнуться на вражескую территорию и захватить чужую столицу. Для достижения этой цели следует направить удар хорошо обученных частей на слабые точки противника. Предполагалось, что армии ведут сражение на четко очерченной территории, исполняя продуманные маневры.

В июле 1861 года командованию обеих армий – как южан, так и северян – представился случай проверить теоретические выкладки на практике. Случилось это в битве при Манассасе, штат Виргиния, на берегу ручья Булл-Ран (надо отметить, что южане обычно именовали сражения по названиям близлежащих городов, в то время как северяне использовали с той же целью детали природного рельефа). Генерал Ирвин Макдауэлл выставил со стороны Союза 35-тысячную армию против 22-тысячной армии южан под командованием генерала П. Борегара. Не вызывало никаких сомнений, что превосходящие силы северян разобьют противника и завершат войну в одной-единственной схватке. Вначале Макдауэлл захватил инициативу, однако его победоносное наступление захлебнулось, когда у южан появилось подкрепление и нанесло внезапный удар по

правому флангу северян. Войска Союза беспорядочно отступили к Вашингтону. Измотанные схваткой южане не стали их преследовать. В результате сражение, в котором оказалось почти 900 погибших и 2600 раненых, не принесло победы ни одной из сторон. Возле Булл-Ран американцы впервые ощутили горький вкус реальной войны: оказывается, она сопряжена с тяжелыми потерями; к тому же битвы часто оканчиваются с неопределенным результатом, и армии вынуждены драться дальше. Короче, как выяснилось, блестящая военная теория имела серьезные изъяны.

С течением времени разуверившиеся в старых рецептах командиры были вынуждены изобретать новые подходы к решению боевых задач. Это только в учебниках армия состоит из высококлассных профессионалов. На практике же приходилось иметь дело с обычными ополченцами – вчерашними горожанами и фермерами, на скорую руку (а подчас и против их желания) призванными в строй и кое-как экипированными. Эта разношерстная необученная толпа требовала значительной муштры. Людей следовало учить не только правилам поведения на поле боя, но и рутинной солдатской работе: как совершать марш-бросок, как отступать, как обращаться с оружием. Последний пункт, кстати, заслуживает особого упоминания. В середине XIX столетия на смену штыкам и гладкоствольным мушкетам пришли новые нарезные винтовки «спрингфилд», «энфилд» и пули «мини», которые обеспечивали более высокую точность и скорость перезарядки, не говоря уже о диапазоне действия. Подобное оружие обладало большей убойной силой, поражая вдвое больше целей в течение одной минуты на расстоянии в 34 раза большем, чем в прежние времена. Такая модернизация имела принципиальное значение: теперь хорошо вооруженные и грамотно расположенные защитники оказывались в

более выгодном положении, чем нападающая сторона. Старая солдатская схема – знай себе маршируй, поражай противника и захватывай его столицу – не только значительно усложнилась, но и была сопряжена с серьезным риском. Бездумно следовать ей означало завлечь десятки тысяч людей в смертельно опасную западню. Утверждение о том, что сражение разворачивается на четко ограниченном поле боя, тоже оказалось несостоятельным. Войска смешивались между собой и растекались по окрестной территории, разрушая все на своем пути, сея смерть не только среди солдат, но и среди мирных жителей.

Реальность опровергла все традиционные ожидания американцев и представила им новую картину войны. Практические сражения доказали, что война вовсе не обязательно должна протекать в ограниченное время и на ограниченном пространстве. Как раз чаще всего военным приходилось участвовать в конфликтах не скоротечных, а растянувшихся на месяцы, а то и на годы. В подобных условиях преимущество оказывалось на стороне того, кто дольше продержится. Поэтому командирам приходилось учитывать не только боевую силу противника, но и такие факторы, как выносливость и стремление к сопротивлению. Тем, кто занимал чужую территорию, важно было как можно скорее деморализовать противника и разрушить источники его обеспечения.

Еще в самом начале гражданской войны один из северных лидеров, генерал Уинфилд Скотт, выдвинул собственную стратегическую схему. Подобно многим, он прекрасно осознавал две основные задачи, стоявшие перед армией Союза: обезопасить свою столицу – город Вашингтон, округ Колумбия, и по возможности захватить вражескую столицу – находившийся в ста милях Ричмонд. Но, в отличие от остальных, Скотт предложил принципиально новые пути для достижения

целей. Во-первых, он призвал установить морскую блокаду Юга – с тем, чтобы пресечь материальную помощь со стороны иностранных государств. А во-вторых, разработал план вторжения на территорию Конфедерации с использованием системы ее западных рек. Идея состояла в том, чтобы медленно продвигаться по вражеской территории, постепенно отсекая один южный регион от другого. Военные подняли на смех план Скотта по окружению Юга, присвоив ему остроумное название – «стратегия Анаконды». Линкольн, который, как и многие, лелеял планы стремительного завершения войны, поначалу тоже отнесся с недоверием к разработкам Скотта. Однако после схватки у Булл-Ран президент вынужден был признать пользу неспешной, постепенной стратегии: требовалось последовательно захватывать источники обеспечения противника, истощая его силы и неотвратимо подводя к поражению.

Со временем Союз остановился на «многоцелевой» стратегии. Во-первых, федеральные войска по-прежнему бдительно охраняли собственную столицу, одновременно не выпуская из виду столицу противника. Во-вторых, северяне стремились закрепиться в пограничных штатах Мэриленд, Кентукки и Миссури. В-третьих, продвигаясь по рекам Теннесси, Камберленд и Миссисипи, они пытались расцезь надвое территорию Конфедерации и захватить контроль над западной ее половиной. В-четвертых, ближе к концу войны Линкольн отдал приказ о дальнейшем внедрении войск на вражескую территорию: захватывая по пути источники обеспечения южан, он намеревался вымотать противника и склонить его к капитуляции. И, наконец, провоцируя скоротечные схватки на востоке, на западе и по ту сторону Миссисипи, Линкольн рассчитывал постепенно уничтожить армию конфедератов.

Поскольку перед Севером стояла непреложная задача – покорить отколовшийся южный регион и восстановить целостность Союза, – он вынужден был придерживаться наступательной тактики. Другого пути у северян не было. В свою очередь, для южных штатов важнее всего была независимость. Поставив перед собой цель отразить вторжение врага и при этом уцелеть, южане неминуемо должны были следовать оборонительной стратегии. Если бы им удалось держать северян на расстоянии, рано или поздно их решимость испарилась бы, средства для ведения войны исчерпались, и глядишь – удалось бы склонить Союз к мирным переговорам.

Однако, к несчастью для южан, идея решительного наступления овладела умами военачальников-конфедератов. На первый взгляд она выглядела не такой уж бредовой. С военной точки зрения нападение на северные объекты было оправдано хотя бы тем, что отвлекало внимание Союза от военных действий в тех зонах, где силы мятежников истощались и войскам настоятельно требовалась хотя бы короткая передышка. Кроме того, продвигаясь на север, армия конфедератов получала возможность поправить свое материальное положение (которое на тот момент приближалось к критическому) за счет богатых припасов северян. При удачном стечении обстоятельств южанам удалось бы поколебать боевой дух противника и приободрить собственных солдат, деморализованных долгим отступлением. И конечно, с точки зрения конфедератов, было бы только справедливо, если бы война своим обжигающим дыханием прошла по северным землям, чтобы проклятые янки тоже узнали, почем фунт лиха. Возможно, это заставит их покинуть поле боя и сесть за стол переговоров. Сокрушительный удар по Союзу мог принести Конфедерации и дипломатические дивиденды в виде признания,

уважения и поддержки со стороны ведущих европейских держав. Наконец в политическом плане лидеры южан рассчитывали поднять дух своих сторонников, ведь известно, что бесконечная оборонительная тактика отнюдь не способствует энтузиазму в войсках. Южане вынесли достаточно боли и унижений в этой войне, настало время ударить – да побольнее.

Что сказать? Возможно, определенная логика в этих доводах присутствовала, однако. Практические результаты оказались катастрофическими для Юга. Все наступательные операции, которые попытались провести военачальники Конфедерации, потерпели неудачу и обернулись огромными человеческими жертвами.

Течение войны

1861 год

Борьба между Ричмондом и Вашингтоном, вылившаяся в четырехлетнюю гражданскую войну, досконально изучена и хорошо знакома всем американцам. Крупные силы противников были сконцентрированы в районе Чесапикского залива, обе столицы подверглись серьезному укреплению, войска вели масштабные сражения, и война неотвратимо двигалась к своей кровавой, драматической кульминации. Несмотря на такой размах и пристальное внимание общественности, большинство битв в этом регионе носило незавершенный характер. Нередко случалось, что выигравшая сражение армия оказывалась чересчур ослабленной и дезорганизованной, чтобы преследовать отступавшего противника. Подчас победители несли более тяжелые потери, чем проигравшие. Сегодня, зная течение войны и ее исход, мы можем с уверенностью утверждать, что некоторые из наиболее значительных событий происходили не на Чесапикском побережье, а совсем в другом месте – например, к западу от Аппалачей или же на реках и в прибрежных районах Южных штатов.

После первого сражения при Булл-Ран несколько месяцев на восточном театре боевых действий царил неопределенное, патовое положение. Однако на западе войска Соединенных Штатов сумели добиться пусть скромных, но все же успехов. Прежде всего, северянам удалось пресечь попытку сепаратистского мятежа в Миссури и сохранить этот штат в составе Союза. А в конце лета 1861 года Джордж Б. Маклеллан ввел свои войска на территорию западной Виргинии и оказал

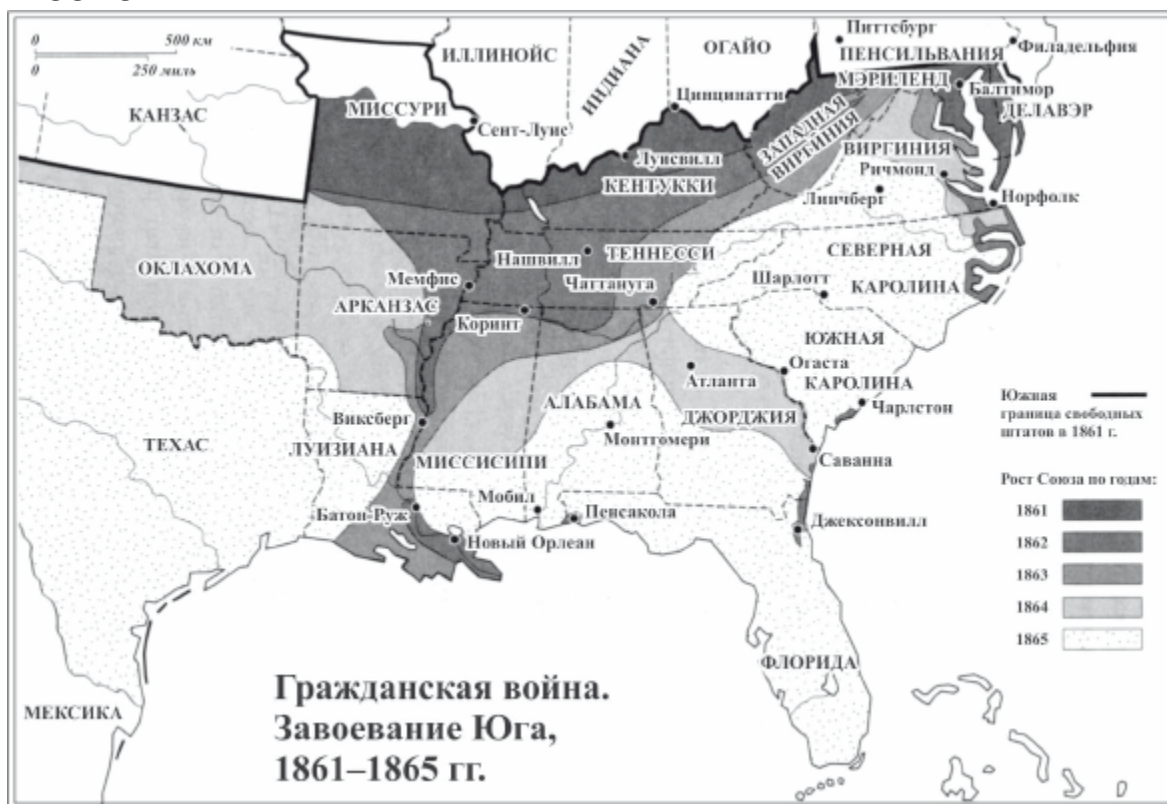
военную поддержку местным унионистам. Совместными усилиями им удалось отвоевать эту часть штата для Союза.

Еще одним важным достижением была морская блокада Юга, которая потребовала от Союза значительного напряжения сил. Северянам предстояло патрулировать 3,5 тыс. миль береговой линии, на которых располагалось почти 200 портов южан. Если учесть, что в распоряжении Союза было всего 40 судов, то становится понятно, насколько непростая – можно даже сказать, безнадежная – задача стояла перед морским флотом Соединенных Штатов. Вначале северянам удавалось задерживать лишь каждый десятый корабль, прорывавшийся на помощь Югу. Но постепенно, по мере того, как северяне расширяли свой флот, дело пошло на лад. К 1865 году лишь половине иностранных судов удавалось достичь берегов южных штатов. Параллельно с этим войска Союза захватывали контроль над ключевыми участками побережья. В ноябре 1861 года северянам удалось занять Порт-Ройал и ряд островов, расположенных у берегов Южной Каролины. А в следующем году к ним прибавились стратегически важные устья рек на побережье Северной Каролины.

1862 год

В течение второго года войны Союз продолжал наращивать свои завоевания за Миссисипи и на западе Конфедеративных штатов. В конце марта состоялась битва у перевала Глориетта, в которой добровольцам Колорадо удалось остановить продвижение южан в Нью-Мексико. Калифорнийские отряды помогли отстоять территорию штатов Юта и Аризона, а победа северян при Пи-Ридж, штат Арканзас, обеспечила им

контроль над Миссури. Теперь в руках Союза находилась значительная часть земель к западу от Миссисипи.

На востоке генерал Улисс С. Грант использовал реки Теннесси и Камберленд для вторжения на территорию Конфедерации. В феврале его войска захватили два важных объекта – форты Генри и Донелсон, а затем двинулись дальше на юг через западную часть Теннесси и остановились на отдых возле старинной немецкой церкви Шайло. Грант настолько был уверен в бессилии конфедератов, что даже не позаботился об элементарных мерах безопасности. Каково же было его удивление, когда 6 апреля 1862 года войска южан под командованием генералов Альберта Сидни Джонстона и П. Борегара неожиданно появились возле Шайло и атаковали позиции противника. Захваченный врасплох, Грант вынужден был отступить с остатками своей армии. Однако уже на следующий день, дождавшись подкрепления и перегруппировав силы, Грант нанес

сокрушительный ответный удар конфедератам. По свидетельствам историков, северяне потеряли в этом сражении 13 тыс. человек, потери южан составили 10 тыс. Вскоре после того в руки Союза перешла крайне важная для Конфедерации узловая железнодорожная станция в городе Коринф, штат Миссисипи. А в конце года состоялась битва при Мерфрисборо, где войска северян пресекли попытку Брэкстона Брэгга продвинуться со своими войсками через территорию Теннесси и Кентукки.

Потенциальная угроза военно-морским силам Союза, которая, казалось, назревала в начале 1862 года, также не реализовалась. Конфедератам посчастливилось захватить военный корабль Союза «Мерримак». Оснадив его железной обшивкой и переименовав в «Виргинию», они отправили новоиспеченный броненосец на охоту за военными судами северян. Девятого марта «Виргиния» сошлась с вражеским броненосцем под названием «Монитор». Этот бой не принес решающей победы ни одной из сторон, но «Виргиния» поспешила отступить – лишь для того, чтобы двумя месяцами позже быть уничтоженной во время эвакуации Норфолка. В конце апреля войска Союза захватили крупный портовый город Новый Орлеан. Развивая успех, адмирал Дэвид Г. Фаррагут поднялся вверх по Миссиссипи и в мае захватил также Батон-Руж. В самом конце весны северяне вновь воспользовались этим безотказным водным путем: погрузившись на корабли в Иллинойсе, они спустились вниз по течению и 6 июня добавили к своим завоеваниям город Мемфис. Таким образом, контроль над главной водной магистралью Америки все более переходил в руки северян.

На восточном фронте обе воюющие стороны предприняли активные наступательные операции, и обе потерпели неудачу. К концу года вновь установилось

все то же неустойчивое равновесие. Противники, казалось, выжидали. Наконец, весной, после долгой, чуть ли не бесконечной подготовки Маклеллан решился предпринять новое наступление на Ричмонд. Он выбрал окружной маршрут – вдоль Чесапикского побережья, к устью рек Йорк и Джеймс, – поскольку здесь надеялся встретить меньшее сопротивление. В то время как Маклеллан двигался к столице южан, Томас Дж. Джексон по прозвищу Каменная Стена вел армию конфедератов к долине реки Шенандоа. По дороге Джексон разбил две армии северян и лишил Маклеллана подкрепления, в котором тот отчаянно нуждался. Он оказал неоценимую помощь генералу Роберту Э. Ли из Северной Виргинии, который с 25 июня по 1 июля неоднократно атаковал позиции Маклеллана. К концу «Семидневной битвы» виргинской армии удалось остановить продвижение северян, но не разбить их окончательно. И снова все то же патовое положение! Маклеллан топтался на месте, не в силах возобновить наступление на Ричмонд, и в августе потерявший терпение Линкольн приказал ему повернуть на север – с тем, чтобы соединиться с войсками генерала Джона Поупа.

Генерал Роберт Э. Ли

Узнавший о том Ли повернул свою армию на север и поспешил к дисклокации Поупа, дабы опередить Маклеллана. Это ему удалось. В конце августа состоялось второе сражение при Булл-Ран, в котором объединенные силы Джексона—Ли разбили войско Поупа, после чего Ли продолжил наступление – теперь он двигался на запад штата Мэриленд. Семнадцатого сентября его армия достигла городка Энтиэтем-Крик и схлестнулась в беспрецедентно яростной схватке с войсками Маклеллана. Энтиэтем вписал одну из самых кровавых страниц в историю гражданской войны: 4,8 тыс. убитых и 18,5 тыс. раненых – таков ужасающий итог этого сражения. Лишившись четверти армии, Ли вынужден был ретироваться. Маклеллан, потрясенный потерями среди своих людей, его не преследовал. Он удовольствовался тем, что блокировал первое крупное наступление Конфедерации на Север. Увы, следует признать, что войска Союза не сумели воспользоваться сложившейся ситуацией, а после того, как в декабре Ли нанес катастрофическое поражение генералу Эмброузу

Бернсайду в битве при Фредриксберге, это и вовсе стало затруднительно.

Освобождение

Энтиэтемская бойня навсегда останется темным пятном в американской военной истории, но одновременно эта битва стала поворотным моментом в политической, социальной и расовой истории Америки. Речь идет о Предварительной прокламации освобождения, которую Линкольн огласил по окончании битвы. В ней говорилось, что с 1 января все рабы, проживавшие в мятежных штатах, объявляются свободными – как было написано, «отныне и вовеки веков». Если до сентября 1862 года Север вел войну с целью восстановить единство Союза, то после Энтиэтема он сражался не только за объединение, но и за свободу.

Линкольн признал, что рабство было главной причиной гражданской войны, однако воздержался от заявления, что уничтожение рабства является главной целью той же самой войны. Если рассматривать политический аспект вопроса, то – что бы там ни утверждали находившиеся в оппозиции демократы – следует со всей определенностью признать: республиканцы были нацелены на сдерживание рабовладения, а вовсе не на его полное уничтожение. По конституции президент не имел права (и сам Линкольн это понимал) отменить систему рабовладения как таковую. Посему он надеялся, что эту работу возьмут на себя legislatures штатов. Президент отдавал себе отчет, что любой шаг, направленный на уничтожение рабства, вызовет энергичное сопротивление белых северян. И наконец, стратегически это был опасный шаг, ибо он мог повлечь

за собой недовольство жителей пограничных с Конфедерацией штатов и толкнуть их в объятия южан.

Пока президент раздумывал и колебался, сама жизнь внесла решительные коррективы: произошли некоторые события, которые ускорили решение вопроса. Рабы, трудившиеся на армию мятежников или же работавшие на плантациях, так или иначе помогали Конфедерации: во-первых, обеспечивая ее всем необходимым, а во-вторых, освобождая белых мужчин для военной службы. Оставить все как есть означало поддержать мятежные штаты. Однако все больше рабов бежали от своих хозяев и примыкали к Союзу. К концу весны 1861 года многие офицеры-северяне изменили свое отношение к беглым рабам: теперь это было не движимое имущество плантаторов, которое следовало поскорее вернуть на место, а некая «военная контрабанда», которую можно было заставить работать на благо Союза. Некоторые офицеры даже пошли дальше и на самом деле освобождали рабов. В Конгрессе республиканцы провели специальные «акты о конфискации», устанавливавшие процедуру отчуждения беглых рабов от их бывших хозяев: вначале проводилась санкционированная конфискация раба, назначенного для службы в рядах северной армии, а затем освобождение.

К лету 1862 года Линкольн наконец «созрел»: руководствуясь военной необходимостью и высокими идеалами, а также опираясь на чрезвычайные полномочия президента в военное время, он в принципе решил поддержать процесс освобождения рабов. Однако президент дожидался некоего военного события, дабы приурочить к нему объявление о своем решении. «Победа» Союза при Энтиэтеме как раз и дала такую возможность: президент огласил свою Предварительную декларацию. А 1 января 1863 года он подписал уже Окончательную декларацию

освобождения. На практике, однако, это вовсе не означало, что все рабы в Америке обрели свободу. Ведь Декларация освобождала только тех рабов, которые находились на территории, подконтрольной Конфедерации. Тем не менее данный документ давал надежду рабам: им объясняли, что грядущая победа Союза над мятежным Югом будет означать конец пресловутого «особого института», а следовательно, принесет личную свободу.

То, что начиналось как противостояние распространению рабовладения, переросло в открытую борьбу против самого факта существования рабства в южных штатах. В ходе войны некоторые пограничные штаты собственной властью отменили рабовладение на своей территории. В 1865 году Конгресс принял специальную поправку, отменяющую рабство, и разослал ее всем штатам на ратификацию. А 18 декабря 1865 года Тринадцатая поправка стала частью конституции США. Основанная на расовом признаке система принудительного труда, которая существовала в стране на протяжении двух столетий (и определяла жизни большинства американцев африканского происхождения) рухнула.

Неизвестный молодой капрал африканского происхождения

Очень многие бывшие рабы не замедлили воспользоваться этой поправкой. Почти 200 тыс. чернокожих американцев (большей частью из южных штатов) поступили на службу в армию Союза.

Армейская служба считалась непрестижной, поскольку была тяжелой и низкооплачиваемой. Но подразделения черных солдат во главе с белыми командирами считали свою миссию на поле боя великим делом. Первый взвод каролинских добровольцев принимал участие (и весьма успешно) в рейдах на территорию Флориды и других штатов. Половина 54-го пехотного полка Массачусетса под командованием полковника Роберта Голда Шоу погибла в Южной Каролине при атаке форта Вагнер под Чарлстоном. 2-й пехотный полк, составленный из цветных, доблестно сражался в битве при Нэшвилле, а 107-й пехотный полк помогал в захвате форта Фишер в Северной Каролине. Несколько десятков черных солдат погибли у форта Пиллоу, Теннесси, где они попали в окружение войск мятежников. Афроамериканцы внесли значительный вклад в дело Союза, но им пришлось заплатить за это высокую цену. Процент смертности в черных войсках был выше, чем в белых – почти 20 % всех чернокожих солдат погибли на фронтах гражданской войны.

1863 год

На третьем году войны наметился некоторый перелом в пользу Конфедерации. Среди жителей северных штатов усиливались антивоенные настроения. В ряде городов случились настоящие бунты: на улицы вышли толпы горожан, протестующих против воинской повинности. А поведение республиканских чиновников

и появление афроамериканцев только подогревало недовольство населения. Попытка северян взять под контроль оставшуюся территорию – от города Виксберг, штат Миссисипи, до луизианского форта Гудзон – сильно замедлила их продвижение по Миссисипи. А в начале мая случилось сражение под Чанселорсвиллем, на полпути между Ричмондом и Вашингтоном. В этом сражении 130-тысячная армия Союза, которой командовал генерал Джозеф Хукер, была разбита вдвое меньшей армией конфедератов под командованием Ли и Джексона.

Хотя при Чанселорсвилле Ли – вкупе со своим коллегой Джексоном – потерял почти 20 % людей, он решил предпринять еще одно наступление. Остатки его армии добрались до маленькой деревушки на юге Пенсильвании, где и столкнулись с войсками Союза под предводительством генерала Джорджа Г. Мида. Первого июля началась знаменитая битва при

Геттисберге. В первый день Ли удалось потеснить неприятеля, но северяне заняли исключительно удобную позицию на высоте. На следующий день все попытки конфедератов атаковать позиции Мида – то с правого фланга, то с левого – потерпели неудачу. В последнем отчаянном порыве 3 июля Ли бросил 15-тысячную армию против центра северян. Две трети солдат, участвовавших в этой атаке, погибли. Лишившись трети своей армии, Ли счел за благо отступить. Поле боя было покрыто телами павших: в этом бою погибли 23 тыс. солдат Мида и 28 тыс. из армии Ли. Неудачное сражение при Геттисберге стало последней наступательной операцией Конфедерации.

Четвертого июля, когда Ли начал свое отступление на юг, произошло еще одно несчастливое для южан событие – они лишились важнейших позиций на западе. Как мы помним, Грант вел свои войска по направлению к Вicksбергу: он медленно двигался против часовой стрелки – сначала в Луизиану, затем на восток и наконец в середине мая повернул на запад. Силы Союза осадили город. Гарнизон южан продержался шесть недель и как раз 4 июля вынужден был сдаться. Девятого июля порт Гудзон перешел в руки северян. Теперь федеральные войска контролировали Миссисипи по всей длине реки.

А в конце ноября конфедератов постигла третья серьезная неудача. Объединенные армии Гранта и Уильяма Текумсе Шермана продвинулись к Чаттануге и прорвали блокаду южан, закрепившихся в этом городе. В результате Союз захватил контроль над восточной частью Теннесси и остановился, готовый начать наступление в южном направлении, к Атланте. Однако Конфедерация на тот момент все еще обладала мощной армией и контролировала огромную территорию к югу от Виргинии. Фактически весь Нижний Юг оставался в ее руках. Война была еще далека от завершения.

1864 год

Гранта – в качестве главнокомандующего вооруженными силами Союза – перебросили на восток с тем, чтобы он покончил наконец с армией Ли. Шерман тем временем остался на западе сражаться с генералом Джозефом Э. Джонстоном. Два высших военачальника Союза должны были параллельно разыграть одну и ту же агрессивную схему: внезапно атаковать, сокрушить противника и неотступно преследовать его на всем пути отступления. Причем сложность заключалась в том, что им предстояло вести тотальную войну – не только против армии конфедератов, но и против всего населения Юга. Чтобы достичь своей цели, им следовало действовать одновременно, четко координируя наступательные операции войск Союза. Делая ставку на превосходящие силы Севера, Линкольн планировал окружить армии конфедератов и тем самым лишить их возможности развернуть войска для удара по слабым местам северян.

Итак, Грант выступил в южном направлении: он вел свою Потомакскую армию к Ричмонду, чтобы сразиться с меньшей по размеру вражеской армией (силы конфедератов составляли примерно 2/3 численности его собственного войска). В начале мая армии Гранта и Ли сошлись в битве при Уайлдернессе, к западу от Фредериксберга. После этого Грант стал забирать налево и к югу, оттесняя Ли к Спотсильвания Корт-Хаус. За неделю обе армии потеряли в общей сложности 50 тыс. человек.

И хотя потери северян были выше, это не остановило упорного Гранта: он продолжал двигаться в южном направлении – до тех пор, пока в начале июня не столкнулся с армией Ли возле Колд-Харбор. Произошла стычка, в которой северяне менее чем за час потеряли

7 тыс. человек. Вообще же за месяц непрерывных яростных боев Ли потерял 31 тыс. бойцов, потери Гранта составили в общей сложности 55 тыс. человек. И вновь Грант повел свою армию все в том же южном направлении, нацеливаясь на важнейшую узловую станцию в Питерсберге, в 25 милях от Ричмонда. Осада Питерсберга продлилась с июня 1864 года по апрель 1865 года. Помимо этого Грант отправил часть своих людей в долину Шенандоа с тем, чтобы они положили конец рейдерским вылазкам конфедератов и установили контроль над долиной этой реки. По пути им предписывалось уничтожать все источники обеспечения южан, используя пресловутую тактику выжженной земли.

Генерал Улисс С. Грант

В свою очередь Шерман, покинув Чаттанугу, повел 90-тысячную армию навстречу врагу, численность которого также сильно уступала шермановской армии (все те же $\frac{2}{3}$ армии северян). Надо признать, что Джозеф Джонстон проявил себя весьма опытным и изобретательным защитником Конфедерации. Но, увы, его маневры не произвели должного впечатления на Джефферсона Дэвиса, и тот сменил его на Джона Б.

Худа. Худ предпринял несколько атак с целью остановить продвижение Шермана, но все они потерпели неудачу. Второго сентября войска Шермана захватили Атланту. Пока Худ двигался на запад и на север в отчаянной (и тщетной) попытке прорваться в Теннесси, Шерман, разрушив большую часть Атланты, повернул на юго-запад. Его армия начала свой 300-мильный марш-бросок к побережью, уничтожая по пути базы обеспечения южан. Через всю Джорджию за ними протянулась полоса разрушений шириной в 60 миль. В середине декабря Шерман наконец достиг Атлантического побережья и 22 декабря оккупировал Саванну.

План Союза сработал: северянам удалось разделить силы противника и окружить войска мятежников. Мало того, что северяне оказывали постоянное давление на силы конфедератов, они распространили свою враждебность и на мирное население. Война с сопутствующими ей зверствами пришла в каждый город, в каждый дом южан, что значительно поколебало боевой дух мятежников. Союз тем временем готовился перейти к завершающей фазе войны.

Солдатская жизнь

Без малого три миллиона человек – с той и другой стороны – приняли участие в боевых действиях за время четырехлетнего военного конфликта. Каждый пятый из этих солдат нашел свою смерть, причем от болезней погибло вдвое больше, чем на поле боя. Опираясь на статистические данные, можно утверждать, что 2 % всего населения Соединенных Штатов сгинули на гражданской войне – в сегодняшнем эквиваленте это составило бы 5 млн человек. Это была война нового типа – совсем не та, к которой готовились американские солдаты. Против ожидания, она оказалась не молниеносной, а растянулась на долгие годы. В этой войне победа обеспечивалась не хитроумно разработанными планами, а грубой и целенаправленной боевой мощью. Наконец, в опровержение всех теоретических выкладок, более выгодной оказалась защитная стратегия: чем дальше, тем больше конфликт перерастал в позиционную войну. Вместо четко очерченных целей солдатам приходилось иметь дело с расплывчатыми боевыми заданиями, которым не было видно ни конца, ни края. Не славу, но бесконечное кровопролитие принесла эта война; ее девизом стала не доблесть, а насилие.

Учитывая затянувшийся характер военного конфликта, его политическую сложность, невероятные тяготы повседневной солдатской жизни и высокий уровень потерь, многие историки пытались разобраться в мотивациях солдат-участников гражданской войны. Что заставляло вчерашних мирных жителей терпеть все лишения и подвергать свою жизнь опасности? Некоторые ученые называют в качестве причины преданность воинскому долгу и верность боевым

товарищам. Что ж, действительно, это немаловажный фактор, учитывая, что, как правило, воевать приходилось рядом с ближайшими родственниками, соседями и друзьями. Другие историки полагают, что для солдат – и Конфедерации, и Союза – война стала проверкой на мужество и доблесть. Есть и те, кто доказывает: никакого героизма не было и в помине, солдаты, угодившие в самое пекло и уже не чаявшие выстоять, думали лишь об одном: как бы выжить в этом непрекращающемся аду.

Что касается историка Джеймса М. Макферсона, то он на первое место ставит верность принципам. Мы видим, что в своих письмах и дневниках солдаты всерьез размышляли над идеологической и моральной подоплекой войны, в которой им пришлось участвовать. Что интересно, и южане, и северяне декларировали верность принципам свободы и республиканизма. Они искренне верили, что именно сейчас – при их участии – решается судьба свободы. В ходе войны предстояло определиться: будет ли и впредь у людей возможность пользоваться основными человеческими правами; оправдает ли себя принцип самоуправления, на которое возлагались такие надежды; и, наконец, удастся ли сохранить сам дух революции. И те и другие рассматривали себя как сынов свободы, призванных защитить и узаконить великие идеалы, которые их отцы и деды сформулировали еще в 1776 году. Таким образом, на кону стояло не личное выживание отдельного солдата, а выживание самой республики.

Однако войска южан и северян по-разному понимали идеи свободы и республиканской революции. Солдаты Конфедерации видели главную угрозу свободе в тирании федерального правительства Севера и в его попытках подчинить Юг. Они пошли на войну, чтобы отстоять право на местное управление, им хотелось самим распоряжаться своей жизнью и не зависеть от

произвола далекой центральной власти. Подобно «повстанцам» времен революции, они защищали обретенную свободу от происков развращенного, деспотического режима. С точки зрения солдат-северян, главную угрозу представляла собой не мифическая тирания национального правительства, а совершенно явная измена южного меньшинства. Юг плел нити заговора с целью разрушить Союз. Подобное деяние республиканцы Севера рассматривали как страшное предательство всех американских идеалов, ибо все их надежды и чаяния были связаны с идеей единства штатов, единства нации. Солдаты-северяне защищали существующий политический порядок, считая своей священной обязанностью довести до конца революционное дело отцов и создать прочную основу для всенародной свободы.

Солдаты и с той и с другой стороны пребывали в полной уверенности, что их собственное понимание свободы и республики является единственно верным, что именно они свято чтят и продолжают дело героических предков. Не правы те, кто упрекает войска в бездумности. Нет, сохранившиеся документы свидетельствуют: солдаты постоянно размышляли над своей ролью в гражданской войне и были глубоко преданы тем ценностям, за которые сражались. Немалую роль в этом сыграли командиры, которые, заботясь о поддержании боевого духа армии, регулярно устраивали политические диспуты в окопах и солдатских лагерях.

1865 год: завершение войны

Как выяснилось, политика тотальной войны, которую проводил Союз, полностью оправдала себя: она не только обеспечила победу на полях сражений, но и повлияла на состояние умов и сердец южан. На завершающем этапе войны в их рядах наметился глубокий кризис доверия к руководству Конфедерации. Да и было от чего прийти в уныние. Армия южан снабжалась из рук вон плохо: не хватало ни боеприпасов, ни обмундирования, ни продуктов. Что еще хуже, людские ресурсы конфедератов тоже подходили к концу: на Юге просто не осталось белых мужчин, способных нести воинскую службу. Положение было настолько отчаянным, что в армии мятежников началось повальное дезертирство. Удрученные лидеры Конфедерации решились на беспрецедентный шаг: в марте 1865 года они издали закон, позволявший чернокожим рабам вступать в ряды действующей армии и обещавший им последующее освобождение. Добровольцы нашлись, но вот поучаствовать в боевых действиях негритянские подразделения не успели – война окончилась раньше.

Покинув Саванну, Шерман продолжал свой опустошительный марш на север. В апреле он достиг города Рэйли, Северная Каролина. Грант тем временем все плотнее сжимал кольцо вокруг Питерсберга, и 2 апреля сопротивление Ли было сломлено. Его войска оставили Ричмонд и Питерсберг и, преследуемые Грантом, двинулись на запад. Погоня завершилась 9 апреля в небольшом городке Аппоматтокс, расположенном в 70 милях к западу от Ричмонда. Здесь генерал Ли вынужден был капитулировать вместе со своей 25-тысячной армией. К концу мая прекратили

сопротивление и остальные силы Конфедерации. Наступил долгожданный конец войны.

Авраам Линкольн

Союз – единый и неделимый – был спасен, его принципы восторжествовали на всей территории Американских штатов. Однако эту безусловную победу омрачила еще одна человеческая жертва. Некий ярый сторонник Конфедерации предпринял личную атаку на одну из важнейших фигур Союза. Четырнадцатого апреля Джон Уилкс Бут подстерег Авраама Линкольна в вашингтонском театре Форда и ранил его выстрелом в голову. На следующий день президент скончался. Авраам Линкольн – в числе прочих 620 тыс. американцев – стал жертвой самой ужасной и катастрофической войны за всю историю республики.

Проблемы реконструкции

По завершении длительной и дорогостоящей войны могло показаться, что восстановление мира окажется сравнительно простым и приятным делом. Наверняка ведь силы вчерашних противников иссякли, да и непримиримая враждебность излилась в полной мере. Пора бы и успокоиться. Тем не менее потребовалось немало лет, чтобы раны войны окончательно зарубцевались. Все происходило в точности, как в послевоенные периоды XX века: поля сражений опустели, но бывшие конфликты с новой силой возродились в иных сферах. Увы, на пути быстрого и гармоничного восстановления нации возникло множество препятствий.

Прежде всего, не следует забывать о той горечи и разочаровании, которые война оставила в сердцах американцев. С болью озирали южане свои разоренные земли и погубленный мир. Их доля в национальном богатстве уменьшилась наполовину. Атланта, Чарлстон и Ричмонд лежали в руинах; крупнейшие железнодорожные станции были выведены из строя; отмена рабства сделала их практически нищими – по самым скромным подсчетам южане лишились от 3 до 4 млрд долларов, в свое время вложенных в приобретение рабов. Валюта Конфедерации обесценилась, стоимость земли катастрофически упала. Понадобилось двадцать лет, чтобы производство хлопка и табака достигло довоенного уровня. На восстановление сахарных плантаций ушло и того больше – почти три десятилетия. А моральный ущерб? Гордость южан невыносимо страдала при мысли, что их доблестная армия потерпела бесславное поражение. Более четверти миллиона мужчин – лучшие сыны Юга –

сложили головы на этой проклятой войны, и во имя чего? Ради того, чтобы дерзкие, заносчивые и бесчестные федералы наслаждались всей полнотой власти? А северяне в то же время оплакивали свои непомерные жертвы: ведь потери Союза на 40 % превышали таковые у противника. Вряд ли на Севере осталась хоть одна семья, у которой война не унесла бы сына, отца или мужа. И виной тому не честолюбивые и агрессивные планы Союза, а предательские действия южан. Именно подлый заговор мятежников-рабовладельцев стал причиной всех этих смертей и воцарившегося в обществе хаоса. Северяне не склонны были жалеть побежденных. Жестокая война почти начисто истребила в сердцах людей такие чувства, как сострадание, доверие и добрая воля.

Помимо того, существовал целый ряд проблем технического порядка. Дело в том, что в конституции отсутствовали четкие указания по поводу восстановления республики. Собственно, трудно ожидать от любого документа, чтобы он подробно прописывал процедуру своего аннулирования. Как бы то ни было, целый ряд неотложных вопросов требовал немедленного разрешения. Прежде всего, необходимо было определиться со статусом южных штатов. Они вновь вернулись в лоно Союза, но на каких правах? Считать ли их присоединившимся иностранным государством или же покоренными территориями? Более того, если, согласно конституции, отложение штатов невозможно, то следует ли признавать сам факт их выхода из Союза? Далее, какое федеральное ведомство возьмет на себя руководство процессом реконструкции? Является ли это задачей исполнительной, законодательной или, может быть, судебной ветви власти? Отсутствие четких директив на сей счет привело к ожесточенной конкурентной борьбе:

каждая из инстанций стремилась урвать себе дополнительный кусочек власти.

Третья проблема, как и следовало ожидать, касалась политического аспекта власти. Минувшая война привела к тому, что и Север, и Юг обзавелись более сильными, чем прежде, и более централизованными национальными правительствами. Круг их полномочий был чрезвычайно велик: они распоряжались денежными средствами и людскими ресурсами, принимали новые законы и приостанавливали действие старых. Казалось бы, для успешного преодоления последствий войны требовалось еще больше расширить возможности этих правительств, но. Так уж сложилось, что в американской политической традиции всегда доминировал страх перед чрезмерной концентрацией власти и перманентное стремление защитить драгоценный и хрупкий дар свободы. И если одни задавались вопросом, сколько власти потребуется, чтобы реализовать военные цели, тут же находились другие, которых волновало, а не окажется ли этой власти слишком много – так что пострадают республиканские принципы.

Четвертая проблема заключалась в том, что реконструкция как таковая началась еще во время гражданской войны. Как только войска Союза оккупировали южные территории, они тут же принялись насаждать там собственные принципы управления. В столь сложных обстоятельствах президент Линкольн делал ставку на политику снисхождения и примирения. В частности, он призывал не отталкивать унионистов, а проявлять уважение к их чувствам. Линкольн разработал собственный, весьма миролюбивый план, который должен был успокоить южан, поскорее закончить войну, обеспечить освобождение негров и в кратчайшие сроки

восстановить единство нации. Далеко не все члены Конгресса соглашались с президентом. Радикальные республиканцы настаивали на собственном видении ситуации. Это противостояние особенно обострилось в послевоенный период. Надо признать, тому были веские причины. Белые южане не желали расставаться с привычным образом жизни: они изыскивали все новые способы для притеснения формально освобожденных рабов. Одновременно они, не таясь, воздавали почести бывшим конфедератам, с их точки зрения, «героям войны». Столь дерзкое и непримиримое поведение вчерашних мятежников подвигло Конгресс на ужесточение позиции: в спешном порядке начали разрабатывать программу коренного изменения жизни на Юге. Подобное изменение федеральной стратегии вызвало резкое недовольство в южных штатах и попутно привело к политическому расколу в Вашингтоне.

Немалая проблема возникла и в связи с гибелью Линкольна. После его смерти конгрессмены отвергли президентскую программу реконструкции и заявили о неправомерности президента принимать столь важные решения без ведома и согласия Конгресса. Теперь большие надежды возлагались на нового главу исполнительной власти – Эндрю Джонсона. Предполагалось, что он поставит более жесткие условия реинтеграции южных штатов. К сожалению, приходится признать, что новому президенту не хватало ни политического такта Линкольна, ни его надежной команды, ни партийного авторитета. Да Джонсон и не пытался поладить с конгрессменами, он выказывал гораздо больше расположения к южанам, чем к собственным законодателям. В результате нация, и без того разобщенная секционными разногласиями, вынуждена была страдать от конфликта между президентом и Конгрессом.

Возможно, самым серьезным препятствием для быстрой и успешной реконструкции стал небывалый всплеск расизма. По словам историка Уильяма Жиллета, в этот период «большинство белых американцев были на сто процентов убеждены в превосходстве собственной расы». При подобном отношении любая попытка обеспечить гарантированные права чернокожих была обречена на провал. Белые рассматривали негров как представителей низшего порядка, которые в лучшем случае пока не готовы, а в худшем – и вовсе неспособны принимать полноценное участие в жизни страны. Минувшая война никак не связывалась в глазах белых северян с борьбой за освобождение чернокожих рабов, посему все попытки даровать неграм равные права наталкивались на непонимание и раздражение. Южане и вовсе рассматривали эту затею как прямой вызов своим принципам и традициям. Все чаще поговаривали о злонамеренном эксперименте северян, которые желают разрушить мир посредством черной власти. Когда стало ясно, что политические демарши бесполезны – Конгресс явно вознамерился довести борьбу за права негров до победного конца, – белые южане решили прибегнуть к тактике террора. В 1866 году возникла военизированная организация под названием Ку-клукс-клан, ставшая серьезной помехой на пути реконструкции.

Ку-клукс-клан: два члена Алабамского отделения организации (фотография 1868 г.)

Федеральное правительство и реконструкция

Итак, две ветви власти – законодательная и исполнительная – засели за новый план реконструкции страны. Прежний проект, предложенный Линкольном в 1863 году и исправленный Джонсоном в 1865 году, носил ярко выраженный примирительный характер. В нем в качестве первостепенной задачи рассматривалось скорейшее воссоединение штатов и лишь во вторую очередь затрагивались права чернокожих американцев. Новый план реконструкции, в 1866-1870 годах подготовленный Конгрессом, предусматривал ряд жестких условий реинтеграции «мятежных штатов»: военный надзор со стороны северян и обязательное избирательное право для совершеннолетних чернокожих мужчин. Если президентские планы касались в основном управления восстановленным Союзом, то новая редакция была нацелена не только на

политическое единство, но и на кардинальные общественные изменения.

Свой план Линкольн обнародовал в декабре 1863 года. Воспользовавшись правом президентского прощения, он настаивал на максимально мягком подходе к процессу перестройки государства. Линкольн пообещал амнистировать всех южан (за исключением высших военных и политических чинов Конфедерации), которые присягнут в лояльности Союзу и примут идею освобождения рабов. Если присягу на верность принесут 10 % от числа избирателей, принимавших участие в выборах 1860 года, штат получает право заново сформировать правительство и присоединиться к Союзу. Президент рекомендовал (но не настаивал) предоставить избирательные права чернокожим мужчинам. Теннесси, Арканзас, Луизиана и Виргиния приняли план Линкольна и выполнили положенную процедуру, однако несговорчивый Конгресс отказался признавать присланных ими представителей. Законодатели подготовили проект, в котором значительно ужесточили условия возврата в Союз. Прежде всего, не удовлетвоваввшись предложенной Линкольном цифрой в 10 %, они потребовали, чтобы на верность присягнула большая часть белого населения штата. Второе условие касалось организации местных конвентов: поскольку этим конвентам в дальнейшем предстояло формировать правительства штатов, то принимать в них участие разрешалось лишь тем, кто в прошлом не запятнал себя нелояльностью по отношению к Союзу. Воспользовавшись «карманным вето», Линкольн отложил подписание предложенного законопроекта. Верный себе, президент оставался открытым для диалога, он готов был и дальше обсуждать пути реконструкции (в частности, намеревался ввести расширенное избирательное право) и меры федерального контроля за ее реализацией.

Однако трагическая смерть Линкольна в середине апреля 1865 года помешала прийти к согласию и решить все вопросы, связанные с предстоящей реконструкцией.

В отличие от своего предшественника, новый президент Эндрю Джонсон не производил впечатления человека, который способен в чем-либо переубедить Конгресс. В некотором смысле Джонсон был случайным президентом – в команду Линкольна его включили лишь в 1864 году (да и то главным образом для того, чтобы разнообразить список кандидатов). Учитывая особенности политического момента, Джонсон представлял собой весьма спорную фигуру: выходец из южных штатов, в прошлом рабовладелец, убежденный расист и к тому же член демократической партии. Однако во время гражданской войны он примкнул к унионистам, осуждал сецессию южных штатов и поддерживал мелких фермеров в их борьбе с плантаторской элитой. Что касается реконструкции, то Джонсон объявил себя продолжателем дела Линкольна.

Через месяц после смерти Линкольна Джонсон обнародовал свой план восстановления. Воспользовавшись тем, что конгрессмены находились на каникулах, президент поспешил повести дело на свой лад. Он амнистировал всех южан, присягнувших на верность Союзу, и позволил им собрать конвенты. Предполагалось, что эти конвенты осудят сецессию южных штатов и ратифицируют Тринадцатую поправку к конституции, после чего займутся формированием новых правительств. Джонсон отстранил от участия в конвентах бывших высокопоставленных чиновников Конфедерации, а также представителей плантаторской элиты, оставив, впрочем, за ними право обратиться к президенту (то есть к нему самому) с прошением о пересмотре решения. В результате к концу года практически во всех бывших штатах Конфедерации

существовали действующие правительства, а Конгресс наотрез отказывался их признавать.

Президент Эндрю Джонсон

Раздражение конгрессменов вполне можно понять: мало того, что Джонсон действовал через их голову, так он еще и разбрасывался направо и налево президентскими прощениями, открыто благоволил демократам и весьма некстати высказывался в пользу избирательного права для негров (справедливости ради следует признать: последнее Джонсон делал исключительно для того, чтобы заткнуть рот радикальным республиканцам). Еще тревожнее выглядели новости с Юга: используя тактику проволочек, белые члены тамошних легислатур фактически игнорировали выставленные им условия. Они так и не удосужились выступить с осуждением сецессии и рабства, зато успели наводнить все правительственные учреждения бывшими конфедератами. Они по-прежнему не допускали чернокожих к голосованию, более того – изобрели несправедливые «черные кодексы», существенно ограничивавшие права освобожденных рабов. Все вместе – неподобающее поведение президента и открытое неповиновение южан – подтолкнуло конгрессменов к решительным действиям. Они решили

перечеркнуть все, что сделано, и начать реконструкцию заново.

Собравшийся в 1866 году Конгресс начал с мер, усиливающих федеральную защиту освобожденных рабов. Обе палаты единогласно постановили расширить функции «Бюро освобожденных людей». Это ведомство, организованное в 1865 году, имело своей целью управление разоренными и заброшенными южными территориями. Одновременно оно снабжало одеждой, продуктами питания и топливом бывших рабов и других остро нуждающихся граждан. Согласно решению Конгресса, теперь Бюро предстояло заниматься также вопросами образования и юридической защиты освобожденных негров. В целях борьбы с «черными кодексами» законодатели приняли билль о гражданских правах, гарантирующий бывшим рабам полноценное гражданство. Президент Джонсон наложил вето на оба решения, а конгрессмены – в пылу борьбы – аннулировали президентское вето.

Вслед за тем Конгресс выдвинул собственную (первую по счету) редакцию плана реконструкции. Главный упор делался на защиту гражданских прав (в том числе избирательных) освобожденных негров и отстранение от государственных должностей бывших конфедератов. Обе палаты одобрили и разослали во все штаты текст Четырнадцатой поправки к конституции. В этом документе давалось конституционное определение американского гражданства, которое теперь распространялось и на афроамериканцев. Отдельно оговаривалось, что все граждане имеют «равную защиту перед законом». Какие-то штаты, конечно, могли своей властью отказать в избирательном праве совершеннолетним мужчинам (как белым, так и черным), но в этом случае на них накладывалось наказание в виде сокращения их представительства в Конгрессе. Поправка также впредь

запрещала включать бывших сторонников Конфедерации в правительства штатов или назначать их на другие ответственные должности. Не согласный с этими мерами Джонсон рекомендовал южным штатам отвергнуть Четырнадцатую поправку. Практически все штаты последовали совету президента, за исключением Теннесси, который предпочел ратифицировать поправку и вновь вернуться в лоно Союза. Джонсон был оскорблен поведением своего родного штата, но на этом его огорчения не окончились: ему пришлось испытать сильнейшее разочарование в ходе выборов 1866 года, когда республиканцы получили надежное большинство в обеих палатах Конгресса.

В 1867 году законодатели разработали новый, второй по счету, план реконструкции. Десять неприсоединившихся штатов Конфедерации были сведены в пять военных округов, подчинявшихся генералам армии, уполномоченным вводить военное положение. Каждому штату предписывалось сформировать конвент (путем всеобщего мужского голосования) и принять конституцию, обязательным пунктом которой являлось избирательное право для негров. После ратификации Четырнадцатой поправки штат мог снова присоединиться к Союзу.

На фоне страстей, бушевавших по поводу неприсоединившихся штатов, Конгресс решил проявить твердость и объявил, что не позволит двум остальным ветвям федеральной власти застопорить реконструкцию. Свое заявление Конгресс подкрепил конкретными мерами. Прежде всего он ограничил юрисдикцию Верховного суда в вопросах, касавшихся реконструкции. Кроме того, конгрессмены существенно урезали полномочия президента, запретив тому самостоятельно связываться с военными губернаторами округов. Теперь все военные приказы Джонсон должен был согласовывать с главнокомандующим армией, пост

которого на тот момент занимал – вот удача! – убежденный республиканец У. С. Грант. Кроме того, был принят закон о пребывании на государственной службе, запрещавший президенту без согласия сената увольнять чиновников. Это постановление сыграло благотворную роль в судьбе военного министра Эдвина М. Стэнтона, защитив его от произвола президента.

Джонсон имел серьезные претензии к Стэнтону и, несмотря на все свое политическое благоразумие, попытался уволить его с занимаемой должности. Проконсультироваться при этом с сенатом он «позабыл». Это вызвало целый шквал нареканий со стороны законодателей: президента обвиняли в нарушении федерального закона. В феврале 1868 года палата представителей начала процедуру импичмента президента, создав для этого специальную судебную комиссию. Джонсону предъявлялись обвинения по одиннадцати пунктам. Большая часть их была связана с делом Стэнтона, остальные касались президентских нападков на Конгресс и его попыток притормозить процесс реконструкции. По закону для вынесения импичмента требовалось, чтобы за него проголосовали две трети всех членов палаты представителей. Когда на судебном заседании в сенате началось голосование, выяснилось, что для осуждения президента не хватает одного голоса. Благодаря данному случаю в политической практике США возник важный прецедент: президента нельзя подвергнуть импичменту за политические дискуссии и разногласия, а только за судебные наказуемые проступки и серьезные преступления. После такого афронта радикальные республиканцы несколько присмирели, да и сам Джонсон перестал играть в непримиримого обструкциониста. Наконец-то сложилась нормальная ситуация, когда Конгресс принимает законы, а президент обеспечивает их исполнение.

В скором времени к Союзу присоединились еще шесть бывших штатов Конфедерации, однако реконструкция была еще далека от завершения. Четыре штата проявляли упорство, не желая должным образом решать вопрос об избирательном праве. По сути, чернокожим южанам лишь пообещали это право, но не подкрепили обещаний никакими юридическими гарантиями. Действительно, согласно Четырнадцатой поправке, Конгресс мог наказать строптивый штат, но не заставить его принять нужное решение. Даже те южные штаты, которые в своих конституциях формально гарантировали неграм избирательное право, могли в один прекрасный день аннулировать свое решение. Это чрезвычайно тревожило республиканцев, которые, готовясь к выборам, надеялись найти верных союзников в лице черных избирателей. Жизнь подтвердила правильность их расчетов: 80 % голосов, которые республиканцы получили на Юге, принадлежало бывшим рабам.

Первое голосование. Литография, напечатанная в «Харперс» в ноябре 1867 г.

Чтобы создать законодательную базу, Конгресс в 1869 году принял еще одну, Пятнадцатую поправку, которая категорически запрещала штатам отказывать

своим гражданам в избирательном праве «на основании расовой принадлежности, цвета кожи или бывшего статуса раба». Что ж, данная поправка устраняла некоторые причины для отказа, но, увы, далеко не все. Да, теперь негра не прогонишь с избирательного участка на том основании, что он черный; но в XIX веке можно было отыскать и другие возражения: к примеру, как же негр будет голосовать, если он неграмотен? Или совершенно нищ (не будем забывать об имущественном цензе)? А уж о женщинах и вовсе речь не шла – не тот пол! Подобные увертки широко использовались не только южанами, но и северянами. Северные штаты вообще держали печальный рекорд по вопросу о предоставлении избирательного права неграм. В 1865 году лишь пять северных штатов решились на такой шаг. Этот вопрос неоднократно поднимался в 1865-1868 годах, и шесть северных штатов наотрез отказались распространить избирательное право на чернокожих американцев. Даже когда Конгресс взялся за дело всерьез и разослал по штатам проект поправки на утверждение, некоторые из пограничных северных штатов отказались ее ратифицировать. В результате закон все же был принят, но не повсеместно. Ведь оставались еще четыре южных штата, которые тянули с ратификацией поправки, хоть это и являлось непременным условием возврата в Союз.

Наконец, после всех проволочек, к 1870 году процесс ратификации был успешно завершен, и все бывшие штаты Конфедерации снова воссоединились со своими северными соседями. Вновь на всей территории США воцарилась двухпартийная система. Казалось, жизнь в государстве приходит в норму. Американцы африканского происхождения обрели полноценное гражданство, избирательное право и равенство с белыми перед законом. Восстановив в стране политический мир и достигнув такого положения, когда

бывшие рабы уже вполне могли сами о себе позаботиться, большинство республиканцев посчитало, что главные цели реконструкции достигнуты. Общественное движение за реформы потеряло остроту и пошло на спад.

Освобожденные рабы и реконструкция

Процесс освобождения чернокожих рабов не только покончил с системой рабского труда, но и положил начало афроамериканскому самоуправлению. Освобожденные южные негры стали ключевыми фигурами в процессе реконструкции. Получив свободу, они активно принялись строить новую жизнь. Именно благодаря их деятельности послевоенный Юг следует определять не просто как территорию, свободную от рабства, а как регион с растущим афроамериканским влиянием.

Объявленная Линкольном Декларация свободы еще не означала подлинного освобождения для большинства рабов. Ведь декрет уничтожал рабовладение только на территории Конфедеративных штатов, то есть на тот момент неподвластной Союзу. Реальная свобода наступила, когда войска северян вторглись в земли Конфедерации, когда заработали бюро освобожденных людей, и вчерашние рабовладельцы стали отпускать рабов на волю. Сами негры по-разному отнеслись к такой перемене в судьбе. Для некоторых она была долгожданным событием, для других оказалась неожиданностью. Одни собирались в кучки, обсуждали, советовались, другие предпочитали размышлять в одиночку. Многие негры встретили освобождение с радостью и ликованием, иных же обуревали тяжкие сомнения и предчувствия. Что характерно, нигде не было зафиксировано случаев

проявления враждебности или актов мести по отношению к прежним хозяевам.

Свобода не просто открыла новые возможности перед бывшими рабами. По словам историка Леона Литвака, она способствовала тому, что у негров «резко выросла уверенность в собственных силах, они поверили, что впредь смогут успешно строить свою жизнь без оглядки на белых». Тысячи бывших рабов мужского пола в качестве способа реализовать свое право на свободу избрали воинскую службу в армии Союза. Семьдесят процентов чернокожих солдат в армии северян являлись выходцами из южных штатов. Однако еще больше освобожденных рабов ухватились за открывшуюся возможность обрести мобильность: распрощаться наконец с надоевшей плантацией и податься в новые места. Причем это вовсе не означало, что негры уезжали на край света или находились в беспрерывных странствиях, – среди них не так уж много было прирожденных бродяг. Как правило, для отъезда существовали вполне разумные основания: кто-то рассчитывал найти работу и получше устроиться на новом месте, кто-то решил примкнуть к одной из крупных черных общин в городах. Многие негры пытались воссоединиться со своими семьями, с которыми их разлучила война или злая воля хозяина. Не будем вдаваться в анализ, с какой именно целью бывшие рабы пускались в путь – в поисках работы или близких. Важно отметить другое: в регионе, где прежде перемещения чернокожих рабов были строго ограничены, теперь наблюдалось масштабное передвижение афроамериканцев.

Освобождение также предоставило неграм дополнительные возможности для самоутверждения и самоидентификации. Бывшие рабы обретали фамилии, выбирали себе новые имена. Мужья и жены стремились узаконить свои браки в гражданских инстанциях.

Чернокожие мужчины прямо-таки упивались новой для себя ролью главы семейства: как правило, это диктовалось вполне разумным желанием защитить себя и членов своей семьи от внешней эксплуатации; но порой стремление доминировать принимало гипертрофированные формы – мужья-негры проявляли себя настоящими тиранами, ограничивая жен рамками домашнего очага. Вне стен своего дома чернокожие американцы нередко вели себя вызывающе: как же, теперь они свободные люди и имеют право на уважение со стороны окружающих. Иногда это выливалось в довольно мелочные и глупые поступки, например нежелание уступать дорогу на запруженной улице или демонстративный отказ снимать шляпу перед белыми. Но следует понимать, что за этим мальчишеством скрывалось настойчивое стремление освобожденных рабов установить новые поведенческие стереотипы в обществе.

Создание достойных экономических условий существования виделось еще более важной задачей для чернокожих жителей южных штатов. Они прекрасно понимали, что только владение землей даст им желанную независимость и уверенность в завтрашнем дне. По окончании гражданской войны многие негры надеялись получить в собственность землю, на которой они в прошлом трудились. Популярный лозунг «сорок акров и мул» не только постоянно муссировался в народной среде, но и выносился на обсуждение Конгресса. Отдельные военные командиры самочинно пытались реализовать его, раздавая брошенные плантации в аренду бывшим рабам. Однако ни эти разрозненные эксперименты, ни чаяния чернокожих южан не могли поколебать позиции северян, заседавших в Конгрессе: конфискация и перераспределение земель конфедератов означали надругательство над частной собственностью, а

частная собственность в Соединенных Штатах священна, она всегда довлеет над экономической справедливостью.

Однако негры, даже поставленные в столь невыгодные обстоятельства, не собирались сдаваться. Они всеми силами пытались обеспечить себе то, что мы теперь называем социальными гарантиями – справедливую оплату труда, разумную длительность и интенсивность рабочего дня, а также некоторое количество свободного времени для отдыха и восстановления. На первых порах, однако, негры оказались связанными трудовыми контрактами с плантаторами, которые, со своей стороны, стремились воссоздать довоенные хозяйства и остро нуждались в рабочей силе. Неграм снова предлагалось терпеть артельный труд, строгий надзор и мизерную оплату труда. Немудрено, что они воспротивились – уж больно все это напоминало бывшее рабство. В конце концов им удалось настоять на изменении условий труда. В качестве разумной альтернативы была принята издольная система, при которой огромные плантации поделили на небольшие участки и раздали их неграм в аренду. Работая на такой ферме, они расплачивались с хозяином частью выращенного урожая. Плантаторы могли быть довольны: они сохраняли свою землю; ежегодное возобновление договоров аренды обеспечивало их необходимой рабочей силой на время сбора урожая; а главное, за это не приходилось платить – появлялась возможность пустить свободные средства (у кого они имелись) на другие цели. Негры тоже, в общем-то, вздохнули свободно. Хотя им и приходилось нелегко – и подчас они попадали в долговую кабалу у хозяина земли или местных торговцев, – тем не менее формально они сохраняли независимость. Теперь над ними не стоял белый надсмотрщик, бывшие рабы сами решали, когда и сколько трудиться. Они получали часть

урожаем, что позволяло кое-как сводить концы с концами; и жили – хвала Господу! – не в прежних переполненных бараках, а на отдельном участке. Издольная система, конечно, имела свои недостатки, но, по утверждению историка Уильяма Л. Барни, «в конце 1860-х годов она оказалась вполне уместной, именно потому, что устраивала самих негров». Эта система стала пусть и не совершенным, но все же приемлемым способом решения проблемы: она обеспечивала освобожденным рабам более достойные условия существования, чем прежняя система рабского труда.

Освобождение способствовало также созданию общественных институтов афроамериканцев. Некоторые организации имели своей целью братскую взаимопомощь в рамках черной общины. Но немалую роль играли и образовательные учреждения: они позволяли неграм овладеть грамотой и профессиональными навыками, которые прежде были для них под запретом. Начиналось все со скромных школ, где преподавали миссионеры, идейные реформаторы или просто негры с Севера. Однако постепенно освобожденные рабы начали широкую кампанию по организации многочисленных школ, пользующихся налоговыми льготами и заложивших основу первой публичной системы образования в южных штатах. Обретшие свободу южные негры основали также собственные церкви – в основном это были религиозные учреждения, принадлежавшие баптистской или Африканской методистской епископальной церкви. Они стали важнейшими центрами общественной жизни чернокожих американцев, обеспечивая не только духовное руководство, но и общую координацию жизни черной общины. Ведь по многолетней традиции именно в церковь шли негры, чтобы реализовать потребность в

социальных контактах или получить быструю и эффективную помощь. Как правило, на роль священников выбирались наиболее уважаемые члены черной общины, их авторитет не ограничивался церковным амвоном, но простирался и на общественную жизнь. Черное духовенство взяло на себя защиту политических прав своей паствы и координацию деятельности первых политических организаций чернокожих.

Вообще следует отметить настойчивое стремление вчерашних рабов к активному участию в политической жизни страны. Уже в 1865 году были образованы первые черные конвенты – для обсуждения коллективных потребностей чернокожего населения и определения его главных политических целей. По мере того как в ходе проводимой Конгрессом реконструкции избирательные права негров расширялись, они принимали активное участие в голосованиях, выставляли своих депутатов в конституционные конвенты штатов (кооперируясь при этом с республиканцами) и претендовали на доступные им политические должности. В правительствах южных штатов чернокожие американцы занимали примерно 15-20 % всех должностей. Немалых успехов они добились и в Конгрессе: в палате представителей им принадлежало 14 мест, а двое афроамериканцев пробились в сенаторы. При этом, конечно же, ведущие политические посты по-прежнему занимали белые, да и общее количество черных политиков никак не соответствовало размеру их электората.

Среди республиканцев, на короткий послевоенный период захвативших контроль в правительствах южных штатов, можно было выделить три основные категории. Прежде всего к ним следует отнести американцев африканского происхождения (как бывших рабов, так и свободных негров). Немалую (и весьма неприятную)

группу составляли северяне, хлынувшие после войны на Юг в надежде на быстрое и легкое обогащение (в народе их не любили и называли не иначе как «саквояжниками»). И, наконец, сюда же относилась та часть белых южан, которая презрела интересы демократической партии и плантаторской элиты (за что и удостоилась презрительного прозвища «прихвостней»). В целом республиканцы были настроены на проведение широкомасштабной программы по защите политических и гражданских прав, организации общественных работ и разнообразных учреждений.

На практике им пришлось столкнуться с целым рядом проблем. Во-первых, очень скоро выяснилось, что все социальные проекты республиканцев весьма дорогостоящи, а следовательно, ведут к ужесточению налогового бремени. Сей факт оттолкнул многих сторонников реформ и сильно поубавил энтузиазм самих реформаторов. Во-вторых, закономерные нарекания вызывал и характер деятельности республиканцев. В особенности это касалось программы железнодорожного строительства на территории южных штатов, где вскрылся целый ряд нарушений и неоправданных трат. Следует, однако, признать, что все подделки и приписки строителей бледнели перед поистине беспредельным мошенничеством северных политиков, хозяйничавших в то время на Юге. В-третьих, течение реформ тормозила коалиция республиканцев-южан, которые постоянно оглядывались на интересы своих сторонников. В-четвертых, едва ли не главным препятствием оказались расовые и политические предрассудки белых южан: они не переставая жаловались на «черный республиканский» режим, который северные власти якобы насаждают у них на Юге. С 1869 года контроль над деятельностью южных правительств начал

переходить в руки демократов, и программа реконструкции с ее реформами постепенно заглохла.

Конец реконструкции

К 1872 году благодаря обширной программе амнистирования большая часть белого населения восстановила свои избирательные права, и влияние черного электората заметно снизилось. Плантаторы и торговцы использовали экономические рычаги, чтобы отвратить негров от голосования. Ку-клукс-клан вносил свою зловещую лепту при помощи актов террора и устрашения. Набиравшие силу демократы не стеснялись использовать крикливую и псевдоубедительную пропаганду, запугивая избирателей расистскими лозунгами. Они живописали ужасы «черного правления», который неминуемо приведет Юг к гибели (и это при том, что во всех legislatures четыре пятых политических должностей принадлежали белым, и лишь в правительстве Южной Каролины афроамериканцы обеспечили себе большинство). Установленное Конгрессом военное правление, равно как и любой контроль со стороны федеральной власти, демократы объявили «не соответствующими республиканским принципам». Они без устали клеймили коррупцию, которой, по их мнению, были заражены вновь образованные правительства штатов (благополучно забывая о заседавших в них демократах), и призывали народ вспомнить о традициях местного управления и священных правах штатов.

Главным козырем демократов стало обещание восстановить «самоуправление» и вернуть южные правительства в прежнем виде. Все будет хорошо, как только белые снова возьмут власть в свои руки,

избавятся от ненавистных афроамериканцев и унижительного контроля со стороны федерального правительства. А заодно спустят на тормозах никому не нужную программу реконструкции. К 1871 году демократы – всеми правдами и неправдами – сумели завоевать такие штаты, как Виргиния, Теннесси, Северная Каролина и Джорджия. А уже к 1877 году Южная Каролина, Флорида и Луизиана, где проживало большое количество чернокожих, перешли под влияние демократов.

По мере того как демократическая партия наращивала свое влияние на Юге, на Севере члены республиканского Конгресса все более охладевали к заявленной программе реформ. Одни конгрессмены утверждали, что негры не нуждаются в помощи и поддержке: ведь, получив свободу, избирательные права и равенство перед законом, они находятся в том же самом положении, что и белые члены общества. Другие республиканцы выражали озабоченность по поводу тех безобразий, что творились в южных правительствах (недаром же стиль их работы характеризовался как «организованный грабеж»). Особенно неприятно выглядели скандалы, связанные с президентом: администрации Улисса С. Гранта предъявляли обвинения в коррупции, мошенничестве и взяточничестве в особо крупных размерах. Что и говорить, блестящая слава военного героя помогла Гранту выиграть выборы 1868 года, однако его политическая некомпетентность сыграла роковую роль, лишив президента необходимой поддержки в 1872 году, когда он решил баллотироваться на новый срок. Вчерашние сторонники, а нынешние недоброжелатели – кстати, в их число входил и радикальный адвокат Чарльз Самнер – призывали республиканцев отказаться от борьбы на Юге (которая явно складывалась не в их пользу), положить конец федеральной интервенции и,

ограничив власть централизованного правительства, позволить вновь восторжествовать свободному конкурентному рынку. По всему было видно, что разочарование реконструкцией зашло слишком далеко.

К тому же назревали новые зловещие события, которые заставили забыть о неудавшихся попытках реформировать Юг. В 1873 году в американской экономике наступил пятилетний период серьезного упадка, и на место мечтам о всеобщем социальном равенстве пришли заботы о восстановлении экономики. Наибольшую выгоду из этого кризиса извлекли опять-таки демократы, которые на выборах 1874 года сумели обеспечить себе большинство мест в палате представителей и увеличить свое присутствие в сенате. В дополнение к текущим бедам (проблемам рынка и победе оппозиции) республиканцам пришлось выдержать борьбу с Верховным судом, который опротестовал ряд мер реконструкции. В 1873 году суд объявил, что Четырнадцатая поправка защищает права лишь общегосударственного гражданства, но никак не решает проблему на уровне штатов. В 1876 году новое обвинение: оказывается, поправка устраняет дискриминацию со стороны штатов, но отнюдь не со стороны отдельных лиц или групп лиц. Еще одно постановление 1876 года гласило, что Пятнадцатая поправка вовсе не обеспечивает всеохватывающего «избирательного права», а только снимает некоторые специфические ограничения. В 1883 году состоялось судебное заседание, которое объявило неконституционным принятый в 1875 году закон о гражданских правах, запрещающий дискриминацию в общественных местах. Все эти судебные решения промостили дорожку для новых ограничений избирательного права и в конечном счете способствовали ужесточению расовой дискриминации и упрочению принципа сегрегации.

Таким образом, к середине 1870-х годов реконструкция отошла в прошлое – если теперь о ней и вспоминали, то как о чем-то несущественном. Возможность окончательно покончить с движением за реформы представилась в связи со скандальными президентскими выборами 1876 года. На этих выборах демократ Сэмюел Дж. Тилден набрал 51 % голосов на всенародном голосовании, но в коллегии выборщиков его победу оспаривал кандидат от республиканцев Рутерфорд Б. Хэйс. Дело решали 20 спорных голосов от четырех штатов. Состоялась встреча руководителей обеих партий, на которой обсуждался возможный исход выборов. Демократы согласились отдать первенство Хэйсу в обмен на обещание вывести федеральные войска с территории южных штатов, оказать финансовую поддержку экономическому развитию региона и утвердить вождеденное «самоуправление» в том, что касается социальных и расовых вопросов. Предложение было принято, и этот «компромисс» 1877 года не только отдал судьбу южных негров в руки их бывших белых хозяев, но и положил конец реконструкции как таковой. Занявший президентский пост Хэйс действительно вывел федеральные войска (и это было единственным обещанием, которое он сдержал), но они вновь вернутся на Юг в 1957 году – в связи со школьными событиями в маленьком городке Литтл-Рок, штат Арканзас. По словам историка К. Ван Вудворда, «эти восемьдесят лет стали своеобразным рекордом длительности в американской истории секционных компромиссов. Этот компромисс не побил рекордов в юриспруденции и искусстве управления государством, но в любом случае ни юриспруденция, ни означенное искусство не делают истории».

В конце концов местный контроль и принципы невмешательства победили, и на Юге утвердилось главенство белых. Однако перед этим Конгрессу

удалось осуществить ряд важных преобразований. Проводники реконструкции уничтожили институт рабства, пресекли попытку сецессии, внесли в конституцию поправки, обеспечившие расширение федеральной власти, навечно подтвердили неделимый характер республики и гарантировали свободным гражданам страны избирательное право и право занимать гражданские должности. Если проводить сравнение с эмансипацией на европейском Западе, отмечает Эрик Фонер, то следует признать, что американское общество «оказалось единственным в мире, где бывшие рабы на протяжении нескольких лет процесса эмансипации пользовались всей полнотой политических прав и реальной политической властью». Что и говорить, процесс освобождения многое изменил в жизни Америки – однако не все и не навсегда. Пройдет почти целое столетие, прежде чем снова возникнет острая и плодотворная дискуссия по поводу свободы и дарованных ею возможностей.

Глава 9

Политика, промышленность, общество и реформы, 1877-1917 годы

Крах реконструкции продемонстрировал пределы федеральной власти. Мы видели, что Конгресс – в его борьбе за право формировать повседневную реальность – не смог (да и не захотел) преодолеть совокупность неблагоприятных политических факторов. Следует признать, что в послевоенные десятилетия национальное правительство утратило ведущую роль в жизни государства. Теперь не в вашингтонских коридорах власти, а на дымящих фабриках промышленных гигантов, на переполненных улицах растущих мегаполисов, внутри разнообразных иммигрантских общин рождались новые тенденции, определяющие американскую действительность. Америка на переломе двух столетий (хоть и добившаяся политического объединения) отнюдь не являлась «продвинутой» в политическом смысле страной. Политика отошла на второй план, уступив место экономическим и социальным изменениям, которые и определяли развитие Соединенных Штатов.

Партийный баланс

Как ни странно, но одной из причин, снизивших влияние политических факторов на американскую жизнь, стал такой фактор, как стабильность традиционной двухпартийной системы. Республиканцы и демократы настолько хорошо уравнивали друг друга, что сводили на нет всю политическую активность. Трудно ожидать каких-то эффективных изменений в столь уравновешенном мире.

С одной стороны, могло показаться, что перевес в этой борьбе двух партий явно на стороне республиканцев. Действительно, в 1877–1917 годах они контролировали и исполнительную власть в лице президента, и сенат. За прошедшие четыре десятилетия республиканцы лишь дважды уступили президентский пост демократам – когда на выборах победили Гровер Кливленд и Вудро Вильсон. Но, с другой стороны, «первенство» республиканцев носило весьма спорный характер. Начать с того, что их победы на президентских выборах очень редко становились безусловными триумфами. Лишь четырежды за все это время республиканские кандидаты сумели набрать большинство народных голосов. На всех остальных выборах им приходилось довольствоваться званием так называемого «президента меньшинства», то есть того, кто набрал меньше половины народных голосов. Зафиксировано два случая, когда кандидаты, получившие большинство народных голосов, тем не менее проигрывали президентскую гонку (речь идет о небезызвестном сговоре 1876 года и о выборах 1888 года, на результат которых повлияли некоторые сложности в коллегии выборщиков).

Причем «президентство меньшинства» было не единственной бедой указанного периода. Характерной особенностью являлось также и то, что президенты, как правило, не задерживались на два срока. Исключения составляли уже упомянутый Кливленд, Уильям МакКинли и Вильсон. Да и то вряд ли эти исключения можно считать полноценными. Кливленд действительно становился президентом США дважды, но не подряд, а с интервалом в четыре года. МакКинли был убит на девятом месяце своего второго срока; а Вильсон на протяжении последних лет второго срока был поглощен борьбой с последствиями приключившегося с ним удара. Таким образом, приходится констатировать: в ту эпоху американские президенты слишком мало пребывали у власти, чтобы оставить значительный след в истории.

Опять же грустно признавать, но мало кто из тогдашних президентов мог похвастать подлинной харизмой, преданностью делу и умением сплотить вокруг себя людей. Где уж таким людям коренным образом изменить жизнь огромного государства? Наиболее яркими в этом отношении личностями были Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, зато остальные их коллеги будто поставили своей целью ничем не выделяться на фоне прочих политиков. Большинство из них не блистали честолюбием и вполне принимали такое положение вещей, когда Конгресс диктует политический курс страны, а функции сената и партийного аппарата ограничены лишь политическим влиянием. В подобной ситуации президенту полагалось быть приятным и сговорчивым человеком, который большей частью держится в тени. И уж во всяком случае не рассматривает свое президентство как основание для политического лидерства.

Большую часть времени – а именно 80 % всего указанного срока (1877-1917 гг.) – республиканцы

сохраняли безусловное влияние в сенате. Зато власть в палате представителей постоянно менялась: 11 раз она переходила к демократам и 9 – к республиканцам. В общей сложности почти двадцать лет сохранялась такая ситуация, когда одна партия (чаще республиканская) контролировала и сенат, и палату представителей, и президентский пост. В остальное время конкурирующие партии делили между собой эти три цитадели Капитолийского холма. Если же принять во внимание тот факт, что на практике влияние республиканцев на президента и Конгресс было весьма ограниченным, то получается, что обе партии завершили сорокалетнее состязание примерно с ничейным исходом. В условиях подобного политического равновесия трудно ожидать от правящей партии (любой из них) каких-либо решительных действий – ведь любые, самые амбициозные планы почти наверняка будут загублены благодаря проискам мощной оппозиции.

Правительственные ограничения

Обе политические партии и не претендовали на какие-то грандиозные свершения общегосударственного масштаба. На переломе двух столетий в политике господствовали джефферсоновские принципы. В духе этой традиции партийные лидеры вкупе с широкой общественностью старательно следили, чтобы федеральное правительство не превышало оговоренных полномочий: не пыталось манипулировать рыночными отношениями или – упаси Боже! – ограничивать местное самоуправление штатов. События гражданской войны наглядно продемонстрировали опасность, которую таит в себе слишком сильная централизованная власть. И до сих пор многие были убеждены, что попытки федерального правительства вмешиваться в государственную экономику приведут страну к неминуемому краху. Рецепт от всех социальных бед американцы видели в соблюдении гармонии интересов. Как провозгласил президент Гровер Кливленд в 1893 году, «пора уже отринуть прежние каноны покровительственного попечения со стороны правительства и усвоить новый стереотип отношений: это народ должен радостно и преданно оказывать поддержку правительству, а отнюдь не наоборот». Обе партии, занятые сколачиванием коалиций, проводили закрытые совещания по непонятным вопросам. Их лидеры гораздо больше интересовались вербовкой избирателей, чем соблюдением каких-либо принципов. Вместо того чтобы наводить строгую партийную дисциплину, они предпочитали потворствовать своим сторонникам с целью сохранения региональных политических альянсов.

И стоит ли удивляться пассивности федерального правительства, если большинство политиков стояли на минималистских, местнических позициях невмешательства, да вдобавок «совместное правление» республиканцев и демократов вносило неразбериху и снимало ответственность с каждой из партий. Как известно, у семи нянек дитя без глазу, особенно если няньки нерадивые. Удивительно другое: в подобных условиях народ сохранял высокую политическую активность, особенно в период выборов. В конце XIX века 75 % всех американских избирателей считали своим долгом участвовать в выборах президента. Отчасти это объяснялось реальной важностью каждого голоса: в большинстве случаев президентские выборы характеризовались исключительной плотностью результатов – случалось так, что победителя от проигравшего отделяло менее полумиллиона голосов. Другая причина заключалась в том, как обставлялись каждые выборы: по сути, это был настоящий спектакль – с пышными парадами, громогласными лозунгами и дешевым пивом. Кроме того, партии очень грамотно формулировали предвыборные программы в расчете на определенные этнические, религиозные и региональные слои населения. В те времена поддержка партии была далеко не формальным делом, поскольку напрямую затрагивала групповые интересы избирателей. Как правило, евангелические протестанты Севера и Среднего Запада связывали свои надежды с партией республиканцев и ее пропагандой высокоморального образа жизни. В то же время католические иммигранты северо-востока и белые южане поддерживали демократов с их призывами к свободе.

Ограничения деятельности правительства

Федеральные чиновники на словах ратовали за ограничение правительственных полномочий, но на деле пытались решать целый ряд проблем. Правда, их деятельность редко приносила ощутимые плоды.

Все разговоры о пассивности центрального правительства никак не вязались с его беспрецедентным ростом на рубеже двух столетий. В 1880–1910 годах федеральные расходы выросли более чем в два раза, а количество правительственных чиновников в 1871–1901 годах увеличилось в четыре раза. С учетом рассуждений об оправданной пассивности федеральных властей остается только гадать, куда пошли означенные средства и чем занимались все эти люди. Отчасти рост правительства можно объяснить необходимостью обслуживать большое число штатов соответственно с ростом населением. Министерство почт, равно как и министерства внутренних дел и сельского хозяйства стремительно расширялись. К тому же федеральное правительство развернуло широкую программу социального обеспечения, которая, в частности, включала в себя назначение ежегодных пенсий ветеранам Союза. К началу XX столетия эта программа поглощала треть федерального бюджета.

Именно возникновением новых правительственных служб в сочетании с расширением старых и объясняется тот бум, который возник на рынке федеральной занятости (и который до поры до времени мало беспокоил политиков). Представители выигравшей партии охотно раздавали правительственные посты своим сторонникам – невзирая на их политический опыт и профессиональные качества. Те же платили своим партийным покровителям политической лояльностью и щедрыми отчислениями от зарплаты. С ростом федерального аппарата количество должностей увеличивалось, соответственно, росла и «система

добычи». Со временем распределение выгодных постов (к каковым относилась едва ли не половина всех федеральных должностей) стало основным занятием политических лидеров. Все призывы изменить сложившуюся систему платных синекур ни к чему не приводили – до тех пор, пока в 1881 году не грянул гром: один из обиженных соискателей застрелил президента Джеймса Э. Гарфилда. Двумя годами позже Конгресс провел закон Пендлтона («Закон о гражданской службе»), согласно которому кандидаты на правительственные должности утверждались лишь после профессионального тестирования. Тот же самый закон запрещал «воздаяния» со стороны новоявленных чиновников. И хотя принятый закон охватывал лишь 10 % правительственных должностей, едва поток «воздаяний» иссяк, корпоративную поддержку политических партий пришлось увеличить.

В зону особого внимания политических лидеров входили также торговля с иностранными партнерами, финансы и крупный бизнес. Республиканцы делали ставку на высокие протекционистские тарифы, призванные повысить цены на импорт и расположить покупателя к американским товарам. Это, по мнению республиканских лидеров, должно было поддержать отечественную промышленность и обеспечить стабильную занятость рабочих. Демократы возражали, доказывая, что повышение тарифов ведет к росту цен, но никак не зарплат. Таким образом, налог ложится тяжким бременем на плечи многих во имя блага одной категории населения. Следует отметить, что, когда дело доходило до голосования, члены обеих партий легко жертвовали принципами (и партийной линией) ради интересов своих избирателей.

Еще больше разногласий вызывала государственная политика в отношении денежного обращения в стране. Республиканцы и демократы никак не могли прийти к

согласию по поводу основных тенденций, наметившихся в данной сфере. Прежде всего тревожил тот факт, что денежные запасы значительно снизились в годы гражданской войны и оставались на этом уровне на протяжении последующих трех десятилетий. Во-вторых, изменились источники поддержки национальной валюты: если в военные годы этим занималось правительство, то позже поддержка доллара осуществлялась за счет «биметаллического» и золотого стандартов. В-третьих, расширение производства привело к образованию значительных излишков продуктов и промышленных товаров. В-четвертых, результатом стало падение цен почти на все категории товаров; особенно это касалось товаров широкого потребления.

Для борьбы с этими тревожными тенденциями были выработаны две «монетарные» политики. Сторонники «твердой» валюты, т. е. металлических денег (в их число входили в первую очередь финансисты, кредиторы и крупные бизнесмены) требовали ограничения объема денежных средств, находившегося в обращении, и его надежного обеспечения с помощью государственного золотого запаса. Это, по их мнению, должно было повысить стоимость займов, обуздать спекуляцию, сдержать уровень цен и в конечном счете создать более упорядоченный рынок. Им противостояли сторонники бумажных денег из числа должников и фермеров, которые, напротив, ратовали за увеличение объема денежных средств и поддержки национальной валюты за счет как золотого, так и серебряного запасов. Подобным образом они надеялись снизить стоимость кредитов, стимулировать инвестиции, увеличить доходы производителей и сформировать более справедливый рынок. Первая группа полагала, что истина на их стороне: доллар должен оставаться долларом, негоже подменять его легковесным никелем.

Но у второй группы была своя правда, которую в 1896 году выразил демократ Уильям Дженнингс Брайан: недопустимо, чтобы бесчувственные монетаристы «распинали человечество на золотом кресте». В начале XX века верх взяли все же республиканцы, отстаивавшие золотой стандарт и твердую денежную валюту – во всяком случае так казалось на тот момент. В начале 1900-х годов, с открытием новых золотых месторождений в Африке и Северной Америке, положение изменилось: денежные запасы страны, равно как и цены на сельскохозяйственную продукцию, начали неуклонно ползти вверх. «Победа» республиканцев обеспечила «проигравшим» демократам именно то, чего они добивались.

Не менее неожиданные результаты дала федеральная политика в отношении крупного бизнеса. Желая пресечь возмутительную корпоративную практику, Конгресс предпринял немыслимый шаг и утвердил конституционный контроль над экономической деятельностью крупных корпораций, выходящей за рамки отдельного штата. Был принят закон, регулирующий частную инициативу. Закон о торговле между штатами 1887 года стал попыткой совершить то, что штаты уже многие годы старались сделать на своем уровне, а именно: обеспечить контроль над дискриминационными тарифами на перевозки, которые произвольно устанавливали железнодорожные компании. В первую очередь федеральное правительство попыталось отрегулировать деловую активность при помощи технической экспертизы независимых агентств. Следующий важный закон, принятый Конгрессом, был направлен на упорядочивание конкурентных отношений в общегосударственной промышленности. Антитрестовый закон Шермана 1890 года объявил войну крупным компаниям, которые благодаря

всевозможным махинациям, разоряя и уничтожая более слабых конкурентов, устанавливали свою монополию на рынке. Подобная грабительская практика отныне считалась федеральным преступлением со всеми вытекающими последствиями.

Указанные законы, хоть и весьма многообещающие в теории, на практике оказались недостаточно эффективными. Не во всех штатах они проводились одинаково решительно: формулировки были достаточно туманными и оставляли всевозможные лазейки для исполнительных властей на месте. К тому же Верховный суд занимал весьма неопределенную позицию по поводу федерального вмешательства в рыночную деятельность. Судьи полагали, что Четырнадцатая поправка должна «в равной степени защищать» не только отдельных граждан, но и целые корпорации. В результате важнейший закон Шермана чаще всего работал не против корпоративных объединений, а против трудовых союзов – тред-юнионов, которые якобы «ограничивали торговлю». Один из банкиров в 1905 году характеризовал Верховный суд как «хранителя доллара, защитника частной собственности и ярого противника разорения». Короче, суду отводилась роль «станового якоря республики».

В таких условиях – когда в двухпартийной системе царило устойчивое равновесие, а правительство априори было ограничено в своих полномочиях – большинство политиков не имели ни желания, ни возможности эффективно решать злободневные проблемы. Идеология и верность революционным принципам оказались недостаточным оружием против бурно развивающегося рынка, пришлось прибегнуть к юридическому пересмотру норм жизни. Увы, пришлось признать: федеральные власти проявили безответственность и не смогли адекватно

отреагировать на экономические и социальные изменения американской действительности.

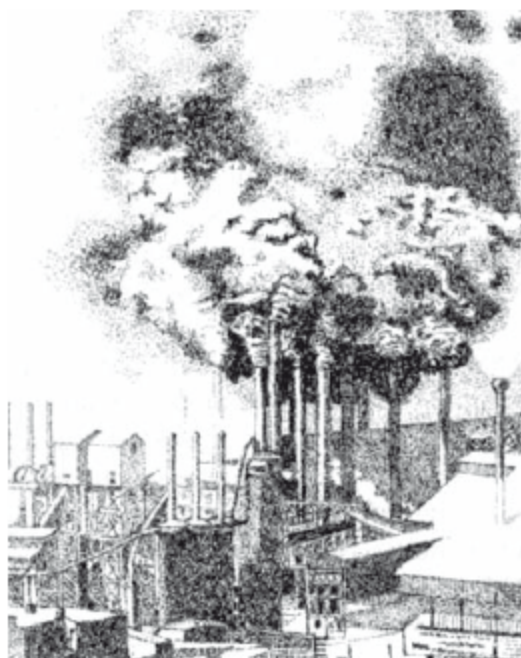
Со временем многие поняли, что в начале XX века джефферсоновские традиции потеряли былую актуальность. Республика, для которой он сформулировал свои принципы – о незаинтересованном федеральном правительстве с ограниченными полномочиями – отошла в небытие. Лицо Соединенных Штатов коренным образом изменилось: теперь это была не сельскохозяйственная страна, а индустриальная держава; большая часть населения жила не в деревнях и на фермах, а в крупных городах; на смену культурному единообразию пришла этническая многоликость. Многочисленные критики во всеуслышание заявляли, что Америка нуждается в новом политическом мышлении – под стать изменившемуся общественному строю.

Подъем крупного бизнеса

В 1850-х годах американская экономика в основном была ориентирована на производство сырья и продовольствия; готовые промышленные товары привозились из-за границы. Но уже в начале 1900-х годов американская обрабатывающая промышленность вышла на передовые рубежи, обеспечивая треть всей мировой продукции. Развитие промышленности и железнодорожного сообщения накануне гражданской войны заложило основу для дальнейшего роста. Механизация фермерского труда привела к образованию в стране излишков продовольствия. Расширение горнодобывающей промышленности позволило осваивать новые природные ресурсы. Технологические изобретения обеспечили промышленность принципиально новыми источниками энергии: на смену водяным двигателям пришли паровые и электрические. Неуклонный рост населения решал проблему с рабочей силой. Отечественные и зарубежные капиталовложения стали надежной поддержкой денежной системы страны. Теперь американские компании обеспечивали всем необходимым не только рядовых потребителей, но и самих производителей. Все это дало импульс к быстрому развитию тяжелой индустрии.

В 1870–1900 годах добыча каменного угля выросла в десять раз, а производство стали увеличилось в сто сорок раз. Объемы промышленного оборудования, произведенного в США, утроились – как и число рабочих, занятых в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, в строительстве и на транспорте. Длина железнодорожных путей возросла в пять раз. Объемы промышленных

капиталовложений увеличились в шесть раз, а производство промышленных товаров выросло на 300 %. Большая часть этого впечатляющего роста приходилась на новые отрасли промышленности, такие как нефтяная, сталелитейная, электрическая. Несколько позже к ним добавилось и автомобилестроение. К началу Первой мировой войны Соединенные Штаты производили уже столько же промышленной продукции, сколько Британия, Франция и Германия, вместе взятые.

Питтсбург в 1890-х годах (фотография тех лет)

Укрупнение и консолидация промышленных компаний, технологическое новаторство, внедрение новых прогрессивных методов управления – все это стимулировало дальнейший рост американской индустрии. В основе крупного бизнеса лежали большие деньги. Принятие более либерального законодательства в отношении корпораций способствовало привлечению новых капиталов. По всей стране стали возникать «компании с ограниченной ответственностью», в которых держатели акций получали прибыли и несли потери в соответствии с

количеством акций. Такие финансисты, как Джон Пьерпонт Морган, использовали продажу акций клиентам в качестве эффективного стимула для инвестиций. Именно компания «Морган и К°» совместно с инвестиционными банками разработала схему вложений в колоссальные корпоративные проекты.

Огромные капиталы, вращавшиеся в крупном бизнесе, способствовали строительству грандиозных производственных предприятий. Гигантские фабрики и заводы позволяли производить большее количество продукции при одновременном снижении ее себестоимости. Таким образом достигалась экономия от масштаба, однако при этом производители несли и значительные фиксированные издержки. Возник вопрос: каким образом сохранить высокие объемы производства? Проблема была решена благодаря инновациям в области массового производства. Фредерик Уинслоу Тейлор разработал схему «хронометража движений», которая позволила повысить производительность труда за счет устранения ненужных, бесполезных перемещений рабочего. Генри Форд ускорил производство путем внедрения движущейся сборочной линии и стандартных взаимозаменяемых деталей. Эти нововведения позволили ему уменьшить время производства каждой машины с 12 часов до 90 минут. По мере роста производства цены падали. Падение цен, в свою очередь, стимулировало уровень продаж, что приводило к дальнейшему расширению производства. Форд проанализировал эту тенденцию и оперативно отреагировал строительством особо крупного завода «Ривер-Руж», занимавшего площадь в две квадратные мили в окрестностях Детройта. Это был не просто автомобилестроительный завод, а целый комплекс, где рабочие на входе загружали уголь, а на выходе получали уже готовые автомобили.

Одни проблемы крупного бизнеса решались благодаря усовершенствованиям в производственной и финансовой областях, другие – за счет внедрения новых приемов администрирования. Возникла целая наука об управлении производством; она позволяла разбить деятельность корпораций на отдельные элементы и выстроить иерархические цепи управления. Со временем стало ясно, что ни один, пусть даже самый энергичный и предприимчивый, руководитель не может единолично контролировать весь процесс. Ему на смену пришла слаженная команда опытных профессионалов, которые руководили отдельными операциями, координировали производственные задачи и устанавливали властные цепочки. Подобная схема позволяла компаниям добиваться необходимого уровня контроля, организации и эффективности. Возможно, современного читателя это удивит, но в те времена в крупных корпорациях очень приветствовался бюрократизм, который рассматривали как залог успешной работы.

Говоря о тенденциях начала XX века, следует отметить и слияние отдельных корпораций – «большой бизнес» предполагал действительно большие масштабы. Хотя соревновательность являлась частью американской традиции, но воротилы крупного бизнеса знали: лучше, когда суп варится в одной кастрюльке. Они создавали предприятия нового типа – с невиданной ранее концентрацией капиталов, производственных мощностей и рабочей силы. И самой серьезной угрозой для них была нестабильность производства. Вообще, флуктуации в поставках сырья и спросе на выпускаемую продукцию – явления весьма болезненные и к тому же трудно предсказуемые. А широкая и беспощадная конкуренция вносила дополнительный элемент неопределенности в заложенную схему продаж, цен и прибылей. Очень скоро предприниматели

усвоили: по-настоящему успешная фирма не ведет борьбу с конкурентами, она их попросту уничтожает.

Тут же были выработаны два различных подхода к процессу интеграции. Один из них – «вертикальный» – предполагал контроль над всеми этапами производства конкретного товара. Пользуясь этой схемой, Эндрю Карнеги умудрился взобраться на самую верхушку пирамиды. Он захватил все источники железа, угля и кокса; присовокупил к ним железные дороги, обеспечивавшие перевозку этого сырья, а заодно и заводы, перерабатывавшие сырье в сталь. Джон Д. Рокфеллер пошел по другому пути – «горизонтальной» интеграции, при которой фирма тем или иным путем поглощает конкурентов. Принадлежавшая ему «Стандард ойл» скупала один нефтеочистительный завод за другим, пока к началу 1880-х годов не прибрала к рукам 90 % всего нефтяного бизнеса Соединенных Штатов. Аналитики фирмы Моргана справедливо посчитали, что если каждый из подходов дает неплохие результаты, то их комбинация наверняка обеспечит большие прибыли. Взяв на вооружение «вертикальный» подход Карнеги, Морган основал в 1901 году интегрированную компанию, а затем расширил ее уже по «горизонтальной» схеме. Результатом стала «Ю-Эс стил», которая контролировала две трети всего сталелитейного производства США. Достаточно сказать, что это была фирма с уставным капиталом в 1,4 млрд долларов. Согласитесь, совсем неплохая сумма, особенно если учесть, что весь федеральный бюджет на тот период составлял всего полмиллиарда долларов в год!

Такие крупномасштабные конгломераты получили название «трестов». Со временем тресты стали возникать практически во всех отраслях – от мясоконсервной промышленности и до производства электричества, резины, сахара и табака. К началу XX

столетия подобные гиганты с монополистическим или олигополистическим контролем над рынком стали обычным явлением в экономической жизни Америки. Вот пример: в 1904 году всего 1 % американских компаний обеспечивал до 40 % промышленного производства. Как заявил Джон Рокфеллер, «время индивидуального соревнования осталось в прошлом». Настало время концентрированного богатства и власти.

К несчастью, все великаны – будь они хоть в человеческом, хоть в экономическом облике – имеют общий недостаток: они чересчур неустойчивы. Слишком уж высоко у них расположен центр тяжести; чтобы сохранять равновесие, им требуется исключительно твердая почва под ногами. Консолидированные компании нуждались в устойчивом рынке, дабы минимизировать риски и обеспечить необходимую прибыль. Однако стабильность – как раз то, чего никакая экономика не может гарантировать. Напрасно корпоративная Америка сделала ставку на гладкий, бесперебойный ход развития! Очень скоро она обнаружила, что во весь опор несется по «русским горкам» рыночных неожиданностей. Бурные подъемы перемежались катастрофическими падениями. Кризисы сотрясали американскую экономику с периодичностью часового механизма. Первый возник в 1873 году, он повторился в 1884 году, затем – в 1893 году и снова в 1907 году. От десятилетия к десятилетию деловая активность колебалась в пределах 15–20 %. Самой страшной стала депрессия 1893 года: уровень деловой активности снизился на 30 %; 200 железнодорожных компаний объявили себя банкротами; цены на сельскохозяйственную продукцию упали на 20 %; и примерно 20–25 % всех рабочих остались без работы. Вместо нормального производства со стабильными ценами, устойчивым рынком сбыта и сырья крупный бизнес получил нечто совершенно противоположное. Он

вынужден был мириться с циклически развивающимся рынком – когда ходящим по кругу, когда совершающим немыслимые кульбиты. Огромные тресты, одержавшие победу над мелкими конкурентами, оказались бессильными перед лицом более сильного врага – безликих и непредсказуемых рыночных трендов.

Урбанизация

Развитие крупного, концентрированного бизнеса сопровождалось процессом урбанизации Америки. В 1860–1910 годах количество городов в стране резко возросло – с 400 до 2200. Параллельно шел процесс укрупнения городов: многие из них удваивали свое население каждое десятилетие. Если в 1860 году лишь два города могли похвастать населением в полмиллиона человек, то к 1910 году таких городов стало уже восемь. Сельское население Соединенных Штатов удвоилось за означенный период, но городское население за тот же период увеличилось в семь раз. Накануне гражданской войны лишь 20 % всех американцев проживали в городах, к 1890 году таковые составляли уже 33 %, а к 1910 году эта цифра выросла почти до 50 %. В одном только Нью-Йорке начала XX столетия проживали 4,6 % всего населения Соединенных Штатов.

Флэтайрон-билдинг в Нью-Йорке

Подобный впечатляющий рост объяснялся скорее технологическими, а не социальными причинами. В послевоенные годы большинство мануфактур перешло с водной на паровую энергию. В связи с этим отпала необходимость располагать производство на берегах рек, теперь можно было строить фабрики где угодно. Лучше всего там, где сходились транспортные магистрали, где наблюдалось скопление капиталов, рабочих рук и рыночных площадей. То есть в крупных городах. Города предлагали широкие экономические возможности для развития крупномасштабного производства. Процесс централизации и урбанизации фабрик шел за централизацией и урбанизацией населения.

Во всем западном мире процесс возникновения современных крупных городов сопровождался серьезными проблемами, однако в Соединенных Штатах он протекал особенно трудно. Американские правители оказались совершенно не готовыми к такому бурному

процессу урбанизации. Сам внешний вид американских городов – беспорядочных, перенаселенных торговых центров – свидетельствовал о том, что никто не заглядывал в будущее, никто всерьез не размышлял над их организацией и архитектурой. В условиях, когда частная застройка превалировала над общественными интересами, городское планирование оставалось всего-навсего прекрасной мечтой. Правительственные чиновники выказали полную беспомощность перед внезапным нашествием промышленных предприятий и огромных людских масс. Последствия оказались трагическими для населения: сравнительно небольшие города с их ограниченными возможностями стали средоточием безмерной нищеты и лишений.

Как правило, горожанам приходилось довольствоваться ветхим, тесным и дорогостоящим жильем. Это могли быть небольшие домишки на одну семью, либо дома побольше, поделенные на тесные клетушки, либо убогие мебелирашки, тесно облепившие улицы. В Ист-Сайде, в Нижнем Манхэттене, где плотность населения побивала все мировые рекорды, люди ютились в 4-8-этажных многоквартирных домах практически без всяких удобств. На каждом этаже располагалось по четыре квартиры – темных, душных и, естественно, без ванных и прочих благ цивилизации. Вообще, до конца XIX века города страдали от недостаточного водоснабжения и отсутствия канализации. Некачественная дренажная система приводила к тому, что и в начале XX века во время сильных дождей нечистоты переполняли выгребные ямы и канавы и щедрым потоком текли по городским улицам. Сами улочки – узкие, с загаженными, разбитыми мостовыми – были запружены пешеходами и конными экипажами. На фабриках и в жилых домах использовался каменный уголь, так что небо застилали клубы черного дыма, которым вынуждены были дышать

горожане. Впрочем, тогда мало заботились об экологии, куда большую опасность представлял разгул преступности в городах. Воровство, проституция и систематические погромы, направленные против национальных меньшинств, делали жизнь в городах весьма небезопасной.

Подобные ужасающие условия стали результатом не только слабого планирования, но и недостатка власти в городах. Как правило, полномочия муниципальных правительств определялись легислатурами штатов, в которых традиционно доминировали представители сельских регионов. Не желая делиться политической властью с набиравшими силу городами, правительства штатов намеренно ограничивали возможности муниципальных властей.

Однако, как известно, природа не терпит пустоты. И городские политики, вынужденные управлять беспорядочным, оппортунистически настроенным людским муравейником, восполняли недостаток легитимной власти при помощи неофициальной организации, получившей название «политической структуры». Эти структуры, подчинявшиеся попеременно то республиканцам, то демократам, стали характернейшим признаком американских городов. Они строились по привычному иерархическому принципу. На верхушке сидел «босс», дергавший за ниточки и приводивший в действие весь механизм. Именно он распределял городской бюджет, решал вопросы комплектования, определял городское законодательство – и, соответственно, получал самые крупные взятки. Еще бы, ведь от решения этого человека зависело, куда уйдут самые выгодные городские контракты, по каким правилам завтра будут жить горожане, насколько строгими или, напротив, снисходительными окажутся судьи на очередном судебном разбирательстве. Весь город был поделен на

районы, в которых властвовали представители «босса». В их функции входило обеспечивать необходимые голоса избирателей, и они решали эту задачу всеми правдами и неправдами. Они знали, где следует нажать, а где подмазать, предлагая нужным людям помощь в виде продовольствия и топлива, устройства на теплые местечки или снижения ренты. В мире, где простые люди, лишенные власти и богатства, вынуждены были полагаться на самих себя, «политическая структура» стала тем грубым механизмом, который обеспечивал относительный порядок и благосостояние общества. На рубеже двух столетий в городах остро ощущался дефицит власти, и любая структура, пусть даже основанная на коррупции, политических предпочтениях и личном фаворитизме, играла важную роль.

Иммиграция

Наибольший интерес для партийных лидеров представляла особая прослойка городского населения – самая бесправная и в силу этого самая уязвимая, – которая тем не менее сыграла решающую роль в формировании нового лица страны. Мы уже отмечали, что в конце XIX – начале XX века население городов быстро росло. Но рост этот происходил не в результате феноменального увеличения рождаемости или активного притока сельского населения, а за счет многомиллионной армии иммигрантов, хлынувшей на американскую землю в 1870–1920 годах. За памятные пятьдесят лет население Соединенных Штатов увеличилось на 25 млн человек. Большая часть этих людей попадала в Америку через одни ворота – остров Эллис в Нью-Йоркском порту – там, где высится знаменитая статуя Свободы.

Иммиграция всегда была неотъемлемой страницей американской истории. Казалось бы, какие сюрпризы может таить в себе это явление? Однако процесс иммиграции, имевший место на рубеже двух столетий, резко отличался от всего, что было раньше. Прежде всего вновь прибывшие являлись выходцами из Восточной и Южной Европы, а не из ее северных и западных регионов. Новые иммигранты, в отличие от прежних, протестантов, были приверженцами иудаизма и католицизма, что сильно усложнило религиозную обстановку в Соединенных Штатах. Как правило, эти люди не знали английского и говорили на своих родных языках. Большинство иммигрантов прибывали из стран, где политический строй в корне отличался от американской республики. Чужаков было очень много – не тысячи, как прежде, а миллионы. Вместо того чтобы

рассеяться поодиночке на бескрайних просторах сельской Америки, они предпочитали селиться компактными группами в городах и пополнять собой армию промышленных рабочих. И наконец новые иммигранты были в массе своей куда беднее, чем прежние.

Не все они мечтали жить в Америке, для многих эмиграция стала вынужденным шагом – ответом на резкое ухудшение экономических, политических и социальных условий в Европе. Некоторые решились на переезд по причине перенаселения и истощения ресурсов на их родной земле. Кто-то потерял работу в связи с механизацией труда; другие бежали от непосильного финансового бремени, воинских обязательств или природных бедствий, сделавших их жизнь невыносимой. Особую категорию составляли восточноевропейские евреи, которые у себя на родине подвергались систематической травле со стороны государства. Для этих несчастных эмиграция стала единственным способом выживания.

Но среди многочисленных иммигрантов были и те, кто ехал не от, а за чем-то. Америка виделась им землей обетованной с неограниченными экономическими и политическими возможностями. Что ж, в их рассуждениях был свой резон. Бум в американской промышленности создал небывалый спрос на дешевую рабочую силу, даже неквалифицированные выходцы из Европы легко находили работу на фабриках и заводах. Пароходные компании, заинтересованные в пассажирах, широко рекламировали свои услуги: «Быстро и недорого доставим в Штаты!» Прибыв на американскую землю, иммигранты оседали в портовых городах, привлеченные относительной свободой тамошнего существования. И вправду, американские власти не имели ни желания отталкивать

потенциальных рабочих, ни достаточных полномочий, чтобы вмешиваться в их повседневную жизнь.

Итак, миллионы иммигрантов – выкинутые из Европы и привлеченные Америкой – приезжали в Соединенные Штаты. Многие (хотя далеко не все) намеревались осесть здесь навсегда. К примеру, европейские евреи не собирались возвращаться на родину, где враждебная государственная политика ставила под угрозу жизнь не только отдельных индивидуумов, но и всей еврейской общины. В отличие от них, итальянцы не знали, что такое организованный террор, они бежали в основном от экономических трудностей. Потому и вели себя, как перелетные (вернее, залетные) птицы: усердно трудились, копили деньги и годами курсировали между Европой и Америкой, прежде чем осесть где-то окончательно.

Однако все иммигранты – и оседлые, и «перелетные» – предпочитали жить среди своих. Со временем во всех крупных американских городах сложились многочисленные (и постоянно пополнявшиеся новыми выходцами из Европы) итальянские, еврейские и славянские общины. Как правило, они оккупировали целые районы, где вели привычную для себя жизнь. Бывшие иммигранты – даром что годами жили в Америке – предпочитали говорить на своем языке, читать те же газеты, что и на родине, слушать ту же музыку, есть свою, привычную еду и молиться в отдельных церквях традиционным богам. Они организовывали благотворительные общества, чтобы оказывать помощь и поддержку своим землякам. Нью-Йорк, Детройт и Чикаго стали городами иностранцев: большую часть населения (до 80 %) составляли бывшие иммигранты и их дети. Дошло до того, что американские старожилы стали белыми воронами в крупнейших американских городах. И до сих пор каждые четверо из десяти американцев являются

потомками тех, кто приехал в Соединенные Штаты на заре XX века.

Последствия

Описанный процесс урбанизации и сопутствовавшие ему экономические и социальные перемены наложили неизгладимый отпечаток – да что там, попросту изменили лицо Америки. Переменилась сама структура жизни. Как всегда, в этом присутствовали свои плюсы и минусы. С одной стороны, качество жизни, несомненно, повысилось. Соединенные Штаты превратились в ведущую индустриальную державу, постоянно наращивавшую свое национальное богатство. Достаточно сказать, что доход на душу населения (равно как и выпуск продукции на душу населения) ежегодно увеличивался на 2 %. Вчерашние «предметы роскоши» сделались обычным явлением американской жизни. Государственное образование стало общедоступным; продолжительность жизни выросла; усовершенствования в транспортной системе облегчили перемещения по стране, а новые виды коммуникаций позволяли американцам держать связь друг с другом. Новым иммигрантам теперь легче было реализовывать свои мечты: от поколения к поколению дети (по крайней мере, в работающих семьях) жили лучше своих родителей.

Но с другой стороны, улучшения происходили далеко не во всех областях жизни. Богатство по-прежнему концентрировалось в руках немногих. В 1890 году 10 % населения – богатейшие люди Америки – контролировали 75 % всего достояния. Высокопоставленные аристократические семейства не только не скрывали богатства, но вызывающе кичились непомерными расходами. Между тем экономику продолжали сотрясать периодические кризисы. Как и прежде, предприятия разорялись; во времена

депрессий от 10 до 25 % трудящихся американцев оказывались на улице. В периоды экономического подъема рабочие подвергались все большей эксплуатации, с каждым годом риск производственного травматизма увеличивался. Перед лицом экономических трудностей рабочие чувствовали себя незащищенными, поскольку в случае чего могли рассчитывать лишь на случайную помощь частных благотворительных обществ. Даже те, кто был обеспечен работой, с ужасом отмечали, что рост зарплаты никак не поспевает за летящей вверх стоимостью жизни. Рабочие трудились шесть дней в неделю – по десять часов в день при ставке 20–30 центов в час – и при этом едва-едва сводили концы с концами. А внешние обстоятельства – коррупция в правительстве, тенденция к укрупнению бизнеса, ухудшение экологии – лишь усугубляли экономическую нестабильность в стране.

Пока вся власть концентрировалась в руках правящей верхушки, трудно было ожидать, что в обществе найдется сила, способная обуздать дикие рыночные механизмы. Особенно печальные перспективы вырисовывались у городской бедноты: в ближайшем будущем им вряд ли приходилось рассчитывать на улучшение условий жизни. Помимо обычных лишений и нищеты возникали и новые специфические проблемы. Пестрая смесь различных культур таила в себе угрозу социальной сплоченности; а пассивность и безответственность политических лидеров лишь добавляли масла в огонь, ибо создавалось впечатление, что вся руководящая команда разбежалась и бросила государственный корабль на милость волн. Предыдущее столетие завершилось в обстановке смятения и хаоса. Политический оппозиционер Игнатиус Донелли из Миннесоты в 1892 году заявил, обращаясь к публике: «...Мы встречаемся в окружении нации, доведенной до крайней степени

нравственного, политического и материального разложения». Новый век ознаменовался стремлением к порядку и стабильности, активисты этого движения намеревались коренным образом перестроить жизнь в Америке.

Фермеры и рабочие

Фермеры и рабочие оказались в числе первых борцов с экономическим беспорядком и политической коррупцией. Понятно, что эти две группы населения жестоко страдали от экономической нестабильности. Достаточно скоро они поняли, что в одиночку им не под силу сражаться с мощным рыночным механизмом, лишь организованное сопротивление могло обеспечить хоть какие-то шансы на победу.

С целью защиты от природных катаклизмов и экономических кризисов фермеры вынуждены были объединяться. Летние засухи, суровые зимы, губительные нашествия насекомых были обычными явлениями в жизни американских фермеров. На этом неблагоприятном фоне им требовалось решать первоочередные задачи, к числу которых относилась выплата долгов за землю и сельскохозяйственное оборудование. Чтобы рассчитаться с кредиторами, фермерам приходилось выращивать все больше продукции, а изобилие продукции на рынке, как известно, ведет к снижению цен. Получался замкнутый круг. Свою лепту в этот процесс вносили и железнодорожные компании, которые устанавливали грабительские тарифы на перевозку продукции. Необходимость бороться с заграничными конкурентами еще больше осложняла положение фермеров и лишала их надежды когда-нибудь вылезти из долговой кабалы.

В 1867 году среди фермеров Великих Равнин возникло движение под названием «Грейндж», которое вначале ставило перед собой общественно-образовательные цели. Группа активистов организовывала семинары, где обучала товарищей по несчастью методам борьбы с природными бедствиями и

превратностями рыночной экономики. К началу 1870-х годов под эгидой «Грейндж» объединилось уже свыше 1,5 млн американских фермеров. Движение оказывало поддержку кооперативным фермерским предприятиям и вело борьбу за установление законодательного контроля над железнодорожными тарифами. На Юге и Среднем Западе инициативу на себя взял «Союз фермеров» – движение, набиравшее силу в конце 1880-х годов. Его активисты также стояли на страже общих интересов фермеров: занимались проблемой задолженностей, пытались регулировать объемы производства сельскохозяйственной продукции и ценовые механизмы, оказывали помощь в борьбе с природными катаклизмами. Вдобавок Союз поставил перед собой две задачи: во-первых, поддержку отдельных законов и законодателей, а во-вторых, создание организаций белых и чернокожих фермеров. Результатом стало возникновение «Союза цветных фермеров» – организации, которая занималась исключительно проблемами чернокожих фермеров и помогала им выжить в условиях издольщины и белого расизма.

Жизнь рабочих, не занятых в сельском хозяйстве, была ничуть не легче, чем у фермеров. Им тоже приходилось вести непрерывную борьбу с экономическими депрессиями, сокращением производства, снижением заработной платы и ухудшением условий труда. Все попытки скоординировать эту борьбу наталкивались на яростное сопротивление крупного бизнеса. Хозяева промышленных предприятий прибегали и к законодательным рычагам, и к силовым мерам, чтобы ослабить и расколоть рабочее движение. Особую враждебность – причем не только у дельцов, но и у всего народа – вызывали стихийные стачки. Год 1877 был отмечен Великой железнодорожной стачкой, в 1886

году в Чикаго случились столкновения рабочих с полицией – во время многотысячного митинга на Хэймаркет-сквер, а в 1894 году забастовали рабочие-вагоностроители из компании «Пульман Пэлас». И в каждом из этих случаев не обходилось без разрушения частной собственности, увечий и даже смертей. Подобные инциденты наносили серьезный урон репутации рабочего движения. А между тем у него хватало и внутренних проблем. Бесконечные разногласия между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, между иммигрантами и коренными американцами, между протестантами, католиками и евреями, между белыми и цветными, мужчинами и женщинами – все это мешало консолидации рабочих, которые в значительной мере были заражены философией индивидуализма и не спешили присоединиться к организованной борьбе.

Первые серьезные попытки объединить различные категории трудящихся под общим знаменем предприняли Национальный рабочий союз (1866–1873) и «Рыцари труда» (движение, процветавшее в конце 1870-х – начале 1880-х годов). Среди их лозунгов были: установление восьмичасового рабочего дня, создание рабочих организаций и (отметим это отдельно) ограничение иммиграции. Активисты данных движений обращались также к проблемам женщин и чернокожих рабочих, однако эта область их деятельности страдала социальным идеализмом в ущерб конкретной борьбе. Положение изменилось с образованием в 1886 году Американской федерации труда (АФТ), которой на протяжении четырех десятилетий руководил Сэмюел Гомперс. В своем стремлении объединить рабочих эта организация воспользовалась опытом консолидации промышленных предприятий. В результате объединения по «горизонтальному» принципу возникла национальная федерация квалифицированных рабочих,

которая активно включилась в борьбу за повышение зарплаты и улучшение условий труда. Вот уж кого, а Гомперса трудно было обвинить в идеализме. Он поставил перед собой конкретную практическую цель – защитить насущные интересы одной, четко ограниченной группы рабочих. Глобальные же задачи, вроде достижения мировой гармонии, он предоставил другим. И подобные реформистские организации не замедлили появиться. К их числу относился союз квалифицированных и неквалифицированных рабочих под названием «Индустриальные рабочие мира» (IWW) или попросту «уобблиз». Он возник в 1905 году на Западе и первоначально объединял горняков и лесорубов. Хотя внешне «Индустриальные рабочие» ничем не напоминали былых «Рыцарей» и деятелей из Национального рабочего союза, они пошли по тому же пути – объединили в своих рядах различного рода политических и социальных визионеров. Те призывали к уничтожению классовых противоречий и борьбе с государственной коррупцией. В заключение хочется отметить, что рабочее движение (при всем разнообразии поставленных целей и применявшихся методик) едва ли выполнило свою главную задачу – объединение рабочего класса. К 1920 году его организации охватывали менее 20 % всех несельскохозяйственных рабочих.

Новый тип рабочей организации предложила в 1892 году Народная (или «Популистская») партия. Она поставила целью заботу обо всех сразу: среди ее подопечных оказались и фермеры, и рабочие; и белые, и черные; и мужчины, и женщины. В те времена многих удивляло подобное сотрудничество, не менее экстравагантной выглядела и платформа партии. Лидеры партии – Донелли из Миннесоты, Том Уотсон из Джорджии и другие – выдвинули обширную программу требований. Сюда входили не только прямые выборы в

сенат, восьмичасовой рабочий день, ограничение иммиграции, снижение железнодорожных тарифов, прогрессивный подоходный налог, но и общественная собственность на железные дороги, телефонные и телеграфные компании. На президентских выборах 1892 года кандидат от «популистов» сумел набрать свыше миллиона народных голосов, однако все они принадлежали жителям западных штатов. Южные фермеры и рабочие востока остались глухи к призывам Народной партии.

В начале XX века на политическую арену выдвинулась социалистическая партия Америки – еще одна организация, построенная на основе самой широкой политической коалиции. Ее лидер Юджин У. Дебс пять раз выставлял свою кандидатуру на президентских выборах. Эту партию не отличала ни жесткая идеология, ни пылкое стремление к немедленной революции. Социалисты, скорее, пропагандировали демократичный подход к экономическим и социальным проблемам общества. Широкая социальная база этой партии обуславливала и разнообразие мер, которые предлагали ее члены, – от смешанного типа собственности до полной национализации экономики. На выборах 1912 года Дебс набрал почти миллион голосов, другие партийные кандидаты сумели завоевать свыше тысячи различных постов в местных правительствах и правительствах штатов. Однако с началом Первой мировой войны партия сильно потеряла в популярности. Это объяснялось как ее негативным отношением к войне, так и внутрипартийным конфликтом, который привел к расколу на несколько радикальных групп. Фермеров, рабочих и третьей партии ожидали нелегкие времена борьбы с консолидированным капиталом и ставшими привычными политическими интересами.

Прогрессизм

В условиях, когда мир на глазах менялся, наиболее продвинутые американцы (в основном это были ратовавшие за реформы представители среднего класса) оказались перед необходимостью пересмотра традиционных представлений о личности и обществе. Прежде всего пришлось отказаться от философии законченного индивидуализма: стало ясно, что никакая отдельная личность не в состоянии противостоять сложному, переменчивому миру. Также подвергся сомнению и тезис о необходимости децентрализованного, пассивного правительства, равно как и вера в то, что общество можно переделать путем самоусовершенствования его членов. Привычная картина мира – с традиционными убеждениями, незыблемым «естественным» порядком вещей – рухнула. Вместо того заговорили о коллективных интересах граждан, ведущих совместную борьбу за улучшение условий жизни. По словам журналиста Уолтера Липпмана, на смену позиции «пассивного бездействия» пришла позиция «активного господства». Тысячи и тысячи американцев формировали новое «прогрессивное» представление об окружающем мире.

Прогрессивные реформисты подчеркивали важность *общественного* сознания. Они доказывали, что все люди, и мужчины, и женщины, по природе своей общественные создания; жизнь каждого из них является частью более широкого, коллективного существования, где все взаимосвязаны. Никто на самом деле не может претендовать на звание отдельной, самодостаточной и независимой единицы. Жизнь вне общества невозможна (да и вряд ли желанна). Лишь реализовывая себя внутри общества, взаимодействуя с

другими его членами, человек формируется как личность.

Эта коллективная жизнь (более широкая, чем существование отдельного индивидуума) наполнена и более масштабными коллективными бедствиями. На протяжении многих лет американскую экономику преследуют кризисы, города подчиняются коррумпированным политическим структурам, а монополии властвуют над обществом, подчиняя себе жизни миллионов. «Таким образом, – писал журналист Генри Джордж, – благополучие каждого человека все больше зависит от общего благосостояния, в результате растет зависимость отдельного индивидуума от общества». Для решения широкого круга социальных проблем необходимо сформировать не менее широкий круг решений этих проблем. Сегодня нельзя поправить дело при помощи частной благотворительности и отдельных инициатив. Дабы противостоять мощным (вредоносным по своему действию) частным интересам, американцы должны выработать столь же мощный (но благотворный) *общественный* интерес. Им необходимо объединять и четко координировать свои усилия. Кампании за реформы должны проводиться не благими намерениями филантропов-одиночек, а под руководством квалифицированных специалистов, которые привнесут в дело научный и систематический подход к решению социальных проблем.

Изменившиеся условия требуют активизма и интервенционализма. Если стоять на прежних позициях невмешательства, это приведет лишь к ухудшению ситуации, доказывали адепты нового мировоззрения. Зло навечно укоренится в обществе, и нам придется капитулировать перед силами, которые лишь на первый взгляд кажутся неодолимыми. На самом деле с ними вполне можно бороться. Объединив усилия, противопоставив пороку нашу коллективную силу –

нравственную и разумную, – мы сумеем устранить все препятствия на пути к прогрессу. Правительство тоже не должно оставаться в стороне, для пользы общего дела ему следует активно вмешиваться в повседневную жизнь. Это, кстати, вполне соответствует конституционным принципам, ибо в том и заключается назначение правительства, чтобы «поддерживать общественное благосостояние».

Прогрессисты отстаивали главенство общенародных интересов. Они призывали к коллективной деятельности под руководством бюрократического аппарата и стремились покончить с губительным разъединяющим воздействием мелких различий внутри общества. По примеру активистов рабочего и фермерского движения они решили использовать опыт консолидации корпораций в социальной сфере. Именно поэтому прогрессисты ставили своей целью не «революцию», а всего лишь «реформу» существующего строя. Они не собирались полностью менять систему, а хотели только исправить наихудшие из бед, присущих американскому капитализму и республиканскому правлению. Прогрессисты надеялись урегулировать (а не искоренить) те злоупотребления, которые видели вокруг себя. Будучи частью общества, они сохраняли традиционные взгляды, свойственные американской культуре: неприятие особых привилегий, страх перед концентрированной экономической мощностью, приводящей, по их мнению, к масштабным злоупотреблениям, а также привычку ставить общественное благо выше частных интересов. Они были ярыми сторонниками общественной справедливости и общественного контроля. В своих попытках устранить вопиющее неравенство они отрицали те пути, которые не укладывались в их привычную схему «хорошего общества».

Содержание реформы прогрессистов

Социальный протест, назревавший в обществе на рубеже двух столетий, подпитывался скандальными разоблачениями журналистов, так называемых «выгребателей мусора», и творчеством «реалистических» и «натуралистических» писателей, исследовавших неприглядную изнанку американской действительности. Первыми ласточками были Ида Тарбелл, опубликовавшая в 1904 году отчет о деятельности треста «Стандард Ойл», и Линкольн Стеффенс, чей роман «Позор городов» (тоже 1904) стал подлинным обвинительным актом современной действительности. Вслед за тем на страницы газет и журналов хлынула целая волна обличительных публикаций, вызвавших бурю негодования в американском обществе. Эптон Синклер в своем романе «Джунгли» (1906) детально исследовал механизм функционирования мясоконсервной промышленности. То, что открылось неподготовленной публике, вызвало у нее реакцию возмущения и почти физического отвращения. Роман «Спрут» (1901) Фрэнка Норриса был посвящен конфликту между фермерами и крупными корпорациями. Его же «Мактиг» (1899) и «В поисках нового счастья» (1890) Уильяма Дина Хоуэллса обличали коррумпированную власть нового рынка. Стивен Крейн в своем романе «Мэгги, девушка с улицы» (1893) и Теодор Драйзер в «Сестре Кэрри» (1900) затрагивали проблему губительного воздействия большого города на юные, невинные души.

Шок и возмущение, вызванные подобными произведениями, способствовали развитию мощного движения за изменение существующих порядков. Вот тут и вышли на первый план прогрессисты со своей обширной программой реформ, которая затрагивала

практически все стороны американской жизни. В политической сфере они призывали заменить власть коррумпированных структур разумным контролем со стороны административных учреждений, не связанных ни с какими партиями и укомплектованных квалифицированными специалистами. Помимо того, реформаторы ратовали за справедливое налогообложение и честное распределение государственных должностей. Чтобы увеличить ответственность правительства, они добивались прямых предварительных выборов и прямых выборов сенаторов; а для расширения прав народа требовали ввести право законодательной инициативы и проведения референдумов. В целях борьбы с недобросовестными политиками они планировали добиться возможности отзыва не оправдавших доверие кандидатов.

В экономике прогрессивисты поддерживали законодательство, обеспечивающее контроль над минимальной оплатой труда и длительностью рабочего дня. Кроме того, они добивались введения пенсий и запрещения использования детского труда на предприятиях. Реформаторы также ратовали за более жесткий контроль над качеством потребительских товаров (в особенности лекарств и продуктов питания); обеспечение безопасных условий труда на производстве; принятие антимонопольного законодательства и более бережное расходование природных ресурсов.

В социальной сфере предлагаемые реформы были направлены против хаоса, царившего в обществе. Прежде всего прогрессисты предлагали ввести жилищное законодательство, которое покончило бы с практикой расселения горожан в неблагоустроенных трущобах. Большое внимание уделялось созданию системы здравоохранения, призванной положить конец

распространению инфекционных заболеваний, и принятию законов против проституции, которая стала настоящим бичом больших городов. Отдельное место в программе занимал контроль рождаемости, который помог бы женщинам избежать нежелательных беременностей. Прогрессисты настаивали на том, что реформы должны проводиться под руководством квалифицированных специалистов, имеющих опыт в «социальной» работе. При этом они ссылались на положительный опыт Джейн Аддамс, которая в рамках движения «Рабочее общежитие» привлекала множество образованных представительниц среднего класса для работы в иммигрантских кварталах. Рабочие открывали свои общественные центры, где знакомили вновь прибывших с американскими традициями и порядками; тут же работали необходимые службы, включая те, что защищали иммигрантов от политических и экономических злоупотреблений.

Не обошли своим вниманием реформаторы и образовательную сферу. В частности, Джон Дьюи сделал попытку не только расширить, но и *перестроить* существующую систему образования. Разработанные им «инструменталистские» программы ориентировали учащихся на самостоятельное исследование предмета, а не на простое запоминание фактов. Он создал демократические курсы (как удобный способ получения полезных жизненных навыков), где упор делался не столько на личностное развитие учащихся, сколько на их социальную адаптацию и общественное развитие. В ходе обучения Дьюи стремился подкреплять теорию практикой, чтобы ученики накапливали собственный опыт, а не просто зазубривали чужие открытия.

Реформы прогрессистов коснулись даже религиозной области, изменив привычные представления. Вместо того чтобы, как раньше, искать пути перевоспитания порочных личностей, городские

священники – такие как Вашингтон Гладден и Уолтер Раушенбух – пересмотрели «последовательность» самого процесса спасения. Если прежде считалось, что усовершенствовать окружающий мир можно через спасение отдельных душ, то теперь, напротив, заговорили о спасении души общества, которое неминуемо приведет к перевоспитанию отдельных его членов. По утверждению проповедников, Бог рассматривает человечество как единое целое, а не как простое скопление изолированных личностей. И спастись человечество может только сообща. Новое учение «социального евангелия» призывало верующих очистить общество от присущих ему «грехов» – нищеты, коррупции, эксплуатации – и таким образом исполнить прогрессивные предначертания Божества.

Суфражистское движение

Один из наиболее важных (а в ретроспективе и наиболее интересных) аспектов реформы касался политических прав женской половины общества. Вопрос об избирательном праве для женщин поднимался не впервые, но прежние активистки (такие как Элизабет Кэйд Стэнтон) формулировали свои требования, исходя из принципов равноправия и свободы. По мнению той же Стэнтон, право голосовать является естественным правом женщины, которого ее самым бессовестным образом лишили. Если бы этого не случилось, то женщина могла бы самостоятельно решать собственную судьбу, а не быть рабой мужских желаний. Подобные смелые утверждения шли вразрез с традиционными представлениями об изначальном предназначении женщины как хранительницы (и служительницы) домашнего очага. Экстравагантность суфражистских требований не испугала американских

законодателей, и в 1869–1914 годы десять западных штатов даровали женщинам избирательные права. В 1913 году к ним присоединился и один из восточных штатов – Иллинойс.

Тем временем кампания за внесение в конституцию поправки, которая узаконила бы женское избирательное право, ширилась и набирала силу. Это происходило отчасти благодаря прецеденту западных штатов, отчасти из-за улучшения организации движения за реформы. Но немалую роль в этом сыграла и более сдержанная и менее вызывающая форма аргументации, к которой прибегали организаторы нынешней кампании: теперь они делали упор не на «природное право» женщины, а на ее особую натуру. Женщина, доказывали они, является естественным проводником высокой морали. Если допустить женщин к выборам, то они одним своим участием должны облагородить политическую жизнь страны и уравновесить жестокое и необузданное влияние испорченных мужчин. В 1912 году вышло заявление «Национальной американской ассоциации борьбы за право голоса для женщин», в котором говорилось, что такая поправка полностью отвечала бы «потребности государства в материнском влиянии». Далее члены комитета, достаточно ловко играя на привычных страхах американцев, развивали свою позицию. Они напоминали, что именно женщины составляют самую религиозную, самую высоконравственную и здравомыслящую часть населения, и вопрошали: почему мы должны отказывать женщине в праве голоса, если даруем его любому невежественному иностранцу, прибывшему к нашим берегам? Вот таким образом – благодаря общественному прогрессу и общественным предубеждениям – реформаторы добились в 1920 году принятия Девятнадцатой поправки к конституции,

которая гарантировала женщинам равные с мужчинами избирательные права.

Хотя сам термин «прогрессизм» предполагает некое движение вперед, усовершенствование и передовое мышление, на деле реформа прогрессистов включала несколько аспектов, которые сегодня бы мы трактовали не иначе как реакционные и недемократические. В рамках борьбы с общественным «распадом» и «беспорядком» реформаторы ополчились в первую очередь против власть имущих с их богатством и особыми привилегиями. Однако так уж случилось, что рикошетом реформа ударила и по самой слабой и беззащитной категории населения – по иммигрантам. Основываясь на псевдонаучных выводах евгеников – об угрозе, которую якобы несет американскому генофонду приток заокеанской рабочей силы, – прогрессисты ратовали за жесткое ограничение иммиграции. Не менее парадоксальным видится исход борьбы за трезвый образ жизни. Начав с кампании за ограничение потребления спиртных напитков, реформаторы перешли к требованию полного их запрета. В результате в 1919 году была принята Восемнадцатая поправка к конституции, которая запрещала «производство, продажу и транспортировку отравляющих крепких напитков» на всей территории государства. И, наконец, белые прогрессисты в массе своей предпочитали закрывать глаза на систему сегрегации, сложившуюся по завершении реконструкции и ставшую позорным пятном в американской истории.

Реформа прогрессистов и афроамериканцы

Как мы помним, в 1877 году президент США вывел федеральные войска из южных штатов, и это

ознаменовало бесславный конец реконструкции. Белые южане ликовали, поздравляя друг друга с победой. Им удалось-таки освободить родную землю, вырвав ее из «деспотических тисков центральной власти». Что касается чернокожих американцев, то они остались заложниками в краю, где мало что изменилось. В первые десятилетия XX века Юг по-прежнему оставался преимущественно аграрным, нищим и децентрализованным регионом. Впрочем, кое-какие изменения все же произошли, и коснулись они прежде всего политической сферы. Демократическая партия вернула себе былое лидерство и на протяжении последующих ста лет сохраняла контроль над «твердым Югом». Кроме того, белым южанам удалось законодательно оформить и закрепить разделение общества по расовому признаку. Стоит ли говорить, что сами они в этом обществе заняли главенствующее положение.

Для афроамериканцев подобное решение обернулось крушением всех надежд. Та заветная дверца, что вела в политическую жизнь страны, приоткрылась лишь на мгновение и тут же снова захлопнулась. Очень скоро большинство чернокожих мужчин лишились избирательных прав, якобы гарантированных им конституцией. Те же, кто пытался реализовать свои политические права, наталкивались на новые неодолимые препятствия – в виде подушного избирательного налога, тестов на грамотность и откровенного запугивания со стороны белых расистов. Результаты не замедлили сказаться: очень скоро количество чернокожих граждан во властных структурах Юга катастрофически упало. А отлучение от политической власти еще больше усугубило и без того незавидное положение бывших рабов. Издольная система создавала лишь видимость экономической независимости. На самом деле она ни в коей мере не

решала проблем чернокожих фермеров, которые после освобождения остались без денег, без сельскохозяйственного оборудования и прочих необходимых вещей. Практика «сохранения доли» позволяла им какое-то время держаться на плаву, одалживаясь в счет будущего урожая у торговцев и хозяев земли. Однако бесконечные долги вкупе с политическим бесправием не оставляли южным неграм никаких шансов. Вдобавок ко всему они столкнулись с новыми социальными и юридическими ограничениями. Благодаря законам Джима Кроу^[15] белые ввели систему сегрегации, создав два изолированных мира – один для себя, другой для черных. Жилье, транспорт, образовательные и развлекательные учреждения, даже кладбища – теперь все было порознь. Белые вращались в одной вселенной, черные в другой. В 1896 году Верховный суд принял решение по делу «Плесси против Фергюсона», которое фактически узаконило создание «раздельных, но равных» условий существования. Это постановление выглядело откровенной насмешкой, ведь всем было понятно, что черным отведен заведомо не равноценный мир. Тем не менее начало было положено. А дальше в ход пошли грубая сила и жестокость; они завершили то, чего не доделал закон. Только на протяжении 1890-х годов было зафиксировано почти 2 тыс. случаев линчевания чернокожих. Большая часть этих преступлений свершилась на Юге, где свирепствовал Ку-клукс-клан – и подобное положение сохранялось в XX веке.

Как же реагировали американцы на сегрегацию, по сути, узаконенное беззаконие? По-разному. Одни из них стояли на позициях «градуализма». Например, Букер Т. Вашингтон утверждал, что черным надо на время смириться с ограничениями, которые наложили на них белые члены общества. Что поделать, за долгие годы

принципы расового неравенства вошли в плоть и кровь американского народа. Да, это унижительно и несправедливо, но такова жизнь. И чернокожим американцам не следует тешить себя мечтами о мгновенной трансформации общества. Вместо того лучше честно и усердно трудиться в тех областях, которые для них открыты. Постепенно улучшая свое материальное благосостояние, они тем самым докажут свою роль в процветании нации и подтвердят претензии на равноправие. Со временем белые сами будут вынуждены отказаться от своих ошибочных представлений. В книге «Воспрянь от рабства» (1901) Вашингтон излагал собственный жизненный опыт как достойную (и доступную) модель для подражания. Его «Институт Таскиджи» в Алабаме предлагал образовательные программы в сфере сельского хозяйства, ремесел и промышленного труда. Именно эти сферы жизни виделись Вашингтону наиболее подходящими для самореализации афроамериканцев.

Второй подход к проблеме сегрегации был насквозь бунтарским. Его пророк У. Э. Б. Дюбуа настойчиво призывал негров сопротивляться расистским ограничениям. В кастовом обществе, придуманном белыми, положение черных нестерпимо, и этой несправедливости пора положить конец. Дюбуа не верил в то, что негры сумеют кардинально улучшить свое положение ценой долгого и упорного труда. Точно так же он отрицал ценность ограниченного профессионального обучения. Все эти полумеры не решат проблем афроамериканского населения. Дюбуа настаивал на том, что черным гражданам должно быть доступно полноценное академическое образование. Лишь тогда наиболее одаренные афроамериканцы – «талантливые десятки», как называл их Дюбуа – смогут пробиться в элиту прогрессистского движения и возглавить борьбу за реформы. Заняв свою нишу в

политической жизни страны и используя законодательные рычаги, черные профессионалы сокрушат основы расовой дискриминации. В своем произведении «Души черных» (1903) Дюбуа бросил вызов приспособленческой позиции Вашингтона. Вместе с небольшой группой единомышленников из числа белых реформаторов он организовал в 1909 году Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения – организацию, поставившую целью борьбу за равные права чернокожих американцев.

Национальный прогрессизм Теодора Рузвельта

Кампания за прогрессивные реформы, которая до того разворачивалась на местах, в отдельных штатах, в конце концов пробила себе дорогу и на федеральный уровень. В результате изменилось не только отношение национального правительства к своему народу, но и роль президента в жизни страны. Такие выдающиеся личности, как Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, стали ключевыми фигурами в процессе перестройки.

Агрессивный, решительный Рузвельт выдвинулся на политической арене Нью-Йорка в годы правления Уильяма Мак-Кинли, заняв при нем пост вице-президента. Неожиданная гибель Мак-Кинли в сентябре 1901 года освободила для Рузвельта президентское кресло. Он проявил себя как убежденный сторонник реформ и активной президентской позиции. Рузвельт разделял взгляды своего предшественника Эндрю Джексона: главу исполнительной власти он рассматривал как национального лидера, призванного служить общегосударственным интересам и в таковом качестве имеющего право обращаться непосредственно к народу, в обход традиционных посреднических

организаций. Подобно Аврааму Линкольну, он намеревался использовать все федеральные полномочия, дабы противостоять политическим силам, несущим угрозу республике. Не меньшую энергию президент проявлял в борьбе с экономическими кризисами. Он свято веровал, что своевременные прогрессивные реформы помогут *предотвратить* радикальное изменение американской жизни.

Главная проблема нового экономического строя, по мнению Рузвельта, была связана с консолидацией промышленного производства. Он понимал, что не в его власти повернуть время вспять и вернуться к эпохе мелких предприятий. Да и стоит ли это делать? Ведь крупный бизнес породил множество усовершенствований, значительно повысив эффективность производства. Гораздо правильнее принять процесс централизации со всеми его достижениями, но привнести в него элемент порядка и справедливости. Так в 1904 году у Рузвельта родилась идея «честной сделки», которую он и пытался проводить в жизнь. Один путь заключался в том, чтобы в противовес разрушительным тенденциям активизировать здоровые, мобилизующие силы: например, крупному бизнесу противопоставить организованное сопротивление трудящихся. Не менее важно было укреплять общенациональный, народный интерес, призванный уравновесить интерес частный. И наконец, третий подход (не отменявший, впрочем, первых двух) предполагал не отрицание экономических реальностей, а разумный контроль над ними.

Именно в правительственном регулировании видел Рузвельт ключ к решению всех проблем. Если поднять регулирование на новый уровень, можно справиться с трудностями, *не прибегая* к крайним мерам. Следуя этой теории, Рузвельт бросился в самую гущу событий, когда в 1902 году разразилась стачка рабочих угольной

промышленности. В тот раз активное вмешательство президента позволило Объединению горнорабочих Америки достичь соглашения о девятичасовом рабочем дне и значительной прибавки к жалованию.

Однако в последующие два года Рузвельт неоднократно выступал на стороне промышленных корпораций против «чрезмерных» требований трудящихся. Он принципиально не желал поддерживать какую-то одну сторону, считая, что президент как представитель федерального правительства должен играть роль справедливого посредника в экономических спорах.

Той же «золотой середины» Рузвельт придерживался в вопросах охраны природных ресурсов. Будучи страстным любителем дикой природы, президент опасался, что неограниченный рост промышленного производства может нанести ей непоправимый вред (точно так же, как неконтролируемая экономическая мощь способна навредить обществу). Американская природа не является собственностью отдельного штата или какой-либо компании. Она представляет собой общенациональную ценность, и защищать ее следует при помощи единой федеральной программы. Однако и здесь Рузвельт придерживался, скорее, политики сдерживания, чем полного запрета. Вместо того чтобы полностью закрыть доступ к природным богатствам, он предпочитал контролировать их эксплуатацию коммерческими структурами. Процессу развития противиться невозможно, полагал он, куда разумнее его регулировать.

Аналогичный подход он практиковал и в отношении крупного бизнеса. Он мог бы снискать себе славу «разрушителя трестов» – особенно после того, как министерство юстиции выиграло дело против крупного железнодорожного конгломерата, Северной компании

по ценным бумагам. Но Рузвельт предпочитал занимать позицию *надзирателя*, а не сокрушителя. Он стремился расширить полномочия Комиссии по межштатной коммерческой деятельности, настаивал на организации Бюро корпораций с целью расследования деятельности промышленных объединений. Выступая защитником прав потребителя, Рузвельт провел ряд важных законов, среди которых – закон о контроле за продовольствием и медикаментами и закон о проверке мясных изделий. Он верил, что правительственный контроль способен при активной поддержке президента исключить злоупотребления, порождаемые новым экономическим порядком.

После победы в 1904 году Рузвельт публично заявил, что впредь не собирается баллотироваться, и, верный своему слову, покинул Белый дом в марте 1909 года. Однако вскоре у него возникли серьезные разногласия с Уильямом Говардом Тафтом, коллегой по республиканской партии и преемником на президентском посту. Различия во взглядах на дальнейший ход реформ были столь велики, что Рузвельт изменил свои намерения и решился принять вызов в конце первого (и единственного) срока правления Тафта. В 1912 году он вступил в предвыборную борьбу в качестве кандидата от партии прогрессистов (или «лосей», как их называли^[16]). Его программа «нового национализма» предусматривала некоторое изменение роли федерального правительства: из простого защитника закона и порядка оно превращалось в ярого поборника социальной справедливости и общественного благосостояния. Рузвельту удалось обойти Тафта и на этапе народного голосования, и в коллегии выборщиков, однако новый соперник – кандидат от

демократической партии Вудро Вильсон – оставил обоих республиканцев далеко позади.

Национальный прогрессизм Вудро Вильсона

Вудро Вильсон – достаточно известный ученый в области политологии, ректор Принстонского университета – являлся выходцем из южных штатов (из Виргинии). Правда, его политический опыт был небогат: на протяжении двух лет Вильсон занимал пост губернатора Нью-Джерси, но за этот короткий срок он зарекомендовал себя как подлинный лидер движения за прогрессивные реформы. Вступив в борьбу против двух республиканских кандидатов, он сумел обеспечить себе большинство голосов в коллегии выборщиков и одержал убедительную победу на выборах 1912 года.

Подобно Теодору Рузвельту, Вильсон был сторонником активного президентства. Должность главы исполнительной власти он рассматривал как своеобразный американский аналог поста премьер-министра – человека, который возглавляет свою партию, хранит ее единство и определяет программу. Он полагал, что функции президента в федеральном правительстве не ограничиваются простым исполнением существующих законов, а предполагают активное законотворчество. Более того, Вильсон считал, что президент должен играть роль общегосударственного лидера, сплачивая все общество и направляя его усилия на решение главных национальных задач.

«Новому национализму» Рузвельта он противопоставил собственную программу «новой свободы», предусматривавшую возрождение демократических идеалов Джефферсона в условиях современной экономической эпохи. Вильсон негативно

относился к процессу «укрупнения» – как в экономической, так и в правительственной сфере – и отказывался рассматривать его как неизбежное явление. Набравшие чрезмерную мощь структуры необходимо низринуть с пьедестала; лишь так можно обеспечить развитие свободного рынка и местного самоуправления. Борьба с процессом консолидации предусматривает временное повышение федеральной активности, но лишь до тех пор, пока не будут решены самые злободневные проблемы общества. После этого следует снова постепенно ограничивать властные полномочия центрального правительства.

Чтобы стимулировать экономическую конкуренцию, Вильсон решил использовать тарифный механизм. Снижение тарифов, рассуждал он, привлечет на рынок новых участников. В соответствии с планом президента, демократический Конгресс в 1913 году принял новый тариф Андервуда – Симмонса. А для компенсации неизбежного следствия в виде уменьшения доходов конгрессмены утвердили прогрессивный налог, призванный обеспечить надежность капиталовложений в государственные социальные программы.

Вслед за тем Вильсон предпринял решительное наступление на так называемый «денежный трест» Уолл-стрит. Чтобы помешать кучке банкиров и финансистов прибрать к рукам денежное обращение в стране, президент создал в 1913 году Федеральную резервную систему (ФРС). Эта структура была призвана упорядочить и стабилизировать государственную экономику. Банкноты ФРС стали играть роль единой американской валюты. Центральное правление инспекторов (назначаемых самим президентом) должно было осуществлять контроль над денежным обращением в стране и кредитными ставками банков. Федеральная резервная система учредила с дюжину банков в различных регионах, которые имели

возможность чутко реагировать на обстановку на местах, в соответствии с обстоятельствами увеличивая или уменьшая количество дензнаков, находящихся в обращении.

Теперь можно было переходить к следующему этапу, на котором Вильсон намеревался полностью разделаться с монстрами американской промышленности. Его предшественник Рузвельт рассматривал гигантские корпорации как неизбежное зло XX столетия и лишь пытался силами федерального правительства помешать худшим из них выйти из-под контроля. Но у Вильсона была собственная точка зрения на сей счет. Он полагал, что монополистические силы, в какие бы одежды они ни рядились, представляют собой угрозу свободе и справедливости. И прямая задача федерального правительства заключается в том, что бы минимизировать размеры этих консорциумов. В 1914 году Вильсон добился учреждения Федеральной торговой комиссии, в функции которой входило тщательное расследование противоправных действий крупных компаний. К сожалению принятие антитрестового закона Клейтона, затягивалось – возможно, из-за недостаточно энергичной поддержки президента. Судя по всему, позиции Вильсона в данном вопросе со временем претерпели изрядные изменения. Он все больше склонялся к точке зрения Рузвельта: если не можешь победить крупные тресты, постарайся, по крайней мере, их контролировать.

К 1914 году сложилась интересная ситуация. С одной стороны, движение прогрессистов явно теряло силу. Но, с другой – необходимость сохранять поддержку общества (да еще в условиях постоянной угрозы со стороны республиканцев) не позволяла Вильсону сойти с намеченного пути реформ. Президент сделал все, чтобы принять ряд прогрессивных законов: о запрете детского труда на производстве, о

компенсационных выплатах рабочим и кредитах фермерам, о восьмичасовом рабочем дне для рабочих национальных железнодорожных линий. Именно его усилиями юрист-прогрессивист Луис Брэндис занял свой пост в Верховном суде.

Увы, следует признать: первоначальные надежды Вильсона на ослабление крупного бизнеса, равно как и централизованной власти, не оправдались. Возможно, объяснялось это его нежеланием переносить в новую эпоху бывшее попустительством со стороны федеральных властей. Вильсон никогда не соглашался с консервативными лозунгами о пассивном правительстве. У него имелись собственные представления о консолидации крупного бизнеса и о той роли, которую должно играть федеральное правительство в государстве рыночной экономики. Сегодня трудно с уверенностью что-то утверждать. Возможно, не будь Вильсон так ориентирован на построение более децентрализованного и конкурентоспособного общества, он сумел бы лучше послужить народному благу на пути реформ.

Но, с другой стороны, Вильсон – более чем кто-либо из его предшественников – являлся проводником идей прогрессизма в американскую жизнь. В соответствии с этими принципами он пытался строить как внутреннюю, так и внешнюю политику США. Подтверждением тому служат международные события конца XIX – начала XX века.

Глава 10

Отношения с другими нациями, 1850–1920 годы

Нередко приходится слышать, что к началу XX века правительство Соединенных Штатов пришло с нулевым багажом международной деятельности. Действительно, со стороны может показаться, что вплоть до начала 1900-х годов нация была полностью сосредоточена на самой себе. Отсюда и разговоры об изоляционистской позиции американцев и полном их невежестве во внешней политике. Но попробуйте сказать об этом филиппинцам, жителям Гавайских островов или американским индейцам! Упорное нежелание Соединенных Штатов ввязываться в запутанные европейские союзы вовсе не означает, что во второй половине XIX столетия они не имели никаких контактов с другими народами. Американская республика всегда была ориентирована на территориальную и экономическую экспансию и для достижения своих целей не стеснялась использовать военные средства. Возможно, полученный опыт оказался не столь полезным для американских политиков, как хотелось бы. Но тем не менее факт остается фактом: в начале XX века, когда на мировой арене начали разворачиваться глобальные вооруженные конфликты, США уже имели собственный внешнеполитический «багаж», которым и не замедлили воспользоваться. Другое дело, что опыт этот был во многом ошибочным. Американцам, как и многим другим народам, предстояло избавиться от иллюзий в ходе ужасных событий XX века.

У себя дома: изменения в индейской политике

История отношений с коренными индейцами весьма показательна в плане того, как именно Соединенные Штаты в XIX веке «уживались» с другими нациями. Проследите за изменениями индейской политики, и вы увидите все: и беззастенчивое применение силы, и ту хитроумную аргументацию, которую американские политики использовали для оправдания своих действий.

Судьба коренных народов Америки напрямую зависела от взглядов белых американцев на землю, которая их приютила. Вспомните, как просто и элегантно они разрешили «индейскую проблему» в 1830-х годах – взяли и переселили восточные племена на западный берег Миссисипи. Пусть живут, где хотят, и не мешают обустроиваться. Сегодня при взгляде на географическую карту просто оторопь берет, с какой это стати доминирующая белая нация «уступила» презренным дикарям такие огромные пространства? Ответ прост: полузасушливые земли, располагавшиеся к западу от 98 меридиана, на тот момент не представляли для белых колонистов никакой ценности, выглядели бесплодными и негостеприимными. Но если «Великая Американская пустыня» не могла послужить американскому рынку, то почему бы не использовать ее для решения политических и социальных проблем? Так родилась идея создания «индейских территорий», позволившая белому обществу отгородиться от нежелательных соседей.

Американские власти силой заставили пять «цивилизованных» индейских племен переселиться на территорию нынешней Оклахомы. Но на тот момент Великие Равнины уже были обитаемы: здесь проживали

другие коренные племена – сиу, черноногие, кроу, шайены, команчи, арапахи и кайова. «Равнинные индейцы» – опытные воины и наездники – вели кочевой образ жизни, в основе которого лежала охота на бизонов.

Индейское поселение шайенов

Однако к середине XIX века взгляды белых американцев на Великие Равнины изменились. Земли не хватало, и переселенцы начали свой долгий путь к Тихоокеанскому побережью. Железнодорожные компании стремились расчистить в западных землях «коридор» для прокладки трансконтинентальных линий. Шахтеры, фермеры, скотоводы – все смотрели на запад. Земли, которые раньше казались бесполезными, вдруг приобрели огромную экономическую ценность. Теодор Рузвельт выразил всеобщее мнение, когда задался вопросом: неужели американцы позволят, чтобы столь важные земли оставались «охотничьим заповедником грязных дикарей»?

С 1851 года и вплоть до начала 1880-х годов федеральное правительство Соединенных Штатов активно проводило политику «концентрации». Идея заключалась в том, чтобы «сконцентрировать» индейцев на специально отведенных территориях. Одни племена перемещали на север, другие на юг и таким образом расчищали необходимое пространство в центральной части Великих Равнин. Чтобы соблюсти видимость законности, с индейцами заключали договоры, предусматривавшие выплату правительственных субсидий племенам, добровольно

согласившимся на переселение в специальные «резервации». Индейцев клятвенно убеждали, что эти земли переходят в их собственность навечно – «до тех пор, пока растет трава и текут реки».

Однако клятвы оказались недолговечными. По мере того как белые всеми правдами и неправдами (где обманом, а где и просто силой) захватывали «обеспеченные законом» территории индейцев, те стали оказывать сопротивление федеральной политике, отказываясь от добровольного заточения в резервациях. В 1860-1870-х годах конфликт перерос в серию «Равнинных войн». В 1864 году силы белого ополчения вырезали в Сэнд-Крик, штат Колорадо, свыше ста шайенов и арапахов, которые укрылись под надежной, как они думали, защитой американской армии. В 1876 году произошел следующий значительный инцидент: индейские отряды шайенов и сиу под предводительством вождей Сидящего Быка, Желчи и Бешеного Коня разгромили возле местечка Литтл-Биг-Хорн, штат Монтана, 7-й кавалерийский полк полковника Джорджа Армстронга Кастера. Белые колонисты активно уничтожали бизонов – основу жизни и благосостояния индейских племен. Если в середине века по просторам Великих Равнин разгуливало почти 13 млн бизонов, то в конце 1879-х годов они практически исчезли. Развязанная правительством кампания по грабежу и истреблению коренных жителей вкупе с пагубным воздействием инфекционных заболеваний и алкоголя привели к тому, что вскоре численность индейцев катастрофически сократилась и к началу 1880-х годов едва достигала 250 тыс. человек.

За полстолетия, минувшие со времен президента Джексона, жизнь индейских племен печальным образом изменилась: от былой военной мощи не осталось и следа. Индейцы вынуждены были подчиниться и ограничиться рамками выделенных им территорий.

Однако тем дело не закончилось. В следующие пятьдесят лет федеральные власти выдвинули новую инициативу: им хотелось, чтобы коренные жители стали менее индейцами, а более американцами. Теперь вместо того, чтобы расселять племена по резервациям, они надумали ассимилировать индейцев в белом обществе.

Сидящий Бык, Татанка-Йотанка (1831-1890)

Один из методов «окультуривания» дикарей опять же имел непосредственное отношение к земле. В соответствии с законом Дауэса о перераспределении (1887) индейские резервации как таковые подлежали уничтожению, а общинная собственность племен – распределению между их членами. Американские чиновники полагали, что частное землевладение изменит мировоззрение коренных жителей: на смену традиционному коллективизму придет жесткий индивидуализм. Индейцам предлагалось не только отказаться от племенного образа жизни, но и стать более самостоятельными – впредь не надеяться на помощь федерального правительства, а рассчитывать на себя. Таким образом Соединенные Штаты рассчитывали покончить с «непомерными» притязаниями индейских племен. В результате проведенного «перераспределения» площадь земельных угодий индейцев сократилась на две трети.

Второй подход касался подрастающего индейского поколения. Вместо того чтобы предоставить детям жить в традиционном «отсталом» мире, решено было интегрировать их в американское общество. Согласно специально разработанной образовательной программе, юных индейцев отрывали от родителей и помещали в школы-интернаты, где они могли приобщиться к благам белой цивилизации. О целях этой программы красноречиво говорит девиз одной из таких школ: «Убей индейца и спаси человека». Если раньше федеральное правительство стремилось убрать индейские племена подальше, теперь оно вознамерилось изъять индейских детей из их собственного мира.

На протяжении какого-нибудь столетия – с 1830-х до 1930-х годов – коренные жители стали объектом правительственного эксперимента: сначала индейцев лишили их исконной земли, а затем и национального самосознания. Предполагалось, что более «эффективная» организация принесет американскому обществу порядок и процветание. Цивилизованные белые политики искусственно ускоряли эволюционные процессы, подталкивая индейские племена к существованию на более высоком (и более унифицированном) уровне. Их соблазняли новыми возможностями в экономической и культурной сферах. Там, где мирные средства оказывались бессильны, в ход шла грубая сила. Соединенные Штаты не останавливались перед военными действиями, чтобы сломить сопротивление коренных жителей. Индейская политика стала демонстрацией широких возможностей федерального правительства. Оказывается, ему под силу было распоряжаться судьбами целых народов, по своему выбору видоизменяя условия их существования и в конечном счете низводя до подчиненного, зависимого положения. Чувствуя на своей стороне моральное превосходство, чиновники, проявлявшие

недопустимую пассивность в прочих вопросах, к этой задаче подходили с необъяснимой жесткостью.

То, что сработало дома, могло пройти и за границей. Опыт подавления индейских племен немедленно был взят на вооружение нацией, которая лишь недавно обнаружила, что практически исчерпала собственные незаселенные пространства. В 1893 году историк Фредерик Джексон Тернер в одной из своих статей проанализировал печальный факт, установленный официальной переписью трехлетней давности: «фронтир» как реальность американской жизни перестал существовать. И это был не просто любопытный статистический факт. В статье Тернер утверждал: «Само наличие области незаселенной земли, а также ее постепенное уменьшение в результате продвижения переселенцев на запад – вот важные факторы, объясняющие развитие американского общества». Тот демократический, подвижный, склонный к индивидуализму характер, который отличает американцев, является следствием окружающей их среды. Теперь, когда «фронтир» остался в прошлом, «американской энергии для самоутверждения будет постоянно не хватать новых пространств». Многие сограждане разделяли точку зрения Тернера. Они верили, что для осуществления своего исторического предназначения американская нация нуждается в новых землях, новых рынках, новых возможностях. Раз внутренние ресурсы исчерпаны, нужно найти все это на стороне. А освоение «домашней» приграничной полосы обеспечило американцам хорошую подготовку – как военную, так и политическую – для достижения поставленной цели.

Американские интересы за рубежом

После того как американские правители разобрались с «чужими» народами у себя дома, их взоры обратились за рубеж.

С экономической точки зрения этот интерес был вполне оправдан. Сельскохозяйственные и промышленные интересы, сложившиеся в государстве к 1870 году, настойчиво требовали новых рынков, на которых можно было бы реализовывать излишки американского производства. Сенатор Альберт Т. Беверидж признавал: «Мы производим больше, чем можем потребить. Следовательно, необходимо искать новые рынки для нашей продукции, новое приложение для наших капиталов и новое поле деятельности для наших рабочих рук». В противном случае нацию ожидали неизбежное перепроизводство, обвал цен, рост безработицы и непрекращающиеся паники. Внутренний рынок был и оставался главным потребителем, но зарубежная торговля могла стать хорошим подспорьем в периоды кризисов. Если учесть, что европейские государства надежно защищали свою экономику от вторжения извне, то становится понятным интерес, который Соединенные Штаты проявляли к южным и западным государствам. В начале XX века им удалось значительно укрепить торговые связи с этими странами. Так, объем американского экспорта в Великобританию за период 1900–1920 годов вырос в три раза, но тот же показатель применительно к Китаю за аналогичный период подскочил в десять раз, а к Кубе – почти в двадцать раз.

Если говорить о внутривнутриполитической ситуации, здесь все понятно. Увеличение числа потребителей американских товаров помогало обуздать радикальные

настроения в стране. Потерявшие работу рабочие и погрязшие в долгах фермеры представляли собой взрывоопасную смесь, грозившую воспламениться всякий раз, как государство погружалось в пучину кризиса. Если бы удалось удерживать всех этих людей возле станков и плугов – так, чтобы результаты их труда гарантированно продавались, – то, пожалуй, можно было бы рассчитывать на оздоровление экономического, а как следствие, и политического климата в стране. Недаром Джеймс Г. Блэйн, занимавший пост госсекретаря при президенте Бенджамине Гаррисоне, выражал надежду, что это решило бы все проблемы, ибо «причины для стачек – со всем неизбежно сопутствующим им злом – исчезли бы сами по себе». Торговая экспансия за рубеж помогала достичь гармонии дома.

Альфред Т. Мэхэн

В стратегическом плане Соединенные Штаты были вполне готовы не только захватить, но и полностью *контролировать* чужеземные рынки. В своей работе «Влияние морской силы на историю. 1660–1783 гг.», выпущенной в 1890 году, капитан военно-морского флота Альфред Тайер Мэхэн разработал целый комплекс мер по установлению американского господства в мире. Он доказывал, что великие державы

стали таковыми благодаря власти на морских просторах. И Соединенные Штаты не смогут реализовать свой потенциал, пока должным образом не укрепят американский флот. Помимо расширения флота, программа Мэхэна включала размещение американских стратегических баз в различных точках планеты и постройку канала для более удобного сообщения между Атлантическим и Тихим океанами. Решив проблемы флота, Соединенные Штаты получают доступ к колониальным владениям. Советы капитана не остались без внимания. К 1900 году военно-морской флот США вырос в 12 раз и занял по мощи почетное третье место в мире. А к 1914 году американские власти реализовали и остальные цели, намеченные Мэхэном.

Тезис о превосходстве белой расы также оправдывал активную позицию Соединенных Штатов на мировой арене. Причем в начале XX века он получил неожиданное «научное» подтверждение благодаря эволюционной теории Дарвина. По замечанию дипломата Джона Баррета, «правило, согласно которому выживают наиболее приспособленные виды, применимо не только к миру животных, но и к международным отношениям». Распространяя принципы естественного отбора на человеческую историю, социальные дарвинисты предсказывали победу доминантной белой расы над представителями цветных народов. Невежественные и ленивые нации нуждаются в направляющем руководстве цивилизованной расы; без него они не могут развиваться. Профессор Джон У. Берджесс утверждал, что «человеческое право неприменимо на стадии варварства». И кто же лучше приспособлен для роли лидеров, вопрошал сенатор Беверидж, чем англосаксы – народ, которому сам Господь предназначил «быть

организаторами мира, нести порядок и систему туда, где царит хаос»?

Если обратиться к религии, идея о национальной «миссии» американцев нашла свое выражение в заокеанском евангелизме. В 1870-1900 годах количество протестантских миссий за рубежом выросло в пять раз. Их служители несли слаборазвитым народам не только христианство (понимай: возможность посмертного спасения), но и западную цивилизацию. В своих проповедях преподобный Джошуа Стронг сочетал заявления о расовом и политическом превосходстве американской нации с тезисом о ее провиденциальной миссии и духовных обязательствах. В книге «Наша страна» (1885) он доказывал, что англосаксы несут в мир истинное христианство и гражданскую свободу – идеи, «получившие более полное развитие в Соединенных Штатах, нежели в Великобритании». Положение на вершине неофициальной расовой иерархии обязывает каждого американца с серьезностью отнестись к эволюционному требованию и Божьему призыву «стать, в некотором роде, сторожем брату своему». Скоро на глазах у всего мира развернется «последнее соревнование рас, к которому и готовят англосаксов». Стронг верил, что американская «раса» распространится по всей земле.

О чем бы ни шла речь – о душах или продажах, о стабильности или стратегии, о звонкой монете или человеческой природе, – насущные интересы нации заставляли Соединенные Штаты играть более активную роль в международной жизни. Основным интерес представляли для них зона Тихого океана, Центральная Америка и Азия. Некоторые государственные лидеры уже тешили себя мечтами о новых территориальных приобретениях. Им мерещились колониальные владения и неограниченная политическая власть. Перед Соединенными Штатами простирались заморские

земли, которые предстояло завоевать. А с учетом времени, которое уйдет на их обустройство, следовало поспешать, чтобы помешать настырным европейцам захватить инициативу в империалистической гонке.

Однако не все мыслили в этом направлении. Были и те, кого не вдохновляли мечты о мировом господстве. На рубеже двух столетий многие выдающиеся американцы, и среди них Марк Твен, Джейн Аддамс, Эндрю Карнеги, Сэмюел Гомперс, философ Уильям Джеймс и педагог Уильям Грэм Самнер, выступили с критикой империалистической политики. Некоторые из них приводили доводы практического порядка: мол, для чего городить сложную бюрократию, связанную с колониальным обустройством чужих земель, когда все, что нужно Соединенным Штатам, – это рынки сбыта для американских товаров и угольные базы для морского флота? Другие пеклись о расовой чистоте нации: господствующая раса, утверждали они, не должна смешиваться с низшими народами и растрачивать драгоценный генофонд. Наконец, для третьих это был вопрос принципа: как может республиканское общество – напомним, некогда решительно осудившее колониальную зависимость – стремиться к империалистическим завоеваниям? В 1899 году Американская антиимпериалистическая лига сделала заявление, в котором говорилось: «Соединенные Штаты не могут действовать в соответствии с древней ересью, которую можно было бы исправить».

В конце концов сторонники экспансионизма все-таки взяли верх, и с середины XIX века американцы принялись утверждать свои интересы в Западном полушарии и на Тихом океане. В 1844 году Соединенные Штаты подписали торговое соглашение с Китаем. Десять лет спустя настойчивым усилиям commodора Мэтью Перри уступила Япония. В 1867 году США захватили в Тихом океане архипелаг Мидуэй и

перекупили у России Аляску. А в 1875 году был заключен договор о взаимном обмене с Гавайями, который гарантировал островитянам значительные торговые преимущества (правда, в обмен на ограничение торговых отношений с другими странами). В 1878 году Соединенные Штаты обеспечили себе угольную базу на Самоа, а в 1887 году получили морские права на гавайский Перл-Харбор. По инициативе госсекретаря Блэйна в 1889 году был созван Панамериканский конгресс – для обсуждения американских перспектив в Латинской Америке.

Национальные лидеры, однако, все еще проявляли нерешительность. Так, разногласия в Конгрессе помешали аннексии Санто-Доминго и созданию морских баз на Кубе, Гаити и в Венесуэле. Что хуже, американцы упустили инициативу в сооружении канала на Панамском перешейке: первой за это взялась Франция. Американский президент Гровер Кливленд проявлял себя убежденным противником политики экспансионизма. В послевоенную эпоху затраты на военно-морской флот оставались низкими, дипломатическая служба США страдала от недостатка средств и квалифицированного персонала.

Да и у самих американцев не было единого взгляда на международную политику. Некоторые лишь теоретически поддерживали распространение национальных интересов. Другие настаивали на разработке систематического плана по захвату новых земель и управлению ими. Американская внешняя политика не могла похвастать ни демократичностью, ни согласованностью решений. Главенствующие позиции на этом поприще захватила небольшая группа политиков. Именно они сформировали курс, который привел страну к многочисленным конфликтам, но взамен обеспечил новые завоевания. Так или иначе, в начале XX века «империя свободы», которой грезил

президент Джефферсон, приобрела международный
размах.

Американцы за границей, 1890-1914 годы

Последнее десятилетие XIX века ознаменовалось более агрессивной позицией Соединенных Штатов на международной арене. Особый интерес американцы проявляли к Гавайям. С 1820-х годов миссионеры занялись активным просвещением островитян. А в 1870-х годах, когда американские корпорации захватили контроль над производством сахарного тростника, Гавайи уже прочно перешли под влияние Соединенных Штатов. Почти до конца века сахарная торговля процветала. Однако в 1890-х годах Конгресс установил новые тарифы, поощряющие свое национальное производство сахара, и зарубежным плантаторам пришлось несладко. Самые сообразительные из них (такие как Стэнфорд Б. Доул) справедливо рассудили: воевать с государством невыгодно, уж лучше идти с ним в ногу. Вышеназванный Доул и другие плантаторы объединили свои усилия с американскими дипломатами и священниками. В 1893 году они при поддержке военно-морского флота США свергли королеву Лилиуокалани, законную правительницу Гавайев. Реакция президента Кливленда была чрезвычайно сдержанной, но в следующие пять лет на другом конце света произошли события, которые и решили участь Гавайских островов. В 1898 году Соединенные Штаты аннексировали эту территорию, и к началу 1900 года Гавайи стали частью США.

Что же это за события, повлиявшие на судьбу Гавайев? Речь идет о войне, которая разразилась между Соединенными Штатами и Испанией в 1898 году. Причиной послужили волнения на Кубе, том самом острове, который всегда доставлял массу беспокойств

американцам. В середине XIX века они опасались беспорядков на Кубе в связи с освобождением чернокожих рабов. В 1890-х годах возникли новые поводы для тревоги, поскольку кубинцы взбунтовались против испанского владычества. Собственно, восстания на острове вспыхивали и раньше – в 1860-х, затем в 1870-х, и вот теперь в 1895 году. Поначалу американская публика с сочувствием отнеслась к попыткам кубинцев свергнуть иноземную власть. В прессе развернулась широкая кампания в защиту революционера-мученика Хосе Марти. Американские политики во всеуслышание осуждали политику насильственных перемещений и концентрационных лагерей, которую проводил испанский командующий Валериано Вейлер.

Однако вслед за тем настало время раздумий. В коммерческом отношении кубинские беспорядки несли угрозу как торговле, так и немалым капиталовложениям американцев. Не лучше обстояло дело и на дипломатическом поприще: нестабильная обстановка на острове могла подтолкнуть к интервенции ведущие европейские державы. Президент Кливленд попытался убедить испанские власти смягчить политику, но безрезультатно. Пришедший ему на смену Уильям Мак-Кинли в феврале 1898 года оказался перед лицом все нарастающей международной угрозы. Масла в огонь добавили американские газеты, которые опубликовали письмо одного из испанских дипломатов. Это письмо грешило пренебрежительными высказываниями по поводу американской реформы и оскорблениями в адрес президента США. Дальше – больше. В середине февраля на борту американского линкора «Мэн», пришвартованного в порту Гаваны, прогремел взрыв, который унес жизни 260 американских моряков. Тщательное расследование, проведенное в конце XX

века, установило, что причиной инцидента стал взрыв в машинном отсеке. Однако тогда, в конце XIX века, никто не сомневался, что это дело рук испанцев. Мак-Кинли обратился к испанским колониальным властям с просьбой пойти на уступки мятежникам, но также получил отказ. В последних числах апреля Конгресс официально объявил войну Испании. Специально подчеркивалось, что Соединенные Штаты не стремятся к установлению собственного контроля над Кубой. Единственным их мотивом является желание «достичь мира и спокойствия на острове».

Королева Гавайев Лилиуокалани

Военные действия, развернувшиеся вслед за этим объявлением, оказались стремительными и чрезвычайно плодотворными для Соединенных Штатов. Война продолжалась четыре месяца, за это время американцы потеряли 400 человек и потратили 250 млн долларов. Очень популярный в то время госсекретарь Джон Хэй назвал конфликт «маленькой победоносной войной». Кубинская кампания, однако, представляла собой лишь одну страницу истории. Не следует забывать, что Испания, хоть и ослабленная в последнее время, являлась *мировой* колониальной державой, и

американцы вознамерились откусить изрядный кус от испанского пирога. Наибольший успех выпал на долю commodora Джорджа Дьюи: в мае 1898 года его тихоокеанская эскадра разгромила испанский флот в Манильском заливе. Мак-Кинли послал подкрепление, и в середине августа американцам удалось захватить Манилу. На этом американо-испанская война закончилась. По условиям мирного договора Испания вынуждена была отказаться от Кубы, Пуэрто-Рико и острова Гуам. Помимо того, за 20 млн долларов она уступила Соединенным Штатам контроль над Филиппинами. Таким образом, американцы, совершившие в конце XVIII века антиколониальную революцию, в конце XIX века неожиданно оказались во главе собственной империи.

Правда, в нагрузку они получили и собственное антиколониальное восстание, которое тут же подняли не в меру самостоятельные филиппинцы. В 1899-1902 годах Соединенные Штаты были вынуждены вести свою первую азиатскую войну. Впрочем, это их не слишком беспокоило. Американские политики считали филиппинцев, как в свое время коренных индейцев, низшей расой, невежественным и не боеспособным народом. «Они не готовы к самоуправлению, – доказывал президент Мак-Кинли. – Нам не остается ничего другого, как взять этих филиппинцев под свою защиту, поднимать их, образовывать и христианизировать». Проблема заключалась в том, что «отсталые» островитяне никак не желали принимать западную цивилизацию. В вооруженном конфликте американцы потеряли 4 тыс. солдат. Последствия для филиппинцев оказались куда ужаснее. Соединенные Штаты прибегли к тем самым военным методам, за которые недавно осуждали испанцев. Сотни тысяч местных жителей были убиты или погибли в результате голода и болезней. По завершении конфликта

президента Уильяма Говарда Тафта провозгласили гражданским губернатором Филиппин, и США начали разрабатывать программу постепенного перехода филиппинцев к самоуправлению. Процесс растянулся на целых четыре десятилетия: желанную независимость филиппинцы обрели лишь в 1946 году.

Тем временем Соединенные Штаты налаживали контроль над остальными военными трофеями. В 1900 году они сформировали колониальное правительство на Пуэрто-Рико. Семнадцать лет спустя американцы объявили остров неинкорпорированной территорией и присвоили его жителям американское гражданство. Согласно принятой в 1901 году Поправке Платта, Куба оставалась единственной формально независимой страной. Однако были приняты меры, чтобы ее внешняя политика не несла никакой угрозы могущественному соседу. Куба обязалась разместить у себя американские военные базы; мало того, кубинцы официально признавали за США право вмешиваться в их внутренние дела (чем американцы не замедлили воспользоваться: они несколько раз вводили свои войска на остров – в 1906, 1912 и 1917 годах).

Тот факт, что Соединенные Штаты отказывали одним нациям в политической независимости, не мешал им налаживать торговые связи с другими народами. Больше всего они были заинтересованы в Китае: необъятные китайские рынки манили американских производителей, хотя настораживало традиционное европейское и японское засилье на этих рынках. В 1899-м и 1900 годах государственный секретарь Хэй обнародовал две дипломатические ноты, в которых излагались правила «открытых дверей» для прочих империалистических держав. В числе непереносимых требований были: свободный экономический доступ к Китаю и «территориальная и административная» целостность этой страны. Заинтересованные в

прибылях Соединенные Штаты готовы были поддерживать собственные принципы «открытых дверей», но, так сказать, на расстоянии. Ведь декларации – одно дело, а силовое давление – совсем другое.

Со своими ближайшими соседями американцы не чинились: поступали, как им вздумается, особенно когда дело касалось удобных торговых маршрутов в Азию. В 1901 году Соединенные Штаты заключили договор с Британией, согласно которому они получали право на сооружение в Центральной Америке канала, который свяжет Тихий и Атлантический океаны. В 1903 году американцы перекупили у Французской компании (потерпевшей неудачу со строительством) земельный участок на Панамском перешейке. Затем американские власти оформили разрешение на его аренду у Колумбии, которой в то время подчинялась Панама. Все вроде было готово к строительству, но тут Колумбия заартачилась, требуя повышения оплаты. Все участники проекта переполошились: американский президент вовсе не хотел платить лишние деньги; французы боялись расторжения выгодной сделки; панамские власти опасались, что канал начнут строить в другом месте, и они останутся ни с чем. Три заинтересованные стороны объединили свои усилия и принялись активно настраивать панамцев против колумбийского правления. Восстание вспыхнуло в ноябре 1903 года, к тому времени у берегов Панама весьма кстати объявился американский военный корабль – якобы для наблюдения за событиями. Соединенные Штаты незамедлительно признали новое панамское правительство и две недели спустя получили вожделенный договор об аренде. А еще через одиннадцать лет завершилось строительство Панамского канала.

По словам самого Рузвельта, он собирался «говорить мягко, но держать наготове большую дубинку». И, несмотря на свой довольно писклявый голос, вполне успешно исполнил роль «с дубинкой». Особенно ему это удалось в Центральной Америке и на Карибских островах – в регионах, чье население, как полагали, относится к более низкой расе. В те времена политическое, экономическое, военное и расовое превосходство Соединенных Штатов не подвергалось сомнению. Во всяком случае сами американцы ревностно охраняли свой авторитет, и близко не подпуская назойливых европейцев. А зачем? Это ведь сфера их влияния, и американцы сами могут позаботиться, чтоб поднадзорные государства вели себя должным образом и правильно использовали полученную независимость. Если же возникнут какие-то проблемы – скажем, угроза «ущемления прав Соединенных Штатов» или, не дай бог, «иностранной агрессии», – вот тогда Соединенные Штаты вмешаются и исправят допущенные ошибки. В 1904–1905 годах Рузвельт вывел собственное «следствие» из доктрины Монро, которое в целях охраны государственного порядка оправдывало применение «международной полицейской власти».

Итак, да здравствует международная полиция! Ее констебли – Рузвельт, Тафт и Вильсон – регулярно совершали обход участка в Центральной Америке и на Карибах. Стоило где-то зашевелиться повстанцам (угроза политической стабильности в США!), или же европейским сборщикам долгов постучаться в двери соседей (угроза экономическим интересам США!) – и полиция тут как тут. Наготове у нее хитрая (и весьма действенная) смесь из вооруженных сил и бухгалтерии. В первые десятилетия XX века Соединенные Штаты неоднократно подобным образом вмешивались во

внутренние дела Никарагуа, Гаити и Доминиканской Республики.

С особой настороженностью президент Вильсон следил за событиями в Мексике. Нестабильная обстановка в этой стране спровоцировала ряд вмешательств со стороны США. В результате революции 1910-1911 годов пришел к власти Франсиско Мадеро, но в 1913 году он был убит сторонниками генерала Викториано Уэрты. Европейцы поспешили признать режим Уэрты. Американский же президент отказался это делать и встал на сторону «конституционалистов» под руководством Венустиано Каррансы. Вильсон во всеуслышание пригрозил, что «научит южноамериканских республиканцев, как нужно делать правильный выбор». В апреле 1914 года ситуация получила дальнейшее развитие: мало того, что мексиканские власти арестовали в Тампико группу американских моряков, они еще и проявили преступную несговорчивость, отказавшись приносить извинения. Данный инцидент Вильсон трактовал как непростительное оскорбление «власти и достоинства» Соединенных Штатов и ввел военно-морские корабли в Веракрус. В разразившемся вооруженном конфликте погибли свыше ста мексиканских солдат. В августе 1914 года власть в Мексике снова сменилась: на смену генералу Уэрте пришел-таки Карранса. И хотя сей неблагодарный не выразил желания брать уроки государственного управления у профессора Вильсона, американский президент после долгих колебаний (лично он предпочел бы видеть во главе страны мятежного лидера Панчо Вилью) все-таки признал правительство Каррансы. Возмущенный таким предательством Вилья объявил собственную войну Соединенным Штатам: в 1916 году он неоднократно вторгался в Нью-Мексико, грабя и убивая жителей американского пограничья. На борьбу с ним была

послана 11-тысячная армия во главе с генералом Джоном Дж. Першингом. На протяжении десяти месяцев он пытался изловить «бандита и мародера» Вилью, но так и не добился успеха. По истечении указанного срока американская армия вынуждена была вернуться ни с чем. Так бесславно завершилась мексиканская кампания президента Вильсона.

И хотя у Соединенных Штатов вошло в привычку размахивать пресловутой «дубинкой» перед носом у ближайших соседей, это не мешало им претендовать на роль корректного и беспристрастного посредника в международных спорах ведущих держав. Президент Рузвельт приложил немало усилий, чтобы в 1905 году благополучно привести к завершению русско-японскую войну. Он же организовал конференцию для улаживания марокканского конфликта между Францией и Германией. За свою миротворческую деятельность Рузвельт удостоился в 1906 году Нобелевской премии. Там, где дело касалось власти и влияния, Соединенные Штаты во что бы то ни стало стремились склонить чашу весов в свою сторону. Ради этого они не жалели сил, чтобы примирить враждующие стороны и восстановить равновесие на мировой сцене.

На международной повестке дня у Соединенных Штатов стояли две «прогрессивные» задачи: прививать слабым странам универсальные нормы разумного поведения и одновременно направлять более сильные государства к надлежащему использованию их сил. Играя эти две роли – наставника для слабейших и посредника для могущественных, – американцы ощущали себя носителями важнейшей, центральной «миссии» на мировой арене.

Накануне Первой мировой войны, 1914-1917 годы

Однако изменение международной обстановки грозило прервать плодотворную работу Соединенных Штатов. Европейские нации обзавелись непомерно большими армиями. Помимо этого, тысячи резервистов стояли наготове. Попирая чужие национальные интересы, ведущие европейские державы расширяли свои империи, которые и так уже охватывали одну пятую всего земного шара и десятую часть населения планеты. Опасаясь окружения и изоляции со стороны соперников, ведущие державы пытались защитить фланги и с этой целью заключали многочисленные союзные договоры. Германия объединилась с Австро-Венгрией в двойственном союзе; после того, как к ним присоединилась Османская империя, они образовали группу под названием «Центральные державы». В свою очередь, Британия, Франция и Россия заключили Тройственное соглашение (или Антанту); после присоединения Италии сформировалась группа «союзников». Эти союзы – не всегда логически оправданные, подчас довольно странные – возникали для защиты запутанных, переплетающихся интересов государств от реальных и надуманных угроз. Проблема заключалась в том, что сами участники не слишком доверяли союзникам и их обещаниям помощи и поддержки. Атмосфера подозрительности и недоверия лишь усугубляла ситуацию. В конце концов международная обстановка накалилась настолько, что малейшей искры было достаточно, чтобы спровоцировать всемирный пожар. Неизбежное самовоспламенение произошло в конце июня 1914 года и стало следствием рокового инцидента в Сараево, где

фанатичный сербский националист убил наследника австро-венгерского трона эрцгерцога Франца Фердинанда. Это событие, само по себе трагичное, вызвало небывалую вспышку национализма и привело к необратимым последствиям. Не прошло и пяти недель, как в Европе разразилась всеобщая война – первая со времен наполеоновских завоеваний. Масштабы вооруженного конфликта не имели прецедента в предыдущей мировой истории: война длилась всего четыре года, но за этот короткий срок погибло больше, чем за предыдущие четыре столетия со всеми их войнами.

В самом начале военных действий президент Вильсон сделал заявление, в котором призвал Соединенные Штаты «хранить истинный дух нейтральности, предполагающий честное, беспристрастное и дружелюбное отношение ко всем участникам конфликта». Вильсон прекрасно понимал, что возможные разногласия между различными этническими группами внутри страны способны развалить республику. Американцы должны доказать свою исключительность, проявить себя «нацией, которая более других способна демонстрировать великолепную непредвзятость решений, достоинство самоконтроля, эффективность беспристрастных действий; нацией, которая сохраняет способность и свободу поступать честным, бескорыстным и наиболее полезным образом для сохранения мира во всем мире». Президент доказывал, что экстраординарная мировая обстановка требует от Соединенных Штатов исключительного лидерства.

Объявленный нейтралитет выглядел осмысленным по целому ряду причин. Военная обстановка 1914 года убедила многих: наилучшей политикой в отношении Европы является отсутствие всякой политики. В этом смысле тактика неприсоединения к военным блокам

позволяла Соединенным Штатам оставаться в стороне от военных передраг. Обилие пацифистских групп красноречиво отражало настроения в обществе: американцы стремились разрешать противоречия путем переговоров, а не применения грубой силы. У Вильсона имелись и личные причины для сохранения политики нейтралитета. Его приход к власти в 1912 году стал возможным благодаря расколу в лагере республиканцев, и Вильсон не желал менять установившийся статус-кво. Он отдавал себе отчет, что военная интервенция со стороны США может сплотить его противников и негативно повлиять на исход следующих выборов. Надо сказать, что его расчеты оправдались. Вильсону, хоть и с большим трудом, все же удалось продлить свое президентство на второй срок, и немалую роль в том сыграл его предвыборный лозунг: «Он уберег нас от войны». Наконец, демократическому президенту Вильсону трудно было бы оправдаться перед народом и всем миром, встань он на сторону европейского альянса, в котором участвовал самодержавный режим царя Николая II.

Позиция нейтралитета, в теории выглядевшая вполне разумной и оправданной, на практике оказалась труднодостижимой. В идеологии и сам президент, и его советники, естественно, отдавали предпочтение демократическим порядкам Англии и Франции перед военным режимом Германии. Но их позиция столкнулась с препятствиями эмоционального плана. Дело в том, что американцы немецкого происхождения (а они составляли 9 % всего населения страны) склонны были поддерживать политику своей этнической родины. С ними невольно консолидировались и бывшие выходцы из Ирландии (4 % населения), которые не желали видеть в союзниках ненавистную Британию. С экономической точки зрения более логичным выглядело объединение США с Антантой, поскольку торговый

обмен с Францией и Британией по всем показателям превышал таковой с Германией и ее союзниками. В дипломатическом плане момент, когда Вильсон де факто признал установленную Британией морскую блокаду Германии, ознаменовал сдвиг в изначально беспристрастной позиции Соединенных Штатов. Показательны также изменения в военной обстановке внутри страны: с конца 1915 года президент активно поощрял расширение американской армии, что свидетельствует о том, что он не исключал военного решения. Германия делала ставку на подводную войну. С учетом этого намерение США сохранять нейтралитет в открытом море создавало весьма приятные, хотя и неопределенные перспективы.

Как бы там ни было, но военная обстановка в Европе, с одной стороны, и политические решения кабинета Вильсона – с другой, подтолкнули Соединенные Штаты к участию в войне. Решающую роль сыграло принятое в феврале 1915 года решение Германии использовать свои *унтерзэботе* (подводные лодки) для прорыва британской блокады и приостановки потока товаров в страны Антанты. При этом немцев трудно обвинить в нечестной игре: они предупредили все страны (включая и нейтральные) об опасности, которая может поджидать их морской флот в районе Британских островов. Тем не менее после того как в мае 1915 года затонул британский лайнер «Лузитания» (погибли почти 1200 пассажиров, в том числе 100 американцев), Вильсон сделал резкое заявление с требованием соблюдения условий нейтралитета. Германия вынуждена была на время уступить, но в феврале 1916 года она заявила о своем праве атаковать военные корабли. В марте пострадало французское судно «Суссекс», на борту которого снова находились американцы. И вновь президент Вильсон выступил с угрозами, перед которыми Германии

пришлось отступить. Затишье длилось до января 1917 года, когда немцы начали полномасштабную подводную войну против всех судов, включая американские.

В начале 1917 года произошло еще два события, подтолкнувших Соединенные Штаты к участию в войне. В феврале британская разведка перехватила текст так называемой «Телеграммы Циммермана». В этом документе речь шла о переговорах немецкого правительства с Мексикой. Мексиканцам предлагалось встать на сторону Германии и напасть на США. За это им гарантировался возврат земель, потерянных в ходе войны 1846–1848 годов. Обнародование этой телеграммы вызвало законное возмущение и тревогу у американской публики. До сих пор война протекала где-то далеко, в заокеанской Европе. Теперь же американцы убедились, что их собственная безопасность находится под угрозой. Несколько недель спустя в России разразилась революция, и Николая II вынудили отречься от престола. Таким образом, самый одиозный член альянса сошел с международной сцены, что позволило президенту Вильсону с более или менее чистой совестью оказать помощь Антанте.

На самом деле Соединенные Штаты и раньше предоставляли военные займы союзникам. Надежды на скорое урегулирование конфликта путем переговоров не оправдались. Из Европы, опутанной многокилометровой сетью окопов, приходили неутешительные сводки. Судя по всему, военный конфликт зашел в зловещий тупик. В апреле 1917 года Вильсон обратился к Конгрессу за разрешением на вступление Соединенных Штатов в войну. В первую очередь им двигала надежда, что этот шаг приблизит войну к окончанию. Как заявил Вильсон: «Мир должен стать безопасным для демократии». Получив поддержку со стороны Америки, союзники сумеют наконец-то завершить войну и построить под

американским руководством справедливое и
стабильное будущее.

Участие Соединенных Штатов в войне, 1917-1918 годы

Участие в вооруженном конфликте требовало от США выполнения ряда условий: укрепления армии, мобилизации всех ресурсов, повышения государственных доходов и усиления федеральной власти. А учитывая масштаб войны, речь шла о значительном усилении правительства. То расширение национальной власти, которое произошло в Америке благодаря прогрессивной реформе, теперь должно было послужить установлению нового порядка во всем мире.

Прежде всего требовалось создать сильную армию. На момент вступления в войну вооруженные силы Соединенных Штатов насчитывали 200 тыс. военнослужащих, к концу войны эта цифра увеличилась в 25 раз. Основной прирост (3 млн) обеспечило введение обязательной воинской повинности, остальные 2 млн появились за счет добровольцев. Сорок процентов служило во Франции в составе Американских экспедиционных войск. Командовал этой армией генерал Першинг – опытный военный, который до того уже участвовал в столкновениях с индейцами, филиппинцами и мексиканцами. Будучи сторонником строгой воинской дисциплины, он основательно вымуштровал своих подчиненных. На первых порах Першинг избегал массового участия американских солдат в военных действиях. Так продолжалось до весны 1918 года, когда Першинг, выведенный из терпения оборонительной тактикой британского командования, настоял на проведении наступательной операции. Генерал отказался рассредоточивать своих солдат по войскам союзников и сохранил американский

корпус в виде отдельного соединения под собственным командованием.

К тому времени положение дел на военном театре складывалось не слишком удачно для союзников. На море они несли тяжелые потери из-за постоянных нападений немецких подводных лодок. На суше им тоже приходилось сдерживать натиск центральных держав, поскольку те сосредоточили большую часть своих войск на Западном фронте (это стало возможным в результате подписания Германией в марте 1918 года сепаратного мирного договора с большевистским правительством Ленина). Вступление в войну Соединенных Штатов изменило ход войны. Американские эсминцы активно включились в военные действия, значительно снизив к концу 1917 года как число немецких субмарин, так и эффективность их нападений. Военные корабли США обеспечивали конвоирование караванов торговых судов. Получив подкрепление, союзные силы в конце весны – начале лета сумели блокировать немецкое продвижение в направлении Кантињи, Шато-Тьерри и Белло. В июле союзники начали собственное наступление. Двадцать шестого сентября генерал Першинг во главе миллионной армии развернул Маас-Аргонскую наступательную операцию. Совместными усилиями враг был отброшен. Наступление германских войск захлебнулось, это значительно подорвало боевой дух центральных держав, и вскоре они капитулировали. Союзники согласились на перемирие, что, по сути, означало конец войны.

Домашний фронт

Участие в войне подразумевало использование значительных людских и промышленных ресурсов. А это, в свою очередь, требовало беспрецедентной координации всей жизни в Америке. Как писал историк Дэвид М. Кеннеди, члены «американского общества – предельно раздробленного, в котором традиционно преобладали волонтаристские настроения, должны были сойти с ума, чтобы действовать в соответствии с назначенными ролями». Война стала своеобразным экспериментом по внедрению прогрессистских принципов – коллективной деятельности, централизованного контроля и усиления народной власти. Искусно лавируя, Вильсон прокладывал курс «между скрытыми опасностями пассивного невмешательства и полновесным экономическим контролем со стороны государства».

Правительственные организации осуществляли контроль над ключевыми областями экономики. В промышленном секторе Военный совет по промышленности под началом финансиста Бернарда Баруха занимался правительственными закупками и надзирал за поставками сырья, выпуском продукции и процессом ценообразования. Совет сумел привлечь к своей деятельности и частные концерны, передав им часть выгодных заказов и добившись смягчения антитрестового законодательства. Результатом стало заметное укрепление крупного бизнеса. Для координации сельскохозяйственной деятельности было сформировано Управление по продовольствию, во главе которого встал опытный инженер Герберт Гувер. Благодаря ему продуктивное снабжение в стране значительно расширилось и стабилизировалось. Гувер

справедливо рассудил, что механизмы свободного рынка сработают надежнее, чем принудительный контроль со стороны правительства. И действительно, повышение цен на сельскохозяйственную продукцию стимулировало американских фермеров, а искусственные спады производства, которые время от времени организовывал Гувер, помогали более экономному использованию ресурсов. В итоге повысилась механизация фермерского хозяйства, объемы сельскохозяйственной продукции заметно выросли, равно как и доходы самих производителей.

Участие в войне обошлось американцам в колоссальную сумму, превышавшую 33 млрд долларов. Нация, которая за долгие годы привыкла к сбалансированному бюджету, внезапно обнаружила, что ее расходы решительно не желают сходиться с доходами. В годы войны федеральное правительство тратило втрое больше, чем получало. Национальный долг, составлявший в начале войны 3 млрд долларов, к 1919 году вырос до 27 млрд. Отчасти это объяснялось финансовой политикой президента, который активно использовал займы для покрытия военных издержек. В результате налоги, то есть реальные деньги, покрывали лишь треть необходимой суммы, все остальное приходилось на долговые обязательства. Это неизбежно привело к росту инфляции и значительному повышению (чуть ли не вдвое) цен на большинство товаров.

Война существенно изменила материальное положение некоторых групп населения Соединенных Штатов. Благодаря деятельности Национального военного совета по труду, который защищал право рабочих на создание организаций, членство в профсоюзе возросло на 60 %. Для женщин открылись новые возможности на производстве. Участие в войне значительно (примерно на одну шестую) сократило

число рабочих-мужчин, соответственно, на их места пришли женщины. В годы войны американки занимали 25 % всех рабочих мест на заводах и фабриках. Но и этого было мало. По мере расширения производства росла и потребность в рабочей силе. Около полумиллиона чернокожих южан снялись с насиженных мест и потянулись в крупные промышленные города Севера. В результате резко возросла численность черного населения в таких городах Среднего Запада, как Детройт, Чикаго, Кливленд и Гэри. На востоке эта тенденция вызвала недовольство у местного населения, в ряде городов (например, в Сент-Луисе, Нью-Йорке, Вашингтоне и том же Чикаго) возникли расовые беспорядки.

В годы войны усилилось влияние федерального правительства, как на производственную сферу, так и на общественное мнение. Комитет общественной информации играл роль мощной пропагандистской машины, выполняя сразу несколько задач: формируя демонический образ врага, по возможности американизируя собственных иммигрантов и насаждая в обществе выработанное на правительственном уровне отношение к войне. Тех, кто не желал поддаваться агитации, убеждали с помощью закона. Акт о шпионаже, принятый в 1917 году, а также акт о саботаже и подстрекательстве 1918 года были направлены не только против шпионов и саботажников. Под их действие попадали и рядовые граждане, выражавшие несогласие с войной. Правительство возбудило свыше 2 тыс. судебных дел за антивоенные настроения. Преследование радикалов продолжались и в послевоенные годы, только теперь, в 1919-1920 годах, они проходили под знаком борьбы с большевистской «красной угрозой». В январе 1920 года министр юстиции провел рейд по трем десяткам американских

городов, арестовав свыше 4 тыс. подозрительных
радикалов.

Битва за мир

Державы-победительницы желали максимально ослабить Германию, расчленив и уничтожив основу ее военной мощи. Однако Вильсон в своих мечтах лелеял куда более грандиозные планы: он надеялся покончить не только с этой войной, но и вообще со всеми войнами в мире. Однако президента ждало жестокое разочарование: его предложения – благородные и справедливые, по мнению самого Вильсона, – не встретили понимания ни у европейских союзников, ни у американских сенаторов.

В январе 1918 года он подготовил проект договора, который носил не столько карательный, сколько миротворческий характер. Программа мероприятий, изложенная в четырнадцати пунктах, должна была устранить «главные стимулы к войне». Суть вильсоновской «программы мира» можно свести к пяти основным положениям. Во-первых, президент отстаивал приоритет демократии перед империализмом (для этого он предлагал ослабить колониальные амбиции и, напротив, расширить право государств на самоопределение). Во-вторых, он требовал покончить с секретностью и практиковать открытость в дипломатической деятельности. В-третьих, вместо системы ограничений он предлагал ввести свободу торговли и мореходства. В-четвертых, при решении международных споров советовал полагаться на силу морали, а не на силу оружия (в качестве решения предлагалась демилитаризация). И, наконец, в-пятых, призывал смирить узконациональные интересы во имя духа сотрудничества и коллективизма. Последнее предложение являлось, по мнению Вильсона, «кульминационным моментом всей программы,

окончательным боем за свободу человечества». Для его реализации президент предлагал совместно учредить организацию под названием Лига Наций.

В январе 1919 года Вильсон представил свой план на Парижской мирной конференции – в противовес альтернативной повестке дня, предложенной Британией, Францией и Италией. В свете исключительной важности вопроса обсуждение велось на закрытой сессии, куда Германия и Советская Россия не были допущены. Предложение Вильсона о свободе торговли и мореходства не встретили должного отклика у остальных участников конференции. Не лучше обстояло дело и с правом наций на самоопределение: оно вступало в противоречие с существовавшими территориальными соглашениями. Принятая в результате система мандатов служила не уничтожению колониальной системы, а, скорее, ее перераспределению. Предложение о разоружении прошло, но только применительно к побежденным государствам. Мало того, выигравшие войну европейские союзники планировали примерно покарать врагов, раздробив их территории, равно как и проживавшие на них народы. Поскольку основной виновницей войны считалась Германия, то на нее налагался штраф в размере 30 млрд долларов – так сказать, в порядке компенсации расходов. Вильсону трудно было возражать, поскольку он никогда не выставлял свои мирные принципы в качестве предварительного условия для вступления Соединенных Штатов в войну. И вот теперь европейские союзники вынудили его пойти на уступки в основных вопросах.

Тем не менее Вильсон не желал отказываться от Лиги Наций. Он верил, что организация коллективной безопасности покончит с войнами и обеспечит стабильный мир во всем мире. Он надеялся, что сумеет

добиться от сената ратификации мирного договора (а следовательно, и устава Лиги Наций как составной части). Однако и здесь президента ожидало горькое разочарование, отчасти по его собственной вине. Хотя на выборах 1918 года республиканцы сумели обеспечить себе большинство мест в Конгрессе, Вильсон не включил никого из них в состав «Мирной комиссии». Понятно, что обманутые в ожиданиях республиканцы не склонны были поддерживать президента. Они не преминули указать на многочисленные отступления от «программы мира», которые допускал сам Вильсон.

Наибольшие нарекания у критиков вызывал тот факт, что в случае ратификации мирного договора Соединенные Штаты должны будут подчиняться решениям Лиги Наций.

В этом вопросе вильсоновский идеализм действительно вступал в противоречие с американской традицией, предполагавшей независимость внешней политики. Пока США оставались вне всяких международных союзов, они были вольны выбирать, когда и куда им вмешиваться. Вступление в Лигу Наций, доказывал республиканский сенатор Уильям Э. Борах, противоречит национальным принципам американцев. Если договор будет утвержден, то Америке придется «раз и навсегда отказаться от своей великой политики «неприсоединения к запутанным европейским союзам», на которой вот уже сто пятьдесят лет базируется сила республики». Кроме того, данный мирный договор ущемлял «право нашего народа самостоятельно управлять своей судьбой, не подвергаясь никаким ограничениям – ни моральным, ни юридическим – со стороны иностранных держав». Концепция коллективной безопасности, столь милая сердцу Вильсона, вызвала дружное возмущение у тех, кто видел в ней угрозу американской независимости.

Критики потребовали внести необходимые изменения в устав Лиги Наций. Президент отказался идти на уступки. Вместо того он отправился в длительный тур по штатам, повсюду пропагандируя мирный договор и свое детище, Лигу Наций. Осенью 1919 года он вернулся в Вашингтон – вконец измотанный постоянными переездами и напряженным расписанием встреч. Второго октября у Вильсона случился обширный инсульт, который сделал его практически нетрудоспособным на оставшиеся полтора года президентства. В ноябре того же года сенат отказался ратифицировать Версальский договор. В 1921 году Соединенные Штаты подписали сепаратные мирные договоры с Германией, Австрией и Венгрией.

Первая мировая война стала шокирующим событием для всего мира: она продемонстрировала, сколь негуманной может быть наша цивилизация. Американцы стали всерьез сомневаться в возможности разумного и нравственного решения международных споров. Свыше 10 млн человек сложили головы на полях сражений, еще 20 млн получили различные ранения. Мирные переговоры обнаружили наличие глубоких противоречий в победном лагере союзников. Итоговые соглашения оставили чувство глубокой обиды в сердцах у немцев, на котором позже и сыграл Гитлер. Громкие разговоры о самоопределении подтолкнули к действиям таких националистических лидеров, как Хо Ши Мин и Махатма Ганди. Долгие прения в американском Конгрессе по поводу судьбы Лиги Наций лишь усилили тягу к автономной (а никак не коллективной) международной политике. И вдобавок ко всему события, связанные с завершением войны и мирными переговорами, окончательно испортили отношения между Советской Россией и Западом. Одностороннее решение Ленина о выходе из войны вызвало справедливое негодование у союзников (Соединенные

Штаты не были исключением). В результате они не только исключили Россию из версальских переговоров, но и организовали в 1918 году коллективное военное вторжение с целью поддержки контрреволюции. Вплоть до 1920 года западные войска оставались на территории России.

Хуже всего то, что окончание войны не сняло международной напряженности. Скорее, следовало говорить о ее переориентации. Верный своим прогрессистским устремлениям Вильсон втянул нацию в войну. Но очень скоро Америка обнаружила, что не может переделать мир по своему образу и подобию. Потерпев поражение на пути реализации собственной социальной программы, послевоенная Америка подвергла ревизии и свои отношения с другими государствами, и основополагающие принципы прогрессизма. Желание вернуться к «привычным стандартам» возобладало над всеми лозунгами о коллективной ответственности.

Глава 11

Экономическое процветание и риски, 1920–1941 годы

Миновали первые десятилетия XX века. После подъема, сопровождавшего годы реформ, и ужасов военного времени американцы вновь вернулись к «нормальной жизни». На практике это означало свертыwanie прогрессистских проектов и расширение деловой активности. Однако отступление в социально-общественной сфере было не окончательным, а как бы пробным шагом. В значительной степени это объяснялось не слишком прочными достижениями в экономике. В конце 1920-х случился обвал рынка, и Америка вновь в 1930-х годах заговорила о реформе. Результатом этих колебаний стала выработка нового понятия «нормы», которое базировалось на беспрецедентном расширении федеральной власти.

Политическое отступление от прогрессизма в 1920-х годах

Выборы 1920 года были задуманы Вудро Вильсоном как «великий и серьезный референдум» по вопросу о мирном договоре. Однако, судя по итогам этого мероприятия, страна не приняла идеализм своего президента. Контроль над федеральным правительством захватили республиканцы. Новый президент Уоррен Г. Гардинг призывал избирателей покончить как с международными обязательствами, так и с идеями прогрессистов. Он объявил:

Сегодняшней Америке нужен не героизм, но исцеление; не сногшибательная панацея от всех бед, а норма; не революция, но реставрация; не волнения, но приспособление; не срочная хирургия, но спокойствие; не кипение страстей, но равновесие; не безоглядное погружение в пучины интернационализма, но успешное плавание по волнам национального единства.

С 1921 по 1933 год в Белом доме властвовали республиканцы: сначала президентствовал Гардинг, затем (после его смерти в 1923 году) Калвин Кулидж и, наконец, Герберт Гувер. Если пренебречь кратким периодом (1930), когда демократы имели ощутимое большинство в палате представителей, можно утверждать, что и Конгресс был в руках республиканцев. К тому же республиканцы сумели обеспечить себе восемь мест в Верховном суде. До момента полного отказа от «прогресса» партия испробовала различные пути достижения цели, которая

требовала (если выражаться в духе Гардинга) не трансформации, но стабильности.

Все трое республиканских президентов сильно отличались по своим внешним и «внутренним» данным. Гардинг был импозантным мужчиной, весьма склонным к выпивке и легковесным развлечениям. Несмотря на все свое обаяние, он оказался не слишком успешным президентом – отчасти из-за весьма заурядных способностей, а отчасти благодаря сомнительным знакомствам (трое его друзей были замешаны в скандальных историях). Кулидж представлял собой прямо противоположный тип – моралист из Новой Англии, пуританин до мозга костей, который предпочитал держаться замкнуто и отчужденно. По отзывам современников, Кулидж всегда выглядел так, будто только что съел лимон. К тому же он часто чувствовал себя утомленным и по полдня проводил в постели. Гувер, респектабельный и энергичный инженер, в годы войны проявил себя неплохим администратором, возглавляя Управление по продовольствию; при Гардинге и Кулидже занимал пост министра торговли.

Несмотря на все различия в характерах, эти президенты проповедовали одинаковые взгляды на роль правительства: республиканцы отвергали коллективные принципы прогрессизма. Гувер, из всех трех наиболее склонный к размышлениям, в 1922 году написал целую книгу, посвященную «американскому индивидуализму». Он утверждал, что национальное величие Соединенных Штатов сформировалось в результате усилий одиночек. В основе американской системы лежит простой принцип: «Лишь организованная свобода и равные возможности для отдельных личностей способны подтолкнуть инициативу и предприимчивость этих личностей на пути к прогрессу».

Установка прогрессистов на активное вмешательство правительства в дела нации также оспаривалась республиканцами. Государственные организации, доказывал Гардинг, не способны решить социальные проблемы, ибо «нельзя излечить все болезни человечества при помощи законов». Никакие законодательные акты, пусть самые многочисленные, «не могут подменить собой качественное гражданство». Гардинг пропагандировал такую политическую систему, при которой «граждане не ждут помощи от страны, а сами стремятся что-то сделать для своего правительства и страны в целом». Его слова удивительным образом перекликаются с инаугурационной речью Джона Ф. Кеннеди, которая прозвучит несколько десятилетий спустя. Кулидж также доказывал, что американцы не должны полностью полагаться на правительство, ибо «трудолюбие, достаток и репутацию невозможно обеспечить каким-либо законом или правительственным решением». Никакое правительство не может отменить необходимость усердно трудиться.

Президент Кулидж в 1924 г. на открытии сезона Профессиональной бейсбольной лиги

Не меньшие возражения вызывал и следующий постулат прогрессистов: якобы правительственные учреждения защищают народные интересы в борьбе с частными предпринимателями. Республиканцы отрицали такое противопоставление и доказывали, что никакие ограничения деловой активности не помогут. Только *совместные* интересы, связывающие воедино общественный и частный сектор экономики, обеспечат развитие и процветание нации. Министерство торговли пропагандировало «ассоционализм». Гувер наметил целый ряд правительственных мер, направленных на то, чтобы упорядочить рынок и повысить его эффективность. Задачу правительства он видел в том, чтобы обеспечивать надежные экономические показатели, помогать фирмам с организацией деятельности, открывать для них зарубежные рынки и всемерно поддерживать совместные кооперативные предприятия. В конце концов, как сказал в 1925 году Кулидж: «Дело Америки – это бизнес».

Республиканцы оспаривали и тезис прогрессистов об активной позиции президента. В 1920-х годах американские президенты не претендовали на роль национальных лидеров, которые обращались бы к народу в обход других ветвей федеральной власти. Они вполне полагались на деятельность своих кабинетов, предоставив законотворчество республиканскому Конгрессу. В особенности это относилось к Гардингу и Кулиджу, которые охотно делегировали свои полномочия другим инстанциям. Молчаливая манера «тихони Кэла» давала в этом отношении даже меньше поводов для шуток, чем политические принципы республиканцев.

Таким образом – поставив во главу угла принципы индивидуализма, минимализма и децентрализации – республиканская администрация той поры вновь вытаскила на свет давнишнее утверждение

Джефферсона: то правительство лучше, которое правит меньше. Если говорить о внутриэкономической деятельности, республиканцы стремились всячески ограничить федеральные расходы и добиться экономии национального бюджета; они уменьшили сумму государственного долга, снизили налоговые тарифы, ограничили правительственное вмешательство в деятельность крупных корпораций. В международной деятельности они также действовали в духе джефферсоновских принципов: предпочитали решать вопросы мирными средствами при минимальном вмешательстве правительства. Гардинг рассчитывал уберечь страну как от «лихорадочного бреда войны», так и от «разъединяющей и бесплодной погони за миром посредством суперправления». Основную ставку республиканцы делали на миролюбивую, ориентированную на торговлю деятельность. Они воздержались от вступления в Лигу Наций, но в 1921 году организовали конференцию по ограничению военно-морских вооружений. В 1928 году Соединенные Штаты предложили к подписанию пакт Келлога – Бриана, направленный на исключение войны из средств международной политики, всемерное расширение зарубежной торговли и поднятие тарифов. Этим же пактом американцы надеялись ускорить погашение долгов, которые остались у союзников еще со времен Первой мировой войны.

Республиканцы декларировали верность кампании Гардинга за «возврат» к прежним нормам жизни. Беда в том, что ни в экономическом, ни в культурном смысле нацию никак нельзя было назвать «нормальной».

Культурные противоречия 1920-х годов

Согласно общепринятому мнению, в «революционные двадцатые» американцы отошли от традиций, поддавшись соблазну новых идеалов и безграничной терпимости. Однако следует отметить, что далеко не все общество оказалось в плену у неортодоксальных тенденций. Были и те, кто испытывал отвращение перед излишествами «модернизма» и страх перед его опасностями. Второе десятилетие XX века ознаменовалось как движением за перемены, так и упорным сопротивлением этим переменам.

Первая мировая война пошатнула веру американцев в необратимость прогресса. Многие интеллектуалы усвоили более скептический взгляд на вещи. К этому их подталкивали и открытия современной науки, которые свидетельствовали о ненадежности человеческого опыта, стойком влиянии иррационального начала на психику человека, относительной (а не абсолютной, как считалось прежде) природе истины и надуманном (а не естественном) характере мирового порядка. Все эти новые идеи нашли свое отражение в американской литературе того периода, проникнутой горечью обманутых надежд и страхом перед коллективным безумием.

Мотивы безысходности и сомнения в прежних ценностях явственно звучат в творчестве тех писателей, которые покинули родину, дабы взглянуть на американскую культуру со стороны и составить о ней верное представление. Эзра Паунд, Т. С. Элиот, Эрнест Хемингуэй, Кэтрин Энн Портер, Джон Дон Пассос, Эдна Сент-Винсент Миллэй и другие принадлежат к поколению послевоенных писателей, которое, с легкой

руки Гертруды Стайн, стали называть «потерянным поколением». Хемингуэя и Паунда можно по праву назвать революционерами американской литературы. Критически переосмыслив литературные традиции своих предшественников, они решительно отказались от витиеватого, нравоучительного стиля, господствовавшего в конце XIX века. Хемингуэй и Паунд выработали собственную – простую и немногословную – манеру письма, которая больше соответствовала окружающему их миру – миру, где благородные идеалы и величественный строй мысли утратили свое значение. Творчество не только этих авторов, но и всех писателей-эмигрантов было проникнуто чувством потерянности и дезориентации. Так, главным мотивом поэмы Элиота «Бесплодная земля» (1922) стал мотив одиночества и разрушения: «Что там за корни в земле, что за ветви растут из каменистой почвы?»^[17] Первые романы Хемингуэя «Фиеста» (1926) и «Прощай, оружие» (1929) представляют собой пронзительное описание изломанных войной человеческих жизней. Как говорит рассказчик из второго романа, «То, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские боины.»

Пока одни писатели оплакивали утраченные иллюзии, другие успели испытать и выразить разочарование по поводу идеалов и навязчивых идей новой эпохи. В одном из своих первых сборников рассказов «Сказки века джаза» (1922) Ф. Скотт Фитцджеральд отдавал должное послевоенному процветанию: «Этот великий город поражал невиданным ранее великолепием, тем изобилием, который принесла с собой война». Однако уже в последующих произведениях, особенно в романе «Великий Гэтсби» (1925), он показал бесплодность лихорадочной погони за материальным благополучием

и блестящими приманками нового времени. Разворачивая печальную историю жизни Гэтсби, человека, поднявшегося из самых низов на вершину общества, автор подводил читателя к пониманию, что само по себе богатство не гарантирует счастья, оно лишь иссушает душу человека, лишая его жизненных сил. Созданному Элиотом образу опустошенной земли Фитцджеральд противопоставил собственную «пустыню» – мусорную свалку, забитую гниющими излишками современного производства.

Тема бесплодности и разочарования возникает в американской литературе тех лет. Одни писатели посвятили свое творчество изображению бесцельной и безрадостной жизни в маленьких американских городках. К числу этих авторов относятся Синклер Льюис со своими романами «Главная улица» (1920) и «Бэббит» (1922), Шервуд Андерсон с книгой «Уайнсбург, штат Огайо» (1919) и Г. Л. Менкен с «Американским Меркурием». Мелочность интересов, ограниченное самодовольство и разрушенные мечты – вот что скрывается под обманчивым спокойствием американской глубинки. Андерсон так отзывался о своей героине из «Уайнсбурга»: «В ней жило сильнейшее беспокойство. Было тревожное стремление к переменам, какому-то большому, важному сдвигу в жизни». Уильям Фолкнер избрал темой внутреннюю драму патриархального Юга. Начав с романов «Сарторис» и «Шум и ярость» (1929), он написал целую серию произведений, действие которых разворачивается в вымышленном округе Йокнапатофа. Яркие образы и экспериментальная манера изложения позволили писателю добиться глубокого психологизма в изображении незамысловатой жизни маленького городка на Миссисипи. Его персонажам приходится вести нелегкую борьбу с вековыми традициями, расовыми предрассудками и семейными неурядицами.

Фрэнсис Скотт Фитцджеральд

Двадцатые годы ознаменовались также расцветом афроамериканской культуры. В художественных и критических произведениях, в таких сборниках как «Новый негр» и журналах, подобных «Кризису», представители «гарлемского ренессанса» исследовали историю и культуру чернокожего населения Америки. В своем романе «Домой, в Гарлем» (1925) Клод Маккей изображал жизнь афроамериканцев на промышленном Севере. В противоположность ему Джин Тумер посвятил поэму «Тростник» (1923) описанию быта сельскохозяйственного Юга. Известная негритянская писательница Зора Нил Херстон привнесла в литературу антропологические изыскания в области обычаев и нравов афроамериканского населения. Оторванная от сельских корней и заброшенная в городскую, университетскую жизнь, она чувствовала себя, как «черный мешок, битком набитый всякой всячиной и забытый под стеной. Так он и стоит в компании с другими мешками – белыми, красными и желтыми». Стихи Лэнгстона Хьюза, бросавшие вызов традиционным формам и условностям общественного мнения, стали гимном его черным собратьям. В стихотворении «Негр говорит о реках» (1920) Хьюз провел своеобразную ревизию африканского наследия.

«Тоскливый блюз» (1923) посвящен страданиям и многотерпению афроамериканцев.

Черные исполнители внесли неоценимый вклад в мировую музыку, создав собственный, неповторимый стиль, получивший название джаза. Корнями джаз уходил в негритянские музыкальные формы – спиричуэлс, регтайм и блюз. Как правило, джазовые произведения начинались с простой мелодии и устойчивого ритма. Но это было только начало, настоящая игра начиналась позже. Очень часто слушатели уже через несколько минут не узнавали первоначальную вещь: благодаря синкопированной манере исполнения начальный ритм менялся до неузнаваемости, певец отходил от лирической мелодии – либо через использование характерного пения-«ската», либо через бесконечное расширение музыкальной фразы. Ключевым приемом в джазе служила сугубо индивидуальная, непредсказуемая импровизация на заданную тему. Такие исполнители, как «Джелли Ролл» Мортон, Луис Армстронг, Флетчер Хендерсон, Дюк Эллингтон и Бесси Смит наполнили музыку неожиданными сюрпризами и новыми открытиями.

В то время как в одних отраслях американской культуры шел непрерывный эксперимент и поиск, так называемая популярная культура принимала все более стандартизированный вид. И хотя в отдельных регионах еще можно было наблюдать своеобразные местные обычаи, по всей стране уже распространялся однородный, *национальный* стиль, язык и набор ценностей. Массовая культура Соединенных Штатов – продукт индустрии развлечений, которая по мере своего развития все более властно диктовала американцам, что им читать, смотреть и слушать.

Тысяча девятьсот двадцатые годы отмечены ростом массовых тиражей таких периодических изданий, как

«Сатердей ивнинг пост», «Домашний очаг», «Колльерс»; все они общались с читателем в одной и той же наставительной манере. А тут еще оформилось новое начинание под названием «Клуб популярной книги», редакция которого ежемесячно давала рекламу какого-либо литературного произведения, а позже рассылала его подписчикам по всей стране. Члены клуба догадывались, что книжки, которые они получают по почте, – не слишком рафинированное, зато стопроцентно популярное чтение: те же самые обложки украшали книжные полки миллионов американцев во всех уголках необъятной страны.

Но если люди охотно читали одни и те же романы, то их, несомненно, можно приобщить и к другим унифицированным видам развлечений. Наверное, именно так рассуждали создатели коммерческого радио в начале 1920-х годов. Во второй половине десятилетия уже появились первые ширококвещательные радиостанции. Эн-би-си (1926) и Си-би-эс (1927) транслировали по всей стране программы, обеспечивая слушателей стандартной смесью из музыки, драмы, комедии и новостей.

Если же американцам приходило желание поразвлечься вне дома, то, как правило, они шли не куда-нибудь, а в ближайший кинотеатр. Там им показывали фильмы, которые во множестве плодили «фабрики грез» американской киноиндустрии. И хотя концентрировалось это производство на юге Калифорнии, финансирование шло из Нью-Йорка. Крупные киностудии не только выпускали фильмы, но и владели целой сетью кинотеатров, в которых демонстрировались фильмы. Одно из изобретений киноиндустрии – система «звезд», в рамках которой с популярными исполнителями заключались контракты на съемки в фильмах, специально подогнанных под их амплуа. Сборы еще больше возросли с появлением

звукового кино. Первый такой фильм «Певец джаза» появился в 1927 году, когда Эл Джолсон обратился к миллионам зрителей с исторической фразой: «Вы не то еще услышите». К концу десятилетия кино приобрело небывалую популярность в Америке. Достаточно сказать, что только за одну неделю кинотеатры посещало столько американцев, сколько их всего проживало в стране.

Однако далеко не всем пришлась по вкусу стандартизированная продукция «средств массовой информации». Страстное поклонение одних сталкивалось с неприятием и осуждением других – тех, кто надеялся сдержать и даже, по возможности, устранить современные тенденции, исподволь разрушающие традиционную систему американских ценностей.

Некоторые из этих критиков возлагали вину за беспорядок в стране на группы «неамериканского» населения. Сторонники «нативизма» считали, что все чуждые нравы идут от пришлых граждан – тех, кто не принадлежит к исконной, белой, сельской, протестантской Америке. Истинным, «сто процентным» американцам следует сплотиться, чтобы противостоять иностранной угрозе и вернуть себе инициативу в собственной стране. Пыл нативистов еще больше подогрел проходивший в 1920-1921 годах суд над двумя иммигрантами, итальянскими анархистами Николой Сакко и Бартоломео Ванцетти, обвинявшимися в убийствах и грабежах. Однако подлинные страсти разгорелись в 1928 году, когда в борьбу за президентский пост включился кандидат от демократов Эл Смит. Мало того что этот человек был ирландцем (он родился в Нью-Йорке в простой иммигрантской семье, политического опыта набирался в Таммани-Холл^[18]), так он еще – о ужас! – принадлежал к католической церкви.

В своей борьбе нативисты прежде всего использовали *легальные* средства, в число которых входило законодательное ограничение иммиграции. Принятый в 1924 году закон о национальном происхождении запрещал въезд в Америку выходцам из Восточной Азии и значительно усложнял иммиграцию из южных и восточных областей Европы. Для этих групп были установлены квоты, базировавшиеся на результатах переписи населения от 1890 года – то есть еще до того, как основная масса евреев, итальянцев и славян приехала в Соединенные Штаты. Сверх того нативисты использовали и *нелегальные* методы, не гнушаясь прибегать к помощи белых островерхих балахонов – куклуксклановцев. Именно их усилиями это движение, испытывшее некоторый спад после 1870-х годов, снова возродилось в 1915 году в южном штате Джорджия. В том далеком году на экраны страны вышел знаменитый фильм Д. У. Гриффита «Рождение нации», воспевавший чистоту расы и систему вековых американских ценностей. Он оказался весьма ценным идеологическим подспорьем для куклуксклановцев, которые развернули форменный террор не только против афроамериканцев, но и против евреев, католиков и вообще иммигрантов. Вопреки традиционным представлениям, движение широко распространилось не только на патриархальном Юге, но и на развитом промышленном Севере. В середине 1920-х годов эта организация уже охватывала 4 млн человек. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но лидеры Ку-клукс-клана изрядно скомпрометировали себя, засветившись в ряде скандалов финансового и сексуального характера. Увы, они стали жертвами тех самых пороков, которые столь страстно порицали в современниках. После этого авторитет организации заметно упал, равно как и сократилось число ее членов.

Кампании за восстановление былых нравов Америки сопровождались попытками реформировать само общество. В январе 1920 года была принята Восемнадцатая поправка к конституции, которая запрещала «производство, транспортировку и продажу опьяняющих напитков» на всей территории США. Этот закон защищал традиционные устои протестантских, в основном сельских, непьющих жителей от культурного вторжения пьющих иммигрантов, преимущественно горожан и католиков по вероисповеданию. Кроме того, запрет представлял собой явное продолжение прогрессистской реформы 1920-х годов – «благородный эксперимент» по искоренению потребления вредоносного, как в социальном, так и в экономическом смысле, алкоголя.

К сожалению, эта поправка, прогрессистская по своему происхождению, была вполне республиканской по исполнению. Федеральные чиновники, склонные экономить на всем, так и не сумели обеспечить достаточных фондов для достойного проведения закона в жизнь. В результате при общем снижении уровня потребления алкоголя количество злостных нарушений принятого закона росло с каждым днем. Если прежде производство крепких напитков было легальным, то теперь оно стало в основном подпольным. Банды городских хулиганов быстро освоили бутлегерство, применив «рационализаторские» методы, почерпнутые из крупного бизнеса. Здесь также происходили слияния и укрупнения, борьба за рынки сбыта и устранение конкурентов при помощи организованной преступности. Подобные неожиданные (и нежелательные) последствия привели к тому, что пришедшие в 1933 году к власти демократы поспешили отменить «сухой закон».

В русле общей борьбы с «модернистскими» тенденциями в 1920-е годы возник и окреп

фундаментализм – воинствующее консервативное направление протестантизма. Отрицая либеральную теологию, его сторонники объявили войну «социальному евангелию», которое пытались примирить традиционные библейские догматы с социальными и экономическими реальностями современности. Фундаменталисты настойчиво доказывали, что мир должен подчиняться Священному Писанию, а не переделывать его под себя. Главным камнем преткновения стало дарвиновское учение об эволюции, которое, по мнению фундаменталистов, отрицало божественное происхождение мира и тем самым ставило под сомнение непогрешимость Библии. Некоторые южные штаты запретили преподавать в школах крамольное учение. В 1925 году внимание всей страны привлекло судебное разбирательство в Теннесси, которое затеял учитель Джон Т. Скоупс. Ставший судебным прецедентом «Обезьяний процесс» вылился в эмоциональный, не всегда корректный спор между наукой и религией. По сути, он олицетворял собой трагедию нации, не желавшей признавать современные тенденции и упорно цеплявшейся за прошлое.

Экономический подъем

Период 1920-х годов, вошедший в историю под названием экономического бума, на самом деле начинался очень неприятно. Послевоенный период ознаменовался уменьшением правительственных затрат и ослаблением заграничного спроса на американские товары. В связи с этим в 1920–1921 годах наметился спад в рыночной экономике США. Однако уже в 1922 году начался процесс оздоровления экономики, который завершился небывалым подъемом.

Америка процветала: доход на душу населения возрос, эффективность производства также увеличилась, что привело к 40-процентному росту валового национального продукта. В стране установился высочайший в мире уровень жизни. Сей факт – вкупе с низким уровнем безработицы, низкой инфляцией и низкими процентными ставками – красноречиво свидетельствовал о материальном положении Соединенных Штатов. Особые успехи отмечались в производстве потребительских товаров. Технологические разработки, сделанные на рубеже веков для тяжелого машиностроения, современные корпорации использовали в производстве товаров, рассчитанных на среднего потребителя. Импульсом к развитию послужило широкое распространение электрической энергии. К концу 1920-х годов большинство промышленных предприятий перешло на этот вид энергии. Электрифицированные жилища американцев стали быстро оснащаться бытовой техникой – радиоприемниками, холодильниками, стиральными машинами и пылесосами. Все это способствовало расширению производства.

Процесс укрупнения, характерный для промышленности 1920-х годов, захватил и производство потребительских товаров. Слияния и поглощения конкурирующих предприятий, начавшиеся в 1890-х годах, продолжались. Крупный бизнес становился еще крупнее; на первый план вышли такие компании как «Дженерал моторс», «Крайслер», «Дженерал электрик», «Вестингауз» и «Ю-Эс Раббер». Наращивая выпуск товаров и захватывая рынки сбыта, подобные корпорации получали все больше прибыли, которая шла на дальнейшее расширение производственных мощностей. В результате они производили еще больше товаров, которые охотно раскупались потребителями. В течение этого десятилетия Соединенные Штаты на 58 % увеличили долю предоставляемых кредитов и превратились в крупнейшего международного кредитора. Те, кто вовремя сориентировался, пожинали неплохие прибыли на фондовой бирже, где основные индексы выросли за период 1924-1929 годов в 4 раза.

Краеугольным камнем американской экономики являлся продукт, который – и в буквальном, и в переносном смысле – двигал нацию вперед. Речь, конечно же, об автомобиле. С рационализацией производства машины стали более доступными: если среднегодовой заработок промышленного рабочего в то время равнялся 1300 долларов в год, то цена базовой модели «форда» составляла менее 300 долларов. Из игрушки миллионеров автомобиль превратился в средство передвижения для многих американцев. В 1920-х годах общий парк автомашин вырос на 250 % и к 1929 году уже достиг 26 млн экземпляров (при населении 120 млн человек).

Автомобиль стал идолом американской экономики и культуры, никакой другой потребительский товар не мог сравниться с ним по значению. Каждый двенадцатый рабочий был занят в автомобильной

промышленности. Высокий спрос на машины стимулировал развитие сталелитейной и топливной промышленности, а также производства стекла, резины и химикатов. Большое количество автомобилей обусловило расширение дорожного строительства. В соответствии с законодательными актами 1916, 1921 и 1925 годов федеральное правительство совместно с правительствами штатов приступило к созданию целой сети взаимосвязанных пронумерованных шоссе, легко узнаваемых по черно-белым ограждениям. Одним из самых знаменитых был 66-й маршрут, который, если верить словам популярной песенки, «тянулся от Чикаго до Лос-Анджелеса, через две тысячи миль». К 1929 году правительственными усилиями было построено свыше 250 тыс. миль современных автомагистралей – в полтора раза больше, чем существовало 20 лет назад.

Возможность быстрого и удобного перемещения по новым дорогам только добавила магии автомобилю. В обществе, где не осталось пограничной полосы, дорога давала возможность бежать из больших городов с их скоплением людей. В насквозь стандартизированной культуре машина стала символом личной свободы и мобильности. А замкнутый, уединенный интерьер автомобиля способствовал возникновению новых, более раскованных отношений между мужчиной и женщиной.

Автомобильный рынок диктовал и собственные правила торговли. В то время как Генри Форд продолжал штамповать недорогие черные коробки на колесах, его конкуренты из «Дженерал моторс» наводнили рынок куда более интересными автоматизированными моделями. Они разработали целую серию автомобилей, продававшихся по разным ценам. С целью привлечения клиентуры они ежегодно проводили модернизацию моделей, добавляя новые полезные усовершенствования. Таким образом, компания выпускала не просто автомобили, она

безостановочно генерировала блестящие соблазны, призванные будить интерес потенциальных покупателей и привлекать их в демонстрационные залы «Дженерал моторс». Можно сказать, что автомобильные компании (и другие промышленные производства) 1920-х годов формировали спрос – вернее, потребность в спросе. Крупный бизнес создавал не только потребительские товары, но и потребительскую культуру. Рядовой американец подвергался массированному воздействию со стороны производителей товаров: его постоянно осаждали призывами покупать – покупать еще больше, покупать все новые товары. Главное, чтобы рыночный марафон не прерывался. Это стало первостепенной обязанностью граждан – поглощать продукцию, которую штамповала национальная промышленность. Такой механизм непрерывного потребления стал условием выживания новой экономики.

Конечно, отдельные личности могли проявлять несговорчивость, изрекать банальности насчет неприхотливости и бережливости. На самом деле они попросту боялись расставаться со своими честно заработанными денежками. Для того чтобы сломить их сопротивление, была создана современная реклама. На протяжении 1920-х годов расходы на рекламу удвоились. Производящие компании делали все, чтобы подхлестнуть личное потребление, заставить покупателя немедленно, не откладывая в долгий ящик, потратить деньги. Для тех же, кто жаловался на нехватку средств, предлагался безотказный механизм покупки в рассрочку. Очень скоро это стало нормой американской жизни. Начав с самых необходимых и срочных покупок, американцы со временем привыкли покупать все в кредит. В 1920-х годах подобным образом приобреталась большая часть машин, холодильников и даже радиоприемников. За одно

только десятилетие долги населения по кредитам более чем утроились, а индустрия потребительского кредита превратилась в крупнейший бизнес Америки.

Покупки стали систематическим, прогнозируемым и практически безболезненным делом. Потребление вошло у американцев в похвальную (и поощряемую) привычку: чем выше потребление, тем здоровее и крепче национальная экономика. Казалось, Соединенные Штаты наконец-то нашли свой путь для преодоления рыночных неожиданностей. Американцы верили, что их мечта о бесконечном и беспрепятственном росте вот-вот сбудется.

Экономический спад

А между тем уже надвигался подлинный кошмар – самый страшный экономический кризис за всю историю республики. В 1929–1933 годах экономика Соединенных Штатов переживала глубочайший спад, последствия которого сказывались до конца текущего десятилетия. Эти страшные четыре года Великой депрессии оказались неожиданным потрясением для нации. Как могло случиться, чтобы многообещающие успехи американского рынка обернулись столь сокрушительной катастрофой? Ответ прост: слишком шаткой и ненадежной была почва, на которой зиждилось процветание государства. Экономический строй оказался не в состоянии выдержать той экспансии, к которой стремились воротилы крупного бизнеса. Период расцвета не мог длиться вечно.

Главной причиной краха стало губительное сочетание двух тенденций: перепроизводство товаров, с одной стороны, и недостаточное потребление – с другой. Число покупателей достигло своего пика в конце 1920-х годов. Потребительская экономика, в основе которой лежит бесконечное расширение сбыта, вдруг натолкнулась на непреодолимое препятствие – покупать стало некому. В 1927–1928 годах устойчивый спрос на потребительские товары внезапно застопорился, а затем и вовсе стал снижаться. И дело не в том, что американцы пресытились наконец материальными благами и все поголовно превратились в аскетов. Дело объясняется, скорее, снижением покупательной способности населения.

А причину следовало искать в неравномерности распределения доходов. На протяжении всего минувшего десятилетия деньги оседали в руках

небольшой группы людей, и со временем эта тенденция только усиливалась. В 1929 году верхушка общества, составлявшая всего 1 % населения, владела почти шестой частью национального богатства; пятипроцентная прослойка держала в руках уже одну четверть национального достояния – столько же, сколько приходилось на долю всех низов общества (60 % населения). Две трети американских семей, не в состоянии приобрести даже предметы первой необходимости, были лишены элементарного комфорта. Народ попросту не имел денег на какие-либо покупки. Рост прибыли корпораций в два или три раза превышал прирост реальной зарплаты за тот же период времени. Производство ускорялось, выбрасывая на рынок новые партии товаров, но одновременно потребление этих товаров замедлялось. Самым разумным в подобных условиях было бы сокращение производства. Но сокращение производства означало временные остановки и закрытие предприятий, а это, в свою очередь, усиливало безработицу. Оказавшиеся на улице рабочие, естественно, становились неплатежеспособными и не могли позволить себе никаких покупок. В результате потребительский спрос падал еще больше.

Слабость прочих областей экономики усугубляла проблему снижения потребительского спроса. К сожалению, впечатляющий прогресс последнего десятилетия не затронул угледобывающую промышленность, железнодорожное сообщение и производство текстиля. Численность рабочих в профсоюзных организациях снизилась на 30 %. Нестабильность экономики болезненно сказалась и на банковском деле: свыше 5 тыс. банков потерпели крах и вынуждены были закрыться в 1920-х годах. Наиболее бедственное положение сложилось в сельском хозяйстве, где спад наметился еще в 1921 году.

Прибыли, полученные во время военного бума, фермеры вложили в покупку земли и оборудования. Они рассчитывали, что успешная реализация будущих урожаев позволит им рассчитаться с долгами и выплатами по кредитам. Однако их ждало жестокое разочарование: в самом начале десятилетия цены на сельскохозяйственную продукцию резко упали, да так и не восстановились полностью. В результате американские фермеры оказались в бедственном положении. И не они одни. Серьезные проблемы возникли и у международных партнеров Соединенных Штатов. С одной стороны, американцы настойчиво добивались от бывших союзников погашения военных долгов, а с другой – повышали таможенные пошлины на европейские товары. Испытывая недостаток в наличных средствах (необходимых для расчета по долгам), европейцы сократили потребление американских товаров. Свои финансовые проблемы европейские нации «решали» путем новых займов, год от года становясь все более зависимыми от американских кредитов.

Хотя большинство американцев так и не сумели приобщиться к процветанию минувшего периода, *некоторые* еще больше разбогатели. К несчастью, способы, которым богачи тратили свои несправедливо нажитые средства, приносили мало проку экономике в целом. Приобретение эксклюзивных предметов роскоши не могло выправить бедственного положения с потребительским спросом. Еще больше вреда приносили деньги, пущенные на спекулятивные операции.

В начале 1920-х годов, когда надежды на стабильный экономический рост казались обоснованными, многие инвесторы активно скупали на фондовой бирже акции промышленных корпораций. Тогда стоимость акций выглядела вполне разумной и

обещала неплохие прибыли вкладчикам. Публикуемый в «Нью-Йорк таймс» индекс промышленных акций вырос за период 1924-1929 годов со 106 до 452 пунктов; объем акций, реализованных через Нью-Йоркскую биржу, увеличился в 4,5 раза, а общая рыночная стоимость акций в 1925-1929 годах утроилась. Инвесторы могли вкладывать в акции в расчете на минимальное десятипроцентное снижение. Остальное покрывалось дорогостоящими займами, полученными через биржевых маклеров, которые использовали акции как финансовое поручительство.

В 1926-1929 годах подобные брокерские займы выросли с 3,5 млрд до 8,5 млрд долларов (для сравнения: ежегодные затраты федерального правительства в тот период составляли всего 3 млрд долларов).

Надо сказать, в 1928-1929 годах рыночная стоимость акций слабо отражала истинное положение экономики: котировки росли вне зависимости от финансовых показателей компаний. Инвесторами, приобретавшими акции, двигало не желание оздоровить экономику, а стремление сорвать крупный куш в той спекулятивной игре, которая шла на бирже. Вся Уолл-стрит превратилась в одно огромное, подчиняющееся собственным правилам казино. Основной расчет делался на то, что экономический подъем будет сохраняться неопределенно долго. Федеральное правительство практически не вмешивалось в этот процесс обращения капитала. Более того, приняв закон, снижающий процентные ставки по кредитам (до 3,5-4%), оно даже сыграло на руку спекулянтам.

Однако к осени 1929 года появились первые предвестники беды: неумеренное потребление – основа процветания общества – неожиданно снизилось, в ключевых отраслях экономики наметился явный спад. И

тут же карточные домики Уолл-стрит посыпались, как осенние листья. Два роковых дня – 28 и 29 октября – ознаменовались падением основных индексов на 25 %. Все попытки поддержать рынок провалились, цены продолжали неудержимо ползти вниз. Акции «Дженерал электрик», которые в сентябре продавались по 400 долларов за штуку, в ноябре стоили всего 168 долларов. Падение цен растянулось на месяцы и даже годы, и в 1932 году все те же акции «Дж. Э» уже шли по 34 доллара. В 1933 году, на пике кризиса, промышленный индекс Доу- Джонса снизился на 83 % – с 365 до 63 пунктов.

Масштабы депрессии

Однако неверно считать, что биржевой крах 1929 года повлек за собой Великую депрессию. Скорее, наоборот, многочисленные катастрофы Уолл-стрит стали следствием тех проблем, которые зародились еще в период бума. Будь американская экономика более здоровой и сбалансированной, страна, возможно, вышла бы с меньшими потерями из бури 1929 года. Но порочная система, основанная на безграничном потреблении, не выдержала и стала разваливаться на глазах у нации.

Обрушившийся рынок погреб под своими руинами миллионные капиталовложения и уничтожил уверенность американцев в завтрашнем дне. Общая стоимость акций, которая в 1929 году составляла 87 млрд долларов, в 1932 году упала до 18 млрд. И хотя держателей акций было не так уж много (всего 1 % населения), последствия катастрофы ощутило на себе все общество. Внезапное падение цен вынудило инвесторов прекратить платежи по брокерским займам. Брокеры, в свою очередь, рассматривая

обесценившиеся акции как промежуточные долговые обязательства, перестали возвращать деньги банкам. В результате банкиры потеряли и те деньги, которые они заняли маклерам, и те, что сами вложили в фондовую биржу. А кому нужны банки без денег? Почти 5800 банков (в которых хранилось 3,5 млрд долларов) обанкротилось в 1929–1932 годы. Рядовые американцы, не потратившие на покупку акций и десяти центов, лишились своих сбережений. Те банки, которым посчастливилось выжить, резко сократили кредитные операции, что означало конец столь удобной и привычной системы покупок в рассрочку. Уровень потребления немедленно снизился. Все это больно ударило по промышленным предприятиям. Они не только потеряли возможность получать деньги через банковские кредиты или биржевые махинации, но и лишились покупателей. Пришлось потуже затянуть пояса. Это выразилось в лавинообразном сокращении производства: заводы и фабрики останавливались, рабочие оставались без работы. Действия ФРС, которая вместо того, чтобы ослабить условия кредитования, ужесточила их, лишь усугубили кризисную обстановку. Американская экономика неотвратимо погружалась в пучины депрессии.

Это было беспрецедентное падение. В 1929–1933 годы объем ВВП снизился на 46 %; индекс потребительских цен упал на 25 % при одновременном снижении общего индекса цен на 32 %. Фермеры пострадали еще страшнее: цены на сельскохозяйственную продукцию рухнули на 60 %. Зато уровень безработицы подскочил как никогда: к 1933 году четверть всех работающих американцев оказалась на улице. До самого 1942 года не удавалось восстановить докризисный уровень безработицы. Неумолимый широкомасштабный спад охватил все отрасли американской экономики. Кошмарной

депрессии суждено было продлиться не слишком долго (хотя тогда этого еще никто не знал наверняка), зато поразила она все общество (и большинство американцев прочувствовали ее в полной мере).

Реакция президента Гувера

Гувер успел пробыть на президентском посту всего восемь месяцев, когда случилось катастрофическое падение рынка. Народная молва сделала из него козла отпущения, объявив равнодушным, пассивным и безответственным человеком. На самом же деле на пути преодоления экономического кризиса Гувер сделал больше, чем любой другой президент до него. Возможно, он действовал не столь настойчиво и агрессивно, как хотелось бы, но тем не менее никто не может обвинить его в бездействии.

Гувер, в отличие от своих предшественников, не склонен был рассматривать депрессию как «естественное» явление – вроде сильной простуды, которая и сама по себе пройдет в назначенный срок. И, вопреки традиционной теории, он не считал, что активное вмешательство правительства способно ухудшить ситуацию. Он спорил со своим министром финансов Эндрю Меллоном, который рассматривал многочисленные банкротства как средство борьбы с депрессией. Трактую кризис в духе социал-дарвинизма, Меллон доказывал, что разорение слабейших предприятий «очистит систему от гнили» и создаст у членов общества стимул «усерднее трудиться и жить более нравственной жизнью.» По его словам, «предприимчивые люди подберут обломки, оставшиеся от менее компетентных». Гувер тоже желал укрепить в своих соотечественниках чувство морального долга, но не ценой сопутствующих экономических бедствий.

Фактически он стал первым американским президентом, который отстаивал право (и обязанность!) федерального правительства в критических ситуациях вмешиваться в экономическую жизнь страны. Гувер делал успокаивающие (но в корне неверные) заявления, обещая скорое улучшение положения. Он проводил встречи с крупными предпринимателями и профсоюзными деятелями, призывая (но не в приказном порядке) первых не сворачивать производство, а вторых – отложить до лучших времен требования о повышении зарплаты. Он убеждал муниципальные власти поддержать общественные строительные проекты. Белый дом осуществлял также координацию частной благотворительной деятельности. Чтобы успокоить европейских партнеров и поддержать международный авторитет США, Гувер ввел годичный мораторий на выплату военных долгов и репараций. Предпринимая активные действия (то есть, по сути, активно вмешиваясь в экономическую жизнь страны), Гувер по-прежнему декларировал свою преданность принципам волюнтаризма, локализма, децентрализации и международной стабильности.

Президент предпринимал пробные шаги и в других направлениях. Он предложил увеличить ассигнования на общественные работы, поддержал закон, запрещавший лишать разорившихся домовладельцев права выкупа закладной. Федеральное правительство скупало у фермеров излишки сельскохозяйственной продукции (однако не лимитировало их в производстве). При поддержке Гувера была создана Реконструкционная финансовая корпорация (РФК) с активом в 2 млрд долларов, которая предоставляла займы банкам, коммерческим предприятиям (а позже и местным правительствам).

Однако идти дальше по пути вспомоществования Гувер отказывался. Проводя аналогию с экономическим

спадом 1920-1921 годов, он верил, что и на этот раз кризис минует без дополнительных усилий (и злоупотреблений властью) со стороны федерального правительства. Будучи принципиальным сторонником сбалансированного бюджета, Гувер возражал против широкого дефицитного расходования. Опасаясь негативных последствий (как морального, так и социального порядка), он отказался вводить пособия по безработице. Президент считал, что прямая федеральная помощь безработным, так называемая «государственная милостыня», «деморализует» граждан. Гувер оставался верным поклонником частной инициативы и, соответственно, негативно относился к федеральной собственности и попыткам федерального правительства контролировать рынок. Подобные действия, доказывал он, неминуемо ведут к ограничению личной свободы индивидуума. Непокколебимая вера в пресловутую свободу личности ограничивала президента в выборе средств. Похоже, в тех условиях он просто не мог сделать большего, чтобы помочь стране преодолеть экономический кризис.

Однако народ мало волновали тонкости идеологии. Миллионы американцев, потерявших работу, а с ней и жилье, вынуждены были ютиться в самодельных домах из ржавого металлолома, пустых картонных коробок и прочей рухляди. Народная молва присвоила этим трущобным поселкам на окраинах городов имя «Гувервилль». Имя президента не раз мелькало в городском фольклоре той поры. Американцы и поныне поминают «флаг Гувера» – вывернутый наружу пустой карман брюк; «одеяло Гувера» – газету, которую подстилали под себя бездомные, ночевавшие на скамейках скверов; «ботинки Гувера» – изношенную обувь с картоном вместо подошвы. Разорившиеся фермеры бойкотировали судебные процессы по лишению должников права выкупа закладных. Они

пытались собственными средствами бороться с рыночной чехардой – топили, сжигали или припрятывали до лучших времен излишки сельскохозяйственной продукции. Весна 1932 года ознаменовалась весьма неприятным для правительства инцидентом: 15 тыс. ветеранов Первой мировой войны собрались в Вашингтоне, требуя немедленной выплаты «военных бонусов» (материальной компенсации). Не удовлетворившись решением правительства перенести выплату на 1945 год, «бонусная армия» разбила палаточный городок на окраине американской столицы и приготовилась ждать. Дождались они того, что в конце июля не в меру ретивый генерал Дуглас Макартур силой разогнал протестующих. В газетах незамедлительно появились шокирующие фотографии, на которых молодые солдаты нападают на ветеранов. Для многих американцев эти фотографии стали символом безразличия правительства (и лично президента Гувера) к нуждам простых людей. Несколько месяцев спустя те самые американцы пришли на избирательные участки и с шумом «прокатили» партию, ведущую нечестную игру. На ее место пришла оппозиция, обещавшая «новый курс» и новые правила игры.

Реакция президента Рузвельта

Принимая во внимание биографические данные, квалификацию, связи и личные качества Франклина Делано Рузвельта, следует признать, что он был выдающейся фигурой на политическом небосклоне Америки. Отпрыск могущественного нью-йоркского клана, он находился в дальнем родстве с бывшим президентом Теодором Рузвельтом и был женат на его племяннице. Некоторое время он состоял в

законодательном собрании штата Нью-Йорк, занимал должность госсекретаря в министерстве военно-морского флота при администрации Вильсона. В 1920 году Рузвельт баллотировался от демократической партии на пост вице-президента, затем, в 1928 и 1930 годах, являлся губернатором Нью-Йорка. Перенеся в 1921 году тяжкое заболевание, полиомиелит, Рузвельт сумел восстановить работоспособность и снова вернулся к политической карьере. В глазах всего мира он являл собой пример энергичного, полного оптимизма лидера партии и нации в целом. Попав в Белый дом, он сразу сколотил команду профессионалов – своеобразный «мозговой трест», игравший роль консультативного органа. Стоит ли удивляться, что летом 1932 года именно он стал кандидатом от демократической партии на пост президента?

Некоторые черты роднили Рузвельта с президентом Гувером. Он тоже был сторонником сбалансированного бюджета, но, подобно своему предшественнику, не сумел выработать продуманного плана для борьбы с депрессией. Однако в тех вопросах, где Гувер медлил и бездействовал, Рузвельт предпочитал смело идти вперед. Еще будучи губернатором, он много сделал для расширения общественных работ и поддержки профсоюзов; выступал за пособия безработным, пенсии по старости, ограничение использования детского труда. Там, где Гувер раздумывал и терзался сомнениями, «великий Ф. Д. Р.» предпочитал действовать.

Тем не менее, если судить по кампании 1932 года, не вполне было ясно, какую политику выберет новый президент. Временами казалось, будто Рузвельт еще не решил, в чем же он не согласен со своим предшественником. Так, демократы сурово критиковали республиканцев за избыточные траты, безответственный бюджет и недопустимую

централизацию власти. Но в то же время сами они ратовали за централизованное экономическое планирование, крупные общественные проекты, введение пособия по безработице и «более справедливое распределение богатства и продуктов». Но уж в одном избиратели были точно уверены: придя к власти, демократы отменят ненавистный «сухой закон».

Рузвельт набрал 57 % народных голосов и 89 % в коллегии выборщиков. Его конкуренты – социалисты, коммунисты, партия противников «сухого закона» и прочие – получили всего 3 % голосов на всеобщем голосовании. Даже в такой тяжелый момент, на пике экономической депрессии, американцы больше склонялись в сторону реформ, а не радикальных изменений.

Беда в том, что у Рузвельта не было четкой программы этих реформ – одни только разрозненные предложения. Однако народ, уставший от идеологических ограничений Гувера, с энтузиазмом воспринимал гибкость нового президента и его склонность к экспромтам. По натуре Рузвельт был экспериментатором и прагматиком; практические результаты волновали его гораздо больше, нежели абстрактные истины. Поэтому новая администрация объявила своей целью помощь населению и оздоровление экономики, после чего смело ринулась в бой. А вот *стратегию* предстоящей борьбы и объем допустимых мер предстояло еще определить (и не раз изменить) по ходу дела.

Первый «новый курс», 1933-1935 годы

Историки часто выделяют в программе Рузвельта два этапа, получивших название Первого и Второго «нового курса». В 1933-1935 годах президент предпринимал активные действия, чтобы преодолеть отчаяние нации и предотвратить дальнейшее сползание экономики в бездну депрессии. Его администрация пыталась реанимировать разваливающиеся общественные институты, оказывала поддержку различным отраслям экономики (делая упор на кооперацию усилий в частном секторе) и экспериментировала с централизованным планированием. С 1935 года, под воздействием растущей критики как слева, так и справа (что было особо важно в свете приближавшихся выборов 1936 года), правительственная политика заметно «полевела», ориентируясь уже не на коллективные усилия, а на усиленный контроль и ответственность со стороны федеральных властей.

Первый «новый курс» начался весной 1933 года с заметного оживления законодательной деятельности. Внимание президента прежде всего привлекли находившиеся в бедственном положении банковское дело и финансы страны. В своем инаугурационном обращении к нации Рузвельт утверждал, что «единственное, перед чем мы должны испытывать страх, – это сам страх». Он попытался ослабить тревогу народа, но не через национализацию банков (как предлагали левые радикалы), а путем упрочения их репутации. Правительственным решением были объявлены четырехдневные «банковские каникулы», на время которых все сберегательные учреждения

прекратили свою деятельность. После проведения тотальной ревизии банки, признанные «здоровыми», снова открылись для работы с населением. Те же, которые оказались на грани разорения, подверглись реорганизации под управлением РФК. В результате волну банковских банкротств удалось приостановить; общая сумма вкладов вновь увеличилась, что свидетельствовало о возрастании доверия к государственной финансовой системе. Позже правительство приняло ряд актов, важнейшим из которых был закон о страховании депозитов и создании специального фонда коллективного страхования депозитов. Кроме того, в целях пресечения спекулятивной деятельности коммерческих банков, впредь им запрещалось работать с ценными бумагами (это становилось прерогативой специализированных финансовых организаций); была создана специальная комиссия по надзору за биржевой деятельностью; введен плавающий курс доллара и осуществлен отказ от золотого стандарта.

Вторая группа мер была направлена на оказание прямой помощи безработным и организацию дополнительных рабочих мест. Федеральная администрация по оказанию экстренной помощи потратила 500 млн долларов в виде прямых дотаций (а не займов) правительствам штатов и муниципалитетам. Однако большинство безработных получению пособий предпочитали общественные работы. Служба гражданской консервации рекрутировала молодежь для участия в различных проектах, связанных с лесами, реками и почвой Америки. Недолго просуществовавшее Гражданское управление общественных работ организовывало общественные работы, не связанные с крупными капиталовложениями. Это дало возможность временно трудоустроить четыре миллиона безработных. Оказавшееся более долговечным Управление

общественных работ занималось в основном крупными строительными проектами: прокладывало дороги и туннели, возводило мосты, жилые дома, школы, больницы и аэродромы. Эта организация не только решала проблему рабочих мест, но, благодаря массированным закупкам стройматериалов, перекачивала значительные средства в ослабленную национальную экономику.

Для решения сельскохозяйственных проблем были разработаны специальные программы. С целью упорядочивания цен и объемов производства правительство приняло закон о регулировании сельского хозяйства, который стимулировал фермеров сокращать посевные площади. Закон о фермерском кредите осуществлял защиту фермерской собственности, помогая погасить просроченные закладные на дома и земельные участки. Благодаря принятым мерам наметились существенные изменения в сельском хозяйстве Соединенных Штатов. Хозяйства, которые оказались неспособными собственными усилиями (индивидуальными или коллективными) контролировать процесс производства, переходили под прямое управление федерального правительства. Теперь центральное правительство заведовало делами на старой джефферсоновской ферме, определяя основные условия сельскохозяйственной жизни.

В основу четвертой программы, направленной на нормализацию промышленности, лег принятый в 1933 году Национальный закон о восстановлении промышленности. В поисках выхода из депрессии администрация решила прежде всего принять меры против недобросовестного поведения частных предпринимателей, которые произвольно меняли производственные планы, урезали зарплату, увольняли рабочих и сбивали цены на рынке. Закон предписывал всем ассоциациям производителей принять кодексы

«честной конкуренции», устанавливавшие объемы производства, минимальный уровень цен, а также основные условия труда. За выполнением программы надзидало Национальное управление экономического восстановления. Многие упрекали Рузвельта в том, что данный закон играет на руку крупным компаниям, которые фактически получали возможность определять условия производства и сбыта в своих отраслях. Однако президент верил, что плюсы крупномасштабного производства – по части эффективности, распределения, ценообразования и сокращения безработицы – перевесят все риски, особенно в условиях затяжного экономического кризиса. Рузвельт доверял «трестам», делая ставку на *кооперативные* усилия и *добровольное* согласие в бизнесе.

Там, где доверие не оправдывалось, законодательство предусматривало создание правительственного сектора занятости. Закон также способствовал сплочению рабочего класса. В статье 7(а) утверждалось, что «трудящиеся имеют право создавать организации и заключать коллективные договоры через выбранных представителей». Хотя в отдельных отраслях (например, в автомобилестроении и сталелитейной промышленности) вышла заминка, но в целом по стране членство в профсоюзах резко выросло – за два года с 3 до 4,5 млн человек. До прихода Рузвельта в Белый дом лишь 12 % всех рабочих США были охвачены профсоюзами. На момент же смерти президента в 1945 году эта цифра возросла до 35,5 %. Создавая льготные условия для развития бизнеса, Рузвельт стремился дать шанс и рабочим, чтобы они могли организованным путем отстаивать собственные интересы.

Еще одна программа Конгресса касалась регионального планирования. Она позволяла сочетать общественные работы с сохранением, восстановлением

и финансовой поддержкой отдельных экономических районов страны. Широкомасштабный эксперимент был проведен в долине реки Теннесси, протекавшей по территории семи штатов. Перед сформированной Администрацией долины Теннесси (АДТ) ставилась непростая задача: преодолеть разруху в этом отсталом южном крае и создать лучшие условия жизни для местных жителей. Под контролем федерального правительства АДТ развернула строительство дамб и электростанций для снабжения региона дешевой электроэнергией. Кроме того, был возведен завод по производству азотных удобрений, что дало импульс развитию промышленности и сельского хозяйства. В социальной сфере АДТ реализовывала программу образования, здравоохранения и жилищного строительства для населения. Было сделано немало для восстановления и развития этого региона, пострадавшего в результате экономического кризиса и природных бедствий. По сути, АДТ стала экспериментальной лабораторией, на базе которой отработывалась правительственная методика регулирования рынка и общественных реформ.

Федеральное правительство уже и раньше занималось социальными экспериментами – достаточно вспомнить кампанию 1800-х годов по переселению индейских племен. Кабинет Рузвельта принял меры по исправлению ошибок предыдущего правления. Один из прежних законов оказался весьма кстати: речь о принятом в 1924 году акте, даровавшем право гражданства всем индейцам, рожденным на территории Соединенных Штатов. Прошло десять лет, и Джон Колие, уполномоченный по делам индейцев, провел новый закон об индейской реорганизации, существенно повлиявший на жизнь коренного населения Америки. В экономическом плане этот закон покончил с практикой изъятия индейских земель, отдав их снова под контроль

племен и обеспечив средства для выкупа уже утраченных за предыдущие пятьдесят лет территорий. С политической точки зрения закон имел не меньшее значение. Индейцев перестали считать низшей, подчиненной нацией. Было восстановлено самоуправление племен – в соответствии с их собственными конституциями, которые подлежали утверждению федеральным правительством. В культурном отношении закон запрещал насильственную ассимиляцию индейцев. Была разработана программа по защите, изучению и развитию индейского наследия.

Следует признать, что реформы, проводимые в рамках «нового курса», на практике сталкивались с множеством проблем. Бывали случаи, когда выделяемые средства расходовались недостаточно оперативно. Некоторые правительственные организации ущемляли права предпринимателей, фермеров и издольщиков. Другие вели нескончаемые конституционные споры с Верховным судом. К сожалению, темпы восстановления экономики оставляли желать лучшего. Правда, волну банковских банкротств правительству удалось обуздать. Уровень безработицы несколько уменьшился, уровень цен и заработных плат стабилизировался. Однако это была лишь относительная победа. По всем трем показателям США так и не смогли выйти на уровень, предшествовавший Великой депрессии.

Порой казалось, что сама природа противится восстановлению американской экономики. В 1931 году на южных равнинах перестали выпадать дожди. Жестокая засуха, сопровождавшаяся сильными ветрами и беспощадной жарой, обрушилась на Канзас, Оклахому, Колорадо, Нью-Мексико и Техас. На территории этих штатов образовалась так называемая «Пыльная чаша», которая продержалась в течение всего десятилетия. Природное бедствие усугублялось

последствиями экстенсивных методов сельского хозяйства, нарушившими хрупкий баланс и без того неблагополучного региона. «Пыльная чаша» накрыла огромную территорию в 50 млн акров, почти половина которой утратила двухдюймовый плодородный слой. Сотни тысяч фермеров вынуждены были покинуть освоенные места и отправиться неведь куда в поисках лучшей доли. В своем романе «Гроздь гнева» (1939) Джон Стейнбек с волнением и болью излагал историю этих страдальцев. Более поздняя экранизация Джона Форда добавила визуальной глубины трагедии семейства Джоудов, которые бежали с выжженных равнин на обетованную землю Калифорнии.

Мать переселенцев. По фотографии Доротеи Ланж 1936 г.

Проведение «нового курса» осложнялось не только природными бедствиями, но и ожесточенной критикой как правых, так и левых оппонентов. Первые обвиняли правительство в излишней централизации и склонности к социализму. Вторые же, напротив, требовали радикальных изменений капиталистической системы. Возникла масса разнообразных народных движений,

представители которых выдвигали собственные схемы восстановления экономики и обогащения населения. Большинство же попросту жаловалось, возлагая вину за национальные бедствия на крупные корпорации, финансистов или многострадальных еврейских иммигрантов.

Однако, несмотря на все противоречия, на выборах 1934 года демократы сумели подтвердить большинство в Конгрессе и, соответственно, право на продолжение реформы.

Второй «новый курс», 1935-1939 годы

Рузвельт объявил Конгрессу о намерении избавиться от «сверхпривилегированных» граждан, помочь «недопривилегированным» и таким образом обеспечить равные гарантии для всех членов общества. Эта смелая инициатива спровоцировала новый порыв законодательной активности, вошедший в историю как второй «новый курс». Демократы приняли ряд законов, направленных на тщательный контроль одних слоев населения и одновременно защиту и всесторонний подъем других. В результате нация получила еще более грандиозную программу реформ по установлению социальной справедливости.

В целях выявления «сверхпривилегированных» граждан Рузвельт повысил налоговые ставки и усилил федеральный контроль, расширив его властные полномочия на банковскую сферу, коммунальные структуры и транспорт. Чтобы помочь «недопривилегированным», администрации пришлось обойти те постановления Верховного суда, которые ущемляли интересы рабочих и фермеров. Один из принятых законов подтверждал права рабочих на объединение в профсоюзы. Другой восстанавливал прежние ограничения на производство сельскохозяйственной продукции. Помимо этого демократы предприняли ряд мер по поддержке землевладельцев и издольщиков.

Самым существенным подспорьем для обездоленных оказался закон о чрезвычайной помощи. На его реализацию Конгресс выделил 5 млрд долларов – ошеломительную сумму, особенно в государстве, где, как правило, *совокупные* бюджетные затраты не

превышали 3–4 млрд в год. В соответствии с этим законом было создано Управление развития общественных работ, которое, потратив за восемь лет своего существования 11 млрд долларов, обеспечило работой 8 млн американцев. В основном людей задействовали в федеральных проектах по расширению национальной инфраструктуры и культурному развитию нации. Можно с уверенностью утверждать, что принятые меры обеспечили более высокий и массовый уровень государственной помощи.

Оказывая поддержку беднейшим слоям населения – так сказать, «подтягивая» их до среднего уровня, – федеральное правительство следило, чтобы благодетельствованные впредь снова не скатились на дно. Рузвельт поставил перед собой беспрецедентную задачу дать народу «гарантию защиты от главных превратностей судьбы». С этой целью он издал в 1935 году закон о социальной безопасности. Составной частью закона являлось «страхование по возрасту». Для этого был учрежден федеральный фонд, куда поступали отчисления как от работающих американцев, так и от их работодателей. Вторая часть закона касалась «страхования по безработице», осуществлявшегося на федерально-штатной основе. Источником для этого вида страхования служили налоговые отчисления предпринимателей. Третья часть закона предусматривала помощь из средств федерального бюджета для «детей, матерей, (и) физически или умственно неполноценных граждан».

К сожалению, эта законодательная инициатива обеспечивала лишь частичную защиту населения. Она, скорее, только заложила основу «структуры, направленной на ослабление возможных в будущем кризисов». Несмотря на всю свою ограниченность, данный закон стал революционным прорывом, решительно противоречившим политической и

культурной традиции, которая ставила во главу угла самопомощь, личную инициативу и ограничение правительственных полномочий. Многие американцы вздохнули свободнее: теперь им не надо было биться один на один с «превратностями судьбы», в тяжелую годину они могли рассчитывать на помощь государства. Как декларировал Ф. Д. Р., система социальной безопасности «позаботится о нуждах отдельных личностей и в то же самое время обеспечит Соединенные Штаты куда более прочной экономической структурой».

На выборах 1936 года Рузвельт вновь одержал победу, причем еще с большим отрывом на обоих этапах голосования. Его партия обеспечила себе дополнительные места в Конгрессе. Это открыло перед демократами новые возможности на пути к экономической безопасности: в частности, они приняли законы о государственном жилищном строительстве и о минимальной заработной плате.

Укрепив позиции в исполнительной и законодательной ветвях власти, Рузвельт замахнулся на труднодостижимый, но крайне заманчивый приз, каковым являлся Верховный суд. Эта инстанция в то время представляла собой оплот консерватизма – главное препятствие для проведения «нового курса» и неизменную угрозу правительственной политике. Если воспользоваться джексоновской терминологией, Рузвельт вступил в борьбу за центр власти, который очевидным образом пренебрегал народной волей. Он предложил увеличить число федеральных судей, добавив по одному новому на каждого заседающего судью старше семидесяти лет. При этом количество новых назначений в Верховный суд не должно было превышать шести. Президентский план был встречен в штыки, его немедленно окрестили схемой по «уплотнению судов». Престиж «великого Ф. Д. Р.»

оказался под угрозой, и он занервничал – как выяснилось, напрасно: все в конце концов устроилось само собой. Судьи начали рассмотрение дела, уже склоняясь к положительному решению. В результате Рузвельт получил возможность в 1937-1939 годах провести четырех своих людей в Верховный суд.

Увы, за это «судейство» президенту пришлось расплачиваться политическим капиталом. Правая оппозиция подняла шум по поводу чрезмерных амбиций Рузвельта, которые грозили нежелательным расширением федеральной власти. Внутрипартийные свары имели весьма плачевные последствия: авторитет президента в консервативных кругах (особенно среди южных демократов) значительно снизился. Ослабление внутренней сплоченности отразилось на результатах выборов 1938 года – партия потеряла часть мест в Конгрессе.

Однако неудача 1938 года имела и другие, более глубинные причины. Послабления в фискальной и денежной политике привели к экономическому спаду в 1937 году. Объем промышленной продукции снизился на 33 %, зато уровень безработицы вырос на 20 %. К этому добавилась угроза со стороны экспансионистских режимов, которые поднимали голову в странах Европы и Азии. Комбинация этих четырех факторов – политических просчетов, внутрипартийной борьбы, экономических трудностей и осложнений на международной арене – губительно сказалась на судьбе «нового курса». Энергетика пошла истощилась, и стремление к внутригосударственным реформам пошло на спад.

Тем не менее программы Рузвельта (пусть и не реализованные до конца) имели своим следствием два немаловажных изменения в американской жизни. Во-первых, выросла мера ответственности федерального правительства: теперь оно считало себя обязанным

принимать деятельное участие в решении экономических вопросов – причем не только в условиях кризиса, а на постоянной основе. Государственные организации должны были спасать, защищать, формировать, регулировать и стимулировать рынок, гарантируя таким образом экономическое благосостояние страны в целом и отдельных ее граждан. Другими словами, «новый курс» положил начало капиталистическому государству благосостояния в Америке. Во-вторых, взяв на себя роль активного игрока, федеральное правительство оказалось неизменным участником повседневной жизни рядовых граждан. До начала 1930-х годов это правительство воспринималось как некая отстраненная категория, имеющая весьма отдаленное отношение к насущным проблемам рядовых американцев. После 1930-х годов федеральное правительство начало все больше влиять на те решения, которые ежедневно приходилось принимать людям. Работа, жилье, здоровье, транспорт, уход на пенсию – все теперь зависело от правительства. Большое правительство стало неотъемлемым фактором американской жизни.

Однако и у централизации имелись свои ограничения. Например, частная собственность оставалась священной и неприкосновенной. Национальную систему медицинского страхования так и не удалось реализовать. Страхование по безработице осуществлялось *объединенными* федерально-штатными усилиями. Из уважения к принципам «местного контроля», столь популярным у южных демократов, Рузвельт не решился на существенные изменения в вопросе о гражданских правах. При реализации федеральных программ трудоустройства нередко допускалась расовая дискриминация. Государственное жилищное строительство велось с учетом принципа сегрегации. Пособие по безработице также нередко

назначалось в зависимости от цвета кожи. Кроме того, закон о социальной безопасности не защищал граждан, занятых на непрестижных работах (прислуга, лакеи и проч.). А ведь, как правило, именно эти работы белые «зарезервировали» для афроамериканцев и выходцев из Мексики. В вопросах гражданских прав, равенства и дискриминации государственные программы достигли лишь частичного прогресса.

Меры, предпринятые президентом Рузвельтом, удержали нацию от дальнейшего погружения в трясину депрессии, хотя процесс выздоровления шел медленно и неровно. Мы не стали бы утверждать, что именно масштабные правительственные затраты или какой-то чрезвычайный контроль над рынком помогли справиться с экономическими бедствиями. Однако никто не станет отрицать, что размеры необходимых денежных вливаний и мера правительственных полномочий в данном случае достигли уровня, немыслимого (да и неприемлемого) еще в начале 1930-х годов. Окончательная победа над депрессией состоялась не тогда, когда нация преодолела свои домашние неурядицы, а когда она вступила в бой за пределами государства.

Глава 12

От Второй мировой войны к холодной войне, 1941-1961 годы

На самом деле Соединенные Штаты никогда не придерживались всецело «изоляционистской» позиции в международных делах. Нация последовательно и активно проводила собственную международную политику, бдительно охраняя свободу действий и не связывая себя никакими обязательствами в отношении других стран. Не обладая достаточной военной мощью, она не спешила вступать в сомнительные споры по поводу мирового господства и предпочитала руководствоваться тем, что ее лидеры расценивали как высокие моральные принципы.

Однако к середине XX столетия ситуация кардинально изменилась. Все, что осталось от традиционной международной политики, – моральная убежденность американцев. Соединенные Штаты регулярно и весьма действенно вмешивались в дела других держав, в какой бы точке земного шара те ни находились. Они связывали свои интересы с теми или иными странами, вовлекая их в сложные и тщательно продуманные альянсы. Привыкнув вести диалог с позиций силы, США постоянно держали наготове боеспособную армию небывалых размеров. Возвышение Америки от регионального до мирового господства произошло в значительной степени благодаря вооруженному конфликту, которого она всеми силами старалась избежать.

Взгляды на иностранную политику в 1930-х годах

На протяжении почти всех 1930-х годов два ключевых момента определяли международную политику Соединенных Штатов. Прежде всего это было стремление навести порядок у себя дома. Именно так – не заморские дела, не защита дипломатических идеалов или стремление цивилизовать другие народы. Ни политические лидеры, ни общественное мнение не рассматривали масштабное наращивание военной мощи как средство преодоления рыночного кризиса.

Второй момент был связан с всеобщим чувством разочарования, вызванным участием США в Первой мировой войне. Многие американцы чувствовали себя обманутыми. Война, потребовавшая от нации столь ужасных жертв во имя столь малопривлекательного мира, ныне казалась роковой ошибкой. Печальный опыт убедил многих американцев, что лучше держаться в стороне от кровавых европейских раздоров и придерживаться независимой, односторонней политики. Правые критики порицали войну за то, что она усилила власть национального правительства. В то же время левые оплакивали вынужденную задержку на пути реформ, вызванную войной. По всей стране возникали общества борьбы за мир. Эта же тема поддерживалась в литературе и кинематографе: такие произведения, как «На западном фронте без перемен» Ремарка (и даже антивоенный «Утиный суп» братьев Маркс), обличали жестокость и порочность войны. А тот факт, что бывшие союзники не спешили расплатиться по военным долгам, только усугублял чувство горечи и обиды. В середине 1930-х годов на сенатских слушаниях было высказано предположение (правда,

именно в виде предположения, без доказательной базы), что нацию в горнило войны толкнули корыстные интересы банкиров и военных промышленников. У американцев укоренилось мрачно-циничное отношение ко всем международным обязательствам. Опрос, проведенный в конце осени 1939 года, показал, что 60 % граждан США считают участие в последней войне непростительной ошибкой.

С подозрением относясь к коллективной безопасности, Соединенные Штаты воздерживались от вступления в Лигу Наций. А заинтересованность в торговле с азиатскими странами (а следовательно, и в стабильности в этой части света) заставила Америку в 1933 году признать СССР. Рассчитывая с помощью свободной коммерции смягчить политическое напряжение и облегчить экономическое положение, администрация Рузвельта пошла на снижение таможенных пошлин. Отказавшись от прямого военного вмешательства в Латинской Америке, и Гувер, и Рузвельт в Западном полушарии взяли на вооружение то, что сам Ф. Д. Р. называл «политикой добрососедства». На практике это выражалось в активной защите американских экономических интересов путем налаживания связей с диктаторскими режимами. Одновременно Соединенные Штаты декларировали, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства». Дабы избежать коварных ловушек войны, Конгресс принял ряд законов о нейтралитете, запрещавших Америке снабжать воюющие стороны оружием (1935), предоставлять займы (1936) или денежные средства для закупки товаров с их последующим вывозом на суда покупателей (1937). Взяв курс на независимую политику, американцы стремились всеми силами избегать неожиданных и нежелательных конфликтов.

Отношение к вопросу об участии в войне

Казалось бы, Соединенные Штаты сделали необходимые выводы. Они проанализировали причины, толкнувшие их на участие в Первой мировой войне, и уяснили, как впредь обезопасить себя от подобных ситуаций. И что же? Довольно скоро американцы обнаружили, что их медленно, но неотвратно затягивает в орбиту нового конфликта. Как выяснилось, очень трудно придерживаться политики неприсоединения в то время, как множество воинственно настроенных, националистических правительств в Европе и на Дальнем Востоке постоянно совершают акты агрессии, ставящие под угрозу мир на трех континентах. Япония, Италия и Германия были одержимы идеей восстановления национальной чести. В стремлении обеспечить собственные экономические интересы и заложить фундамент «нового порядка» они силой навязывали свою власть другим сообществам. Эти три государства строили далеко идущие планы. Они рассчитывали, что победа в новой войне поможет им избавиться от ограничений, наложенных на них после недавнего поражения. Соединенные Штаты, все еще переживавшие ужасы прошлой войны, явственно видели, что в самом ближайшем будущем мир снова окажется на пороге трагического военного конфликта.

И действительно, государства-агрессоры не теряли времени даром. Хроника их завоеваний разворачивалась с нарастающей скоростью и размахом. В 1931 году Япония оккупировала Манчжурию. В 1933 году Адольф Гитлер занял пост канцлера Германии. Под его руководством страна вышла в 1935 году из Лиги Наций и приступила к реализации программы

переворужения. Третьего октября того же года Италия напала на Эфиопию. В 1936 году Германия заняла демилитаризованную Рейнскую зону, а в июле фашистская клика Франсиско Франко развязала гражданскую войну в Испанской республике. Вскоре к Франко присоединились Муссолини и Гитлер. В октябре 1936 года Германия и Италия подписали пакт о создании «Оси Берлин—Рим». В 1937 году Япония начала полномасштабную войну против Китая и совместно с Германией и Италией подписала Антикоминтерновский пакт. В этом документе намечалась программа объединенных действий против международного коммунизма. В 1938 году после обнародования своих планов о «жизненном пространстве» (Lebensraum) для немецкого народа Гитлер аннексировал Австрию и оккупировал Судетскую область. За три года до того нацисты официально декларировали политику антисемитизма и теперь приступили к прямым преследованиям евреев. Кульминацией этой кампании стала ночь на 9 ноября 1938 года, получившая название «Хрустальной ночи». В 1939 году Италия вторглась на территорию Албании; Гитлер захватил остатки Чехословакии, подписал пакт о ненападении с Советским Союзом и напал на Польшу.

Принципы коллективной безопасности, которые в 1918 году выглядели надежной гарантией мира, оказались бессильными перед агрессией гитлеровской коалиции. Возмущенные заявления и санкции Лиги Наций не возымели никакого действия. В то время как СССР выражал озабоченность по поводу подъема нацизма в Германии, Британия и Франция предпочитали отмалчиваться. Международная ситуация на тот момент была такова: ни одна европейская нация не обладала достаточной военной мощью, чтобы дать вооруженный отпор «Оси» или хотя бы решиться на активные дипломатические действия.

По ту сторону Атлантики американская демократия оказалась примерно в таком же положении. У президента Рузвельта не было ни политической поддержки, ни сильной армии, ни законных оснований для того, чтобы продемонстрировать нечто большее, чем формальное осуждение гитлеровской агрессии. Его личные убеждения уходили корнями в вильсоновский интернационализм, однако чувство ответственности перед миром отступало там, где речь шла о восстановлении родной страны после жестокой депрессии. Кроме того, Рузвельту приходилось считаться с мнением избирателей, а те ни в коей мере не желали видеть Америку втянутой в новую войну. Оборонная система Соединенных Штатов оставляла желать лучшего, а принятые Конгрессом законы о нейтралитете мешали президенту отличить жертву от агрессора. Сам Рузвельт разделял взгляды Невилла Чемберлена, который осенью 1938 года провозгласил политику умиротворения единственным путем достижения «мира в наше время». Однако, подобно своим коллегам в Британии и Франции, Рузвельт был озабочен вооруженной экспансией гитлеровской коалиции, которая несла угрозу американской безопасности. Он не мог предвидеть, куда приведет эта агрессия. Президент попытался донести свою тревогу до конгрессменов и широкой публики, но никто не пожелал его слушать.

К концу 1930-х годов в рузвельтовской внешней политике сложился некий стереотип. Президент на полшага опережал общественное мнение и осторожно подталкивал народ к приятию более активной международной политики, чем проводила его администрация. Сегодня, рассматривая в ретроспективе процесс эволюции американской внешней политики, мы можем выделить в нем три основные стадии.

На первой из них, длившейся с 1937-го по 1938 год, Рузвельт придерживался строгого нейтралитета, однако призывал к повышенной готовности. Война Японии с Китаем, начавшаяся в октябре 1937 года, подвигла президента на объявление «карантина» по поводу «эпидемии всемирного беззакония». Пытаясь «минимизировать риск нашего вовлечения», Рузвельт признавал, что Соединенные Штаты «не могут иметь полной защиты в мире беспорядка». В частных беседах президент осуждал «бандитов», стоявших у власти в Японии, Германии и Италии. Выступая публично в 1938 году, он призывал Конгресс увеличить военные расходы и расширить авиационное производство. В конце года состоялась Панамериканская конференция, участники которой заявили о своем намерении защитить Западное полушарие от происков «Оси». На тот момент Рузвельт считал, что этого вполне достаточно. Народ вряд ли одобрил бы более решительные шаги, тем паче что Британия и Франция по-прежнему воздерживались от решительных шагов в отношении держав-агрессоров.

На следующем этапе (1939-1941) взгляды Рузвельта подверглись заметной трансформации. Рассуждая о проблеме международной безопасности, американский президент делал упор на три важных, с его точки зрения, момента. Во-первых, он настаивал на оказании военной помощи Британии и Франции, полагая, что эффективное вооружение поможет этим державам остановить германскую экспансию. Во-вторых, Рузвельт неустанно говорил о повышении готовности, поскольку надеялся, что сильная система обороны отпугнет агрессоров от нападения на США. Наконец, в-третьих, президент твердо стоял на позициях неучастия американцев в военных действиях. После нацистского вторжения в Польшу Рузвельт, как и Вильсон в 1914 году, ограничился подтверждением нейтралитета своей страны. Правда, в отличие от Вильсона, подчеркнул: он

не может «требовать от каждого американца, чтобы тот оставался нейтральным в своих помыслах». К началу осени державы Западного полушария договорились об установлении 300-мильной зоны безопасности вокруг Американского континента. Это соглашение подразумевало запрет на заход судов, принадлежавших воюющим странам. В ноябре установка на строгое соблюдение нейтралитета была несколько ослаблена, что позволило Соединенным Штатам снабжать Британию и Францию оружием за наличный расчет без «доставки на дом». Весной 1940 года германский блицкриг в Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландах и Франции заставил Рузвельта интенсифицировать подготовку к войне и – беспрецедентная мера в американской истории – объявить военный призыв в мирное время. В сентябре 1940 года, когда Англия в одиночку сражалась с нацистами, Соединенные Штаты поставляли на британские морские и воздушные базы свои старые миноносцы.

В ноябре 1940 года прошли очередные президентские выборы. Соперник Рузвельта, республиканец Уэнделл Уилки предупреждал избирателей, что «великий Ф. Д. Р.» вовлечет нацию в войну. Однако Рузвельт опроверг все обвинения и, обойдя Уилки, сумел сохранить должность на третий срок. Он немедленно приступил к «уламыванию» Конгресса на предмет дальнейшего расширения военной помощи. Поскольку Америка не имела права предоставлять Британии займы на приобретение вооружения, президент пошел окружным путем. Он убедил конгрессменов поставлять вооружение англичанам (и китайцам) на временной основе – как бы в долг (*ленд*) или в аренду (*лиз*). Намерение президента оказывать материальную помощь воюющим державам – причем в максимальном объеме и в минимальные сроки – никак не соответствовало декларированному прежде

принципам нейтралитета. В результате к середине 1940–1941 годов с нейтралитетом было фактически покончено, вместо него заговорили о неучастии в войне.

В середине 1941 года наступила третья фаза в процессе формирования американской внешней политики. К тому времени Рузвельт начал понимать, что домашней и заморской подготовки недостаточно. Со всей настоятельностью встал вопрос о вступлении США в войну. Действия Соединенных Штатов в тот период свидетельствуют о неизбежности подобной перспективы, хотя президент предпочитал до поры до времени не раскрывать перед народом масштабы опасности. Прежде ему предстояло решить одну важную практическую проблему, а именно: каким образом Америка будет доставлять военное имущество к предполагаемому месту назначения? В апреле Рузвельт санкционировал американское морское патрулирование в водах Северной Атлантики, а также передал союзникам данные своей разведки. В июле 1941 года, после гитлеровского вторжения в Советский Союз, Рузвельт разместил американские войска в Исландии. В августе он встретился с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем и совместно с ним подписал «Атлантическую хартию» – документ, в котором были сформулированы цели текущей войны и изложены взгляды на устройство послевоенного мира. К сентябрю американцы уже не могли отрицать свою причастность к происходящим событиям. Тому свидетельство – регулярная материальная помощь союзникам, американские морские патрули, принятые на себя обязательства. Фактически Соединенные Штаты уже вели необъявленную морскую войну с Германией. Стычки продолжались весь сентябрь и октябрь, а в ноябре Рузвельт распространил помощь по ленд-лизу и на Советский Союз. Конгресс издал акт, разрешавший

торговым судам вооружаться и заходить в зону военных действий.

Во внешней политике США периода 1937–1941 годов обращают на себя внимание несколько ключевых моментов. Далеко не все американцы «буквально» понимали принципы нейтралитета. Правильнее сказать, что лишь немногие из них верили, будто страна сможет сохранять абсолютную беспристрастность и оставаться в стороне от международных событий. Большинство же придерживались достаточно «широких» взглядов в данном вопросе. Они отрицали военное участие Соединенных Штатов в разворачивающемся конфликте, но с пониманием относились к проблемам демократических стран и одобряли союзническую помощь. Что касается Рузвельта, он рассматривал понятие нейтралитета еще более «свободно», последовательно двигаясь от позиции непредвзятого наблюдателя к вполне явным пристрастиям, укреплению военной мощи страны и наконец к открытым провокациям. По словам Черчилля, американский президент демонстрировал желание вести войну, но не объявлять ее. Вначале Рузвельт фокусировал основное внимание на конфликте в Европе, всеми силами стараясь избежать военных действий в Тихом океане. Однако события в Азии в конце концов решили дело и предопределили участие Соединенных Штатов в войне.

Вступление США в войну

В то время как Британия, Франция, СССР, а вместе с ними и Соединенные Штаты концентрировали свое внимание на ситуации в Европе, японское правительство подготовило весьма неприятный сюрприз на Дальнем Востоке. Контроль над Китаем представлял собой лишь одну часть так называемой «Сферы совместного процветания Великой Восточной Азии». Вообще же эта доктрина была разработана с целью освободить азиатские народы от западной колонизации, заменив ее японским влиянием, обеспечить устойчивый рынок и гарантировать надежное снабжение полезными ископаемыми. Соединенные Штаты рассматривали военные действия в Китае как нарушение принципа «открытых дверей». Если же учесть, что в перспективе японцы планировали расширить экспансию на колониальные владения европейских стран, то легко понять нараставшую тревогу американского правительства.

Тем не менее в качестве ответной реакции Соединенные Штаты избрали не военные, а экономические меры. Летом 1939 года Конгресс объявил о намерении отменить торговое соглашение с Японией 1911 года. Начавшиеся по этому поводу переговоры закончились, как только японцы отвергли требование США о выводе войск из Китая. В июле 1940 года администрация Рузвельта наложила эмбарго на поставку Японии авиационного топлива и металлолома. После того как Япония оккупировала северную часть Индокитая и заключила трехсторонний пакт с Германией и Италией, Соединенные Штаты расширили эмбарго и увеличили помощь Китаю. В июле 1941 года по завершении японской оккупации Французского

Индокитая, Америка заморозила японские активы в своих банках и резко сократила объем торговли с этой страной (в частности, перестала поставлять нефть).

Японский премьер-министр принц Коноэ пытался продолжать переговоры, но Рузвельт твердо стоял на своем: Япония должна вывести войска с оккупированных территорий. Неизвестно, чем бы окончилось дело, но в октябре 1941 года принца Коноэ сменил на посту жесткий и неуступчивый генерал Хидеки Тодзе. И хотя обе страны еще обдумывали возможность переговоров, надежд на благополучный исход почти не осталось. Соединенные Штаты настаивали на суверенитете Китая и соблюдении принципа «открытых дверей»; лидеры милитаристской Японии тем временем продолжали разработку военных планов.

После событий 1940 года, когда США фактически нарушили дипломатический кодекс Японии, все осознавали, что обострения отношений не избежать. Но вот когда и где произойдет столкновение, оставалось лишь гадать. Весьма вероятной зоной военных действий выглядели Филиппины, а также британские и голландские владения в Юго-Восточной Азии. Никому из военных советников даже в голову не приходило, что у японцев хватит сил, ума и оригинальности мышления покуситься непосредственно на американскую территорию. Тем ошеломительнее оказался удар, когда в воскресенье 7 декабря японская авиация и ВМС атаковали гавайский Перл-Харбор, ключевую базу американцев на Тихом океане. В ходе двухчасовой операции погибли 2400 американских военнослужащих и почти 1200 человек были ранены. Американцы потеряли огромное количество техники: 200 самолетов частично повреждено или полностью разрушено; приблизительно 20 кораблей (среди них – крейсера, линейные корабли, эсминцы) вышли из строя или

попросту затонули. За этой чудовищной акцией последовали японские атаки на Малайю, Гонконг, Гуам, Филиппины, остров Уэйк и архипелаг Мидуэй.

Выступая перед Конгрессом на следующий день после нападения на Перл-Харбор, президент Рузвельт охарактеризовал случившееся как «день вечного позора». Конгресс отреагировал объявлением войны Японии, а спустя три дня войну Америке объявили Германия и Италия. Так началась Вторая мировая война для американцев, которые вынуждены были забыть свои многолетние споры и единым фронтом выступить против нацистской агрессии.

Объединенные усилия

В некотором смысле нынешний конфликт напоминал Первую мировую войну. Как и прежде, главным врагом оказалась Германия; вновь Соединенным Штатам предстояло сражаться плечом к плечу с Британией, Францией и Россией; к тому моменту, как американцы ввели свои войска, сражения уже вовсю шли в Европе; и снова союзники находились в бедственном положении, отчаянно нуждаясь в помощи Америки. Однако нынешний спор развивался в неожиданном направлении в соответствии с новыми правилами игры. Прежде всего, теперь США приходилось сражаться не на один, а на два фронта. Наступательная стратегия противника определяла совершенно иной характер войны: ситуация бурно развивалась вместо того, чтобы застыть на мертвой точке, как это было во время Первой мировой войны. На сей раз с самого начала было ясно, что на быстрое окончание военных действий рассчитывать не придется. И наконец, к отличительным чертам нынешней войны следует отнести глубокую раздробленность в лагере союзников, вызванную серьезными разногласиями по поводу стратегии ведения боевых действий и послевоенного устройства мира.

Страны – участницы «Большого союза» (главными из которых были Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобритания) единодушно считали, что основная угроза исходит от Германии. Первоочередные планы касались Европы. Тихоокеанскому театру действий отводилась второстепенная роль. Однако на этом согласие кончалось и начинались разногласия. Союзники демонстрировали совершенно различные подходы к ведению войны. Сталин добивался от

Соединенных Штатов и Великобритании скорейшего открытия второго фронта с тем, чтобы отвлечь от своей страны главные силы гитлеровской Германии. Рузвельт также надеялся не позднее конца 1942 года начать наступление в Европе. Черчилль с ними не соглашался: по его мнению, преждевременный удар плохо подготовленных союзников мог привести к повторению ужасов Первой мировой войны. Он считал, что следует постепенно накапливать силы, тем временем истощая врага систематическими бомбардировками. Да и удар надо нанести не на континенте (где сосредоточены главные силы нацистов), а на Средиземноморье, являвшемся слабой точкой врага. В конце концов возобладала точка зрения Черчилля. Великобритания и Соединенные Штаты сосредоточили свои силы на операции «Факел», связанной с нападением на германские позиции в Северной Африке.

В январе 1942 года 26 наций, сражавшихся против «Оси», подписали «Декларацию объединенных наций», ставшую логическим продолжением Атлантической хартии. В этом документе подтверждалась приверженность принципам самоопределения, свободной торговли, разоружения, коллективной безопасности и отказа от территориальных приобретений военным путем. СССР пообещал рассмотреть и «адаптировать» эти идеи к текущим обстоятельствам. Лидеры англо-американского блока также отказались от принятых обязательств, как только сложилась соответствующая ситуация.

Вообще говоря, союзники легче находили консенсус, когда речь шла о противостоянии чему-либо, нежели когда требовалась объединенная поддержка каких-то идей. Все державы единогласно признавали, что «Ось» представляет собой неуправляемую, опасную силу, нацеленную на экспансию и вследствие этого, несущую угрозу чужим интересам. Однако на том согласие и

кончалось. Что касается ближайших планов, союзники затруднялись выработать единую стратегию борьбы с противником. На долгосрочном уровне они кардинально расходились во мнениях относительно будущего устройства мира. Дабы сохранять единство, им следовало сосредоточиться на неотложной задаче борьбы с общим врагом.

Война в Европе

В первой половине 1942 года ситуация складывалась весьма печально для союзников. К тому времени Гитлер уже успел захватить большую часть Западной Европы. На востоке дела обстояли не лучше: нацисты овладели Крымом и спешными темпами продвигались к Сталинграду. В Северной Африке войска генерала Роммеля беспрепятственно пересекли Ливию и теперь угрожали Каиру и зоне Суэцкого канала. Немецкие подводные лодки хозяйничали на морских просторах, нанося большой урон кораблям союзников, и даже осмеливались заходить в территориальные воды США. Можно с полным основанием говорить, что Германия – и в прямом, и в переносном смысле – принесла войну к американским берегам.

Во второй половине 1942 года положение несколько выправилось, и перед союзниками забрезжила надежда. Под Сталинградом Советская армия сумела разбить значительные силы гитлеровцев и остановить их продвижение по собственной территории. К февралю 1943 года победа русских уже не вызывала сомнений. На морях союзники применили улучшенную схему радиолокационного обнаружения и расшифровки сигналов, что позволило им существенно снизить потери. В Средиземноморье также наблюдалось заметное оживление: британцы одержали убедительную победу под Эль-Аламейном, а за три дня до того произошла высадка англо-американского десанта в Марокко и Алжире, находившихся под контролем профашистского правительства Виши. В то время пост главнокомандующего американскими вооруженными силами занимал Дуайт Эйзенхауэр – человек, известный своими организаторскими

способностями и недюжинным здравым смыслом. Действуя совместно с генералом Бернардом – один на западе, другой на востоке, – они медленно теснили немцев к югу, где располагалась их главная твердыня.

Год 1942-й был знаменателен и еще в одном отношении: германские лидеры законодательно оформили уже существовавшую до того практику дискриминации и преследований в отношении еврейского народа. Состоявшаяся в январе Ванзейская конференция возвела в систему физическое истребление еврейского населения. В общей сложности гитлеровцы уничтожили 12 млн «нежелательных лиц», половину из которых составляли евреи. В начале 1942 года американская общественность впервые заговорила о чинимых нацистами зверствах, в прессе начали появляться разрозненные сообщения. А уже к ноябрю Госдепартамент США официально подтвердил шокирующую информацию.

Реакция Америки была весьма сдержанной и определялась следующими ключевыми моментами. Во-первых, в стране по-прежнему не хватало работы, уровень безработицы оставался достаточно высоким. Конгресс, напуганный возможной конкуренцией со стороны вновь прибывших, отказался поднимать иммиграционные квоты и тем самым закрыл двери перед тысячами беженцев. Во-вторых, большая часть этих беженцев принадлежала к еврейской национальности, а в Америке были довольно сильны антисемитские настроения (это сказывалось во всех сферах жизни – при трудоустройстве, в системе образования, в распределении жилья и даже в правительстве). В подобных условиях казалось маловероятным, чтобы позиция Конгресса смягчилась. В-третьих, многим газетные сообщения казались притянутыми за уши. Скептики напоминали, что нечто подобное уже происходило в годы Первой мировой

войны: тогда тоже распространялись слухи о немецких зверствах, оказавшиеся на поверку ложными. В-четвертых, даже когда было достоверно доказано существование нацистских лагерей смерти, союзники не спешили разрушать их и освобождать несчастных заключенных. По их мнению, это могло отвлечь силы союзников (и без того недостаточные) от более важных целей. Тем не менее в 1944 году Рузвельт все же учредил Управление по делам военных беженцев, призванное оказать помощь 200 тыс. евреев и 20 тыс. других беженцев из Европы. Если рассматривать ситуацию в целом, надо вслед за историком Дэвидом С. Уайманом признать: Соединенные Штаты главным образом заботило не как спасти жертвы нацистского террора, а, скорее, как себя от них оградить.

В январе 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке и приняли два важных решения. Первое из них касалось ожидаемого окончания войны: высокие договаривающиеся стороны постановили, что будут требовать «безоговорочной капитуляции» войск «Оси». Второе определяло ближайшие планы союзников: решено было ввести войска не во Францию (как предполагалось ранее), а на Сицилию и затем продвигаться на север через Италию.

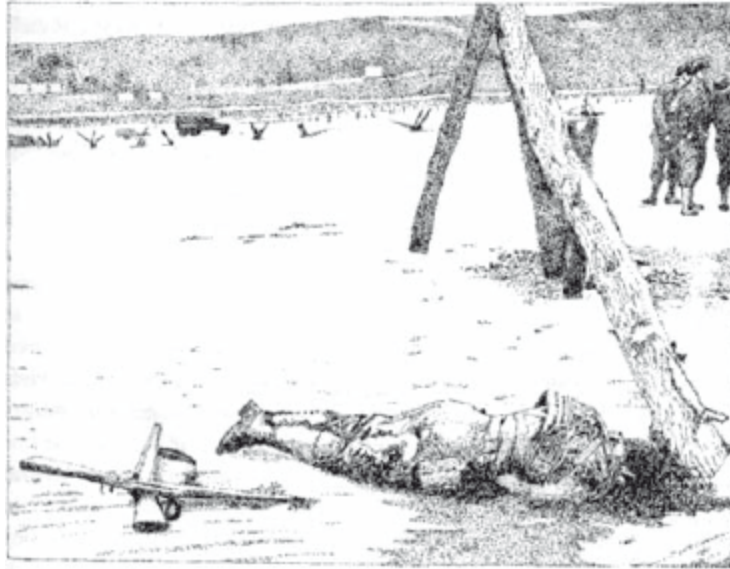
Пока же американские и британские армии пересекли Северную Африку и в мае 1943 года захватили Тунис. В июле они вторглись в Сицилию и в течение пяти недель захватили остров. Муссолини был отстранен от власти и брошен в тюрьму (правда, позже нацисты сумели его вызволить). Пришедшее на смену правительство предпочло сдаться союзным войскам (произошло это 3 сентября), которые – в соответствии с разработанным планом – успешно переправились на юг Италии и двинулись в глубь полуострова. Однако понадобилось девять долгих и трудных месяцев, чтобы союзники достигли Рима и в июне 1944 года захватили

итальянскую столицу. Сражения продолжались еще целый год, по мере того как объединенные англо-американские силы продвигались на север от Рима и устанавливали контроль над Средиземноморьем. Эта операция вынудила Гитлера оттянуть часть своих войск из Западной и Восточной Европы.

В течение лета – осени 1943 года позиции «Оси» на юге значительно ослабли. Одновременно происходили изменения и на восточном фронте: советские войска, одержав победу под Сталинградом, перешли в наступление. В июле они сокрушили гитлеровцев под Курском, в ноябре освободили Киев и продолжили победоносное шествие на запад. Британские и американские эсминцы вели постоянное патрулирование в Атлантике, нейтрализуя немецкие подлодки и обеспечивая безопасный провоз в Европу боеприпасов и подкрепления. В воздушном пространстве Германии американские самолеты присоединились к британским ВВС и совместными усилиями начали в 1943 году массированные бомбардировки немецких городов. Было сброшено 2,5 млн тонн бомб, разрушено множество военных и промышленных объектов. Количество человеческих жертв достигало 1,5 млн человек.

В ноябре 1943 года главы союзных государств (так называемая «Большая тройка») встретились в Тегеране, чтобы обсудить наметившийся перелом в ходе войны и дальнейшие планы. Черчилль, Сталин и Рузвельт достигли соглашения об открытии второго фронта. Это должно было произойти весной 1944 года благодаря вторжению в оккупированную Францию через пролив Ла-Манш. Договорились также, что Советский Союз продолжит свое весеннее наступление на востоке. Сталин пообещал, что его страна вступит в Тихоокеанскую войну спустя 2–3 месяца после завершения военных действий в Европе.

Координировать вторжение во Францию предстояло главнокомандующему объединенной экспедиционной армией Дуайту Эйзенхауэру. Операция «Оверлорд», как она называлась, вошла в историю как крупнейшая наступательная операция, проводившаяся с воды. В назначенный час на английском побережье собралось 3 млн американских, британских и канадских солдат. Для их транспортировки к берегам Нормандии и перевозки боевой техники (исчислявшейся десятками тысяч) было задействовано свыше 5 тыс. кораблей. И вот наступил «День Д». Ранним утром 6 июня состоялась высадка парашютного десанта за немецкими оборонительными рубежами. За этим последовала первая волна союзных войск: 150 тыс. солдат, в большинстве своем необстрелянных, высаживались на берег и медленно, с боями продвигались в глубь вражеской территории. Все побережье, в особенности пляж «Омаха», представляло собой жуткое, душераздирающее зрелище. Здесь, как и в четырех других местах высадки, земля была буквально усеяна трупами. Всего в ходе первой наступательной операции союзники потеряли 9 тыс. человек. К концу дня транспортные корабли перевезли четверть миллиона солдат, в ближайшие недели эта цифра перевалила за миллион. Второе вторжение произошло в середине августа на юге Франции. Двадцать пятого августа союзники освободили Париж, а к середине сентября взяли под контроль Бельгию и остальную часть Франции.

«День Д»

Пока американские солдаты проливали кровь на европейской земле, Рузвельт готовился к собственному испытанию – очередным президентским выборам. У демократов были серьезные поводы для беспокойства: в последнее время республиканцы значительно усилили свои позиции в Конгрессе, состояние здоровья Рузвельта оставляло желать лучшего, а запасной кандидат – вице-президент Генри Э. Уоллес – не пользовался популярностью в народе. По зрелом размышлении демократы исключили Уоллеса из списка кандидатов и заменили его сенатором из Миссури Гарри С. Трумэном. Как выяснилось, опасения были напрасными: Рузвельт умело обошел основного соперника – республиканского губернатора штата Нью-Йорк Томаса Э. Дьюи. Правда, на сей раз он набрал меньшее число голосов (как в народном голосовании, так и в коллегии выборщиков), нежели в предыдущих трех кампаниях.

А тем временем ситуация в Европе вновь обострилась. Надежды союзников на скорую победу растаяли, поскольку Гитлер подготовил контрнаступление. С середины декабря 1944 года и до

конца января происходила знаменитая «Битва за выступ» в Арденнах, в которой было задействовано свыше миллиона солдат с той и другой стороны. Общее количество жертв превысило 200 тыс. человек. Никогда прежде американским солдатам не доводилось видеть ничего подобного. По количеству загубленных жизней данное сражение не имело себе равных в американской истории. Но жертвы эти были не напрасны, ибо «Битва за выступ» стала последней полномасштабной военной акцией гитлеровской Германии. Через несколько месяцев Третий рейх капитулировал, и война на западном фронте практически завершилась. А на востоке продолжалось наступление Красной Армии: теперь ее части уже двигались по территории Восточной Европы.

В феврале 1945 года состоялась очередная встреча «Большой тройки»: Рузвельт, Черчилль и Сталин собрались в Ялте на конференцию, чтобы обсудить Тихоокеанский конфликт, а также решить будущее Европы и всего послевоенного мира. Надо ли говорить, что Сталин чувствовал себя хозяином положения? Его нация безусловно доминировала в Восточной Европе, и Сталин намеревался сохранить контроль над восточноевропейскими странами, дабы впредь обезопасить себя от возможной агрессии. Позиции Соединенных Штатов и Соединенного Королевства были не столь сильны: они увязли в Тихоокеанской войне и явно нуждались в помощи СССР. Этот фактор в значительной степени определил исход переговоров. Берлин (вместе с его населением) решено было поделить на зоны, подконтрольные союзникам. СССР невнятно пообещал (а затем вполне конкретно отказался) провести «демократические» выборы в зоне своего влияния. Кроме того, в обмен на участие в Тихоокеанской войне Сталин потребовал политических и территориальных уступок на Востоке. Под конец

союзники обсудили перспективы Объединенных Наций. Эта организация виделась им гарантом коллективной безопасности. Подводя итоги, следует сказать, что Ялтинские соглашения были далеки от совершенства. Они носили ограниченный, но не утопический характер и имели скорее практическую, чем принципиальную ценность. Некоторые исследователи упрекают Рузвельта в том, что он якобы еще на берегах Черного моря посеял семена холодной войны. Их оппоненты доказывают, что в тех условиях американский президент вряд ли мог сделать больше, чем сделал.

Весной союзники на западе пересекли Рейн; Советская армия в это время вошла в Германию с востока. Нацисты вскоре сдались, но Рузвельт не дожид до светлого дня победы. Двенадцатого апреля 1945 года у него случилось обширное кровоизлияние в мозг, и Рузвельт скончался. Гарри С. Трумэн принес клятву и занял президентский пост. Прошло восемнадцать дней, и умер еще один лидер, который, подобно Рузвельту, поднялся на вершину государственной власти в начале 1933 года. Тридцатого апреля в берлинском бункере покончил с собой Адольф Гитлер. А 8 апреля 1945 года война, почти шесть лет сотрясавшая Европу, завершилась полной и безоговорочной победой союзников.

Война на Тихом океане

В первой половине 1942 года союзники терпели неудачи не только в Европе, но и на Тихоокеанском фронте. В результате серии молниеносных наступательных операций Япония добилась убедительных успехов: к маю под ее контролем находились Малайя, Таиланд, Бирма, Гонконг, Голландская Ост-Индия и Филиппины. Японская империя безраздельно царила в западной части Тихого океана – от Алеутских островов до берегов Австралии, и к западу от 180-го меридиана. Вдобавок она захватила всю Юго-Восточную Азию. Однако, как выяснилось, это был предел японского могущества: уже к середине года экспансии Страны Восходящего Солнца положили конец.

Если в Европе американцы долго воздерживались от прямого участия в военных действиях, то на востоке им пришлось нести на своих плечах основную тяжесть войны. В то время как большая часть Тихоокеанского флота США была повреждена или уничтожена при Перл-Харборе, транспортные самолеты и запасы топлива остались в сохранности, и американцы воспользовались ими в полной мере. В мае 1942 года, через пять месяцев после неожиданного нападения японцев, они сумели выиграть Битву в Коралловом море, тем самым остановив японскую экспансию в направлении Австралии. Не менее решительно Соединенные Штаты пресекли продвижение японцев на восток, в сторону Гавайев – это произошло в июне того же года, в ходе сражения за атолл Мидуэй. В результате неудачных военных операций военный флот Японии понес серьезный ущерб.

А США тем временем избрали новую цель – Соломоновы острова, которые представляли особую ценность, поскольку именно здесь, на острове Гуадалканал, японцы начали в июне 1942 года строительство крупной авиабазы. Гуадалканалская кампания, тянувшаяся с августа 1942 года до февраля 1943 года, включала в себя серию ожесточенных боев на суше и на море. Она имела фатальные последствия для милитаристской Японии, утратившей в результате господствующие позиции на Тихом океане. Более того, в ходе боев за Гуадалканал была уничтожена значительная часть японского флота, что сделало невозможным его использование в наступательных операциях.

В 1943–1944 годы союзники задумали массированное наступление на Тихом океане. Они планировали нанести двойной удар, наступая одновременно с юга и востока. Причем перед войсками не ставилась задача захватывать все японские позиции без исключения. На сей раз командование союзников прибегло к тактике «прыгания по островам»: в качестве объектов вторжения выбирались лишь те острова, которые занимали ключевые позиции в атоллах. Остальные острова корабли союзников обходили стороной и оставляли отрезанными от японских баз снабжения.

Одно направление удара проходило через юго-западную зону Тихого океана. Основная ставка здесь делалась на сухопутные войска под командованием генерала Дугласа Макартура. В их задачу входило продвижение от Соломоновых островов и Новой Гвинеи к Филиппинам. Надо думать, такая перспектива порадовала генерала. Ведь до того он долгое время (с самого марта 1942 года) просидел в Австралии, куда его изгнало японское вторжение на Филиппины. И вот наконец настало время действовать. В сентябре 1943

года армия выдвинулась на северо-восток Новой Гвинеи, а к июлю 1944 года уже захватила всю территорию. Два года назад Макартур пообещал вернуться на Филиппины и в октябре 1944 года он был готов сдержать свое слово. Двадцатого числа армия Макарура высадилась на острове Лейте. Несколько дней ушло на рекогносцировку, затем в заливе Лейте разразилось сражение. Оно продлилось с 23 по 26 октября и вошло в историю как крупнейшее морское сражение. Здесь союзникам впервые довелось столкнуться с самоубийственными атаками японских *камикадзе*, но это был фанатизм обреченных. Япония проиграла битву и лишилась остатков своего флота. Дальнейшее завоевание Филиппин заняло у Макарура еще пять месяцев, только в марте 1945 года его войска заняли главный остров Лусон.

Вторая часть наступательной операции происходила в центральной части Тихого океана. Здесь основная роль отводилась морской пехоте под командованием главнокомандующего Тихоокеанского флота адмирала Честера Нимица. Боевые подразделения флота должны были стартовать с Гавайев и двигаться на запад, пересекая цепочку островов. Первая фаза операции включала захват островов Гилберта. Против ожидания десантникам пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением врага; особенно тяжело пришлось им на укрепленном атолле Тарава. Тем не менее к ноябрю 1943 года острова были взяты. На одном из них американцы выстроили взлетно-посадочную полосу, чтобы иметь возможность бомбить следующий объект – Маршалловы острова. Далее все повторилось по отработанной схеме: к февралю 1944 года Нимиц захватил и эту цепочку островов. Здесь тоже построили аэродром и приступили к систематической бомбежке Марианских островов. Летом 1944 года разгорелись упорные бои за эти острова. Кульминационным

моментом стала так называемая Битва в Филиппинском море (середина июня), в ходе которой Япония потерпела сокрушительное поражение. Эта победа союзников имела исключительное значение. По сути Марианские острова представляли собой один из ключевых пунктов внутреннего периметра японской обороны. Используя построенный там аэродром, американцы получали возможность не только провести подготовку к захвату следующей цели – Каролинских островов, но и с помощью дальних бомбардировщиков Б-29 «Суперкрепость» регулярно бомбить острова японской метрополии. Япония оказалась в угрожающей ситуации: ее авиация и флот были предельно ослаблены, политическая власть шаталась, а теперь к этому добавились систематические бомбовые налеты на города и оборонные объекты страны.

Союзники готовились к завершающей и наиболее зловещей фазе войны – прямому вторжению на Японские острова. С этой целью они попытались в первой половине 1945 года захватить еще два острова, исключительно удобных для расположения авиационных баз; но их попытки натолкнулись на яростное сопротивление японцев. В феврале и марте шли упорные бои за остров Иводзима, в которых погибло свыше 6 тыс. американцев и 21 тыс. японцев. Битва за Окинаву, проходившая с апреля по июнь 1945 года, унесла еще больше жизней: здесь погибло 12,5 тыс. американских солдат, 100 тыс. японских и свыше 80 тыс. мирных жителей. Столь решительный отпор на четвертом году войны ставил в тупик американских военных советников и вселял в их души самые мрачные опасения. Кошмар Иводзимы и Окинавы казался зловещей репетицией перед вторжением в саму Японию. Оно должно было проходить в два этапа: в ноябре 1945 года планировалось вторжение на остров Кюсю, а в 1946 году – на Хонсю. Количество жертв по

предварительным оценкам экспертов превышало все мыслимые пределы: до миллиона с американской стороны и в десять раз больше среди японского населения. Прогнозы выглядели ошеломляюще – и это при том, что американцы уже успели вывести из строя вражескую авиацию и флот, заблокировали торговлю и разбомбили множество японских городов, отправив на тот свет 900 тыс. японцев. И все равно аналитики обещали дальнейшее кровопролитие, причем в ужасающих размерах, на Тихоокеанском театре военных действий.

А вот чего они не могли прогнозировать, так это появления новых ужасных способов истребления человеческой жизни – методов, которые вышли не из кабинетов военных стратегов, а из лабораторий ученых-физиков. Дело в том, что с 1941 года в Америке на федеральном уровне велись научные изыскания в рамках дорогостоящего (2 млрд долларов) проекта «Манхэттен». Цель проекта – разработка ядерного оружия массового уничтожения. Ученые спешили изо всех сил, чтобы опередить коллег из Германии, но им все равно не удалось завершить работу до «Дня V-E» – дня капитуляции Германии. Проверка опытного образца прошла только 16 июля 1945 года. У исследовательской группы оставался материал еще на две бомбы, но вот взорвутся ли они, оставалось под вопросом. Президент Трумэн решил использовать новое оружие против Японии, если та откажется капитулировать до 3 августа 1945 года. Японии был предъявлен ультиматум, в котором предупреждалось о карательных мерах в виде «немедленного и полного разрушения». Назначенная дата миновала, и военное руководство получило приказ об атомной бомбардировке Японии. В качестве первой цели была выбрана Хиросима: 6 августа на нее сбросили бомбу в эквиваленте примерно 13 килотонн тротила. Девятого августа аналогичная судьба постигла

японский город Нагасаки. А 14 августа после долгих и напряженных споров с привлечением дипломатов-консультантов японское правительство согласилось на предложенные условия капитуляции. Тихоокеанская война подошла к завершению. Император Хирохито сохранил трон и остался править под надзором верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников. Второго сентября прошла официальная церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии, положившая конец Второй мировой войне.

Американское решение об использовании атомного оружия является одним из самых важных, но и самых спорных событий XX века. При его обсуждении принимались во внимание три ключевых фактора, связанных, соответственно, с военно-политической обстановкой в США, внешней политикой и морально-этическими нормами, царившими в американском обществе в 1945 году. Если рассматривать вопрос в стратегическом плане, то следует упомянуть такой факт: Соединенные Штаты разработали оружие для того, чтобы его применить, как предполагалось, против Германии и Японии. Манхэттенский проект представлял собой ценный вклад скорее в практическую, прикладную, чем в теоретическую физику. Июльские испытания в пустыне Нью-Мексико обнаружили смертоносную мощь изобретения. После этого некоторые ученые выступили с предостережениями и требованиями пересмотреть государственную политику в отношении атомной бомбы. Им противостояли военные советники, которые, напротив, требовали скорейшего развертывания нового оружия. Они ссылались на несговорчивость японского правительства, делавшую перспективу дорогостоящего (во всех смыслах) вторжения неизбежной. Принимая решение, президент Трумэн думал в первую очередь о

тех многочисленных человеческих жертвах, которых удастся избежать благодаря скорейшему окончанию войны. Таким образом, атомную бомбу он рассматривал не как проклятие, а как божий дар, подарок судьбы.

Разработанное устройство он планировал применить не только для устрашения японцев, но и в целях давления на Советский Союз. Американцы держали в курсе исследований своих британских союзников, но скрыли эту информацию от Сталина (справедливости ради, надо сказать, что даже Трумэн – в бытность вице-президентом – ничего не знал о проекте). Летом 1945 года Трумэн и его советники посчитали, что новые разработки могут послужить эффективным средством, чтобы заставить СССР держать свои амбиции в узде. Следовало использовать атомное оружие для усиления американских позиций в построении послевоенного мира.

Некоторые президентские советники высказывали сомнения относительно разрушительной силы нового оружия. Наверняка их волновала нравственная сторона вопроса, все-таки это было ответственное решение, и требовалось осмыслить его со всех сторон. Война продолжалась, и число жертв оставалось недопустимо высоким; после освобождения лагерей смерти выяснились леденящие душу подробности проходившего там массового уничтожения людей; в ходе военных действий постоянно страдало мирное население. На одном только Дальнем Востоке двухдневная бомбардировка Токио, проведенная в марте 1945 года, стала причиной гибели 80 тыс. японцев. В Европе ковровые бомбардировки немецких городов унесли жизни почти полумиллиона человек. Бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, вызвали огромное количество жертв – по некоторым данным 120-180 тыс. погибших и еще 100 тыс. раненых и заболевших в результате ядерных взрывов. Так что

способ умерщвления людей (с помощью атомного оружия) был принципиально новым; что касается *масштабов* жертв, они оставались прежними.

В результате Второй мировой войны Соединенные Штаты лишились 400 тыс. своих граждан, общее количество потерь приближалось к 1 миллиону. Это огромные цифры для Америки, которая не привыкла воевать. За всю историю страны лишь гражданская война 1860 года унесла больше жизней. У других наций потери были еще выше, но страшнее всех пострадал Советский Союз, где погибло в общей сложности 27 млн человек. Историки подсчитали, что суммарное количество жертв по всему миру составляет 40-50 млн человек, половина из которых – мирные жители. Подводя итоги, следует сказать, что Вторая мировая война обернулась невиданной по своим масштабам кровавой бойней.

Война у себя дома

Экономика

Вторая мировая война не только изменила мир за океаном, но и сильно повлияла на жизнь в Соединенных Штатах. Начать с того, что вооруженный конфликт покончил с депрессией. Экономический кризис был преодолен благодаря огромным, немыслимого размера федеральным затратам. Правительственные вложения не только возродили к жизни американский рынок, но и вдохнули в него новую энергию. Экономическое преуспевание нации продолжилось и в XXI веке, создав беспрецедентную ситуацию, когда шестидесятилетний подъем не перемежался неизбежными, казалось бы, спадами.

Сухие данные статистики разворачивают перед нами захватывающую историю, главными героями которой являются федеральное правительство и американская экономика военной поры. В военное производство было вложено почти 200 млрд долларов. За годы войны число государственных служащих утроилось; государственный долг вырос в шесть раз, а федеральные затраты – почти вдесятеро. Дефицит госбюджета за тот же период увеличился в 15 раз. Данные цифры наглядно иллюстрируют кардинальные изменения в американской экономике по сравнению с предыдущим десятилетием. В 1933–1939 годах федеральные затраты равнялись 7 млрд долларов в год при ежегодном дефиците бюджета в 2,6 млрд. Этих сумм явно не хватало на то, чтобы сломать хребет депрессии. С 1940–1945 годов установились новые цифры: федеральные расходы достигали 53 млрд долларов, а ежегодный дефицит составлял почти

30 млрд долларов. Такие фантастические показатели позволили нации успешно выйти из экономического кризиса. За эти пять лет (1940-1945) правительство потратило вдвое больше, чем за все предыдущие 150 лет.

За тот же период времени валовый национальный продукт США более чем удвоился. Доход на душу населения также удвоился, а неравенство в этом показателе заметно сгладилось. Военные заказы позволили трудоустроить 15 млн американцев, и уровень безработицы за годы войны снизился с 14 до 2 %. Членство в профсоюзах выросло более чем на треть. В 1941 году военное производство обеспечивало четверть всей продукции, производимой в стране. В 1942 году эта цифра составляла уже треть, а в 1943 году – две трети.

Экономический рост не решил всех проблем страны, но поставил их с ног на голову. Теперь нация наблюдала не резкое сокращение производства, а столь же быстрое расширение. Вместо избытка рабочей силы образовался ее дефицит. Падение цен приостановилось, а затем обернулось ростом. Несколько правительственных организаций наблюдали за процессом и старались минимизировать неизбежный беспорядок. Военный совет по производству наметил программу перехода с производства потребительских товаров на военное производство. Национальный военный совет по труду регулировал зарплату рабочих, длительность рабочего дня и условия труда на производстве. Отдел регулирования цен отслеживал стоимость продукции и рынок ее потребления. Он устанавливал ценовые границы, нормировал дефицитные товары и контролировал повышение налогов – все это помогало сдерживать инфляцию. Количество американцев, обязанных подавать налоговую декларацию, за это время выросло почти в

четыре раза. Тем самым была заложена еще одна важная тенденция современной жизни. Налоги покрывали 45 % военных издержек, остальные 55 % поступали за счет займов. Повышение доходов в сочетании со строгим экономическим контролем позволяло удерживать инфляцию в пределах 30 %, что было вдвое меньше, чем в годы Первой мировой войны.

Неизбежные проблемы рыночной экономики не стали препятствием на пути упрочения наметившихся тенденций. Федеральное правительство играло все более активную роль в экономической жизни страны; дефицитное расходование позволило Америке подняться из глубин кризиса; правительственный аппарат увеличивался в размерах, росла степень его контроля над повседневной жизнью граждан. По мере того как крупнейшие промышленные предприятия осваивали выпуск военной продукции, крупный бизнес становился крупнее и сильнее. В ходе Второй мировой войны территория США не подвергалась варварским бомбардировкам, от которых жестоко пострадали союзные государства. Американские фабрики и заводы сохранились в неприкосновенности, более того, они наращивали производство, о чем говорит значительный рост объема промышленной продукции. Соединенные Штаты уже являлись экономическим гигантом на начало 1940-х годов, а за годы войны еще больше упрочили свое положение.

Общество

Миллионы простых американцев ежедневно вносили свой скромный, порой незаметный вклад в ту борьбу, которую предполагало участие в «хорошей войне». Их поддержка выражалась в самых разнообразных формах: это могла быть покупка военных облигаций,

насаждение грядок во дворе, «вегетарианские вторники», которые соблюдались в ресторанах и на домашних кухнях, добровольное донорство или сбор металлолома. Родители и жены военнослужащих обычно вывешивали на окнах маленькие флажки, на которых красовалось по одной звезде за каждого воюющего члена семьи. Американцы чествовали своих военных героев и чттили память тех, кто пал на полях сражений. И не важно, насколько пышными и значительными были проявления народного патриотизма – порой речь шла о совсем мелких, почти символических жестах, – они всегда оставались искренними и теплыми. Сегодня многие представители старшего поколения с ностальгией вспоминают то время. По их словам, стремление к общей цели сплачивало нацию, порождая небывалое чувство единства и гармонии в обществе.

Немалую роль в этом процессе сыграла и массовая культура Америки. Хотя информация о ходе войны тщательно дозировалась и фильтровалась государственной цензурой, тем не менее все радиостанции посвящали почти треть эфирного времени военным новостям. Сообщения с фронтов всячески обыгрывались в традиционных комиксах, рекламных роликах, на подмостках театров и уличных афишах. Широкое распространение получила кампания по распространению облигаций военного займа. Не правы те, кто утверждает, будто музыка и кинематограф той поры служили исключительно средством «бегства» от тягот войны. Многие произведения в той или иной степени отражали опыт и переживания военного времени. Порой они были проникнуты чувством гордости и уверенности в скорой победе – таковы известная песня «Прощай, мама, ухожу на Иокотаму», а также фильмы «Гитлеровский безумец» и «Назад в Батаан». Иногда авторы предпочитали

юмористический подход, как в фильмах Спайка Джонса «Лицо фюрера», «Быть или не быть» Эрнста Любича или «Да здравствует герой-победитель!» Престона Стерджеса. Но чаще всего в произведениях военной поры преобладали горечь и грусть. Именно такими настроениями пронизаны песни «Я буду видеть тебя» и «Белое Рождество», а также кинофильмы «Сражающиеся Салливаны» и «Нежный друг». Время от времени появлялись и такие произведения, которым трудно дать однозначную характеристику – настолько сложные чувства они будили у публики. К ним относятся песня «За все, что мы знаем» («Мы можем никогда не встретиться вновь») и такие шедевры кинематографа, как «Касабланка» Майкла Кертиса и «Спасательная шлюпка» Альфреда Хичкока. Понятно, что в условиях военного времени к произведениям искусства предъявлялись особые требования: они должны были укреплять чувство патриотизма и направлять народные силы на борьбу с врагом. За это авторам прощалось многое, даже вольное обращение с временными и прочими реалиями. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в созданном на киностудии «XX век – Фокс» фильме «Шерлок Холмс и секретное оружие», где знаменитый сыщик с Бейкер-стрит – вопреки всем законам времени и пространства – противостоит проидам нацистов.

При всей популярности кинематографа и прочих видов развлечений, пожалуй, ничто и никто в те времена не мог сравниться в народной любви – неистовой, фанатичной – с одним-единственным человеком по прозвищу Голос. Фрэнк Синатра начал вокальную карьеру в тандеме с Гарри Джеймсом, затем стал выступать с Томми Дорси и наконец вышел в самостоятельное плавание, чтобы обрести славу величайшего эстрадного исполнителя Америки. Позже он признавался, что многому научился у Бинга Кросби. В

частности, тому, как использовать микрофон, чтобы снизить громкость пения и придать ему доверительные ноты. Это позволяло Синатре сделать песни проще, менее стилизованными и более естественными. Он также постиг, как важно правильное месторасположение артиста: исполнителю легче установить контакт с публикой, когда он выдвинут вперед, находится на авансцене, в то время как оркестр играет в глубине сцены. Синатра использовал многие приемы Кросби, сохраняя при этом собственное творческое лицо. И поныне многие помнят его мягкий, звучный голос, манеру по-новому расставлять акценты в ритме и тексте песни, тонкое взаимодействие с аккомпанирующим составом и публикой. Синатра сделал песню «своей», и миллионы слушателей (в особенности это касалось молодых женщин) буквально ломились на его концерты и сметали с прилавков записи его песен. На протяжении шестидесяти лет Синатра не только выступал с концертами, но и возглавлял списки наиболее популярных исполнителей. По сути, он определял лицо американской популярной музыки – и не только в военные годы, но и на протяжении большей части XX века.

Когда же пластинки были спрятаны обратно на полку, радиоприемники выключены, кинотеатры закрыты, активисты различных фондов исчезли с городских улиц, а торжественные церемонии закончились, для всей нации наступило время ощутить на себе воздействие войны и приноровиться к ее последствиям. В общем можно сказать, что Вторая мировая война подарила новые возможности одним гражданам и значительно осложнила жизнь других. В экономическом плане война открыла новые двери для женщин и афроамериканцев. Если же говорить о гарантиях безопасности, та же самая война серьезно

ограничила гражданские права американцев японского происхождения.

Прежде всего следует отметить, что женщины, которые раньше допускались в армию лишь в роли сиделок и секретарш, начали осваивать новые военные профессии. В вооруженных силах США возникли специальные женские подразделения – сухопутные, морские и летные части. Женщины служили в армии, но непосредственно в боевых действиях, как правило, не участвовали. Исключение делалось лишь для медсестер, которые в случае необходимости допускались на фронт. Большая часть из 350 тыс. американок, служивших в армии в годы войны, использовалась на административной и снабженческой работе.

В связи с военным временем образовался недостаток мужчин на производстве, их места заняли женщины, освоившие новые профессии. Если до войны они составляли менее четверти всех работающих американцев, то теперь их доля увеличилась до одной трети. Этот факт до некоторой степени свидетельствовал об изменениях, происшедших в общественном и политическом сознании. Общество, которое раньше отводило женщине место лишь у домашнего очага, теперь приветствовало ее стремление работать на производстве. Особенно это касалось оборонной промышленности, где женская аккуратность и исполнительность пришлись очень кстати. Многие рабочие профессии в военное время оказались открытыми для женщин. Изменился и сам портрет работающей американки. Если до войны работали в основном молодые одинокие женщины, то к 1944-1945 годам среди них появилось и много замужних женщин среднего возраста. Однако сам процесс вовлечения женщин в производственный процесс носил отпечаток былых представлений об их

«месте» и «сфере деятельности». Большинство нанимателей рассматривали появление женщин на производстве как временную меру, намереваясь избавиться от работниц, как только вернутся с фронта мужчины. Пока же американок использовали, но на строго определенных должностях – «в соответствии с их полом», как это формулировалось. Зарплата у работающей женщины была примерно на треть ниже, чем у исполнявшего те же обязанности мужчины. При этом и правительство, и руководство заводов трактовали женский труд на производстве как своеобразное расширение привычных домашних обязанностей; станки и рабочие инструменты часто изображались в виде увеличенной копии домашних бытовых приборов. Пропаганда не уставала напоминать, что работа на оборонных предприятиях – лишь способ помочь мужьям и сыновьям, сражающимся на фронтах Второй мировой войны. Одновременно превозносились женщины, сидящие дома и ухаживающие за детьми. Вывод напрашивался сам собой: у работающей женщины меньше возможностей заботиться о потомстве, следовательно, она недостаточно хорошо выполняет свои основные обязанности.

Особое влияние война оказала на судьбу цветных граждан Соединенных Штатов. Нацистская доктрина о расовой чистоте как источнике государственного величия послужила громким напоминанием американской нации: для окончательной победы над фашизмом мало выиграть сражение на далеких заморских фронтах, необходимо преодолеть устоявшиеся расовые предрассудки у себя дома. Большинство афроамериканцев рассматривали участие в войне как возможность проявить себя. Они стремились доказать обществу, во-первых, свою лояльность, а во-вторых, собственную индивидуальную

ценность – то есть те самые качества, в которых им долгое время отказывали. Почти миллион чернокожих американцев пошли служить в армию в годы войны, но здесь они столкнулись с тем же неравноправием, что и в гражданской жизни. Руководство вооруженных сил десегрегировало подготовку служащих, предоставив неграм возможность летать на самолетах и принимать участие в военных действиях. Однако большей частью афроамериканцы служили в отдельных подразделениях, жили в отдельных казармах и даже в случае необходимости получали кровь из отдельных запасов.

В самой Америке также практиковались ограничения при трудоустройстве чернокожих граждан на оборонные предприятия. Возмущенный подобной практикой профсоюзный лидер А. Филип Рэндольф в 1941 году пригрозил организовать в Вашингтоне массовый марш протеста. В ответ на эту угрозу президент Рузвельт выпустил в июне 1941 года правительственное распоряжение, которое защищало права афроамериканцев при приеме на работу на предприятия, выпускающие военную продукцию. Кроме того, президент сформировал Комитет по вопросам упорядочения найма на работу, в чьи функции входил надзор за практикой приема на службу. Для расширения производства продовольствия правительство запустило программу *брасеро*,^[19] что помогло привлечь свыше 200 тыс. мексиканцев к сельскохозяйственным работам.

Возможность получить работу спровоцировала новую волну миграции: от 750 тыс. до 1,5 млн чернокожих жителей Юга устремились на Запад, Средний Запад и СевероВосток страны. Большинство из них приезжали в крупные города, где им приходилось иметь дело с враждебно настроенными белыми

жителями. В 1943 году волна беспорядков прокатилась по США: более чем в 40 городах произошли уличные столкновения. Самое кровавое случилось в Детройте, где погибло 34 человека. В качестве ответной меры чернокожие американцы стали организовывать инициативные группы для борьбы с проявлениями сегрегации и дискриминации. Так, в 1942 году состоялся Конгресс расового равенства. Организация с 30-летним стажем – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения – более чем в 9 раз увеличила количество своих членов. Именно активисты этой организации начали кампанию под названием «двойная победа» с тем, чтобы напомнить нации о ее военных и социальных проблемах. Они призывали к «двойной победе» демократии «как за рубежом, так и дома».

Подъем народного воодушевления, вызванный вступлением в войну, не только подвиг многих американцев на личные жертвы, но и спровоцировал истерию против конкретной группы населения – граждан японского происхождения. За спиной у этих людей была многолетняя дискриминация в тихоокеанских государствах, где они в прошлом проживали. Теперь американские японцы оказались перед лицом новой угрозы: после нападения на Перл-Харбор против них выдвинули обвинения в нелояльности, измене и угрозе национальной безопасности. И хотя большинство из 127 тыс. американских японцев являлись всего-навсего мирными жителями, это не помешало одному из военных лидеров выступить с открытым заявлением в прессе. Он предупреждал своих соотечественников, что «расовое напряжение не изжито», что «имеются верные признаки того, что японцы уже сегодня хорошо организованы и готовы к согласованному выступлению». Проведенное расследование не обнаружило фактов шпионажа или

подрывной деятельности со стороны японцев. Тем не менее в феврале 1942 года Рузвельт подписал Чрезвычайный указ № 9066, согласно которому военные власти уполномочивались объявлять определенные районы страны «военной зоной» и выселять оттуда подозрительных лиц. В соответствии с этим указом почти все американцы японского происхождения (общим числом 112 тыс. человек) были интернированы с Тихоокеанского побережья в центральные штаты страны. Подобная процедура подразумевала также конфискацию имущества переселенных, что повлекло за собой ущерб в 400–500 млн долларов. Японцев вывозили на поездах, автобусах и грузовиках в специальные «лагеря для интернированных», где они провели под усиленной охраной 2,5–3 года. Чтобы избежать подобной судьбы, некоторые молодые мужчины поступили на военную службу и доблестно сражались во время Итальянской кампании. Другие предпочли временно покинуть лагеря для участия в сельскохозяйственных работах. Однако большая часть американских японцев всю войну провела на правах пленников в собственной стране. Верховный суд решением 1944 года подтвердил законность подобных действий, и пострадавшим японцам пришлось ждать вплоть до 1980-х годов, когда правительство соизволило принести извинения интернированным и выплатить им частичную денежную компенсацию.

Слов нет, такая задержка, несомненно, является досадным упущением правительства, однако она же служит наглядным доказательством того, сколь живучи общественные предрассудки. Американские лидеры оказались попросту неспособны выйти за рамки представлений, сложившихся в годы Второй мировой войны. Слишком важным было это международное событие для нации. Война стала для американцев тем мерилом, по которому выстраивалась вся система

ценностей. В частности, на долгие годы вперед определялись понятия «справедливость» и «несправедливость» в отношениях между народами. Именно такими критериями пользовались американские политические лидеры, когда в ответ на геноцид 1999 года санкционировали вооруженное вмешательство на Балканах. Вторая мировая война оказала глубокое воздействие на жизнь американской нации, видоизменив систему ценностей и сформировав память поколений.

Истоки холодной войны

Последняя мировая война не только сформировала общественное мнение и изменила методы ведения боя, она к тому же способствовала переоценке основ экономической и политической мощи. Война значительно ослабила ведущие европейские державы и едва не довела их до полной разрухи. Лишь один участник мировой схватки сумел выстоять в этом испытании и даже усилить свои позиции. Этим государством были Соединенные Штаты. В 1945 году, по окончании войны, США производили половину всех товаров в мире, им же принадлежало ведущее место в оказании международных услуг. Это было самое богатое, самое могущественное и процветающее государство на Земле. Если говорить о размерах территории и населения, о богатстве природных ресурсов и военной мощи, то у него имелся лишь один более или менее достойный соперник, и этим соперником являлся Союз Советских Социалистических Республик. Обе страны были относительно новичками в мире международной политики, однако это не мешало им держать в своих руках судьбы мира.

Во время войны они оказались в одном лагере. Можно было бы предположить, что контакты, завязавшиеся в ходе совместной борьбы против нацизма, лишь усилятся в мирное время. Однако «Великий альянс», сложившийся в годы Второй мировой войны, больше напоминал брак по расчету, чем пламенную любовь. Военное сотрудничество вовсе не означало горячей дружбы между двумя странами; скорее, следовало говорить о короткой передышке в тотальном противостоянии. Взаимное недоверие и враждебность являлись «нормой» в отношениях между

двумя гигантами. Напряжение, возникшее в послевоенные годы, не стало неожиданным сюрпризом для дипломатов: просто все возвращалось на круги своя. В мире сложных геополитических связей холодная война породила жесткую дуалистическую картину борьбы между коммунизмом и капитализмом, между государственным контролем и личными правами, между Востоком и Западом.

В основе советской позиции лежало стремление к безопасности. За полтора столетия народ этой страны пережил три крупных вражеских вторжения со стороны сухопутной границы с Восточной Европой. Последнее – нападение гитлеровских войск – повлекло за собой ужасные жертвы: каждый девятый из советских людей погиб во время Великой Отечественной войны. Боюсь, что в Соединенных Штатах не придали этому поразительному факту должного внимания. Русским оставалось только гадать, как повели бы себя американцы, если б подобное несчастье обрушилось на их страну. Во всяком случае понятно, чем руководствовался СССР в своей послевоенной политике. Чтобы впредь исключить возможность нападения, он должен был обезопасить свои границы – так сказать, создать зону безопасности. А это возможно было лишь в окружении дружественных государств со сходным политическим строем. Именно данный фактор предопределил судьбу западных соседей СССР. Им была уготована роль буфера, и агрессивный курс капиталистических держав сыграл в этом не последнюю роль. Западные нации стремились к усилению экономического контроля над всеми уголками планеты. Особо активную позицию занимали Соединенные Штаты, которые намеревались воспользоваться бедственным положением других стран после Второй мировой войны. Действительно, чего проще: приди к нищим и голодным под маской

великодушного освободителя и на долгие годы привяжи их к американскому рынку. Советскому Союзу необходимо было что-то противопоставить этому коварному плану, и он избрал тактику разжигания революционного самосознания среди подчиненных и угнетенных народов. Сталин и его наследники верили, что проповедуемые ими принципы марксизма-ленинизма принесут освобождение человечеству. Таким образом, советская политика формировалась под воздействием ряда факторов – стремления к внутренней безопасности, внешней угрозы и исторической динамики.

Что касается американских политиков, они исходили из собственных предпосылок. Главной из них была принципиальная несовместимость советской и американской систем. СССР установил у себя авторитарный режим, основанный на государственной собственности. В самой его системе было заложено ущемление гражданских и имущественных прав граждан. Соединенные Штаты, со своей стороны, являлись государством с конституционными ограничениями власти и доминирующей частной собственностью в экономике. Американцы верили, что подобная система максимально обеспечивает политические гарантии и дает шанс в жизни каждому отдельному человеку. Контраст между этими двумя подходами являлся, по сути, продолжением борьбы между властью и свободой, которой была пропитана вся политическая культура Соединенных Штатов. К тому же американские лидеры подозревали, что Советский Союз не столько печется о собственной безопасности, сколько стремится установить гегемонию в мире. Они обвиняли советских правителей в попытках насадить бесчеловечную систему в других странах. Якобы те сознательно провоцируют нестабильность в мире с целью экспорта революции. О Советском Союзе в

Америке вообще говорили в тех же выражениях, что и о тоталитарной и милитаристской нацистской Германии. Сталина изображали не иначе как новым Гитлером, который, прибирая власть к рукам, уничтожает политических противников, наращивает непомерную военную мощь, сплошь и рядом нарушает данные обещания и истребляет собственный народ. Остальные нации обязаны сплотиться и дать коллективный отпор этой агрессии. В конце концов Соединенные Штаты создали зеркальное отображение советского мировоззрения. Они тоже беспокоились о собственной безопасности, осознавали внешнюю угрозу и внимательно изучали исторические примеры.

При этом каждая из сторон полагала, что опыт прошлых лет лишь подтверждает их худшие опасения. Западные страны во главе с Соединенными Штатами отказались признавать большевистскую республику. После Первой мировой войны они организовали интервенцию в России и сделали все, чтобы изолировать Советский Союз от остального мирового сообщества. Если обратиться к более свежим примерам, они проявили непростительную беспечность, проигнорировав сталинские предостережения относительно Третьего рейха. Позже они упорно – до самого 1944 года – отказывались открывать второй фронт, предпочитая пассивно наблюдать, как Гитлер истребляет советский народ. И наконец, они держали в тайне свои разработки в области ядерного оружия, пренебрегая законными интересами Советского Союза.

В ответ американские лидеры перечисляли собственные претензии к России: большевистская республика терроризировала оппозицию внутри страны, дестабилизировала ситуацию в Европе и просто-напросто предала союзников, отказавшись участвовать в Первой мировой войне. Тем самым она развязала Германии руки, позволив ей бросить все силы на

Западный фронт. Дальше – больше. Используя Третий Коминтерн, СССР пропагандировал мировую революцию, прибегал к физическому уничтожению врагов, заключил тайный договор с Гитлером, а позже осуществил вторжение на территорию соседних стран. В середине 1940-х годов СССР приступил к насаждению диктаторских режимов в Восточной Европе.

Каждая из сторон была уверена, что уроки истории предписывают предсказуемо агрессивное отношение к противнику, и вела себя соответственно. Тем более что послевоенные события лишь усиливали взаимную подозрительность.

Горячие точки планеты, 1945-1953 годы

В 1940-1950-х годах Восток и Запад неоднократно сталкивались друг с другом в целой серии международных кризисов, политических демаршей и открытых вооруженных конфликтов, имевших место в различных уголках мира.

В 1945-1946 годах ситуация в Европе и на Ближнем Востоке значительно обострилась, что позволило американцам составить мнение относительно истинных намерений Советского Союза. Сталин, похоже, и не думал выполнять данные в Ялте обещания. Во всяком случае, в 1945 году он отказался от проведения открытой, демократической политики в Польше. На следующий год возникло новое недоразумение: СССР всячески тормозил вывод своих войск из Ирана, который во время войны был оккупирован совместными силами американцев, англичан и русских. Соединенным Штатам пришлось прибегнуть к угрозам, и лишь тогда советские войска покинули страну. Этот инцидент укрепил президента Трумэна в уверенности, что жесткий тон и решительные действия вполне оправданы в отношениях с Советами. Рузвельт мог себе позволить длительную «обработку» Сталина посредством переговоров и всяческих уступок. А Трумэн избрал прямой и бескомпромиссный подход – в соответствии с изменившимся мировоззрением общества и своим взрывным темпераментом. Он вполне был согласен с Черчиллем, который в 1946 году произнес пророческие слова о «железном занавесе, опускающемся на континент».

В следующем году американское руководство обнародовало три важных политических заявления,

которые проясняли его отношение к Советскому Союзу. В первом, получившем название «Доктрины Трумэна» (март 1947 г.), США осуждали «тоталитарные режимы, силой навязанные» Восточной Европе, и заявляли о своей готовности «поддерживать свободные народы, выступающие против подчинения вооруженному меньшинству в своих странах или давлению со стороны». Другими словами, Америка расширила свои функции – теперь она претендовала на роль «международного полицейского» не только в Западном полушарии, но и во всем мире. Своей задачей она ставила «помогать свободным народам в определении их судьбы в соответствии с принятыми ими решениями».

Второй документ под названием «План Маршалла» (июнь 1947 г.) формально был направлен на решение экономических проблем европейских государств, хотя истинной его целью являлась дискредитация коммунистических идеалов в мире «голода, нищеты, отчаяния и хаоса». Предложение государственного секретаря Джорджа К. Маршалла заключалось в следующем: Соединенные Штаты оказывают обширную экономическую помощь европейским странам, пострадавшим во Второй мировой войне. Как было сформулировано, «дабы обеспечить появление политических и социальных условий, в которых могут существовать независимые общественные институты». Взамен Америка получала добрых друзей и надежных покупателей. Справедливости ради следует отметить, что Соединенные Штаты предложили помощь и странам советского блока, однако СССР решительно ее отверг (на что, собственно, и рассчитывала администрация Трумэна). Советские лидеры осудили «План Маршалла», объявив его замаскированной попыткой привязать независимые нации к Соединенным Штатам. Это не помешало американцам вложить 13 млрд долларов в

экономику Западной Европы в 1948-1951 годы. Результатом стало увеличение производительности европейской экономики, сдерживание инфляции и повышение уровня жизни населения.

Третий документ, появившийся на свет в июле 1947 года, касался пресловутой политики «сдерживания» и также был направлен против советских амбиций. Речь о так называемой «длинной телеграмме» (8 тыс. слов), направленной американским дипломатом Джорджем Кеннаном в Госдепартамент, а позже напечатанной в журнале «Форин эффейрз». В ней Кеннан сообщал своему начальству об опасных взглядах советского руководства, которое пребывало в уверенности, что «конечное падение» капитализма – только вопрос времени. Соединенные Штаты должны противопоставить подобной позиции «длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживанию экспансионистских устремлений России». Кеннан предупреждал, что бравада и самодовольство не помогут в разрешении международных кризисов. Тут необходимо «умелое и неусыпное противодействие в различных географических и политических точках планеты, которые постоянно меняются в зависимости от поворотов и маневров советской политики». На протяжении следующих сорока лет предложенное Кеннаном сдерживание стало основополагающим принципом американской внешней политики.

Возрождение Европы предполагало и подъем Германии. В 1947-1948 годы руководители США, Великобритании и Франции склонялись к идее объединить западные зоны оккупации в единую страну с названием Федеративная Республика Западной Германии. СССР, недовольный тем, что Запад нарушает ялтинские договоренности, решил в качестве карательных мер использовать экономические рычаги.

В июне 1948 года он перекрыл все наземные пути в Берлин, которые проходили через русскую зону оккупации. Так началась экономическая блокада Западного Берлина, которая длилась 324 дня. Некоторое время американские лидеры рассматривали перспективу нанесения ядерного удара или же создания мощных военизированных конвоев, но в конце концов остановились на варианте «воздушного моста», то есть снабжения города при помощи авиации. На протяжении одиннадцати месяцев Соединенные Штаты и Великобритания совместно перевезли в Западный Берлин от 1,5 до 2 млн тонн грузов. Сталин, как и лидеры западных стран, опасался использовать военные средства для решения конфликта. Поэтому он не препятствовал полетам союзников и в мае 1949 года снял экономическую блокаду города.

Трумэновская администрация с энтузиазмом восприняла идею сдерживания Советского Союза, однако с практическим применением этой идеи порой случались накладки. Неудача постигла Соединенные Штаты в Венгрии и Чехословакии, где в 1947 и 1948 годах установились прокоммунистические режимы. В 1949 году США предприняли еще одну – и весьма действенную – попытку противостоять советским планам: они заключили военный договор с западноевропейскими странами. В НАТО, Североатлантический союз, вошли 12 государств, которые договорились рассматривать нападение на любого из членов союза как посягательство на всю организацию. Для Соединенных Штатов это была вдвойне уникальная ситуация: впервые за свою историю они присоединились к военно-оборонительному блоку в мирное время; к тому же впервые подобный союз был заключен с европейскими странами. Образно выражаясь, Америка решительно подвела черту под 160-летней историей международных отношений, в

которых прежде неукоснительно следовала принципам независимости и унилатерализма.

Вряд ли Соединенные Штаты всерьез рассчитывали уничтожить коммунизм во всем мире. Скорее они стремились уберечь от его экспансии собственные подконтрольные территории. В 1949-1950 годы произошли три события, которые вызвали серьезные опасения у американских лидеров. Ситуация развивалась явно не по плану. Прежде всего, в сентябре 1949 года президент Трумэн получил информацию об успешном испытании русскими атомной бомбы. Для Америки это сообщение прозвучало как гром среди ясного неба: их страна лишилась монополии на ядерное оружие, а вместе с ней – и уникального рычага воздействия на советскую политику. Приходилось все начинать заново, и американские ученые поспешно приступили к разработке нового, еще более мощного оружия массового поражения – водородной бомбы. Попутно Конгресс инициировал расследование на предмет, каким именно образом русские узнали атомные секреты Америки.

В октябре того же года пришли неприятные известия из Китая: националистическое правительство Чан Кайши, верного союзника Соединенных Штатов в военные годы, потерпело поражение в гражданской войне с китайскими коммунистами, возглавляемыми Мао Цзедунем и Чжоу Энлаем. Некоторые политики рассматривали Мао как независимого лидера, не пользующегося ни симпатиями, ни доверием Сталина. Однако большинство сходилось во мнении, что образование Китайской Народной Республики – не что иное, как результат расширения сферы влияния единого коммунистического фронта. В США разгорелись горячие споры по поводу того, кто виновен в «потере» Китая. Администрация Трумэна чувствовала себя обязанной предпринять какие-то действия, чтобы

остановить «коммунистические беспорядки» на Дальнем Востоке. И США приняли решение поддержать Францию в борьбе, которую та вела против национально-освободительного движения в колониальном Индокитае. В феврале 1950 года Соединенные Штаты предоставили Франции военную помощь в размере 18 млн долларов – чтобы помочь изгнать с территории Вьетнама мятежников под предводительством пламенного националиста и убежденного коммуниста Хо Ши Мина. Это ознаменовало начало 25-летней антикоммунистической кампании, которую вели США во Вьетнаме.

Президентский Совет национальной безопасности также настаивал на использовании военных средств для сдерживания коммунистической экспансии. В апреле 1950 года был обнародован памятный «Меморандум СНБ № 68» – документ, в котором федеральному правительству рекомендовалось вчетверо увеличить бюджетные затраты на оборону, создать достойную армию, продолжить работы по наращиванию ядерного потенциала страны и расширять участие в международных альянсах. Пора было менять политику полумер – политического, экономического и дипломатического характера – на мощное военное давление.

А в июне 1950 года произошли события, которые подтолкнули Америку на пути милитаризации. На сей раз болевая зона располагалась в Корее – области, которая прежде не входила в сферу особых интересов США в Азии. В 1945 году эта страна была поделена пополам (как тогда считалось, «временно») по 38-й параллели. СССР одобрил и поддержал создание в Северной Корее коммунистического правительства под руководством Ким Ир Сена. В ответ американцы сформировали в Южной Корее диктаторский режим прозападной направленности. Во главе его встал Ли

Сын Ман. Двадцать четвертого июня северокорейская армия начала вторжение на территорию южных соседей.

Возможно, северяне намеревались осуществить воссоединение страны или же наказать южных коллаборационистов. А может, надеялись, что это нападение спровоцирует начало гражданской войны. И уж наверняка Север не рассчитывал на ответный удар со стороны Соединенных Штатов. Историки и по сей день выдвигают различные гипотезы. Большинство из них сходятся в том, что Сталин – в принципе одобряя вторжение – не предпринимал практических шагов, дабы его спровоцировать. Однако тогда президент Трумэн посчитал, что эта военная операция инспирирована Советским Союзом с целью распространения «заразы коммунизма» и проверки на прочность американских позиций. Он обратился в ООН с требованием проведения «полицейской акции». ООН, недовольная тем пренебрежением, с которым СССР отнесся к решениям Совета Безопасности, дала такое разрешение. Генерал Дуглас Макартур вновь вернулся в Азию, чтобы руководить международной (с безусловным преобладанием американцев) операцией против Северной Кореи.

Фото времен Корейской войны

С июня 1950 года до марта 1951 года ни одна из сторон не могла добиться решающего перевеса. На первых порах северокорейская армия захватила инициативу и значительно потеснила противника к югу, в направлении города Пусан.

Однако в середине сентября Макартур сделал ответный ход: зайдя в тыл врагу, он организовал высадку своих войск в Инчхоне и маршем повел их на север, к китайской границе. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы в ноябре навстречу им не выдвинулась китайская армия. Она не только остановила продвижение боевых соединений ООН, но и вернула их на исходные рубежи, за 38-ю параллель. В марте 1951 года Макартур со своими войсками оказался там же, откуда стартовал. В Корейской войне (как называли ее в Америке) воцарилось затишье, зато разгорелась новая битва – между Трумэном и Макартуром. Президент склонялся к урегулированию конфликта путем переговоров; в отличие от него, генерал жаждал крови – он намеревался во что бы то ни стало уничтожить неприятеля и был готов в случае необходимости перенести боевые действия на китайскую территорию. Стратегические расхождения стали достоянием гласности, причем большинство американцев поддерживали Макартура. Это, однако, не помешало Трумэну в апреле 1951 года освободить Макартура от занимаемой должности. Разногласия в верхах еще больше усложнили и без того запутанную военную кампанию.

Начавшиеся в июле 1951 года мирные переговоры растянулись на два года, а боевые действия тем временем продолжались. К моменту, когда в июле 1953 года было подписано соглашение о перемирии (по сути означавшее конец войны), более 54 тыс. американцев сложили головы в далекой Корее, еще 100 тыс. были

ранены. Среди корейцев потери составляли свыше 2 млн человек. Данный конфликт стал первым в длинной череде эпизодов, когда холодная война превращалась в «горячую», и Соединенные Штаты бросали войска в бой против коммунистической экспансии. Он продемонстрировал, насколько расширились полномочия президента и как государство может вступать в сражение без объявления Конгрессом войны. Корейский конфликт также стал поводом для глубочайшего национального разочарования: действительно, страна, победившая могущественные державы Оси, не смогла справиться с Северной Кореей. А еще эта война сыграла фатальную роль в судьбе демократов, которые на выборах 1952 года лишились всего – и президентства, и большинства в сенате и палате представителей.

Политика сдерживания президента Эйзенхауэра, 1953-1961 годы

Новый президент был фигурой, хорошо знакомой и внушающей надежды большинству американцев. И внешняя политика, которой придерживался Дуайт Эйзенхауэр в течение двух своих президентских сроков, базировалась на хорошо знакомом и обнадеживающем принципе сдерживания. Однако для достижения намеченной цели республиканцы намеревались использовать более сильные и смелые, более экономичные, более избирательные и менее тривиальные методы, чем их предшественники-демократы.

Дерзость новой администрации в полной мере отражалась в речах (вот уж образец возвышенной риторики!) ее государственного секретаря, Джона Фостера Даллеса. Будучи строгим моралистом и глубоко религиозным человеком, Даллес трактовал окружающий мир как арену борьбы двух начал – добра и зла. И он намеревался не просто сдерживать врагов (понимай: силы зла), а нанести им сокрушительное поражение. Идея простого сдерживания коммунизма не удовлетворяла Даллеса, он мечтал полностью «низложить» коммунизм и «освободить» поработанные народы. Этого человека не пугала перспектива балансирования на грани войны, напротив, он подталкивал президента к открытой конфронтации – дабы раскрыть карты врагов и показать всему миру серьезность коммунистической угрозы.

В условиях, когда американская ядерная монополия сменилась олигополией, Даллес и Эйзенхауэр призывали к усилению мер безопасности. С этой целью они намеревались увеличить количество ракет с

ядерными боеголовками и провести модернизацию систем наведения. Соединенные Штаты противопоставят силе еще большую силу. Враг вынужден будет считаться с таким фактором, как «гарантированное взаимное уничтожение». Администрация Эйзенхауэра настаивала, что знает способ, как это обеспечить: надо лишь накопить ядерный арсенал необходимого размера и диапазона – этого будет достаточно, чтобы отвлечь потенциального неприятеля от идеи воспользоваться своим атомным оружием.

Эйзенхауэр стремился достичь поставленной цели наиболее экономными средствами, избавив нацию от непомерных затрат. Его министр обороны доказывал, что продвинутое оружие поможет «получить больше за свои деньги», как любят говорить американцы. А заключение новых оборонительных соглашений даст возможность объединить существующие военные ресурсы. Таким образом, администрация проводила «новый курс» во внешней политике, пытаясь усилить оборону страны и при этом ограничить затраты.

Помимо того, Эйзенхауэр намеревался практиковать дифференцированный подход к внешней политике – с тем чтобы реагировать на международные события на «субатомном» уровне. Одних зарубежных лидеров следует всячески умягчать, в то время как с другими можно вести себя более жестко и устанавливать собственные правовые нормы. В одних случаях можно делать ставку на силовой подход, иные же конфликты лучше разрешать за столом переговоров. Опять же, некоторые проблемы требуют немедленной реакции Соединенных Штатов, решение других можно (и должно) отложить – либо в силу их незначительности, либо, напротив, в силу чрезмерной сиюминутной опасности.

Именно так – тщательно анализируя ситуацию – нация сможет получить максимальную выгоду при минимальных затратах.

Наконец, последнее ноу-хау республиканской администрации касалось огласки ее деятельности. Теперь наиболее одиозные зарубежные акции она предпочитала проводить скрытно. С этой целью в 1947 году было сформировано Центральное разведывательное управление (ЦРУ), которое возглавил брат госсекретаря Аллен Даллес. Эта организация, теоретически предназначенная для сбора и анализа информации, на самом деле поддерживала военные операции США – порой корректируя их и «облагораживая», а порой и замещая. Агенты ЦРУ не просто наблюдали за ходом международных процессов, а активно вмешивались, используя целый арсенал средств для достижения желанной цели. В ход шли и подкуп должностных лиц, и финансовая поддержка оппозиционных организаций, и профессиональная тренировка войск, и даже свержение неугодных правительств. В целом же деятельность ЦРУ позволяла избирательно реагировать на возникающие международные проблемы и ослаблять позиции врага, так сказать, изнутри. То есть служила все той же цели – обеспечивала безопасность страны при минимальных издержках.

Джон Фостер Даллес

Надо сказать, правительство Эйзенхауэра вполне преуспело в своем замысле: большая часть внешнеполитических акций на раннем этапе оставалась «невидимой». Так, в 1953 году сотрудники ЦРУ подготовили политический переворот в Иране. На смену законному премьер-министру Мохаммеду Моссадеку – чья политика национализации нефтяной промышленности угрожала западным интересам – пришел шах Мохаммед Реза Пехлеви. Заручившись американской поддержкой, он благополучно правил на протяжении последующих 26 лет. Также в 1954 году ЦРУ возглавило мятеж против гватемальского президента Хакобо Арбенса Гусмана, который со своей земельной реформой перешел дорогу такому гиганту-монополисту фруктового бизнеса, как «Юнайтед фрут компани».

В том же самом году агенты ЦРУ приняли активное участие во вьетнамских событиях. Начав помогать Франции в борьбе против Национального фронта Вьетнама, Соединенные Штаты вынуждены были постоянно наращивать свою помощь по мере того, как

французы медленно, но верно проигрывали войну в этом регионе. К 1954 году, когда французам пришлось окончательно покинуть Вьетнам, США уже оплачивали три четверти всех военных расходов. Правда, Эйзенхауэр ограничивался финансовой помощью. Вводить войска он отказался, справедливо подозревая, что для американцев эта война окажется не менее губительной, чем для французов. С другой стороны, самоустраниться он тоже не мог, поскольку опасался, что коммунисты прочно захватят власть во Вьетнаме, и это фатальным образом отразится на других странах региона. Выводы из его собственной «теории домино» заставляли президента наращивать поддержку антикоммунистических сил в данном регионе части планеты. Согласно принятым в 1954 году соглашениям, Вьетнам поделили на две части, и воссоединение страны должно было состояться после выборов 1956 года. Хотя Соединенные Штаты не подписывали указанных соглашений, они приняли самое деятельное участие в формировании правительства Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме. В дальнейшем американцы оказывали Зьему поддержку через СЕАТО – Организацию договора стран Юго-Восточной Азии. Упомянутый договор представлял собой военный пакт, объединяющий Великобританию, Австралию, Филиппины, Таиланд и другие государства региона. Специалисты из ЦРУ оказали неоценимую помощь Зьему, по сути, создав для него в Южном Вьетнаме и армию, и полицию.

Впрочем, Зьем нуждался в любой помощи, поскольку являлся весьма спорной фигурой на политическом небосклоне Вьетнама. По своим убеждениям он был скорее националистом, чем реформатором. К тому же происходил из старинной католической семьи, что сильно осложняло его положение в буддистском обществе. Но больше всего

нареканий вызывали его моральные качества: проявляя крайнюю суровость к личным врагам, Зьем закрывал глаза на коррупцию и взяточничество, получившие широкое распространение в государстве. Стоит ли удивляться, что американский протеже не пользовался авторитетом и поддержкой у собственного народа? Эйзенхауэр прекрасно понимал, что у Зьема нет никаких шансов выиграть выборы 1956 года – северо-вьетнамский лидер коммунист Хо Ши Мин опережал его по всем статьям. Такого американские власти допустить не могли, поэтому они попросту заблокировали обещанные демократические выборы. Это позволило продлить правление Нго Динь Зьема, но обошлось Соединенным Штатам в изрядную сумму. Итак, американские деньги по-прежнему текли рекой в Южный Вьетнам, а народное сопротивление непопулярному режиму возрастало.

Что касается Восточной Европы, здесь Эйзенхауэр воздерживался от прямого вмешательства. Соединенным Штатам по крайней мере дважды представлялась возможность применить на практике провозглашенную Даллесом политику «отката» коммунизма и «освобождения» европейских народов. Впервые это произошло в 1953 году, когда в Восточной Германии возникло стихийное восстание трудящихся против коммунистического правительства. И затем в 1956 году США могли поддержать венгерских «борцов за свободу», которые восстали против советской оккупации. Однако и в том и в другом случае Америка осталась в стороне, не пожелав использовать столь удобный случай. В значительной мере это объяснялось осторожной позицией самого Эйзенхауэра, который опасался, что американское вмешательство спровоцирует широкомасштабную военную акцию со стороны СССР.

Ту же выжидательную позицию американский президент занял в 1956 году, когда разразилась война на Ближнем Востоке. Египетский президент Гамаль Абдель Насер очень рассчитывал на финансовую помощь США в возведении Асуанской плотины. Получив отказ, он попытался решить проблему собственными силами: национализировал Суэцкий канал с тем, чтобы полученные доходы пустить на строительство плотины. Реакция западных держав не заставила себя ждать: в октябре Англия, Франция, а вместе с ними и Израиль напали на Египет. Эйзенхауэр, движимый все тем же страхом перед ответными мерами СССР (а отчасти и раздражением на бывших союзников, которые не потрудились сообщить американцам о своих намерениях), выступил с публичным осуждением агрессии. В 1957 году, когда чужеземные войска уже покинули египетскую территорию, президент обнародовал так называемую «доктрину Эйзенхауэра». Ее суть сводилась к следующему: Соединенные Штаты готовы предоставить военную помощь всем государствам ближневосточного региона, которые ведут борьбу против коммунистической экспансии.

Та избирательная и гибкая политика, которую проводила администрация Эйзенхауэра, имела и еще одну немаловажную причину. Дело в том, что в России в тот период происходили серьезные перемены. После смерти Сталина в 1953 году и непродолжительного периода борьбы за власть в Кремле воцарился новый хозяин – Никита Хрущев. С его приходом международный климат заметно смягчился, в холодной войне наступила «оттепель». Новый генеральный секретарь начал с того, что публично осудил жестокие преступления Сталина. Он приложил немало усилий, чтобы положить конец совместной оккупации Австрии. При Хрущеве в Советском Союзе впервые заговорили о возможности «мирного сосуществования» с Западом. В

полном соответствии с новыми веяниями в июле 1955 года в Женеве состоялась четырехсторонняя встреча на высшем уровне – присутствовали главы государств – бывших союзников во Второй мировой войне. На этой встрече Эйзенхауэр выдвинул для обсуждения план «Открытое небо», предполагавший взаимный мониторинг ядерного и прочего вооружения. Переговоры по контролю вооружения, которые продолжились и в 1958 году, принесли первые результаты: Хрущев объявил о приостановлении наземных испытаний ядерного оружия; между Россией и Америкой завязался культурный обмен. В какой-то момент появились надежды, что период ненависти и недоверия между двумя великими державами остался в прошлом.

Однако не все шло гладко. В 1957 году американцев ждал неприятный сюрприз: они узнали, что Советский Союз успешно осуществил запуск первого искусственного спутника. К горькому разочарованию по поводу утраты технологического лидерства в мире добавлялись опасения, что эти достижения усилят военную мощь Советов. Американцы чувствовали, что их «ракетное отставание» грозит увеличиться. Эта тревога лишь усугубилась событиями 1959 года, заставившими серьезно понервничать жителей побережья Мексиканского залива. Кубинская проблема давно уже превратилась в навязчивую идею для американской нации. И вот теперь эта мания получила новое развитие: партизанская война на острове завершилась полной победой коммунистов во главе с Фиделем Кастро. Диктаторский режим Фульхенсио Батисты пал. Некоторые американцы, очарованные героической личностью кубинского реформатора, с сочувствием отнеслись к свершившейся революции. Однако правительство не без оснований видело в Кастро ставленника Москвы и строило самые мрачные

прогнозы на будущее. Вашингтон поспешил объявить о прекращении любой экономической помощи Кубе, и этот шаг наверняка подтолкнул Фиделя Кастро в объятия Советского Союза. Куба всегда служила источником беспокойства для Соединенных Штатов: в середине XIX века там зародилось освободительное движение чернокожих рабов, позже вспыхнуло восстание против испанской тирании, которое обернулось американо-испанской войной. Кубинцы всегда готовы побузить – просто какое-то гнездо анархии, расположенное всего в 90 милях от берегов Флориды. Но то, что случилось теперь, представляло собой наихудший вариант развития: гнездо анархии превратилось в оплот марксизма-ленинизма.

Тем не менее Эйзенхауэр и Хрущев не теряли надежды разрешить противоречия. Уже существовала договоренность о новой встрече глав государств – она должна была состояться в Париже в середине мая 1960 года. Также планировался визит президента США в Советский Союз. Однако ситуация резко ухудшилась, когда 1 мая 1960 года советские ракетчики сбили над своей территорией американский самолет-шпион U-2. Сначала США пытались отрицать разведывательный характер полета, но затем вынуждены были признать, что подобные вылеты с целью рекогносцировки практикуются уже не первый год. Это вызвало законное негодование советского руководства. Хрущев отменил оба мероприятия – и предстоящую встречу, и президентский визит. Дипломатический конфуз дорого обошелся администрации Эйзенхауэра. На смену вспыхнувшим было надеждам пришло чувство глубокого разочарования и недоверия к правительству.

Подводя итоги республиканскому правлению, следует сказать, что президент сохранил и приумножил дипломатические достижения своих предшественников-демократов. В частности, пресловутое «сдерживание»

коммунизма являлось *двухпартийной* целью и на протяжении большей части послевоенной эпохи служило краеугольным камнем американской внешней политики. Соединенные Штаты достигли ряда всеобщих договоренностей, одобрили и утвердили принцип коллективной безопасности, но при этом всемерно расширяли свои вооруженные силы. Эйзенхауэр не только остался верен прежним целям в международной сфере, он сохранил основные принципы демократов и во внутренней политике. Государство всеобщего благосостояния, созданное после Великой депрессии, функционирует и ныне, в условиях современной, более энергичной и процветающей Америки.

Глава 13

От военного государства к всеобщему благосостоянию, 1945-1980 годы

Период 1945-1980 годов часто характеризуют как разгул потребления. Это было время беспорядочно растущих пригородов, больших машин, мерцающих экранов телевизоров, кардинально изменившихся нравов, бесконечных маршей протеста и зловещих ракетных установок. На первый взгляд могло показаться, будто от старой доброй Америки ничего не осталось. Словно американцы решительно порвали с прошлым и устремились к тому, что Джон Ф. Кеннеди называл «новым фронтиром».

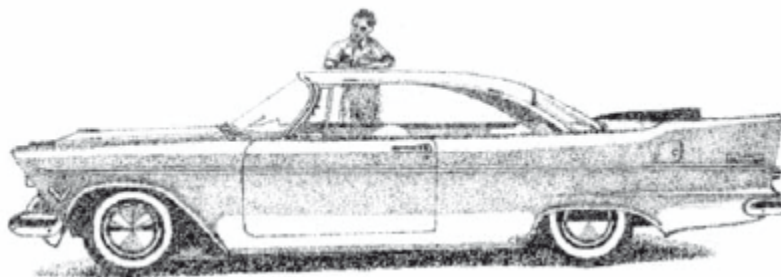
Однако от более внимательного наблюдателя не укрылось бы, что главной доминантой того времени оставались горькие воспоминания о недавней депрессии и минувшей войне. Травмы, нанесенные экономическим крахом и военными потерями, не спешили изглаживаться из памяти. Наверное, поэтому американские избиратели неизменно отдавали свое предпочтение такой политике, которая надежно защитила бы их от новой экономической катастрофы дома и еще одной мировой катастрофы за рубежом. Они приветствовали идею построения государства всеобщего благосостояния, а для этого требовалось непрерывное укрепление и расширение федеральной власти. Точно так же американцы поддерживали тезис о сохранении военной готовности, который предполагал постоянное наращивание вооруженной мощи государства.

Казалось бы, цели выбраны вполне ясные и оправданные. Но продвижение к ним порой имело неожиданные последствия. Экономическая система, основанная на стремлении к изобилию и непрерывному росту, сталкивалась с реальностью в виде ограниченности ресурсов.

Политическая система, преодолевшая экономический крах и тяготы военного времени, с трудом выдерживала волну протестов внутри страны. А военная система, в 1940-х годах одержавшая блистательную победу в двух регионах мира, теперь, в 1960-1970-х годах, не могла справиться с врагом в маленьком уголке Юго-Восточной Азии. Нация, лелеявшая безграничные надежды, вынуждена была считаться с непредвиденными и весьма болезненными фактами.

Послевоенный бум

В конце Второй мировой войны экономические перспективы Америки выглядели весьма печально. Президент Трумэн даже опасался, что окончание войны может спровоцировать новые экономические бедствия. Действительно, федеральные расходы к тому моменту значительно снизились, оборонная промышленность переживала относительный спад, а производство потребительских товаров еще не набрало прежних темпов. При этом миллионы американских военнослужащих готовились вернуться к гражданской жизни. Совокупность всех этих факторов грозила экономике США грандиозным крахом. Демобилизацию Трумэн провел в кратчайшие сроки, чтобы солдаты могли поскорее вернуться к своим семьям. В то же время он не спешил отменять государственное регулирование в экономике, осознавая, что только так федеральное правительство может противостоять скрытым опасностям на пути к прогрессу. Президент оставил в силе действующие контракты до истечения их сроков, ослабил государственный контроль над ценами и размерами заработной платы – и приготовился ждать результатов.

Пожиратель бензина

А результаты оказались замечательными. Как выяснилось, у американцев за годы войны образовались накопления в размере 140 млрд долларов, и они

стремились потратить их на дефицитные товары потребления. Народ готов был транжирить деньги, но, увы, в кратчайшие сроки нация столкнулась с новыми проблемами: нехватка желанных товаров, рост цен на предметы потребления и волна забастовок, организованных американскими профсоюзами. Действия президента в экономической сфере (порой не слишком удачные) вызвали законное раздражение избирателей, которое вылилось в расхожую фразу «Трумэну свойственно ошибаться». Это же недовольство подарило республиканцам победу на выборах в Конгресс в ноябре 1946 года.

Итак, солдаты возвращались с войны домой. Десятилетие близилось к концу, и положение дел начинало потихоньку выправляться. Теперь американцы могли себе позволить те радости, в которых раньше им было отказано. С 1946 года уровень рождаемости в стране неуклонно рос, сопровождая (и в значительной мере питая) экономическую экспансию. Многие ученые заговорили о демографическом взрыве. Судите сами: если в течение 1930-х прирост населения составил всего 7 %, в 1940-х он подпрыгнул до 15 %. В 1950-х данный показатель уже составил почти 20 %; в 1960-х несколько снизился, но все равно оставался на уровне 13 %. Причем большая часть прироста обеспечивалась за счет высокой рождаемости. Пик пришелся на 1957 год, когда на свет появилось свыше 4 млн младенцев – по одному каждые 7 секунд. В отличие от Европы, где кратковременное повышение рождаемости наблюдалось лишь в первые послевоенные годы, Америка стала свидетелем беспрецедентного явления, когда на протяжении двух десятилетий нация переживала непрерывный «бэби-бум».

Когда американцы обзавелись лишними денежками и большими семьями, они поменяли свои представления – не только о том, как надо жить, но и где

обустроиваться. В 1940-1970 годы происходил отток населения из городов: там осталась жить лишь треть американцев. Процент сельского населения тоже упал примерно до 30 с небольшим процентов. Зато резко возросло число тех, кто предпочитал селиться на окраинах больших городов: если раньше они составляли лишь 20 % населения Америки, то теперь эта цифра увеличилась до 33 %. Таким образом, «бум» наблюдался еще в одной области жизни – в развитии пригородов.

В послевоенные десятилетия изменилась также география расселения американцев: на западе, юго-западе и юге страны разросся так называемый «солнечный пояс». В то время как население Нью-Йорка стабилизировалось, а таких городов, как Чикаго, Филадельфия и Бостон, даже уменьшилось, число жителей Лос-Анджелеса, Далласа, Финикса, Атланты и Майами неуклонно увеличивалось. В 1950 году Лос-Анджелес стал четвертым по величине американским городом, в 1970 году переместился на третье место, а в 1990 году занял почетное второе место. В начале 1960-х штат Нью-Йорк перестал быть самым густонаселенным штатом Америки и уступил это звание Калифорнии.

Послевоенный период характеризовался впечатляющим экономическим ростом. В 1945–1950 годах общий объем товаров и услуг, произведенных в США, возрос почти на 25 %. Американский ВВП рывком подскочил на 80 % в 1950-х годах, затем на 83 % в 1960-х и почти на 150 % в 1970-х годах. С 1945 по 1980 год ВВП увеличился более чем в 11 раз. Миновали те времена, когда прибыли целиком съедались возросшими ценами. За 1945–1960 годы реальная (с учетом инфляции) стоимость произведенной продукции возросла на 55 %. Даже в «инфляционные» 1960-е и 1970-е годы ВВП США увеличивался более чем вдвое.

В 1945–1960 годы реальный доход на душу населения также вырос на 25 %. В следующие два

десятилетия этот прирост равнялся 70 %. Теперь три пятых всех американцев можно было смело отнести к «среднему классу». К 1960 году количество домовладельцев уже составляло 60 % всего населения (для сравнения, до войны таких людей было лишь 40 %). Продажа автомобилей в 1945–1955 годы возросла в 4 раза, также увеличилось количество покупаемых холодильников, стиральных и посудомоечных машин, электропечей и особенно телевизоров. Американцы превратились в самую богатую в мире нацию, которая могла похвастать рекордно высоким уровнем жизни. Минула четверть столетия после Второй мировой войны, и Соединенные Штаты превратились в гигантскую машину по производству и потреблению товаров. Страна, в которой проживало лишь 6 % населения планеты, выпускала и использовала 66 % всех производящихся в мире товаров. Недаром историк Дэвид М. Поттер в своей книге, выпущенной в 1954 году, охарактеризовал американцев как «народ изобилия».

Причины экономического бума

Основным двигателем экономического подъема служила именно возросшая покупательная способность населения.

Почти две трети ВВП обеспечивалось за счет потребительских покупок. Все больше американцев имели «дискреционные»^[20] доходы, которые можно было пустить на приобретение нужных вещей. К тому же в начале 1950-х годов американцы обнаружили новый удобный способ расплачиваться за товары и услуги без использования наличных денег – именно в этот период появились первые кредитные карточки «Дайнерз клуб». В традиционных объяснениях экономического бума (как и в мифах о покорении Запада) упор обычно делается на частное предпринимательство, личный выбор отдельных американцев, их решимость и удачу. Однако на деле скрытые пружины, которые привели в действие механизм оживления рынка, связаны скорее с *общественными*, а не частными решениями.

Если воспользоваться экономической терминологией, подъем, который наблюдался в послевоенной Америке, можно считать в некотором роде ВВП федеральной политики. Прежде всего, правительство было самым крупным потребителем. В начале 1950-х годов федеральные расходы покрывали почти 20 % общей стоимости товаров и услуг, производившихся в Соединенных Штатах – против 1 % в конце 1920-х. Правительство также являлось крупнейшим работодателем: в 1970 году на него работал каждый пятый американец, не занятый в сельском хозяйстве. Федеральное правительство стабилизировало экономическую ситуацию благодаря

своим программам социального обеспечения: оно выделяло скромные, но гарантированные средства нуждающимся. А ведь таковых в Америке было немало – тех самых потребителей, которые без государственных денежных «вливаний» вообще ничего не смогли бы потреблять. И наконец, федеральные власти постоянно отслеживали состояние рынка: собирали статистику, регулировали денежные активы, контролировали ключевые сферы – такие как банковское дело и рынок ценных бумаг.

Влияние правительства (в значительной мере сформировавшее лицо послевоенной Америки) сказывалось и в таких сферах, где, казалось бы, распоряжались совсем *другие* – речь об обороне страны. Сначала федеральные власти сократили армию и провели ее реорганизацию, а затем – в соответствии с новым курсом внешней политики – снова увеличили численность ВС. И каждая из этих манипуляций неизбежно изменяла условия жизни внутри государства.

Результаты демобилизации

Объявленная президентом демобилизация создавала ряд серьезных проблем. Правительству предстояло в кратчайшие сроки решить, что делать с 12 млн военнослужащих («джи-ай»), которые практически одновременно пополнят американский рынок труда. В памяти еще были живы воспоминания о «бонусном марше» времен депрессии, который нанес серьезный удар по авторитету властей. Во избежание возможных неприятностей Конгресс принял в 1944 году специальный закон – «Билль о джи-ай», где были прописаны меры по оказанию помощи и поддержки участникам Второй мировой войны. Для тех ветеранов, которые желали трудоустроиться, предусматривался ряд льгот при приеме на государственную гражданскую службу. Закон также предусматривал возможность получения бесплатного высшего образования для тех, кто намеревался продолжить свое обучение. Чтобы обеспечить бывших «джи-ай» доступным жильем, конгрессмены учредили дешевую ипотеку.

Ценность данного закона состояла в том, что, проявляя заботу о демобилизованных из армии, он одновременно решал более крупные проблемы послевоенной экономики, в частности, гарантировал миллионам американцев государственное трудоустройство. Создавая отток части военнослужащих в образовательную сферу, Конгресс тем самым хотя бы частично снимал напряженность на рынке труда. К тому же это стимулировало создание новых колледжей и университетов, что в конечном счете обеспечило Америке роль признанного академического лидера в послевоенном мире. Выпускники университетов, как правило, пополняли

армию «белых воротничков», которые имели возможность больше зарабатывать и, соответственно, делать более высокие отчисления в государственную казну. Принятая программа дешевой ипотеки также способствовала подъему в строительстве.

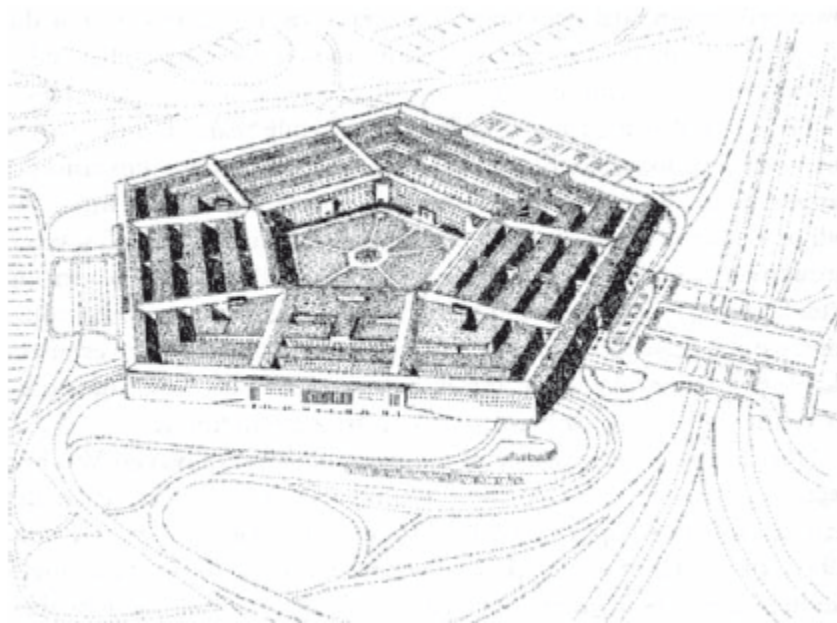
Однако не все американцы имели возможность приобщиться к этому потоку правительственных привилегий. Скажем, женщинам недвусмысленно дали понять, что им пора оставить работу на производстве. Общество ждало, что женщины снова вернутся к домашнему хозяйству и «очистят» рабочие места для вернувшихся с фронта ветеранов. Но не тут-то было: статистика свидетельствует, что на начало 1947 года работающих женщин насчитывалось не меньше, чем в военное время. Правда, теперь они были вынуждены довольствоваться менее престижными местами и куда меньшей зарплатой, чем в годы войны. У афроамериканцев тоже накопилось достаточно поводов для недовольства. Хотя формально на них распространялись все правительственные льготы, предусмотренные законом, на деле чернокожие ветераны сплошь и рядом сталкивались с расовой дискриминацией. Факт их участия во Второй мировой войне не отменял принципа сегрегации, который по-прежнему действовал во всех жизненно важных областях – в образовании, трудоустройстве и жилищном обеспечении. И все же «Билль о джи-ай» – при всей своей ограниченности – сыграл прогрессивную роль в развитии послевоенной Америки. Благодаря этому закону миллионы американцев сумели получить более качественное образование, более высокооплачиваемую работу, а следовательно, могли более эффективно играть роль «потребителя» и способствовать дальнейшему подъему экономики.

Несмотря на приток свежей рабочей силы, у федерального правительства оставались проблемы в

освоении производственных мощностей, созданных в военный период. Выход был найден чисто американский – нечто сродни дешевой распродаже по случаю закрытия предприятия. Власти пустили «арсенал демократии», как тогда называли промышленность, с молотка. Частные корпорации выкупили по себестоимости (или даже ниже) большую часть фабрик и заводов, построенных в годы войны на государственные средства. Таким образом американский бизнес получил в пользование современные, эффективные (и к тому же дешевые) предприятия с полным набором оборудования. Правительство трактовало эту акцию как еще одну форму поддержки «свободного» частного предпринимательства.

Последствия военной реорганизации

После успешного сокращения вооруженных сил правительство приступило к их реорганизации. Согласно принятому в 1947 году закону о национальной безопасности все воинские соединения были объединены в департамент национальных вооруженных сил (позднее – министерство обороны). Управлялись ВС централизованно из Пентагона, где было построено крупнейшее в мире офисное здание. Тогда же был создан Совет национальной безопасности при президенте и Центральное разведывательное управление для сбора информации о деятельности иностранных государств.

Пентагон

В то время как демобилизация стала причиной многочисленных изменений в экономике, процесс реорганизации армии имел важные *политические* последствия. Среди наиболее существенных следует

назвать расширение президентской власти. Совет национальной безопасности, который подчинялся непосредственно президенту, располагался в Белом доме и был укомплектован как военными специалистами, так и дипломатами. Это позволяло более эффективно осуществлять взаимодействие обоих ведомств в вопросах национальной безопасности. Президент получал возможность оперативно – минуя промежуточные инстанции – реагировать на международные события. К тому же отпадала необходимость согласовывать свои действия с несговорчивыми конгрессменами. Создание такой структуры, как ЦРУ, еще более усилило позиции исполнительной власти: вся информация из управления поступала в Совет безопасности, а оттуда – напрямую президенту. Закон 1947 года достаточно широко обрисовал функции ЦРУ; более поздние акты и вовсе освободили управление от общественного надзора. В результате деятельность ЦРУ, значительно расширившаяся в 1950-х и 1960-х годах, далеко выходила за рамки простого сбора информации. Сотрудники разведки тайно проводили военные акции за рубежом и шпионили за соотечественниками у себя дома – под прямым руководством президента.

А что же общественность, спросите вы. На протяжении десятилетий она защищала лидерство президента, объясняя его необходимостью консолидировать очень разнородную и склонную к раздробленности нацию. Нам известны периоды американской истории, когда происходило усиление исполнительной власти благодаря политическим намерениям и амбициям сильного президента. В другие моменты такое усиление диктовалось чрезвычайными обстоятельствами. Но лишь закон о национальной безопасности, по сути, узаконил сильное президентство в современной Америке.

Последствия политики сдерживания

После окончания Второй мировой войны руководство США сократило численность вооруженных сил. Но по мере эскалации холодной войны размеры и мощь армии снова возросли. С 1951 года федеральное правительство начало широкую кампанию по укреплению вооруженных сил Соединенных Штатов. На протяжении десяти лет расходы на оборону страны поглощали шесть долларов из каждых десяти, заложенных в национальный бюджет. Американские ВС численностью 1,5 млн человек были размещены более чем в 100 странах мира. Военные расходы поглощали 10 % общей стоимости продукции, произведенной в США в первые годы экономического бума. Понятно, что любая структура, пожиравшая львиную долю бюджета главного потребителя Америки (каковым являлось федеральное правительство), неминуемо должна была оказывать сильнейшее влияние на экономическую и социальную жизнь страны.

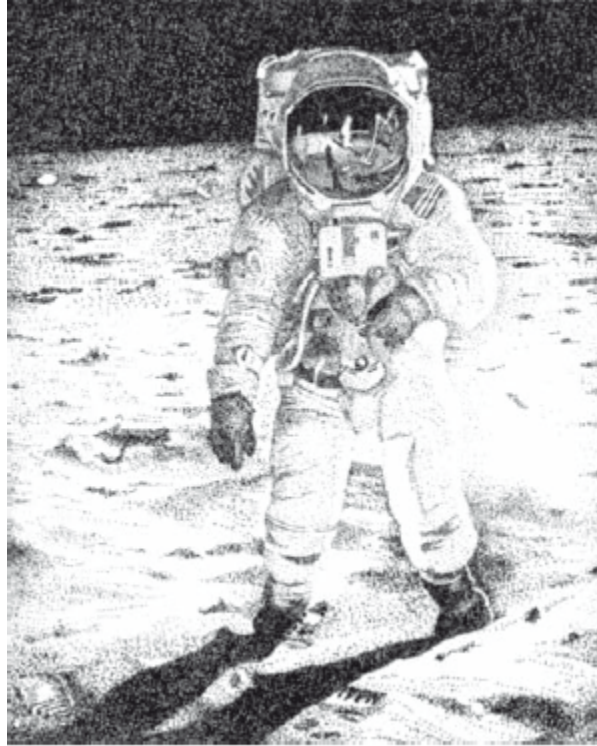
Военные расходы, которые в 1948 году равнялись 9 млрд долларов, к 1953 году подскочили до 53 млрд. При Эйзенхауэре, с 1954 по 1960 год, затраты на национальную оборону составляли свыше 46 млрд долларов в год. В 1960-е годы при президентах Кеннеди и Джонсоне эти суммы колебались в пределах 50–80 млрд в год. В годы правления республиканцев Никсона и Форда военные расходы выросли до 76100 млрд в год, а демократ Джимми Картер поднял эту цифру до 100–150 млрд долларов. В отдельные годы число служащих министерства обороны достигало 4,5 млн человек – это почти столько же, сколько совокупно работает в 30 крупнейших корпорациях США.

Что приобретает армия, каким образом она делает свои покупки и где, собственно, оставляет выделенные ей деньги – все это неминуемо сказывалось на экономике страны. Достаточно сказать, что в традиционно крепких, устоявшихся отраслях промышленности (таких как самолетостроение) от 60 до 90 % всех контрактов обеспечивало министерство обороны. Оно же курировало перспективные, развивающиеся отрасли, тратя большие деньги на технические новинки и обеспечивая армию передовым вооружением и военными технологиями. Можно констатировать, что в 1950–1966 годы наибольший рост наблюдался в тех отраслях промышленности, которые специализировались на военных поставках. Именно правительственные вложения, а не деньги рядовых потребителей стимулировали бурное развитие послевоенной экономики Соединенных Штатов.

Больше всех, пожалуй, выиграла электроника. Заинтересованное в эффективном решении таких задач, как отслеживание траекторий ракет и расшифровка перехваченных вражеских сообщений, министерство обороны приняло участие в создании первых компьютеров, к каковым относится разработанный в 1946 году ENIAC (электронный цифровой интегратор и калькулятор). Исследования в области транзисторов, электронных микросхем и микрочипов – все осуществлялось на деньги военных. Компьютерное «железо» и программное обеспечение – лидирующие товары на современном рынке – также обязаны своим появлением не молодым бунтарям-капиталистам, а строгим моралистам от военного ведомства. Даже Интернет является в известном смысле продуктом холодной войны, ведь его прообраз был разработан Управлением перспективных исследований для обеспечения военных коммуникаций во время вражеского нападения. В 1968 году управление

продемонстрировало свое изобретение – ARPANET (сеть Управления перспективных исследовательских программ). Год спустя эта сеть связала 4 университета в Калифорнии и Юте, а к 1992 году появилась на свет «Всемирная паутина». Прошло совсем немного времени, и технологическая новинка, разработанная для пентагоновских генералов, стала служить тинейджерам, желающим заказать пиццу на дом.

Министерство обороны работает на опережение неприятеля и с этой целью тратит немалые средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Объединенные усилия Комиссии по атомной энергии (1946) и Национального научного фонда США (1950) позволяют двигать вперед научный прогресс и одновременно укреплять оборону страны. Мы уже писали, каким шоком для американцев стало известие о запуске первого советского спутника в 1957 году. Соединенные Штаты отреагировали незамедлительно: в 1958 году было создано НАСА – Национальное агентство по авиационной и исследованию космического пространства, и дело закипело. За каких-нибудь десять лет объем затрат на исследование космоса вырос в 80 раз; почти 2 млн человек зарабатывали себе на жизнь, участвуя в проектах НАСА. Следует отметить, что в тот период исследования в основном субсидировались федеральными организациями, и большая часть этих средств расходовалась на оборонные и космические проекты. Таким образом, лидирующие позиции США в научно-исследовательской области обуславливались не амбициями частных инвесторов, а интересами национальной безопасности.

Высадка на Луну

Та же самая послевоенная политика лежала в основе одного из самых крупных демографических сдвигов в жизни Америки. Люди переселялись в «солнечный пояс» не только (и не столько) ради великолепного загара, а ради тех денег, которые кидали сюда военные. Именно здесь проводились основные исследования, а это предполагало наличие хорошо оплачиваемой работы для представителей среднего класса. Такие штаты, как Калифорния, Вашингтон и Техас – а с ними и Лос-Анджелес, Сиэтл и Сан-Диего, – в значительной мере обязаны своим послевоенным подъемом правительственным затратам на оборону.

Политика сдерживания породила и некоторые другие тенденции в американской экономике. Денежные средства, которые Соединенные Штаты, в соответствии с «планом Маршалла», направляли в Европу, шли на борьбу с экспансией коммунизма, но одновременно завоевывали новые рынки для

американских товаров. Как правило, министерство обороны передавало большинство военных заказов крупнейшим компаниям США, тем самым способствуя консолидации бизнеса. Создавались новые корпорации и суперкорпорации, которые норовили вводить в советы директоров бывших армейских лидеров – таких как Омар Брэдли и Дуглас Макартур. Тем самым создавались личные связи между Пентагоном и правлением корпораций, значительно укреплявшие положение последних.

Эта связь между государственной обороной и крупным бизнесом привела к возникновению еще одной тенденции, отмеченной президентом Эйзенхауэром: вопреки всем традициям в Америке в мирное время существовали большая боеспособная армия и могучая индустрия вооружений. Сочетание этих двух факторов, во-первых, являлось совершенно нехарактерным для американской истории, а во-вторых, было чревато немаловажными последствиями. Эйзенхауэр предупреждал об этом в своей прощальной речи в 1961 году. «Тот факт, что военно-промышленный комплекс – вольно или невольно – приобрел неоправданное влияние», создавал серьезную угрозу свободе. По словам Эйзенхауэра, «потенциал для опасного роста этой неприемлемой силы существует и будет сохраняться в дальнейшем». Интересы обороны, которые на протяжении лет стимулировали экономическое процветание, могут также угрожать «нашим свободам и демократическим процессам в стране».

«Красная истерия»

У нации уже был случай убедиться в том, что «военное» государство может нести в себе политическую опасность. В 1945-1954 годах Соединенные Штаты вторично оказались во власти так называемой «красной истерии» – еще более сильной и всеохватывающей, чем в предыдущий раз, в годы после Первой мировой войны. Теперь американцев волновала не столько победа коммунизма в зарубежных странах, сколько их собственная безопасность. Страну охватила повальная шпиономания. Многие граждане принимали на веру тезис о глубокой инфильтрации советской разведки в американскую жизнь. Якобы агенты Советов проникли повсюду, изнутри подрывая основы безопасности Соединенных Штатов.

Такую тотальную истерию легко осудить, но трудно объяснить. Ведь она не являлась плодом больной фантазии нескольких, пусть и очень влиятельных, личностей. Нет, панические настроения охватили самый широкий круг американских лидеров – политических, религиозных, профсоюзных; и они воплощали свои страхи в жизнь. Это был тот редкий случай, когда либералы и умеренные консолидировались с консерваторами. Речи главных «обвинителей» нередко грешили искажениями фактов, преувеличениями и откровенным враньем. Но жизнь представляла рядовым американцам достаточно доказательств, чтобы они поверили в реальность опасности.

В 1930-е годы едва ли кому-нибудь пришло бы в голову рассматривать коммунистическую партию США как источник угрозы: эта организация не могла похвастать ни многочисленностью, ни влиянием в обществе. Однако коммунисты неизменно участвовали в

антифашистских кампаниях, солидаризируясь с другими левыми силами. К середине 1940-х коммунисты – а к ним относили и настоящих, и бывших членов партии, и даже тех, кто просто имел «связи» в этой среде, – занимали определенный процент должностей в профсоюзах и правительстве. Еще до окончания Второй мировой войны начали появляться сообщения о незаконной деятельности и фактах шпионажа в пользу Советского Союза. В 1945 году стало известно о секретных документах, каким-то образом попавших в один из левых журналов. В 1946 году канадские власти раскрыли советскую агентурную сеть на своей территории. В 1948 году в Конгрессе обсуждалось дело одного из бывших сотрудников Госдепартамента, который обвинялся в передаче Советам секретной информации. В том же самом году к советской разведке попали засекреченные данные о деятельности ФБР. В 1950 году англичане арестовали некоего Джулиуса Розенберга и его жену Этель – им было предъявлено обвинение в шпионаже. Супругов признали виновными и в 1953 году казнили. Сообщения о проводившихся в СССР ядерных испытаниях, факт коммунистической революции в Китае и военные победы Северной Кореи – все это усугубляло тревогу, посеянную шпионскими историями. Все больше людей верили в существование антиамериканских заговоров, которые устраивают враги Соединенных Штатов.

Еще перед войной Конгресс, озабоченный возможностью государственного переворота в стране, создал комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности (КРААД). Тогда же, в 1940 году, был принят закон Смита (его официальное название – «Акт о регистрации иностранцев»), объявлявший незаконной и преступной любую «пропаганду насильственного свержения правительства США». В послевоенные годы

наступление на демократию усилилось. В 1947 году президент Трумэн положил начало широкой кампании по проверке лояльности федеральных служащих. Результатом стали свыше 2 тыс. заявлений об уходе с занимаемой должности и 212 увольнений по инициативе администрации. Эту волну гонений на инакомыслящих поддержали и правительства штатов. В 1947 году КРААД затеял скандальное расследование в киноиндустрии на предмет коммунистического влияния на деятелей шоу-бизнеса. Десятки знаменитых актеров и режиссеров подвергались унижительным допросам с пристрастием. Тех, кто отказывался сотрудничать с членами комиссии и доносить на своих товарищей, ждали репрессии. Пострадали участники знаменитой «Голливудской десятки», которых обвинили в нелояльности и приговорили к тюремному заключению. В 1948 году новая сенсация: члены КРААД во главе с молодым конгрессменом Ричардом М. Никсоном начали судебное преследование Олджера Хисса, высокопоставленного чиновника госдепартамента, бывшего сотрудника Рузвельта. Ему предъявили обвинение в передаче СССР секретных документов, которая якобы имела место в 1930-х годах. Демократы попробовали встать на его защиту, но только осложнили свое политическое положение, поскольку два года спустя Хисс был признан виновным в лжесвидетельстве. Тем временем министерство юстиции взялось за коммунистов: начиная с 1948 года оно неоднократно обвиняло членов этой партии в нарушении закона Смита. В 1950-х годах президент Трумэн затеял генеральную чистку на федеральном уровне, разрешив увольнять служащих, которые лишь предположительно (в силу своего положения или личных контактов) могли угрожать безопасности страны. После вступления Эйзенхауэра в президентскую должность (1953) ничего не изменилось;

напротив, количество увольнений увеличилось. Таким образом, в 1950–1954 годах оба Конгресса (и демократический, и республиканский) продолжали гонения на отдельных членов коммунистической партии и организацию в целом.

В обстановке всеобщих волнений и подозрений, когда каждый опасался за свою судьбу, процветала политическая демагогия. В начале 1950-х годов, вскоре после обвинения Хисса и ареста Клауса Фукса, некий малоизвестный сенатор-республиканец от штата Висконсин по имени Джозеф Р. Маккарти объявил группе из Западной Виргинии, что у него имеется список из 205 фамилий. Якобы он знает наверняка, что эти служащие Госдепартамента являются членами коммунистической партии. Позже, правда, количество фигурантов уменьшилось до 81 человека, а затем и до 57. Собственно, это и не важно – Маккарти мог называть любую цифру, поскольку на руках у него не было никакой доказательной базы (ни свидетельских показаний, ни документов) – одни лишь сенсационные обвинения, необузданные претензии и честолюбивые замыслы, которые помогли ему вознестись к власти и славе. Возглавив сенатскую комиссию по вопросам деятельности правительственных учреждений, Маккарти возбудил дела против многих служащих федеральных организаций. В основе его обвинений лежал простой постулат: коммунизм тайно проник во все правительственные структуры. Методы, которыми пользовался Маккарти, были нехитрыми (под стать исходному посылу) и сводились к следующему: огульно оклеветать, не позаботившись предоставить доказательства; бросить тень на репутацию, ничего не говоря по существу; в крайнем случае, если понадобится, сфабриковать факты. В результате все обвинения сенатора оказались такими же пустыми и дутыми, как и его брюшко. Тем не менее большинство

коллег-политиков предпочитали в такой ситуации помалкивать, очевидно остерегаясь попасть в «черный список». Даже сам Эйзенхауэр избегал конфронтации с Маккарти – как он говорил, не желая опускаться до его уровня. При этом президент признавал, что в принципе полезно иметь на привязи такого кусачего питбуля, которого в любой момент можно науськать на политических оппонентов.

А сам Маккарти, воодушевленный шумихой вокруг его имени, рискнул замахнуться на дичь покрупнее: он объявил, что «красная зараза» просочилась и в армию, которая стала прибежищем разнокалиберных агентов коммунизма и иже с ними. В 1954 году прошли «Армейские слушания Маккарти», широко освещавшиеся в прессе и на телевидении. Вся страна с интересом наблюдала за ходом процесса, который сенатор вел в своей обычной манере – агрессивно и безапелляционно. В результате дело развалилось, как карточный домик: Маккарти не удалось обнаружить следов «предательской деятельности» армейских чинов. Слушания доказали разве что политический оппортунизм самого обвинителя. В декабре 1954 года сенат вынес решение, порицавшее Маккарти. Это стало концом его политической карьеры. В 1957 году опальный сенатор скончался.

В 1995 году американцы и русские рассекретили ряд документов, подтвердивших наличие небольшой, но активной шпионской сети СССР, которая функционировала в 1930-1940-х годах на территории Соединенных Штатов. Супруги Розенберг и Хисс действительно являлись ее членами. Степень их причастности, ценность передаваемой информации, мотивы, толкнувшие этих американских граждан на сотрудничество с иностранной разведкой, равно как и последствия их деятельности суть вопросы, требующие прояснения. Несомненно другое: в первое послевоенное

десятилетие Америка оказалась во власти навязчивой идеи «красной угрозы», нависшей над страной. Развернувшаяся кампания по раскрытию антиамериканских заговоров и выявлению «внутренних врагов» способствовала чрезвычайному усилению федеральной власти. Проводимые правительством расследования в тот период определяли мысли и поступки людей. Правительство сознательно шло на ослабление конституционных гарантий, чтобы обеспечить защиту государства от возможных диверсий. В подобных условиях любое проявление инакомыслия становилось наказуемым преступлением. В 1951 году Верховный суд принял решение, которое озвучил в своей речи судья Уильям О. Дуглас: «Марксизму-ленинизму не удалось завоевать Соединенные Штаты именно потому, что он стал предметом открытого рассмотрения и обсуждения. Наша свобода слова подорвала его основы как эффективного политического учения». Далее Дуглас отмечал, что, как ни странно, самые рьяные обличители «красной угрозы» сделали больше всего, чтобы обесценить самый эффективный инструмент антикоммунизма.

Проведение в жизнь военной доктрины: годы Кеннеди

Признанные обеими партиями идеи сдерживания коммунизма и укрепления вооруженных сил получили дальнейшее развитие в годы правления президента Кеннеди (правда, с небольшой корректировкой). Еще в бытность конгрессменом Кеннеди с тревогой следил за неуклюжей и малоэффективной внешней политикой Эйзенхауэра. Были ситуации, когда перед лицом внешней угрозы у Америки, казалось, не оставалось иного выхода, кроме массированного ядерного удара. Дабы избежать подобной катастрофы, «Айк» делал все, чтобы не допустить самой конфликтной ситуации. Кеннеди не был согласен с таким подходом и намеревался расширить выбор внешнеполитических средств. По словам Роберта Д. Шелзингера, вместо того чтобы бежать от конфликта, он предпочитал наилучшим образом его разрешать.

С этой целью он планировал использовать разнообразные методы. Большие надежды Кеннеди возлагал на экономический подход. Недаром он утверждал, что в борьбе с коммунизмом масло может оказаться лучшим оружием, чем пушки. Проводниками американской экономической политики на международной арене стали такие организации, как «Корпус мира» и «Союз ради прогресса». В качестве второго рычага президентом была предложена политика «гибкого реагирования», которая предполагала защиту безопасности США посредством «ограниченных» ядерных ударов и обычных сражений различной степени интенсивности. Третий подход заключался в том, чтобы снизить накал холодной войны путем вовлечения Советского Союза в «космическое

соревнование». В рамках этого соревнования – как демонстрация американского научного превосходства – был разработан и осуществлен полет на Луну. Американцы стали первыми людьми, которые 20 июля 1969 года ступили на эту планету.

Несмотря на все свое желание порвать с предшествующей администрацией, Кеннеди не мог полностью освободиться от проблем, связанных с внешней политикой Эйзенхауэра. Он одобрил план по отстранению от власти Фиделя Кастро, который был задуман еще при «Айке». Кеннеди рассчитывал осуществить вооруженное вторжение на остров силами кубинских эмигрантов, натренированных специалистами из ЦРУ. Однако предпринятая в апреле 1961 года операция в Заливе Свиней с высадкой морского десанта окончилась неудачей и обернулась дипломатическим афронтом для президента. После этого ЦРУ еще не раз предпринимало попытки убрать кубинского лидера – при помощи специальных химикатов, фальшивых пилуль и даже наемных убийц. В конце концов Кастро потерял терпение и решил проучить бесцеремонных янки, которые суют свой нос в чужие дела. Он обратился к Хрущеву с просьбой расширить военную помощь Кубе. Советы с готовностью согласились развернуть на острове баллистические ракеты с ядерными боеголовками. В середине 1962 года Соединенные Штаты узнали, что у них под боком идет подозрительная возня, а к осени уже имели неопровержимые доказательства военного присутствия русских. США и сами держали ракеты в Турции, под боком у Советского Союза, но, несмотря на это, Кеннеди официально потребовал убрать ядерное оружие с Кубы. Он даже подумывал о нанесении превентивного удара, но затем решил остановиться на морской и воздушной блокаде непокорного соседа. О своем решении он объявил в телевизионном заявлении 22 октября 1962

года. Вслед за этим потянулись ужасные дни ожидания: Хрущев не спешил с ответом, а в воздухе явственно пахло Третьей мировой войной. Наконец 26 октября советский лидер согласился вывести ракетные установки с Кубы при условии, что Соединенные Штаты воздержатся от вторжения на остров. На следующий день он дополнил свой ответ требованием удалить американское оружие с турецкой территории. С первым условием Кеннеди согласился, второе предпочел проигнорировать. Тем не менее стороны пришли к согласию, и обстановка несколько разрядилась. В середине 1963 года обе державы договорились запретить испытания ядерного оружия в атмосфере.

Тема экономической блокады возникала уже не в первый раз. Прежде американцам пришлось столкнуться с подобной мерой, использованной *русскими* в Берлине, давнишней проблемной точке планеты. Тогда советское руководство настаивало на международном признании двух Германий – Западной и Восточной. В практическом плане Советы стремились покончить с нелегальной эмиграцией восточных берлинцев в Западный сектор. Кеннеди отреагировал наращиванием оборонной мощи Соединенных Штатов. В ответ коммунисты возвели стену, перегородившую Берлин. В августе 1961 года город оказался поделен на две части, соответственно, получившие название Западного и Восточного Берлина. Это уродливое сооружение стало для всего человечества символом холодной войны; однако в начале 1960-х годов до открытого столкновения не дошло. Президент Кеннеди лично посетил место событий – с тем чтобы выразить берлинцам свою солидарность. Он произнес речь на митинге, но ни пламенная риторика американского президента, ни энтузиазм его слушателей не смогли пробить брешь в стене.

Третью хроническую проблему составлял, конечно же, Вьетнам. Подобно своему предшественнику, Кеннеди рассматривал ситуацию в Южном Вьетнаме как испытание американской воли. Он продолжал верить, что азиатские нации никогда «не впадут» в ересь коммунизма, и всемерно поддерживал непопулярный режим Нго Динь Зьема. Однако повстанческое движение в Южном Вьетнаме продолжало шириться. В 1959 году правительство Хо Ши Мина приняло решение об оказании помощи южным мятежникам. На следующий год Национальный фронт освобождения (Южного Вьетнама), ободренный поддержкой Ханоя, развернул массированные военные действия. Кеннеди решил дать бой вьетнамским коммунистам на их земле, используя их же собственную тактику. В 1961 году он послал в Южный Вьетнам 500 военных «советников» из числа вновь сформированного «подразделения для подавления восстания» (проще говоря, «зеленых беретов»). В течение следующих двух лет численность американских войск в этом регионе возросла до 16 тыс. человек. Изменился и характер деятельности «советников»: от тренировки южновьетнамских войск они перешли к сбору разведывательной информации, а затем и к прямому участию в войне. Это вызвало возмущение у коммунистов (да и некоммунистов) Южного Вьетнама. Движение протеста ширилось по мере того, как росло недовольство режимом Нго Динь Зьема. Дошло до того, что командование вьетнамской армии решилось при молчаливом согласии американцев на свержение Зьема. Первого ноября 1963 года диктатор был арестован собственными офицерами и незамедлительно предан казни. До сих пор идут споры о степени осведомленности Соединенных Штатов по поводу этого злодеяния. Действительно ли американские лидеры знали заранее о зловещей развязке государственного

переворота? Однако следует заметить, что на тот момент у них просто не оставалось времени на размышление, поскольку на Америку свалилась собственная беда. Всего через три недели после кровавых событий в Южном Вьетнаме прогремели выстрелы в Далласе, штат Техас, и президент Джон Ф. Кеннеди пал от рук убийцы.

Продолжение Вьетнамской войны, 1964-1968 годы

Пришедший ему на смену Линдон Джонсон продолжал политику предыдущей администрации, в основе которой лежала приверженность глобализму, милитаризму и принципу сдерживания. Применение ядерного оружия было невозможно по причине угрозы ответного удара; скандальная высадка американских морпехов в Доминиканской республике в 1965 году обернулась недовольством Латинской Америки; поэтому Джонсон полностью сосредоточился на событиях в Юго-Восточной Азии. А ситуация там складывалась не лучшим образом. Партизанская война, которую вел Вьетконг в Южном Вьетнаме, набирала обороты, в борьбу включились вооруженные силы Северного Вьетнама. Все это заставило президента Джонсона полностью пересмотреть стратегию Соединенных Штатов. Во-первых, он планировал усилить военный нажим на Ханой (чтобы тому стало не до поддержки вьетконговцев); во-вторых, собирался расширить участие американской армии в боевых действиях на Юге (правда, не до такой степени, как Китай, – ведь Джонсон по-прежнему опасался прямой интервенции Советского Союза). Наконец, в-третьих, отныне менялась тактика ведения боевых действий: военное руководство намеревалось вести войну на истощение, рассчитывая таким образом измотать южновьетнамских мятежников и их северных помощников. Одновременно Джонсон объявил о своем намерении «вьетнамизировать» затянувшуюся войну во Вьетнаме.

Для решения первой задачи американцы усилили ВМФ Южного Вьетнама своими эсминцами. В августе 1964 года два американских судна доложили, что были

обстреляны северо-вьетнамскими кораблями. Воспользовавшись случаем, Джонсон выдвинул обвинения в «открытой агрессии» и поставил в Конгрессе вопрос о нанесении авиаударов по Северному Вьетнаму. Конгресс одобрил проведение широкомасштабных военных действий в заливе Тонкин. Это решение получило название Тонкинской резолюции. В ней говорилось, что президента уполномачивают «принять все необходимые меры для пресечения дальнейших нападений на вооруженные силы США и любых проявлений агрессии». Джонсон использовал решение Конгресса вместо официального объявления войны для расширения военных действий против Северного Вьетнама. Для достижения второй цели американский президент с 1965 года активно использовал наземные войска и тяжелые бомбардировщики. К 1968 году во Вьетнамской войне уже участвовали полмиллиона американских солдат. Их наступательные операции подкреплялись систематическими массированными бомбардировками Северного Вьетнама. Когда в конце войны подсчитали тоннаж сброшенных бомб, то выяснилось, что он превосходит общее количество бомб, использованных Соединенными Штатами во Второй мировой войне. Активизируя боевые действия на земле и в воздухе, американские войска увеличивали «счет жертв» среди северовьетнамцев и вьетконговцев, а следовательно, способствовали достижению третьей цели, поставленной президентом.

Однако проведенные подсчеты показали, что американская армия тоже несла значительные потери – каждую неделю гибли 250–300 человек. Благодаря телевидению перипетии мучительной военной кампании стали широко известны в Соединенных Штатах. Каждый вечер практически в каждом доме велись нескончаемые дебаты: насколько успешно идут

дела в далеком Вьетнаме, во что обходится война американскому народу и стоило ли вообще в нее ввязываться. К 1968 году в Америке сложилось устойчивое мнение, что участие во Вьетнамском конфликте было ужасной ошибкой. Тем более что войне не было видно конца. Массированная огневая мощь оказывалась практически бесполезной против жителей крошечных вьетнамских деревушек. Американские солдаты чувствовали себя неуютно в условиях партизанской войны: им трудно было отличить друзей от врагов. К тому же эти самые враги сильно затрудняли ведение войны, по собственному произволу определяя время и место каждой схватки. За минувшие годы американцы сильно разочаровались в своих союзниках – бойцах вьетнамской армии: те проявляли куда меньше стойкости и преданности идеалам, чем мятежники и поддерживавшие их северяне. И вообще, южновьетнамская армия играла вторичную роль в собственной войне, а непопулярные политические лидеры, как в калейдоскопе, менялись в течение 1963-1967 годов. Американские солдаты (которые, кстати, были моложе по возрасту, чем их коллеги во время Второй мировой войны) принадлежали в основном к рабочему классу или национальным меньшинствам и набирались чаще по призыву, чем по вербовке. Они оказались совершенно неподготовленными к этой кошмарной войне – изнурительной, жестокой и в чем-то даже сюрреалистической. В результате в стране сформировалось мощное движение протеста против политики США во Вьетнаме. Оно раскололо американское общество, и от былого единства, приобретенного в годы Второй мировой, не осталось и следа. Американские политики что-то говорили о «свете в конце туннеля», убеждали граждан, что в войне наметился перелом и враг вот-вот будет разбит. И как

раз в этот момент – дело происходило в январе 1968 года, во время празднования Тета (вьетнамского Нового года по лунному календарю) – вьетконговцы при поддержке северных вьетнамцев предприняли неожиданное и крайне болезненное для американцев наступление. Не прошло и двух месяцев, как президент Джонсон принял решение не посылать новые подразделения во Вьетнам. Он также приостановил бомбардировки и начал зондировать почву относительно мирных переговоров. Однако это не добавило ему популярности, и Джонсон благоразумно решил не принимать участия в президентских выборах 1968 года.

«Соглашения» вьетнамской войны, 1968-1975 годы

В результате победа досталась Ричарду Никсону, который объявил, что у него есть «секретный план» окончания войны. По словам нового президента, этот план гарантировал Америке «почетный мир» при сохранении независимого, некоммунистического режима в Южном Вьетнаме. Никсон намеревался придерживаться двойной стратегии: в качестве открытой, видимой всему миру задачи декларировалось планомерное сокращение численности американских войск, участвующих в конфликте, при одновременном усилении южновьетнамской армии. Однако существовал и другой план, предполагавший усиление воздушных атак на Северный Вьетнам и расширение наземной войны в Лаосе и Камбодже.

Действительно, Никсон уменьшил численность американских войск с 540 тыс. до 40 тыс. человек; при этом ряды вьетнамских ВС увеличились до миллиона военнослужащих. В соответствии со своим планом

президент отдал приказ усилить войну в воздухе. С 1969 по 1972 год американские самолеты сбросили больше бомб, чем в предыдущий период, при президенте Джонсоне. При этом ни Конгресс, ни широкая общественность не знали о бомбардировках Камбоджи, эта информация тщательно скрывалась. Проведя достаточную артподготовку, Никсон ввел в 1970 году и наземные войска в Камбоджу – чтобы окончательно расправиться с неприятелем. Таким образом, США расширили географию своей войны, используя меньшее количество сил.

Однако война есть война. В течение этого периода погибли еще 20 тыс. американских солдат и неучтенное количество вьетнамцев. Южновьетнамские войска по-прежнему проигрывали сражение за сражением. Волна протеста в Соединенных Штатах набирала силу, а мирные переговоры оставались недостижимыми. Все это подтолкнуло Никсона и госсекретаря Генри Киссинджера на ряд нестандартных и неожиданных внешнеполитических решений.

В 1969 году, выступая на острове Гуам, президент огласил «Доктрину Никсона», в которой еще раз подтвердил постулат о том, что весь мир является зоной американских интересов. США не отказываются от своих международных обязательств, утверждал президент, но считают, что в каждом локальном конфликте «нация, которой угрожают, должна принять на себя основную ответственность и мобилизовать все ресурсы для своей защиты». Соединенные Штаты и впредь остаются на страже мира во всем мире, но будут лишь частично принимать участие в военных кампаниях других стран.

Претерпела изменения и позиция США в отношении главных соперников в борьбе за всемирное господство. Никсон и Киссинджер взяли курс на «смягчение» отношений с Советским Союзом и Китайской Народной

Республикой. Американский президент много говорил в 1971 и 1972 годах о политике «разрядки», призванной улучшить международную обстановку. Но в то же время США всячески раздували атмосферу недоверия и взаимных претензий между СССР и Китаем, добившись в конце концов значительного ухудшения в отношениях между этими двумя государствами.

Что касается американо-советских отношений, здесь наметился определенный прогресс. Обе державы наблюдали за установлением отношений между двумя Германиями, вели переговоры о совместном исследовании космоса, предприняли шаги к ограничению использования ядерного оружия, заключили ряд торговых соглашений, в 1972 году состоялся визит Никсона в Москву. С Китаем американское руководство вело неофициальные переговоры, были подписаны новые торговые соглашения и намечено проведение серии матчей по настольному теннису. В том же 1972 году Никсон посетил Китай. Весь мир обошло сенсационное фото, запечатлевшее сердечное рукопожатие американского президента с Мао Цзэдуном. Год 1979-й стал годом установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой.

А тем временем американская администрация искала пути завершения войны во Вьетнаме. В какой-то момент стало казаться, что переговоры зашли в тупик, и США вновь усилили военный нажим. Северо-вьетнамская сторона ответила широкомасштабным наступлением весной 1972 года, Соединенные Штаты противопоставили ему новые мины и бомбы. К осени вновь начались предварительные переговоры об окончании войны, но уже в декабре они увязли в ворохе нерешенных проблем. Чтобы сделать противную сторону более уступчивой, американцы предприняли

«рождественскую бомбардировку» Ханоя. Через несколько дней мирные переговоры возобновились, и в январе 1973 года все участники подписали соглашение о прекращении огня. Соединенные Штаты обязались вывести свои войска в течение двух месяцев, северо-вьетнамские войска оставались на занятых позициях, а Южный Вьетнам продолжал получать экономическую помощь США. По идее, достигнутые договоренности должны были обеспечить мирное разрешение конфликта, однако на практике все вышло не так. В 1975 году северо-вьетнамская армия предприняла решительное наступление, сопротивляться которому у Южного Вьетнама уже не было сил. Тридцатого апреля последние американцы и их немногочисленные южновьетнамские друзья загрузились на вертолеты и покинули здание американского посольства в Сайгоне.

На протяжении двадцати пяти лет Соединенные Штаты пытались противостоять коммунистической экспансии во Вьетнаме. Вначале они оказывали помощь воюющей Франции, затем поддерживали марионеточный режим в Южном Вьетнаме. В попытке защитить американские интересы в этом регионе и предотвратить советско-китайскую интервенцию президент Джонсон втянул свою страну в полномасштабную войну. Сменившему его Никсону так и не удалось добиться решающей победы. Напуганный волной протеста дома, он вынужден был завершить войну мирным соглашением. Сто пятьдесят миллиардов долларов оказались потраченными впустую. Что еще страшнее, 58 тыс. американцев заплатили жизнями за просчеты руководства во внешней политике. Самая длинная война, какую когда-либо вели Соединенные Штаты, окончилась мучительным и постыдным поражением.

Америка после Вьетнамской войны

Удивительно, но Вьетнамская война, столь долго волновавшая умы и сердца миллионов американцев, практически потеряла свое значение к моменту начала очередной предвыборной кампании 1976 года. Считается, что американцы пытались «оставить Вьетнам в прошлом». Общество во главе с руководителями чувствовало потребность переосмыслить и по возможности уменьшить свои международные обязательства. Похоже, Соединенные Штаты переоценили силы, и впредь им не стоит стоять на страже чужих интересов во всех уголках мира.

Между тем внешнеполитическая программа Никсона была подхвачена следующим президентом, Джеральдом Фордом. Именно под его давлением Конгресс принял решение об оказании дополнительной помощи агонизирующему сайгонскому режиму. Форд продолжал переговоры с панамским правительством о передаче контроля над зоной Панамского канала. Он также придерживался политики разрядки, намеченной Никсоном в начале 1970-х годов. В 1975 году западные державы подписали совместно с Советским Союзом Хельсинские соглашения, закрепившие политические и территориальные итоги Второй мировой войны на основе принципа нерушимости границ. В этом же документе формулировался общий курс на защиту основных прав человека.

Преемник Форда, Джимми Картер, в своей внешней политике больше полагался на идеалистические принципы, чем на силу. Он тоже настаивал на руководящей роли Соединенных Штатов в общемировых процессах, но отвергал такие методы, как принуждение и силовое воздействие. Вместо того он

намеревался завоевать международный авторитет, защищая права человека, играя роль мирового посредника и оказывая помощь нуждающимся. На смену прежней политике сдерживания и балансирования на грани войны Картер предложил вариант внешней политики, имевший целью поддержание «мирового порядка».

В извечном споре между грубой силой и нравственным императивом новый президент отдавал явное предпочтение последнему. Его администрация осуждала южноафриканский апартеид и репрессии советского правительства по отношению к евреям и диссидентам. При Джимми Картере Конгресс сильно урезал помощь или вовсе отказал в ней недемократическим правительствам Чили, Аргентины, Уругвая и Эфиопии. Новое Бюро по правам человека отслеживало положение дел в этом вопросе в различных регионах мира. В 1978 году Картер подписал договор, возвращающий Панамский канал под юрисдикцию Панамы. А в 1979 году американские власти признали победу сандинистской революции в Никарагуа, где много лет правил выживший из ума (но такой удобный для США) диктатор Сомоса. Продолжая линию на сближение с Советским Союзом, Картер подписал с этой страной второй договор об ограничении стратегических вооружений. Американский президент собирал вместе израильских и египетских лидеров, чтобы положить конец вражде, раздиравшей Ближний Восток. При его посредничестве обе страны договорились об установлении дипломатических отношений и подписали соглашение о выводе израильских войск с Синайского полуострова. Кэмпдэвидские соглашения стали началом мирного «процесса», который продолжается и в новом столетии.

Увы, время от времени идеалистическая политика Джимми Картера давала сбои. Так, ему не удалось

отстоять права палестинцев на Ближнем Востоке. Победа сандинистского восстания в Никарагуа побудила американский Конгресс сильно урезать экономическую помощь этой стране. Картеру неоднократно приходилось выслушивать обвинения в необъективности: якобы, осуждая нарушение прав человека в одних государствах, он закрывал глаза на чудовищные злоупотребления в других.

В конце 1979 года произошли два скандальных инцидента, сильно уронивших в глазах международной общественности и самого Картера, и его внешнюю политику. В Иране исламские фундаменталисты подняли восстание против пользовавшегося поддержкой США шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Лишившись трона, шах вынужден был эмигрировать из страны. В Соединенные Штаты он приехал на лечение. Возмущенные этим фактом, иранские экстремисты атаковали американское посольство в Тегеране и захватили его вместе с 50 сотрудниками. Больше года американские власти не могли добиться освобождения заложников. Второй кризис разразился в конце декабря, когда советские войска вторглись на территорию Афганистана с целью подавления консервативных мусульман. В знак несогласия с этой акцией Картер предпринял ряд решительных (с его точки зрения) шагов. Он ввел экономические санкции против Советского Союза, приостановил рассмотрение в сенате готовящегося договора о стратегическом оружии и объявил о бойкоте московской Олимпиады 1980 года. Однако американская общественность осталась недовольна своим президентом: одни обвиняли его в продолжении холодной войны, другие считали, что Картер своими недостаточно эффективными действиями наносит ущерб престижу США.

Подводя итоги, следует сказать, что послевоенные американские лидеры умудрялись сочетать в своей

внешней политике озабоченность и самоуверенность. С одной стороны, их постоянно грызла тревога по поводу безопасности Соединенных Штатов, с другой, они свято верили, что Америка сумеет остановить любого врага. Однако уже в начале 1980-х годов стало ясно: милитаристская линия с колоссальными расходами на вооружения и многотысячными жертвами военных кампаний совершенно себя не оправдывает. Вместо обещанных успехов за рубежом она порождает лишь глубокую разобщенность внутри страны. После тридцати лет холодной войны нация была вынуждена признать: единственное, чего удалось добиться, так это сдержать *американскую* мощь и *американский* престиж.

Государство всеобщего благосостояния: вопросы внутренней политики

Американцев всегда волновал вопрос соотношения власти и свободы – он касался основополагающих принципов их общества. Еще со времен революции высказывались доводы «за» и «против» расширения государственной власти. На протяжении всей истории страны – от Федерации к джефферсонианцам и далее к гражданской войне, реконструкции, прогрессизму и «новому курсу» – граждане горячо спорили, допустимо ли делегировать федеральному правительству особые полномочия. Они внимательно наблюдали за политическим курсом центральной власти, подмечали все ее ошибки и боролись за свои демократические свободы. После 1945 года с новой силой встал вопрос: а стоит ли, учитывая пережитые экономический и военный кризис, и дальше жить с активным, проводящим интервенционистский курс федеральным правительством? Большая часть американцев – политически активных патриотов, приверженцев традиционной системы ценностей – ответила на этот вопрос утвердительно.

При президенте Гувере федеральная власть взяла на себя ответственность за решение неотложных экономических проблем. При Рузвельте она, соответственно, отвечала за восстановление экономического здоровья нации. То же самое можно сказать о президенте Трумэне и его преемниках – все они видели задачу федерального правительства в том, чтобы отслеживать, регулировать и в конечном счете обеспечивать экономическое благосостояние нации. И

при этом служить бессменным «устранителем» социальных последствий рыночной экономики. С послевоенного периода все президенты США трудились во имя достижения одной великой цели, ставшей частью американской мечты, а именно: построения капиталистического государства всеобщего благосостояния.

За это время не раз возникали жаркие споры по поводу издержек проекта, возникавших осложнений и неожиданных последствий. Но все это были, так сказать, рабочие вопросы. Сама же идея подобного государства никогда не подвергалась сомнению. Американцев волновало другое – и они спорят об этом уже шестьдесят лет кряду – следует ли расширять пределы государства всеобщего благосостояния или надо ограничиться уже существующими рамками?

В 1945–1980 годы эта дискуссия перенеслась на политический Олимп страны – туда, где демократы и республиканцы вели непрекращающуюся борьбу за президентский пост. Первые хозяйничали в Белом доме при президентах: Трумэне (1945–1953), Кеннеди (1961–1963), Джонсоне (1963–1969) и Картере (1977–1981). Республиканцы же, известные под именем «Великой старой партии», правили при Эйзенхауэре (1953–1961), Никсоне (1969–1974) и Форде (1974–1977). Верховный суд также являлся особо ценным призом, переходившим из рук в руки на протяжении этого периода: восемь раз власть в суде захватывали демократы и десять – республиканцы.

В то время как соперничество за президентство и Верховный суд проходило приблизительно с равным счетом, легислатура безусловно принадлежала демократам: они доминировали в сенате и палате представителей на 16 из 18 сессий Конгресса. Президенты-демократы примерно в половине всех случаев имели в своем распоряжении демократический

же Конгресс, тогда как республиканский президент лишь единожды (в 1953–1955 гг.) наслаждался таким преимуществом. Как правило, в спокойные, устоявшиеся периоды истории народ делал свой выбор в пользу кандидатов от республиканцев, к демократам же обращался тогда, когда возникала потребность в законотворчестве. И на протяжении практически всех 1970-х большинство демократов ратовали за расширение государства всеобщего благосостояния – хоть и в несколько импульсивной и непоследовательной манере.

«Справедливый курс» президента Трумэна

Гарри С. Трумэн являлся сторонником прогресса. Он стремился – отчасти по принципиальным соображениям, отчасти из политического расчета – распространить «новый курс» на все области американской жизни. Трумэн был убежден, что для процветания общества необходимо ввести федеральное управление экономикой. И одновременно он рассчитывал таким образом обеспечить своей партии максимальное количество голосов избирателей.

План Трумэна, который он сам окрестил «справедливым курсом», по сути, представлял собой расширение «нового курса» Ф. Рузвельта. Он предусматривал увеличение затрат на социальное обеспечение, повышение минимального уровня зарплат и строительство государственного жилья. В стремлении к экономическому прогрессу и социальной справедливости Трумэн следовал по стопам Рузвельта: он намеревался обеспечить полную занятость населения, государственное медицинское страхование, федеральную помощь образовательным программам и расширение гражданских прав американцев.

Республиканцы, контролировавшие Конгресс в 1947-1949 годы, напротив, надеялись отойти от «нового курса». Одним из первых их законов стал принятый в 1947 году закон Тафта – Хартли, который значительно ограничивал власть и организационные возможности профсоюзов. Вслед за тем республиканцы приняли Двадцать вторую поправку к конституции, которая запрещала более чем дважды избирать одного и того же человека на пост президента. Таким образом они

пытались застраховаться от прецедента «великого Ф. Д. Р.».

В 1949 году демократы вновь вернули себе большинство в Конгрессе, однако Трумэну это не сильно помогло в реализации его программы. Соратники по партии в принципе соглашались с необходимостью расширить уже существующие программы «нового курса», однако всячески тормозили введение правительственной опеки в других отраслях американской жизни. Тем не менее принятый в 1946 году закон о трудовой занятости юридически закрепил централизованное управление экономикой, переведя этот вопрос из области, подверженной колебаниям политического курса, в твердую законодательную сферу. Отныне федеральному правительству давалось право регулировать американскую экономику – вне зависимости от состояния рынка. Вновь образованный Консультативный экономический совет при президенте оказывал помощь в развитии и стабилизации экономики.

Другим нововведением Трумэна стали комитеты по надзору за положением афроамериканского населения. Они были призваны обеспечить равенство всех граждан в области образования, десегрегацию армии (начатую в 1948 г.) и федеральное расследование выявленных случаев сегрегации и ущемления гражданских прав. Трумэн использовал Верховный суд, чтобы оказывать юридическую поддержку национальным меньшинствам. Были выпущены специальные законодательные акты, запрещающие суд Линча и обеспечивавшие равные избирательные права, а также равные возможности в сфере трудового и жилищного устройства. Однако южные демократы вступили в союз с республиканцами с целью заблокировать применение этих законов.

Следует признать, что в области соблюдения гражданских прав Трумэн добился гораздо больших

успехов, чем любой другой президент со времен реконструкции. В своей борьбе за равенство и справедливость он нередко использовал Белый дом как «хвастливую трибуну». Трумэн во многом повторял политический путь Франклина Рузвельта. Он тоже являлся сторонником активного президентства, защитником идеи государства всеобщего благосостояния и проводником федеральных программ экономического развития и социального реформирования. Однако, в отличие от своего знаменитого предшественника, Трумэн не сумел поладить с Конгрессом и добиться от него одобрения многих передовых идей. В каком-то смысле он обогнал свое время. Пройдет еще целых пятнадцать лет, прежде чем другие политические лидеры вновь вернутся к демократической программе Трумэна.

Эйзенхауэр и правительственные «обязанности»

Дуайт Д. Эйзенхауэр («Айк», как называли его американцы) вступил в борьбу за президентский пост, имея в активе безупречную военную репутацию, центристское мировоззрение и обаятельные манеры. Как выяснилось, этого вполне хватило, чтобы обойти главного соперника, кандидата от демократов Эдлая Стивенсона – причем дважды: на выборах 1952 и 1956 годов. Надежды некоторых республиканцев, что победа позволит повернуть вспять и отказаться от идеи государства всеобщего благосостояния, быстро растаяли. Новый президент (как и большинство американцев) не собирался отступать от намеченной цели. Если прибегнуть к лексикону профессиональных дипломатов, можно сказать, что Айк предпочел «политику сдерживания» в отношении федерального активизма «откату назад».

Сам Эйзенхауэр именовал себя «современным» республиканцем, исповедующим «динамический консерватизм». При этом президент пояснял, что предпочитает быть «консерватором, когда дело касается денег, и либералом, когда речь заходит о людях». Вступив в должность главы исполнительной власти, Эйзенхауэр не планировал резких изменений в политике. Напротив, он намеревался некоторое время поддерживать сложившийся статус-кво, чтобы дать возможность управленческому аппарату приноровиться к новым обязательствам правительства.

Вряд ли Айк был отлит по той же «активистской» форме, что и президенты Тедди или Франклин Рузвельты, но и пассивной фигурой – вроде Гардинга или Кулиджа – его не назовешь. Скорее он

проповедовал «закулисное» президентство, делегируя часть наиболее заметных обязанностей ближайшим помощникам. В своей деятельности он предпочитал претворять в жизнь уже выработанную политику, а не изобретать новую. Эйзенхауэр избегал эффектных появлений на публике. Вместо того он упорно и кропотливо трудился над достижением согласия внутри своей администрации. В особенности много сил у него занимали взаимоотношения с Конгрессом, который большую часть его президентства находился под контролем демократов. Ограничения президентских полномочий Эйзенхауэр рассматривал как часть более широкой кампании по ограничению власти федерального правительства, и подобное отношение сильно отличало его от политических лидеров двух предыдущих десятилетий.

Примером той области, где правительство Эйзенхауэра намеревалось отказаться от прежних активных позиций, могла служить индейская политика. Намеченные здесь перемены были призваны снизить как уровень федерального контроля, так и размеры правительственных затрат. Республиканцы решили отойти от выработанной в течение десятилетий «нового курса» политики по отношению к коренному населению. Прежняя политика была ориентирована на защиту интересов индейцев, бережное отношение к их самобытности и соблюдение суверенитета индейских племен. Администрация Эйзенхауэра намеревалась покончить с системой резерваций, ограничить суверенитет племен и в очередной раз переселить индейцев с их исконных земель в самую гущу городской, цивилизованной Америки. Подобная стратегия, по мнению Эйзенхауэра, должна была положить конец зависимости индейцев от федерального правительства и ускорить процесс их ассимиляции в белое общество. Как заметил историк

Дэвид Р. Льюис: «Конгресс намеревался самоустраниться от возни с индейцами». За красивыми словами об «освобождении» коренного населения скрывался простой расчет: чиновники получали возможность освободиться от излишних расходов, а частным предприятиям открывался доступ к природным богатствам, скрытым в глубине индейских земель.

Точно так же Эйзенхауэр отказался от лавров страстного борца за гражданские права. Он настаивал на том, что *принудительные* меры не помогут искоренить въевшиеся в кровь и плоть нации расистские обычаи. Он даже не пытался использовать авторитет президента для того, чтобы *убедить* американцев отказаться от предрассудков. Эту задачу он предоставил другим, в частности выдающемуся юристу, председателю Верховного суда Эрлу Уоррену. Нашумевшее в 1954 году дело «Браун против отдела народного образования» было посвящено проблеме сегрегации в системе государственного образования. Решение суда гласило, что «раздельные образовательные учреждения в основе своей не являются равноценными», что обучение в таких условиях порождает у представителей национальных меньшинств «чувство неполноценности... которое может самым недопустимым образом сказаться на их умах и чувствах». Суд постановил, что подобная система является нарушением «равенства перед законом, предусмотренного Четырнадцатой поправкой к конституции». В 1955 году Верховный суд предписал проводить десегрегацию «со всей допустимой скоростью». Однако южные штаты весьма вяло отреагировали на этот призыв. А президент не спешил вмешиваться, чтобы принудить южан к исполнению судебного решения. Казалось, он пребывает в летаргическом сне, безразличный ко всем злоупотреблениям. Однако в 1957 году – перед лицом

прямой угрозы юным афроамериканцам со стороны белого сообщества – Эйзенхауэр вынужден был проснуться и предпринять решительные действия. События происходили в маленьком городке Литтл-Рок, штат Арканзас, где разъяренная толпа не допускала чернокожих учеников в Центральную высшую школу. Для разрешения конфликта президент послал в Литтл-Рок федеральные войска, подкрепив их Национальной гвардией штата. Впервые после реконструкции, благополучно почившей в бозе в 1877 году, властям пришлось прибегнуть к вооруженной силе для обеспечения прав чернокожего меньшинства. В том же самом году Эйзенхауэр утвердил закон о гражданских правах – первый подобный документ за последние восемьдесят лет, направленный на защиту избирательных прав. В законе четко излагались цели, но ничего не говорилось о методах проведения в жизнь. Но даже в таком виде этот законодательный акт имел важное значение, ознаменовав решительный поворот в расовой политике правительства.

Ограничивая инициативу федеральной власти в одних вопросах, Эйзенхауэр расширял функции правительства в других сферах. Большое внимание президент уделял вопросам социального обеспечения. При нем было создано министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения, а также увеличен размер минимальной зарплаты и государственного пособия по безработице. Республиканцы финансировали ряд крупных проектов по общественным сооружениям – такие как прокладка глубоководного фарватера реки Святого Лаврентия длиной в 2400 миль. В 1956 году правительство Эйзенхауэра начало строительство общегосударственной системы автомагистралей. С экономической точки зрения эта система должна была ускорить перевозку пассажиров и грузов между

штатами. В военно-стратегическом плане она решала задачу доставки ракет и военного снаряжения, а также облегчала эвакуацию городского населения в случае возможного ядерного нападения. Руководствуясь соображениями государственной коммерции и национальной безопасности, Конгресс выделил свыше 30 млрд долларов на строительство 40 тыс. миль первоклассных дорог. Общая площадь дорожного покрытия перекрывала площадь такого штата, как Западная Виргиния.

С самого начала Айк стремился снизить правительственные расходы, однако к концу президентства уровень затрат повысился на 30 % по сравнению с моментом его вступления в должность. За это время число работников, занятых в области социального обеспечения, удвоилось. И в течение пяти из прошедших восьми лет администрации приходилось мириться с дефицитом бюджета. Такова была плата за блага, которыми наслаждалась нация в течение правления Эйзенхауэра – мир, скромный, но все же рост экономики и низкий уровень инфляции.

Нельзя сказать, чтобы президентство Эйзенхауэра возвеличило или, наоборот, умалило идею государства всеобщего благосостояния. Скорее оно *подвело итог* полувековым реформам прогрессистов. Спокойствие, выдержка и осторожность Эйзенхауэра пришлись по сердцу американским избирателям, успевшим за последние два десятилетия устать от международных и внутривнутриполитических кризисов. И хотя большинство граждан радовались недолгой передышке в сплошной череде столкновений и перемен, нашлись и те, кто порицал президента за самодовольство и успокоенность. Чаще всего они принадлежали к неблагополучным слоям населения, которые нуждались в постоянной опеке властей. Этим людям было нечего бояться и нечего хранить, и они ждали, чтобы на

политическом небосклоне Америки появился новый лидер с запасом кипучей энергии и энтузиазма.

Кеннеди и «новые рубежи»

И такой лидер не замедлил появиться. Уже в предвыборной борьбе за президентский пост Джон Фицджеральд Кеннеди продемонстрировал смелость, динамизм и энергию. Все то, что прежний президент, переваливший за седьмой десяток, уже не мог дать Америке, самоуверенно обещал молодой (ему едва минуло сорок), перспективный кандидат. Если соперник, вице-президент Никсон, постоянно оглядывался на правление Эйзенхауэра, то Кеннеди был устремлен вперед, к «новым рубежам». Он обвинял прежнюю администрацию – и Эйзенхауэра, и Никсона – в том, что они недостаточно интенсифицировали американскую экономику, мало сделали для развития государства всеобщего благосостояния, не довели до нужного уровня ядерный потенциал страны и, вообще, похоже, проспали весь президентский срок. Время требовало перемен во всем – в стиле руководстве, в риторике и самом направлении движения. Удастся ли молодому кандидату в корне изменить американскую политику – о том избиратели могли только гадать, однако *говорил* он так, будто сам в это верил.

Многое было непривычно в Кеннеди: его молодость, католическое вероисповедание, наконец, его личная харизма. Он выглядел таким обаятельным, когда выступал с экранов телевизоров! Кеннеди привел с собой в Белый дом целую команду помощников и советников, причем, в нарушение традиции, это были не представители крупного бизнеса, а люди из академических кругов. В Вашингтоне шутили: мол, теперь у нас правят не «денежные мешки», а «юные вундеркинды». При всем своем необычном имидже Джон Кеннеди придерживался достаточно

традиционных «центристских» взглядов – почти как предыдущий президент. За спиной у него была довольно рядовая карьера в Конгрессе, где он не отличился ни как ярый правозащитник, ни как энергичный борец с маккартизмом. Во время предвыборной кампании, в своей инаугурационной речи, да и в первые годы президентства Джон Кеннеди проявлял гораздо больше интереса к международным делам, чем к вопросам внутренней политики. На «домашнем фронте» он ограничивался призывами расширить и углубить уже существующие социальные программы, не тратя сил на изобретение новых. В его оправдание можно сказать, что тогда, на выборах 1960 года, он не получил подавляющего перевеса голосов, который бы обеспечил ему мандат на проведение решительных перемен. К тому же Кеннеди приходилось работать с Конгрессом, который лишь номинально являлся «демократическим», а на деле же, по своей идеологии, явственно тяготел к консерватизму.

Что бы ни говорили о Кеннеди, он с самого начала дал понять, что намеревается возродить один из главных принципов прогрессизма, а именно: активное президентство. Он откровенно наслаждался своим лидерством – энергично, вызываяще, порой даже демонстративно. Кеннеди надеялся использовать президентский пост для того, чтобы привлечь общественное внимание к национальным проблемам, пробудить творческую мысль и вдохнуть новую энергию в страну, которая последние восемь лет жила на автопилоте. Белый дом при Кеннеди стал средоточием кипучей энергии и активности. Чего стоили только шикарные приемы, на которых блистали всевозможные светила, произносились пышные, ни к чему не обязывающие речи и сверкали вспышки кинокамер. Все это служило одной цели: привлечь внимание народа к

хозяину Овального кабинета. Как говорится, имидж формирует личность, стиль делает ее незабываемой.

В вопросах внутренней политики Кеннеди делал основную ставку на экономический рост. Полагаясь больше на рыночные механизмы, чем на правительственные организации, он верил: успешное экономическое развитие в конечном счете обеспечит населению большие доходы и откроет перед ним новые перспективы. В планы президента входило резкое снижение личного и корпоративного подоходного налога. Если в карманах американцев будет оседать больше денег, рассуждал Кеннеди, то им не надо будет помогать, они смогут самостоятельно обеспечить себе процветание в любой области. И действительно, в пору его президентства экономика развивалась более быстрыми темпами, чем при Эйзенхауэре – при сохранении низкого уровня инфляции. Правда, правительственные расходы и дефицит бюджета тоже росли.

Осенью 1963 года стало ясно: президент – несмотря на всю свою активность – не многого добился в законодательной области. Ему удалось достичь некоторой либерализации социального страхования, повысить пособия временно безработным и расширить программу строительства социального жилья. Однако законы о медицинском обслуживании и образовании были заблокированы консервативными демократами в Конгрессе. Та же участь постигла закон о гражданских правах и помощи беднейшим слоям населения. Чтобы укрепить поддержку со стороны южан, Кеннеди решил предпринять поездку в Даллас, штат Техас. Двадцать второго ноября 1963 года, когда президент в сопровождении своей жены Жаклин проезжал в открытом автомобиле мимо ликующей толпы, раздались роковые выстрелы. С тех пор прошел не один десяток лет, но пожилые американцы и поныне вспоминают те

трагические дни: где они были, что делали, когда разнеслась страшная весть о смерти президента. На какое-то время жизнь в стране остановилась. Припав к экранам телевизоров, американцы жадно ловили сообщения из Далласа, затем наблюдали за траурной церемонией в Вашингтоне и расстрелом предполагаемого убийцы Кеннеди. Последний акт трагедии – похоронная процессия на Арлингтонском национальном кладбище; можно без преувеличения сказать, что вся страна провожала своего президента в тот скорбный путь. Миллионы глаз, которые на протяжении тысячи дней следили за энергичным, полным жизненных сил лидером, теперь увлажнялись слезами при виде гроба с мертвым президентом.

«Великое общество» Джонсона

Эстафету подхватил вице-президент Линдон Бейнс Джонсон – именно ему предстояло довести до конца то, что не успел доделать Кеннеди. Джонсон также являлся сторонником активного института президентства, но не обладал ни блеском, ни умом, ни очарованием своего предшественника. Зато у нового президента имелись собственные достоинства: он умел добиваться поставленных целей, страстно любил политику и обладал талантом договариваться с неудобными игроками. Джонсон тоже был родом из Техаса, что позволяло ему сохранять тесные связи с конгрессменами-южанам. Годы, проведенные в сенате (в качестве лидера правящей партии) не прошли даром. Джонсон доподлинно знал, как надо проталкивать нужные законы. Он представлял собой образец ловкого, реалистично мыслящего дельца: где надо – очаровывал собеседника, не скупясь на улыбки и рукопожатия, где надо – использовал угрозы и нажим, и в результате очень скоро прибрал к рукам народных представителей. На выборах 1964 года Джонсон без труда победил своего соперника, консервативного кандидата Барри Голдуотера, получив в прямом голосовании такой значительный перевес голосов, что побил все рекорды Соединенных Штатов. Он максимально использовал все преимущества: приверженность «новому курсу» и «справедливому курсу», а также возможность апеллировать к тени своего безвременно погибшего предшественника.

Подтвердив право на президентский пост, Джонсон активно принялся воплощать в жизнь заявленную программу. Прежде всего он добился уменьшения подоходного налога, которое предлагал провести еще

Кеннеди. Джонсон сознательно шел на временное снижение федеральных доходов и увеличение бюджетного дефицита, поскольку наградой должен был стать долгосрочный подъем экономики.

В качестве более глобальной задачи Джонсон запланировал углубление прогрессивной реформы через программы социальной справедливости. Прежде всего следовало искоренить расовое неравенство. Принятый в 1964 году закон о гражданских правах запрещал дискриминацию по цвету кожи при трудоустройстве и в прочих житейских ситуациях. Он же лишал федерального финансирования те общественные организации, которые отказывались подчиняться этому закону, и уполномочивал министерство юстиции рассматривать дела о расовом неравенстве. В дополнение к закону была принята Двадцать четвертая поправка к конституции, запрещавшая взимание подушного избирательного налога, который на протяжении многих лет использовался белыми членами общества для того, чтобы не допускать на выборы малоимущих афроамериканцев.

Следующим пунктом программы президент Джонсон запланировал «безоговорочную войну с бедностью». Федеральное правительство уже взяло на себя заботу о бедствующих районах страны, а также обеспечение «экономического благосостояния и процветания страны». В законе об экономических возможностях (1964) была сформулирована третья задача: «ликвидировать нелепый парадокс, когда нищета существует посреди изобилия». Именно это стремление обеспечить равные возможности и для национальных меньшинств, и для беднейших слоев населения легло в основу программы «Великого общества» президента Джонсона.

Одержав победу в 1964 году, он с головой ушел в законотворчество – как бы бросая вызов первым ста дням правления Эйзенхауэра. Начальный набор законопроектов был направлен на борьбу с бедностью. Для этого предполагалось использовать денежные пособия, всевозможные образовательные программы (в том числе профессионального образования) и программы «общественных действий». Второй комплект документов включал в себя закон о гражданских правах (1964) и закон об избирательном праве (1965). Третье направление предусматривало медицинское страхование на случай болезни для пожилых (Medicare) и бедных граждан (Medicaid). Четвертый закон определял государственную поддержку системы образования, а пятый был направлен на охрану окружающей среды. Позже Джонсон распространил свое внимание и на судебную власть, добившись ее либерализации и впервые введя в состав Верховного суда США чернокожих юристов – Эйба Фортаса и Таргуда Маршалла.

Строительство «Великого общества» обусловило значительное расширение федеральной власти и ее ответственности перед обществом – пожалуй, самое значительное за последние тридцать лет. И до определенных пределов это сработало. Процент американцев, живущих в бедности, упал почти наполовину. Количество же чернокожих южан, зарегистрировавшихся в качестве избирателей, напротив, в процентном выражении увеличилось почти вдвое. Экономический рост в 1960-х превышал таковой в 1950-х годах. Этот рост позволял частично финансировать новые программы (что оказалось весьма кстати, ибо президент Джонсон очень неохотно шел на повышение налогов, а деньги надо было откуда-то брать). Все больше средств тратилось на социальные нужды: при Джонсоне почти треть правительственных

расходов поглощал «человеческий фактор» (для сравнения: у администрации Эйзенхауэра на то же уходила лишь четверть затрачиваемой суммы).

Тем не менее далеко не все шло хорошо, и у программы Джонсона находились свои критики. Прежде всего его упрекали в том, что «Великое общество» практически оставило без изменений систему *распределения* доходов. Второй недостаток президента заключался в том, что в своей деятельности он неправильно расставил приоритеты. Джонсон лишь после 1966 года осознал, что домашним проблемам – пресловутой войне с бедностью – надлежало играть вторую скрипку по сравнению с войной во Вьетнаме. Как выяснилось, конфликт в Юго-Восточной Азии требовал гораздо больше денег (и внимания президента), чем социальные сложности внутри страны. Третья проблема была связана с непомерными расходами на новые программы. По мере того как федеральные затраты стремительно увеличивались, столь же быстро росли уровень инфляции и дефицит бюджета. А вместе с ними активизировалась и политическая оппозиция.

Ситуация усугублялась глубоким расколом в лагере демократов. К очередным президентским выборам готовились целых три кандидата от партии, и каждый из них вел собственную кампанию. Разногласия зашли так далеко, что Национальный съезд демократов, проходивший в 1968 году в Чикаго, обернулся скандальными стычками между делегатами прямо в зале заседаний и массовыми волнениями на улицах города. Правые оппоненты постоянно жаловались и требовали, чтобы более сильная центристская фракция – та самая, которая составляла костяк правительства – предоставила им преимущества, как это сделал в свое время Вашингтон по отношению к находящимся в невыгодном положении группам. В начале 1966 года

умеренно-консервативное большинство, которое доминировало в Конгрессе, представляло собой еще одно препятствие для развития «Великого общества».

В итоге политический капитал Джонсона настолько обесценился – а разобщенность, которую он породил, настолько возросла, – что он решил не баллотироваться на новый срок. Один президент пал от руки безжалостного убийцы, второй стал жертвой политического разлада. Что касается следующего хозяина Белого дома, он пострадал от двух демонов – власти и паранойи. Так уж вышло, что в тот момент, когда федеральная активность и президентская власть, казалось, достигли зенита, доверие к национальному правительству начало неудержимо падать.

«Новый федерализм» Никсона

В течение всей своей политической карьеры Ричард Никсон вызывал раздражение либералов, которые видели в нем врага гражданских свобод. Никсон в ответ доказывал, что в предыдущие годы с американцами слишком много нянчились и в результате они оказались чересчур зависимыми от правительства. Он обещал отнять власть у Вашингтона и распределить ее среди нации. В своей политике он в основном апеллировал к консервативным южанам и производственным рабочим, так называемым «синим воротничкам». Если судить по социальной программе Никсона, новый президент мог показаться отъявленным реакционером. Однако не следует забывать: на самом деле Никсон *расширил* федеральную власть, а большинство его предложений было направлено на то, чтобы продвинуть идею государства всеобщего благосостояния далеко за пределы «нового курса» и «Великого общества». По натуре своей Никсон был (и это находило выражение в его внешней политике) противоречивой и даже, пожалуй, парадоксальной личностью. Как выяснили со временем конгрессмены, президента очень трудно было поймать на слове и заставить что-либо сделать.

В своей предвыборной кампании 1968 года Никсон полагался на «молчаливое большинство» – многомиллионную толпу американцев, которые, по его мнению, успели устать от чрезмерной опеки государства. Этих людей раздражала сверхтерпимость, которую власти проявляли по отношению к преступникам, нищим и всякого рода диссидентам, и полное пренебрежение к их собственным нуждам и интересам. На этой волне народного недовольства Никсон пробился в президенты, хотя и не набрал

большинства на всеобщих выборах. С самого начала ему пришлось иметь дело с широкой кампанией протеста внутри страны и Конгрессом, где всем заправляли демократы. Не слишком удачная обстановка, особенно для политика, который долгое время провел на вторых ролях и вынужден был терпеть пренебрежение и подозрительность со стороны коллег. Тем не менее Никсон умудрился сработаться с Конгрессом. Он старался не пренебрегать чужими пожеланиями, в частности поддерживал организации и программы, в которых демократы проявляли заинтересованность. Первым делом он сбил накал страстей в стране, сократив военное участие американцев во вьетнамской авантюре. Когда политическая оппозиция уж чересчур распоясалась, Никсон задал жару критикам, не постеснявшись прибегнуть и к незаконным методам. Увы, подобная неразборчивость в средствах стала последней каплей, переполнившей чашу терпения оппонентов и послужившей причиной его отставки. Однако все это произошло уже после феерической предвыборной кампании 1972 года, в результате которой Никсон вторично занял президентский пост.

Он стремился к установлению «нового федерализма» в Соединенных Штатах. Неоднократно указывал на «ограниченность того, что правительство может сделать в одиночку», и предупреждал о невозможности найти «чисто правительственное решение для каждой проблемы». По словам Никсона, он бы не стал ни отменять, ни расширять уже существующее государство всеобщего благосостояния, а вместо того обратился бы ко всем американцам с просьбой взять на себя большую ответственность – индивидуальную и общественную – за собственную судьбу. Звучало красиво, однако надо помнить: на каждый маленький шаг, который Никсон делал в

указанном направлении, приходился по меньшей мере один большой шаг назад.

Что же сделал президент Никсон для реализации концепции «нового федерализма»? Прежде всего он попытался остановить неудержимый рост федерального правительства. Для этого он переложил часть федеральных полномочий на правительства штатов и органы местного самоуправления. Но, с другой стороны, ряд федеральных программ – такие как социальное страхование, продовольственные талоны для малоимущих, субсидии для жилищного строительства, Трудовой корпус, льготные кредиты на образование – получил при Никсоне значительное расширение.

Вторая мера, направленная на ограничение федеральной власти (и имевшая целью завоевание поддержки белого населения южных штатов), заключалась в изменении отношения администрации к гражданским правам. Убежденный в том, что погоня за расовым равноправием подразумевает еще большее вмешательство правительства в повседневную жизнь людей, Никсон противодействовал дальнейшему расширению избирательного права, практически свернул кампанию десегрегации и выступал против практики перевозки школьников из одного района в школу другого района в целях расовой или социальной интеграции. При этом Белый дом предпринял ряд мер в поддержку национальных меньшинств: ввел обязательные квоты при трудоустройстве и финансовую помощь цветным бизнесменам.

Третье направление предусматривало борьбу с «судебным активизмом». Для этого Никсон ввел в состав Верховного суда четырех своих назначенцев, которые последовательно проводили курс на ограничение полномочий суда. Они ратовали за такой суд, который занимается не *созданием* законов, а их

интерпретацией. Тем не менее Верховый суд принял ряд важных решений по злободневным вопросам. В частности, он предоставил полиции больше прав в борьбе с правонарушителями, а общественности – в борьбе против распространения порнографии. Он также поддерживал женщин, развернувших кампанию против запрета аборт; выступил на стороне граждан, пострадавших от расовой дискриминации; против смертной казни, законодательно разрешенной в некоторых штатах, – и против самого Никсона, когда тот попытался защитить «привилегию исполнительной власти».

Четвертая идея «нового федерализма» заключалась в том, чтобы делегировать часть власти народу и приобщить его к процессу принятия решений. Ключевым моментом здесь являлось «распределение национального дохода». Никсон считал, что в обязанности федеральной власти входит обеспечение средств на социальные программы; а на что именно тратить эти деньги, должны решать чиновники штатов и органов местного самоуправления. Но вот что любопытно: значительное расширение финансовых полномочий штатов сопровождалось еще большим усилением контролирующей и регулирующей функции центрального правительства. Возникло большое количество новых федеральных агентств, в чьи функции входил надзор за условиями труда на производстве, за правами потребителей и состоянием окружающей среды. Да, местные сообщества получили большую власть над налоговыми поступлениями, но взамен оказались ограниченными в иных областях.

Еще одной заботой президента была реформа системы социального обеспечения. Он видел, что существующие федеральные программы неэффективны, отягощены чрезмерным бюрократическим аппаратом. Слишком много денег

уходило на чиновников и слишком мало оставалось для нуждающихся – тех самых, которые были заинтересованы в получении пособий. Тогда Никсон предложил «План семейной помощи», согласно которому федеральное правительство только выделяет деньги, а сами получатели решают, как и на что их потратить. При таком подходе было меньше правил и ограничений, меньше волокиты и больше возможностей заставить людей работать – сущий рай в представлении консерваторов. Однако некоторые видели ситуацию в ином свете. Никсона упрекали в том, что его программа просто-напросто узаконит гарантированный ежегодный доход из федеральных источников. Правые и левые оппоненты были в равной степени недовольны. Если первым претила сама идея, то вторые сетовали на недостаточное финансирование программы. В результате предложение президента, которое могло бы стать огромным шагом в развитии государства всеобщего благосостояния, оказалось отвергнутым. Детище Ричарда Никсона – этого всемирно известного либерала – так и умерло, не родившись, в стенах Конгресса.

Надо сказать, что Никсон не много сделал в подтверждение всех своих речей об ограничении федеральных полномочий. Правительственные затраты (как и бюджетный дефицит) при Никсоне выросли больше, чем в годы правления Джонсона; президентский «активизм» тоже углубился. В международной политике Никсон выступал как убежденный манипулятор – поощряя всяческие секретные акции, то расширяя, то сужая конфликты в зависимости от того, сколько простора для деятельности ему предоставлялось со стороны Конгресса и общественного мнения. Не менее «энергичную» позицию Никсон занимал во внутривластных вопросах. Если Конгресс выделял

на какие-то программы излишние, с его точки зрения, средства, президент попросту «изымал» эти деньги и отказывался следовать решениям законодателей. В начале 1970-х годов, когда на горизонте замаячил призрак надвигающегося спада и инфляции, Никсон ввел государственный контроль над ценами, зарплатой и рентой – американцы были шокированы этой мерой, от которой уже успели отвыкнуть со времен Второй мировой войны.

Однако наибольший протест и возмущение у общества вызывала его стратегия поведения в отношении так называемых «врагов общества». В эту категорию входил широкий круг людей: например, активисты радикальных движений, различного толка диссиденты (включая тех, кто принципиально отвергал насилие) и даже политические соперники Никсона. Чтобы стать врагом президента, достаточно было выступить с критикой его политики. Страх перед надвигающимся кризисом толкал Никсона на решительные действия против «внутренних врагов». Он считал, что те дестабилизируют и разрушают американское общество, и тут президент ни перед чем не останавливался. В конце концов что такое превышение президентской власти (пусть даже самое грубое и безрассудное), когда речь идет о безопасности государства?! В 1969–1971 годах Белый дом систематически прибегал к незаконным методам в борьбе со своими оппонентами. В ход шли несанкционированные прослушивания телефонных разговоров, вторжения в жилища, коррупция и шантаж. Никсон и его команда постоянно строили планы по борьбе с кампанией протеста внутри страны. К 1972 году маниакальная подозрительность президента распространилась и на членов демократической партии. Чтобы расстроить ряды политических противников, Белый дом пошел на ряд «грязных трюков». В июне

1972 года наряд мнимых «водопроводчиков» (а на самом деле специалистов по борьбе с утечкой информации) тайно проник в один из номеров вашингтонского отеля «Уотергейт», где располагалась штаб-квартира Национального комитета демократической партии.

Сначала Никсон попытался замять скандал. Он чинил всяческие препятствия официальному расследованию, пытался даже выкрасть документы – лишь бы скрыть участие Белого дома в этой аванюре. На то, чтобы собрать все факты и докопаться до истины, ушло долгих два года. И все это время президент решительно отрицал свою причастность к скандалу. Он саботировал работу следователей, провел ряд увольнений в кругу своих советников, а затем долго отказывался передать комиссии важные магнитофонные пленки. В результате расследования выявилась удручающая картина нарушений буржуазно-демократической законности. Шпионаж за гражданами и организациями, тайный сговор и подрывная деятельность, незаконный сбор денежных средств, лжесвидетельство и подкуп свидетелей – вот на что шла администрация Никсона во имя «национальной безопасности» и «привилегий исполнительной власти». Палата представителей постановила начать процедуру импичмента. В июле 1974 года ее юридический комитет подготовил заключение по импичменту для передачи в сенат. В этом документе Никсону предъявлялись обвинения по трем пунктам: препятствия отправлению правосудия, злоупотребление президентской властью и неуважение к Конгрессу. Перед лицом собранных доказательств даже коллеги по партии отвернулись от Никсона и объявили о готовности поддержать обвинение. Под угрозой сенатского суда Никсон дрогнул: 9 августа 1974 года он объявил о своей отставке и передал дела Джеральду Р. Форду. В 1940-х

годах Ричард Никсон поднялся на самую вершину политического Олимпа, эксплуатируя панический страх американцев за свою безопасность. А четверть века спустя все тот же страх, ставший личной манией президента, послужил причиной его скандального падения.

Форд, Картер и ослабление института президентства

Вьетнам и Уотергейтский скандал не прошли для Америки даром. В народе сложилась стойкая неприязнь и подозрительность в отношении федеральной власти. Конгресс реагировал на это принятием законов, направленных на сдерживание президентского «активизма», а попутно старался восстановить свою былую власть. Упомянутые законы ограничили права президента: теперь он не мог объявлять и вести войну без одобрения Конгресса; не мог замораживать и изымать средства, выделенные палатой представителей и сенатом на какие-либо программы. Конгресс взял под контроль деятельность ФБР и ЦРУ, а также открыл общественности доступ к правительственной документации.

Даже сам способ, каким президенты Джеральд Форд и Джимми Картер преподносили себя публике, призван был подчеркнуть: они вполне одобряют подобные перемены в исполнительной власти. В своей инаугурационной речи преемник Никсона заявил, используя и исторические, и автомобильные параллели: «Я – Форд, а не Линкольн». Имиджмейкеры нового президента делали ставку скорее на его простоту и доступность, чем на какие-то особые достижения. Скромность вместо высокомерия, конформизм вместо креативности. В облике Джеральда Форда не было ничего яркого, выдающегося, и в середине 1970-х годов это расценивалось как большой плюс. Этот человек идеально подходил на роль президента с ограниченными обязанностями и полномочиями. Он вышел из палаты представителей – политической структуры, максимально приближенной к народу, и сам

себя позиционировал как «лидера меньшинства», имея в виду республиканскую партию, которая на протяжении последних двадцати лет вынуждена была мириться с подчиненным положением. Форду приходилось исполнять роль своеобразного «санитара», помогающего ослабленной федеральной власти преодолеть кризис народного доверия.

Президент Форд не мог похвастать блестящей внешностью, а благодаря своей физической неуклюжести он очень скоро снискал себе комическую репутацию. Хуже, что и на политическом поприще он дебютировал не слишком удачно. Едва вступив в должность, он выступил в защиту оскандалившегося Никсона, чем восстановил против себя общественное мнение. А несколько случаев, когда президент воспользовался правом вето, еще больше ухудшили его отношения с демократическим Конгрессом и осложнили законотворческую деятельность. И в экономической сфере Форд допустил ряд просчетов, так и не сумев обуздать инфляцию и вывести страну из кризиса.

Выборы 1976 года прошли неудачно для действующего президента: почти половина потенциальных избирателей не посчитала нужным явиться на избирательные участки. Джеральд Форд проиграл и был вынужден уступить место Джимми Картеру. Новый президент – новый имидж. Если девизом Форда было «сила президента в его слабости», то Джимми Картер (именно так – Джимми, а не Джеймс) обыгрывал иную тему: он изображал из себя эдакого «чужака» в Белом доме. Да что вы, сэр! Джимми – просто мелкий фермер из Джорджии, сделавший состояние на торговле арахисом. Пришел во власть, что называется, от сохи. И только потому, что так решил народ. Он и сам из народа (в доказательство президент готов был продемонстрировать трудовые мозоли), а не какой-нибудь там вашингтонский интриган. Короче,

Джимми Картер – парень, которому можно доверять. Он даже сделал публичное заявление, в котором пообещал никогда не лгать своей нации. Прямо скажем, довольно странное обещание для человека, метившего на президентский пост – место, где до него сменилась длинная вереница лицемеров и мошенников, и в том числе один (пусть и не доказанный) заговорщик. Конгрессменов-демократов ждал еще один сюрприз: пришедший к власти Картер решительно не вписывался в привычные рамки вашингтонской жизни. Ему были чужды светские сплетни, политические козни и прочие традиционные развлечения местных старожил. Новый президент держался на расстоянии от политических воротил, предпочитая им старых друзей из Джорджии. Можно сказать, что Картер так и не удосужился установить нормальные рабочие отношения с демократическим Конгрессом.

Картер – хоть и принадлежал к южным демократам – был далеко не Линдоном Джонсоном. Он отвергал оба программных пункта своего предшественника – и президентский активизм, и обширную программу реформ. Несмотря на то, что количество членов кабинета при Картере увеличилось, а женщины и представители национальных меньшинств получили доступ к руководящим постам, в целом он выступал против значительного расширения системы социального обеспечения. Вопреки традиции прогрессизма новый президент пошел по пути сокращения государственного регулирования в некоторых отраслях промышленности и уменьшения федерального надзора за частными предприятиями.

Тем не менее экономика доставляла Картеру куда больше проблем, чем политика. При нем ссудный процент вырос до 20 %, сильно навредив как затратной части бюджета, так и инвестициям. Картер старался больше внимания уделять экономическим проблемам,

но это привело лишь к тому, что остальные сферы внутривнутриполитической жизни оказались заброшенными. Что же касается внешней политики, тут и вовсе создавалось впечатление, будто Америка отдана в заложники исламским террористам. Короче, когда Джимми Картера «прокатили» на выборах 1980 года, вся страна вздохнула с облегчением. В ту пору бытовала шутка: поражение на выборах – самое удачное, что Картер сделал для своей репутации. В качестве рядового гражданина он успешно трудился на гуманитарной ниве и был отмечен как активный миротворец, заработав звание самого выдающегося экс-президента Соединенных Штатов.

Парадоксально, но если нация и благодарна двум своим президентам – Форду и Картеру, – так это за то, сколь мало они сделали. Их пассивность помогла восстановить баланс власти в федеральном правительстве и уменьшить число бедствий, причиной которых являлись не в меру ретивые президенты. Это был тот самый случай, когда чем меньше, тем лучше. Однако в общественно-политической жизни страны наметились тревожные тенденции. На протяжении двух десятилетий (1961–1981) ни один президент не провел на посту полных два срока. Активность избирателей заметно упала. А отсутствие сильного лидера в исполнительной власти привело к установлению политики бездействия, и Конгресс ничего не мог с этим поделать. В то время как основные положения «нового курса» оставались незыблемыми, прочие факторы американского либерализма – амбициозная внешняя политика, агрессивный рынок, утопические реформы и активное лидерство – оказались под знаком вопроса. Возникло множество новых проблем, связанных с ограниченностью ресурсов и утилизацией промышленных отходов. Упадок производства, финансовая стагнация и пессимистические настроения

в обществе – все это заставляло многих оплакивать судьбу Соединенных Штатов в «век ограничений». В души американцев заползло страшное, гнетущее и совершенно антипрогрессистское по духу сомнение: а вдруг федеральная власть, которая на протяжении десятилетий казалась гарантом национального преуспеяния, и вовсе *не работает*?

Голоса Америки: афроамериканцы

В то время как большая часть американцев была занята расширением государства всеобщего благосостояния и военного государства, находились и те, кто пытался привлечь внимание к прочим, менее популярным проблемам нации. Они утверждали, что погоня за национальной безопасностью не должна заслонять стремление к всеобщей свободе, равенству и наращиванию могущества страны.

В послевоенный период на передний край этой борьбы выдвинулись афроамериканцы. С самого начала XX века они использовали все доступные им средства – в литературе это были произведения Букера Т. Вашингтона и У. Дюбуа, в суде – дела, возбужденные по инициативе Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, в политике – давление со стороны профсоюзных лидеров, таких как А. Филип Рэндольф, – для того чтобы противопоставить устоявшейся традиции расизма не менее давние и уважаемые традиции свободы и равенства. Их противники тоже не дремали: они пытались затормозить, ограничить или вовсе заблокировать законодательные и политические перемены. Как продемонстрировало решение по делу «Браун против отдела народного образования Топеки», *формулировка* судебного решения – одно, а его *практическое исполнение* – совсем другое. Прошло два года с тех пор, как суд вынес свое решение, а чернокожие дети на Глубоком Юге по-прежнему не имели возможности посещать школу вместе со своими белыми сверстниками.

Однако в середине 1950-х годов в афроамериканском движении произошли значительные

перемены: вся нация с волнением следила за борьбой, которая развернулась в маленьком южном городке и стала результатом, казалось бы, ординарного поступка простой чернокожей женщины. Дело происходило в декабре 1955 года в Монтгомери, штат Алабама. Местная жительница, 42-летняя Роза Паркс, отказалась уступить место в автобусе белому мужчине и тем самым нарушила закон о сегрегации в общественном транспорте. Женщину арестовали, после чего ее чернокожие земляки начали кампанию бойкота городских автобусных линий. Более того, активисты движения обратились в суд и выиграли дело. Верховный суд подтвердил решение окружного суда о незаконности сегрегации в общественном транспорте Монтгомери. Эти события вывели движение протеста на новый уровень – сделали борьбу за расовую справедливость более широкой, интенсивной и разнообразной. Однако Роза Паркс не могла решить все проблемы. Она была всего-навсего местным лидером, явно не дотягивала до общенационального масштаба. Ее соратники, простые горожане, тоже никак не являлись прославленными знаменитостями и не обладали их возможностями. Да и борьба начиналась на улицах маленького городка, а не в залах суда или правительственных организациях. Протест Розы Паркс заключался в том, чтобы бросить вызов несправедливому закону, а затем принять последствия своего поступка. Изначально она не собиралась будоражить нацию, забрасывать петициями официальных лиц или прибегать к помощи законников. Кампанией бойкота руководил местный священник, которому в ближайшем будущем предстояло пересмотреть стратегию борьбы за равенство.

Преподобный Мартин Лютер Кинг-младший незадолго до того приехал в Монтгомери в качестве пастора. Он принял активное участие в акции местного

населения, привнеся в него принцип ненасильственного сопротивления, почерпнутый у Махатмы Ганди, и идею служения, проистекавшую из «социального евангелия». В своих вдохновенных и пламенных речах Кинг призывал черных братьев бороться с угнетением путем пассивного сопротивления и неповиновения гражданским властям. Он доказывал афроамериканцам, что именно любовь, а не сила способна изменить их жизнь. Для координации движением Кинг помог организовать Конференцию руководства христиан Юга, а позже Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. На протяжении десятилетия этот человек являлся лицом, голосом и душой американского движения за гражданские права.

В 1963 году Кинга арестовали за участие в очередной демонстрации протеста и бросили в тюремную камеру города Бирмингем, штат Алабама. Отсюда, из застенков, он написал письмо, в котором изложил свои взгляды на борьбу чернокожих американцев за свободу. У бесправных, доказывал Кинг, слишком мало возможностей для того, чтобы сражаться с властью предержащими. Священное Писание не одобряет насильственного противостояния. Терпение и безропотное молчание оказались неэффективными средствами. Переговоры тоже не дадут результата – по крайней мере до тех пор, пока у привилегированного класса не появится убедительной причины изменить свою позицию. Тем не менее положение можно исправить, если в обществе возникнет «напряженность». Следовательно, наша задача – создать эту напряженность через прямое действие ненасильственными методами. Возникший кризис неминуемо привлечет внимание правительства к социальной несправедливости и заставит его поменять собственную предвзятую политику. Если носителем протеста будет дисциплинированная, «самоочищенная»

община, то у нее есть все шансы «расшевелить» сознательность (и интерес) общества. Черным *придется* действовать, утверждал Кинг. «Вопрос не в том, будем ли мы экстремистами, – писал он, – а в том, какого рода экстремистами мы станем. Будем ли мы экстремистами во имя любви или во имя ненависти?»

Призыв Кинга к мирной провокации был услышан далеко за пределами провинциального Монтгомери. По всей стране прокатилась волна акций протеста – таких как сидячие забастовки в сегрегированных буфетах, «рейды свободы» против расовой дискриминации, кампании регистрации избирателей, марши протеста против неравенства. В августе 1963 года подобный марш состоялся в Вашингтоне, в нем участвовали четверть миллиона человек. Перед ними выступил Мартин Лютер Кинг со своей знаменитой речью, которая начиналась словами: «У меня есть мечта.» – заветная мечта о справедливости и человеческом братстве. Движение протеста имело большое значение: оно помогло реализации законов, которые даровали афроамериканцам избирательные права, и в конце концов привело к отмене сегрегации. Однако чернокожим борцам за свободу и равноправие пришлось пройти через ожесточенное сопротивление расистов, которое включало и террористические акции куклуксклановцев, и взрывы бомб в негритянских домах и церквях, и жестокие убийства активистов движения – 4 апреля 1968 года погиб и сам Кинг.

Со временем в движении за гражданские права афроамериканцев наметились расхождения. Некоторые его члены разочаровались в моральном императиве Кинга. Они доказывали, что такая стратегия борьбы не позволяет уничтожить неотвратимый круговорот нищеты, не помогает в борьбе против *неофициальных* методов сегрегации, не решает проблему «второсортных» рабочих мест – этой сомнительной

прерогативы чернокожих, как и трущобных жилищ и неполноценного образования. Она не предлагает реальной альтернативы той жалкой жизни, которую ведет большинство негров *за пределами* южных штатов. Были и те, кто отвергал интеграцию, которую Кинг декларировал как главную цель всего движения. Они ратовали за отделение афроамериканцев от белого общества, безнадежно инфицированного расизмом. Находились горячие головы, которые ставили под сомнение эффективность ненасильственных действий. Они доказывали, что в борьбе с враждебным белым обществом негры имеют право на жесткую самозащиту.

Наглядным доказательством раскола в черном движении стали кровопролитные уличные столкновения, которые в середине 1960-х годов охватили Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Ньюарк и Чикаго. Второе направление нашло свое выражение в деятельности «сепаратистских» черных организаций, таких как возглавляемая Малькольмом Эксом «Нация ислама». Ее лидеры настаивали на том, что чернокожие должны создать собственное сообщество – со своими духовными ресурсами и средствами защиты. И, наконец, третье направление ознаменовалось подъемом движения «Черная сила», наметившегося в конце 1960-х годов. Отвергая как «моральный подход» Кинга, так и религиозные ценности «Нации ислама», представители этого движения (самый знаменитый среди них – Стокли Кармайл) несли в мир собственное культурное и политическое послание, в основе которого лежала расовая гордость, сила и солидарность чернокожих американцев.

В конце 1970-х годов усилилось еще одно, экономическое, разделение в среде афроамериканского населения. В течение всего десятилетия доходы нации росли, и к концу указанного периода почти треть всех афроамериканцев могла смело причислять себя к

среднему классу. К 1990 году примерно половина чернокожих рабочих перешла в разряд «белых воротничков». В том же самом году 12 % всех студентов университетов имели черный цвет кожи. Это приблизительно столько же, сколько афроамериканцы составляют от общего населения Соединенных Штатов. Одновременно росло число чернокожих обитателей предместий – их тоже захватила общая американская тенденция. Добившись экономического успеха, чернокожие граждане стремились уехать из центральных районов и порвать с менее удачливыми «братьями», застрявшими в тисках нищеты, преступности, наркотиков, наедине со своими нереализованными мечтами о свободе и равноправии. Как писал в 1976 году Клейборн Карсон, «битва против расизма скорее усилила, чем ослабила классовое расслоение черных». А вот еще одно наблюдение, сделанное два года спустя Уильямом Джулиусом Уилсоном: «Класс стал более важным понятием, чем раса, при оценке жизненных шансов черного населения». Различие экономических условий порождало еще большую разобщенность в среде афроамериканцев.

Латиноамериканцы и индейское население

Борьба афроамериканцев за свои гражданские права продемонстрировала другим национальным меньшинствам важность активной организации для защиты групповых интересов общины. Этот урок прекрасно усвоили латиноамериканцы, численность которых резко возросла после Второй мировой войны. В военные годы, когда в Соединенных Штатах ощущалась нехватка рабочей силы, правительство поощряло въезд большого количества мексиканцев в качестве сезонных рабочих. Еще больше выходцев из Мексики приехали на юго-запад США, чтобы принять участие в мелиоративных и оросительных проектах. Множество пуэрториканцев осели на северо-востоке Соединенных Штатов. В 1960-х годах, после победы революции Кастро, свыше 300 тыс. кубинцев переселились в США, преимущественно во Флориду. В 1960-1995 годах испаноязычное население страны увеличилось почти в девять раз и достигло 26 млн человек.

Все эти люди принадлежали к беднейшим слоям населения и вынуждены были терпеть жесткую эксплуатацию со стороны белых «хозяев жизни», а расовая дискриминация нередко ставила их в положение изгоев общества. Региональные различия в исторических и культурных корнях затрудняли консолидацию латиноамериканцев в их борьбе за свои права. Пуэрториканцы, самые нищие из иммигрантов, как правило, приезжали в Соединенные Штаты в поисках убежища, что было связано с политической обстановкой на их родине. Среди американцев кубинского происхождения было немало образованных профессионалов, вынужденных бежать от режима

Кастро. Экономический успех и жизнеспособность кубинской общины превратили ее в значимый блок избирателей, благосклонности которого добивались и республиканцы, и демократы. Мексиканцы приезжали в США, привлеченные перспективой трудоустройства, и пополняли армию дешевых рабочих рук в сельском хозяйстве и на производстве. Поскольку многие въезжали в страну нелегально, они вынуждены были терпеть жестокие притеснения со стороны иммиграционных властей и службы натурализации. Национальная ассоциация американских мексиканцев «Ла Раса Унида» и образованный Сесаром Чавесом Объединенный профсоюз фермерских рабочих стали теми организациями, которые взяли на себя решение многочисленных проблем американцев мексиканского происхождения.

Сила единства и авторитет индейских племен значительно ослабли в середине 1950-х годов, когда республиканская администрация закрыла ряд долгосрочных федеральных программ. В частности, в 1953 году палата представителей приняла резолюцию № 108, провозгласившую прекращение («терминацию») федеральной опеки индейских резерваций. Пришедшие к власти в 1960-х годах демократы в очередной раз изменили курс индейской политики и положили конец «терминации». Однако никакие меры, предпринимаемые правительством (даже в рамках программы «Великое общество» президента Джонсона), не смогли обеспечить адекватных действий в отношении коренных жителей Америки. На долю индейцев выпала самая страшная нищета, самый высокий уровень безработицы и самые худшие условия жизни во всех Соединенных Штатах.

Часть индейских лидеров предпринимала попытки вдохнуть новую жизнь в существование своих народов путем возрождения культурного наследия, возврата к

племенным языкам, традициям и религиозным церемониям. Такие произведения, как «Дом, из рассвета сотворенный» Момадея Наварра Скотта, «Кастер умер за ваши грехи: Индейский манифест» Вайна Делории-младшего и «Схороните мое сердце у Вундед-Ни» Ди Брауна познакомили широкую публику с жизнью и проблемами американских индейцев. Другие индейские деятели делали ставку на политические стратегии. В 1968 году Конгресс принял закон о гражданских правах индейцев, который распространил на индейские резервации многие гарантии «Билля о правах», одновременно подтвердив суверенитет племен. В 1974 году вышел закон о самоопределении и образовании индейцев, расширивший племенной контроль над социальными и образовательными программами, проводившимися в резервациях. Некоторые коренные жители видели спасение в юридическом решении своих проблем. Фонд по правам коренных американцев проделал особенно большую работу для подтверждения былых договоров, возвращения утраченных земель, расширения права на самоопределение и индейского суверенитета. Другие группы, такие как «Движение американских индейцев», тяготели к военным методам. Агитационные программы ДАМ вылились в ряд силовых акций, среди которых захват острова Алькатрас в заливе Сан-Франциско, демонстрация перед зданием управления по делам индейцев в Вашингтоне, а также смертельная конфронтация между жителями индейской резервации все в том же печально знаменитом Вундед-Ни (штат Северная Дакота) и силами ФБР. Призыв этой организации к пробуждению «красной силы» повторял лозунги тех меньшинств, которые противопоставили белому обществу «черную силу» и «коричневую силу».

Сообщества, построенные по расовому и этническому принципам, часто позиционируют себя как представителей «другой» Америки – той самой, которую

конформистское общество старается изгнать с глаз долой и выкинуть из памяти. Там, где бесправные и угнетенные говорят о кризисе, власть предержащие досадливо пожимают плечами: какие еще проблемы? Если аутсайдерам кажется, будто американское общество разваливается на части, то те, кто занял теплые местечки, уверены: все в полном порядке, система работает гладко и бесперебойно. Под обманчиво спокойной поверхностью американской жизни бурлят скрытые течения горечи и принципиального непонимания.

Возрождение женских движений

Контраст между внешним спокойствием и скрытым недовольством, который обнаружила борьба национальных меньшинств, имел прямое отношение также и к большинству американского общества. В 1963 году вышла в свет дерзкая и даже провокационная по своему содержанию книга Бетти Фриден «Тайна женственности». В ней автор затрагивала проблему, которую многие американцы не только *не видели*, но и отказывались *обсуждать*. В чем же заключалась эта проблема, «не имеющая названия»? Фриден с горечью отмечала, что в послевоенной культуре прочно укоренилось мнение, будто дом и семья составляют главное (если не единственное) предназначение женщины. Современным моралистам нет дела до страданий женщин, которые чувствуют себя стесненными этими рамками. Они будто и не знают, что доля женщин в общем числе работающих американцев неуклонно растет. И благополучно забыли, что в довоенном обществе наряду с образом хлопотливой домохозяйки существовал и иной идеал женщины – свободной, независимой, во всем полагающейся на саму себя. Сегодня же нам постоянно твердят, что женщина может «реализовать себя лишь через сексуальную пассивность, признание мужского господства и всепоглощающую материнскую любовь». Однако Фриден не согласна с такой позицией. Она доказывала, что существует глубокое противоречие «между реальностью нашего существования и тем образом, которому мы пытаемся соответствовать». Культура, обещавшая женщинам полное удовлетворение потребностей, вместо того загнала их в угол и поставила в зависимое, бесправное положение.

В 1970-х годах Америка стала свидетелем небывалого расцвета феминизма, тем более удивительного, что ничего подобного не наблюдалось с конца XIX столетия. Поправка к конституции даровала женщинам избирательные права. Одну из своих задач женское движение видело в том, чтобы открыть дискуссию, дать возможность американкам поговорить о своей жизни и определить ту самую проблему «без имени». «Подъем сознательности», достигаемый через деятельность общественных групп, проведение митингов, публикация работ – такова была цель движения, определявшая его стратегию. Вторым элементом реформационной деятельности являлось создание женских организаций. Важнейшая из них – Национальная организация женщин – была сформирована в 1966 году с целью обеспечить женщинам «полноценное участие в жизни американского общества. НОЖ добивалась для женщин привилегий и обязанностей, которые подразумевали равноправное партнерство с мужчинами. Третье направление работы включало организацию массовых мероприятий, будь то кампании протеста в печати или же юбилейные чествования принятой в Сенека-Фоллс «Декларации чувств». Политический активизм, составлявший четвертое направление женского движения, поддерживался через деятельность таких организаций, как Национальное женское политическое собрание. Благодаря его усилиям десятки женщин заняли выборные должности в палате представителей, сенате и правительстве. Не менее важной являлась законодательная деятельность женских групп. В результате был принят ряд законов – федеральных и законов штатов, – направленных на достижения равенства в оплате труда, при кредитовании, трудоустройстве и получении образования.

В начале 1970-х годов возник ряд конфликтов, напрямую связанных с феминистским движением. В 1972 году Конгресс принял Поправку о равных правах, запрещавшую «отказ в равенстве прав или ограничение равенства прав по закону на основании полового признака». Тридцать с лишним штатов одобрили предложение, но этого оказалось недостаточно. Поправка так и не стала законом, поскольку не набрала 75-процентного большинства, необходимого для ее ратификации. В 1973 году Верховный суд США принял решение, закрепляющее право женщин на деторождение и право на частную жизнь. А рассмотрение дела «Роу против Вейда» привело к легализации абортов в течение первых трех месяцев беременности. Это решение вызвало шумное ликование в рядах феминисток и суровое осуждение со стороны консервативных религиозных и политических кругов. Их представители порицали не только «узаконенные убийства младенцев», но и прочие социальные и юридические реформы, принятые по инициативе женского движения. Тем временем внутри самого движения наметился раскол. Из него выделились радикально настроенные группы, объявившие себя борцами за «права женщин» и сосредоточившие внимание на использовании юридических каналов для преобразования общества и «раскрепощения американок». Такие организации, как НОЖ, прилагали много усилий для консолидации женщин, объединенных лишь принадлежностью к женскому полу, зато разделенных множеством расовых и классовых предрассудков.

Молодежная культура

Американское общество столкнулось с еще одной проблемой, получившей название проблемы «отцов и детей», или разрыва поколений. Действительно, во второй половине XX века наметились серьезные противоречия между поколением, пережившем ужасы депрессии и Второй мировой войны, и молодым поколением – детьми изобилия. В молодежной среде – как и в некоторых других слоях послевоенного общества – преобладали ощущение собственной исключительности и тяга к «освобождению». Американцы старшего поколения, умудрившиеся пройти сквозь большой пожар мирового конфликта и уцелеть, жаждали одного: насладиться маленькими радостями тихой жизни у семейного очага. Каковы же были их удивление и разочарование, когда выяснилось, что их собственные дети смотрят на жизнь совершенно иначе.

Послевоенный всплеск рождаемости привел к омоложению нации и сделал ее более похожей на традиционную американскую нацию былых дней. К 1970 году более половины населения страны было моложе 28 лет. Правда, после этой переломной точки американцы снова начали «стареть»: к концу столетия средний возраст составлял уже 35 лет. Но на протяжении почти двадцати лет нация вновь обрела энергичный, непоседливый (некоторые сказали бы «ребячливый») характер.

Однако послевоенная молодежь отнюдь не стремилась к «традиционности». Статистические опросы свидетельствовали, что, напротив, поколение «бэби-бумеров» отвергало традиционную систему ценностей и принятые нормы общежития. Родители

этих мальчиков и девочек старались, как могли, обеспечить им удобное проживание в отдельных домах (непременно с газоном и задним двориком), обучение в современных школах и воскресный поход в новенькие церкви и синагоги, которые в тот период (1945–1965 гг.) в огромном количестве строились по всей стране. И что же они получили за все свои усилия? Поколение детей, которые сплошь и рядом выглядели неправильными и непредсказуемыми и вели себя вызывающе.

Молодежь той поры и вправду выделилась в обособленную группу с четко выраженными признаками. Оно и неудивительно: слишком много детей родилось на ограниченном пространстве в лимитированный промежуток времени. В отличие от своих родителей и дедушек-бабушек, эти дети и подростки большую часть дня проводили в школе, в окружении себе подобных, что, несомненно, способствовало укреплению ощущения групповой идентичности. Те же самые молодые люди являлись основными потребителями и в этом смысле формировали экономический рынок страны. У них была особая молодежная субкультура, которая навязывала свои каноны во всем, что касалось внешности, языка и правил поведения. Представители литературного течения «битников», в их числе Аллен Гинсберг и Джек Керуак, проповедовали чувственность, непредсказуемость и протест. Их произведения стали обвинительным актом конформистскому обществу, которое превратилось в пустынную, бездушную тюрьму для свободной личности. Молодежные фильмы – такие как «Бунтарь без причины», побивший все рекорды кассовых сборов благодаря яркой игре 24-летнего Джеймса Дина, «Дикарь», в котором знаменитый Марлон Брандо появился в образе демонического мотоциклиста, и «Школьные джунгли», – были посвящены проблеме подростковой преступности.

Последний из перечисленных фильмов привнес кое-что новое в кинематограф: в его саундтреке впервые прозвучала музыка в стиле рок-н-ролл. Режиссер Ричард Брукс использовал композицию под названием «Рок круглые сутки» контрапунктом к действию на экране. Благодаря этому самая широкая зрительская аудитория познакомилась с новым стилем, которому было суждено вскоре изменить музыкальные вкусы целой нации. Рок-музыка, уходящая корнями в афроамериканский ритм-энд-блюз, была жесткой, агрессивной, сексуальной и вызывающей. Особенно «круто» она звучала в исполнении рок-звезды, кумира тогдашней молодежи – Элвиса Пресли. Всего за каких-то три года (1956–1958) Пресли выпустил 14 млн пластинок со своими альбомами. И сегодня, в XXI веке, рок-музыка, рок-звезды и рок-формат господствуют на американском радио и в звукозаписывающей индустрии. Рок-н-ролл стал главным продуктом музыкального экспорта Соединенных Штатов.

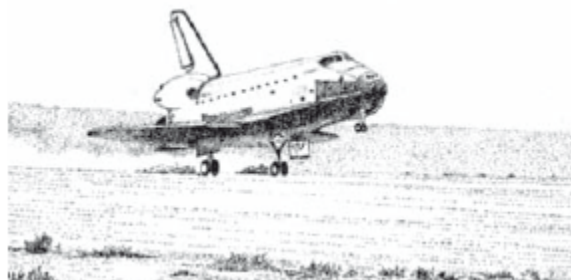
Элвис Пресли

На протяжении 1960-х и 1970-х годов 8 миллионов американских подростков, вчерашних школьников, уехали из дома, чтобы продолжить учебу в различных университетах страны. Как же они жили, чем занимались в студенческих кампусах? Лихие эксперименты в области секса, наркотиков и молодежного рок-н-ролла занимали не все время. Студенческий активизм превратил университетские общежития в центры протеста, реформы и восстания. В 1962 году организация «Студенты за демократическое общество» сделала заявление, в котором говорилось: «.Поколение, выросшее в условиях как минимум скромного комфорта, живет теперь в университетах и с тревогой взирает на мир, который мы наследуем». Обеспокоенные расовой ненавистью, угрозами холодной войны, технологической деструкцией, перенаселенностью и империализмом, члены СДО выступили с радикальным протестом против войны во Вьетнаме. Отчасти на это их подвиг успех «Движения за свободу слова», одержанный в 1964 году на территории Калифорнийского университета в Беркли и создавший прецедент политических выступлений студентов. К концу 1960-х годов практически все университеты Америки (так же, как Европы и Азии) включились в движение протеста против милитаристской политики и экономических бедствий. Волна забастовок, актов вандализма и даже взрывов бомб охватила студенческие кампусы. В мае 1970 года погибли два студента, принимавших участие в кампании протеста против американского вторжения в Камбоджу.

В тот же период сложилась особая политизированная «контркультура». Теодор Розак писал, что интерес молодых людей к «психологии отчуждения, восточному мистицизму, психоделическим наркотикам и экспериментам по созданию различных коммун предполагал также комплекс эмоционально

окрашенных культурных представлений, радикально отрицавших ту систему ценностей и убеждений, что лежала в основе нашего общества еще со времен промышленной революции». Переселившись в мир естественных ритмов, персональных удовольствий и духовных практик, поколение, убежденное в собственной неповторимости, разработало для себя альтернативный стиль жизни, полностью соответствовавший их уникальности.

Таким образом, молодежное движение – вместе с движением афроамериканцев, латиноамериканцев, коренных индейцев и феминисток – разрушило бытовавшее представление о Соединенных Штатах как о некоем «плавильном тигле», где представители различных народов теряют свою национальную самобытность и вместо того формируют новый гомогенный образец под названием «американский характер». Соединенные Штаты оставались «нацией наций», как писал Уолт Уитмен в 1855 году. У своих истоков страна была скорее многоликой, чем однообразной, и скорее раздробленной, чем единой. С самого момента образования новой республики и на протяжении всей гражданской войны американцы продолжали спорить, что представляют собой Соединенные Штаты – одно государство или множество равноправных республик. В конце XX столетия этот важный *политический* вопрос превратился в центральную проблему культурной жизни Америки.

Глава 14

Конец XX века, 1980-2000 годы

К 1980 году многим уже казалось, что мировой полюс власти, который доминировал на международной арене в послевоенную эру, утратил свое могущество вследствие некомпетентности исполнительной власти, экономических трудностей и неудачной внешней политики. Америке отчаянно не хватало сильного и последовательного руководства. Застарелая спираль заработной платы и цен продолжала раскручиваться. И Соединенные Штаты вынуждены были бессильно наблюдать, как религиозные радикалы держат в заложниках их дипломатов, а старый соперник расширяет свои владения в Центральной Азии.

Однако к 2000 году ситуация в США претерпела значительные изменения. Народ, который всегда питал недоверие и настороженность в отношении Белого дома, внезапно изменил традиции. Американцы были без ума от двух последних президентов, хотя те бездумно растрачивали свой политический капитал в серии скандалов и ошибок. Нация, на протяжении полувека пребывавшая в неумолимой хватке холодной войны, наконец-то с облегчением перевела дух, когда ее главный противник развалился в силу внутренних противоречий. Американская экономика, долгое время страдавшая от спада и растущей инфляции, наслаждалась беспрецедентным ростом. В начале нового столетия Соединенные Штаты сумели вернуть себе звание мирового лидера – отчасти благодаря собственным успехам, отчасти вследствие чужих неудач. Однако, пройдя через столько испытаний и

выиграв соревнование у себя дома и за рубежом, американцы натолкнулись на новое препятствие: они не могли решить, каким курсом идти им дальше.

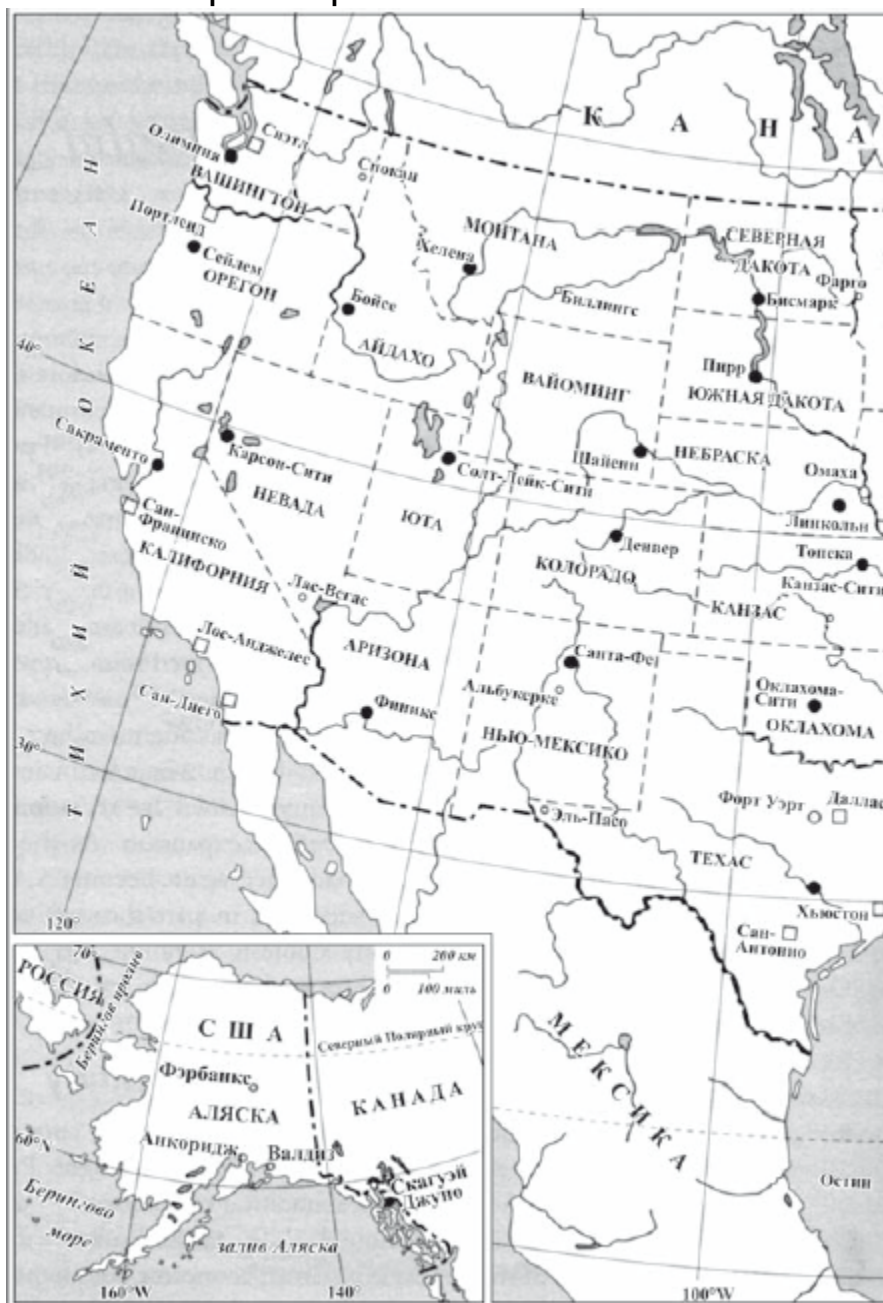
Консерватизм конца XX века

Несмотря на заметное укрепление государства всеобщего благосостояния, в политическом мышлении американцев сохранялись сильные консервативные тенденции. Одно объяснение этого явления можно найти в давней джефферсоновской традиции, которая идеализировала ограниченное по своим масштабам государство, ставило во главу угла личную свободу граждан и с подозрительностью относилось к централизованной власти. Не менее важную роль играли и экономические аргументы: считалось, что рыночные механизмы надежнее обеспечат процветание, нежели правительственное руководство. Консерватизм также черпал силу в деятельности современных моралистов, в особенности принадлежавших к таким фундаменталистским организациям, как самозванное «Моральное большинство». Активисты этого религиозного движения выступали с критикой вседозволенности сексуального поведения, их тревожило растущее количество разводов и аборт, а также набиравшие силу феминизм и гомосексуализм. Четвертым источником консервативных тенденций являлись демографические сдвиги в жизни страны. Рост влияния консервативно настроенного «солнечного пояса» сопровождался упадком «ржавого пояса» – урбанистических и промышленных областей на северо-востоке и Среднем Западе, колыбели и оплоте либерального мышления.

В основе консерватизма лежала сильная идеологическая база, но вот привлекательным человеческим лицом похвастать он не мог. На выборах 1964 года Барри Голдуотер, кандидат от правого крыла, скорее напугал, чем очаровал большинство

избирателей. В 1968 году Ричард Никсон много и высокопарно разглагольствовал о консервативных ценностях, однако сам предпочитал придерживаться умеренно-либеральной политики. В то время наиболее перспективным представителем консервативного направления являлся бывший актер, бывший сторонник «нового курса», политический перевертыш, дважды избиравшийся губернатором штата Калифорния Рональд Рейган, активно критиковавший Джимми Картера на выборах 1980 года. Рейган занимал президентский пост два срока, а затем передал эстафету своему сподвижнику, вице-президенту Джорджу Бушу. При них республиканцы сильно потеснили демократов в палате представителей и на целых шесть лет установили контроль над сенатом. На протяжении двенадцати лет в Белом доме царили консервативные идеалы.

Поддержка, которой пользовалась республиканская партия, отчасти объясняется недовольством политикой Джимми Картера. Если верить опросам общественного мнения, рейтинг этого президента не превышал рейтинга Никсона в самый разгар Уотергейтского скандала. В борьбе за восстановление экономики демократы потерпели поражение, и в народном сознании навязчивый страх перед растущей инфляцией стал играть ту же роль, что и призрак Великой депрессии четыре десятилетия назад. Однако было бы ошибочно относить успех республиканцев только на счет неудач демократов. Немалую роль сыграло личное обаяние и весьма выигрышный имидж республиканского кандидата Рональда Рейгана. Этот актер и политик располагал приятной внешностью, сиял обаятельной белозубой улыбкой, умел при случае рассказать пару-тройку веселых историй и великолепно держался на публике и перед камерой. Его программа была достаточно простой, чтобы понравиться

исправить ситуацию. Вопреки всем политическим традициям прогрессизма, Рейган считал, что правительство является частью проблемы, а не частью решения. В этом пункте он остался верен своему слову и, придя к власти, предпринял ряд шагов по ограничению федеральной власти. Правда, кое в чем Рейган изменил своим прежним взглядам: в частности, вдохнул новую жизнь в программу национальной обороны и усилил лидирующие позиции исполнительной власти.

«Утро в Америке»: рейгановская политика

Во время предвыборной кампании Рейган использовал броский оптимистический слоган: «В Америке снова наступило утро». По телевизору вновь и вновь крутили рекламные ролики, в которых простому обывателю внушали: победа не за горами. Очень скоро упадок сменится процветанием; не сегодня, так завтра национальный престиж Америки возродится и заставит забыть о сегодняшней постыдной слабости; американский патриотизм возобладает над цинизмом; на смену отчаянию придет надежда. Все, что для этого требуется, – реставрация индивидуализма взамен не оправдавшего себя коллективизма; частная инициатива должна восторжествовать над государственным контролем, вооруженная мощь – над мягкотелостью, а испытанные национальные ценности – над нынешним невнятным «релятивизмом».

В экономическом плане Рейган ратовал за либерализацию частного предпринимательства и сворачивание программы построения государства всеобщего благосостояния. Каким образом открыть дорогу свободному рынку и одновременно обуздать государственный контроль? Рейган полагал, что легче всего это сделать, сократив денежный поток, поступающий в Вашингтон. Если снизить налоги, рассуждал он, то доллары, которые сейчас оседают в руках бюрократов-расточителей, будут оставаться в карманах простых американцев и хозяев бизнеса. Рядовые потребители потратят эти деньги на приобретение товаров, частные предприниматели – на дополнительные инвестиции, что приведет к расширению производства и созданию новых рабочих

мест. Больше работы означает больше доходов. А чем больше денег получает человек, тем легче он их тратит – в частности, на новые капиталовложения. Таким образом, процесс будет продолжаться, обеспечивая устойчивый рост экономики, увеличение трудовой занятости и покупательной способности населения. Со временем можно даже ожидать повышения доходов от налогов, поступающих правительству. Одновременно Рейган стремился облегчить работу рынка – главного генератора богатства. С этой целью он намеревался «прижать» бюрократизм с его бумажной волокитой, которая невидимыми нитями опутывает бизнес, мешая работать, расхолаживая охотников до рискованных операций и в конечном счете снижая конкурентоспособность Соединенных Штатов в их борьбе с другими, менее регламентированными производителями.

Свою экономическую модель республиканцы строили на концепции «приоритета предложения» и для ее реализации планировали три направления действий. Прежде всего, Конгресс понизил ставки налогов (причем как личного подоходного, так и налога на прибыль). Три года спустя личный подоходный налог уменьшился в общей сложности на 25 %. Вторым важным элементом политики республиканцев являлось снижение государственных расходов. Основным пунктом экономии, как всегда, стали социальные программы и программы поддержания уровня жизни населения. Кроме того, Конгресс урезал ассигнования на транспорт, охрану природных ресурсов, торговлю, образовательные программы и жилищное строительство. Практически были заморожены все энергетические проекты. В-третьих, предусматривалось сокращение масштабов государственного регулирования экономики. Правительство значительно сузило контроль над процессами консолидации

частного бизнеса и работой фондовой биржи. Радио- и телевидение, окружающая среда, производство товаров потребления, здравоохранение – все эти сферы оказались практически безнадзорными.

В юридическом плане Рейган стремился «снять правительство с закорок общества». Для этого он создал систему федеральных судов, ориентированную на «ограничение». Перед судьями ставилась конституционно ограниченная задача интерпретации закона вместо активного «делания» политики. Президент провел четыре назначения в Верховный суд, среди которых оказалась и Сандра Дэй О'Коннор – первая женщина-судья в составе Верховного суда. Хотя принципиальная позиция судей по принятым ранее решениям и не изменилась, все же общая направленность деятельности значительно «поправела». Особенно это касалось дел, связанных с легализацией аборт, случаев предоставления преимущественных прав, вынесения смертных приговоров и обвинений в дискриминации. Новый президент не обошел вниманием также федеральные окружные и апелляционные суды, наполовину укомплектовав их состав своими людьми. В целом деятельность Рейгана в этой области вполне «тянет» на полновесную реформу судебной системы, подобную той, что предпринял Франклин Рузвельт.

В военном плане рейгановская администрация демонстрировала скорее стремление к проявлению силы, чем к ее ограничению. Президент полагал, что политика «разрядки напряженности» – инструмент слишком тонкий и сложный. Вряд ли он окажется эффективным для достижения поставленных целей, среди которых первейшие – процветание американской нации и переделка мира в соответствии с ее пожеланиями. Новые времена требуют нового подхода – смелого и решительного. Поэтому Рейган объявил о

намерении провести модернизацию вооруженных сил США. Он торжественно пообещал поддерживать «борцов за свободу» в любом уголке планеты. Рейган отвергал принцип «гарантированного взаимного уничтожения» и настаивал на победе Соединенных Штатов в любом предполагаемом ядерном конфликте.

Имперские амбиции президента Рейгана обошлись стране недешево. За те годы, что он находился у власти, расходы на национальную оборону увеличились почти вдвое – с 157 млрд до 303 млрд долларов. Новые военные программы (в корне отличавшиеся от тех, что принимались в конце 1960-х годов) поглощали все больше федеральных средств. С 1981 по 1989 год военные затраты выросли с 23 % до 28 % общей суммы государственных расходов, в то время как затраты на социальную сферу и прочие «человеческие» нужды за тот же период уменьшились с 53 % до 48 %. Самым амбициозным – или, как некоторые считают, самым спорным – проектом Рейгана стала «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), имевшая целью создание ядерного щита Соединенных Штатов. Конгресс с подозрением отнесся к этому проекту, но тем не менее санкционировал его финансирование. Деньги на СОИ продолжают исправно поступать и сегодня, в начале XXI века.

В дипломатической сфере Рейган проявил себя убежденным защитником основных американских интересов, направленных на защиту личности и свободы рынка. Он заклеил Советский Союз как «империю зла», ведущую подрывную деятельность во всем мире. Вот перечень основных грехов, в которых Рейган обвинял СССР: дестабилизация демократических режимов, подстрекательство к революциям и порабощение народа государством. В интерпретации американского президента мир представлял собой застывшую дуалистическую картину – арену борьбы

двух полюсов, добра и зла. Характеризуя перипетии этой борьбы, Рейган возвращался к возвышенной риторике и бескомпромиссному тону времен начала холодной войны. Взаимоотношения со своим главным соперником, Советским Союзом, он строил по законам военного времени: жесткие, даже грубые выражения в словесных поединках, неуступчивая позиция на всех переговорах по вооружению и неуклонное наращивание военной мощи своей страны. Эксперимент с взаимным контролем над вооружением зашел в тупик после того, как Соединенные Штаты разместили новые ракеты с ядерными боеголовками в Западной Америке (и Западной Европе), а Рейган обнародовал свой проект СОИ. Отношения со странами третьего мира – в особенности с государствами Центральной Америки и Карибского бассейна – развивались по принципам, изложенным в «Доктрине Рейгана»: Соединенные Штаты открыто поддерживали любые антикоммунистические движения. Так, в 1981 году администрация Рейгана приняла решение об оказании финансовой помощи и военной подготовке никарагуанских «контрас», ведущих войну против сандинистского правительства. Точно так же США поддерживали ультраправый режим в Сальвадоре, пытающийся репрессивными мерами подавить революционное движение в стране. А осенью 1983 года американские войска высадились на карибском острове Гренада с целью свержения левого правительства. На Ближнем Востоке Рейган начал свое президентство с несомненного успеха: как раз в день его инаугурации иранские фундаменталисты освободили американских заложников в Тегеране. В 1982 году власти США ввели «миротворческие» части в Ливан, присоединившись к другим международным войскам. Однако их пребывание там было недолгим: после того как в следующем году американские казармы подверглись

нападению, правительство приняло решение о выводе солдат из Ливана, что и было исполнено в 1984 году. Характерно, что администрация Рейгана не сумела даже четко объяснить, какие цели США преследовали в этом регионе. В 1985 году американские граждане снова оказались в заложниках – на сей раз у ливанских террористов. В 1986 году Соединенные Штаты начали бомбардировки Ливии, чтобы наказать (а возможно, и устранить) ее национального лидера Муаммара аль-Каддафи за поддержку международного терроризма.

Результаты рейгановской внутренней политики

В конечном счете Рейган одержал достаточно побед, чтобы обеспечить себе поддержку избирателей и победу на выборах 1984 года, так что на второй срок он прошел вполне заслуженно. Но старт был нелегким. Через год после того как Рейган провел в 1981 году запланированное снижение налогов и правительственных расходов, страна оказалась в тисках экономического спада – самого тяжелого со времен печально знаменитых 1930-х годов. Уровень безработицы вырос до 11 %, побив все рекорды с 1940 года. Однако уже к концу 1983 года наметилась стойкая тенденция к улучшению. Федеральная резервная система проводила жесткую кредитно-денежную политику, нефтедобывающие компании ослабили контроль над ценами на сырую нефть, военные расходы стимулировали развитие некоторых секторов промышленности, а логика экономического спада позволяла держать цены в узде.

В будущем перед американской нацией открывались весьма приятные перспективы. Инфляция, этот неизменный кошмар современной экономики, замедлила рост. Если в первый год правления Рейгана стоимость жизни выросла на 9 %, то позже этот рост составлял всего 4 % – большой прогресс после 12-13-процентного увеличения, который наблюдался в последние годы при Картере. В конечном счете правительству Рейгана удалось взять под контроль ситуацию, которая казалась безнадежной. Еще два важных показателя – процентная ставка по кредитам и уровень безработицы – снизились вдвое, что стимулировало уровень продаж потребительских

товаров и объемы инвестиций. Экономика на подъеме создала свыше 14 млн новых рабочих мест. Реальный доход, остающийся после уплаты налогов, вырос на 27 %. ВВП страны, даже с учетом инфляции, скачком увеличился на 28 %. Промышленный индекс Доу – Джонса, главный показатель фондовой биржи, удвоился, и при этом рынок ценных бумаг стал более безопасным. К концу 1990-х годов большая часть американцев предпочитала держать свои капиталы в акциях и облигациях. К 2000 году индекс Доу– Джонса вырос в 10 раз.

Однако существовал ряд проблем, омрачавших виды американцев на будущее. В то время как *совокупное* национальное богатство возросло, *распределение* его стало еще более неравномерным. Если в конце 1970-х годов верхушка общества (примерно 1 % населения) держала в своих руках одну пятую национального достояния, то в конце 1980-х годов эта доля уже равнялась одной трети. К тому моменту как Рейган оставил свой пост, 10 % богатейших людей Америки контролировали две трети всей частной собственности. Примерно одна пятая американских семей, принадлежащая к элите общества, имела все основания радоваться жизни: их доля в совокупном национальном доходе постоянно росла. В то же время остальные четыре пятых вынуждены были мириться с тем фактом, что их доля неуклонно падает. Проще говоря, богатые становились еще богаче, а бедные, соответственно, беднее. Еще при Никсоне наметилась тревожная тенденция: процесс обнищания американцев шел со все возрастающей скоростью. К 1983 году свыше 15 % населения жили в бедности – наивысший показатель с 1960-х годов. К концу пребывания Рейгана в Белом доме процент бедных остался на том же уровне, что и в начале этого срока. Его администрации так и не удалось улучшить жизнь беднейших членов общества.

Большая часть вновь образованных рабочих мест относилась к низкооплачиваемым. Возможность получить работу в производственной сфере уменьшалась, поскольку с некоторых пор корпорации предпочитали иметь дело с более дешевой рабочей силой за рубежом. Перспектива потерять работу вдруг обрела реальность для любого из «синих воротничков» – независимо от уровня образования и квалификации. Процент организованных рабочих с устойчивой зарплатой и пенсией неуклонно снижался с начала 1970-х годов. Если в 1945 году профсоюзами была охвачена треть рабочего класса Америки, то в конце 1980-х годов эта цифра снизилась вдвое. Другими словами, обещанное процветание наступило, но пришло далеко не ко всем американцам.

Не меньше поводов для беспокойства доставляло безответственное поведение правительства. Президентский консерватизм не распространялся на финансовую сферу. Всякий раз, когда доходило до чрезмерных трат (а для администрации Рейгана это была рядовая ситуация – тратить больше, чем имеешь), старина Рузвельт выглядел просто крохобором перед нынешним президентом. На момент вступления Рейгана в должность бюджетный дефицит достиг рекордной цифры в 79 млрд долларов, и казалось, дальше ехать некуда. И что же? По прошествии двух президентских сроков Рейгана эта цифра выросла чуть ли не вдвое. Даже самые великодушные и, так сказать, «откорректированные» отчеты вынуждены были признавать характерную черту «рейганомики» – непомерный дефицит бюджета. Речь шла о колоссальных суммах, поспорить с которыми могли лишь затраты на обеспечение победы во Второй мировой войне. За время правления Рейгана сумма государственного долга почти утроилась. Выплаты по ссудным процентам в 1981 году «съедали» 10 центов из

каждого федерального доллара. Восемь лет спустя эти 10 центов превратились уже в 15. В довершение ко всем бедам не только работа уплывала за океан, следом за ней отправлялись и американские доллары. Внешнеторговый дефицит в 1980-х годах вырос в четыре раза (и это в стране, которая за последние сто лет сумела добиться положительного торгового баланса). В результате нация, давно и прочно завоевавшая звание крупнейшего мирового кредитора, превратилась в крупнейшего в мире должника. Фондовая биржа не преминула отреагировать на эту тревожную ситуацию: акции перестали расти в цене. Более того, произошло их катастрофическое падение. В октябре 1987 года индекс Доу – Джонса снизился сразу на 22 %, и это стало самым страшным спадом за последние семьдесят пять лет. Рыночная стоимость обыкновенных акций резко снизилась – на полмиллиарда долларов за одну торговую сессию.

Аморальность чиновников, входивших в рейгановскую команду, лишь усугубляла беды республиканцев. Против них неоднократно выдвигались обвинения – во взяточничестве, незаконном лоббировании, заговорах и злоупотреблении властью. Это не помешало Рейгану уверенно выиграть выборы в 1984 году, но вот его коллеги по партии так и не сумели захватить лидирующие позиции в палате представителей. Хуже того, в 1986 году они утратили контроль и над сенатом. В результате последние два года своего пребывания у власти Рейган вынужден был работать с демократическим Конгрессом. Этому человеку было чем гордиться, но также было и в чем покаяться. Подобно своим предшественникам, республиканским президентам 1920-х годов, он пережил вместе со страной экономический подъем, однако подъем этот был необычным как по размаху, так и по неровному характеру.

Последствия рейгановской внешней политики

Международная политика, которую проводила администрация Рейгана, дала совершенно неожиданные, с точки зрения американских избирателей, результаты. Первый сюрприз касался взаимоотношений с Советским Союзом. Хотя президент в своих публичных выступлениях настаивал на жесткой и бескомпромиссной линии поведения в отношении коммунистической России, это не помешало ему в конце 1980-х годов установить вполне дружеские отношения с кремлевскими лидерами. Не меньшим конфузом обернулись выпренные речи Рейгана о заокеанских задачах Соединенных Штатов, о законе и порядке во всем мире и решительной борьбе с международным терроризмом. Репутация президента оказалась сильно подмочена громким скандалом, в котором присутствовали и продажа оружия, и террористы с заложниками, и злостные нарушения американского законодательства.

Кардинальные перемены, происшедшие в СССР в конце 1980-х годов, до сих пор являются предметом горячих споров аналитиков. Поклонники президента Рейгана доказывают, что именно его жесткая внешняя политика встала на пути советских амбиций. Якобы, поддерживая «борцов за свободу», американский президент вдохнул новую жизнь в антикоммунистическое движение. А наращивание военной мощи США позволило втянуть Советов в заведомо безнадежное соревнование, истощившее их финансовые возможности. Оказавшись на грани банкротства и во враждебном окружении, Кремль был вынужден сдать позиции и отказаться от своих

агрессивных, экспансионистских планов. Однако другие историки в попытках объяснить причины развала Советского Союза предпочитают делать упор не на *внешние* факторы, а на ситуацию, сложившуюся *внутри* страны. Так уж случилось, что в течение короткого промежутка времени (1982-1985) три престарелых партийных лидера один за другим ушли из жизни. После непродолжительного периода замешательства и политического беспорядка открылась дорога к власти для нового кадрового состава. «Молодая» группировка во главе с Михаилом Горбачевым была частью технократического послевоенного поколения, которое негативно относилось к сталинизму и не желало мириться с низкой эффективностью советской экономики и тупиком, в который завела страну война в Афганистане. Итак, в 1985 году к власти пришел Горбачев, который начал реформу экономической структуры СССР и открыл для широкого всенародного обсуждения ряд запретных прежде тем. В частности, советские люди впервые получили возможность высказывать свое мнение по поводу политического строя. Новые тенденции получили броские названия, ставшие известными во всем мире, – «*перестройка*» и «*гласность*».

Эти разительные перемены в России – независимо от причин их возникновения – имели важные последствия на международной арене. В холодной войне наметилось явное потепление. В 1985-1988 годах президент Рейган четырежды встречался с советским лидером. И хотя переговоры по сокращению вооружения за буксовали, зато в 1987 году удалось достичь соглашение о запрещении размещения в Европе ракет промежуточной дальности. Это стало беспрецедентным успехом за 30-летнюю историю переговоров по ядерному оружию. В 1988 году Советский Союз начал вывод своих войск из Афганистана. Достойным

завершением этого «праздника любви и приязни» стали дружеские визиты руководителей двух стран: Горбачева в Америку и Рейгана в Москву. И Рейган, и его преемник Джордж Буш очень хотели сосредоточить все внимание американской нации на этих новых (и таких отрадных) взаимоотношениях со страной, которую раньше именовали не иначе как «империей зла».

Вместо того общественное мнение обратилось к внешнеполитическому скандалу, получившему название «Иран-контрас». В середине 1980-х годов американская администрация ломала голову над решением трех застарелых проблем. Первая была связана с Никарагуа: дело в том, что Конгресс запретил в дальнейшем оказывать помощь отрядам контрас, которые вели войну против сандинистского правительства. Вторая проблема касалась американских заложников, которые по-прежнему оставались в руках ливанских террористов. И наконец, третью проблему составляли американо-иранские отношения, которые на тот момент оставляли желать лучшего. Иран, где правил аятолла Хомейни, вел войну против Ирака и поддерживал тесные связи с радикально настроенными группами ливанских фундаменталистов. Сотрудники ЦРУ и Совета национальной безопасности совместными усилиями разработали, казалось бы, идеальное «решение», призванное одним махом разрешить все три проблемы. Идея заключалась в том, чтобы наладить отношения с умеренной фракцией в Иране и продавать ей оружие. Это оружие очень пригодилось бы иранцам в их войне против Ирака, а в знак благодарности они наверняка согласились бы оказать нажим на ливанцев в вопросе с американскими заложниками. Вырученные же от продажи оружия деньги можно было бы использовать на поддержку никарагуанских контрас. Конечно, все надлежало проверить в полном секрете. Ведь

«сделка» с террористами противоречила официальной политике американского руководства, а помощь никарагуанским мятежникам, по сути, была противозаконной. Однако, по мнению хитроумных аналитиков из ЦРУ, игра стоила свеч. Ведь в результате рискованной игры США получали тройные дивиденды: улучшали отношения с Ираном, обретали надежду на освобождение заложников и наносили удар по коммунизму. Однако сохранить все в тайне не удалось. Осенью 1986 года Конгресс начал расследование по делу о продаже оружия. Ключевые фигуры развернувшегося скандала – подполковник Норт и сотрудники СНБ – всеми силами пытались спрятать концы в воду: в ход пошли и уничтожение компрометирующих документов, и прямое лжесвидетельство в Конгрессе. Министр обороны и госсекретарь утверждали, что противились сделке и связанному с ней обману. Директор ЦРУ скончался еще до того, как вскрылась его неприглядная роль во всей этой истории. Но в любом случае политической репутации Рейгана был нанесен серьезный урон.

А ведь как раз непосредственно перед «иранским» скандалом в одном из солидных деловых изданий появилась хвалебная статья, авторы которой восхищались рейгановским стилем управления. Дескать, президент лично заботится о соблюдении общих принципов намеченной политики, во всем же остальном полагается на своих проверенных помощников. Таким образом, каждый занимается своими обязанностями – к вящей пользе общего дела. Скандальные разоблачения по делу «Иран – контрабанды» поставили под сомнение достоинства этой схемы. В конце концов Рейган признал, что продажа оружия велась с его одобрения, но по его словам выходило, будто это был единственный путь умиротворить Иран. Он решительно отрицал свою связь с террористами,

проявляя удивительную забывчивость относительно подробностей некоторых встреч на высоком уровне. Президент уверил членов Конгресса, что ни сном ни духом не ведал о попытках нарушить или обойти закон. Собственно, вся линия самозащиты Рейгана строилась на этой забывчивости и невнимательности к деталям. Президентским помощникам не оставалось ничего другого, как поддержать игру. Они всячески выгораживали своего босса, запутывая дознание и игнорируя общественное мнение. Создавалось впечатление, будто все беззакония, допущенные исполнительной властью, проистекали из той самой президентской позиции «самоустранения и невмешательства», которую недавно так нахваливали специалисты из толстого журнала.

И все же – несмотря на сомнительное руководство, сомнительную этику и не менее сомнительное процветание – Рейган сохранил бешеную популярность. Он вполне мог бы остаться на своем посту и на третий срок, если бы предусмотрительные республиканцы еще в конце 1940-х годов не озаботились принять поправку, исключаящую подобную возможность. В политической карьере Рейгана присутствовали некоторые деликатные моменты, когда поведение президента оставляло желать лучшего. Однако в общем и целом можно сказать, что он пользовался колоссальной поддержкой американского народа. В своей деятельности он всегда предпочитал уверенность тревоге, индивидуализм государственности, предприимчивость жесткому регулированию и мировое лидерство дипломатической осторожности. Благодаря этому Рейган стал зачинателем нового политического курса и большой проблемой для республиканцев, которым пришлось основательно пересмотреть свою стратегию по завоеванию Белого дома.

Президент Буш и новый мировой порядок

На выборах 1988 года демократам удалось обеспечить себе большинство в Конгрессе, однако хозяином Овального кабинета по-прежнему оставался республиканец, рейгановский вице-президент Джордж Буш. Этот человек родился в привилегированном семействе, и удача сопровождала его на политическом поприще, когда Буш унаследовал президентский пост от Рональда Рейгана. Однако нельзя сказать, что это «наследство» принесло Бушу лавры победителя. Он снискал признание общественности за улучшение мирового статуса Америки, но показал себя совершенно несостоятельным в решении внутриполитических проблем. За что и поплатился президентским креслом.

На протяжении четырех десятилетий, за которые сменилось девять разных правительств, Америка жила и дышала одной идеей – идеей сдерживания коммунистического врага. Эта одержимость держала в напряжении целое поколение, порождая тревогу и неуверенность в душах людей. Она формировала американскую стратегию на международной арене, диктовала условия развития вооруженных сил США и помогала лимитировать потребление внутри страны. Она же стала причиной двух дорогостоящих войн, унесших жизни свыше 100 тыс. американцев. А затем идеология, построенная на глобальном противостоянии, стала вдруг неактуальной, поскольку невидимая линия, разделявшая мир, внезапно исчезла. В 1989–1991 годы произошел ряд важных событий: выборы в Советском Союзе, демократическое движение в восточноевропейских странах, падение берлинской стены и воссоединение двух Германий, образование

независимых прибалтийских государств и формирование Содружества Независимых Государств (СНГ). Все это были приметы того, что Буш назвал «новым мировым порядком».

Война, которая столь долго определяла направление и акценты внешней политики США, окончилась. В отсутствие четко обозначенного врага все прежние ориентиры и громкие лозунги потеряли свой смысл. На протяжении 1990-х годов американские лидеры пытались (надо сказать, без особого успеха) сформулировать новые принципы внешней политики взамен тех, что потеряли актуальность.

Бывший Советский Союз по-прежнему изнемогал под грузом целого сонма политических, экономических, этических и военных проблем. Президент Буш чувствовал, что в таком состоянии его республики представляют скорее риторическую угрозу американским интересам. Отныне Соединенные Штаты могли более свободно действовать на международной арене.

Внешнеполитические инициативы Буша можно разделить на три направления. Первое касалось процесса военной деэскалации. США и России удалось наконец-то договориться об *уменьшении* (а не просто ограничении) стратегического ядерного вооружения и сокращении численности войск в Европе. Второе направление было связано с региональными конфликтами. В конце 1989 года Соединенные Штаты ввели свои войска на территорию Панамы для свержения военного диктатора Мануэля Антонио Норьеги. У генерала Норьеги за плечами была весьма «выдающаяся» карьера: этот человек подтасовывал результаты выборов, пережил государственный переворот, работал *одновременно* на ЦРУ и Кастро, был обвинен в наркоторговле и денежных махинациях. Он восемь лет правил Панамой и, возможно, правил бы и

дальше, если бы не навлек на себя гнев Соединенных Штатов.

Третья инициатива президента Буша была связана с возникшей экономической угрозой ценным природным ресурсам и политической угрозой союзникам США. В августе 1990 года Саддам Хуссейн, иракский президент, которого Штаты ранее поддерживали в войне с Ираном, совершил неожиданный шаг – вторгся на территорию нефтеносного Кувейта. Затем иракская армия планировала напасть на Саудовскую Аравию. Американский президент отреагировал незамедлительно. В одностороннем порядке он ввел войска США в Персидский залив. На международном уровне Буш организовал осуждение Ирака и сформировал многонациональный вооруженный контингент. ООН приняла экономические санкции против Ирака, послала вооруженные силы в регион и в ультимативной форме потребовала до середины января вывести иракские войска из Кувейта. Буш получил от Конгресса согласие на проведение военной операции в районе конфликта. На протяжении 40 дней (с 16 января) объединенные вооруженные силы 28 государств бомбили территорию Ирака и его армейские соединения в Кувейте. Двадцать четвертого февраля началась наземная война. Союзным войскам потребовалось 100 часов, чтобы вышвырнуть иракских захватчиков из Кувейта. В войне приняли участие свыше полумиллиона американских солдат, потери составили 300 человек. Хуссейн остался у власти. Соединенные Штаты не пожелали ввести войска в Ирак, чтобы поддержать оппозицию (хотя раньше подталкивали ее к перевороту). Это не помешало миллионам американцев восхищаться своим президентом, который организовал успешную военную кампанию, продемонстрировав всему миру стратегическое искусство, технологическое

превосходство и политическую силу Соединенных Штатов.

Война в Персидском заливе

Слабость внутриполитического положения

Победа в Персидском заливе принесла Бушу немалые дивиденды. Его рейтинг популярности подскочил почти до 90 %. Торжественные встречи участников войны в заливе проходили с таким энтузиазмом, какой был бы немыслим в 1970-х годах. Президент принял решение баллотироваться на второй срок, однако потерпел поражение на перевыборах – не в последнюю очередь из-за того, что чересчур увлекся собственным военным триумфом и забросил внутриполитические дела. К тому же Буш вынужден был работать с демократическим Конгрессом, который тормозил его законодательные инициативы. Как выяснилось, военного успеха в Персидском заливе недостаточно, чтобы одержать победу на выборах 1992 года.

В свое время, придя к власти, Буш торжественно заверил народ, что намеревается продолжать рейгановскую политику. Один из самых его привлекательных слоганов звучал так: «Нет новым налогам». Речь, конечно же, шла не о *снижении* налогов – государственные долги и дефицит бюджета делали это невозможным, – но, по крайней мере, американцам было твердо обещано *не повышать* налоги. Кроме того, Буш обещал сделать Америку «более мягкой и доброй», выбрав в качестве модели «рейганизм с душой». В самом деле, за годы его правления правительственные расходы на оборону страны упали до 20 %, в то время как затраты «на население» увеличились почти до 60 %. Были приняты новые законы о гражданских правах, о помощи инвалидам и об охране чистого воздуха. Во время проведения операции по уничтожению иракских

войск в Кувейте и на юге Ирака (кодовое название «Буря в пустыне») Буш назначил Колина Пауэлла главой объединенного комитета начальников штабов – тот стал первым афроамериканцем на этом посту. Он также ввел в Верховный суд еще одного чернокожего судью, Кларенса Томаса.

Но давайте разберемся: что же получили американцы от своего «более мягкого и доброго» президента? Для этого обратимся к экономике. На первый взгляд, картина действительно выглядит достаточно «мягкой». ВВП страны увеличился почти на 20 %, а ценные бумаги «подросли» на целых 50 %. Однако в целом экономический бум 1980-х пошел на спад. В самом начале президентства Буша отмена государственного регулирования и спекулятивные капиталовложения породили кризис в сфере ссудно-сберегательных учреждений; понадобились сотни миллиардов федеральных долларов, чтобы его погасить. Как только финансовое положение внутри страны слегка выправилось, наметился экономический спад в промышленности, который продлился с 1990 по 1992 год. Уровень безработицы вырос до 7,5 %. Процентная доля бедных в общем населении перевалила за 15 %. При администрации Буша лишь 20 % американцев могли похвастать тем, что их доля в общенациональном богатстве увеличилась; остальные 80 % вынуждены были мириться с уменьшением собственной доли. Средний доход упал – факт тем более тревожный, что на протяжении всех 1980-х годов отмечался неуклонный рост этого показателя. Кривая инфляции неизменно ползла вверх, рост ее сдерживался лишь экономическим спадом. К концу правления Буша дефицит бюджета увеличился на 67 %, а сумма общего национального долга выросла на 50 %.

Что касается «доброты» внутренней политики, то тут весьма показательное заявление президента Буша о

том, что общественное сострадание (равно как и накопление богатств) должно быть в значительной мере частным делом. В целях поощрения духа волонтаризма он инициировал программу с поэтическим названием «Тысяча точек света». Люди, принимавшие участие в этой программе, пытались самостоятельно – без помощи и поддержки правительства – изменить к лучшему жизнь в родной стране. Говоря об этой программе, президент приводил примеры самоотверженного, бескорыстного труда простых американцев. Это не могло не произвести впечатления на слушателей. Но следует признать, что пропагандируемая Бушем стратегия была очень близка по духу к позиции Гувера, который верил, что частная инициатива способна стать решением всех социальных проблем. Ориентация на индивидуальные, независимые (в духе узкого, местнического патриотизма) усилия по сути являлась шагом назад, возвращая общественное мнение к традиционным и, увы, не оправдавшим себя реформам минувших дней.

Попытка Буша подключить к работе федерального правительства разнообразные группы населения тоже столкнулась с рядом трудностей. Немало проблем возникло с назначением Кларенса Томаса в Верховный суд. Вместо ожидаемого одобрения рекомендация президента вызвала бурю возражений. Особенно яростно сопротивлялись «черные» организации, которые пророчили, что известный своими консервативными взглядами судья Томас сведет на нет все юридические завоевания последних 40 лет. Представительницы феминистического движения вытащили на свет старую историю о сексуальных домогательствах, которые якобы имели место со стороны Кларенса Томаса по отношению к его помощнице, профессору права Аните Хилл. В конце концов сенаторы утвердили назначение, но

предварительно изрядно и, главное, совершенно неожиданно помотали нервы президенту Бушу и его администрации.

Итак, что же дал своему народу мистер президент Нет-Новым-Налогам? Естественно, новые налоги. Загнанный в угол обстоятельствами (все теми же растущими долгами и дефицитом бюджета), Буш скрепя сердце принял предложенный Конгрессом план бюджета на 1990 год. Среди всего прочего в этом плане предусматривались и новые налоги. В результате президент пострадал дважды: мало того, что он нарушил торжественно данное слово, так еще и принес бесполезную жертву. Введенные налоги не смогли уменьшить дефицит бюджета, на что рассчитывал Буш вместе с конгрессменами.

В большинстве случаев создавалось впечатление, будто президент Буш вообще не имел никакой стратегии решения внутривнутриполитических проблем. Если же ему доводилось громко и четко сформулировать свою позицию по какому-либо вопросу (как, например, с налогами), то позже он обычно отступал от своего же решения. Президент, который проявил себя решительным и успешным лидером в войне с внешним врагом, оказался совершенно беспомощным перед лицом «домашних» трудностей. Растратив силы в беспорядочной (и безуспешной) борьбе с неуклонным сползанием страны в трясину экономического спада, Буш не смог должным образом противостоять политическим оппонентам и проиграл выборы 1992 года.

Триумф центра: президентство Клинтона

Основным противником Буша оказался кандидат от демократов, Билл Клинтон из Арканзаса. Он сфокусировал внимание на одном вопросе: на стенах его предвыборного офиса красовался лозунг «Все дело в экономике, чудак». Демократы надеялись, что тема экономического кризиса поможет отвлечь избирателей от военных достижений Буша.

Клинтон оказался прав. Бывший губернатор сумел обойти двух конкурентов и выиграл выборы 1992 года. Он перехитрил республиканца Буша, который пытался заигрывать с правым крылом его собственной партии. Точно так же он обошел и третьего претендента – внешне простоватого, но хитрого и изворотливого Х. Росса Перо. Перо являлся независимым кандидатом и вел себя по меньшей мере непредсказуемо: сначала он вступил в предвыборную гонку, затем вышел из нее, а после снова вернулся – и все без каких-либо разумных объяснений, ссылаясь лишь на личные финансовые проблемы. Народ, увлеченный интригой кампании, валом валил на избирательные участки. Но тут, как водится, мнения разделились. На всеобщем голосовании Клинтон сумел набрать лишь 43 % голосов и стал так называемым кандидатом «меньшинства», не обладающим безусловным мандатом электората (в этом звании он пребывал до самых перевыборов 1996 г.). Однако в 1993 и 1994 годах его коллегам по партии удалось обеспечить себе большинство и в палате представителей, и в сенате. Впервые со времен Джимми Картера демократы доминировали в Конгрессе.

Надо отдать должное Клинтону: он проявил максимум энергии, сознательности и аккуратности в

общении с избирателями. Излагая свою политическую платформу, он предпочитал позиционировать себя как «центриста». Клинтон стал одним из организаторов Совета демократического руководства – организации, выступавшей за смещение позиций партии к политическому центру. Члены Совета стремились отойти от старых политических рецептов, они устали слушать обвинения в финансовой безответственности, экономической отсталости, преданности особым интересам и неспособности адекватно реагировать на изменения рынка. «Новые демократы» Клинтона хорошо усвоили уроки, преподанные им Рейганом и Бушем. Республиканцы в пух и прах разнесли логику «нового курса» и «Великого общества» и, похоже, попали в точку: старая левая гвардия была более искусна в защите, чем в переоценке либерального курса. Клинтон полагал, что небольшая ревизия не помешает. Следовало избавиться от некоторых неудачных программ, вместо них добавить новые, помешать республиканцам перехватить инициативу в вопросах морали и культуры и продемонстрировать демократам, что же на самом деле помешало им сдержать свои обещания. Это должно было сработать и привести к успеху.

Клинтон выбрал именно такую линию поведения. Сторонникам правого курса он клятвенно пообещал реконструировать сферу социального обеспечения, снизить торговые ограничения, обуздать преступность, возродить дух конкуренции и усилить финансовую ответственность. Левым посулил доступные программы здравоохранения, налоги на богатых, меры по защите окружающей среды, защиту прав на прерывание беременности и устранение экономической поляризации в обществе. Для тех, кто посередине, у Клинтона имелась своя приманка – улучшение образовательных программ, технологическое

переоснащение, снижение налогов для среднего класса и программа обновления изношенных дорог, туннелей и мостов.

Поведение президента можно оценивать по-разному. Кто-то скажет, что он старался угодить всем подряд, больше заботясь о голосах избирателей, чем о логически последовательной стратегии и грамотном руководстве. Но более благосклонные критики возразят, что Клинтон предложил альтернативу тем, кто устал от избитых стереотипов, вечного чувства безысходности и глухого к народным нуждам правительства. Своего предшественника Буша Клинтон связывал с правым флангом, а сам предпочитал держаться подальше от левых, симпатизируя реформаторам, подобным Перо. Когда настал момент делать выбор, Клинтон выбрал то, что осталось, – обширный американский центр.

По крайней мере, в одном вопросе он был непреклонен: Клинтон не разделял презрения, которое Рейган и Буш питали к правительству. Новый президент обожал политику, он очертя голову бросился в предвыборную кампанию: встречался с избирателями, посвятил себя общественной деятельности и не допускал ни тени сомнений в том, что именно правительство символизирует собой последнюю (и самую верную) надежду на прогресс и справедливость. После долгого и безнадёжного правления республиканцев молодой Клинтон образца 1992 года (так же, как молодой Кеннеди в 1960 г.) бросил вызов ветеранам старой гвардии и пообещал вдохнуть новую жизнь в правительство, стимулировать экономический рост, изменить программы развития, снизить расходы и дефицит бюджета.

К несчастью, Клинтон был похож на Кеннеди кое в чем еще, а именно, в своей склонности скандализировать общество. Во время предвыборной

кампании 1992 года ему пришлось всячески выкручиваться, чтобы объяснить свой призывной статус и рискованные эксперименты с марихуаной. В начале президентского срока Клинтон и его жена столкнулись с обвинением в финансовых махинациях – речь шла о неудавшейся земельной сделке в их родном Арканзасе. Это дело, получившее название «Уайтуотер», тянулось до самого 1999 года. Что еще хуже, Клинтона обвиняли в непристойном поведении. Его скандальные связи с целым рядом женщин (причем поговаривали не только о добровольных союзах, но и о сексуальном насилии) вызвали волну слухов, сильно навредившую репутации будущего президента. Клинтон едва не выбыл из предвыборной гонки 1992 года. За свою неумеренность он вынужден был расплачиваться серьезными ограничениями во время второго президентского срока и процедурой импичмента в 1998 году.

Политические противники обвиняли Клинтона в беспринципности и даже дали кличку Скользящий Билли. В президентской карьере Клинтона насчитывалось немало неудач. Хотя ему относительно повезло с Конгрессом – там доминировали его товарищи по партии, – Клинтон был все равно недоволен: он жаловался, что демократов трудно приручить, а республиканцев трудно выносить. Его предложения в области здравоохранения (удешевление медицинской помощи и как можно более широкий охват нуждающегося населения) были призваны решительно расширить социальное обеспечение – подобная инициатива вносилась впервые за последние тридцать лет. И что же вышло? Оппоненты президента подняли шум по поводу стоимости проекта, сомнительной его эффективности и (о ужас!) недопустимого усиления федеральной власти. Им удалось зарубить законопроект на корню. Обещание Клинтона отменить

запрет на службу гомосексуалистов в армии вылилось в конце концов в слабенький компромисс. План уменьшения налогов на средний класс провалился, а несколько не вполне удачных президентских назначений лишь добавили проблем Белому дому и его хозяину.

Однако было бы несправедливо умолчать и об успехах президента Клинтона. Прежде всего, это касалось экономической жизни страны. Клинтон совместно с Конгрессом выработал план по борьбе с дефицитом бюджета. В качестве мер предлагалось сокращение государственных расходов и повышение налогов. Администрация добилась соглашения о беспошлинной торговле с Канадой и Мексикой. Группа населения с низкими доходами получила при Клинтоне новые налоговые скидки. В социальном плане администрация поддерживала движение за право на аборт, провела ряд законопроектов по контролю за огнестрельным оружием, по борьбе с преступностью и введению отпусков по семейным обстоятельствам. В политическом отношении Клинтон ратовал за расширение диапазона (как в расовом, так и в этническом смысле), из которого черпались кадры для работы в президентском кабинете. Как следствие, правительство более точно и полно отражало структуру американского общества. И наконец, в юридическом плане Клинтону удалось достичь вожделенной цели демократов: не одно, а два назначения в Верховный суд.

Тем не менее безусловные политические достижения Клинтона вкупе с его подмоченной личной репутацией привели к потерям демократической партии в ходе выборов в Конгресс 1994 года. Тот факт, что избиратели были недовольны Бушем, вовсе не означал, что они отказались от самой идеи консерватизма. С 1995 и до самого 2000 года республиканцы удерживали

большинство в обеих палатах Конгресса. Новый спикер палаты представителей Ньют Гингрич возглавил движение республиканцев, которое увенчалось принятием «контракта с Америкой». Эта программа предусматривала сокращение налогов и расходов на социальные нужды, укрепление обороны, усиление борьбы с преступностью, ограничение сроков пребывания в Конгрессе, принятие сбалансированного бюджета и поправок против абортот. Именно бюджетный вопрос стал камнем преткновения, о который разбилась дружба между Конгрессом и Белым домом. Когда в 1995 году разгорелась «бюджетная война», республиканские лидеры добились частичного сокращения федерального правительства – причем проделали это дважды.

Впрочем, на следующий год удалось достичь согласия, по крайней мере по одному вопросу – ревизии концепции государства всеобщего благосостояния. Номинально новый план делал упор на такие понятия, как «персональная ответственность» и «рабочие возможности». На деле же это означало, что экономическое благосостояние каждого гражданина является в значительной мере его личной проблемой. Как было объявлено, отныне бездельники в Америке не приветствуются. Закон отменял централизованную социальную помощь из Вашингтона и распределял ответственность между штатами. Вместо того чтобы расширять поддерживающее финансирование, закон уменьшал федеральные затраты на социальную сферу. Кроме того, новый закон вводил временные ограничения на получение пособий и заставлял все трудоспособное население работать.

В конце концов Гингрич перегнул палку, его противостояние с Белым домом оказалось чересчур затяжным и жестким: после упомянутого сокращения правительства популярность спикера катастрофически

упала. На президентских выборах 1996 года Клинтон одержал убедительную победу над канзасским сенатором Робертом Доулом, представителем республиканского центра. В следующем, 1997 году Гингрич подвергся осуждению Конгресса за финансовые махинации и был приговорен к крупному денежному штрафу. В 1998 году после очередных выборов в Конгресс, где республиканцы потеряли часть мест, Гингрич принял решение покинуть палату представителей.

Тем временем экономическое положение в стране заметно улучшилось, и это принесло политические дивиденды президенту. Кривая инфляции достигла пика в 3,3 %, но в последние годы десятилетия опустилась до 2 %. Реальный средний доход, который во время президентства Буша снизился, при Клинтоне повысился. Впервые с середины 1970-х годов сложилась уникальная ситуация: доля «верхних» 20 % населения в общем национальном богатстве снижалась, а доля самых «нижних» 60 %, наоборот, росла. В течение первого президентского срока Клинтона уменьшилась процентная доля бедных в населении страны. За тот же период уровень безработицы упал ниже 5 %. Главный индекс промышленных фондовых бирж в 1993–1999 годах утроился.

Однако самые удивительные вещи происходили с национальным бюджетом. В 1993 году федеральное правительство утвердило бюджет с дефицитом 255 млрд долларов. Шесть лет спустя перед Клинтоном и Конгрессом встала другая задача: что делать с излишками бюджета? Такого не случалось уже тридцать лет! В новом варианте бюджета предусматривалось снижение расходов на оборону до 15 %, при одновременном росте (до 63 %) расходов на «человеческий сектор». Таким образом, пропорции, установившиеся еще в начале 1950-х годов, коренным

образом поменялись. Доходы росли, равно как и трудовая занятость населения, инфляция снижалась, увеличившиеся прибыли породили новые дебаты в Конгрессе: как лучше поступить с этими деньгами? Потратить на жизненно важные программы или же попытаться уменьшить поток денежных поступлений через снижение налогов?

К 1997 году Клинтон успел создать себе сильную поддержку, но после двух лет слухов и скандалов вынужден был бороться за каждый процент народных голосов. Большим ударом по репутации президента оказалось обвинение в политическом фандрайзинге: выяснилось, что наиболее щедрые дарители получали за свои пожертвования посты в Белом доме и дефицитные участки на федеральных кладбищах. Причем, по слухам, часть незаконных денег поступала от иностранных граждан, даже от офицеров китайской армии. Еще одной весьма болезненной проблемой стало продолжающееся разбирательство по делу «Уайтуотер», которое проводил независимый прокурор Кеннет Старр.

Моника Левински

В январе Старр расширил свое расследование и предъявил Клинтону новое обвинение: якобы тот чинил препятствия суду во время рассмотрения дела о его сексуальных домогательствах в отношении Полы Джонс, бывшей государственной служащей из

Арканзаса. Адвокат этой дамы представил отчет, в котором утверждалось, будто Клинтон имел недостойные связи и с другими женщинами. В качестве одной из них называлась Моника Левински, стажер в Белом доме. Однако в ходе дознания Моника опровергла это утверждение. Клинтон – будучи приведен к присяге и позже, в телевизионном обращении к нации – также отрицал свою связь с мисс Левински. Дело Полы Джонс было изъято из судопроизводства, но Старр продолжал расследование. Он искал доказательства возможного сокрытия преступления, препятствования отправлению правосудия и лжесвидетельства со стороны президента. В августе 1998 года Клинтон предстал перед Большим жури присяжных. Последовало дотошное, полное юридического крючкотворства разбирательство. Президент признал, что имел «неподобающие отношения» с Левински, но, по его словам, формально это не являлось сексуальным контактом. Он признал, что его поведение было «ошибочным» и что позже он пытался защитить себя и свою семью от нежелательной огласки.

Независимый прокурор подготовил специальный доклад для палаты представителей, в котором сосредоточился уже не на деле «Уайтуотер», а на недостойном сексуальном поведении президента, его лжесвидетельстве, попытках фальсифицировать свидетельские показания и препятствовании правосудию. В ноябре 1998 года юридический комитет палаты представителей начал рассмотрение дела. В декабре члены палаты большинством голосов приняли решение о виновности Клинтона в лжесвидетельстве и попытках помешать судебному разбирательству, после чего начали подготовку к процедуре импичмента. В начале 1999 года состоялся суд сената. Хотя большинство сенаторов осуждали поведение

президента, они не нашли в его действиях (сколь бы прискорбными те ни казались) достаточных оснований для освобождения от должности. Публика в основном разделяла эту позицию и подвергала сомнению методы, которые использовали Старр и конгрессмены-республиканцы. В результате Клинтону удалось избежать импичмента, но из этой истории президент вышел с подмоченной репутацией. В последующие годы он пытался вновь наладить свою семейную жизнь, предусмотрительно избегал сомнительных политических дебатов и всеми силами старался перенести внимание нации на борьбу с бедностью и болезнями.

Внешняя политика в 1990-х годах

На международной арене Соединенные Штаты по-прежнему оставались сильным игроком, проводящим активную, интервенционистскую политику. Однако внешняя политика не являлась сильной стороной президента Клинтона. Подобно своему предшественнику Бушу он так и не сумел выработать твердой и последовательной линии в отношениях с другими странами. Избиратели, похоже, прекрасно осознавали данный пробел в карьере своего президента и не винили его в этом. Тот факт, что американские избиратели охотно прощали Клинтону недостаток опыта и заинтересованности в международных делах, красноречиво свидетельствует о сдвигах, происходивших во внешней политике США.

Откровенно говоря, временами трудно было понять, какого же курса придерживается администрация Клинтона.

Так, например, Соединенные Штаты вывели свои войска из голодающего Сомали, когда сложившаяся политическая обстановка осложнила оказание гуманитарной помощи. Точно так же американцы воздержались от вмешательства в Руанде, несмотря на творившиеся там широкомасштабные зверства. Возможно, подобное безразличие объяснялось удаленностью региона. Во всяком случае, у себя под боком США проявляли куда больше решимости: как только на Гаити возникла угроза для демократически избранного правительства, президент Клинтон изъявил готовность послать войска для поддержания порядка. Правда, в последнюю минуту гаитянские генералы одумались, и американское вторжение не состоялось. Американцам пришлось вплотную столкнуться с

проблемой доморощенного терроризма: сначала в 1993 году, когда подвергся нападению Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, а затем в 1995 году, когда взлетело на воздух здание федеральных служб в Оклахома-Сити. Администрация проводила активное расследование, особенно в тех случаях, когда в деле участвовали антиправительственные элементы, белые экстремисты и религиозные радикалы. Однако правительственная стратегия не включала в себя «превентивные» военные действия или же тайные акции против международных террористов.

Клинтон рассчитывал, что внимание к вопросам внешней политики поможет разрешить экономические проблемы внутри страны. Основываясь на дипломатических прецедентах до 1930 года, он ратовал за ослабление торговых барьеров в отношениях с другими странами. Логика президента была проста: нация, которая обеспечена источниками сырья и рынками сбыта, будет менее склонна прибегать к насилию как гарантии своей безопасности. В 1994 году вступили в силу новые торговые соглашения с Мексикой и Канадой. Клинтон также одобрил установку на снижение тарифов, выработанную международной организацией под названием «Генеральное соглашение по тарифам и торговле» (ГАТТ). Администрация президента рассчитывала на максимальное ослабление ограничений для американского экспорта и инвестиций.

Президент, однако, быстро усвоил, что это раньше трезвый экономический расчет служил наилучшим объяснением для человеческого поведения. Сегодня же главные проблемы – те самые, с которыми ему приходилось сталкиваться во внешней политике, – были связаны не с рыночными отношениями, а с такими категориями, как национализм, этническая и религиозная принадлежность. Счастье еще, что некоторые проблемы можно было решить за столом

переговоров. Так, в 1993 году американская администрация выступила в роли посредника на Ближнем Востоке, результатом чего стало заключение соглашения между Израилем и Организацией освобождения Палестины. В апреле 1998 года президент Клинтон отправил своего представителя, бывшего сенатора Джорджа Митчелла председательствовать на мирных переговорах по Северной Ирландии. С его помощью делегаты Соединенного Королевства, Ольстерской юнионистской партии, социал-демократической и лейбористской партий, а также представители националистической организации «Шинн Фейн» достигли консенсуса и подписали так называемые «Соглашения Страстной пятницы».

К сожалению, не все конфликты удавалось уладить путем переговоров. Самый тяжелый кризис клинтоновской внешней политики был связан с событиями в Югославии, где обострилась давнишняя этническая вражда. После развала этого федеративного государства в 1991 году сербы вели бесконечную войну с хорватами и боснийцами за власть и территорию. Сербский президент Слободан Милошевич снабжал оружием отряды боевиков, которые проводили этнические чистки среди боснийских мусульман. Они нападали на мирное население, брали в плен, пытали и даже казнили ни в чем не повинных жителей. В 1992 году, после того как информация о чинимых зверствах просочилась в мировую печать, ООН и НАТО ввели миротворческие войска в зону конфликта. В конце 1995 года Клинтон собрал лидеров воюющих сторон в Дейтоне, штат Огайо, для проведения мирных переговоров. В декабре переговорщики, казалось, пришли к согласию, и все вздохнули с облегчением. Соединенные Штаты ввели в Боснию свои войска на правах миротворческого контингента НАТО.

В июле 1997 года Милошевич стал президентом Федеративной Республики Югославия и в таком качестве обратил внимание на повстанческую активность в провинции Косово. И вновь международное сообщество было шокировано жестокостью, с которой осуществляется геноцид – на сей раз против этнических албанцев. В 1998 году Соединенные Штаты и их союзники по НАТО выступили с требованием прекратить истребление албанского народа. Милошевич проигнорировал эти требования, и тогда союзники начали бомбардировку сербских частей на территории Косово и Югославии. Кампания устрашения началась весной 1999 года и продолжалась 78 дней.

Клинтон приравнивал действия Милошевича к «Окончательному решению» Гитлера (по поводу истребления евреев). Он горячо доказывал, что в силу своего морального долга Соединенные Штаты просто обязаны вмешаться в эту ситуацию. Тот, кто безучастно наблюдает за кровавой резней в Косово, утверждал президент, является соучастником злодеяния. Для проведения военной кампании Клинтон избрал весьма рискованную стратегию с неопределенными перспективами на будущее: американское командование не имело даже четкого графика операций – все зависело от реакции сербов на требование вывести войска из Косово. Россия выразила свое неодобрение по поводу бомбардировок югославской территории. А неприятный инцидент, когда одна из бомб по ошибке угодила в здание китайского посольства в Белграде и повлекла за собой человеческие жертвы, стал причиной обострения американо-китайских отношений. И все же два с половиной месяца интенсивных бомбардировок сделали свое дело: Милошевич принял условия союзников и

вывел сербскую армию с оккупированной территории.
На этом военная кампания в Косово окончилась.

Заключение

В конце 1970-х годов американским политическим лидерам явно не хватало доверия и поддержки избирателей. Экономика страны перманентно страдала от застоя, инфляции и растущих долгов. В свою очередь, внешняя политика приносила одни неудачи и разочарования. Однако к концу 1990-х годов ситуация коренным образом изменилась. Три последних президента – Рейган, Буш и Клинтон – имели такую поддержку населения, о какой президенты 1970-х могли только мечтать. Каковы бы ни были их политические взгляды (и личные недостатки), одно можно сказать точно: эти трое вдохнули в Белый дом новую энергию и сделали его центром национального могущества. В политической обстановке «разделенного правления» республиканец, глава исполнительной власти, был вынужден работать с Конгрессом, где доминировали демократы. И, соответственно, президент-демократ должен был мириться с законодателями-республиканцами. Подобная система в корне меняла базовые установки либерализма «новой сделки», равно как и роль государства в политической и социальной жизни американцев. Политика, проводимая этими президентами, освободила экономику (по крайней мере, на какое-то время) от традиционного страха перед национальным пугалом – призраком беспощадной депрессии, который позже сменился ужасом перед неконтролируемой инфляцией. К концу века два важнейших показателя – вопиющая диспропорция в распределении национального богатства и удельный вес бедных в общем населении страны – начали постепенно снижаться. Бремя преступности также удалось облегчить, и жители

крупных городов, таких как Нью-Йорк, наконец-то смогли вздохнуть свободно. Благодаря компьютеризации и продвинутым технологиям управления эффективность производства значительно повысилась, что позволило Соединенным Штатам успешно конкурировать на международном рынке. Сдержанная (порой даже откровенно пассивная) позиция, которой США благоразумно придерживались в период коренной ломки коммунизма, дала замечательные результаты в виде снижения международной напряженности и «пересмотра» глобалистской стратегии. Мы все помним, какая паника охватила мир в связи с наступлением нового тысячелетия, однако связана она была скорее со сменой часов на миллионах компьютеров, чем с перспективой всемирной ядерной катастрофы. Как отметил один политический обозреватель, «все принципиальные противоречия, которые когда-то разделяли правых и левых, – отношение к холодной войне, инфляции, преступности, государству всеобщего благосостояния, – будучи вопросами партийными, внезапно потеряли смысл».

Однако внутренние причины разобщенности сохранились. С политической точки зрения, по мере того как кандидаты все больше тяготели к «золотой середине», переполненный и расплывчатый центр оказался открыт для более сфокусированных призывов – как справа, так и слева. В области внешней политики тоже царила неопределенность. Лидеры государства сами точно не знали, как, где и когда Соединенные Штаты применяют (если, конечно, применяют вообще) ту немалую власть, которую упорно накапливали на протяжении последних пятидесяти лет. Для такого народа, как американский – традиционно приверженного идее глобальной интервенции и надежной защите национальных интересов, –

присутствие демонической сверхдержавы, которая дышит ему в затылок с самого 1945 года, было не то что *успокаивающим*, но казалось вполне *приемлемым* при формировании внешней политики. Если рассматривать экономический аспект вопроса, следует сказать, что тот экономический подъем, который наблюдался в Соединенных Штатах в 1990-х, увы, не перешел автоматически в XXI век. Оказалось, что его довольно трудно поддерживать в новом столетии. А консолидация европейских стран и возрождение Азии сулили серьезную борьбу на международных рынках. В социальном плане ситуация в США тоже была далека от идеальной. Белое население по-прежнему находилось в привилегированном положении по сравнению с афроамериканцами, индейцами и латиноамериканцами. Разница в уровне жизни (а сюда мы включаем и доход на душу населения, и жилищные условия, и возможность получать образование и медицинскую помощь, и даже отношение в уголовном судопроизводстве), конечно, сокращалась, но безнадежно низкими темпами. Тенденция к снижению трудовой занятости и участия в профсоюзах, которая наметилась в XXI веке, еще более сужала возможности «цветного» населения для перехода в средний класс. В последнее время аналитики заговорили и об «информационном разрыве», усугубляющем положение национальных меньшинств: в то время как практически в каждой белой семье имеется в наличии компьютер (а часто и не один), малообеспеченные «цветные» семьи не могут позволить себе подобной роскоши и, как следствие, остаются в стороне от компьютерной революции.

Сегодня, в начале XXI века, исконно американские ценности – стремление к влиянию, соблюдение принципов свободы и равенства – не потеряли своей привлекательности для нации. Американцы столь же

энергично движутся к этим целям, как и на протяжении всей своей истории. Не всегда они получают желаемые (и предсказуемые) результаты, но в общем и целом можно сказать: американская нация находится в постоянном поиске. Другое дело, что сегодня этот поиск ведет нация, более сложная в экономическом отношении, более неоднозначная в международном плане и более разнообразная в культурном отношении.

Приложения

Список использованных источников

Глава 1

The World Almanac and Book of Facts, 1999. Mahwah; New Jersey, 1998. P. 556.

Глава 2

Michel-Guillaume-Jean de Crèvecoeur. Letters from an American Farmer 1782. Letter III // The Norton Anthology of American Literature / Eds. Nina Baym et al. New York, 1989. Vol. I. P. 561.

Thomas Paine. Common Sense, 1776. Middlesex, England, 1979. P. 120.

Глава 4

Robert V. Remini. The Jacksonian Era. Arlington Heights, IL, 1989. P. 23-39.

Philip Weeks. «Gradualist». «Separationist» // Farewell, My Nation: The American Indian and United States, 1820-1890. Arlington Heights, IL, 1990. P. 11-33.

Глава 5

William Barney. The Passage of the Republic: An Interdisciplinary History of Nineteenth-Century America. Lexington, Mass., 1987. P. 48.

David Brion Davis. The Great Republic: A History of American People / Ed. Bernard Bailyn et al. Lexington, Mass., 1985. I:288.

William J. Cooper. Liberty and Slavery: Southern Politics to 1860. New York, 1983. P. 14, 30-31, 269.

Albert J. Roberts. Slave Religion: The Invisible Institution of the South. New York, 1980.

Глава 6

Larzer Ziff. Literary Democracy: The Declaration of Cultural Independence in America. New York, 1981. P. vii.

Joseph J. Ellis. After the Revolution: Profiles of Early American Culture. New York, 1979. P. xi.

George M. Marsden. Religion and American Culture. New York, 1990. P. 50.

Nathan O. Hatch. The Democratisation of American Christianity. New Haven, 1989. P. 5.

Глава 7

William Wiecek. The Sources of Antislavery Constitutionalism in America, 1760–1848. Ithaca, 1977. P. 277.

The Life and Writings of Frederick Douglass / Ed. Philip S. Foner. International Publishers; New York, 1975. Vol. 5. P. 524.

Глава 8

David M. Potter. The Impending Crisis, 1848–1861 / Completed and edited by Don E. Fehrenbacher. New York, 1976. P. 479.

James M. McPherson. What They Fought For: 1861–1865. New York, 1995. P. 4–6, 27.

William Gillette. Retreat from Reconstruction, 1869–1879. Baton Rouge, 1979. P. 191.

Leon F. Litwack. Been in the Storm So Long: The Aftermath of Slavery. New York, 1980. P. 167–205.

William L. Barney. The Passage of the Republic: An Interdisciplinary History of Nineteenth-Century America. Lexington, Mass., 1987. P. 251.

C. Vann Woodward. Birth of a Nation // The New York Review of Books. 20 November 1980. P. 50.

Eric Foner. Nothing but Freedom: Emancipation and Its Legacy. Baton Rouge, 1983. P. 40.

Глава 9

William L. Barney. The Passage of the Republic: An Interdisciplinary History of Nineteenth-Century America. Lexington, Mass., 1987. P. 293–295.

Глава 10

Robert Dallek. The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. New York, 1983. P. 40–41, 68.

David M. Kennedy. Over Here: The First World War and American Society. New York, 1980. P. vii, 127–128.

Глава 11

Donald G. Worster. Dust Bowl: The Southern Plains in the 1930s. New York, 1979. P. 5, 13, 29.

Глава 12

David S. Wyman. The Abandonment of the Jews: America and the Holocaust 1941–1945. New York, 1984.

Глава 13

William E. Leuchtenburg. A Troubled Feast: American Society Since 1945. Boston, 1983. P. 26.

James Gilbert. Another Chance: Postwar America, 1945–1968. New York, 1981. P. 167–168.

Richard S. Kirkendall. A Global Power: America Since the Age of Roosevelt. New York, 1980. P. 116.

Robert D. Schulzinger. American Diplomacy in the Twentieth Century. New York, 1994. P. 266.

Fred I. Greenstein. The Hidden-Hand Presidency: Eisenhower as Leader. New York, 1982.

David Rich Lewis. Still Native: The Significance of Native Americans in the History of the Twentieth-Century American West // A New Significance: Re-envisioning the History of the American West / Ed. Clyde A. Milner II. New York, 1996. P. 224.

Clayborne Carson. Black Power after Ten Years // The Nation. 14 August 1976.

William Julius Wilson. The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions. Chicago, 1978. P. 150.

Betty Friedan. The Feminine Mystique. New York, 1974. P. 7, 11, 37.

Theodore Roszak. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youghful Opposition. Garden City; New York, 1969. P. xii.

Глава 14

Francis Fukuyama quoted in: Left and Right are Crossing Paths // New York Times. 11 July 1999.

Президенты Соединенных Штатов

Таблица

<i>Президент</i>	<i>Занимал пост</i>	<i>Партийная принадлежность</i>
1. Джордж Вашингтон	1789–1797	
2. Джон Адамс	1797–1801	Ф (федералист)
3. Томас Джефферсон	1801–1809	ДР (демократ-республиканец)
4. Джеймс Мэдисон	1809–1817	ДР
5. Джеймс Монро	1817–1825	ДР
6. Джон К. Адамс	1825–1829	ДР
7. Эндрю Джексон	1829–1837	Д (демократ)
8. Мартин Ван Бюрен	1837–1841	Д
9. Уильям Г. Гаррисон	1841	В (виг)
10. Джон Тайлер	1841–1845	В — Д
11. Джеймс К. Полк	1845–1849	Д
12. Закари Тейлор	1849–1850	В
13. Миллард Филмор	1850–1853	В
14. Франклин Пирс	1853–1857	Д
15. Джеймс Бьюкенен	1857–1861	Д
16. Авраам Линкольн	1861–1865	Р (республиканец)
17. Эндрю Джонсон	1865–1869	Д — Ю (унионист)
18. Улисс С. Грант	1869–1877	Р

19. Рутерфорд Б. Хэйс	1877–1881	Р
20. Джеймс Э. Гарфилд	1881	Р
21. Честер А. Артур	1881–1885	Р
22. Гровер Кливленд	1885–1889	Д
23. Бенджамин Гаррисон	1889–1893	Р
24. Гровер Кливленд	1893–1897	Д
25. Уильям Мак-Кинли	1897–1901	Р
26. Теодор Рузвельт	1901–1909	Р
27. Уильям Г. Тафт	1909–1913	Р
28. Вудро Вильсон	1913–1921	Д
29. Уоррен Г. Гардинг	1921–1923	Р
30. Калвин Кулидж	1923–1929	Р
31. Герберт К. Гувер	1929–1933	Р
32. Франклин Д. Рузвельт	1933–1945	Д
33. Гарри С. Трумэн	1945–1953	Д
34. Дуайт Д. Эйзенхауэр	1953–1961	Р
35. Джон Ф. Кеннеди	1961–1963	Д
36. Линдон Б. Джонсон	1963–1969	Д
37. Ричард М. Никсон	1969–1974	Р
38. Джеральд Р. Форд	1969–1977	Р
39. Джеймс Э. Картер-мл.	1977–1981	Д
40. Рональд У. Рейган	1981–1989	Р
41. Джордж Х. Буш	1989–1993	Р
42. Уильям Дж. Клинтон	1993–2001	Д

Рост населения по десятилетиям

<i>Год</i>	<i>Население</i>	<i>Увеличение (в %)</i>
1610	350	
1620	2300	557,1
1630	4600	100,0
1640	26 600	478,3
1650	50 400	90,8
1660	75 100	49,0
1670	111 900	49,0
1680	151 500	35,4
1690	210 400	38,9
1700	250 000	19,2
1710	331 700	32,3
1720	466 200	40,5
1730	629 400	35,0
1740	905 600	43,9
1750	1 170 800	29,3
1760	1 591 600	36,1
1770	2 148 100	34,8
1780	2 780 400	29,4
1790	3 929 214	41,3

1800	5 308 484	35,1
1810	7 239 861	63,4
1820	9 636 453	33,1
1830	12 866 702	33,5
1840	17 063 353	32,7
1850	23 191 876	35,9
1860	31 443 321	35,6
1870	38 558 371	26,6
1880	50 189 209	26,0
1890	62 979 766	25,5
1900	76 212 168	20,7
1910	92 228 496	21,0
1920	106 021 537	14,9
1930	123 202 624	16,1
1940	132 164 569	7,2
1950	151 325 798	14,5
1960	179 323 175	18,5
1970	203 302 031	13,4
1980	226 542 199	11,4
1990	248 718 301	9,8
(2000)	(приблизительно 275 000 000)	(10,4)

Цифры за 1610-1780 годы являются приблизительными; приведены для Британских Североамериканских колоний – прообраза современных Соединенных Штатов.

Цифры за 1790-2000 годы взяты из данных национальной переписи населения.

Приведенные цифры, как правило, не учитывают коренное население Америки. Первая попытка выяснить численность индейцев, проживающих в США, была сделана в 1890 году; в ходе переписи населения было выявлено 125 719 представителей различных индейских племен.

Источники: Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970 (1975).

Statistical Abstract of the United States (1999).

Хронология основных событий

До н. э., г.

14 000-10 000 Предположительное время, когда первые люди появились в Северной Америке

10 000-9000 Палеоиндейцы

8000-1500 Архаичные индейцы Появление первых сельскохозяйственных культур в Западном полушарии

1500 Культура Поверти-Пойнт (территория со временной Луизианы)

Н. э., г.

500 до н. э.- 500 н. э. Культура Адена-Хоупвелл (нынешний Средний Запад)

100-1300 Культура анасази (нынешний Юго-Запад)

800-1500 Миссиссиппская культура

1325-1521 Ацтекская культура (Мексика)

1492 Колумб высаживается в Америке

1519 Кортес высаживается в Мексике

1534 Картье отправляется в экспедицию по реке Св. Лаврентия

1539 Исследовательские экспедиции Эрнандо де Сото и Коронадо

1565 Основание испанцами форта Сант-Августин

1585-1587 Колония Рэли на острове Роанок

1607 Основание англичанами Джеймстауна

1608 Основание французами Квебека

1609 Основание испанцами Санта-Фе

1617 В Виргинии начинается разведение табака

1619 В Виргинию привозят первых африканцев

1620 Основание пилигримами Плимутской колонии;
«Соглашение на "Мэйфлауэре"»

1624 Голландское поселение на острове Манхэттен

1630 Пуритане закладывают колонию на побережье Массачусетского залива
1636 Основание первого американского университета (Гарвард)

1662 Законодательство Виргинии узаконивает рабство

1664 Англичане захватывают Новые Нидерланды

1675 Война «короля Филипа»

1676 Восстание Бэкона

1681 Создание колонии на земле Уильяма Пенна

1692 Процессы над сейлемскими ведьмами

1701 Основание Йельского университета

1718 Основание французами Нового Орлеана

1720–1740-е Религиозное движение под названием «Великое Пробуждение»

1756–1763 Семилетняя война между французами и индейцами

1760 Георг III становится королем

1765 Гербовый сбор

1769 Испанцы начинают колонизацию Калифорнии

1770 «Бостонская бойня»

1773 «Бостонское чаепитие»

1774 «Невыносимые законы»; собирается Первый Континентальный конгресс;

1565 Основание испанцами форта Сант-Августин

1585–1587 Колония Рэли на острове Роанок

1607 Основание англичанами Джеймстауна

1608 Основание французами Квебека

1609 Основание испанцами Санта-Фе

1617 В Виргинии начинается разведение табака

1619 В Виргинию привозят первых африканцев

1620 Основание пилигримами Плимутской колонии;
«Соглашение на "Мэйфлауэре"»

1624 Голландское поселение на острове Манхэттен

1630 Пуритане закладывают колонию на побережье Массачусетского залива

1636 Основание первого американского университета (Гарвард)

1662 Законодательство Виргинии узаконивает рабство

1664 Англичане захватывают Новые Нидерланды

1675 Война «короля Филипа»

1676 Восстание Бэкона

1681 Создание колонии на земле Уильяма Пенна

1692 Процессы над сейлемскими ведьмами

1701 Основание Йельского университета

1718 Основание французами Нового Орлеана

1720–1740-е Религиозное движение под названием «Великое Пробуждение»

1756–1763 Семилетняя война между французами и индейцами

1760 Георг III становится королем

1765 Гербовый сбор

1769 Испанцы начинают колонизацию Калифорнии

1770 «Бостонская бойня»

1773 «Бостонское чаепитие»

1774 «Невыносимые законы»; собирается Первый Континентальный конгресс;

1775 Сражения при Лексингтоне и Конкорде; начало американской революции; Второй Континентальный конгресс

1775 Сражения при Лексингтоне и Конкорде; начало американской революции; Второй Континентальный конгресс

1776 Памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл»; Декларация независимости

1777 Выработка «Статей Конфедерации»

1778 Франция выступает на стороне Америки

1781 Ратификация «Статей Конфедерации»; поражение Корнуоллиса при Йорктауне

1783 Парижский мир, завершение войны за независимость

1787 На Конституционном конвенте представлен план конституции

1788 Ратификация конституции

1789 Вашингтон становится первым президентом новой республики, торжественная инаугурация

1791 Билль о правах (с первыми десятью поправками) становится частью конституции; «Доклад о мануфактурах» Александра Гамильтона

1792 Изобретение хлопкоочистительной машины («джинн»)

1794 «Бунт виски»

1796 Прощальная речь Вашингтона

1798 «афера XYZ»; принятие закона против иностранцев и закона о подстрекательстве

1800 Вашингтон, округ Колумбия, становится столицей Соединенных Штатов

1803 Приобретение Луизианы; Верховный суд выносит решение по делу «Марбери против Мэдисона», в котором объявляет неконституционным принятое Конгрессом законодательство

1804–1806 Экспедиция Льюиса и Кларка

1807 Роберт Фултон создает пароход «Клермон»; Конгресс принимает закон об эмбарго

1812–1814 Война с Великобританией

1820 Миссурийский компромисс

1823 Доктрина Монро

1825 Открытие канала на озере Эри

1829 Выходит в свет «Обращение» Дэвида Уокера, призывающее к отмене рабства

1831 Основание аболиционистской газеты «Либерејтор»; Нат Тернер поднимает в Виргинии восстание рабов

1833 Кризис нуллификации

1837 Стальной плуг Джона Дира

1838 «Тропа слез» (закон о перемещении индейцев)

1844 Изобретение телеграфа

1846–1848 Американо-мексиканская война
1848 В Сенека-Фоллс, Нью-Йорк, проходит конференция по правам женщин
1849 Золотая лихорадка в Калифорнии
1850 Компромисс 1850 года (включающий закон о беглых рабах)
1852 Выходит в свет книга Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»
1854 «Акт Канзас – Небраска»
1857 Дело «Дред Скотт против Сэнфорда» (распространение рабства и статус афроамериканцев)
1859 Рейд Джона Брауна в Харперс Ферри
1860 Авраам Линкольн становится президентом; Южная Каролина объявляет о разрыве с Союзом
1861 Формирование Конфедеративных Штатов Америки; нападение на форт Самтер в гавани Чарлстона, Южная Каролина
1861–1865 Гражданская война
1863 «Декларация освобождения»; битвы при Геттисберге, Чарлстоне и Вicksберге, ставшие поворотными в ходе войны
1865 Убийство Авраама Линкольна; принятие Тринадцатой поправки (конец рабства)
1868 Процедура импичмента президента Эндрю Джонсона; его оправдание в сенатском суде
1869 Завершение строительства транснациональной железной дороги
1876 Изобретение телефона; поражение генерала Джорджа Кастера в битве при Литтл-Биг-Хорн
1877 «Компромисс» подводит итог реконструкции
1879 Изобретение электрической лампы
1886 Франция передает Статую Свободы в дар нью-йоркскому порту; дело «Плесси против Фергюсона» (решение по сегрегации)
1898 Война между Соединенными Штатами и Испанией

1901 Сооружение пункта приема иммигрантов на Эллис-Айленд, Нью-Йорк

1903 Полет братьев Райт

1909 Автомобильная компания Форд выпускает свою первую модель «Т»; основание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения

1914 Открытие Панамского канала; в Европе начинается Первая мировая война

1917–1918 Участие Соединенных Штатов в Первой мировой войне

1919 Принятие Восемнадцатой поправки к конституции («сухой закон»)

1920 Принятие Девятнадцатой поправки к конституции (избирательное право для женщин); начало коммерческого радиовещания

1927 Одиночный перелет Чарльза Линдберга из Нью-Йорка в Париж; выход на экраны первого звукового фильма «Певец джаза»

1929 Крах фондового рынка; начало Великой депрессии

1933 Начало «нового курса» Франклина Д. Рузвельта; признание СССР Соединенными Штатами; отмена «сухого закона»

1935 Принятие закона о социальной безопасности

1939 В Европе начинается Вторая мировая война

1941 Нападение на Перл-Харбор (Гавайи)

1941–1945 Участие США во Второй мировой войне

1942 Конгресс расового равенства

1947 «Доктрина Трумэна»; «План Маршалла»; политика сдерживания

1948 Изобретение транзистора

1949 Формирование НАТО

1950 Соединенные Штаты начинают оказывать помощь Франции, воюющей в Индокитае; появление первых кредитных карточек

1950–1953 Корейская война

1954 Женевские соглашения по Вьетнаму; США оказывают поддержку Южному Вьетнаму; слушания Маккарти; дело «Браун против отдела народного образования» (решение по десегрегации)

1955–1956 «Автобусный бойкот» в Монтгомери, штат Алабама

1956 Начало строительства общегосударственной системы автомагистралей

1957 Кризис в Литтл-Роке (десегрегация в школах); конференция Южного христианского духовенства

1960 Над территорией Советского Союза сбит американский самолет-разведчик U-2

1961 Соединенные Штаты запускают в космос первый корабль с человеком на борту

1962 На орбите первый американский корабль с человеком на борту; Карибский кризис

1963 Марш борцов за гражданские права в Вашингтоне; Сесар Чавес основывает Объединенный профсоюз фермерских рабочих; убийство Джона Ф. Кеннеди

1964 Движение за свободу слова, события на территории Калифорнийского университета в Беркли; Тонкинская резолюция

1965–1966 Программа Линдона Б. Джонсона «Великое общество»

1966 Основание Национальной организации женщин; возникновение общества «Черные пантеры»

1968 Первая демонстрация компьютерной сети; возникновение «Движения американских индейцев»; убийство Мартина Лютера Кинга-мл.; убийство Роберта Ф. Кеннеди

1969 Высадка американцев на Луну

1970 Создание Агентства по защите окружающей среды

1971 Развитие микропроцессоров

1972 Основание журнала «Мисс»; визит Ричарда Никсона в Китай

1973 Решение о прекращении огня во Вьетнаме; вывод американских войск из Южного Вьетнама; нефтяное эмбарго; дело «Роу против Вейда» (легализация аборт по решению суда)

1974 Ричард Никсон покидает президентский пост после расследования Уотергейтского скандала

1975 Падение сайгонского режима; окончание Вьетнамской войны

1976 Фирма «Эппл» начинает продажу компьютеров для личного пользования

1979 Соединенные Штаты устанавливают дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой

1980–1981 Кризис в Иране в связи с захватом американских заложников

1981 В Соединенных Штатах зафиксирован первый случай заболевания СПИДом

1989 Падение Берлинской стены

1991 Война в Персидском заливе; распад Советского Союза

1992 Создание Интернета

1995 Террористический акт в федеральном здании Оклахома-Сити

1998 Процедура импичмента президента Клинтона

1999 Вооруженные силы НАТО ведут войну в Косово; сенат оправдывает президента Клинтона

2000 Корпорация «Майкрософт» опротестовала решение суда по обвинению в нарушении антимонопольного законодательства; скандал с возвращением нелегального иммигранта, шестилетнего Элиа на Гонсалеса на Кубу

Дополнительная литература

Ambrose Stephen E. Eisenhower. New York, 1983.

Ambrose Stephen E. Rise to Globalism: American Foreign Policy Since 1938. New York, 1993.

Ambrose Stephen E. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West. New York, 1996.

Berlin Ira. Many Thousands Gone; The First Two Centuries of Slavery in North America. Cambridge, Mass., 1998.

Branch Taylor. Parting the Waters: America in the King Years, 1954–1963. New York, 1988.

Branch Taylor. Pillar of Fire: America in the King Years, 1963–1965. New York, 1998.

Burrows Edwin G., Mike Wallace. Gotham: A History of New York City to 1898. New York, 1999.

Cordes Kathleen A., Lammers Jane. America's National Historic Trails. Norman, Okla., 1999.

Cronon William. Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England. New York, 1983.

Cronon William. Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. New York, 1992.

Dallek Robert. The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. New York, 1983.

Delany Sarah L., A. Elizabeth Delany, Amy Hill Hearth. Heaving Our Say: The Delany Sisters' First 100 Years. New York, 1994.

Demos John. The Unredeemed Captive: A Family Story from Early America. New York, 1994.

Foner Eric. The Story of America Freedom. New York, 1998.

Genovese Eugene D. Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made. New York, 1974.

Goodwin Doris Kearns. The Fitzgeralds and the Kennedys. New York, 1974.

Goodwin Doris Kearns. Lyndon Johnson and the American Dream. New York, 1976.

Goodwin Doris Kearns. No Ordinary Time: Franklin and Eleanor Roosevelt. The Home Front in World War II. New York, 1994.

Hawke David Freeman. Everyday Life in Early America. New York, 1988.

Hine Darlene Clark, Kathleen Thompson. A Shining Thread of Hope: The History of Black Women in America. New York, 1998.

Hughes Robert. American Visions: The Epic History of Art in America. New York, 1997.

Johnson Paul. A History of the American People. New York, 1997.

Kammen Michael. American Culture, American Tastes: Social Change and the 20th Century. New York, 1999.

Kraut Alan M. The Huddled Masses: The Immigrant in American Society, 1880-1921. Arlington Heights, IL., 1982.

Larkin Jack. The Reshaping of Everyday Life, 1790-1840. New York, 1989.

Limerick Patricia Nelson. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York, 1987.

McCullough David. The Path Between the Seas: The Creation of the Panama Canal, 1870-1914. New York, 1977.

McCullough David. Truman. New York, 1992.

McPhee John A. Coming into the Country. New York, 1977.

McPherson James M. Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. New York, 1988.

McPherson James M. For Cause and Comrades: Why Men Fought in the Civil War. New York, 1997.

Marty Martin E. Pilgrims in Their Own Land: 500 Years of Religion in America. Boston, 1984.

Middlekauff Robert. The Glorious Cause: The American Revolution, 1763–1789. New York, 1982.

The Oxford History of the American West / Eds. Milner Clyde A. II, Carol A. O'Connor, Martha A. Sandweiss. New York, 1994.

Moody Anne. Coming of Age in Mississippi. New York, 1968.

Morgan Edmund S. American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia. New York, 1975.

Norton Mary Beth. Liberty's Daughters: The Revolutionary Experience of American Women, 1750–1800. Boston, 1980.

Oates Stephen B. With Malice Toward None: A Life of Abraham Lincoln. New York, 1977.

Potter David M. The Impending Crisis, 1848–1861 / Completed and edited by Don E. Fehrenbacher. New York, 1976.

Reisner Marc. Cadillac Desert: The American West and Its Disappearing Water. New York, 1993.

Schlereth Thomas J. Victorian America: Transformations in Everyday Life, 1876–1915. New York, 1991.

Sheehan Neil. A Bright and Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam. New York, 1989.

Takaki Ronald. A Different Mirror: A History of Multicultural America. Boston, 1994.

Terkel Studs. Hard Times: An Oral History of the Great Depression. New York, 1970.

Thomas Emory M. The Confederate Nation, 1861–1865. New York, 1979.

Ulrich Laurel Thatcher. A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard, Based on Her Diary, 1785–1812. New York, 1990.

Viorst Milton. Fire in the Streets: America in the 1960s. New York, 1979.

Walters Roland G. American Reformers, 1815–1860. New York, 1997.

Wills Garry. A Necessary Evil: A History of American Distrust of Government. New York, 1999.

Wills Garry. Lincoln at Gettysburg: The Words That Remade America. New York, 1992.

Wood Gordon S. The Radicalism of the American Revolution. New York, 1991.

Woodward C. Vann. The Strange Career of Jim Crow. New York, 1974.

Zinn Howard. A People's History of the United States: New York, 1999.

Источники сети Интернет

Замечание: Адреса веб-сайтов часто изменяются, в особенности это касается коммерческих (.com) сайтов. Правительственные (.gov) сайты и сайты организаций (.org), как правило, сохраняют свои адреса. Если какой-нибудь из нижеприведенных сайтов не отзывается, вам следует обратиться к поисковым программам (например, yahoo.com или metacrawler.com), используя имя нужного вам сайта.

Общеисторические ссылки

Библиотека Конгресса: www.loc.gov

Для ознакомления с текстом конституции и билля о правах см.: lcweb2.loc.gov/const/const.html

Национальные архивы: www.nara.gov

Для ознакомления с текстом Декларации, конституции и «Билля о правах» см.: www.nara.gov/exhall/charters/constitution/conmain.html

Виртуальная библиотека, Канзасский университет: www.ukans.edu/history/VL/USA/

Другие сайты:

Исторический канал: www.thehistirychannel.com

Эта служба кабельного телевидения представляет веб-сайт, посвященный в основном программам компании. Его «экспозиции» особенно интересны и полезны.

Историческая сеть: www.thehistorynet.com

Этот веб-сайт также предлагает широкий выбор источников.

Служба публичного телевидения: www.pbs.org/wgbh/amex/

Веб-сайт «American Experience» включает большой набор документальных фильмов. В архивах сайта вы найдете разнообразные материалы по телевизионным программам.

Американское наследие (American Heritage):
www.americanheritage.com

Здесь представлена популярная периодика на исторические темы, представляющая интерес для самой широкой аудитории. Веб-сайт снабжен архивом, где хранятся напечатанные в прошлом статьи из того же журнала.

Общие ссылки для путешественников

Исторические путешествия

«Фонд национальных парков»: www.nationalparks.org

На своем веб-сайте фонд предлагает специальные тематические страницы, посвященные историческим путешествиям:

Афроамериканская история:
www.cr.nps.gov/aahistory/bhm-sites.htm

Археология, палеонтология:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-2.htm

Знаменитые сражения:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-3.htm

Гражданская война:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-4.htm

Латиноамериканское наследие:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-5.htm

История президентов:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-6.htm

Женская история:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-8.htm

Другие темы:
www.nationalparks.org/new_special%20interest_1.htm

Исторические путешествия: www.historytravel.com

Этот сайт представляет исключительно интересные и познавательные маршруты по всей стране, включая тематические маршруты – например, «исторические места женского движения» или «литературные достопримечательности для книголюбителей»:
www.historytravel.com/features/

Исторический Интернет:
www.thehistorynet.com/THNarchives/HistoricTravel/

Для ознакомления с архивированным списком статей по историческим путешествиям обращайтесь по ссылке:

www.thehistorynet.com/THNarchives/HistoricTravel/articles_index.htm

Путеводитель по гражданской войне:
www.civilwartraveler.com

Важнейшие события гражданской войны плюс описания экскурсий, карты, календарь.

Национальный фонд сохранения исторического наследия: www.nthp.org

Сайт предлагает программы путешествий со списком исторических гостиниц для путешественников.

Карты

Поиск карт: www.mapquest.com

Служба национальных парков:
www.nps.gov/parklists/TI_maps.htm

Дороги

Национальная программа живописных дорог онлайн: www.byways.org

Веб-сайт Федеральной администрации автострад предлагает полезную информацию и маршруты более чем по 50 трансамериканским дорогам и «национальным живописным дорогам», вдобавок прилагается полный список 500 федеральных дорог и дорог штатов, с указанием названий и принадлежности к штату.

Календарь исторических событий в Соединенных Штатах www.thehistorynet.com/calendar/events.htm
www.geocities.com/~livinghistory/event00.htm Компании, предлагающие общую информацию по путешествиям в США

Travelocity: www.travelocity.com

Ознакомьтесь с предоставляемым Travelocity «Гидом путешественника» – как общим, так и для отдельных городов и штатов.

USA Travel: www.usatourist.com Этот сайт разработан для иностранных туристов. «Лонли планет»: www.lonelyplanet.com Простые (может быть, даже приземленные) практические советы, которые пригодятся в путешествии. «Сити Спин»: www.cityspin.com Подбор городов: www.citysearch.com

Предлагает широкий выбор городов для посещения, основной упор на города и штаты США.

Сводки погоды

Национальная метеорологическая служба: www.wrh.noaa.gov/wrhq/nwspage.html

Канал погоды: www.weather.com

Служба национальных парков:
www.nps.gov/index.html

Служба национальных парков (организована в 1916 г.) предлагает для осмотра широкий выбор природных, исторических, научных и культурных объектов. Все достопримечательности парков подразделяются на категории (см. ниже). Познакомиться со списком объектов вы можете на сайте: www.nps.gov/legacy/nomenclature.html

Национальные поля сражений

Национальные парки полей сражений

Национальный объект поля сражения

Национальные исторические объекты
Национальные исторические парки
Озерные берега
Национальные мемориалы
Национальные военные парки
Национальные монументы
Национальные парки
Национальные дороги
Национальные заповедники
Национальные зоны отдыха
Национальные резервы
Национальные реки
Национальные тропы
Морские берега
Национальные дикие реки
Интернациональные исторические объекты
Другие парки

Карты

Для знакомства с цифровыми картами Службы национальных парков обращайтесь на сайт:
www.nps.gov/carto/

Дополнительно: www.nps.gov/parklists/TL_maps.htm

Исторические объекты

Все объекты объединены Службой национальных парков в группы в соответствии с историческими категориями. Типы категорий приводятся ниже. Полный список можно найти на сайте:
www.cr.nps.gov/history/catsig/catsig.htm

Афроамериканское наследие
Наследие коренного населения Аляски
Наследие американских индейцев
Архитектура
Наследие американцев азиатского происхождения
Гражданская война
Латиноамериканское наследие
Ландшафт
Морская тема

Военная тема

Наследие жителей островов Тихого океана

Президенты

Война за независимость

Общественные и гуманитарные движения

История женского движения / Права женщин

Вторая мировая война

Национальные

исторические

достопримечательности Национальные исторические достопримечательности включают в себя индейские общины, поля сражений, здания, достопримечательности и ландшафты (список приводится ниже).

Домашняя страница: www2.cr.nps.gov/nhl/virtvist.htm

Аризона: Развалины большого пуэбло и ирригационных систем в долине Рио-Гранде

Арканзас: Форт Смит

Калифорния: Алькатрас; Пресидио Сан-Франциско

Коннектикут: Капитолий штата Коннектикут; дом Марка Твена

Округ Колумбия: Казначейство США; Библиотека Конгресса; Смитсоновский институт; Национальный строительный музей; Капитолий Соединенных Штатов; Белый дом

Флорида: завод компании «Дикси Кока-Кола»; Нью-Эчота

Гавайи: линкор «Аризона»

Иллинойс: дом Линкольна

Индиана: дом Леви Коффина

Айова: место рождения Гувера

Мэриленд: Транспортный музей Балтимора и Огайо; дом Клары Бартон

Массачусетс: место рождения Джона и Джона Куинси Адамсов; дом Эмили Дикинсон; исторический район Нью-Бедфорд

Миссури: арка «Гейтвэй» («Ворота на Запад»); резиденция Скотта Джоплина *Монтана:* пещера с наскальной живописью

Невада: Виргиния-Сити

Нью-Джерси: маяк Сэнди Хук

Нью-Мексико: Тринити (место испытания атомной бомбы)

Нью-Йорк: дом Сьюзан Б. Энтони; Бруклинский мост; Карнеги-Холл; Центральный парк; Эмпайр-Стейт-билдинг; форт Тикондерога; поместье Джона Д. Рокфеллера (Кикуит); Саннисайд; имение Ван Кортленда; Музей искусств Метрополитен; комунна Онейда; Военная академия Соединенных Штатов

Северная Каролина: место битвы при Бентонвилле; мемориал Томаса Вольфа

Пенсильвания: Карпентерс-Холл; канал «Делавэр—Гудзон»; нефтяная скважина Дрейка; Восточная тюрьма; Фонтхилл; музей Мерсера; керамика и черепица моравских братьев

Род-Айленд: Брейкерс

Южная Каролина: Дрейтон-Холл *Техас:* форт Кохо

Виргиния: маяк Кейп-Генри; церковь Христа; таверна Гэдсби; Ганстон-Холл; Монтичелло; Стратфорд-Холл

Висконсин: Талиесин

Главные национальные парки

Среди всех мест, находящихся в ведении Службы национальных парков, эти обширные природные области относятся к наиболее известным и интенсивно посещаемым.

Аляска: Денали; Ворота Арктики; Глейшер-Бей

Аризона: Большой Каньон; Петрифилд-Форест

Калифорния: Джошуа-Три; Кингс-Каньон; Редвуд; Секвойя; Йосемит

Калифорния / Невада: Долина Смерти

Колорадо: Меса Верде; Скалистые горы *Флорида:*
Драй-Тортугас; Эверглейдс

Гавайи: Халеакала; вулканы Гавайев

Кентукки: Мамонтова пещера

Монтана: Глейчер

Нью-Мексико: Карлсбадские пещеры

Северная Дакота: Теодор Рузвельт

Южная Дакота: Бэдлендс; Винд-Кейв (Пещера
ветра)

Теннесси / Северная Каролина: Грейт-Смоки-
Маунтинс

Техас: Биг-Бенд; Гваделупе-Маунтинс

Юта: Арки; Брюс-Каньон; Каньонлендс; Кэпитол-
Риф; Зион

Виргиния: Шенандоа

Вашингтон: гора Райнер; Северные Каскады;
Олимпик

Вайоминг: Гранд-Тетон

Вайоминг / Монтана / Айдахо: Йеллоустон

Маршруты

Служба национальных парков предлагает на своем
сайте описание парковых маршрутов разной
протяженности: www.nps.gov/trails/

Также на сайте можно найти более подробную
информацию о *главных «живописных» тропах большой
протяженности*, таких как:

Аппалачский национальный маршрут

Национальный маршрут каменного века

Национальный маршрут натчезов, а также о
главных исторических и традиционных маршрутах,
таких как:

Калифорнийский национальный исторический
маршрут Дорога Свободы, Бостон

Национальный исторический маршрут Хуана
Батисты де Анса

Национальный исторический маршрут Льюиса и Кларка
Национальный исторический маршрут пионеров-мормонов

Традиционный прибрежный маршрут Нью-Джерси
Национальный исторический маршрут племени несперсе

Национальный живописный маршрут Севера
Орегонский национальный исторический маршрут
Национальный исторический маршрут «Победный горный»

Национальный исторический маршрут «Пони-экспресс»

Потомакский национальный маршрут
Национальный исторический маршрут Санта-Фе
Национальный исторический маршрут «Дорога слез»

Дополнительную информацию по национальным живописным и историческим маршрутам вы сможете найти на сайте:
www.gorp.com/gorp/resource/us_trail/nattrail/htm

Национальный реестр исторических мест

www.cr.nps.gov/nr/index.htm

На данном веб-сайте публикуется список зданий, включенных в Национальный реестр. Также приводятся рекомендации для желающих посетить указанные объекты. Чтобы ознакомиться с рекомендациями, нажмите «Маршруты путешествий». Для доступа к сайту необходимо перейти по ссылке: www.cr.nps.gov/nr/tourism.htm. Предлагаются следующие маршруты:

Города / штаты Балтимор
Чарлстон, штат Южная Каролина
Чикаго

Детройт
Кингстон, штат Нью-Йорк
Сиэтл
Центральный Вермонт
Вашингтон, округ Колумбия

Темы:

«Подпольная железная дорога»
Города, где женщины делали историю

Мы победим: исторические места, связанные с движением за гражданские права

Объекты Всемирного наследия в США

Ряд мест на земном шаре, имеющих особое природное, историческое и культурное значение, включены ЮНЕСКО в список объектов Всемирного наследия. Полный список этих объектов (с дополнительной информацией) можно найти на домашней странице проекта ЮНЕСКО:
www.unesco.org/whc/nwhc/pages/sites/main.htm

Или альтернативный адрес:
www.nationalparks.org/guide/special-interest-9.htm

Природная среда

Одюбоновское общество: www.audubon.org/

Федеральная Лесная служба: www.fs.fed.us/

В осенние месяцы веб-страница Лесной службы предоставляет информацию о состоянии лиственного покрова в США.

Комитет по охране природы:
www.tnc.org/frames/index.html?infield/index.html

«Сьерра Клуб»: www.sierraclub.org

Живая история

Разбросанные по всей стране объекты «Живой истории» помогают лучше узнать историю через многочисленные музеи, исторические фермы, восстановление исторических документов, шоу и фольклорные программы. Более подробную информацию вы можете получить в Ассоциации живой истории: www.geocities.com/~livinghistory/

и в музеях «Живой истории»: www.voicenet.com/~fistprsn/alhfam/fpsites.htm

Историко-географический справочник

Алабама

Национальная историческая тропа «Марш из Сельмы в Монтгомери» и Трансамериканская дорога; путь, которым проходил в 1965 году знаменитый марш борцов за гражданские права.

Аламо

*Сан-Антонио, Техас. Католическая миссия известна как крепость, где борцы за независимость Техаса выдержали почти двухнедельную осаду мексиканских войск. 6 марта 1836 года войска генерала Санта Аны захватили крепость, убив почти всех ее защитников. Кроме того, в Сан-Антонио располагаются четыре испанские колониальные миссии, построенные в 1751-1782 годы; входят в состав *Национального исторического парка «Миссии Сан-Антонио».**

Амхерст, штат Массачусетс

Дом Эмили Дикинсон, где знаменитая поэтесса XIX века провела большую часть своей жизни. Расположен в 20 милях от Спрингфилда.

Аннаполис, штат Мэриленд

Основан в 1649 году, в 1694 году стал столицей колонии Мэриленд. Расположен в 32 милях от Вашингтона, округ Колумбия.

Музей Баннекера-Дугласа: в 1874 году здесь заседала Африканская методистская епископальная церковь горы Мория. Дом Хаммонда-Харвуда: построен в 1774 году, является образцом георгианской архитектуры. Дом Мэйнарда-Берджеса: в XIX веке принадлежал двум негритянским семьям. Здание законодательного органа Мэриленда: строение конца XVIII века, в 1783-1784 годы служило местом, где

заседал Конгресс США. *Дом и сад Уильяма Пака*: здание в георгианском стиле, построено в 1765 году. *Колледж Сент-Джонс*: основан в 1696 году, является третьим по возрасту американским колледжем. *Военно-морская академия США*: учреждена в 1827 году как Военно-морская школа.

Атланта, штат Джорджия

Основана в 1827 году; в те времена носила название Терминус и служила самой южной железнодорожной станцией страны. В 1845 году город был переименован в Атланту (по названию железнодорожной линии). Не исключено, что когда-нибудь и это имя будет изменено, например, на Хартсфилд – в честь современных авиалиний, ведь в Атланте располагается один из самых крупных и загруженных аэропортов США. *Исторический район Университетского центра Атланты* включает три учебных заведения (Морхаус-колледж, Университет Спелмана и Университет Атланты), которые сыграли важную роль в движении за гражданские права. *Центр Си-эн-эн*: центральный офис круглосуточного кабельного телеканала новостей «Кейбл Ньюз Нетуорк» и коммерческой радиостанции «Тернер Бродкастинг» (Turner Broadcasting). *Театр Фокс*: нарядное здание кинотеатра 1920-х годов. *Национальный исторический объект «Центр Мартина Лютера Кинга-младшего»* расположен к востоку от центра города, включает в себя дом, где родился борец за гражданские права, баптистскую церковь Святого Эбenezера, где вели службу его отец и дед, и место захоронения Мартина Лютера Кинга. *Дом-музей Маргарет Митчелл*: в свое время принадлежал известной писательнице, автору книги «Унесенные ветром». *Лебединый дом*: особняк построен в 1928 году местным архитектором Филипом Траммелом Шульцем. *Ферма Тулли Смит, Исторический центр Атланты*: плантация с постройками 1840-х годов. *Мир «Кока-*

колы»: представлена не только история этого легкого напитка, но и история «кока-колонизации» – процесса распространения американской поп-культуры во всем мире. *«Гнездо вьюрка»*: дом-музей писателя Джоэля Чандлера Харриса, автора знаменитых «Сказок дядюшки Римуса».

Ацтек, штат Нью-Мексико

Национальный исторический памятник «Ацтекские руины»: артефакты культуры пуэбло XII–XIII веков. Расположен в 31 миле к югу—юго-востоку от города Дюранго, штат Колорадо.

Баранова остров, штат Аляска

Национальный исторический парк Ситка: сохранились здания и культурно-исторические памятники индейцев хайда и тлинкитов, а также русских поселенцев. Расположен в 100 милях к югу от Джуно (сообщение по воздуху).

Бостон, штат Массачусетс

Основан в 1630 году. Бостон является культурно-историческим центром, но и одновременно – средоточием бизнеса, финансов, образовательных учреждений. Плотный и компактный заселенный город состоит из своеобразных, симпатичных кварталов. Если вы хотите познакомиться с историческими местами Бостона, лучше всего пройти «Тропой Свободы» – туристским пешеходным маршрутом длиной в 2,5 мили. Сбиться невозможно: маршрут отмечен красной линией (и красным кирпичом). По пути вы сможете увидеть следующие достопримечательности: *Бостонская община*: городской парк, стоящий на общественной земле (приобретена основателями Бостона в 1634 г.)

Место «Бостонской бойни»: 5 марта 1770 года здесь произошла кровавая стычка между протестующими горожанами и британскими солдатами.

Памятник Банкер-Хилл: место, где 17 июня 1775 года разгорелось одно из первых сражений войны за

независимость.

Военно-морская верфь Чарлзтаун (1800-1974): одна из старейших американских верфей, где можно увидеть самый старый военный корабль США – стоящий на приколе фрегат «Констительюшн» (1797), в народе больше известный как «Старушка Железные Бока».

Фэнл-Холл (1742): здание, где во время войны за независимость проходили антибританские собрания; после войны здание также служило центром публичных дебатов, ныне является историческим музеем.

Старая Северная церковь (1723): старейшая в Бостоне церковь; 18 апреля 1775 года здесь зажгли фонари, чтобы предупредить о приближении британских войск.

Старый Южный Дом собраний (1729): в этом здании собирались бостонские заговорщики – обсудить детали предстоящего «Бостонского чаепития» (16 декабря 1773 г.).

Старый Капитолий штата (1713): центр колониального правительства Бостона.

Дом Пола Ревира (1680): известный бостонский патриот владел этим домом на протяжении последних трех десятилетий XVIII века.

Среди прочих достопримечательностей Бостона следует отметить Бикон-Хилл, старинный аристократический квартал, где проживает элита города; а также Гарвардский университет (расположен близ Бостона в Кембридже) – первый американский колледж (основан в 1636 г.).

Вашингтон

Округ Колумбия: возник в результате политической сделки 1790 года, с 1800 года столица Соединенных Штатов. Округ Колумбия был спланирован Пьером Чарльзом Лефанте в подражание архитектурным образцам Древней Греции и Древнего Рима. Небольшой городок Вашингтон, зажатый между штатами Мэриленд

и Виргиния, стал центром власти, национального администрирования и туризма.

Белый дом: резиденция всех американских президентов, начиная с Джона Адамса. Здание, спроектированное Джеймсом Хобаном, построено в 1791-1800 годах по адресу Пенсильвания-авеню, 1600; во время войны 1812 года было подожжено британцами.

Капитолий Соединенных Штатов: здесь заседает законодательная ветвь федерального правительства – сенат в северном крыле, палата представителей – в южном. Первоначальное здание спроектировано доктором Уильямом Торнтоном.

Гайд-парк, штат Калифорния

Национальный исторический объект Дом президента Франклина Д. Рузвельта: усадьба под названием «Спрингвуд» служила жилищем Ф. Д. Р., на ее территории находятся президентский музей и библиотека Рузвельта. Располагается в 91 миле к северу от Нью-Йорка.

Гранд-Каньон (Большой Каньон), штат Аризона

Национальный парк Гранд-Каньон: демонстрирует, что может сделать эрозия за 6-10 млн лет. Река Колорадо прорезала себе головокружительное по глубине и извилистости русло в мягких почвах северной Аризоны. Располагается в 80 милях на северо-северо-запад от Флагстаффа.

Грейт-Баррингтон, штат Массачусетс

Дом У. Э. Б. Дюбуа: национальная историческая достопримечательность: развалины дома, где негритянский писатель провел детство и отрочество; расположен в 40 милях к западу от Спрингфилда.

Гринсборо, штат Северная Каролина

Вулворт-билдинг: в 1960 году в кафетерии здешнего универмага состоялась сидячая забастовка против расовой сегрегации.

Густавус, штат Аляска

Национальный парк и заповедник Залив ледников: территория парка в 3 млн акров представляет собой впечатляющую картину, оставленную отходящими ледниками. Большинство посетителей добирается до заповедника на прогулочных катерах. По воздуху расстояние составляет 65 миль на запад-северо-запад от Джуно.

Дайтона Бич, штат Флорида

Дом Мэри Маклауд Бетьюн: здесь располагается дом, в котором жила и умерла выдающаяся чернокожая женщина, просветительница и помощница президента Рузвельта в проведении «нового курса».

Дель-Норте и Гумбольдта, округи, штат Калифорния

(главное управление располагается в Кресцент-Сити) *Национальный парк Редвуд и Государственный парк Калифорнии:* входят в список объектов Всемирного наследия, представляют собой природные заповедники с древними лесами секвойи и других вечнозеленых растений. Здесь находится самое высокое дерево в мире – высота его составляет 368 футов. Заповедник располагается на Тихоокеанском побережье Северной Калифорнии.

Детройт, штат Мичиган

Основан французами в 1701 году. Вначале судьба города была связана с пушной торговлей, затем с торговлей зерном и, наконец, с промышленным производством – в частности с автомобилестроением.

Здание «Дженерал моторс»: построено в 1923 году по проекту Альберта Кана.

Дирборн, штат Мичиган

Музей Генри Форда и Гринфилд-Виллидж: здесь представлена история глазами Генри Форда. Музей призван воскресить его молодость, технологические чудеса того времени и триумф современного

американского гения. Множество старинных автомобилей и исторических зданий.

Завод Форда в Хайлэнд-Парке: на этом заводе Генри Форд впервые запустил движущийся сборочный конвейер.

Жилой квартал Миса ван дер Роэ: жилой район, созданный в послевоенные годы по проекту известного архитектора, включает постройки Миса ван дер Роэ.

Завод Ривер-Руж, Дирборн: промышленный комплекс Генри Форда, где был реализован полный производственный цикл – от производства стали и стекла до сборки готовых автомобилей.

Джеймстаун, штат Виргиния

Первое постоянное поселение англичан в Северной Америке (1607). Теперь на его месте создан Колониальный национальный исторический парк. «Поселение Джеймстаун» представляет собой музей живой истории, где воссозданы условия жизни Джеймстауна той поры. Находится в 6 милях к юго-востоку от Вильямсберга.

Джекил-Айленд, штат Джорджия

Исторический район Джекил-Айленд: первоначально принадлежал индейским племенам, затем перешел к французскому семейству, а в конце XIX столетия превратился в своеобразный «клуб» американских супербогачей. Здесь располагаются дома Дж. П. Моргана, Чарльза Гудьера и Рокфеллеров, они открыты для посещений. Район находится к юго-востоку от Брансуика.

Индепенденс, штат Калифорния

Национальный исторический объект Манзанар: лагерь для интернированных, где в годы Второй мировой войны содержались американцы японского происхождения. Расположен на востоке центральной Калифорнии, в 40 милях к югу от Бишопа.

Кавахайе, штат Гавайи

Национальный исторический объект Пуукохола Хейау: здесь находится храм, возведенный в начале 1790-х годов. Расположен в северной-северо-западной части острова Гавайи.

Камберленд, остров

Находится рядом с городком Сент-Мэрис, штат Джорджия. История острова тесно связана с всевозможным морским людом, испанскими миссионерами, английскими поселенцами и бывшими американскими рабами. Здесь можно наблюдать многочисленные объекты, отмеченные в Национальном реестре исторических мест. Располагается на джорджийском побережье, в 40 милях к северу от Джексонвилля, штат Флорида.

Канаверал, штат Флорида

Станция ВВС США «Мыс Канаверал»/Космический центр имени Кеннеди: странное сочетание дикой природы и технологического совершенства.

Космический центр имени Кеннеди: место, где производится подготовка, запуск (а часто и приземление) управляемых космических аппаратов.

Национальное морское побережье Канаверал/Национальный заповедник живой природы Меррит-Айленд: побывав в Космическом центре им. Кеннеди и заглянув в будущее, посетители с наслаждением возвращаются в прошлое – на дикое морское побережье. Особенно привлекает государственный памятник индейской культуры – Курган Черепаха. Вы можете подняться на высоту 50 футов и обозреть плоский ландшафт Флориды, который сам по себе представляет замечательное зрелище.

Картерсвилл, штат Джорджия

Государственный исторический объект «Индийские курганы Этова»: миссисипские курганы высотой более 60 футов остались от народа, обитавшего в этих землях

в 950-1550 годах. Объект расположен в 40 милях к северо-западу от Атланты.

Кахокия Маундс (Курганы Кахокии)

Государственный исторический объект площадью 2200 акров расположен к востоку от Сент-Луиса, штат Миссури. Крупнейшее доколумбово поселение было обитаемо в 700-1400 годы. До нашего времени сохранилось 68 курганов.

Кембридж, штат Массачусетс

Дом великого американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло. **Ки-Уэст, штат Флорида**

Исторический район Ки-Уэст: американские поселенцы появились здесь после Трансконтинентального договора 1819 года, согласно которому Испания передавала эту территорию Соединенным Штатам. Район является своеобразной энциклопедией архитектурных стилей за прошедшие три столетия. Расположен на самом западе Флоридского архипелага, в 160 милях на юго-запад от Майами.

Дом-музей Эрнеста Хемингуэя: в 1931 году знаменитый писатель переехал в этот дом, построенный в 1851 году, и провел здесь практически все 1930-е годы.

ФортДжефферсон, Национальный паркДрай-Тортугас: расположен в 68 милях на запад от Ки-Уэст.

Килл-Дэвис Хиллс, штат Северная Каролина

Национальный мемориал братьев Райт: место, где 17 декабря 1903 года братья Райт произвели свой прославленный полет. Располагается в 214 милях к востоку от Рэйли.

Коди, штат Вайоминг

Исторический центр Буффало Билла: в состав центра входят четыре музея; в их экспозициях содержатся артефакты из жизни равнинных индейцев, огнестрельное оружие, предметы искусства и быта,

относящиеся к культуре Дикого Запада. Множество материалов, посвященных жизни Буффало Билла Коди. Центр расположен в 52 милях на восток от Йеллоустонского национального парка.

Конкорд, штат Массачусетс

Центр военной и литературной славы.

Дом Эмерсона: знаменитый американский поэт Ральф Уолдо Эмерсон жил в этом доме на протяжении пятидесяти лет.

Национальный исторический парк минитменов: см. Места сражений: война за независимость.

Старый пасторский дом: на протяжении лет служил жилищем Натаниэлю Готорну и Ральфу Уолдо Эмерсону.

Орчард-Хаус (Оранжерея): в этом доме в 1858–1877 годах проживала Луиза Мэй Олкотт, автор романа «Маленькие женщины».

Кладбище «Сонная лощина»: место окончательного упокоения Ральфа Уолдо Эмерсона, Генри Дэвида Торо, Натаниэля Готорна и Бронсона Олкотта.

Уолден Понд: место, где закладывались основы мировоззрения Г. Д. Торо.

Уэйсайд (1714): дом, в котором жили и творили Олкотты, Готорн и Маргарет Сидни.

Коннер Прерия, Фишерс, штат Индиана

Музей под открытым небом, живая история северо-восточного Индианаполиса, штат Индиана; представляет традиционную жизнь на старых северо-западных территориях в 1820-х и 1830-х годах.

Коренные американцы

Национальный военный парк Хорсшу-Бенд: см. Места сражений: война 1812 года.

Национальный памятник Литтл-Биг-Хорн, штат Монтана, «Агентство кроу», штат Монтана. В июне 1876 года здесь состоялось сражение между отрядами индейцев и 7-м кавалерийским полком полковника

Джорджа Армстронга Кастера. Памятник расположен в 62 милях на восток – юго-восток от Биллингса.

Место сражения на Типпеканоэ, район боя, штат Индиана. В ноябре 1811 года здесь произошла схватка между белыми частями генерала Уильяма Генри Харрисона и последователями шошонских вождей – Текумсе и его сводного брата Тенскватавы. Место расположено в 70 милях на северо-запад от Индианаполиса.

Мемориал Вундед-Ни, Пайн-Ридж, штат Южная Дакота. В этих местах в декабре 1890 года американские солдаты окружили и вырезали свыше 300 индейцев сиу. Мемориал располагается в 80 милях к юго-востоку от Рапид-Сити.

Национальный заповедник Беринг Ленд-Бридж, Западная Аляска. Представляет исключительный интерес для интересующихся историей. Вероятно, это место самого раннего обитания человека в Западном полушарии. Заповедник достаточно удаленный: более чем в 100 милях на север от Нома, зато всего в 55 милях на восток от Сибири.

Куперстаун, штат Нью-Йорк

Национальный музей и зал славы бейсбола: пантеон американского национального спорта, расположенный в родном городе знаменитого писателя XIX века Джеймса Фенимора Купера. Находится в 65 милях к западу от Олбани.

Лас-Вегас, штат Невада

Сила денег (через легализированный игорный бизнес) и электричества (благодаря дамбе Гувера) пробудили к жизни маленький заштатный городок и сделали его воплощением американской роскоши.

Отель-казино «Фламинго»: построен в 1946 году знаменитым гангстером Бенджамином «Багси» Сигалом. Нынешние владельцы комплекса позаботились

установить в саду мемориальную табличку с именем мистера Сигала.

Отель «Мулен-Руж»: в 1955 году, в пору расовой сегрегации всех общественных заведений (когда чернокожие посетители не могли останавливаться в отеле, где они играли), «Мулен-Руж» стал первопроходцем десегрегированного отдыха.

Лейк-Хавасу-Сити, штат Аризона

Лондон-Бридж (Лондонский мост): старый Лондонский мост был демонтирован в 1971 году и продан в Америку, заново собран в этой юго-западной пустыне, на реке Колорадо. Располагается в 200 милях к северо-западу от Феникса.

Линкольн-Сити, штат Индиана

Национальный мемориал отрочества Авраама Линкольна: представляет собой ферму, на которой Линкольн жил в 1816-1830 годах. Расположен приблизительно в 35 милях от Эвансвилля.

Литтл-Рок, штат Арканзас

Национальный исторический объект Центральная средняя школа Литтл-Рока: место, где в 1957 года разгорелся ожесточенный конфликт между федеральным правительством и властями штата по вопросу о десегрегации в школах.

Лос-Анджелес

Город основан в 1781 году, в ту пору он носил длинное название «Эль Пуэбло де Ностра Сеньора ла Рейна де Лос Анхелес де Порсенкула». За годы своего существования Лос-Анджелес успел побывать под испанским, мексиканским, и наконец, американским (с 1848 г.) правлением. Сегодня в этом городе проживают свыше 3,5 млн человек – то есть каждый десятый калифорниец живет в Лос-Анджелесе. ЛА (как называют его американцы) славится своим солнцем и весельем. Помимо того, Лос-Анджелес еще и один из самых

«трудолюбивых» американских городов – крупный промышленный и портовый центр.

Энджелс Флайт (Полет ангелов): старый отреставрированный фуникулер, иногда называемый «самой короткой железной дорогой на свете», располагается на углу улиц Третьей и Хилл; построен в 1901 году, в 1969 году закрылся, а в 1996 году был отреставрирован и снова открыт.

Музей Отри: посвящен истории американского Запада. *Китайский театр Граумана:* всемирно известный и один из самых посещаемых кинотеатров был открыт в 1927 году. На площадке перед кинотеатром в цементе сохраняются отпечатки ног и подписи многих кинозвезд.

Диснейленд (Анахайм): самый первый из тематических парков, посвященных творчеству Уолта Диснея; открыт в 1955 году.

Гэмбл-хаус: представляет собой один из прекраснейших экземпляров художественного направления «Артс энд крафтс», созданного в 1908 году Чарльзом Самнером Грином и Генри Матером Грином.

Надпись «Голливуд»: впервые эта 50-футовая надпись появилась в 1923 году как рекламное название компании недвижимости. Изначально слово было длиннее – «Голливуд-Ленд», но в ходе реставрации 1949 года последние четыре буквы убрали, и надпись приобрела свой нынешний вид.

Ла-Бреа-Тар-Питс: знаменитые асфальтовые ямы с богатейшим собранием окаменелостей (найденные здесь экспонаты выставляются в близлежащем музее естествознания Пейджа). Диковинки в центре Лос-Анджелеса – казалось бы, этим никого не удивишь. Но позвоночные создания четвертичного периода – это даже для ЛА слишком! Но именно их (и еще множество других растений и насекомых) обнаружили в местном вязком асфальте.

Миссия Сан-Фернандо Рейде Эспанья: испанская миссия, основанная в 1797 году.

Кинотеатры Южного Бродвея: «Палас» (1911), «Стейт» (1921), «Орфей» (1926).

Олвера-стрит: старейшая часть ЛА, отреставрированная городскими властями в 1920-х годах. Здешние исторические здания, рынок, дворец, кафе привлекают множество посетителей.

«Куин Мэри»: великолепное судно, спущенное на воду в 1934 году; сейчас стоит на приколе на Лонг-Бич, используется как музей и отель.

Туры по студиям: «Юниверсал Студиос» представляет собой отдельный тематический парк; прогулка по студиям «Парамаунт» и «Уорнер бразерс» дает представление об основах кинотворчества.

Юнион Стейшн: здание выполнено в испанском и мавританском стиле; построенное в 1939 году, оно и сегодня служит центром железнодорожного сообщения по Южной Калифорнии.

Лоуэлл, штат Массачусетс

Национальный исторический парк Лоуэлл: мельницы, каналы, меблированные комнаты – все это помогает воссоздать американскую историю времен промышленной революции. Мы начинаем лучше понимать безвестных женщин и иммигрантов, чьим трудом было создано сегодняшнее благосостояние страны. Расположен в 32 милях к северо-западу от Бостона.

Майами, штат Флорида

Территория приобретена у Испании в 1819 году, получила статус города в 1896 году. В том году предприниматель Генри М. Флаглер обеспечил Майами транспортное железнодорожное сообщение, провел модернизацию морского порта, построил гостиницу и стал усиленно рекламировать город в качестве зимнего курорта. В 1920-х годах в Майами случился настоящий

земельный бум. Сегодня город представляет собой круглогодичный курорт, является крупным, густонаселенным промышленным и торговым центром.

«Брейкерс» (Палм-Бич): великолепный отель построен в 1926 году по образцу римской виллы Медичи.

Район ардеко в Майами-Бич: роскошный, сногшибательный парад оригинальных зданий в стиле ар-деко – отели, офисы, жилые дома.

Бискайя: национальная историческая достопримечательность, представляет собой виллу с садом, бассейнами, водопадами в стиле итальянского возрождения; построена в 1916 году для Джеймса Диринга.

Мемфис, штат Теннесси

Грейсленд: великолепное поместье Элвиса Пресли наводит на мысли о гигантомании.

Меса Верде, штат Колорадо

Национальный парк Меса Верде: главное место археологических изысканий; содержит артефакты культуры пуэбло, индейского народа, обитавшего здесь с VII по XIV столетие. Главные достопримечательности – «скальные жилища». Парк располагается в 35 милях к западу от Дуранго.

Места сражений

Война за независимость

Банкер-Хилл: см. Бостон.

Каупенс, Чесни, штат Южная Каролина. Здесь в январе 1782 года американские войска одержали решающую победу над британской армией. Расположен в 20 милях к северо-востоку от Спартансберга.

Форт Молтри, Чарлстон, штат Южная Каролина. Здесь американцы одержали одну из первых побед над британцами, случилось это за неделю до принятия

Декларации независимости. Сорок пять лет спустя войска из этого форта участвовали в битве за форт Самтер, с чего, собственно, и началась гражданская война. Здесь же располагается могила Оцеолы, вождя индейского племени семинолов.

Гилфорд-Корт-Хаус, Гринсборо, штат Северная Каролина. В марте 1781 года здесь состоялось сражение между американской армией под командованием Натаниэля Грина и британскими войсками во главе с Корнуоллисом. Англичане понесли тяжелые потери.

Кингс-Маунтин, Блэксберг, штат Южная Каролина. В 1780 году здесь состоялась битва, ставшая переломной точкой в Южной кампании. Расположен в тридцати милях к северо-востоку от Спартансберга. (Путь частей американского ополчения к данному месту сражения сегодня можно проследить по такому объекту Службы национальных парков, как национальная историческая тропа «Победная нагорная».)

Национальный исторический парк минитменов, Конкорд, штат Массачусетс. Прогулка по извилистой тропе длиной в 5,5 миль (от Лексингтона до Конкорда) позволит восстановить события 19 апреля 1775 года, ознаменовавшего начало войны за независимость.

Морристаун, штат Нью-Джерси. В 1779–1780 годах здесь располагалась ставка Джорджа Вашингтона. Находится в 20 милях к западу от Ньюарка.

Саратога, Стиллуотер, штат Нью-Йорк. Здесь в октябре 1777 года американская армия под командованием Гейтса разбила войска Бергойна. Расположен приблизительно в 30 милях к северу от Олбани.

Вэлли-Фордж, штат Пенсильвания. Место, где в 1777–1778 годах войска Вашингтона остановились на зимовку. Расположено в 18 милях к западу от Филадельфии.

Место сражения при Йорктауне, Колониальный национальный исторический парк, Йорктаун, Виргиния. Место финальной битвы войны за независимость; в октябре 1781 года здесь произошла капитуляция армии Корнуоллиса. Расположено в 12 милях на восток от Уильямсберга.

Война 1812 года

Национальный мемориал поля битвы Шалметт и национальное кладбище, Шалметт, штат Новый Орлеан. Восьмого января 1815 года в этом местечке разыгралось сражение за Новый Орлеан. Войска Эндрю Джексона нанесли поражение британским войскам под командованием сэра Эдварда М. Пэкингема. Мемориал расположен в 6 милях вниз по течению от Нового Орлеана.

Национальный памятник Форт Мак-Генри и Балтиморская базилика, Балтимор, штат Мэриленд. В сентябре 1814 года британская армия напала на Балтиморский порт (построен в 1794-1803). Во время продолжительного артиллерийского обстрела укрепленного форта Фрэнсис Скотт Ки написал свои вдохновенно-патриотические стихи под названием «Звездно-полосатый флаг», ставшие в 1931 году национальным гимном американской республики.

Национальный военный парк Хорсшу-Бенд, Дэвистон, штат Алабама. Место кровавой схватки между частью племени криков под названием «Красные палки» и американскими войсками под командованием Эндрю Джексона. Расположено на востоке центральной Алабамы, в 20 милях к востоку от Александер-Сити.

Мемориал Победы Перри и мира, Путин-Бей, штат Огайо. Посвящен победе, которую Оливер Хазард Перри одержал над англичанами в Битве на озере Эри (10 сентября 1813 г.). Мемориал представляет собой башню, с которой открывается живописный вид на озеро Эри. Расположен в 35 милях к востоку от Толедо.

Американо-мексиканская война

Национальный исторический парк «Поле сражения у Пало-Альто», округ Санта-Клара, штат Техас. В мае 1846 года здесь произошло сражение. Объект расположен недалеко от Браунсвилла.

Гражданская война

Национальный исторический объект Андерсонвилл, штат Джорджия. Лагерь, где Конфедерация содержала военнопленных из числа северян. За время войны здесь умерли 13 тыс. человек. Находится в 60 милях к юго-западу от Мейкона.

Национальное поле сражения в Энтиэтеме, Шарпсбург, штат Мэриленд. Место, где 17 сентября 1862 года произошло самое кровавое из всех однодневных сражений гражданской войны. Располагается примерно в 70 милях к северо-западу от Вашингтона, округ Колумбия.

Национальный исторический парк Аппоматтокс Корт-Хаус, Аппоматтокс, штат Виргиния. В апреле 1865 года здесь произошла решающая битва: генерал конфедератов Ли сдался Гранту, тем самым положив конец гражданской войне. Расположен в 75 милях к западу от Ричмонда.

Национальный военный парк Чикамауга и Чаттануга, форт Оглторп, штат Джорджия, и Чаттануга, штат Теннесси. Посвящен сражениям, проходившим между сентябрем и ноябрем 1863 года. Первое из них принесло победу Конфедерации, второе – Союзу.

Национальное поле сражения за форт Донельсон, Довер, штат Теннесси. В феврале 1862 года армия генерала Улисса С. Гранта одержала победу на южанами и захватила форт. Это была часть широкомасштабной операции по вторжению на северозападные территории Конфедерации. Объект располагается приблизительно в 80 милях на северо-запад от Нашвилла.

Форт Молтри: см. Война за независимость.

Национальный памятник Форт Пуласки, находится неподалеку от острова Тайби, штат Джорджия. В 1862 году после 15-часового интенсивного артобстрела войска северян отбили форт у Конфедерации. Расположен в 17 милях к востоку от Саванны.

Национальный памятник Форт Самтер, Чарлстон, штат Южная Каролина. Представляет собой место, где началась гражданская война. Именно здесь в апреле 1861 года войска Конфедерации напали на принадлежавшую Союзу крепость и положили начало военным действиям.

Национальный военный парк, мемориальные поля сражений за Фредериксберг и округ Спотсильвания, Фредериксберг, штат Виргиния. В этом большом парке увековечена память о четырех кровавых эпизодах гражданской войны – победе конфедератов сначала при Фредериксберге (декабрь 1862 г.), затем под Чанселорсвиллем (май 1863 г.) и в битве при Уайлдернессе (май 1864 г.); и наконец, победе Союза при Спотсильвания Корт-Хаус (май 1864 г.). Парк расположен в 57 милях к северу от Ричмонда и 48 милях к юго-западу от Вашингтона, округ Колумбия.

Национальный военный парк Геттисберг, штат Пенсильвания. В первые дни июля 1863 года в этом маленьком пенсильванском городке произошла одна из самых кровопролитных битв гражданской войны. Армия Союза вступила в бой с войсками генерала Ли и сумела остановить их продвижение. Четыре месяца спустя президент Линкольн зачитал на открытии кладбища свою знаменитую Геттисбергскую речь. Парк расположен в 77 милях к северу от Вашингтона, округ Колумбия, в 50 милях к северо-западу от Балтимора.

Национальный исторический парк Харперс-Ферри, штат Виргиния. Создан на месте цели знаменитого рейда Джона Брауна, предпринятого в октябре 1859

года. Располагается в 65 милях к северо-западу от Вашингтона, округ Колумбия.

Национальный парк поля сражения под Манассасом, Манассас, штат Виргиния. В этой местности конфедераты дважды – в июле 1861 года и августе 1862 года – нанесли поражение силам Союза. Эти события дорого обошлись американской нации: 4 тыс. погибших и 28 тыс. раненых – таков итог сражений под Манассасом. Парк находится в 25 милях к юго-западу от Вашингтона, округ Колумбия.

Национальное поле сражения на берегах Монокаси, Фредерик, штат Мэриленд. Воссоздает историю одной из попыток Конфедерации захватить столицу северян, имевшую место в июле 1864 года. Расположено в 45 милях к северо-западу от Вашингтона, округ Колумбия.

Национальный военный парк Пи-Ридж, штат Арканзас. Победа, которую армия Союза одержала в марте 1862 года в этом маленьком местечке на северо-западе Арканзаса, помогла федеральным силам установить контроль над штатом Миссури. Парк расположен в 92 милях на северо-востоке от форта Смит.

Национальное место сражения за Питерсберг, штат Виргиния. Почти год – с июня 1864 года до апреля 1865 года – северяне осаждали этот город. Осада вылилась в изнурительную позиционную войну. Расположено в 23 милях к югу от Ричмонда.

Национальный военный парк Шайло, штат Теннесси. Место одного из сражений на западном театре военных действий. В апреле 1862 года северяне одержали здесь победу над неприятелем, которая стоила ужасных человеческих жертв. Парк расположен приблизительно в 100 милях к востоку от Мемфиса.

Национальный военный парк Виксберг, Виксберг, штат Миссисипи. Войска генерала Гранта вели осаду Виксберга с конца мая до начала июля 1863 года.

Крепость южан пала 4 июля, через день после поражения Конфедерации под Геттисберге.

Миссии калифорнийские

В 1769-1823 годах францисканский орден (под первоначальным руководством отца Хуниперо Серра) заложил в Калифорнии 21 миссию. Все они выстроены вдоль старой дороги Эль Камино Реал («Королевской дороги») – проходящей параллельно нынешней трассе 101. Цепочка католических миссий протянулась от Сан-Диего до самого Сан-Франциско. Ниже приводится список строений (с датами основания):

Ла Эксальтасьон де ла Санта Крус (1791), Санта-Крус.

Ла Пурисима Консепсьон де Мария Сантисима (1787), Ломпак.

Нуэстра Сеньора де ла Соледад (1791), Соледад.

Сан Антонио де Падуа (1771), Холон.

Сан Буэнавентура (1782), Вентура.

Сан Карлос Борromeо де Кармело (1770), Кармел.

Сан Диего де Алькала (1769), Сан-Диего.

Сан Фернандо Рей де Эспанья (1797), Мишн-Хиллс.

Сан Франсиско де Асис (1776), Сан-Франциско.

Сан Франциско де Солано (1823), Сонома.

Сан Габриэль Архангел (1771), Сан-Габриэль.

Сан-Хосе (1797), Фремонт.

Сан Хуан Батиста (1797), Сан-Хуан Батиста.

Сан Хуан Капистрано (1776), Сан-Хуан Капистрано.

Сан Луис Обиспо де Толоса (1772), Сан-Луис Обиспо.

Сан Луис Рей де Франсия (1798), Сан-Луис Рей.

Сан Мигель Архангел (1797), Сан-Мигель.

Сан Рафаэль Архангел (1817), Сан-Рафаэль.

Санта Барбара (1786), Санта-Барбара.

Санта Клара де Асис (1777), Санта-Клара.

Санта Инес (1804), Сольванг.

Мистик, штат Коннектикут

Морской порт местечка Мистик: клуб северо-восточного серфинга; выставка-музей предметов, поднятых со дна океана. Расположен в 8 милях к востоку от Нью-Лондона.

Монтгомери, штат Алабама

Национальная историческая достопримечательность – баптистская церковь на Декстер-авеню: во время автобусного бойкота 1955-1956 годов здесь располагался руководящий центр забастовки. В 1954-1960 годах здесь служил Мартин Лютер Кинг-младший.

Монументов долина, штат Юта

Парк племени навахо «Долина монументов»: это живописное в своей неподвижности место чаще всего фотографируют туристы – плоские холмы-останцы в пустыне на юго-востоке Юты и северо-востоке Аризоны, расположенные вдоль федеральной трассы 163. Находится на территории индейской резервации навахо.

Натчез, штат Миссисипи

Этот городок некогда принадлежал к самому богатому округу США; со времен до гражданской войны сохранились живописные усадьбы-поместья, открытые для посещений, организуются туристические экскурсии. Наибольшую известность получили следующие усадьбы: Стэнтон-Холл, Лонгвуд, Розали, Мелроуз-истейт и Монмут.

Новый Орлеан, штат Луизиана

Основан в 1718 году, находился под французским, испанским и (после 1803 г.) американским правлением. Национальные флаги над крышами Нового Орлеана менялись, а источник жизни – непрерывный поток товаров по Миссисипи и с Мексиканского залива – оставался. Столь же неизменной оставалась специфическая культура Нового Орлеана – продукт многонационального, многорасового смешения населения. Новоорлеанский Французский квартал – или

Вье-Карр (Старый квадрат), как его здесь называют, – составляет исторический район. Здесь можно видеть замечательные образцы испанской и французской архитектуры. Более «американизированным» выглядит Район садов, располагающийся на месте бывшего пригорода. Здесь можно в изобилии найти творения ландшафтного архитектора Эндрю Джексона Даунинга.

Акадская культура: см. *Эунайс*, *Культурный центр акадской прерии*.

Арсенал построен в 1839 году.

Кабильдо: древнее административное здание, где когда-то заседало испанское правительство; построено в 1795–1799 годы.

Национальный мемориал поля битвы Шалметт и национальное кладбище: см. Места сражений: война 1812 года.

Исторические дома: дом Борегара – Кийеса (1826); дом Галльера (1857); дом Эрманн—Грима (1831); наследство мадам Джон (1799); старейшие в стране многоквартирные дома Понталба-билдингс (1850).

Карнавал Марди Гра: самый буйный и бесшабашный народный праздник в США; сопровождается громкой музыкой, шумными шествиями и парадами – в эти дни, предшествующие Великому посту, веселье выплескивается на улицы города

Национальный исторический парк Новоорлеанского джаза: посвящен сохранению этого жанра музыки.

Старый монетный двор Соединенных Штатов (1835): здание выполнено в стиле греческой неоклассики.

Дом священника: строительство завершено в 1813 году, в прошлом здание служило коммерческим целям, в настоящее время является частью музея штата.

Собор Святого Людовика: строился с 1789 до 1794 года.

Ньюпорт, штат Род-Айленд

Брейкерс (1895): летняя резиденция Корнелиуса Вандербилта II, спроектированная Ричардом Моррисом Хантом.

Нью-Йорк

С 1810 года является крупнейшим городом США; в настоящее время в Нью-Йорке проживает более 7 млн человек. Генри Гудзон приплыл в местную гавань в 1609 году. В 1624 году голландцы заложили здесь первое постоянное поселение. Сорок лет спустя колонию захватили англичане, а после обретения Соединенными Штатами независимости контроль над городом перешел к американцам. Непродолжительное время Нью-Йорк являлся столицей США. С 1898 года конгломерат под названием Нью-Йорк включал в себя пять округов: Манхэттен (остров Манхэттен), Стейтен-Айленд, Бруклин и Куинс (оба располагаются на Лонг-Айленде) и Бронкс (находится на континентальной части).

Театр «Аполло» (1913): знаменитый гарлемский театр на 125-й улице.

Бруклинский мост (1883): построен по проекту Джона О. Реблинга и Вашингтона О. Реблинга.

Карнеги-Холл: концертный зал, строительство которого проходило под руководством Уильяма Бернета Татхилла (завершено в 1891 г.)

Кафедральный собор Иоанна Богослова: является крупнейшим в мире собором, строительство начато в 1892 году.

Центральный парк: городской шедевр Фредерика Лоу Олмстеда площадью 840 акров (ему же принадлежит Проспект-парк в Бруклине площадью 526 акров).

Крайслер-билдинг: этот красавец, построенный Уильямом Ван Аленом в 1930 году, недолго продержал первенство в гонке на звание самого высокого небоскреба в мире – буквально через несколько месяцев

ему пришлось уступить почетное первое место Эмпайр-Стейт-билдинг. Однако в том, что касается стиля, Крайслер-билдинг считается непревзойденным – это подлинная жемчужина ар-деко.

Ратуша: здание в федеральном стиле, строилось в 1805-1812 годах.

Клойстерс: расположен в западной части верхнего Манхэттена, в окружении парка Форт-Трайон. Музей предлагает вниманию посетителей образцы романского и готического искусства в интерьерах, использующих фрагменты французских монастырей.

Кони-Айленд: парк развлечений на побережье южного Бруклина, создан в конце XIX – начале XX века.

Остров Эллис, музей иммиграции: крупнейший пункт приема иммигрантов, через который за 1892-1954 годы прошло 12 млн человек.

Эмпайр-Стейт-билдинг: с 1931 до 1972 года это творение архитектурной фирмы «Шрив, Лэм и Хармон» было самым высоким зданием на свете (высота 1250 футов). Его по праву можно считать памятником инженерному гению и экономической дерзости (ведь эта махина появилась на свет в то время, как страна катилась в пучину Великой депрессии).

Национальный мемориал Федерал-холл: в этом здании проходили такие события общенационального значения, как Конгресс по поводу гербового сбора, Континентальный конгресс и первое заседание Конгресса новой республики. Здесь же первый американский президент Джордж Вашингтон принес клятву при вступлении в должность. В нынешнем виде здание существует с 1842 года.

Вокзал Гранд Централ: великолепное здание центрального вокзала выполнено в стиле beaux-Arts, постройка завершена в 1913 году.

Квартирный музей Нижнего Ист-Сайда (Орчард-стрит, 99): представлены отреставрированные жилые

помещения, которые в 1870-1930-х годах сдавались иммигрантам (в основном итальянцам и евреям).

Нью-Йоркская биржа (1903): своеобразный Ватикан капитализма.

Дом Эдгара Аллана По (около 1812): поистине место, которое меньше всего ожидаешь увидеть в Бронксе; служило домом знаменитому писателю в 1846–1849 годах.

Радио-Сити мюзик-холл (1932): дворец на 6 тыс. мест в стиле ар-деко, недавно отреставрирован.

Музей Морского порта у Саут-стрит: исторический район, охватывающий одиннадцать кварталов на юго-восточной оконечности Манхэттена. Некогда здесь, на берегах Ист-ривер, находился процветающий порт. Теперь осталось с полдюжины старинных кораблей и отреставрированные деловые постройки.

Собор Святого Патрика: роскошное здание в неоготическом стиле на Пятой авеню; архитектор Джеймс Ренуик вел строительство с 1858 до 1874 года.

Статуя Свободы, остров Свободы: это колоссальное творение Фредерика-Огюста Бартольди (массивная железная опора и промежуточный поддерживающий каркас разработаны Густавом Эйфелем) – подарок французского народа к столетию Соединенных Штатов. Открытие монумента в Нью-Йоркском порту, на котором выступал президент Гровер Кливленд, произошло в 1886 году в присутствии тысячной толпы. Американская поэтесса Эмма Лазарус посвятила статуе Свободы свой сонет под названием «Новый Колосс». В 1980-х статуя подверглась реставрации.

Штаб-квартира ООН: строительство начато в 1949 году под руководством Уоллеса К. Гаррисона.

Таможня Соединенных Штатов (1907): здание располагается на Боулинг-Грин, предположительно там, где состоялась знаменитая сделка – в 1626 году Петер Минуит приобрел остров Манхэттен у местных

индейцев. В настоящее время в здании находится выставочный зал музея американских индейцев (Центр Джорджа Густава Хэя).

Оберн, штат Индиана

Музей Оберн-Корд-Дюзенберг: представлены модели легковых автомобилей, выпускавшиеся в северо-восточной Индиане в 1920-1930-х годах. Музей располагается в 130 милях на северо-восток от Индианаполиса.

Олд Стербридж Виллидж, штат Массачусетс

Музей под открытым небом, представляющий для обозрения уголок сельской Новой Англи образца 1830-х годов. Располагается примерно в 65 милях к западу от Бостона.

Ойстер-бэй, штат Нью-Йорк

Дом Теодора Рузвельта, Национальный исторический объект Сагамор-Хилл. Здесь жил Теодор Рузвельт с 1886 по 1919 год.

Расположен в 45 милях на восток от города Нью-Йорк, на Лонг-Айленде.

Перл-Харбор, штат Гавайи

Располагается к северо-западу от Гонолулу. Место, где для Соединенных Штатов началась и закончилась Вторая мировая война.

Мемориал «Аризона» построен на том месте, где при неожиданной японской атаке 7 декабря 1941 года взорвался и затонул линкор «Аризона» (при этом погибли 1177 американских моряков).

Мемориал «Миссури» представляет собой находящийся на вечном приколе линкор, на борту которого 2 сентября 1945 года был подписан акт о капитуляции Японии.

Петрифид-Форест, штат Аризона

Здесь можно полюбоваться на заповедные леса Петрифид, увидеть древние окаменелости и посетить

археологические раскопки. Парк располагается в 117 милях к востоку от Флагстаффа.

Плантации

Любознательные посетители имеют возможность осмотреть довоенные (до гражданской войны) плантации, которые сохранились на всей территории американского Юга. Некоторые из них являются общественными историческими объектами, другие находятся в частном владении, но все равно организуют экскурсии. Ниже приводится список плантаций:

Флорида

Плантация Кингсли, форт Джордж-Айленд: довоенная плантация с помещичьим домом и жильем рабов. Распологается приблизительно в 15 милях к востоку от Джексонвилля.

Джорджия

Плантация Гамильтона, Сент-Симонс-Айленд: на территории располагаются хижины рабов первой трети XIX века. Расположена к востоку от Браунсвика.

Плантация Хоупвилл-Бродфилд, рядом с Дарьеном: образец довоенной рисовой плантации. Распологается в 5 милях к югу от **Дарьена**.

Исторический объект Вормслоу-Стейт, Саванна: плантация 1737 года с очаровательной дубовой аллеей.

Дом-плантация Арчибальда Смита, Розуэлл: дом 1845 года с пристройками. Расположен в 24 милях к северо-западу от Атланты.

Плантация Стейтли-Оукс, Джонсборо: усадьба 1839 года в стиле греческой неоклассики; восстановлена. Распологается в 20 милях к югу от Атланты.

Луизиана

Креольский национальный исторический парк Кейн-ривер и зона культурного наследия (в окрестностях Натчиточеса): сохранились постройки двух хлопковых плантаций – Магнолии (1835) и Оукленд (1821). Парк

располагается в 250 милях к северо-западу от Нового Орлеана.

Плантация Дестрехан: дом построен в 1787 году, перестроен в 1840 году. Расположен в 16 милях к востоку от Нового Орлеана.

Хаумас-хаус, Дарроу: усадьба, построенная в 1840 году в стиле греческой неоклассики. Располагается в 30 милях на юго-восток от Батон-Руж.

Плантация Лаура, Вахери: креольская сахарная плантация 1805 года, сохранилась центральная усадьба и жилища рабов. Расположена в 42 милях на запад от Нового Орлеана.

Плантация Ноттовэй, Плакмайн: строение 1895 года, выполнено в стиле греческого возрождения, располагается в 20 милях к югу от Батон-Руж.

Плантация Вахери: дом 1839 года, находится в 42 милях к западу от Нового Орлеана.

Плантация Роуздаун, Сан-Францисвилль: усадьба 1835 года с достроенными флигелями. Расположена в 30 милях на север-северо-запад от Батон-Руж.

Миссиссипи

Мелроуз-истейт, Натчезский национальный исторический парк, Натчез: усадьба 1847 года в стиле греческой неоклассики, дополнительные хозяйственные строения. Все это находится на старинной хлопковой плантации.

Плантация Оук-сквер, Порт-Гибсон: хлопковая плантация, дом 1850 года в стиле греческой неоклассики. Располагается на полпути между Виксбергом и Натчезом.

Плантация Россвуд, Лормен: усадьба 1857 года в 35 милях к северо-востоку от Натчеза.

Южная Каролина

Плантация Бун-Холл, гора Плезант: усадьба датируется 1680-ми годами; первоначальные постройки

сгорели. Располагается в 5 милях на восток от Чарлстона.

Дрейтон-Холл, Чарлстон: усадьба 1742 года на реке Эшли.

Плантация Хэмптон, Мак-Клеланвилл: рисовая и индиговая плантация середины XVIII века. Располагается примерно в 40 милях к северо-востоку от Чарлстона.

Плантация Хопсви, Джорджтаун: рисовая плантация 1740 года, в 45 милях к северо-востоку от Чарлстона.

Виргиния

Картерс-Гроув, рядом с Гроувом: дом постройки 1753 года, в 6 милях от Уильямсберга.

Плантации Чарльз-Сити, приблизительно в 30 милях на юго-восток от Ричмонда, Беркли: усадьба 1726 года на реке Джеймс, место рождения президента Уильяма Генри Гаррисона.

Шервуд-Форест: в разное время здесь проживали президент Гаррисон и президент Тайлер. Ландшафтные работы выполнены Эндрю Джексоном Даунингом.

Плантация Ширли: имение 1738 года; национальная историческая достопримечательность.

Вестовер: георгианский шедевр 1730 года.

Плимут, штат Массачусетс

Плимутская плантация: музей под открытым небом, воскрешает жизнь сельской общины в 1627 году. Многие ошибочно считают, что плантация располагается в точности на месте изначального поселения пилигримов – на самом деле она находится неподалеку, в 35 милях к юго-востоку от Бостона.

Промонтори, штат Юта

Национальный исторический объект Голден-Спайк: место, где 10 мая 1869 года встретились две железнодорожные ветки – Централ Пасифик и Юнион Пасифик; вместе они образовали первую трансконтинентальную железную дорогу. Объект

расположен в 84 милях на север-северо-восток от Солт-Лейк-Сити.

Рашмор, гора

Бюсты четырех американских президентов – Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта, высечены в граните горы Рашмор в Блэк-Хиллз, горном районе Южной Дакоты; работа скульптора Гатсона Борглема, над которой он трудился с 1927 по 1941 год. Располагается в 20 милях к юго-западу от Рэпид-Сити.

Роанок, остров, штат Северная Каролина

Национальный исторический объект Форт Рэли: месторасположение «пропавшей» колонии сэра Уолтера Рэли (1585–1587). Располагается в 90 милях на юго-восток от Норфолка, штат Виргиния.

Рочестер, штат Нью-Йорк

Дом Сьюзан Б. Энтони в Рочестере: здесь жила знаменитая участница движения за права женщин.

Саванна, штат Джорджия

Джеймс Оглторп заложил этот город в 1733 году в виде поселения с прямыми, взаимно перпендикулярными улицами, на пересечении которых помещались просторные общественные площади. В городе выделяются два района:

Исторический район Саванны: здесь располагаются постройки конца XVIII – начала XX века. Особый интерес представляет Дом Оуэнса – Томаса (1819).

Исторический викторианский район Саванны: в этой части города преобладают дома конца XIX века.

Поблизости располагаются плантация Уормслоу и Национальный монумент Форт Пуласки.

Сан-Симеон, штат Калифорния

В этом местечке на Тихоокеанском побережье располагается колоссальное поместье газетного магната Уильяма Рэндальфа Херста. Этот человек и его дом пережили сами себя: замок, который Херст строил

для своей семьи, оказался увековеченным в кинематографе (фильм «Гражданин Кейн»). Расположен на полпути между Санта-Крус и Санта-Барбарой.

Санта-Фе, штат Нью-Мексико

Город основан испанцами в 1610 году на месте старого индейского поселения; со временем превратился в центр администрирования, миссионерской деятельности и торговли. Вот уже почти четыре столетия жизнь в Санта-Фе группируется вокруг центральной городской площади.

Собор Святого Франциска (1886): впечатляющее здание в романском стиле выделяется на фоне местной глинобитной архитектуры.

Церковь Сан-Лоретто: церковь в готическом стиле построена в 1873–1878 годы. Обращает на себя внимание деревянная винтовая лестница внутри церкви.

Дворец губернаторов (около 1630): самое старое из постоянно используемых общественных зданий США.

Ла Пласа: здесь, на центральной городской площади, сходятся две исторические дороги – ведущая в Мексико-Сити Эль Камино Реаль и Санта-Фе Трейл, соединяющая город с Индепенденсом, штат Миссури.

Миссия Сан-Мигель: певоначалное здание относится к началу XVII века, в 1710 году было перестроено, в 1955 году подверглось реставрации.

Неподалеку (в 35 милях на северо-восток) располагается Национальная лаборатория Лос-Аламос, где проводились исследования в рамках Манхэттенского проекта.

Сан-Франциско, штат Калифорния

Один из наиболее удивительных городов Америки, город-космополит. Интересно, что в 1776 году Сан-Франциско начинал как весьма уравновешенный и респектабельный населенный пункт, сосредоточенный вокруг испанского военного форта и католической

миссии. Он долгое время оставался маленьким и тихим – пока в воздухе не запахло золотом (а позже и серебром). Грянула «золотая лихорадка», и дух Сан-Франциско коренным образом изменился. А после землетрясения и пожара 1906 года изменился и внешний облик города. Он превратился крупнейший промышленный, торговый и финансовый центр Западного побережья.

Алькатрас: изначально на острове были возведены военные постройки, одновременно исполнявшие роль крепости и тюрьмы (1850-1933). Затем здание превратилось исключительно в федеральное исправительное заведение (1934-1963).

Старинные трамваи (кейбл-кары) начали работать в 1873 году.

Книжный магазин «Сити лайтс» основан в 1953 году поэтом-битником Лоренсом Ферлингетти.

Койт Тауэр (1934): мемориальная башня построена на Телеграфном холме; с ее верхушки открывается потрясающий вид на залив.

Мост Золотые Ворота (1937): подвесная конструкция высотой 4200 футов ярко-карминного цвета.

Хайт-Эшбери: рабочий район, который в 1950-1960-х годах стал процветающим центром контркультуры.

Миссия Долорес (миссия Сан-Франциско де Асис) (1776) представляет собой старейшее в городе строение.

Дворец изобразительных искусств: построен в 1915 году для предстоящей Панамско-Тихоокеанской международной выставки.

Пресидио: в 1776 году здесь была испанская военная база, затем она перешла в руки мексиканцев, позже – американцев. В настоящее время Пресидио является национальным парком.

Национальный исторический Морской парк Сан-Франциско: парк расположился на верфи Фишермана и

предлагает посетителям много интересного – здесь и морской музей, прогулки на морских судах, и наглядная демонстрация местных ремесел.

Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Национальный исторический объект Сан-Хуан: город основан в 1521 году. Представляет собой объект Всемирного наследия; включает мощные каменные укрепления, построенные испанцами для защиты старого Сан-Хуана (Кастильо де Сан-Фелипе дель Морро на западе и Форт Кастильо де Сан-Кристобаль на востоке). Имеются и другие достопримечательности:

Исторический парк в руинах Капарры: то, что осталось от самого первого поселения, в 1508 году заложенного Хуаном Понсе де Леоном.

Каса-Росада (1812): военное строение.

Каса-Бланка (1521): здание построено для Хуана Понсе де Леона.

Кафедральный собор Сан-Хуана: сооружение первого здания собора начато в 1540 году.

Городские стены: стены длиной почти 3,5 мили опоясывают город; их строительство началось в 1630-х годах.

Ла Форталеса: ранние укрепления (сооружение велось в 1533–1540); позже здесь располагалась резиденция губернатора острова.

Иглесия де Сан-Хосе: строительство монастыря начато доминиканцами в 1532 году; здание выдержано в стиле испанской готики.

Сан-Хуан, округ, штат Нью-Мексико

Национальный исторический парк Чако: сегодня территория каньона Чако представляет собой дикую заброшенную местность, однако в IX–XIII веках здесь располагался центр индейской культуры пуэбло. Сохранилось свыше 1100 руин. Парк находится на северо-западе Нью-Мексико, приблизительно в 85 милях на северо-восток от Галлапа.

Сейлем (Салем), штат Массачусетс

Этот городок, расположенный к востоку от Бостона, был основан в 1626 году. Основным промыслом в Сейлеме была морская торговля, но всемирную известность город получил благодаря совсем другой истории – печально знаменитой «охоте на ведьм». Несколько городских музеев посвящены этой вспышке массового безумия. Помимо этого следует посетить:

Здание таможни (1819), где некогда трудился Натаниель Готорн. Став писателем, он изобразил данное заведение в начальных главах «Алой буквы».

Дом о семи фронтах (1668): именно это здание вдохновило Готорна на создание одноименного романа.

Национальный исторический объект Сейлемский морской музей: представляет часть порта с историческими строениями, которые напоминают о торгово-морском прошлом Сейлема.

Сенека-Фоллс, штат Нью-Йорк

Национальный исторический парк борьбы за права женщин: посвящен активисткам женского движения середины XIX века. Парк включает в себя дом Элизабет Кэйд Стэнтон и уэслианскую церковь, где в 1848 году состоялась первая конференция по правам женщин. Парк располагается в 40 милях на запад-юго-запад от Сиракуз.

Сент-Огастин, штат Флорида

Самый старый город Соединенных Штатов. В 1513 году в эти края прибыл Понсе де Леон, в 1563 году испанские солдаты заложили здесь поселение.

Национальный монумент Кастильо де Сан-Маркос: испанский прибрежный форт (начало строительства в 1672 г.).

Отель «Понсе де Леон»: входил в разветвленную империю Генри Флаглера, выросшую во Флориде в конце XIX века. Отель построен в 1887 году в стиле испанского возрождения.

Исторический градостроительный район Сент-Огастина насчитывает большое количество общественных, частных и религиозных зданий, относящихся к началу XVIII – концу XIX века. Среди них – дом, построенный в 1706 году, и кафедральный собор Святого Августина (конец XVIII в.).

Серпент-Маунд

Находится неподалеку от Элмвилля, штат Огайо. Сохранились земляные крепости в виде змеи – артефакты индейской культуры Адена. Музей находится в 60 милях на восток от Цинциннати.

Сиэтл, штат Вашингтон

Исторический район Пайонс-Сквер-Скид Роуд: территория застраивалась уже после Великого пожара 1889 года, во время Клондайкской «золотой лихорадки» в конце XIX века.

Пайонер-билдинг: главное украшение исторического района. Поблизости, в восьми кварталах на северо-запад от Пайонер-Сквер, располагается исторический район общественного рынка Пайк-Плейс (образован в 1907) – ныне он представляет собой 7-акровую торговую зону, где день и ночь толпится народ.

Скоттсдейл, штат Аризона

Талиесин Уэст: комплекс построек, включающий жилые здания, офисы и студии, спроектирован знаменитым американским архитектором Фрэнком Ллойдом Райтом; строительство начато в 1937 году. Комплекс располагается в 13 милях от Скоттсдейла.

Спринг-Грин, штат Висконсин

Талиесин: в 1911-1959 г. здесь размещались дом и студия архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Находится в 40 милях на запад от Мэдисона.

Спрингфилд, штат Иллинойс

Национальный исторический объект дом Авраама Линкольна: будущий президент проживал в этом доме в

1844–1861 годах.

Стэнтон, штат Северная Дакота

Национальный исторический объект индейские деревни Найф-Ривер: памятник культуры равнинных индейцев; расположен в 60 милях на север-северо-запад от Бисмарка.

Таос, штат Нью-Мексико

Таос Пуэбло: индейское поселение, обитаемое с 1600-х годов. Располагается в 65 милях на север-северо-восток от Санта-Фе.

Тарритаун, штат Нью-Йорк

Дом Вашингтона Ирвинга, усадьба Саннисайд: служила жилищем знаменитому писателю в 1835–1859 годах; расположена в 20 милях к северу от Манхэттена.

Таскиджи, штат Алабама

Национальный исторический объект Институт Таскиджи: учебное заведение для чернокожих американцев, основанное в 1881 году Букером Т. Вашингтоном. Здесь же проводил сельскохозяйственные исследования Джордж Вашингтон Карвер. Располагается в 35 милях к востоку от Монтгомери.

Тоналеа, штат Аризона

Национальный монумент навахо: сохранились индейские тропы и руины построек анасази; находится в 130 милях на северо-восток от Флагстаффа.

Топека, штат Канзас

Национальный исторический объект, связанный с делом «Браун против отдела народного образования»: попытка юной Линды Браун посещать начальную школу г. Монро привела к судебному разбирательству, результатом которого стало чрезвычайно важное решение Верховного суда (1954) по вопросу о десегрегации.

Утопические общины

Этот тур по восстановленным местам социального эксперимента может оказаться весьма поучительным для тех, кто рассматривает США как оплот «ярого индивидуализма». Ниже приводится список объектов.

Колонии Амана, Амана, штат Айова: немецкое сообщество, которое переселилось в Айову в 1850-х годах; с 1932 года установило нынешний общественный порядок. Колонии располагаются в 17 милях на юго-восток от Седар-Рапидс.

Бишоп Хилл, штат Иллинойс: поселение основано в 1846-1861 годах шведскими религиозными диссентерами; расположено в 160 милях на запад-юго-запад от Чикаго.

Эфрата Клойстер, Эфрата, штат Пенсильвания: создано в 1732 году Конрадом Бейсселем и его последователями; располагается в 65 милях к северо-западу от Филадельфии.

Исторический район музей «Fruitlands»: место, где существовала утопическая община известного трансценденталиста Бронсона Олкотта.

Нью-Хармони, штат Индиана: место, где в начале XIX века представители религиозного Общества гармонии (идеолог – Джордж Рапп) проводили свой утопический эксперимент. В дальнейшем «гармонисты» покинули эти места, передав эстафету менее религиозному реформатору – Роберту Оуэну с его «Утопией». Место расположено в 170 милях на юго-запад от Индианаполиса.

Музей Олд-Аурора-Колони, Аурора, штат Орегон: немецкое утопическое сообщество на северо-западном побережье Тихого океана; располагается приблизительно в 25 милях на юг от Портленда.

Олд-Экономи-Виллидж, Амбридж, штат Пенсильвания: в 1824 году здесь возникла колония «гармонистов» (просуществовала до 1905 г.);

располагается примерно в 20 милях на северо-запад от Питтсбурга.

Дом-усадьба общества Онеида, Онеида, штат Нью-Йорк: коммуна перфекционистов под руководством Джона Хамфри Нойеса; располагалась в 28 милях к востоку от Сиракуз.

Деревни шейкеров: посетители могут ознакомиться с восстановленными поселениями, в которых проживали последователи «Матери» Энн Ли. Как известно, шейкеры основали целый ряд деревень на северо-востоке и северо-западе страны. Рекомендуемые объекты для осмотра: деревня Кентербери, Кентербери, штат Нью-Хэмпшир; деревня Хэнкок, Питтсфилд, штат Массачусетс; исторический район шейкерской деревни в Гарварде, Гарвард, штат Массачусетс; Сабатдэй, деревня Лейк-Виллидж, Нью-Глостер, штат Мэн; деревня Плезант-Хилл, Хэрродсберг, Кентукки; шейкерский исторический район Уотервлиет, Колони, штат Нью-Йорк.

Государственный мемориал Зоар-Виллидж, Зоар, штат Огайо: место, где в 1817-1898 годах существовало утопическое общество немецких сепаратистов; располагается в 10 милях к югу от Кантона, штат Огайо.

Филадельфия, штат Пенсильвания

Поселение задумано как триумф идеалистической мысли (и геометрии). Свой «город братской любви» Уильям Пенн представлял в виде города с геометрической разбивкой на улицы, где были предусмотрены места для площадей и скверов. Работа началась в 1682 году, а к 1700 году здесь уже проживали 4400 человек. После возникновения Американской республики Филадельфия некоторое время играла роль главного города США. Благодаря своим знаменитым жителям (таким как Бенджамин Франклин) и не менее знаменитым историческим событиям (таким как принятие Декларации

независимости и конституции США) Филадельфия стала символом республиканской жизни.

Национальный исторический парк независимости (в США его называют «Исторической квадратной милей Америки») содержит свыше дюжины исторических мест, строений и артефактов, связанных с рождением нации. Среди них:

Карпентерс-холл (1770): место, где проходил Первый Континентальный конгресс.

Конгресс-холл (1789): в 1790–1800 годах здесь заседали сенат и палата представителей США.

Индепенденс-холл (1754): здание было построено в качестве законодательного собрания штата. Эти стены стали свидетелями многих исторических событий. В 1775 году здесь проходил Второй Континентальный конгресс; в 1776 году принята Декларация независимости; в 1777 году разработан проект американского флага и ратифицированы «Статьи Конфедерации»; в 1787 году составлена и подписана конституция США.

Олд-Сити-холл (1791): в этом здании в 1791–1800 годах заседал Верховный суд США.

Второй банк Соединенных Штатов (1824): величественное здание, где на непродолжительный период располагалась частная банковская корпорация – до того, как в 1833 году президент Эндрю Джексон ее разрушил.

Хартфорд, штат Коннектикут

Дом Марка Твена: знаменитый автор проживал здесь в 1874–1891 годы. Расположен в 119 милях к северо-востоку от Нью-Йорка.

Хермитидж, штат Теннесси

Дом Эндрю Джексона: это строение 1836 года стало домом для седьмого президента США и 140 его рабов. Расположено в 12 милях к востоку от Нашвилла.

Ходженвилл, штат Кентукки

Национальный исторический объект дом Авраама Линкольна: расположен в 50 милях на юг от Луисвилла.

Хонауна, штат Гавайи

Национальный исторический парк Пуухонуа-О-Хонауна: посетители могут увидеть сохранные и отреставрированные объекты – особые королевские земли и пуухонуа (святилище). Находится в южной и юго-западной части острова Гавайи.

Чарлстон, штат Южная Каролина

Основан английскими колонистами в 1670 году, служил столицей колонии Каролина. Город возник и рос благодаря развивающейся торговле сначала рисом и индиго, затем – хлопком и рабами. Чарлстон являлся также политическим центром борьбы за гражданские права американцев и, позже, сепаратизма. Исторический район города включает в себя свыше 1400 примечательных объектов. Вот некоторые из них:

Дом Уильяма Энстона: в конце XIX века здесь располагался приют для немощных и престарелых граждан.

Национальный памятник Форт Самтер: см. Места сражений: гражданская война.

Синагога Кахал Кадош Бет-Элохим (1840): конгрегация основана в 1749 году.

Дом Джозефа Маниголты (1803): построен в федеральном стиле (см. также дом Натаниэля Рассела, построенный в 1808 г.).

Маркет-Холл (1840-1841): торговый центр, выполненный в стиле греческой неоклассики.

Старая молельня Методистской объединенной церкви (1807): изначально использовалась смешанной конгрегацией. Затем здание перешло в пользование афроамериканцев (1825); белые жители построили себе новую церковь.

Старый невольничий рынок (1859): место, где устраивались невольничьи аукционы.

Пороховой погреб(1713): складское помещение, которое в колониальные времена использовалось для хранения пороха.

Католическая церковь Святой Марии (1839): здание в стиле высокого Возрождения.

Епископальная церковь Святого Михаила: здание построено в середине XVIII века, с его кафедры выступал Джордж Вашингтон.

Епископальная церковь Святого Филипа (1838): известна благодаря своей высокой колокольне и могилам знаменитостей на церковном кладбище.

Здание таможни Соединенных Штатов: строительство начато в 1835 году, но завершено уже после реконструкции.

Чикаго

Его называют «Городом ветров», «Вторым городом» или (с легкой руки поэта Карла Сэндберга) «Городом с широкими плечами». Чикаго основан в 1779 году как торговый форт, городом считается с 1833 года. В разрушительном пожаре 1871 года погибли сотни людей, треть всех жителей осталась без крова. Двадцать лет спустя город вновь был отстроен – теперь уже как крупный деловой центр с промышленными предприятиями и фешенебельными кварталами. В современном Чикаго можно найти великолепные образцы архитектурного стиля «Чикагская школа», так же как и уличные скульптуры, выполненные Пикассо, Шагалом, Миро, Олденбергом и Калдером.

Аудиториум-билдинг (1889): величественный театральный зал, заключенный в оболочку из 10-этажных корпусов, выглядит прекрасной драгоценностью на улице Саут-Мичиган авеню. Спроектировали его архитекторы Луис Г. Салливен и Данкмар Адлер.

Универмаг Карсона, Пири, Скотта и К° (1899-1904): построен по проекту Луиса Г. Салливена, изменения и

добавления Дэниела Бернэма.

Историческое место Чикагского пожара: пожар 1871 года начался в маленьком сарае, принадлежавшем семейству О'Лири, и продолжался с 8 по 10 октября. Пламя разрушило едва ли не всю центральную часть Чикаго, отправив на тот свет 1 % населения. Располагается на улицах ДеКовен и Джефферсон-стрит.

Чикагский театр (1921): здание кинотеатра с необычным куполом.

Грант-Парк: великолепный муниципальный парк на берегу озера Мичиган; разбит после пожара 1871 года.

Хэймаркет-сквер: место рабочей демонстрации, жестоко подавленной полицией 4 мая 1886 года; располагается по соседству с Дисплейнс и Рэндольф-стрит.

Дом-музей Эрнеста Хемингуэя: расположен в пригороде Оук-Парк.

Халл-хаус: здесь, в рабочем районе Южный Халстед Джейн Адамс устроила благотворительное общежитие для бедных иммигрантов (начало 1889).

Монаднок-билдинг (1891): одно из первых каркасных высотных зданий спроектировано Дэниелом Бернэмом и Дж. Рутон.

Пульман (1880-1894): рабочий поселок на юге Чикаго, построенный одноименной компанией по выпуску железнодорожных вагонов; включал в себя заводские здания, жилье для рабочих и административные здания.

Рилайенс-билдинг (1890-1895): здание построено Дэниелом Бернэмом и Дж. Рутон.

Роби-хаус (1909): построен Фрэнком Л. Райтом в стиле «дома прерий».

Рукери-билдинг (1888): дом спроектирован Дэниелом Бернэмом и Дж. Рутон.

Юнити Темпл (Храм единства, 1906): здание построено по проекту Фрэнка Ллойда Райта в Оук-Парк,

штат Иллинойс.

Водяная башня: это здание вместе со старой насосной станцией стали единственными строениями на Мичиган-авеню, которые уцелели в пожаре 1871 года.

Дом Иды. Б. Уэллс: в этом доме с 1919 по 1930 год проживала Ида Уэллс, знаменитый борец за гражданские права афроамериканцев.

Дом Фрэнка Ллойда Райта (1889-1898): в этом здании в Оук-Парк, расположенном в западной части города, располагались дом и студия знаменитого архитектора.

Чилликоте, штат Огайо

Национальный исторический парк хоупвеллской культуры: земляным курганам и насыпям, оставшимся от хоупвеллской культуры, 2 тыс. лет. Расположены в 50 милях на юг от Колумбуса.

Чинли, штат Аризона

Национальный памятник Каньон Де Челли: содержит руины жилищ коренных американцев, построенных в 350-1300 годы. Памятник расположен в 100 милях к северо-западу от Галлапа, штат Нью-Мексико.

Шарлоттсвилл, штат Виргиния

Монтичелло: имение Томаса Джефферсона в стиле классического Возрождения. Здание заложено в 1768 году, строительство и переделка продолжались до 1809 года.

Виргинский университет: учебное здание построено по проекту Томаса Джефферсона; получило хартию в 1819 году.

Эвансвилл, штат Индиана

Государственный исторический объект Анджел Маундс: здешние берега Огайо служили пристанищем для миссисипской культуры в 1100-1450 годах. Объект располагается в 168 милях на юго-запад от Индианаполиса.

Эппс, штат Луизиана

Национальный монумент Поверти-Пойнт:

уникальный памятник древней индейской архитектуры (возраст 3 тыс. лет). Расположен в 50 милях к северо-западу от Вика-Бурга, штат Миссисипи.

Эри-канал

Составная часть Нью-Йорк-Стейт-Барж-канал – системы водных путей на северо-востоке США. Открытие Эри-канала, связавшего Атлантическое побережье и старые северо-западные территории, позволило снизить грузовые тарифы, способствовало расширению национальной торговли, превратило Нью-Йорк в крупнейший порт США, способствовало освоению Запада и положило начало «лихорадке каналостроения», охватившей молодое государство. Вот главные объекты, которые современный пассажир может наблюдать, путешествуя по каналу с востока на запад: природный заповедник Вишер-Ферри, Клифтон-Парк; государственный исторический объект Скохари-Кроссинг, форт Хантер; Эри-канал Вилидж, Рим; государственный парк старого Эри-канала и городской музей канала, Канастота; музей «Лодочная пристань», Читтенанго; музей Эри-канала, Сиракьюз; государственный парк «Конечный пункт канала», Медина; исторический центр Эри-канала, Локпорт.

Эунайс, штат Луизиана

Культурный центр акадской прерии: обучающий центр с демонстрацией фильмов и выставками, посвященными культуре каджунов. Рассказывают историю акадцев, которые поселились в Луизиане после того, как в середине XVIII века их изгнали из Нова-Скотии. Центр располагается приблизительно в 80 милях к западу от Батон-Руж. Другие места, отмеченные Службой национальных парков как относящиеся к акадской культуре: Акадский культурный центр, Лафайетт, штат Луизиана;

культурный центр Ветланд-Кажун, Тибодо, штат Луизиана.

Эшвилл, штат Северная Каролина

Поместье Билтмор (1895): крупнейший частный особняк в США, построен для Джорджа Вандербилта. Архитектор Ричард Моррис Хант, ландшафтные работы Фредерика Лоу Олмстеда.

notes

Примечания

1

«Нижними» называют 48 американских штатов за исключением Аляски и Гавайев. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Дакоты – западная территория, существовавшая до 1889 г., когда законодательно оформились современные штаты Северная и Южная Дакота.

3

Кивы – круглые землянки.

Вудленд – применяемое в археологии и этнографии название территории на северо-востоке Северной Америки.

Сенегамбия – французская колония в северо-западной Африке, на Атлантическом побережье, занимала территорию между реками Сенегалом и Гамбией.

«Срединный переход» – путь из Африки в Америку вдоль одной из сторон незримого треугольника (т. и. «треугольника работорговли»).

Филиокве – принятое I и II Вселенскими соборами добавление к христианскому символу веры, согласно которому Святой Дух исходит не только от Бога-отца, но и от Бога-сына.

Согласно закону о гербовом сборе, для любых деловых операций, в том числе для коммерческих сделок, необходимо было покупать разрешительные марки.

«Минитмены» (букв. «люди минуты») – участники местного ополчения, организованного Корреспондентским комитетом; по тревоге они должны были в течение нескольких минут привести себя в состояние боевой готовности и прибыть к месту сбора.

В 1913 г. специальной поправкой к конституции были введены прямые выборы сенаторов.

Верховный судья Джон Маршалл сформулировал следующий принцип: племена обладают статусом государственности и неотъемлемым правом на самоуправление.

«Ода». Перевод А. Шараповой.

Перевод В. Марковой.

«Из многих – единое» *(лат.)*.

Законы Джима Кроу - неофициальное широко распространенное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США (1890-1964); по имени комического персонажа - плохо одетого неграмотного негра.

Поводом для этого прозвища послужило высказывание самого Т. Рузвельта. Как-то раз он заявил, имея в виду поведение этого животного во время брачного периода: «Я силен, как лось». После этого его детище прозвали «Партией лося».

Перевод А. Сергеева.

Таммани-Холл – штаб демократической партии в Нью-Йорке.

Брасеро – мексиканцы, получившие разрешение на кратковременное пребывание в США в качестве сезонных рабочих.

Дискреционный доход – часть личного дохода, которая остается после удовлетворения основных потребностей.